ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМЕНИ ШИГАБУТДИНА МАРДЖАНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

На правах рукописи

Гапсаламов Алмаз Рафисович

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТАТАРСКОЙ АССР В 1920-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ: СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант –
доктор исторических наук
профессор Рашит Алимович
Мухамедов

Казань – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	4
1.	**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕМЫ**	24
1.1.	Основные методологические подходы к изучению темы	24
1.2.	Историография проблемы	41
1.3.	Источниковая база исследования	88
2.	**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1920-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ**	120
2.1.	Факторы и способы реализации государственной промышленной политики	120
2.2.	Структура и функции органов, реализующих государственную промышленную политику	136
2.3.	Роль и место партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в реализации промышленной политики	147
2.4.	Управленческие кадры: номенклатура, подготовка и ротация	162
2.5	Промышленно-производственные кадры Республики Татарстан	190
3.	**СТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ**	210
3.1.	Промышленность Татарстана: историко-статистический анализ	210
3.2.	Усиление самостоятельности в деятельности республиканской промышленности в годы НЭП	221
4.	**РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ КОНЦА 1920-х – НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ**	254
4.1.	Реализация промышленной политики	254
4.2.	Реформирование местных органов управления промышленностью в условиях отраслевой централизации второй половины 1920–начала 1940-х гг.	260
4.3.	Органы управления промышленностью в годы Великой Отечественной войны: структура и функции	280
4.4.	Эвакуация и реэвакуация промышленных предприятий в 1941–1949 годы	294
4.5.	Организация управления республиканской промышленностью в 1946–1956 годы	303
4.6.	Отражение организационных изменений на экономических показателях развития промышленности Татарстана в конце 1920-х –1950-е годы	318
5.	**РОЛЬ И МЕСТО СОВНАРХОЗОВ В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ ТАТАРСТАНА**	353
5.1.	Направления промышленной политики и показатели производства СССР в 1956–1965 годы	353
5.2.	Приоритеты и темпы промышленного роста в Татарской АССР во	371

второй половине 1950–начале 1960-х годов
5.3. Республиканские совнархозы: организация, функции, конечная эффективность 397
6. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТАССР В ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ (СЕРЕДИНА 1960-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.) 425
6.1. Новые акценты в советской промышленной политике, и ее реализация на территории Татарстана 425
6.2. Реализация реформ А.Н. Косыгина в регионе: направленность и конечная эффективность 431
6.3. Роль территориально-промышленного комплекса в системе управления промышленностью 452
6.4. Общие итоги промышленного развития Татарстана 467
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 485
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 495
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 553
ПРИЛОЖЕНИЯ 556

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современная экономика Российской Федерации переживает сложный период своей многовековой истории. Трансформация командной экономики в рыночную, начатая в конце 1980-х – начале 1990-х годов не завершена и через три десятилетия. В современных условиях она приобретает новые задачи, обусловленные очередной технологической революцией, именуемой цифровизацией или четвертой промышленной революцией. Этому же способствуют и события, связанные с началом специальной военной операции на Украине, введению санкций против России, прекращению международных связей между странами и в целом выстраиванию «занавеса», аналогичному тому, который существовал во времена СССР. Нарушение торговых связей между странами, создание санкционных барьеров, угроза новой глобальной войны ставят под вопрос идею существующего миропорядка, основанного на свободной торговле и глобализирующихся рынках.

В этих условиях обстоятельный анализ исторического прошлого, укоренившихся за XX век механизмов управления, достижений и просчетов командной экономики советского периода, выявление региональных особенностей и практик управления экономическими изменениями приобретает научно-практическую значимость. В новой реальности начинается поиск иных «правил игры», механизмов и инструментов. Это не значит возвращение к командным принципам управления, но определенные его достижения, несомненно, будут использоваться современной экономикой.

Причины современных трудностей и противоречий, а также возможные направления будущего развития государства, невозможно понять без комплексного анализа происходившей в стране на протяжении XX века модернизации индустриального сектора экономики. Являвшийся долгое время «локомотивом» роста отечественной экономики, в конце столетия он оказался

во многом не способным конкурировать с промышленностью стран, вступивших в эпоху нового витка научно-технического прогресса.

Индустриальный тупик во многом объясняется серьезными просчетами в проведении государственной промышленной политики. Достижения советской индустрии второй трети XX столетия, связанные с массовым, стандартизированным производством, концентрацией производства, специализацией, ориентацией на ведущие отрасли экономики, обернулись затяжной стагнацией и кризисом, когда руководство страны не смогло адаптироваться к текущим экономическим трендам и вызовам, ориентированным на новые отрасли научно-технической революции и иному отношению к производственным процессам. Допустив ряд грубых просчетов оно уже не увидело, не смогло, а возможно и не захотело перестроить экономику в угоду новым реалиям. «Дыхание» нового времени уловить, оставаясь на уровне устаревшей индустриальной технической и технологической основы, оказалось невозможно.

Нам видится, что отдельное, важное место в промышленной политике, обусловившее специфику хозяйственного уклада советского государства и повлиявшее на дальнейший ход ее развития, стала система управления отечественной индустрии. Во многом от ее эффективности зависела общая результативность производственных процессов и их воздействие на социальную сферу. Опыт социалистического строительства показал ее адаптивные возможности в зависимости от трансформации государственной экономической политики, и связанной с реорганизациями форм централизованного и децентрализованного управления. Реагирование системы на вызовы внешней и внутренней среды является доказательством значимости структурных преобразований для создания предпосылок роста, поддержания или ускорения производственных показателей.

В этой связи объективный научно обоснованный исторический анализ государственной промышленной политики, а также системы управления как ее составной части приобретает научно-теоретическую и научно-практическую

значимость. В историко-экономическом осмыслении нуждаются вопросы направлений государственной политики в области промышленности, формирования и эволюции институтов управления, а также раскрытие их отличительных признаков, особенностей функционирования на разных этапах развития и особенностей проявления.

Интерес к представленной теме обусловлен и возможностью более детального исследования организационных изменений системы управления промышленностью СССР, путем анализа мероприятий и последствий общегосударственных реформ изучая их на примере отдельных республик. Именно регионы являются «лакмусовой бумажкой» эффективности проводимых преобразований. Исследование должно ответить на вопрос результативности государственной промышленной политики и системы управления на местах, и почему на некоторых этапах своего развития командная система управления на территориальном уровне чередовала значительные успехи и не менее серьезные провалы.

Не случайно, в этой связи, в качестве исследуемого субъекта была взята Республика Татарстан (Татарская АССР). В настоящее время республика входит в число регионов, которые заметно влияли и влияют на положение дел в стране в целом. Ее современный промышленный и экономический потенциал достаточно высок, что объясняется, на наш взгляд, накоплением в течение продолжительного времени уникального опыта в вопросах управления и региональной экономической политики. Но так было не всегда. Становление и развитие республики в прошлом сопровождалось комплексным воздействием внутриполитических и экономических факторов, распоряжениями центральных органов хозяйственного, советского и партийного управления, влиянием национальной элиты. В свою очередь все это оказывало сильнейшее напряжение на систему управления промышленности, а значит и на те решения, которые принимались республиканскими органами управления, и не всегда идущие в русле интересов Республики Татарстан.

В целом, актуальность обращения к историческому опыту управления экономикой в разрезе ее отдельных регионов обусловлена следующими аспектами.

Во-первых, актуальность заявленной проблемы определяется исследованием результативности государственной промышленной политики, а также поиском новых форм и иных действий по поддержанию эффективной экономики. И здесь одним из факторов поступательного развития могут стать организационные преобразования в экономике страны.

Во-вторых, автором рассматривается советский период (1920–первая половина 1980-х гг.). Казалось бы, зачем изучать советское прошлое, советскую модель управления промышленностью, если советской политической и экономической системы уже не существует. Мы полагаем, что обращение к изучению опыта советского прошлого не утратило своей актуальности. Назрела необходимость комплексного исследования особенных черт модели централизованного государственного управления, от ее появления и до момента слома системы. В рамках этой модели были опробованы меры по децентрализации управления и отраслевой централизации, что возможно рассматривать как способность к эволюции и изменчивости. Однако, данное предположение нуждается в конкретно-историческом изучении.

В-третьих, важность заявленной проблемы в общем контексте модернизации промышленности и эволюции системы управления промышленностью обусловлена также недостаточной ее изученностью на местном уровне. Вопросы региональной экономики и вытекающие отсюда проблемы развития системы управления ее отраслями, реорганизации в органах управления практически не отражены в теоретических исследованиях. В этих условиях существует необходимость детального анализа процесса становления и развития систем управления промышленностью страны и республики, во всем их противоречивом многообразии.

Актуальность избранной темы определяется и запросами самой исторической науки, для более полного и адекватного отражения истории

советской экономики, происходивших в прошлом процессов, что важно для патриотического воспитания молодого поколения и формирования гражданственности у россиян.

Объектом исследования является государственная промышленная политика СССР в условиях становления и развития централизованной плановой системы управления.

Предмет изучения – совокупность мероприятий по управлению промышленностью СССР, изменения и эволюция способов воздействия центральной и региональной власти на индустриальный сектор экономики Татарской АССР на разных этапах исторического развития страны (1920–первая половина 1980-х годов), их отражение на социальных процессах. Основываясь на конкретно-историческом материале, автор прослеживает процессы становления командной экономики, определяет силы и возможности альтернативных моделей регионального управления, чередование циклов (волн) централизованного и децентрализованного управления промышленностью в Татарской АССР (Республике Татарстан), выявляет причины, элементы и механизмы трансформации управленческой модели в условиях позднего индустриализма.

Цель диссертационной работы является исследование социально-управленческого аспекта функционирования промышленности Татарской АССР в 1920-х–первой половине 1980-х годов в рамках государственной промышленной политики, и в контексте ее централизации и децентрализации. Данная цель сформулирована для определения устойчивости и жизнеспособности системы управления промышленностью регионов к концу 1970 – середине 1980-х годов, способности отвечать на технологические вызовы очередного этапа модернизации (всеобщей компьютеризации, цифровизации) и в целом постиндустриальных тенденций в мире.

Цель исследования определяет его конкретные **задачи**:

1. На основе историографического и источниковедческого анализа, а также обосновании методологического конструкта исследования, сформировать

представление о проводимой государственной промышленной политике, в ее формах централизации и децентрализации, исследовать основные особенности процесса модернизации.

2. Показать воздействие факторов на реализацию государственной промышленной политики, структуру и функции органов управления, роль партийных и профсоюзных органов на организацию промышленности региона, формирование производственно-промышленных кадров Татарской АССР, а также складывание советских управленческих кадров.
3. Выявить причины изменения форм управления промышленностью в период НЭП и основные мероприятия по децентрализации управления, а также вызванные этим последствия для промышленности Татарской АССР.
4. Показать особенности государственной политики в области промышленности, возрастание роли и значения управленческих кадров, а также организационную трансформацию системы управления промышленностью СССР в условиях отраслевой централизации второй половины 1920 – начала 1940-х годов, Великой Отечественной войны и в послевоенный период в общегосударственном и республиканском разрезе.
5. Исследовать воздействие внешней и внутренней среды на направления промышленной политики и показатели производства СССР в 1956–1965 годах; выявить приоритеты и показатели промышленности Татарской АССР.
6. Рассмотреть особенности трансформации государственной промышленной политики в середине – второй половине XX столетия и системы управления промышленности Татарской АССР в 1957–1964 годах, показать возможности и ограничения территориального фактора в деятельности Татарского и Средневолжского совнархозов.
7. Исследовать новые акценты в промышленной политике страны и их воздействие на систему управления промышленностью Татарской АССР, определение степени ее эффективности в 1965–середине 1980-х годов;

показать роль территориально-промышленного комплекса в системе управления промышленностью страны и региона.

8. Показать общие итоги промышленного развития Татарстана.

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (Татарской АССР, ТАССР), являвшейся частью территории РСФСР (важно, что в работе равноценно употребляются два термина Татарская АССР и Республика Татарстан, как принято в исторической науке). В тоже время, рассматривая деятельность Средневолжского экономического района (1962–1964 годы), автор расширяет территориальные границы, включая не только территорию ТАССР, но и Башкирскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, а также Куйбышевскую область.

Одновременно с этим при сопоставлении показателей экономического развития, организационных изменений в системе управления отраслей и республик автор расширил рамки исследования до размеров территории СССР. Для количественной и качественной оценки производственного потенциала страны, приводятся сравнения с США и стран Западной Европы.

Хронологические рамки диссертации ограничены 1920-м – первой половиной 1980-х годов. Обоснование хронологических рамок исследования, вызвано рядом особенностей и ограничений, определивших наш выбор. К ним мы относим:

- сложность оценки эффективности административно-командной экономики в фазах централизации или децентрализации;

- ключевые реформы в области модернизации системы управления промышленностью;

- результативность проводимых государственных реформ возможно оценить по степени их последующего влияния на экономику и общества страны и региона, на протяжении длительных периодов времени.

В структуре работы мы выделяем четыре основных этапа: 1) 1920-й – 1927-й год, 2) 1928-й – первая половина 1950-х годов, 3) вторая половина 1950-х – середина 1960-х годов, 4) вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов. Представленная систематизация обусловлена основными структурными процессами, происходившими в промышленности страны и республики, вызванные важными реформами системы управления, а также чередованием волн централизации и децентрализации.

Начальный период исследования обусловлен территориально-административными изменениями, и созданием Татарской АССР (создание республики было провозглашено декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР 27 мая 1920 года). На данном этапе в высших эшелонах власти шли острые дискуссии по вопросам дальнейшего пути развития государства и системы его управления, в области управления промышленностью оттачивались механизмы системы управления, активную роль приобрели Татарский совнархоз и тресты. Для нашего исследования данный период, прежде всего, важен с позиции исследования механизмов становления и совершенствования системы управления промышленностью, апробировании централизованных и децентрализованных форм управления, а также поиском новых кадровых и управленческих решений для стабилизации экономической ситуации в стране и регионе.

Второй период, наиболее длительный в представленном диссертационном исследовании, и обусловлен созданием и функционированием системы сверхцентрализованного управления промышленностью (принятие ЦК партии 5 декабря 1929 г. Постановления «О реорганизации управления промышленностью»). Начальные рамки связаны с началом массовой индустриализации промышленности СССР, которая приняла специфические и противоречивые формы, сформировав сверхцентрализованный аппарат управления. Созданная модель управления, основанная на жесткой иерархии и подчинении, во многом помогла стране одержать победу над фашистской Германией, однако с ее окончанием постепенно стала обнаруживаться

необходимость смены парадигмы государственного управления, смягчения существующих механизмов управления. Жесткая иерархия и ведомственность служили тормозом развития отношений между Центром и республикой, что определило начало следующего этапа взаимоотношений центральных и территориальных органов управления.

Отдельное место в исследовании мы отвели периоду середины 1950-х – первой половины 1960-х гг., что обусловлено внедрением механизмов децентрализации в рамках административно-командной экономики (принятие в мае 1957 г. Верховным Советом СССР Закона СССР о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством).

Конечный этап исследования – вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов – показывает, что ошибки, допущенные руководством, волюнтаризм и отсутствие реальных действий по развитию территориальных принципов управления, обусловили возвращение руководства в рамки централизованного отраслевого управления. Середина 1980-х годов не случайно стали завершающими в исследовании. Сложившаяся модель советского управления экономикой, в последующие годы уже не подвергалась серьезной трансформации. Реформа 1979 года (Постановление Совета Министров СССР, 12 июля 1979 г. О дополнительном расширении прав министерств и ведомств СССР и о передаче на решение Советов Министров союзных республик некоторых вопросов хозяйственного строительства) стала завершающей в череде знаковых преобразований системы управления промышленностью СССР. Вплоть до середины 1980-х годов по инерции продолжались структурные преобразования, но которые не смогли привести к какому-либо организационному импульсу. Данный факт наглядно показывает истощение управленческого потенциала командной экономики. Государство практически полностью отказалось от реорганизации отраслевой и территориальной системы управления и переориентировалось на преобразования ее низовых форм и звеньев на уровне предприятий.

В ряде случаев хронологические рамки исследования были расширены до 1913 г. с целью провести сопоставительное сравнение роста отечественной экономики с рассматриваемым периодом. Одновременно, с этим значительны материал посвящен вопросам установления в России советской власти, проведением политики «военного коммунизма», новой экономической политики и первыми попытками создания системы управления промышленности в стране и регионе. Постреволюционные события стали временем отчета новой системы, основанной на методах социалистического управления экономикой.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задачами предпринятого исследования. В работе над диссертационным исследованием были использованы новые методологические подходы исторической науки, которые помогли пересмотреть традиционные взгляды к реализации государственной политики в области промышленности СССР и причин модернизации системы ее управления и трансформации советской элиты. В частности, особое место было отведено исследованию цикличности преобразований системы управления промышленностью, а также воздействию факторов внутренней и внешней среды на проводимую промышленную политику в длительном хронологическом периоде. Научная новизна обеспечивается также использованием архивных материалов, впервые вовлеченных в научный оборот и собранных автором в фондах центральных и региональных архивохранилищ Российской Федерации, а также критическим переосмыслением идей советских (российских), а также зарубежных исследователей, занимавшихся изучением вопросов промышленной политики и системы управления промышленностью СССР.

Комплексный подход на большом историческом интервале позволил выявить долговременные тенденции в развитии системы управления промышленностью, определить соотношение общесоюзных и региональных особенностей, а также специфику взаимоотношений разных уровней

государственного управления на разных этапах существования плановой системы.

Диссертационное исследование является первой обобщающей работой, в которой исследуется процесс создания и развития аппарата управления промышленностью Республики Татарстан (в рассматриваемый период Татарской АССР) в 1920-м – середине 1980-х годов. Автором впервые дан системный и комплексный анализ проблем, связанных с деятельностью местных органов управления промышленностью во взаимосвязи с общегосударственными процессами, проанализировано влияние общегосударственной политики, проводившихся реформ общесоюзной системы управления промышленностью на аппарат управления региона, выявлена непоследовательность и противоречивость некоторых преобразований. Одновременно с эволюцией и развитием системы управления показана трансформация советской региональной номенклатурной элиты как ее составного элемента.

Исследование показало, что социалистическая идеология, основанная на социальном равенстве, уничтожении частной собственности, государственном регулировании, не могла строиться на организационных институтах предшествующего периода, ибо они в новых революционных условиях становились рудиментом системы. Основным направлением промышленной политики в постреволюционный период стал курс на огосударствление промышленности и ее централизацию. В условиях гражданской войны требовалась консолидация всех имеющихся ресурсов и, как следствие, создание централизованной системы управления, которая подчинила бы своему контролю все объекты управления. В свою очередь, реализация данных задач, требовала обособления государственных управленческих структур и фактического создания особого их слоя – номенклатуры.

Автором доказано, что, несмотря на несомненное желание большевистской власти усилить централизованное воздействие на промышленность Татарской АССР, претворить эти идеи в полном объеме в

первой половине 1920-х годов не удалось, что было вызвано объективными причинами. Экономический и ресурсный коллапс вынудил руководство пойти по пути частичной децентрализации. В свою очередь, стремление к централизации при одновременном направлении на децентрализацию вносило сумятицу в деятельность республиканских органов управления. Действующие органы управления (Татарский СНХ, тресты) вынуждены были сочетать функции отраслевого и территориального управления, что значительно усложняло и дестабилизировало их работу. Фактически это доказывает, незавершенность создания системы государственного управления промышленностью на данном этапе социалистического строительства.

Автор на уровне региона впервые показал организационные изменения в системе управления промышленностью СССР в контексте создания и эволюции централизованной модели управления. В диссертации доказано, что благодаря экономическому воздействию и влиянию внешнеполитических процессов в последней трети 1920-х – 1930-е гг. значительно изменился вектор модернизационного развития государства, что, в свою очередь, отразилось на модели управления, которая приобрела черты сверхцентрализации, яркими проявлениями которой стали чрезмерный контроль и попечение промышленности. Тренд модернизации региональной промышленности совпал с общегосударственными задачами, связанными с ускоренным переходом от традиционного общества к индустриальному. Переориентация государственной промышленной политики в пользу региона, подкрепленная возрастающими инвестициями, способствовали не только росту экономических показателей, но и изменению структуры промышленности, росту образования. На примере промышленности ТАССР показана эффективность созданной модели в условиях военных действий 1941-1945 гг., когда система управления промышленности практически не претерпела изменений. Одновременно с этим было показано, что в условиях мирного времени сверхцентрализация становилась излишней, источником торможения промышленного развития страны и республики.

На основе широкого круга исторических источников автором были выявлена сущность, проанализированы основные направления, показатели и особенные черты экономического развития СССР в 1956–1965 годах. Была определена система факторов внутренней и внешней среды, влияющих на политическое и экономическое развитие страны (начало «холодной войны» и гонки вооружений, значительные и постоянно растущие военные расходы, начало нового этапа научно-технической революции и т.п.). На региональном уровне на показателях роста индустрии доказано воздействие и нескольких специфических факторов. В частности, добыча нефти и газа, способствовали усложнению и расширению структуры промышленности Татарской АССР за счет появления сопутствующих отраслей. В свою очередь это привело к необходимости вовлечения в промышленность новых рабочих рук за счет местного населения и заметному возрастанию его квалификации. На конкретных экономических результатах развития Татарской АССР показана результативность общегосударственной политики в области промышленности.

Рост экономических показателей не мог быть достигнут без изменения существующей модели сверхцентрализованной экономики, с ее контролем и регламентацией всех сторон экономической и социальной сферы. Частичные преобразования не давали импульс к переходу на новый уровень производственных отношений. Государственная промышленная политика, направленная на создание в 1957 г. советов народного хозяйства, с одной стороны, сыграла позитивную роль, дала возможность комплексному развитию промышленности экономических районов, с другой стороны, новая система управления не смогла пробить брешь в системе административно-ведомственного управления. На примере деятельности Татарского, затем Средневолжского совнархозов показан возвратный процесс постепенной эволюции территориального управления в отраслевое управление.

Представленное исследование позволило выявить закономерности эволюционирования промышленной и номенклатурной элиты государства в зависимости от реформ, которые в стране осуществлялись. Централизация или

наоборот, децентрализация системы управления формировали особые свойства и качества советской элиты. К примеру, централизация управления второй половины 1920 – первой половины 1950-х годов позволила сформировать крайне консервативный центральный аппарат номенклатурной элиты, в тоже время децентрализация управления периода Н.С. Хрущева дала возможность региональной элите занять важное место в системе управления государством, она стала претендовать на особый статус в системе властных отношений.

Введенные в оборот архивные материалы убедительно доказывают, что проведение реформ системы управления промышленностью во второй половине 1960-х гг. в целом благотворно сказались на развитии экономики Татарской АССР, по многим производственным показателям республика вышла на лидирующие позиции в СССР. Однако отсутствие серьезных организационных изменений к середине 1980-х годов привело к ее застою и последующему спаду экономических показателей.

Положения диссертационного исследования основаны на междисциплинарной интеграции исторической и экономической науки и богатого арсенала методологии и теоретического базиса.

Основные положения, выносимые на защиту по результатам работы:

1. В ходе исследования были выявлены основные тенденции в государственной промышленной политике. Первой и ведущей была тенденция к централизации управления. Однако на отдельных этапах имела место и тенденция к децентрализации в рамках существующей модели централизованного управления. В то же время не выявлена четкая последовательность циклов чередования централизованной/децентрализованной моделей управления. Исследование показало, что децентрализация не отменяла централизованный характер управления экономикой, фактически смена одной формы другой при неизменности принципов командной экономики было обусловлено воздействием внешних и внутренних факторов. В этой связи можно утверждать, что децентрализация являлась неким квазипроцессом, не

отражающим в полном смысле делегирование полномочий управления региональным или местным органам власти.

2. Государственная собственность на средства производства, плановость и новая идеология требовали от большевиков создания иной платформы управления. Прежние институты и механизмы не могли быть использованы руководством, требовалась новая организация системы управления промышленностью в рамках страны и регионов.

Исследование показало параллельность, взаимозависимость и взаимообусловленность систем государственного и регионального управления промышленностью. Создание и совершенствование институтов и механизмов управления промышленностью Советской России (позже СССР) требовало проведения аналогичных мероприятий и на региональном уровне. Однако, не всегда данный процесс осуществлялся одновременно и одинаково успешно. Ряд решений оказался нерезультативным. Организационные, финансовые, кадровые и другие проблемы ограничивали возможность руководству республики проводить структурные изменения в системе управления промышленности Татарской АССР.

Автором доказана невозможность создания единой, законченной системы управления централизованной экономики. В послереволюционный период и на протяжении 1920-х годов шло выстраивание и апробация новых инструментов и механизмов управления, в условиях сверхцентрализации 1930 – 1940-х годов, несмотря на создание уже действующей системы, продолжалась корректировка механизмов, отбраковка лишних звеньев управления, в последующее время под воздействием внешнеполитической среды и началом новой технологической революции попытка территориального реформирования, формально предполагавшей смену парадигмы отраслевого управления территориальным, и даже в 1970-е – начале 1980-х годов, в условиях укорененности системы, проводились, пусть и внешние, не затрагивающие глубинные проблемы, пертурбации, путем количественного изменения аппарата управления Татарской АССР.

3. В результате исследования выявлена устойчивая, нарастающая тенденция все большего влияния политики правящей партии, органов государственной власти на аппарат управления на местах. Важным выводом становятся размышления о формировании и росте возможностей и воздействия административных элит на экономические процессы, происходящие в республике. Обнаружено, что с течением времени в советской номенклатуре выделилась особая прослойка управленцев, так называемая «номенклатурная элита», которая концентрировала в своих руках значительные управленческие функции, и получившая возможность направлять, координировать и контролировать процессы в системе управления промышленностью страны.

Формирование региональной элиты произошло позже общесоюзной. Страх, разобщенность, постоянная сменяемость их рядов в 1930 – 1940-е годы, не давали возможность по-настоящему отстаивать интересы республиканской индустрии. В то же время их консолидация во второй половине XX столетия позволила проводить в жизнь целенаправленные действия, отвечающие интересам Татарской республики. Республиканский управленческий аппарат приобрел оформленный характер и представлял достаточную силу. Возросло его воздействие на общесоюзные процессы, чему способствовало и то, что многие местные руководители направлялись для работы в Москву. Одновременно с этим и в самой столице после смерти И.В. Сталина шла постоянная борьба внутри за власть, что обуславливало необходимость со стороны представителей центрального аппарата искать поддержку на местах. Децентрализация управления позволила сформировать региональную номенклатурную элиту, получившую возможность участвовать в решении не только экономических, но и политических вопросов, с интересами которых центральный аппарат вынужден был считаться.

4. Советская промышленность и на государственном, и на региональном уровнях обладала определенной степенью инертности. На практике это выражалось в том, что, несмотря на имевшуюся в ряде случаев хаотичность реформ системы управления и некоторую их рассогласованность,

темпы экономического роста Татарской АССР во второй половине 1940 – начале 1950-х годов и во второй половине 1960-х годов продолжали сохраняться высокими. Даже изменение или ломка сложившихся органов управления, коммуникационных связей не позволяли системе уходить в кризис. Это, с одной стороны, служит доказательством устойчивости сложившейся системы управления, с другой стороны, позволяет усомниться в кардинальности реформ, проводимых в рассматриваемый период.

5. В Советском Союзе модернизационные процессы в системе управления протекали в XX веке не только в виде освоения или создания новых институционных форм, но и в активном привлечении и использовании территориально-производственного фактора, выражавшегося в задействовании в социально-экономических процессах новых территорий, в том числе и в Татарской АССР.

Экстенсивный тип экономического роста требовал постоянного вовлечения в производственный процесс новые ресурсы и новые территории. Несмотря на то, что в довоенный период государственные органы видели будущее республики как аграрного центра, потребность страны новых отраслях экономики, увеличению производства, а также выгодное географическое положение во многом обусловило превращение республики во второй половине XX века в ведущий индустриальный центр страны. На примере Татарской АССР наблюдалось постепенное вовлечение в производственный оборот территорий юго-востока, путем создания новых промышленных предприятий, коммуникаций, привлечения кадрового резерва из среды местного населения и приглашение квалифицированных специалистов из других регионов.

6. На уровне страны существовали тенденции постоянного усложнения задач управления, ориентации экономики на преимущественное развитие промышленности и отдельных ее отраслей. Сложившиеся особенности индустрии отражали ее перспективность в первой половине столетия, однако во второй половине служил барьером для формирования экономики нового уклада. В республике прослеживалось постепенное

количественное и качественное расширение отраслевого спектра промышленности, и, в связи с этим усложнение задач управления. Промышленность Татарской АССР, с одной стороны, стала калькой процессов, происходивших в СССР, с другой, показателем эффективности в области концентрации, специализации отраслей и валовым показателям. Республика стала примером развития таких перспективных отраслей промышленности, как нефтяная, газовая, машиностроительная, нефтехимическая и другие, которые во многом определяли тенденции начавшейся научно-технической революции.

7. Исследование показывает процесс постепенного усиления национальных особенностей в характере и структуре системы управления промышленностью Татарской АССР. Изменения затрагивали национальный состав руководящего и работающего контингента. С течением времени удельный вес руководителей, специалистов и рабочих из числа татарского населения в промышленности республики неуклонно возрастал.

Данный процесс стал отражением, с одной стороны, политики интернационализации, проводимой советской властью, с другой стороны, процесса все более усиливающейся модернизации экономики, а значит возрастания объемов промышленности и ее потребностей в квалифицированных кадрах. В свою очередь это обуславливало процесс постоянного спроса промышленных предприятий на сельское население ближайших к ним населенных пунктов.

8. Выявлено неоднозначное влияние государственных и региональных управленческих реорганизаций на социально-экономический облик республики. Во второй половине XX века был осуществлен завершающий этап специализация районов республики по отраслям экономики. На особое место в промышленном развитии стали претендовать новые индустриальные центры, расположенные на востоке и юго-востоке республики. Важное место в индустриальном развитии страны и региона заняли Бугульминско-Альметьевский и Нижнекамско-Набережночелнинский промышленные узлы.

Показано прямое и косвенное воздействие управленческих решений на социальные, демографические, экономические и иные аспекты развития региона. Массовое городское строительство, а также демографические изменения свидетельствовали о формировании в Татарской АССР индустриальной структуры общества.

9. Проведенное исследование позволяет утверждать, что причины экономического кризиса и кризиса системы управления советской экономики имеют более глубокие основания, чем это отражается в современной исторической науке. Комплекс проблем не только политического и экономического характера, но и социального и организационного послужили платформой будущего распада государства.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации и углублении теоретических представлений о проводимой государственной и региональной промышленной политике, становлении и развитии системы управления на общегосударственном и региональном уровне. Важность подобных исследований видится нами не только в изучении истории становления новых организационных форм в системе управления страны и республики, но и в прогностических оценках социально-экономического развития современного общества.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты диссертационного исследования организационных изменений в промышленности страны и республики могут быть полезны для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений. Материалы работы к настоящему времени нашли применение в рамках гранта РФФИ за № 12-06-31172 от 2012 года «Реформы системы управления промышленностью СССР и их проведение на региональном уровне (на примере Республики Татарстан)», гранта Елабужского института КФУ на проведение научно-исследовательских работ в 2022–2023 гг. по теме: «Диалектика трансформации: совершенствование системы управления промышленностью СССР в ее территориальном разрезе», факультатива «Реформы системы

управления экономикой СССР», могут использоваться в практике вузовского и школьного преподавания истории России, других исторических и экономических дисциплин.

Прикладной характер данной научно-исследовательской работы позволит представителям органов государственной власти и местного самоуправления принимать более обоснованные и результативные решения в сфере регионального развития. Некоторые аспекты диссертации могут быть учтены представителями министерских кругов при планировании организационных перестановок в аппарате управления промышленности Республики Татарстан.

Выводы и положения диссертации изложены в выступлениях на международных и всероссийских конференциях, научных семинарах и круглых столах в Брянске, Елабуге, Иркутске, Казани, Кургане, Набережных Челнах, Самаре, Саранске, Ульяновске и др. По теме диссертации опубликовано 107 научных работ, среди которых 7 монографий (в 2007 г. и 2010 г. лауреат конкурса «Лучшая научная книга», проводимого Фондом развития отечественного образования, г. Сочи; в 2013 г. лауреат конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2013», г. Киров; в 2013 г. победитель IV Сибирского межрегионального конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2013», г. Улан-Удэ), 30 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в которых отражены основные результаты исследования.

Соответствие шифру (паспорту) специальности. Диссертация соответствует шифру (паспорту) специальности 5.6.1. – Отечественная история; областям исследования: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 15. Исторический опыт российских реформ.

Структура диссертации построена по проблемно-хронологическому принципу, соответствует цели и задачам исследования и служит углубленному

анализу рассматриваемых проблем. Диссертация состоит из введения, шести глав (23 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕМЫ

1.1. Основные методологические подходы к изучению темы

Наличие в историографии дискуссионных и в некоторых аспектах взаимоисключающих подходов и взглядов на развитие промышленного сектора экономики, а также проводившиеся в СССР преобразования, требует в настоящее время создания единой трактовки исторического процесса с позиции понимания мотивов, хода и последствий преобразований и направлений государственной политики. Этому способствует и то, что используемые в прошлом традиционные теории во многом исчерпали себя и не позволяют сегодня объективно оценивать происходившие события. К тому же и сама наука в последние десятилетия значительно пополнилась концепциями мировой исторической и экономической мысли, но которые по-прежнему применяются не в полной мере.

Одновременно с этим автор согласен с тем, что в современной научной литературе нет универсальных принципов и методов научного исследования. В.А. Шестаков, рассуждая об этом, указывает на то, что «… у каждого есть свой особый инструментарий, позволяющий давать вполне достоверный сегмент осмысления исторического материала, но ни один из них, как показывает исторический опыт, не дает полной картины развития общества в тот или иной исторический период. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы использовать методологический инструментарий, способный дать ответ, как на общие, так и сугубо частные вопросы исторического процесса»[1]. В результате, любой научный труд по истории предполагает применение всего многообразия научных подходов и методов, направленных на объяснение характера и вектора происходивших перемен.

[1] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов: дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. С. 53.

В диссертации автор исходит из идеи о необходимости тесного сочетания теоретико-методологической части исследования с объектом и предметом исследования. За основу методологического анализа была взята теория модернизации, которая, как считает автор диссертационного исследования, наиболее точно показывает специфику изменений в системе управления промышленностью СССР, проходивших в период с 1920-х по середину 1980-х годов и тесно переплетенных с эволюционным развитием мировых цивилизаций, а также региональных особенностей. Согласимся с И.Д. Панькиным, который отметил, что «…несмотря на имеющиеся в современной российской науке противоречия в трактовке модернизационного подхода к истории, мы считаем, что для понимания процесса формирования и реализации промышленной политики теория модернизации является незаменимой, поскольку в основе процесса модернизации лежат глобальные открытия в области фундаментальной науки и техники, в русле модернизации осуществляется развитие наукоемкой промышленности, предъявляются высокие требования к качеству и конкурентоспособности выпускаемой продукции, и ведущая роль в этом процессе принадлежит государству»[1].

Теория модернизации является относительно новой концепцией. Она зародилась в середине XX столетия и очень быстро получила признание в научных кругах. Данная теория тесно переплетается с идеей К. Маркса об эволюционном (поэтапном) развития общественных и государственных институтов.

Интерес к теории модернизации сегодня не вызывает сомнения. А.К. Соколов указывает на то, что «…теория модернизации в качестве исходной позволяет лучше понять и объяснить то, что было, ибо всей своей сутью она направлена не на утверждение очередных догм, а на исследование реально происходивших процессов и на их соотнесение с критериями, положенными в

[1] Панькин И.Д. Отечественная историография советской государственной промышленной политики на Урале (1917–1941 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 2015. С. 36-37.

основу теории модернизации: индустриализация, урбанизация, движение к городскому обществу, институционализация и бюрократизация управления, массовое образование, стирание религиозного и харизматического мышления и т.д.»[1]. Схожие мысли прослеживаются и в работе «Модернизация: зарубежный опыт и Россия»[2], где авторы указывают на возможность возрождения экономической мощи страны только за счет нового витка модернизационных процессов.

Исходным звеном в теории является понятие «модернизация». Этот термин применяется не только исторической наукой, но и некоторыми другими, что определяет многообразие используемых подходов и значений его определения. В этой связи применим подход Е.В. Моисеева[3], который выделяет несколько терминологических аспектов: исторические определения, экономические определения, дихотомические определения, инструментально-технологические определения, ментальные определения, культурологические определения, цивилизационные определения. В совокупности данный подход показывает разнородные стороны общественного развития.

С позиции определения модернизации как исторического процесса, можно понимать «процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям, что отражает беспрецедентное расширение человеческих знаний, позволяющее осуществлять контроль над своим окружением, которое сопровождало научную революцию»[4] (С. Блэк); с другой стороны, как «процесс, посредством которого аграрные общества трансформируются в индустриальные». Данный переход влечет «развитие передовой индустриальной технологии и политических, культурных, социальных механизмов, адекватных задачам поддержания, руководства и использования

[1] Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917–1930-е годы) // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С. 110.

[2] Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В.А. Красильщиков, В.П. Гутник, В.И. Кузнецов [и др.]. М.: Агентство «Информатика», 1994. 115 с.

[3] Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития: дис. … д-ра ист. наук. М., 2004. С. 31-37.

[4] Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y., 1975. P. 7; Цит. по: Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития. С. 31.

данной технологии»[1] (С. Ваго). Примерно такая же точка зрения дается и В.А. Красильщиковым[2], который под модернизацией понимает революционные изменения в социальной, экономической и технологических сферах. В начале 1990-х годов в тематическом номере журнала «Вопросы философии»[3], был определен единый взгляд на модернизацию, как процесса перехода от традиционного общества к современному и затрагивающую разные сферы социума. Ученые В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева увязывают модернизацию с «комплексом социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества, происходивших в мире с XVI в. и достигших своего апогея в XX в. в облике современности (modernity)»[4].

Указанные подходы и определения отражают специфику количественных и качественных трансформаций социальных и экономических институтов, особо обращая внимание на глобальные процессы. По нашему мнению представленные определения по-своему верны, но отражают разные методы и подходы к изучению истории. Имея в виду предмет диссертационного исследования и представленных определений, под модернизацией мы будем понимать исторический процесс эволюции государственной промышленной политики и ее системы управления, влияющей на экономическую, политическую и социальную сферы общества.

Согласимся с ученым С. Хантингтоном[5], который идентифицировал модернизацию как процесс, имеющий общие для всех авторов теорий модернизации закономерности. В соответствии с его логикой модернизация – это революционный, прогрессивный, комплексный, системный, глобальный, длительный, стадиальный, необратимый процесс, а также процесс гомогенизации, под которым понимается схожесть черт разных обществ.

[1] Vago S. Social Change. Prentice-Hall, 1989. P. 129; Цит. по: Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития: дис. … д-ра ист. наук. М., 2004. С. 31-37.

[2] Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.

[3] Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7.

[4] Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 5.

[5] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 94.

Многие из представленных им типов классификации тесно переплетаются с процессами, проходившими в СССР. Так, революционность модернизации заключается в кардинальном переустройстве механизмов хозяйствования, что и происходило в стране, начиная с 1917 года; прогрессивность связана с технологическими изменениями, которые качественно изменяют технологические процессы и благоприятно влияют в целом на социум; комплексность воздействует не только на систему управления или промышленность в отдельности, она воздействует на «… урбанизацию, растущий уровень грамотности, образованности, благосостояния и социальной заботы, а также более сложные и многосторонние профессиональные структуры»[1]; системность определяет взаимозависимость и взаимообусловленность всех элементов системы, изменение одной из ее частей ведет к изменению других; о длительности очень точно сказал Е.В. Моисеев, указавший на то, что «… модернизация носит революционный характер по масштабам изменений, но при этом она эволюционна по скорости их осуществления»[2].

Социально-управленческий аспект модернизации заключается в том, что происходит коренное изменение образа жизни, индустриализация, урбанизация, совершенствование техники и технологии, формирование нового отношения к управлению, совершенствование личностных компетенций всех участников общественного производства, изменение социальных отношений, что фактически указывает на трансформацию всего комплекса экономических, политических и социальных механизмов, и переходе системы от традиционного общества в индустриальное, а со второй половины XX столетия – в постиндустриальное. И здесь важно обратить внимание на то, что в исторической науке выделяют несколько отличающихся между собой линий модернизации. В качестве примера, можно указать, на девелопментализм, теорию равного партнерства и некоторые другие. Особое место в этом ряду

[1] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 94.

[2] Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития. С. 42.

занимает теория индустриального общества, в основе которой лежит идея технического прогресса и роста промышленного производства.

Согласимся с А.Колгановым, который утверждает, что «…модернизация должна стать общенациональной стратегией – только в этом случае будут обеспечены мобилизация и концентрация всех ресурсов страны для решения задач модернизации. Для этого в стране должны сложиться следующие социальные предпосылки: наличие модернизационного проекта (стратегии), обеспечивающего не только мобилизацию ресурсов для ускоренного развития, но и материальную заинтересованность значительной части (а желательно - большинства) общества в осуществлении этого проекта; согласие активной части общества, готовой сознательно и в течение длительного времени осуществлять стратегию модернизации; стратегически мыслящая элита; способность элиты быть не только стратегически мыслящей, но и социально ответственной, чтобы не дискредитировать свои цели перед лицом большинства граждан»[1]. Здесь нужно отметить, что нельзя отождествлять понятия «модернизация» и «мобилизация». Даже в условиях равномерного развития страны на некоторых этапах своего развития, могли проходить модернизационные процессы. В этой связи, А.П. Клепач отмечает, что он «… принципиально не согласен с тем, чтобы все трагическое многообразие советского развития и тем более общую проблему модернизации целиком совмещать с проблемой мобилизации общества и формирования мобилизационного общества»[2].

Нельзя не обратить внимание и на использование исторической наукой противоположного термина – «антимодернизация», зачастую применяемого для раскрытия процессов, происходивших в странах мира в ходе и продолжении революционных событий[3]. В этом ключе исследователь А.С. Ахиезер, характеризуя революционные события 1917 года, упоминает об

[1] Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 13.12.2022)

[2] Россия в конце XX века: итоги и перспективы / Под ред. М. Воейкова, П. Шульце. М.: Экономическая демократия, 1999. С. 264; Цит. по: Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: Татар.кн.изд-во, 2015. С. 8.

[3] Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-6.

«антимодернизационном взрыве». Важно, что указанный взрыв, несмотря на то, что нарушил привычный ход модернизационного развития страны, в тоже время дал возможность для более энергичного развития экономики России.

Идея антимодернизации предполагает разрушения предшествующих механизмов эволюционного развития, которое происходит в ходе революционных потрясений или войн, что, в свою очередь может привести к дезорганизации экономики и социальной сферы, государственному перевороту, гражданской войне. В долгосрочной перспективе накопившиеся проблемы выливаются в экономический коллапс, что наглядно демонстрируют события, последовавшие после революционного переворота 1917 года. В отмеченное время закрывались предприятия, объемы производства резко сокращались, происходил рост численности безработного населения, и все это на фоне кризиса власти, иностранной интервенции и начала гражданской войны. Размышлять о поэтапном поступательном развитии общества в рассматриваемое время не приходится, скорее наоборот, то, что было создано в прошлом, очень быстро было разрушено. В данных реалиях выживаемость российского общества во многом базировалась не на промышленном секторе экономики, а на аграрном, и свидетельствовало об откате в сторону традиционализма, чем и объясняется приставка «анти». При этом антимодернизация не являлась каким-то идеологическим компонентом происходивших процессов и явлений, скорее это был закономерный экономический итог революционных процессов, происходивших в Советской России. Промышленность, да и вся экономика в целом, сделала огромный шаг назад в своем развитии, откатившись от индустриальных фронтир царской России.

Одним из проявлений модернизации, стала «сверхмодернизация»[1]. Сверхмодернизация отражает противоположный антимодернизации процесс. Так, если антимодернизация свидетельствует о свертывании

[1] Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50–80-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 115.

модернизационных процессов, то сверхмодернизация указывает на еще большее их ускорение и разрастание. Подтверждением этого являются события последней трети 1920-х годов и последующего времени, когда происходил процесс централизации управления, перенаправления ресурсов из деревни в город для проведения индустриализации, усиливалась урбанизация, что в ускоренном порядке меняло качество отечественной промышленности и позволяло приблизить СССР по валовым показателям к индустриально развитым странам. Особое место в сверхмодернизации страны отводилось экономике принудительного труда. Создание коллективных хозяйств, использование труда заключенных, а также низкая оплата труда всех категорий работников способствовала очень мощному подъему экономики страны. При отсутствии данных факторов добиться аналогичных, впечатляющих экономических результатов скорее всего не удалось.

По нашему мнению использование первого и второго термина для объяснения событий прошлого вполне применимо. Однако их проявление параллельно в одни и те же хронологические рамки представляется нам невозможным, так как первое понятие характеризует нисходящий этап развития экономики, второе, противоположный, поступательный период.

Важным инструментом социально-управленческого аспекта модернизационной государственной политики становится реорганизация управленческого аппарата. Реформирование органов управления позволяла, пусть и не на постоянной основе, повышать эффективность индустриального сектора экономики. Примером может являться создание советов народного хозяйства в середине XX века, деятельность которых способствовала, с одной стороны, повышению темпов экономического роста, с другой, более комплексному развитию отдельных регионов. Данный пример есть отражение элементов сверхмодернизации, когда достаточно революционными мерами менялся хозяйственный облик страны, вместе с тем опыт Советского Союза показывает и относительно менее масштабные преобразования, которые имели также положительный эффект.

В СССР в разные периоды времени триггерами модернизационного роста становились отдельные отрасли промышленности. Так, на примере Татарской АССР наблюдалась ситуация, когда в первые годы утверждения советской власти экономика строилась на преимущественном развитии отраслей легкой и пищевой промышленности, затем в условиях индустриального рывка 1930-х годов – на химической и металлообрабатывающей индустрии (в 1940-е годы к ним добавилась еще и нефтяная отрасль), в условиях формирования нового витка научно-технической революции второй половины XX века – на машиностроительной и нефтехимической отраслях. Данные примеры наглядно показывают зависимость эффективности советской экономики от стратегического виденья, а также способности моментального внедрения актуальных производств в хозяйственный процесс. Ориентация на мировые тенденции и заимствование перспективных западных технологических новаций, позволяли значительный период времени поддерживать высокие темпы экономического роста. В тоже время, когда в заключительной трети XX столетия советская экономика не смогла уловить новые вызовы времени, не заметив мировые тренды на формирование инновационных отраслей микроэлектроники, робототехники и других, это привело к появлению застойных процессов и снижению общей экономической эффективности.

Одновременно с организационными преобразованиями в системе управления, модернизация промышленности привносила кардинальные изменения в демографические и социальные процессы общества. На всем протяжении существования советского государства, за счет роста индустриального сектора экономики, происходила тенденция перетекания сельского государства в города, что уже в конце 1960-х – начале 1970-х годов привело к доминированию городского населения над сельским. Данные изменения не могли не повлиять на инфраструктурную и организационную составляющую экономики. Массовый переход населения в города вынуждал от государства создания широкой сети социальной инфраструктуры (жилья, образовательных и медицинских заведений, домов культуры и т.п.)

Формирование индустриального общества переформатировало и систему образования под новые реалии. Потребовались, с одной стороны, специалисты иного уровня, которые могли бы выполнять сложные операции на производстве, с другой стороны, возникла необходимость создания широкой сети образовательных учреждений во всех промышленных центрах для подготовки кадров.

Социальный аспект модернизационных процессов затрагивает и элиту советского общества. Она эволюционировала и трансформировалась под запросы формирующегося индустриального общества. Об этом более подробно говорится в параграфе 2.4 данного исследования.

Во многом процессы, осуществлявшиеся в Советском Союзе, являлись отражением аналогичных процессов, проходивших в западном мире. Тем не менее выделялись особенные черты, и проявления, свойственные только советскому государству. Это было связано с тем, что страны Запада развивались естественным эволюционным путем, сохраняя свои политические и экономические институты, и имея возможность недостающие ресурсы выкачивать с подконтрольных им стран остального, зависимого от них мира. СССР приходилось развиваться в других условиях. Страна практически все время своего существования находилась в политической, экономической и технологической изоляции, и одновременно с этим испытывала затруднения в ресурсах для осуществления экономических преобразований в экономике. Исследователь В.В. Шелохаев, по этому поводу, указывает[1] на постоянную нехватку денежных средств, но всегда находились средства на реформирование административного аппарата, вооруженных сил, и, как правило, не хватало ресурсов на социальные нужды (образование, культуру, науку).

В условиях изоляционизма, за относительно небольшой промежуток времени, государство смогло сформировать развитый индустриальный комплекс, который по многим компонентам составлял конкуренцию другим

[1] Шелохаев В.В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке. Реформы и эволюции. Т.1. М., 2002. С. 47.

странам мира. Но при всем при этом в целом индустриальный сектор экономики сохранял преимущественно «догоняющий» характер. Конкурентоспособность базировалась в основном на военной экономике либо отраслях так или иначе эту сферу обслуживавших. Л.В. Шубарина по этому поводу отметила, что «… в течение всего модернизационного периода российской истории мы догоняли западную цивилизацию, в первую очередь, в сфере военных и промышленных технологий»[1].

Согласимся с мнением А.Г. Вишневского, который указывает на то, что модернизация в стране напоминала «…всеохватывающую революцию, равно как и составляющие ее более частные революции, какое-то время обеспечивала быстрые и довольно эффективные технические и другие инструментальные перемены за счет консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства. Консервативно-революционная стратегия развития, скорее всего продиктованная обстоятельствами, предопределила противоречивый, ограниченный характер модернизационных перемен и невозможность их завершения в рамках созданной в советское время экономической и политической системы»[2]. Фактически дополняя эту цитату Р. Аллен[3] указал, что если СССР раннего времени представлял собой страну с индустриальной модернизацией, то в позднее время модернизированное урбанизированное общество с индустриальной экономикой.

Теория модернизации затрагивает преимущественно общегосударственный аспект социальных или экономических трансформаций. Так, В.Р. Степанов указывает, что «… анализ через призму модернизации как методологический подход позволяет выявить механизм и степень соотношения и совмещения в процессе выхода на новую стадию развития, … достигнутых обществом, страной, нацией»[4]. Представленный взгляд не вызывает

[1] Шубарина Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945–1965 гг. Челябинск, 2011. С. 12.

[2] Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С.7-8.

[3] Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 31; Ермолов А.Ю. Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2021. С. 95.

[4] Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50–80-е годы XX века. С. 111.

возражений, но диссертант отмечает, что теорию модернизации можно перенести и на уровень отдельных субъектов или, даже, отраслей экономики. С этим утверждением согласен исследователь Н.М. Арсеньтев. В статье «Дилемма индустриализации России в XIX в.» ученый отмечает, что «модернизация не всегда выступает как тотальный процесс, возможна и так называемая фрагментарная (локальная) модернизация, даже не во всех секторах общества»[1].

Данный аспект определил возможность вариации и совмещения теории модернизации на уровне страны и отдельно взятого региона. Это не случайно, на примере Республики Татарстан можно проследить поэтапную модернизацию ее экономического облика, приведшего в дальнейшем к качественному росту ее социальной и политической сферы. Из отсталого региона СССР республика, благодаря мощному модернизационному рывку, смогла занять ведущее место в экономике государства.

Огромная территория, множество административных субъектов и разная удаленность от центра, большая численность населения и своеобразие его менталитета, разный экономический потенциал республик, краев, областей, и даже разные политические взгляды представителей государственной и национальной элиты препятствовали единовременному росту количественных и качественных показателей всех субъектов хозяйствования СССР. Есть очень точное замечание, указывающее на то, что «экономические, политические, культурные рецепты советской консервативной модернизации силой навязывались всем районам СССР, а нередко другим странам… Это встречало сопротивление, часто неосознанное, пассивное, проявляющееся в разных формах неучастия, но иногда принимавшее формы и более или менее открытого активного протеста»[2]. При этом сама региональная экономическая политика «…была основана на вовлечении в экономический оборот естественных и трудовых ресурсов, способных дать значительную и быструю

[1] Арсентьев Н.М. Дилемма индустриализации России в XIX в. // Экономическая история. 2017. № 3 (38). С. 33.
[2] Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 281.

отдачу, вела к «очаговому», и в этом смысле несколько искусственному и одностороннему, хозяйственному росту территорий»[1].

Вместе с модернизационной теорией вплоть до недавнего времени в российских (советских) научных исследованиях существовала устоявшаяся трактовка линейно-поступательного развития общественно-экономических процессов, происходящих в мире. Данная концепция была во многом основана на взглядах К. Маркса о формационных ступенях развития общества. Однако исследования последнего времени значительно отошли от данного подхода и стали акцентировать внимание на системно-циклическом характере развития социальных, политических и, особенно, экономических институтов.

По нашему мнению, эти подходы не исключают, а скорее взаимодополняют друг друга в рамках совмещенной концепции спиралевидно-поступательного общественного развития и его отдельных процессов и явлений. Это нагляднее всего прослеживается в рамках рассматриваемой темы, когда, с одной стороны, показана эволюция системы государственного управления промышленностью, ее совершенствование на каждом историческом этапе развития, с другой стороны, волнообразное чередование моделей централизованной и децентрализованной экономики. Согласимся с Ю.К. Федуловым, который утверждает, что «в соответствии с системно-циклической концепцией, на смену старым общественным системам с устойчивыми антагонизмами приходят новые структуры с постоянно колеблющейся основой. Считается, что любой общественный процесс подвержен колебаниям и приобретает поэтому волнообразную форму, которая становится тем заметнее, чем больший по продолжительности исторический период мы рассматриваем и анализируем. При этом процесс упорядочения колебательности начинает представать перед нами как процесс самоорганизации, т.е. своеобразной

[1] Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития. С. 49-50.

настройки пульса системы, ее тенденций и контртенденций, реформ и контрреформ, порядка и хаоса»[2].

Диссертант в своей работе опирался на принципы историзма, объективности и системности. При характеристике любого рассматриваемого явления и процесса соблюдался порядок его последовательного изучения с учетом особенностей его развития под воздействием разнообразных внутренних и внешних факторов. При характеристике анализируемых процессов также частично использовались и цивилизационные критерии. Применение цивилизационной теории позволило расширить охват факторов, определяющих развитие советского общества и системы его управления.

Методологической основой представленной диссертационной работы является подход на основе использования принципа историзма. Он позволяет анализировать исторические этапы в соответствии с конкретной исторической обстановкой в их диалектической взаимосвязи и обусловленности. Применение принципа историзма требует исследования любой составляющей исторического процесса в ее развитии. Руководствуясь этим принципом, автор стремился рассматривать смену централизованных и децентрализованных форм управления промышленностью СССР как закономерный процесс модернизации советской индустрии, который вытекал из внешне- и внутриполитических мотивов или под воздействием научно-технического прогресса. Необратимость эволюции организационных изменений была очевидной, именно она определяла жизнеспособность экономической системы. Данные тенденции определили и смену организационных форм управления индустриальной сферой на региональном уровне.

Применительно к конкретным периодам можно отметить эволюцию ряда исторических понятий и трактовок. Так, существовавшие в первые годы советской власти такие формы организации производства, как синдикаты или кантональная промышленность, по мере совершенствования организационной

[2] Федулов Ю.К. Государственное хозяйствование в России первой трети XX в. Системный анализ: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001. С. 10.

системы, переходу на новые формы в дальнейшем практически полностью утратили свою актуальность и, как следствие, перестали использоваться в научном лексиконе, их заменили новые формы организации производства. При этом практика социалистического управления показала, что некоторые организационные структуры, на определенном историческом отрезке перестав существовать, через некоторое время вновь возрождались. Это относится, в частности, к советам народного хозяйства.

Принцип объективности позволил абстрагироваться от идеологических призывов, рассуждений и выводов, ориентируясь на положительные и отрицательные результаты развития государства. Так, при характеристике историографического и источниковедческого материала диссертант избегал конъюнктурных оценок по вопросам государственной промышленной политики, а также мероприятий руководства страны в области совершенствования системы управления промышленностью, кадровой политики и социальной сферы. Автором обнаружено, что однополярность выводов присутствует в работах и советских ученых, и современных, и объясняется преимущественно политической и экономической конъюнктурой, в которой велись исследования.

Принцип системности позволил выявить наиболее существенные стороны экономического развития Татарской АССР, как обусловленные и взаимосвязанные, являвшиеся составной частью аналогичных процессов, протекавших в границах СССР. Автор пришел к выводу, что преобразования в кадровой политике и системе управления промышленностью ТАССР было точным следствием общегосударственных процессов.

Проблемно-хронологический подход был направлен на детализацию исторических процессов и явлений, происходивших в промышленности СССР, причин, этапов и последствий проводимых реформ. Предложенные в исследовании проблемы диссертант стремился решать в диалектической взаимосвязи: теоретический анализ сочетался с конкретно-историческими

методами познания, а хронологический принцип изложения материала увязывался с проблемным подходом.

Указанные принципы использовались в совокупности с методами научного познания. В работе над диссертацией автором использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы исследования. Среди наиболее важных общенаучных методов, используемых автором стали: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование и абстрагирование.

Метод анализа предполагал разбор целостного объекта, в нашем случае – это непосредственно системы управления промышленностью, на отдельные элементы (министерства, наркоматы, отделы и т.п.) для более детального их изучения. Одновременно с применением данного метода, для углубления представлений об эффективности рассматриваемого объекта управления нами применялся метод синтеза, который предусматривал соединение отдельных элементов в единое целое, для определения необходимости их взаимосвязи и общей эффективности. Представленный метод позволил сформировать представление о системе управления промышленностью СССР, состоящей из совокупности отдельных органов управления.

Методы индукции и дедукции стали определяющими при исследовании/сравнении системы (подсистемы) управления промышленностью Советской Татарии в контексте общесоюзного развития. Так метод дедукции наиболее ярко проявился при рассмотрении процессов централизации/децентрализации системы управления промышленностью, когда на примере общесоюзных тенденций мы наблюдаем практически схожие процессы и на уровне отдельно взятой республики. Кроме того, метод дедукции на основе исследования характерных черт советской номенклатуры, дал представление о региональных элитах. Метод индукции позволил на основе эффективности деятельности отдельных элементов, механизмов, коммуникационных связей региональной подсистемы или общесоюзной системы управления промышленностью сделать некоторые предположения об общей результативности системы управления советской экономики.

Особое место в диссертационном исследовании было отведено методу моделирования. На основе изучаемых моделей управления промышленностью страной (республики, министерств, ведомств) можно сделать умозаключения об их эффективности. Метод моделирования в нашем исследовании тесно переплетается с методом абстрагирования. Автору удалось создать иерархию абстракций, основанную на исследовании органов управления на местах, систему (подсистему) управления промышленностью республики, систему управления промышленностью СССР.

Историческая наука располагает и рядом своих методов, среди которых при работе над диссертацией были использованы историко-генетический, историко-ретроспективный, системно-структурный.

Особенность историко-генетического метода применительно к представленному исследованию заключается в рассмотрении последовательной трансформации институтов (в том числе социальных, связанных с формированием и эволюционированием института советских элит), инструментов и механизмов системы управления промышленным производством Советского Союза в процессе взросления социалистической системы хозяйствования, их поэтапное формирование. В тоже время данный метод не всегда дает объективную картину происходивших процессов и событий, существует угроза абсолютизации и искривления виденья прошлого, упущения из виду важных процессов и их последствий. Все это обуславливает необходимость применения наряду с историко-генетическим ретроспективного метода, предполагающего последовательное проникновение вглубь истории, фактически проводя исследования от следствия к причинам.

Еще один метод, который достаточно широко использовался в работе стал сравнительно-исторический метод. Анализируя исторические источники, осмысливая происходившие в системе (подсистеме) управления промышленностью Татарской АССР изменения, автор обнаружил схожее содержание на процессы, происходившие на уровне других регионов и в целом

по стране. Это во многом расширило понимание возникновения и протекания многих событий.

Не могли не использоваться в работе и количественные методы исследования, основанные на сборе и анализе количественных данных, и основанных на теориях экономического роста, циклов, модернизации. Одним из составляющих количественных методов, стало применение математических методов, основанных на исследовании статистических данных.

Завершая характеристику методологии, важно отметить, что в процессе научного поиска не всегда удается четко выделить тот или иной способ исследования, что обуславливается необходимостью комплексного применения всех рассмотренных методов и подходов. Только в своей взаимосвязи они способствуют раскрытию заявленной темы.

В процессе написания диссертационного исследования автор обнаружил ряд серьезных теоретико-методологических проблем, использование традиционных, устоявшихся подходов к изучению данной темы. В связи с чем, используя современные теоретико-методологические принципы и подходы, автор отошел от огульного очернительства прошлого и попытался соблюсти правдивость во взгляде на происходившие в прошлом процессы.

1.2. Историография проблемы

Переходя к рассмотрению историографической базы, необходимо указать, что к настоящему времени издано достаточно много работ, посвященных в целом экономике Советского Союза, но при этом мало исследований, рассматривающих государственную промышленную политику и ее отражение на социально-управленческих процессах и последствиях. Исследователь В.В. Алексеев по этому поводу отмечает, что: «Об индустриальном развитии нашей страны, особенно в советский период, написаны горы книг, но среди них практически нет таких, где бы предметом

исследования была именно промышленная политика»[1]. Тем не менее, представленная проблема не могла не выпасть из фокуса научного рассмотрения, как практиков-хозяйственников, так и представителей научной мысли России и зарубежья. В определенной степени он рассматривался в работах исследователей советского и постсоветского времени. В частности, одна из первых работ, посвященная промышленной политике Советской России – СССР была издана еще в 1926 году Я.С. Розенфельдом[2] и продолжена трудами последующих исследователей.

Междисциплинарный характер представленной темы очень часто приводил к тому, что в ее изучении участвовали ученые самых различных научных школ и направлений. Наряду с историками в анализе особенностей государственной промышленной политики и реформировании системы управления, активную работу принимали представители экономической мысли, политологи, социологи, а также партийные и государственные работники.

Однако в имеющейся литературе нередко прослеживается предвзятость, склонность авторов к абсолютизации проводимых преобразований или отрицание их недостатков, острая зависимость от политической конъюнктуры. Исследования практически во всем строились на единственно «правильной» теории и методологии управления. Историческая наука была в различных аспектах лишена важных исследовательских и прогностических функций. Одновременно число задействованных в научных исследованиях источников было чрезвычайно ограничено, существовала система постпубликационных репрессивных мер.

В представленном обзоре в фокусе анализа преимущественно попадают исследования, посвященные централизации и децентрализации управления, как направлениям государственной промышленной политики, проводимой в СССР, связанных с этим реорганизаций в системе управления индустриальным

---

[1] Алексеев В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII-XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII-XXI вв.: материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6.

[2] Розенфельд Я.С. Промышленная политика СССР (1917 – 1925). М.: Плановое хозяйство, 1926. 552 с.

сектором, и воздействию данных преобразований на социально-экономический облик страны и Татарской АССР. Это объясняется предметом изучения, а также невозможностью в рамках краткого историографического анализа оценить весь спектр изданных работ, связанных с промышленной политикой, проводимой в нашей стране.

При характеристике историографической базы, посвященной изучению вопросов функционирования системы управления промышленностью, можно выделить два этапа: советский и постсоветский. Подобное деление связано с часто диаметрально противоположными оценками на происходившие в системе управления промышленности СССР процессами. Если советские исследователи в своих трудах основывались на марксистской методологии, то уже российские историки использовали концепции рыночного хозяйства. Исследования советского периода достаточно часто были приурочены к значимым процессам, проходившим в мире, и тем реорганизациям, которые осуществлялись в экономике страны.

Нам представляется важным разделение первого этапа проблемы на два периода: 1) 1917-й – середина 1950-х годов, 2) вторая половина 1950-х – начало 1990-х годов. Данное деление объясняется тем, что в течение этого этапа научная мысль преимущественно описательно, эмпирически подходила к вопросам управления и координирования промышленности, и во второй половине XX в. сменилась более глубоким научным анализом изучаемых вопросов.

Автор не случайно вводит в оборот исследования, хронологически относящиеся к более раннему периоду. В постреволюционное время были заложены основные идеи главных направлений государственной промышленной политики в основных ее формах централизации или, наоборот, децентрализации управления. Научные работы постреволюционного периода отличались разнообразием содержания исследовательской проблемы. Как правило, исследователями происходивших процессов выступали сами участники строительства аппарата государственного и регионального

управления промышленностью на местах (к таковым, к примеру, относились В.Я. Ястржембский, Ю. Ларин, В. Соловьев и др.[1]), и, в меньшей степени, ученые. По мнению И.Д. Панькина, это объяснялось тем, что «…ученых «старой школы» данная проблема не интересовала, либо их от ее изучения отстраняли государственные структуры, а молодые научные кадры историков и экономистов только выходили из стен учебных заведений»[2]. Большинство изданных работ были посвящены пропаганде большевистского курса, здесь описывались процессы, совершавшиеся в стране и в отдельных ее регионах. Как самостоятельные исследования они недостаточно объективны в изучении рассматриваемой проблемы, являясь в значительной мере политизированными, нежели предлагавшими научно обоснованные данные тех или иных процессов и явлений. Тем не менее в ряде постреволюционных событий мы отмечаем серьезный анализ происходивших организационных изменений. Отсутствие предшествующего опыта создания государственного аппарата управления, ошибки при создании новых механизмов хозяйствования, приводили к поиску более эффективных форм управления, и в свою очередь к появлению острой полемики по вопросам роли централизованного и децентрализованного управления промышленности. Характерными особенностями работ данного периода являлось:

- их использование в процессе реального управления;

- авторы работ были не столько учеными, сколько практиками-хозяйственниками, изнутри знающие особенности и проблемы экономики и системы управления;

- чаще всего в работах подвергалась анализу только деятельность аппарата управления или его звеньев, без непосредственного исследования совокупности факторов, воздействовавших на государственную политику в

---

[1] См.: Пример социалистического строительства. Петроград, 1918; Совет рабочего контроля Казанского Промышленного района. Рабочий контроль. Казань, 1918; Ястржембский В.Я. Рабочие и создание народного хозяйства. Петроград, 1918; Ларин Ю.М. У колыбели // Народное хозяйство. 1918. № 11; Соловьев В. Конституция ВСНХ // Народное хозяйство. 1918. № 11; Ларин Ю. Преобразования русских трестов в концерны // Народное хозяйство. 1922. № 9–10.

[2] Панькин И.Д. Советская государственная промышленная политика на Урале в 20–30-е гг. XX века в отечественной историографии: монография. Челябинск: Уральская академия, 2013. С. 12.

области промышленности, а также процесса развития системы управления и причин, приводивших к количественным или качественным изменениям.

Октябрьский переворот 1917 года актуализировал вопросы формирования механизмов, инструментов и институтов управления экономикой Советской России. В первых послереволюционных статьях обсуждались идеи создания новых организационных единиц управления промышленностью, и в том числе превращения Советов народного хозяйства в органы, независимые от центра. Предлагалось подчинить им руководство всей экономической жизнью отдельных районов, а также республик в целом. Такие органы рекомендовалось называть «экономическими совнаркомами»[1]. Л.Н. Крицман в журнале «Народное хозяйство» (15 июля 1918 г.) писал: «Перед пролетариатом встает двуединая задача: объединить непрерывно возникающие элементы новой социалистической организации хозяйственной жизни и создать органы Высшего совета народного хозяйства – частные, подчиненные ему центры, – которые стали бы реально овладевать хозяйственной жизнью»[2]. По его мнению, центральный орган управления должен был стать координирующим элементом в деятельности капиталистических форм управления – трестов и синдикатов.

Само по себе озвучивание идей вмешательства государства в промышленную сферу было достаточно популярным в политических и научных кругах послеоктябрьского периода. В условиях начавшейся гражданской войны, существовавшей многопартийности и слабой позиции советской власти, в прессе разворачивались споры по вопросу роли и значению центральных органов в управлении экономикой Советской России. Несмотря на то, что присутствовал плюрализм, сторонников усиления роли государственного аппарата в координации промышленного сектора экономики было значительно больше. Общая идея партийного курса выражалась формулой В.И. Ленина,

---

[1] Дробижев В.З., Игнатенко Т.А. Историография. Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917–1932 годов // Вопросы истории. 1959. № 11. С. 93; Цит. по: Зеликман М. Что такое Советы народного хозяйства и как они должны строиться. С проектами инструкций всех важнейших отделов. Петроград, 1918. С. 88.

[2] Цыперович Г. Главкизм. М., 1924. С. 5.

объявившего идею строительства социалистического общества как «построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра»[1].

И хотя общий вектор был задан, не были определены границы централизации. Внутри партии образовалось два «лагеря» – сторонников децентрализованного руководства промышленностью, при общей координирующей роли центрального аппарата, и сторонников жесткой централизации управления. Развернулась полемика между сторонниками В.И. Ленина и так называемыми «левыми коммунистами» во главе с Н.И. Бухариным. Ленин выступал за централизованное управление экономикой страны, Бухарин, наоборот, считал, что излишняя централизация приведет к возврату к буржуазным порядкам[2]. Сегодня сложно сказать, что стало триггером изменения взглядов Н.И. Бухарина, ведь несколько раньше он выдвигал обратные идеи – «…превращения всего национального хозяйства в одно гигантское комбинированное предприятие, …являющееся предпосылкой организованного социалистического хозяйства»[3]. «Мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительные силы»[4].

К моменту начала проведения политики «военного коммунизма» дискуссии вокруг границ централизации управления продолжились. Самой власти было важно определить степень полномочий вновь созданного органа управления – ВСНХ. На I съезде СНХ В.И. Ленин совместно с А.И. Рыковым отстаивали принцип вертикализации управления. Последний заявлял, что «мы переживаем эпоху величайших кризисов … и пережить такую эпоху можно только путем невероятной централизации»[5]. На что его оппонент в лице В.В. Оболенского (псевдоним Н. Осинский) указывал, что «Россия настолько велика, … что она должна управляться более децентрализованно»[6].

---

[1] Ленин В.И. Соч. Т. 28. С. 377.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Б.Н. Пономарева, И.М. Волкова, М.С. Волина и др. Изд. 4-е, доп. М., 1972. С. 252-253.

[3] Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 53.

[4] Бухарин Н.И. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. 1918. № 2. С.12.

[5] Труды I Всероссийского съезда совнархозов. М., 1918. С. 353.

[6] Там же. С.104.

Отстаивая свои позиции, и та и другая сторона на тот момент четкого видения дальнейшего развития аппарата управления в целом экономикой и ее отдельными отраслями не имела. Так, Н. Осинский признавал, что и у него, и у других государственных руководителей отсутствуют ясные представления о том, как надо строить такой аппарат, как связать органы управления между собой и как разграничить сферы их компетенций.[1] Некоторым исключением рассматриваемого периода стали рассуждения А.М. Кактынь[2], в работе которого давались конкретные предложения по взаимодействию центральных органов управления и органами управления на местах, предлагалась конкретная структура управления. Автор исходил из идеи, что центральное руководство не сможет эффективно управлять промышленностью из центра без помощи местных советов народного хозяйства. Он указывал на то, что результатом жесткой централизации управления станет ситуация, когда Центр «… задохнется в куче мелочей»[3].

Итогом партийных и научных дискуссий стало практическое внедрение механизмов и инструментов централизованного управления, и оно вновь стало главным вопросом на страницах научных изданий. Преимущественному анализу подвергалась организационная система складывавшейся управленческой системы (к примеру, в статье Н.Н. Соколова «Организация единого хозяйственного аппарата Советской России»), но стали появляться исследования, в которых проводился глубокий историко-функциональный анализ происходивших изменений. Интересен в этой связи взгляд Г. Цыперовича на процесс необходимости создания централизованных форм в управлении промышленностью. В работе прослеживается идея непродуманности многих реформ и их скоротечности, критика системы главкизма. Описывая центральные органы управления (главки и центры), он отмечает, что они «…появились в порядке, весьма срочном, упрощенном…

[1] Шетов В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы: дис. … д-ра экон. наук. СПб, 1999. С. 236, 238; Цит. по: Осинский Н. Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства. М.-Пг., 1918. С. 2.

[2] Кактынь А.М. Очерки по организации народного хозяйства: (организационные наброски по вопросам строительства народного хозяйства Советской России и разработки методов управления и регулирования его). М., 1922.

[3] Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920–1921 годов) / Под ред. А.И.Анчишкина. М., 1989. С. 126.

Быстрота, с которой возникали главки и центры, вызывалась необходимостью в кратчайшие сроки оформить экономически пролетарскую диктатуру, но добиться ее можно было только потому, что эти организации во многом внешне воспроизводили организационные учреждения дореволюционных централизованных хозяйственных учреждений». И даже когда формально главки исчезли, и возникла некоторая иллюзия отхода от централизации управления, «главкизм не изменил своих важнейших позиций, он только изменил свою внешность, избрал новое место жительства. Из главков и центров он перекочевал в управления всероссийских трестов и синдикатов»[1].

Одновременно со сменой экономического курса, переходом страны на новую экономическую политику все чаще в научных кругах стали возвращаться к лозунгам децентрализации управления. При этом их проповедниками были даже не сторонники большевистской оппозиции, а верные соратники В.И. Ленина. Они не отказывались полностью от основополагающей идеи централизации, но и не отрицали предоставления административному аппарату на местах больших полномочий. Появлялись и сторонники радикального перехода к децентрализации управления производственными структурами, правда, только на низовом уровне управления. По мнению М. Гроссмана, реформированию должны были быть подвергнуты «…как отношения между ВСНХ и трестами в сторону придания этим отношениям больше экономического, нежели административного характера, так и отношения между трестами и предприятиями, которые должны базироваться на принципах хозяйственного расчета. Новая организационная модель должна была строиться на принципах создания из каждого предприятия экономически законченной единицы, предоставления предприятиям хозяйственной свободы и самостоятельности в управлении, создания между трестом и предприятием коммерческих отношений»[2].

---

[1] Цыперович Г. Главкизм. С. 4, 20.

[2] Гроссман М.Б. Практическое разрешение вопроса о переходе предприятий на хозрасчет // Предприятие. 1926. № 12. С. 7; Цит. по: Шетов В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы. С. 259.

Параллельно развернулась острая полемика по вопросу о формировании оптимальной, эффективной организационной структуры управления экономикой. Ученые В.Я. Канторович, М. Савельев, Л. Сабсович и некоторые другие[1] указывали на необходимость поддержки проводимых советской властью преобразований в области трестирования промышленности. Л. Намарский[2], наоборот, с критических позиций оценивал деятельность трестированной и синдицированной промышленности, призывая отказаться от государственной помощи (схожих взглядов придерживались А. Блюм в статье «Тресты и синдикаты в их практике»[3] и другие). Научные споры во многом были обусловлены сменой организационных форм в период проведения Новой экономической политики и вызванными этим экономическими и организационными противоречиями между старыми формами управления, базирующимися на работе главных управлений, и вновь создаваемыми структурами, связанными с деятельностью трестов и синдикатов.

Переход к 1920-м годам обусловил появление комплексных работ, посвященных социально-управленческому аспекту промышленного развития. Трудами, в которых рассматривалась практика функционирования государственной индустрии, стали: учебное пособие А.М. Гинзбурга «Экономия промышленности»[4], один из его разделов описывал организационные формы промышленности; статьи С. Берницкого, А. Карасса[5], в которых с позиции юридической науки освещались вопросы организации государственного управления; статьи Г.В. Сахарова, А. Гольцмана[6] об аппарате управления промышленностью СССР.

Со второй половины 1920-х годов, несмотря на начало кардинальных перемен в экономике страны, научный интерес к вопросам централизации и

[1] Канторович В.Я. Советские синдикаты. М., 1928; Савельев М. Новый курс – трестирование // Известия ВСНХ. 1921. № 10; Сабсович Л. Трестирование крупной государственной промышленности // Известия ВСНХ. 1922. № 6.

[2] Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10.

[3] Блюм А. Тресты и синдикаты в их практике // Вестник промышленности и транспорта. 1922. № 2-3.

[4] Гинзбург А.М. Экономия промышленности. М.-Л., 1925.

[5] Берницкий С. Основные этапы развития ВСНХ // Советское строительство. 1925. Сб. 2/3; Карасс А. Правовые формы организации государственной промышленности в условиях новой экономической политики // Советское право. 1923. № 1(4).

[6] Гольцман А. Основы организации советского экономического аппарата // Хозяйство и управление. 1926. № 12; Сахаров Г.В. Организация аппарата ВСНХ и управление промышленностью // Советское строительство. 1927. № 12.

децентрализации управления стал снижаться. Это объяснялось тем, что государственная политика в области промышленности была полностью нацелена на создание централизованной вертикали управления, соответственно другие мнения не приветствовались. Проводимые изменения в основном связывались с воздействием внешне- и внутриполитических факторов. Так, выступая на XV съезде ВКП(б) К.Е. Ворошилов отмечал, что «…вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение…, когда активная политика империалистов, Англии, в первую очередь, стала явно угрожать СССР, когда СССР должен был усилить военную подготовку для защиты своей политики мира»[1]. В этот период появилось несколько фундаментальных работ, в целом раскрывающих особенности деятельности советской экономики. В трудах С.Г. Струмилина «Очерки советской экономики», В.П. Милютина «История экономического развития СССР (1917–1927) и др.[2], помимо общего развития промышленности страны, были показаны изменения, проводимые в системе управления, кадровые перестановки, социальные и демографические процессы, так или иначе, связанные с индустриальным комплексом Советского Союза.

Спецификой литературы 1920-х годов стало практически полное отсутствие работ, производивших сопоставительный анализ с предшествующим периодом развития системы управления. Это объяснялось созданием новой государственности и использованием иных механизмов ее управления. Основная масса изданной литературы стремилась легитимизировать новый строй, доказать необходимость и важность проводимых мероприятий в области промышленности.

Одновременно с этим, можно отметить и положительные изменения, происходившие в рассматриваемый период. Рост научной квалификации ученых позволил проводить более детализированные исследования в области государственной политики, ее направлений и содержания, отличий от

[1] XV съезд ВКП(б). 2 декабря – 19 декабря 1927 г.: стеногр. отчет. М., 1935. Т.2. С. 980.

[2] Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Л., 1928; Милютин В.П. История экономического развития СССР (1917–1927). М.-Л., 1928.

аналогичных процессов, проводимых в западных странах. В оборот стали вводиться новые источники, совершенствовался научный и терминологический аппарат. В период индустриализации появляются специальные исследования, посвященные вопросам государственной промышленной политики, системе управления и ее перестройки. Их целью становится создание платформы для новой модели управления. Среди ученых, занимавшихся данным направлением, выделяются Г.В. Лакина, А. Каравайкин и др.[1] В большинстве изданных монографий, статей или разделах работ в основном производилось перечисление существующих организационных единиц, при отсутствии каких-либо серьезных оценок происходивших изменений. Примером является исследование Г. Сахарова, П. Черная, О. Кабакова[2], где представлен теоретический материал и схема организации промышленности СССР.

В тоже время специальных исследований, посвященных формированию промышленной политики или органов управления промышленностью в Татарской АССР в 1920–1930-е годы, нами обнаружено не было. Исключением стала обнаруженная методичка-инструкция[3] по организации Совета государственной промышленности и торговли в Татарской АССР. В тоже время в отдельных изданиях[4] рассматривались вопросы промышленного развития, а также вызванные этим социальные неурядицы. Представленные исследования не выбивались за рамки общегосударственной доктрины в области промышленной политики, и зачастую лишь декларировали общесоюзные лозунги и рассматривали достижения республиканской индустрии. В основном рассмотрение процессов, происходящих в промышленном секторе республики, занимались исследователи так или иначе связанные с партийной работой или

---

[1] Лакин Г.В. Реформа управления промышленностью в 1929–1930 гг. М., 1930; Каравайкин А. Реорганизация системы управления промышленностью в 1931 и 1932 гг. // Советское государство. 1933. № 7/8; Гольцман А.З. Управление промышленностью. М.-Л., 1930.

[2] Сахаров Г., Чернай П., Кабаков О. Очерки организации тяжелой промышленности СССР. М., 1934.

[3] Тезисы по организации Совета государственной промышленности и торговли в Татарской АССР. Казань: Татполиграф, 1930.

[4] Промышленность Поволжья и голод 1921 г. М., 1921.

статистическими данными, которые излагали свои взгляды с помощью отчетов или юбилейных справочных пособий[1].

Редкие исследования данного периода чаще всего основывались не на научном анализе, а лишь описании происходивших процессов в промышленном секторе экономики республики. В работах[2], которые появились, давалась информация о становления промышленности Татарской АССР, и тех проблемах, которые сопутствовали данному процессу. Значительное место отводилось вопросам обеспечения промышленности необходимыми кадрами, их обучению и переобучению. Частично информацию о происходивших процессах авторы нашли по статьям, изданным в периодической печати[3]. Отдельное место в региональной историографии стало отводиться работам[4], объектом изучения которых стали вопросы становления отраслей экономики и даже отдельных предприятий.

Углубление застойных процессов в разработке рассматриваемой проблемы продолжилось и в период Великой Отечественной войны, что объяснялось закономерными причинами, связанными также и с секретностью данных об изменениях в системе управления. Однако последующие события, вызванные смертью И.В. Сталина и приходом к власти Н.С. Хрущева, обусловили начало концептуальной переориентации взглядов на управление советской экономикой.

Первоначально идеи, озвученные Первым Секретарем КПСС на партийных съездах (на XXI и XXII съездах КПСС), были поддержаны пропагандистской литературой. Ставилась задача восстановления норм

[1] За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской Республики. Казань, 1925; Габидуллин Х.З. Татарстан за 7 лет: 1920–1927. Казань, 1927; Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею Автономной Татарской Советской Социалистической республики. Казань, 1928; Исхаков В. К вопросу о практических мероприятиях по проведению национальной политики в Татреспублике // Труд и хозяйство. 1929. № 1–2. С. 5-15.

[2] Малков В. Пятилетка в действии. Достижения и перспективы промышленного строительства Татреспублики. Казань, 1930; Первушин Н.В. Казанский край как промышленный, торговый и потребляющий район. Казань, 1922; Першаков П.Л. Смолокурение и положение химической переработки дерева в Казанском крае. Казань, 1925.

[3] Дубровин П. Промышленность автономных областей и республик к десятилетию Октября // Труд и хозяйство. 1927. №10; Основные проблемы промышленности Среднего Поволжья // Среднее Поволжье. 1928. №7; Победоносцев И.Ф. Трестированная и арендованная промышленность //Труд и хозяйство. 1923. № 7; Раскин Я.М. Промышленность Средне-Волжской области // Среднее Поволжье. 1928. №3.

[4] Победоносцев И.Ф. Крупная цензовая промышленность Татарской республики. Казань, 1928; Трусфус М. Кожевенная промышленность Казанского края. Казань, 1928; Соболев В.Г. Постройка цементно-сернокислотного и тукового комбината в Татреспублике. Казань, 1931; Арбатов С. Будущее «Красного металлиста». Казань, 1932.

партийного и государственного строительства, предложенная еще В.И. Лениным, а также повышения роли коммунистической партии. Провозглашалась общая идея децентрализации экономики, перехода системы на территориальные «рельсы» управления, что было новым подходом в условиях существующей на тот момент жесткой административной модели.

Новые веяния в верхах пробудили интерес ученых к исследованиям социально-управленческого аспекта развития промышленности страны и региона. Стали выходить труды, актуализирующие развитие промышленности в довоенные пятилетки, в годы войны и послевоенный период, заостряя внимание на переходных процессах середины XX столетия. Особое внимание авторы обращали на общеэкономические процессы, отдельные отрасли экономики. Это объясняется высокими показателями роста экономики страны в рассматриваемый период, что в условиях борьбы СССР с Западом не могло быть не отмечено советской историографией. Отечественная наука пополнилась работами Б.С. Геращенко, В.С. Геращенко, Э.Ю. Локшина, М.И. Хлусова и др., посвященных показателям роста промышленности, пропорциональности развития отраслей советской индустрии (И. Гладкого)[1], историческим аспектам развития экономики, социальным и демографическим процессам[2]. В некоторых трудах, описывавших исторические аспекты развития экономики СССР, рассматривались вопросы становления системы управления промышленностью и проведение реорганизационных процессов в стране в предшествующий период (Э.Ю. Локшин[3]), деятельность региональных органов управления промышленностью (А.И. Лепешкин[4]) и т.п. Одновременно все четче стали звучать идеи о значительной роли местных органов управления. Так, В.Ф. Самохвалов[5], рассматривая систему управления промышленности

---

[1] Гладков И. Экономический закон планомерного развития народного хозяйства. М., 1955.

[2] Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. И.А. Гладкова, А.И. Косого и др. М.: Наука, 1965; Горбунов Э.П. Темпы, уровень, структура промышленного производства в СССР. М., 1965.

[3] Локшин Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР (1917–1940 гг.). М., 1956; Локшин Э.Ю. Промышленность СССР: Очерк истории (Основы научного управления 1940–1963). М., 1964.

[4] Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства. М., 1957.

[5] Самохвалов В.Ф. Советы народного хозяйства в 1917–1932 гг. М., 1964.

СССР в период индустриализации, указал на важную роль местных органов управления в вопросах планирования.

Успехи советской промышленности середины 1950-х годов во многом были определены организационными изменениями в системе управления. Централизованно-отраслевая модель экономики, эффективно зарекомендовавшая себя в годы войны, в послевоенный период стала давать сбои, выразившиеся в излишней централизации управления, инертности развития отдельных территорий. Руководство страны в условиях жесткой внешне- и внутриполитической ситуации, приняло решение об изменении системы управления, путем перехода к территориальному (децентрализованному) характеру управления. Необходимость создания Советов народного хозяйства была обусловлена задачами обеспечения роста производства в регионе, организацией рационального территориального разделения труда, обеспечением эффективного межотраслевого и межтерриториального управления на территории, совершенствованием взаимодействия отраслевого и территориально управления в регионе, координации деятельности всех предприятий и организаций, расположенных в регионе и т.д.[1] Практически вслед за началом реформ стали выходить работы, в которых делалась попытка интерпретации государственных решений, законодательных актов и задач начавшихся реформ[2]. Представленные исследования ставили задачу обосновать правильность и необходимость проводимых преобразований. Вместе с тем стали появляться и более фундаментальные работы (Л.М. Бабаковой, А.И. Викентьева, Т.И. Понизова и др.)[3], посвященные вопросам функционирования системы Советов народного хозяйства, причинам реформ и их проведению, деятельности отдельных

---

[1] Организация управления общественным производством / Под ред. Г.Х. Попова, Ю.И. Краснопояса. С.101; Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Р.А. Белоусова, В.И. Сенченко, Е.В. Мазалова. С. 199.

[2] Гершберг С.Р. Демократический централизм в хозяйственном строительстве. М.,1957; Петров Н.Ю. Советы народного хозяйства. М., 1958; Силантьев Н.П. Совнархозы – основная организационная форма управления промышленностью и строительством. М., 1958.

[3] Бабакова Л.М. Советы народного хозяйства экономических административных районов. М., 1959; Викентьев А.И. Совнархозы в действии. Первый опыт работы совнархозов. М., 1958; Понизов Т.И. Управление промышленным производством в СССР. М., 1963; Чадаев Я. Вопросы планирования народного хозяйства. М., 1961; Колдомасов Ю. Экономические связи в народном хозяйстве СССР. М., 1963.

совнархозов, структуре и взаимосвязи отраслей, а также вопросам совершенствования организационных структур. Вышли в свет и отдельные работы, где проводимые преобразования подвергались критике. Так, в статье первого секретаря Харьковского обкома Коммунистической партии Украины Н. Соболя «Это диктуется жизнью»[1] приводились примеры неэффективности проводимых преобразований.

Общей направленностью указанного периода являлось практически полное отсутствие критики действующих реформ, что, впрочем, после смещения Н.С. Хрущева, обернулось обратными процессами. Последующие работы[2] подвергали неудавшиеся реформы острым нападкам. Мнения ученых на проводимые реформы разнились от крайне положительных до крайне отрицательных.

Отстранение от должности Н.С. Хрущева изменило вектор развития экономики страны, спровоцировав виток новых реформаторских перестановок. И это не могло остаться незамеченным советскими учеными. Тем не менее исследовательские работы второй половины 1960-х годов в целом сохранили некоторую преемственность и строились на партийных установках, заложенных еще в прежний период (при том, что предшествующие реформы советской власти были признаны неудачными).

Концепция реформирования была сформулирована в решениях сентябрьского Пленума ЦК КПСС и далее дополнена постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении управления промышленностью» (сентябрь 1965 года) и «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства (октябрь 1965 г.). Данная реформа предполагала возврат прежнего централизованного отраслевого управления при значительном расширении хозяйственной самостоятельности предприятий.

Теоретических исследований социально-управленческого характера, направленных на изучение проводимой государственной промышленной

[1] Соболь Н. Это диктуется жизнью // Коммунист. 1962. № 15. С. 45-53.

[2] Ефимов А.Н. Советская индустрия (производственный аспект, управление и планирование). М., 1967.

политики, реформам органов управления промышленностью и отражениию этих процессов на экономическом росте и социально-экономическом облике СССР и отдельных ее республик, непосредственно в период проведения реформ, было издано относительно немного. К тому же в изданных работах отсутствовала конструктивная критика проводимых преобразований, что свидетельствовало о начале нового этапа застойности как в науке, так и в общественных отношениях. Согласимся с точкой зрения В.П. Данилова[1], который отмечал, что со второй половине 1960-х годов конкретно-исторические исследования стали быстро свертываться. Параллельно с этим ранее доступные архивные фонды стали запрещаться, многие ранее открытые к просмотру документы вновь были запрещены для печати.

Но даже при уже имеющихся архивных источников было достаточно для получения общего представления об эффективности командной экономики и системы ее управления. В трудах стали использоваться не только документы центральных, но и региональных и местных архивохранилищ. Получила распространение практика применения в исторической науке документов открытой печати, а также воспоминаний участников рассматриваемых процессов и событий. Правда, за обилием материала не всегда прослеживался ее объективный анализ, практически полностью отсутствовала критика полученных данных, ученые в своих исследованиях по-прежнему ориентировались на партийные установки.

В рамках теоретической модели децентрализованного управления во второй половине 1960-х годов стало формирование самостоятельного целостного учения о территориально-промышленных комплексах. За основу стали браться исследования, сделанные Н.Н. Колосовским еще в первой половине XX в. Уже после смерти автора были изданы его произведения[2], в которых проводились идеи создания территориально-промышленных

---

[1] Данилов В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? // Россия в XX веке: Судьба ист. науки. М., 1996. С. 23.

[2] Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М., 1958; Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969.

комплексов, раскрывались коренные закономерности их формирования и функционирования как звеньев единой цепи в общеэкономическом развитии страны. В работах прослеживалась идея необходимости построения системы управления хозяйством «не по односторонней системе ведомственного подчинения, а на основании системы районных комплексов, включающих в себя как вертикально централизованные союзные звенья, так и местное хозяйство с обязательно хорошо организованной системой планового и оперативного соподчинения союзного хозяйства», для чего нужно было создать «особый координационный центр типа технического и экономического штаба по районному хозяйству»[1]. В целом работами Н.Н. Колосовского была создана теоретическая платформа по производственному районированию страны.

Во второй половине XX века в разработку вопросов управления территориально-производственными комплексами, районирования территорий включились ученые-экономисты П.М. Алампиев, Н.Н. Некрасов, Э.Б. Алаев, В.В. Кистанов, А.Е. Пробст, Е.Д. Силаев, Я.Г. Фейгин, Н.И. Шраг. Несомненный интерес вызывают труды ученых экономико-географического направления И.И. Белоусова, А.М. Гаджи-заде, Т.М. Калашниковой, И.М. Маергоиза, И.В. Никольского, А.Т. Хрущева. Приоритетными вопросами, рассматриваемыми исследователями, стали: изучение отраслевой производственной структуры комплексов, типологии и классификации схем территориально-производственных комплексов; взаимосвязь ТПК и производственных объединений; моделирование ТПК (в частности, исследования ученых Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР[2]) и др. Среди исследований данного направления можно отметить монографии В.В. Битунова, А.А. Шамова, В.И. Чалова и других, предметом изучения которых становились модели отраслевого и территориального управления командной экономики[3]. Продолжились

[1] Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969. С. 262-263.

[2] Моделирование формирования территориально-производственных комплексов / Отв. ред. М.К. Бадман. Новосибирск, 1976.

[3] Битунов В.В. Отрасль и территория (экономический анализ). М., 1987; Исянбаев М.Н. Экономическая эффективность отраслевых производственных комплексов в промышленных узлах. М., 1977; Теоретические основы функциональной структуры промышленного комплекса экономического района / Отв. ред. М.М. Паламарчук. Киев, 1972; Семушкин А.Т.

исследования в области государственного регулирования экономики, формирования экономического роста[1], планирования[2], особенностей управления в условиях плановой экономики[3], научно-технической революции и научно-технического прогресса[4] и т.д. Особенно много работ было посвящено теории управления, что, по нашему мнению, во многом объясняется снижением темпов экономического роста страны в 1960–1980-х годах. В данный период появились исследования, в которых всесторонне рассматривались основы развития экономики СССР, методы и функции управления (И.Л. Бачило, И.Н. Кузнецов, Г.И. Зинченко, В.М. Ольгин-Нестеров, Б.П. Алексеев, Д.М. Гвишиани, П.И. Романов и др.)[5], а также работы, представлявшие отдельные стороны механизма организации и функционирования советской системы управления (Г.В. Атаманчук, В.Г. Вишняков и др.)[6]. С позиции анализа создаваемых и реорганизуемых органов управления, разработки собственной типологии функции, методов, принципов управления командной экономики данные работы представляют значительный интерес для науки.

Особое место в данном ряду стало отводится и работам по истории создания аппарата управления промышленности. Среди такого рода работ можно выделить монографию В.А. Цикулина «История государственных учреждений СССР (1936–1965 гг.)»[7], где было продолжено изучение

Проблемы территориального управления экономикой. М., 1977; Шамов А.А. Территориальное управление народным хозяйством; Чалов В.И. Территориально-производственный комплекс. Проблемы формирования и управления. М., 1983.

[1] Багрий П.И., Агафонов А.Г., Бондаренко В.В. и др. Факторы экономического роста в условиях развитого социализма. Киев, 1983; Бухвальд Е.М., Погребинская В.А. Социальная направленность экономического роста. М., 1990; Константинова Ю.Н. Финансы и факторы экономического роста. М.: Финансы, 1974; Логинов В.П. Резервы экономического роста. М., 1989.

[2] Планирование народного хозяйства СССР / Под ред. Л.Я. Берри. М., 1968.

[3] Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1983.

[4] Бубнов И.Н. Научно-технический прогресс в СССР за 60 лет. М., 1978; Камаев В.Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. М., 1972; Научно-техническая революция и общество / Под ред. Н.И. Дряхлова, С.И. Никишова и др. М., 1973; Хейнман С.А. Научно-техническая революция сегодня и завтра. М., 1977.

[5] Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976; Козлова О.В., Кузнецов И.Н. Научные основы управления производством. М., 1970; Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г.И. Зинченко, Д.И. Правдина, А.А. Синягова; Ольгин-Нестеров В.М. Эффективность управленческого труда в промышленном производстве. М., 1965; Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Ю.П. Алексеева, В.Г. Белова и др. М., 1984; Петров А.С. Экономические основы управления производством. М., 1966; Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью (по материалам Всесоюзной научно-технической конференции / Под ред. Д.М. Гвишиани, С.Е. Каменицера и др.; Резервы повышения эффективности народнохозяйственного комплекса. М., 1985.

[6] Атаманчук Г.В. Сущность советского государственного управления. М., 1980; Аппарат управления социалистическим государством. Ч.I. М., 1977.

[7] Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР (1936–1965 гг.). М., 1966

государственных органов управления экономикой. Параллельно появились исследования, в которых детализировалась работа аппарата управления промышленностью молодого государства в период «военного коммунизма» и новой экономической политики[1]. Близкой по замыслу к предыдущим работам стала монография А.М. Рубина «Организация управления промышленностью в СССР (1917–1967 гг.)»[2], в 1984 году переросшая в докторскую диссертацию. Серьезной составляющей представленной работы стало то, что автор анализировал не только практику управления промышленностью страны, но и значительное внимание уделял теоретическим основам управления. В частности, в его работах находят отражение многие аспекты современного менеджмента, такие как «управляющая и управляемая подсистема», «линейные и функциональные связи», проводится анализ понятийного аппарата и т.д.

По-настоящему сильный интерес к данному периоду возник уже на «закате» существования государства. В это время стали вновь доступны многие архивы, ученые (в том числе и зарубежные) получили доступ к ранее засекреченным фондам. В научной литературе стала даваться серьезная, структурированная критика на происходившие в системе управления промышленности процессы. Особенно это относилось к статистической информации, которая впервые за многие годы стала подвергаться серьезному анализу и перепроверке. И если часть историков-экономистов (Е.Ю. Зубкова, Н.П. Шмелев, В.В. Попов)[3], оценивали проводимые в брежневский период реформы достаточно высоко, то одновременно в научный оборот стали просачиваться работы, в которых авторы (И.М. Некрасова, С.И. Дегтев) указывали на непоследовательность проводимых преобразований и противоречивость принимаемых решений. Ученые указывали, что реформирование страны во второй половине 1960-х гг. совместило «…два губительных для страны начала: принцип затратного хозяйствования (тяжелей

[1] Бульба Т.В. Социалистическая национализация промышленности. М., 1960; Козочкина Е.Д. Из истории организации управления промышленностью (1918–1921 гг.). М., 1964; Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР (1917–1936 гг.). М., 1962.

[2] Рубин А.М. Организация управления промышленностью в СССР (1917–1967 гг.). М., 1969.

[3] Зубкова Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М.: ИПЛ, 1989; Шмелев Н.П., Попов В.В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989.

– дороже, дальше – выгодней и т.д.) и принцип максимизации прибыли, после чего народное хозяйство страны вошло в полосу длительного кризиса»[1]. Примерно похожего мнения придерживался А.М. Еремин, указавший на то, что «Советская экономика получила удар изнутри. Ставка хозяйственной реформы 1965 года была сделана не на НТП и совершенствование экономического строя на социалистических принципах. Правильному решению в деле совершенствования управления явно помешала заскорузлость прагматиков в верхах политической власти и «элите» экономической науки (созданной, отобранной теми же верхами) …»[2].

В научной литературе стали появляться монографии, в которых стала прослеживаться критика отдельных элементов централизованной командной экономики и ее организационного потенциала (работы Г.Х. Попова, Ю.И. Краснопояса, Д.М. Крука[3]). Возникла идея постепенного перехода системы управления на иные организационные принципы, рассматривающие способы организации управления хозяйством, промышленностью, усовершенствование и преобразование прежних структур и методов руководства предприятиями и производственными комплексами. Среди работ данного типа можно отметить коллективную монографию «Совершенствование организационных структур управления промышленностью республики во взаимосвязи с комплексной перестройкой хозяйственного механизма»[4].

В периодике того периода стала даваться более осторожная, но в то же время, по нашему мнению, реальная картина происходивших преобразований[5]. Пришло понимание того, что основной причиной неудачного проведения

---

[1] Некрасова И.М., Дегтев С.И. Экономическая реформа 60-х годов: история, проблемы, решения // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 589, 593.

[2] Еремин А.М. В дебрях реставрации капитализма (от «перестройки» к деградации экономики) // ... Изм. 1997. № 2 (13). С. 33. Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития. С. 102.

[3] Организация процессов управления / Под ред. Г.Х. Попова. М., 1975; Организация управления общественным производством / Под ред. Г.Х. Попова, Ю.И. Краснопояса. М., 1984; Основы управления социалистическим производством. Изд.2-е / Под ред. Д.М. Крука. М., 1985 и др.

[4] Совершенствование организационных структур управления промышленностью республики во взаимосвязи с комплексной перестройкой хозяйственного механизма / Под ред. Т.А. Ворона, Н.П. Процко, В.Н. Садовской, Л.В. Бурлакова. Киев, 1987.

[5] Глотов В.И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 1950-х - первой половине 1960-х гг. // Вопр. истории КПСС. 1988. № 4. С. 57-73.

реформ послужила их реализация в рамках централизованной модели, которая не давала в полной мере претворить все задуманные планы. Так, исследователь Ю.А. Веденеев[1] отошел от практики огульной критики хрущевских преобразований и указывал на их положительные последствия. Причиной провала реформ виделась им в непоследовательной политике проведения данных преобразований. Автор подчеркивал, что изменения преимущественно носили формальный характер, не меняя сути всей системы централизованного управления. Реформы не только не сломали прежние механизмы управления, но даже в некоторых компонентах, таких как адресное директивное планирование, распределение ресурсов, административное ценообразование и др., укрепили ее. Важным стало и то, что реформа не сняла проблему пропорционального и сбалансированного развития промышленности страны. В продолжение этих идей Б. Личман отмечал[2], что неудавшиеся реформы спровоцировали усугубление застойных явлений в советском обществе.

Особенностью научных исследований рассматриваемого периода стало активное изучение предшествующего опыта социалистического строительства и формирования системы управления. Появились исследования[3], которые с достаточно критических позиций анализировали процессы, происходившие в СССР в период развертывания новой экономической политики, деятельность ВСНХ и подведомственных ему органов управления. Правда, серьезного отхода от устоявшихся трактовок процессов, происходивших в прошлом, все еще не было. К примеру, в исследовании Е.Г. Гимпельсона рассматривались создание и эволюция системы управления отечественной экономики, изменение ее кадрового состава в период становления советской власти. Автор исходил из убеждения, что уже к 1918 году в стране была выстроена «…довольно стройная

---

[1] Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990.

[2] Личман Б. Экономическая стратегия КПСС и тенденции развития Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 42.

[3] Авдаков Ю.К. Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.). М., 1971; Авдаков Ю.К., Бородин В.В. Производственные объединения и их роль в организации управления советской промышленностью (1917–1932 гг.). М., 1973; Пихало В.Т. Трестирование промышленности СССР в 20-е гг. // История СССР. 1971. № 4.

система органов управления, охватившая всю страну…»[1], справлявшаяся с поставленными перед ней задачами, в то время как в последующих разделах работы нам будут показаны несколько обратные процессы.

Объектом изучения большинства исследований являлись реформы, проводимые на уровне государства, однако со второй половины столетия стали набирать популярность и исследования, освещающие изменения на региональном уровне. Они также изобиловали пропагандистскими лозунгами и значительно преувеличивали роль партии, но при этом давали общую картину развития отдельных республик и областей. В нашем исследовании мы остановимся на работах, так или иначе анализирующих промышленную политику и те структурные изменения в системе управления промышленностью Татарской АССР, которые были вызваны ею.

Проведенный анализ литературы показал, что научные работы по истории региональной экономики хотя и издавались, но достаточно редко. Еще меньше работ выходило по рассматриваемой нами проблематике. Фактически первой обобщающей работой, включающей многие аспекты экономического, управленческого, социального, культурного развития татарской республики стала «История Татарской АССР»[2]. В работе дается поэтапный анализ, происходящих в губернии (затем республике) послеоктябрьских период событий. Отдельное место отведено исследованию становления советской власти на местах, роли и значению отдельных исторических персонажей, сыгравших значительную роль в образовании управленческого аппарата республики. Тем не менее, надо отметить, что в основном биографическому исследованию подвергаются участники революционных событий, а не руководители хозяйственного аппарата строительства республиканской промышленности. Несмотря на значительный объем второго тома данного произведения, а также детального анализа большевистского курса, в работе представлено недостаточно сведений об организационных изменениях,

[1] Гимпельсон Е.Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917–1920 гг.). М., 1977. С. 28.

[2] История Татарской АССР. Т.II / Под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарямова, Х.Х. Хасанова. Казань, 1960.

происходящий в системе управления промышленностью края в первой половине XX века. Примерно аналогичные данные можно найти в работах А.И. Зайцева «Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет»[1], П.В. Абрамова, Н.А. Андрианова и некоторых других авторов.[2] Значительный объем их исследования посвящен партийным установкам и выполнению показателей норм плановых показателей республиканской экономики. Частичную информацию о системных изменения, происходивших в органах управления можно почерпнуть из книг Л.Г. Галкина, М.Г. Дасаева, А.Л. Петровой, И.М. Лифшица, В.И. Троепольского, Л.Н. Цитриной, М.К. Мухарямова[3], где наряду с прочими вопросами рассматривались изменения в системе управления. В представленных исследованиях в основном были отражены отдельные этапы развития местной промышленности, роль партии в решении хозяйственных вопросов, проблемы отдельных отраслей и т.д.

В тоже время говорить о полном отсутствии региональных исследований, посвященных структурным изменениям в промышленной индустрии края нельзя. Ученых не могли не волновать вопросы изменения механизмов управления промышленности. Реформы Н.С. Хрущева, затем Л.И. Брежнева, находили сильное отражение на организационных институтах системы управления промышленностью Татарской АССР и автоматически попадали в фокус анализа ученых. Но, на что важно обратить внимание, практически во всех изданных работах анализировалось участие партийных и советских, а не непосредственно хозяйственных органов в управлении индустрией республики, что, по всей видимости, объяснялось необходимостью повышения идеологической роли данных органов в жизни советского общества. Так, в

---

[1] Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет. Краткий историко-экономический очерк. Казань, 1957.

[2] Абрамов П.В. Развитие экономики Татарской АССР за годы Советской власти. Казань, 1957; Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). Казань, 1960; Андрианов Н.А. Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии. Казань, 1962.

[3] Галкин Л.Г., Дасаев М.Г. Резервы и пути повышения производительности труда в нефтеперерабатывающей промышленности Татарии. Казань, 1964; Галкин Л.Г. Резервы производства в добыче нефти и газа. М., 1966; Петрова А.Л., Лифшиц И.М., Цитрина Л.Н. Большая химия. Казань, 1967; Троепольский В.И. и др. Татария – республика нефти. Казань, 1957; Мухарямов М.К. Октябрь и национальный вопрос в Татарии. Казань, 1958.

диссертации В.И. Соловьева[1] рассматриваются проблемы формирования партийного аппарата управления советской власти в республике в 1920–1922 годы. Автор показывает условия становления советской власти, этапы совершенствования структуры, методов и форм работы. Особенностью исследования становится анализ преимущественно политических, а не управленческих или экономических аспектов прошлого республики.

Значимые сведения по развитию органов руководства и партии на республиканском уровне во второй половине 1950 – начале 1960 годов мы получили на основе данных диссертации В.Б. Токарева «Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. (По материалам Татарии)», в 1976 г. на ее основе была издана монография «Партийное руководство развитием промышленности автономных республик Среднего Поволжья»[2]. В представленных работах детальному анализу подверглись вопросы влияния партийных органов на систему управления промышленностью. Слабым местом исследования В.Б. Токарева является практически полное отсутствие информации о воздействии на систему управления промышленности не столько партийных, сколько хозяйственных органов ее управления, а также связей, которые между этими структурами образовывались.

В конце 1970-х годов вышло комплексное исследование деятельности Советов Татарской АССР в области промышленности и сельского хозяйства в 1951–1958 годы, которое провел В.И. Кадыльский.[3] В диссертационном исследовании показаны основные изменения, которые осуществляли советские органы управления по формированию эффективной системы управления.

---

[1] Соловьев В.И. Деятельность партийной организации Татарии по укреплению и совершенствованию государственного и хозяйственного аппарата республики в период восстановления народного хозяйства (1920–1926 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1971.

[2] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. (По материалам Татарии): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1963; Токарев В.Б. Партийное руководство развитием промышленности автономных республик Среднего Поволжья. Казань, 1976.

[3] Кадыльский В.И. Укрепление Советов Татарской АССР и их деятельность в области промышленности и сельского хозяйства (1951–1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.

Одновременно с этим автор акцентирует внимание и на экономических показателях развития индустрии, что выгодно выделяет данную работу.

Тем не менее, чаще всего организационные изменения в системе управления рассматривались в контексте других вопросов. К примеру, в коллективной монографии У.Б. Белялова, Г.Л. Горника, В.Б. Токарева «Социалистическое соревнование в промышленности Татарии»[1] авторы рассматривали особенности функционирования индустрии ТАССР, выполнение республикой планов социалистического соревнования, количественные и качественные изменения в численности рабочих и специалистов. Одновременно с этим в отдельных разделах исследования на высоком уровне проработаны вопросы перестройки аппарата партийного управления промышленным производством в автономной республике. Представленная работа интересна с позиции получения информации по проводимым мероприятиям в республике, но при этом является чрезвычайно идеологизированной. Схожими по содержанию стали работы К.И. Азизова, С.Г. Батыева.[2]

При поиске и анализе материалов по региональной составляющей исследуемой проблемы автор особое место отводит работам в которых напрямую не рассматривались организационные перестановки в системе управления промышленностью, но анализировались косвенные факторы, механизмы, ресурсы, которые так или иначе имели воздействие на формирования организационных институтов или направления промышленной политики. Так, мощный экономический рост середины XX века обусловил появление исторических исследований, в фокусе внимания которых находились истоки формирования экономического роста республики и его особенности. Особое место в работах данного рода отводилось формированию рабочих кадров, их образованию и обеспечению ими потребностей отраслей

---

[1] Белялов У.Б., Горник Г.Л., Токарев В.Б. Социалистическое соревнование в промышленности Татарии. 1917–1975 гг. Казань, 1976.

[2] Азизов К.И. Промышленность Татарии и пути повышения ее эффективности. Казань, 1973; Батыев С.Г. Советская Татария в семилетке. Казань, 1960; Из истории социалистического строительства на Средней Волге / Под общ. ред. И.М. Ионенко. Казань, 1975.

промышленности. Среди такого рода работ можно выделить диссертацию А.А. Петровой «Развитие стахановского движения в промышленности Татарской АССР в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.)»[1], внимание которой было сконцентрировано на изучение передового опыта увеличения производительности труда в период проведения второй пятилетки. Особое место в исследовании занимало рассмотрение отдельных примеров ударничества. Десятилетием позже была защищена диссертация Г.Л. Вовченко о роли советских женщин в деятельности промышленной индустрии в годы Великой Отечественной войны.[2] Примечательно, что в работе были даны не только общие показатели ударничества, но и примеры отдельных личностей. Наконец, во второй половине 1970-х годов была защищена диссертация С.В. Лившиц, посвященная подготовке и воспитанию квалифицированных рабочих кадров для промышленности Среднего Поволжья в годы четвертой пятилетки. (1946-1950 гг.).[3] Кстати, автором отмечается, что в целом, в советский период было достаточно мало исторических исследований, посвященных прошлому стахановского движения или значению женского труда, в основном работы рассматривали текущие тенденции, в сравнении с тем опытом, который был накоплен в прошлом. Так, в 1970-е годы вышла работа Э.Д. Тихонова[4], посвященная основным процессам, наблюдавшимся в системе нефтяной промышленности Татарской АССР в вопросах разделения труда на промышленных предприятиях и профессиональной структуре рабочих кадров.

Обобщение многих аспектов промышленного развития республики мы находим в коллективной монографии «Рабочий класс Татарии»[5]. Основная идея работы строится на исследовании формирования и развития рабочего класса

[1] Петрова А.А. Развитие стахановского движения в промышленности Татарской АССР в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.): дис. … канд.ист.наук: 07.00.00. Казань, 1953.

[2] Вовченко Г.Л. Коммунистическая партия - организатор трудовых подвигов советских женщин в промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : По материалам партийной организации Татарской АССР: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00. М., 1961.

[3] Лившиц С.В. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по подготовке и воспитанию квалифицированных рабочих кадров для промышленности в годы четвертой пятилетки. (1946–1950 гг.): (По материалам Татарской АССР, Куйбышев. и Ульянов. областей): автореф. дис. … канд.ист. наук. Саратов, 1977.

[4] Тихонова Э.Д. Изменения в разделении труда на промышленном предприятии и профессиональная структура рабочих кадров : на материалах нефтяной промышленности Татарской АССР : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.07. Л., 1973.

[5] Рабочий класс Татарии (1861–1980 гг.) / Ред. коллегия: З.И. Гильманов, А.М. Залялов, М.К. Мухарямов, К.А. Назипова, Ю.И. Смыков. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981.

республики, но все это анализируется в рамках процессов и проблем развития индустриального сектора экономики Татарской АССР с момента становления республики и до 1980-х годов. В чем-то схожи с данной работой исследования К.Ф. Фасхутдинова и М.Г. Гариповой. В диссертации К.Ф. Фасхутдинова «Руководство партийных организаций автономных республик Среднего Поволжья подготовкой и воспитанием квалифицированных рабочих кадров в годы восьмой пятилетки: на материалах Марийской, Татарской и Чувашской АССР»[1] рассматриваются особенности формирования квалифицированных кадров для отраслей промышленной индустрии. В центре внимания исследования М.Г. Гариповой[2] находится рассмотрение партийно-организационной и идейно-воспитательной работы на промышленных предприятиях автономных республик Среднего Поволжья в период между XXIV и XXV съездами КПСС. Несмотря на то, что важное место в работе отведено изучению первичных партийных ячеек на предприятиях автономных республик, включая Татарскую АССР, в тоже время для нашего исследования становится полезным анализ организационной составляющей данного процесса, а также рассмотрение вопросов подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров.

Большой вклад в разработку вопросов эффективности системы управления промышленным производством внесли представители географического направления в экономике. Так в диссертации Р.Ф. Поливиной изданной в 1975 году рассматривалось формирование отраслевой структуры и территориальной организации промышленности строительных материалов Татарской АССР[3]. Применительно к данному диссертационному исследованию данная работа стала полезна тем, что в ней подробно рассмотрен

---

[1] Фасхутдинов К.Ф. Руководство партийных организаций автономных республик Среднего Поволжья подготовкой и воспитанием квалифицированных рабочих кадров в годы восьмой пятилетки : на материалах Марийской, Татарской и Чувашской АССР : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985.

[2] Гарипова М.Г. Партийно-организационная и идейно-воспитательная работа на промышленных предприятиях автономных республик Среднего Поволжья в период между XXIV и XXV съездами КПСС (на материалах Марийской, Мордовской, Татарской, Чувашской областных партийных организаций): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

[3] Поливина Р.В. Отраслевая структура и территориальная организация промышленности строительных материалов Татарской АССР: дис. ... канд. геогр. наук. Казань, 1975.

географический фактор в вопросах размещения промышленных предприятий и отраслей в республике.

Исходя из географической компоненты ряд авторов стали делать упор на исследовании организационных преобразований в отдельных отраслях промышленности. Так, в 1960 – начале 1970-х годов в связи с необходимостью развития молочной индустрии была защищена диссертация А.А. Борисова «Рациональное размещение молочной промышленности Татарской АССР», мощный подъем нефтехимической отрасли обусловил появление диссертации А.З. Закиева «Основные направления развития нефтехимической промышленности Татарской АССР и совершенствование ее производственных связей»[1].

Развитие идеи и распространение практики создания территориально-производственных комплексов во второй половине 1960-х годов актуализировало экономическую мысль по вопросам их взаимодействия с отраслями экономики. В этой связи с позиции эффективной территориальной организации промышленной индустрии представляет научную значимость работа В.А. Ожерелков «Проблемы развития и размещения нефтяной промышленности и ее влияние на формирование промышленных комплексов и узлов»[2], где на примере трех регионов (Татарской АССР, Башкирской АССР и Куйбышевской области) рассматривается воздействие новых организационных единиц на эффективность отраслевой экономики.

Определенный интерес представляют работы Ф.А. Табеева долгое время руководившего республикой. В его книгах показаны изменения, происходившие в Татарской АССР во второй половине XX столетия, в том числе связанные с важными республиканскими стройками. Автор показывает наиболее важные статистические данные по проводимым в республике мероприятиям. В тоже время его работы пропитаны высокой долей

[1] Борисов А.А. Рациональное размещение молочной промышленности Татарской АССР: дис. ... канд.экон. наук: 08.00.00. М., 1971; Закиев А.З. Основные направления развития нефтехимической промышленности Татарской АССР и совершенствование ее производственных связей: автореф.дис... канд.экон. наук. Саратов, 1969.

[2] Ожерелков В. А. Проблемы развития и размещения нефтяной промышленности и ее влияние на формирование промышленных комплексов и узлов (на примере Татарской АССР, Башкирской АССР и Куйбышевской области): автореф. дис. …канд экон наук. М., 1969.

идеологизированности, что прослеживается даже по названию его работ «На новых рубежах»[1], «Партия служит народу»[2].

В целом в историографии второй половины 1960 – начала 1980-х годов продолжилось активное вмешательство партии в экономическую науку, с «ритуальными клятвами на верность марксистско-ленинской теории, цитированием высказываний здравствующего партийного лидера»[3]. Научная значимость трудов советского периода остается спорной, поскольку ученые того времени были поставлены в определенные ограничительные рамки, не позволявшие им не только предлагать новые, отличавшиеся от общей партийной доктрины концепции, но и тем более заимствовать зарубежный опыт. Научный анализ процессов, происходивших в стране, направлений государственной политики в области управления, реформирования ее механизмов, носил преимущественно односторонний характер. Несмотря на общее снижение показателей экономики в этот период и неспособность государства выправить ситуацию, тем не менее, это не давало ученым повод усомниться в правильности выбранного экономического курса. Государственные статистические данные не подвергались сомнению, отдельная критика сводилась в основном к общим посылам и пожеланиям. Попытки исследователей сформировать новые теории и подходы не могли выйти за устоявшиеся рамки и определенные стереотипы. И хотя авторами проводился определенный анализ источников, выделялись положительные и отрицательные факты, но все это делалось под заведомо известные результаты. Эти моменты определяли характер оценок и выводов научных исследований. Однако полученные выводы стали основой для последующих суждений и наработок.

Следующий этап нашего исследования связан с изучением научной литературы современного периода (1991 г. – настоящее время). Отличительной чертой данного этапа является значительная переоценка прошедших событий.

---

[1] Табеев Ф.А. На новых рубежах. Казань, 1976.

[2] Табеев Ф.А. Партия служит народу. Казань: Татар.кн.изд-во, 1979.

[3] Хазиев Р.С. Централизованное администрирование экономики и уральская периферия: конец 1917 г. – начало 1921 г.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

Научные исследования, в особенности периода 1990-х годов, в своем большинстве были направлены на отрицание того, что было сделано положительного в целом в советское время и в отдельные периоды его развития. Снижение научно-исследовательской активности профессиональных историков этого периода компенсировалось исследованиями людей, поверхностно занимающихся вопросами отечественной истории. Лишь в последнее десятилетие данное явление стало медленно изживаться. Появились работы ученых, интересующихся вопросами управления советской экономики. Одновременно с этим, изменился методологический аппарат исследований, дополненный привлечением новых методов из смежных с историей дисциплин.

Изучение государственной промышленной политики стало основываться на большем плюрализме, а также применении новых концептуальных подходах, используемых как отечественной, так зарубежной научной мыслью. Российская историография пополнилась работами, которые ранее были скрыты/засекречены в СССР или попали в страну из-за границы. В своей совокупности этот пласт историко-экономических работ позволил обозначить новые контуры проблемы, новые задачи научного поиска. В научной литературе постсоветского периода можно обнаружить много важных и интересных фактов, дополнения знаний по многим, ранее не исследуемым проблемам. Но разработка материалов еще была далека до идеала. По-прежнему работы изобиловали догматизмом и инерцией мышления. Тем не менее в публикациях на новый качественный уровень были выведены проблемы причинно-следственных связей экономики советского периода. На материалах отдельных регионов или отраслевых субъектов экономики рассматривались изменения, происходившие в стране на всем периоде его существования, подвергались анализу мероприятия, осуществляемые советской властью и их последствия. Некоторые работы представляли по-настоящему новый взгляд на происходившие в стране в предшествующий период

преобразования. Среди них выделяются исследования А.Л. Филоненко, В.Л. Телицына и др.[1]

Распад Советского Союза, окончание «холодной войны» и вызванное этим «потепление» отношений с Западом, обусловило появление кардинально нового взгляда на вопросы эффективности авторитарного и тоталитарного государства, экономики и системы управления в этих условиях. Первое значимое исследование, посвященное проблемам влияния административно-командной системы на систему управления промышленностью стала работа, Т.П. Коржихиной[2], в которой она обратила внимание на постепенную трансформацию системы государственного управления Советским Союзом по пути возрастания роли государства в вопросах экономики, при одновременном снижении роли и значения Советов, номенклатуризации и бюрократизации системы управления. С позиции научной значимости данное исследование стало полезным по вопросам критического переосмысления деятельности центральных органов управления промышленностью, а также детальным анализом системы управления и ее элементов.

В появившихся работах, посвященных выстраиванию и функционированию системы управления, значительный акцент авторы делали на эффективности государственного управления. Особое место занимали изыскания, посвященные отраслевой вертикализации и существовавшей в первые годы советской власти элементов децентрализованного управления. Нам думается, что это являлось некоторым ответным вызовом на те процессы децентрализации управления, которые стали происходить в современной России в 1990-е годы. В работах Л.Н. Лютова[3] была показана роль Президиума ВСНХ в предпринимаемых советской властью мероприятиях в области промышленного производства, автор сконцентрировал здесь свое внимание на

[1] Телицын В.Л. Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы // Отечественная история. 1998. № 4. С. 188-194; Филоненко А.Л. ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998; Филоненко А.Л. Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000.

[2] Коржихина Т.П. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления: Проблемы и факты. М., 1992.

[3] Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Саратов, 1994; Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа (1921–1929). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1996; Лютов Л.Н. Идея государственного управления экономикой: уроки истории // Вопросы экономики. 1997. № 6.

особенностях становления вертикальных структур в управлении. Особое место в этой системе им было отведено деятельности губернских советов народного хозяйства (ГСНХ). Автором показана эволюция их организационной структуры, кадрового состава, выполняемых функций, а также причины сокращения их полномочий и дальнейшей ликвидации. Таким образом, общее направление деятельности центрального аппарата управления промышленностью сводилось к постепенной ее централизации. А.Л. Филоненко[1] также указывал на модернизацию системы управления по пути дальнейшей смены ее коллегиальных институтов вертикализацией управления. О.Г. Назаров[2] пошел далее в этом вопросе, связав эти тенденции не только с проблемами в деятельности ВСНХ и подконтрольных ему органов, но и конфронтации, которая в данное время развернулась в политической жизни советского общества.

В 1990-е годы не мог не возникнуть интерес и к научно-терминологическому аппарату по вопросам централизованной, плановой системы управления в СССР, что объяснялось появлением в отечественной литературе зарубежных работ, идеи которых очень сильно отличались от ранее существовавшего в стране категориального аппарата. Примечательно, что впервые термин «административно-командная система» был упомянут в нашей стране в конце 1980-х годов в рецензии Г.Х. Попова на роман А. Бека «Новое назначение» (с данной позицией был не согласен Р.У. Девис[3], считая, что исследователь Э. Замски на несколько лет раньше ввел это понятие). В дальнейшем Л.А. Гордон, Э.В. Клопов[4] стали применять такие определения, как «административно-хозяйственная система», «административно-авторитарный централизм», «авторитарно-административная система политического

[1] Филоненко А.Л. Создание и функционирование управленческих структур Высшего совета народного хозяйства в 1917–1921 гг. Автореферат дис. … д-ра ист. наук. Челябинск, 1999.

[2] Назаров О.Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и её влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы. Автореферат дис. … д-ра ист. наук. М., 2000; Назаров О.Г. Проблемы планирования в контексте борьбы за власть в условиях НЭПа // Отечественная история. 2000. № 4.

[3] Девис Р.У. Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период // Россия XIX–XX в. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 211.

[4] Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989.

управления» и другие, о чем подробно изложено в диссертационном исследовании В.Б. Макарова[1]. При этом окончательное оформление института административно-командной системы, по мнению ученых[2], стало закреплено ликвидацией ВСНХ СССР.

Изданные монографии и диссертации в большинстве были посвящены описанию значения отраслевых и местных органов управления, централизации и децентрализации управления[3], роли государства в организации управления и организационных преобразованиях в промышленности региона или отдельных отраслей[4]. Так, в диссертации А.А. Ефремова преимущественно показаны организационные изменения в регионе и роль государства в регулировании вопросов промышленного производства. Автор указывает на практически полную потерю управляемости в регионах, что во многом связано со слишком быстрым развалом административно-командной системы, и предлагает сочетание методов рыночного регулирования с государственным регулированием социально-экономических процессов, так как в переходный период, особенно в начале, не следует предавать забвению государственное регулирование.

Что касается исторических сторон становления и развития управления промышленностью страны в прошлом, то представленные работы в большинстве описывали разнообразные аспекты экономического развития страны (или отдельных республик), на разных исторических этапах. Исследователи на основе использования новых данных (в том числе и иностранных) иначе стали подходить к проблемам эволюции системы

---

[1] Макаров В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов): дис. … д-ра ист. наук. Н.Новгород, 2002. С. 57, 65.

[2] Алексеев С.Е., Камынин В.Д. Исследователи о возрождении административно-командной системы управления промышленностью Урала на рубеже 1920–1930-х гг. // Россия в XX в.: История и историография: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 186.

[3] Акулич И.Л. Совершенствование хозяйственного механизма управления легкой промышленностью. М., 1990; Калищук Н.Ф. Управление рыбной промышленностью СССР. Владивосток, 1981; Макашева З.М. Управление меховой промышленностью. М., 1987; Полунин В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР 1945-1953 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2007; Управление химической промышленностью / Под ред. В.Л. Клименко. Л., 1983.

[4] Ефремов А.А. Повышение роли государства в управлении промышленностью региона: дис. …канд. экон. наук. М., 1999; Татарский Е.Л. Преобразование организации управления промышленностью. М., 1999 и др.

управления. В частности, О.О. Акмурзина[1] в диссертационном исследовании рассмотрела изменения в системе органов управления промышленностью Среднего Поволжья в период первых пятилеток. Автор проанализировала процесс складывания централизованной системы на примере реформирования местных органов власти и описала процесс уничтожения их самостоятельности и инициативности. Причина постепенной вертикализации управления ученым видится в сознательном перераспределении функций управления, когда верховные органы управления получили возможность (и право) «…руководить хозяйством в общем: давать планы и программы целым отраслям промышленности, заниматься развитием целых отраслей, промышленных районов и секторов хозяйства страны в целом»[2]. Некоторым продолжение данной работы стало исследование К.Г. Ильина[3], в котором он анализирует исходные причины гипертрофированности управленческой системы. В основе жесткой централизации лежала, несомненно, Конституция 1936 года, но триггером данных процессов, по мнению автора, стала начавшаяся Вторая мировая война, выявившая достоинства созданной модели управления, но и ее недостатки. Автор отмечает, что проведенные в послевоенный период мероприятия по ослаблению мобилизационной линии носили преимущественно формальный характер, не затрагивая принципов централизованной экономики. Далее указывается на то, что перестройка существующей системы, создание дополнительных подразделений и элементов обусловило создание новых отраслевых бюро, которые возглавлялись заместителями председателя Совета Министров СССР, что в свою очередь, говорит не о смене модели управления, а лишь ее расширении. В итоге автор приходит к выводу, что «после войны был сделан шаг в сторону

---

[1] Акмурзина О.О. Деятельность местных органов власти Среднего Поволжья в решении задач первой пятилетки в области промышленности: 1928–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара: РГБ, 2007.

[2] Курносов В.В. Идея централизованной плановой экономики и ее реализация в СССР: история и современный взгляд: дис. … канд. экон. наук. СПб., 2011. С. 58.

[3] Ильин К.Г. Реорганизация центральных органов исполнительной власти СССР в послевоенный период (1946–1950 гг.): дис. …канд. ист. наук. М., 2010. С. 26, 27.

децентрализации государственного управления, но очень скоро все вернулось «на круги своя»»[1].

В целом тема создания и развития совнархозовской модели управления экономикой в постреволюционный период и в период руководства Н.С. Хрущева в условиях демократизации политических отношений 1990-х – начала 2000-х годов приобрела особую популярность. В исследованиях ученых[2] делались попытки раскрытия причин возникновения данной формы управления, особенностей функционирования и краха совнархозовской системы. При этом ряд исследователей[3] акцентировали свое внимание не на общегосударственных процессах, а на деятельности отдельных совнархозов и территориальных органов управления, что позволяет нам на региональном уровне проследить эффективность механизма их деятельности. Интересна в этой связи диссертация В.И. Мерцалова «Реформа управления промышленностью и строительством. 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири)»[4], в которой он подчеркнул важность перехода страны на новые механизмы административного управления, подробно исследовал связи между органами управления в период реформ Н.С. Хрущева. Автором указаны ряд системных проблем и противоречий, которые не дали реализовать реформу территориального управления в полном объеме.

Особенностью диссертационного исследования В.И. Мерцалова стало изучение становления децентрализованной модели управления не только в рамках всего государства, но и на примере отдельного региона – Восточной Сибири. Вслед за указанной работой научная литература пополнилась схожими исследованиями на примере отдельных регионов (республик, областей),

[1] Ильин К.Г. Реорганизация центральных органов испольнительной власти СССР в послевоенный период. С. 59.

[2] Благих И.А. Хозяйственные реформы Н.С. Хрущева: волюнтаризм или необходимость? // Из истории мысли и народного хозяйства России. Вып.1, Ч.1. М., 1993; Высоцкий И.А. История становления и деятельности синдикатской системы управления госпромышленностью в условиях НЭПа: дис. … канд. ист. наук. М., 2009.

[3] Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством в центре и на Южном Урале: 1957–1965 гг.: дис. …канд. ист. наук. Оренбург, 2007; Лякишев С.П. Деятельность краевых органов государственного управления промышленностью Алтайского края: 1945–1965 гг.: дис. …канд. ист. наук. Барнаул, 2003; Семенова Л.М. Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью в 1957–1962 гг.: на материалах Башкирской АССР: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003; Солдатова О.Е. Реформирование системы управления экономикой СССР в 1957–1965 гг.: на материалах Куйбышевской области: дис. …канд. экон. наук. Самара, 2005.

[4] Мерцалов В.И. Реформа управления промышленностью и строительством. 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001.

рассматривающими преобразования в промышленной сфере. К значимым работам можно отнести диссертационные исследования М.Г. Ломшина, А.И. Минеева[1]. В отдельных работах, рассматривая реформы органов управления отдельных субъектов государства, ученые пошли дальше, совместив в своих исследованиях[2] несколько исторических периодов.

Но, не стоит утверждать, что исследования 1990 – начала 2000-х годов абсолютизировали систему децентрализованного управления. Выявление острых противоречий и проблем, приведших к свертыванию реформ в области децентрализации, стало объектом исследования нескольких диссертаций. В работах В.А. Ежова[3] и В.Л. Дрындина[4] исследованы причины и предпосылки развертывания реформ, направления их развития, но в то же время значительное внимание уделено негативным последствиям проведения реформ, указано на то, что не был совершен переход к интенсификации экономики, в должной мере не применялись достижения научно-технического прогресса. Дрындин выделял тот факт, что важной причиной реформ децентрализации, помимо экономических и производственных причин, стал социальный аспект развития советского общества.

Вообще осознание существующих проблем в системе управления промышленностью, неспособность руководства на местах их решить побудили руководство страны уже в начале 1960-х годов искать мероприятия по активизации экономической жизни. По мнению А.Г. Агаджаняна, «Хрущев поощрял децентрализацию управления предприятиями, но не потому, что чувствовал потребность в их хозяйственной независимости, а потому, что из-за недостаточной развитости коммуникаций складывались трудности управления ими из союзного центра». Все это, по мнению, автора позволило сформировать

---

[1] Ломшин М.Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957–1962 гг.): дис. …канд. ист. наук. Саранск, 2010; Минеев А.И. Чувашский совнархоз в 1957–1962-е годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью: дис. …канд. ист. наук. Чебоксары, 2012.

[2] Моисеев Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития: Исторический аспект: дис. … д-ра ист. наук. М., 2004.

[3] Ежов В.А. Поиск путей совершенствования хозяйственного механизма. 1956–1965 гг. На материалах промышленности: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

[4] Дрындин В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 198.

механизм децентрализации «весьма сомнительного качества»[1]. В результате хрущевские преобразования внесли в экономику страны хаос, «подменив централизацию ведомственную региональной», что в свою очередь стало шагом назад в вопросах оптимизации управленческой структуры, и приход нового руководителя подтолкнул к новому витку преобразований. Автор приходит к пониманию, что важным аспектом проводимых в последующий период реформ стало предоставление достаточно широких полномочий отдельным предприятиям и повышение роли партийного руководства хозяйством. Реформа изменила характер деятельности министерств, в ходе реформы они достаточно сильно трансформировались: существующие ранее территориальные главки были заменены функциональными и экономическими.

В новейшей истории России появились исследования в областях общества и управления, которые поставили перед наукой новые вопросы, связанные с проблемами правового обеспечения деятельности государственных и местных органов управления (Л.Г. Зиновьева, М.В. Ярных)[2]; значения отдельных промышленных министерств в системе государственного управления (К.А. Кочнева)[3] и т.д. В ряде работ рассматриваются причины неудач предшествующих реформ. Так, в исследовании Т.М. Тимошиной[4] отмечается, что «в реформе были заложены несовместимые принципы: расширение прав предприятий и усиление централизации», в связи с чем реформы А.Н. Косыгина были изначально провальными. Требовались более серьезные изменения в модели управления экономикой. Значительным подспорьем при написании диссертационного исследования явились работы авторов, собственно предметом исследования, которых не являлась система управления промышленностью страны или региона, но опосредованно были

---

[1] Агаджанян А.Г. Исторический опыт разработки и реализации экономической политики СССР и Российской Федерации: 1945–1999 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 206.

[2] Зиновьева Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965–1991 годы: дис. …канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006; Ярных М.В. Местное советы Удмуртии в период реформирования: 1985–1993 гг.: дис. …канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

[3] Кочнева К.А. Министерство легкой промышленности СССР в системе государственного управления: 1965– 1970 гг.: дис. …канд. ист. наук. М., 2009.

[4] Тимошина Т. М. Экономическая история России. М., 1998. С. 338.

связаны с ним. Так, в работе В.Р. Степанова[1] нами обнаружен подробный анализ влияния внешних факторов на проводимую в СССР экономическую политику. Особое место отведено развитию атомной энергетики, производству электронно-вычислительных машин, освоению космоса, новых химических материалов и др.

Особое место в российской историографии по вопросам истории промышленности, отдельных ее институтов было отведено региональным исследованиям. Этому способствовало как появление альтернативных точек зрения на происходившие в прошлом процессы, так и возможность использования ранее засекреченных республиканских архивных данных. Появились публикации[2], рассматривающие особенности промышленного развития их отражение на социально-экономическом облике республики в XX веке. В диссертациях И.А. Гатауллиной «Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность» и О.Г. Коломыца «НЭП в промышленности Татарской республики»[3], на примере республик Среднего Поволжья (и, в частности, Республики Татарстан) рассматриваются вопросы социально-экономического строительства и организации управления промышленностью региона. Авторы не проводят специального анализа системных преобразований в аппарате управления республиканской промышленности. В то же время богатый фактологический материал, привлекаемый учеными, позволил диссертанту использовать его в своем исследовании. В частности, в диссертации И.А. Гатауллиной интересны выводы о том, что сложности восстановления региональной промышленности и низкие показатели трестированных предприятий в годы НЭПа следует считать закономерным результатом того, что фактическое право собственности на редкие в тех условиях ресурсы

[1] Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50–80-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

[2] Белов С.Г. Промышленность Татарстана: результаты научно-технической революции (1950-1980 гг.) // Из истории Татарстана и татарского народа: сб.статей молодых ученых и аспирантов Института Татарской энциклопедии АН РТ. Вып. 1. Казань: Фэн, 2003.

[3] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009; Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской республики: дис. … канд. ист. наук. Казань, 1995.

принадлежало бюрократии. НЭПовская схема организации промышленности не решала задачи удовлетворения возрастающего спроса общества на необходимые товары – она была материальной базой формирующейся партийно-производственной номенклатуры, ставшей впоследствии «государством в государстве».

Многие проблемные вопросы стали анализироваться на основе сопоставления статистических данных и показателей развития нескольких территориальных субъектов, что позволило авторам выявить, с одной стороны, общие, с другой стороны, специфические стороны исторического развития республик и областей, тем самым представляя объективную картину происходивших в прошлом событий. Сравнительный анализ формирования индустриального комплекса автономных республик Среднего Поволжья в 1925–1940-е годы был дан в диссертации Е.А. Антиповой[1]. В объективе ее анализа находились вопросы становление промышленности Марийской, Мордовской, Чувашской и Татарской АССР, индустриальные кадры рабочих и ИТР. Особое место было отведено рассмотрению вопроса участия промышленных центров страны в становлении индустрии республик, что для нашего исследования оказалось полезным с позиции вычленения административных установок государственных и республиканских органов власти в вопросах размещения и организации отраслей промышленности татарской республики. Некоторым хронологическим продолжением упомянутой выше работы стало диссертационное исследование А.Г. Галлямовой. В работе «Татарская АССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах», а также вышедшей позже монографии «Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.)»[2] с позиции теории модернизации дан анализ экономического развития республики в 1940–1980-е

[1] Антипова Е.А. Промышленность автономных республик Среднего Поволжья в 1925–1940-е годы: исторический опыт создания отрасли: дис. ... канд.ист. наук. Чебоксары, 2000.

[2] Галлямова А.Г. Татарская АССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах: дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2011; Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: Татар.кн.изд-во, 2015.

годы, показана трансформация Татарской АССР в области индустриализма и урбанизма, а также появления первых постиндустриальных тенденций. Автор приходит к важным выводам о директивно-мобилизационном характере организации экономических и управленческих процессов, промышленность развивалась на основе модернизации и экстенсификации, при том что республике не удалось завершить модернизацию индустриального сектора экономики.

Общий конструкт данного диссертационного исследования был бы не полным, если бы автор при анализе литературы, посвященной организационным изменениям системы управления промышленностью, не использовал материалы косвенным образом относящихся к системным преобразованиям. Сюда относятся работы, в которых даются общие сведения о результатах промышленной деятельности, формирование социальной политики, проводимой в Татарской АССР и др. В этой связи, особое место занимают исследования, посвященные кадровой политике. В работах Г.М. Алёкминская[1], И.М. Корниловой[2], М.В. Зелева[3] дается разбор проводимой советской властью политики обеспечения кадрами и коренизации промышленных предприятий Поволжья и Татарской АССР. В частности, Г.М. Алёкминская указывает на то, что партийным руководством был взят курс на коренизацию кадров в национальных республиках, истинной целью которой являлось упрочение советской власти на местах[4]. Реализация данных шагов была направлена на консолидацию центральной власти с представителями титульной национальности, что, по мнению автора, должно было исключить появление центробежных тенденций в проведении промышленной политике. Правда, автор также указывает, что последовательной и целенаправленной

[1] Алёкминская Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: дис. ... канд.ист. наук. Казань, 2013.

[2] Корнилова И.М. Исторический опыт подготовки кадров народного хозяйства в национальных районах Поволжья: дисс. … докт. ист. наук. Элиста, 2009.

[3] Зелев М.В. Инженернотехническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928–1941 гг.: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2001.

[4] Алёкминская Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х – 1930-е гг.: автореф. дис. ... канд.ист. наук. Казань, 2013. С. 15.

кадровой политики, как и устойчивого роста татарских кадров в системе управления промышленностью в 1920–1930-е годы еще не существовало.

Вопросы влияния человеческого капитала на организационную составляющую отельных отраслей промышленной индустрии стали предметом специального изучения В.И. Рожнова и М.Р. Минкина. Так, в своей работе «Политика индустриального развития национальных республик Среднего Поволжья: становление топливной и энергетической промышленности на материалах ТАССР, ЧАССР и МАССР, 1926–1941 гг.»[1] В.И. Рожнов подвергает анализу создание и развитие топливно-энергетического хозяйства Среднего Поволжья в рассматриваемый период, а также анализирует проблемы формирования инженерно-технических и квалифицированных рабочих кадров. В диссертационном исследовании М.Р. Минкина «Становление и развитие системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950–1960-е гг.»[2] показаны особенности формирования кадровой политики относительно новой для республики отрасли, остро нуждавшейся в рабочих и специалистах.

Усилилось влияние на историко-экономические процессы представителей историко-географического направления. Исследование С.А. Файзуллина «Административно-территориальное устройство Татарской АССР в 1920–1930-е гг.: формирование и развитие»[3] позволило определить рамки кантональной сети и районов, а также влияние административных реформ на промышленный облик татарской республики. В работе А.Ф. Хузиной показано становление Нижнекамского промышленного района.[4] Несмотря на то, что в работе преимущественно рассматриваются вопросы промышленного освоения района в начале 1960-х годов, основные направления деятельности строительной

[1] Рожнов В.И. Политика индустриального развития национальных республик Среднего Поволжья : Становление топливной и энергетической промышленности на материалах ТАССР, ЧАССР и МАССР, 1926 - 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000.

[2] Минкин М.Р. Становление и развитие системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950–1960-е гг.: дис. ... канд.ист. наук : 07.00.02. Казань, 2011.

[3] Файзуллин С.А. Административно-территориальное устройство Татарской АССР в 1920–1930-е гг. : формирование и развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

[4] Хузина А.Ф. Нижнекамский промышленный район : Возникновение и развитие в 50–60-е годы XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Казань, 2006.

организации «Татэнергострой», особенности строительства и начала эксплуатации объектов Нижнекамского химического комбината, тем не менее представлена ценная информация по тем административным установкам и организационным решениям, которые осуществлялись союзным и республиканским руководством в области управления создаваемого промышленного узла. В частности, важно отметить, что во многом быстрое создание индустриальной площадки стало возможным благодаря присвоению данному проекту статуса Всесоюзной ударной комсомольской стройки, что позволило решить проблему кадрового обеспечения.

Особенностью некоторых исследований становится рассмотрение трансформаций в области промышленности с теми последствиями, которые они накладывали на регион. В этой связи появляется новое направление в научных исследованиях, связанное с экологической историей, у истоков которой стоит А.М. Калимуллин[1].

Большинство современных исследований существенно отличаются от аналогичных работ предшествующего периода. Несомненно, это связано с теми процессами, что произошли в стране в 1980–1990-е годы, связанные с распадом страны и переориентацией экономики на новые рыночные механизмы развития. Эти изменения обусловили и переориентацию ученых от хвалебных отзывов к отрицательным, что в конечном итоге тоже не верно, так как формирует однобокий взгляд на происходившие в прошлом события и процессы. В этой связи, для более объективной оценке экономических показателей, в качестве сопоставительного анализа, нам представляется важным ввести в научный оборот материалы иностранных исследователей. Вследствие того, что долгое время эти работы практически не использовались отечественными учеными, терялся объективизм науки, выстраивалась идеологизированная однополярная ее модель.

[1] Калимуллин А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х годов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.

Между тем зарубежной историографией был накоплен значительный фактологический материал по вопросам управления экономикой и отдельными ее отраслями. Взгляды иностранных ученых зачастую были диаметрально противоположными и отражали специфику не столько экономических, сколько политических мнений авторов. Так, ряд исследователей (Э. Карр, М. Добб) с достаточной теплотой отзывались о проводимой в СССР государственной экономической политике, подчеркивали несомненные достижения советской индустрии, в тоже время, такие ученые, как С. Шварц, А. Эрлих являлись противниками всего того, что было сделано в стране.

Боязнь столкнуться с откровенно «заказными» критическими исследованиями присутствует, но тем не менее в зарубежной литературе находятся и исследования, которые и объективно и, что очень важно, даже положительно оценивали процессы, происходившие в СССР. Все это, несомненно, актуализирует дискуссию по вопросам эффективности управления социалистической промышленности.

С позиции современной науки, оценивая произведения западных исследователей по вопросам эффективности советской экономики и системы управления, можно условно их разбить на несколько групп, в зависимости от хронологии выхода изданий. Ранняя группа работ относится к постреволюционному периоду и первым годам деятельности советской власти, когда большинство зарубежных ученых[1] не имея подтвержденных фактов и всей полноты, происходящих в нашей стране процессов пыталась дать им трактовку, представляя постреволюционные изменения как определенный социально-экономический эксперимент, делая предположения по поводу его дальнейшего распространения. К более серьезным, аналитическим исследованиям вопросов функционирования советской экономики, ее

[1] Page A. Arnot. The Russian Revolution. London, 1923; Pares B. A History of Russia. N.Y., 1926; Lawton L. An Economic History of Soviet Russia. London, 1927; Farbman M. After Lenin. The New Phase in Russia. London,1924

организационному устройству первой половины XX столетия относятся работы М.Добба, С. Нерина и Дж. Харди, С.Н. Харпера, А. Байкова, Е. Карра.[1]

По-настоящему интерес к советской экономике и ее системе управления проявился у западных ученых во второй половине столетия. Объяснялось это теми высокими темпами экономического роста, которые показывала отечественная экономика. Целью деятельности западных исследователей во многом становилось желание дать рекомендательные установки для правительственной политики своих стран в отношении Советского Союза, и здесь значительную пользу оказали ученые-советологи – Дж. Берлинер, П. Грегори.[2] Наибольшее влияние на формирование многогранного образа советского государства в глазах западной общественности оказали такие исследователи, как Дж. Бернал, М. Евангелиста, В. Ли, К. Стаар, Т. Хелиньяк, У. Ростоу и др.[3] Несомненно, важным аспектом представленных работ зачастую становилась критика эффективности советской экономики, но, одновременно с этим, прослеживается удивление от ее мощного подъема на некоторых этапах своего развития.

Работы этих авторов в Советском Союзе расценивались преимущественно как ошибочные, подменявшие истинные процессы, которые происходили в стране. Отношение к ним зависело от степени приближенности их выводов к утвердившимся в отечественной историографии оценкам. Данный подход был обоснован тем, что в большинстве работ СССР выступал в роли антагониста, противника прогрессивной части человечества. Вместе с тем

---

[1] Dobb M. Russian. Economic Development since the Revolution. N.Y., 1928; Nearine S., Hardy J. The Economic Organization of the Soviet Union. N.Y., 1927; Harper S.N. Government of the Soviet Union. N.Y., 1949; Baykov A.M. The Development of the Soviet Economic System; an essay on the-experience of planning in the USSR. N.Y., 1946; Carr E.H. A History of Soviet Russia. London, N.Y., 1950–1959.

[2] Berliner J. Soviet industry from Stalin to Gorbachev. Ithaca, 1988; Gregory P., Stuart R. Soviet Economic Structure and Perfomance. Forth ed. Harper Collins Publishers, 1990.

[3] Бернал Дж. Мир без войны / Пер. с англ. И.З. Романова и В.М. Францовой. М., 1960; Evangelista M. Stalin's Postwar Army Reappraised // Soviet Military Policy Since World War II / Ed. by W.T.Lee, K.F.Staar. Stanford, 1986; Heleniak T. Estimates and Projection of the Labour Force and Employment in the Soviet Union for 1988 and 1987, Working paper. Washington, 1990; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. Cambrige, 1960; Sherman H.J. The Soviet Economy. Boston, 1969; Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1945 to 1965. Stanford, 1973; Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972; Nove A. An Economic History of the USSR. New York, 1989; Gill G. The Rules of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1988; Schroeder G. The Soviet Economy on a Treadmill of «Reforms», Washington. 1979; McLauley M. Khrushchev and Breznev as Leaders. London, 1982; Crankshaw E. Khrushchev. London, 1969.

многие выводы, сделанные зарубежными авторами, стали важным фундаментом знаний по исследуемой проблеме.

Реформаторскую деятельность второй половины XX столетия зарубежные исследователи оценивали неоднозначно. Справедливости ради надо отметить, что негативные оценки преобладали. Такие ученые, как Ш.Э. Легасс, Дж. Пеллот, Д. Шо, Дж. Хоскинг,[1] отмечали неспособность новой системы выйти за рамки централизованной модели, усиление обособленности регионов, возрастание роли партийных функционеров и др. По мнению М. Берри,[2] руководителям страны за время проведения структурных преобразований в системе управления не удалось разрешить проблему поддержания непрерывного НТП в промышленности.

По-разному оценивались причины начала управленческих реформ второй половины 1960 – начала 1970-х годов. Некоторые исследователи в качестве основополагающих причин ставили влияние внешних факторов[3], а именно отставание темпов роста экономики от Запада, другие[4] указывали на внутренние факторы, а именно проблемы в отдельных отраслях экономики. При этом большинство исследователей[5] соглашалось, что представленная реформа не привела к кардинальным преобразованиям модели управления индустрией, она по-прежнему функционировала в рамках централизованного управления.

Еще одна волна научного интереса к вопросам управления советской экономики и отдельных ее отраслей захлестнула зарубежных исследователей[6]

[1] Lagasse Ch.-E. L'entreprise sovietique et le marche. P., 1979. P. 43; Pa11ot J., Shaw D. Planning in the Soviet Union. L., 1981. P. 71; Davies R. W. Economic planning in the USSR II The Soviet economy: continuity and change. Boulder, 1981. P. 30; Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991 / Пер. с англ. М., 1994; Er1ich A. Economics // Russian and Soviet studies: a handbook I Ed. by C A. Bezer. Columbus, 1973. P. 20.

[2] Berry M. J. Science, technology and innovation II Khrushchev and khrushchevism I Ed. by M. McCauley. Houndmills et al., 1987. P. 90.

[3] Gregory P.R., Stuart R.C. Soviet economic structure and per-formance. N.Y. et al., 1974. P. 339, 342.

[4] Wright A.W. Soviet economic planning and performance II The Soviet Union since Stalin I Ed. by S. F. Cohen et al. Bloomington, 1980. P. 118.

[5] Chauvier J.-M. L'URSS au second souffle. Bilan et reformes de reconomie planifiee sovietique. Liege, 1976. P. 129; K a s e r M. Soviet economics. L., 1970. P. 114, 115 and etc.

[6] Remington T. Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917–1921. Pittsburgh, 1984; Malle S. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge, 1985; Williams B. The Russian Revolution, 1917–1921. Oxford; N.Y., 1987; Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990; Boettke P. The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918–1928. Boston, 1990; Husband W. Revolution in the Factory: the Birth of the Soviet Textile Industry, 1917–1920. N.Y., 1990 и др.

на рубеже 1980–1990-х годов, что объяснялось уже, наоборот, кризисом командной экономики и поиском причин, приведших ее к такому состоянию. Особое место в дискуссиях получил вопрос особенностей авторитарного управления в СССР, который стал складываться практически в первые годы советской власти, а также причинно-следственных связей проводимых мероприятий, делались аналогии с последующими историческими периодами.

Уже в наше время появились работы Р. Аллена[1] и С. Коткина[2], в которых по-новому интерпретируются проблемы СССР. К ним авторы относят неспособность системы перестроиться на новые отрасли, связанные с применением компьютерных технологий, исчерпанием трудовых ресурсов и др. Не последнее место в этом ряду отводится и просчетам руководства. Авторы приходят к выводу, что система управления, которая была эффективна в 1930-е годы, стала ступором развития экономических отношений в 1970-е гг. и не дала возможность стране вступить на путь постиндустриального развития. Так, Стивен Коткин указывает на нереформируемость советской системы управления. С данной концепцией не согласен Ли Шеньмин. В сборнике своих произведений «Над этим размышляет история» он отмечает[3], что причина кризиса советской системы управления крылась не в просчетах руководства, а в постепенном нарастании проблем внутри коммунистической партии, что было вызвано отходом от идей К. Маркса и В.И. Ленина.

Из представленного историографического обзора мы видим определенный накопленный пласт научной литературы, посвященный вопросам теории управления, становлению, развитию системы управления промышленности Советского Союза и его республик. Но при достаточном разнообразии работ, посвященных организационным изменениям в системе управления экономикой отдельных регионов СССР, практически полностью отсутствуют работы, в которых освещались бы вопросы эволюции аппарата

---

[1] Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013.

[2] Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

[3] Ли Шеньмин. Разложение КПСС – коренная причина распада СССР // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China), 2012. С. 47.

управления промышленностью Татарской АССР. Некоторое исключение составляют труды В.И. Кадыльского, Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, В.Б. Токарева, в отдельных разделах которых анализировались схожие вопросы.

Особенностью представленных изысканий очень часто становилась выборочность научного анализа. Исследованию подвергались отдельные факты, интересные авторам, при этом упускались из виду более существенные аспекты происходивших изменений. Значительное число работ не рассматривали проблемы влияния реформ на общественные устои, а также на уровень и качество жизни населения. В качестве важной проблемы современной историографии можно выделить также практически полное отсутствие работ иностранных авторов, посвященных структурным изменениям в системе управления промышленностью республик и областей СССР, большинство авторов рассматривали только общегосударственные процессы.

К сожалению, многие недостатки историографии предыдущего периода оказываются не устраненными и в настоящее время. Нами обращено внимание, что в современной исторической литературе слабо представлен анализ ведомственной статистики, необходимый не столько для отражения текущего состояния экономики, сколько ее влияния на управление или социально-экономическое воздействие на страну (или регион). Одновременно не всегда в полном объеме используются материалы периодической печати и работы мемуарного характера. Для современной науки использование данных видов источников становится очень важным с позиции выделения исторической правды, что обусловливает проведение отдельного анализа источниковедческого материала.

1.3. Источниковая база исследования

Анализ представленной темы невозможен без изучения источниковедческой базы. Только исследовав документы, можно прийти к объективным выводам о происходивших в прошлом событиях и процессах.

Этому же способствует и то, что в современных условиях созданы широкие возможности для привлечения широкого пласта новой, ранее не использованной информации, становятся доступными в прошлом засекреченные материалы архивов. Приходит иное понимание, иная интерпретация уже известных источников, что связано с переосмыслением использованного ранее советской историографией принципа партийности и однолинейности общественного развития. При этом автор понимает, что при изучении исторических материалов, анализируя события прошлого, сложно поставить «точку». Каждое новое поколение будет по-своему трактовать исторические источники, вычленяя из них свою правду.

Вопросы, связанные с проводимой промышленной политикой и ее воздействием на организацию системы управления, всегда находились в центре внимания государственных и местных органов управления. Все это обусловило появление значительного объема источников, посвященной данной тематике. Они различаются по степени объективности, уровню информативности и репрезентативности, и многим другим показателям. Сопоставление данных материалов, их наложение, позволило в процессе исследования выделить наиболее существенные аспекты развития и эволюции системы управления в СССР и его отдельных регионах во второй половине XX века. В работе также используются материалы личного характера, которые некоторыми учеными отрицаются и не применяются для оценки происходивших событий, но для оценки происходивших событий, характеристики условий и духа эпохи, необходимые.

Материалом для диссертации послужили опубликованные и неопубликованные исторические источники, которые можно условно разделить на следующие группы: законы и нормативные акты, статистические данные, делопроизводственные документы, периодическая печать, публицистика, материалы личного происхождения.

Анализ источников начнем с первой группы, которая является базовой среди остальных, поскольку организационные изменения в системе управления

промышленностью СССР и ее субъектов во многом были определены нормами и правилами, закрепленными законодательными и нормативными документами, принимавшимися на общегосударственном и региональном уровнях. Материалы данной группы можно условно разделить по ряду признаков, но, прежде всего, по своей значимости. Так некоторые документы носили характер стратегических, их осуществление предполагалось на некоторую будущую перспективу, другие же документы носили оперативный характер, решение задач которых должно было осуществляться в текущем времени.

Среди представленной группы основополагающими источниками, закреплявшими принципы государственности, функции органов управления, и имевшими отражение на направлениях дальнейшей государственной политики в области промышленности и изменениях системы ее управления, являлись конституции, принятые на уровне РСФСР и СССР[1]. Они имеют большое значение с позиции того, что позволяют детально рассмотреть правовую основу деятельности государства, воссоздать политическую атмосферу исследуемого периода.

Особую важность для нашего исследования составляет возможность проследить особенности системы управления и функциональные связи, которые устанавливались между органами центральной, региональной и местной власти, партийными, советскими и хозяйственными органами управления. К примеру, в разделе третьем Конституции РСФСР 1918 года[2] нами обнаружена роль центральных органов управления республикой, в разделе 8 которого дается представление о роли СНК и руководстве отдельными отраслями реальной экономики. Уже в следующей конституции

---

[1] Конституция СССР. Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е, т. 22. М., 1953; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик / Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата сохранения: 27.04.2020); Конституция СССР. М., 1977; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик / Верховный Совет СССР 07.10.1977 // Консультант Плюс. URL: www.consultant.ru (дата сохранения: 27.04.2020)

[2] Конституции (Основного Закона) Р. С. Ф. С. Р. 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 51.

РСФСР 1925 года[3] вопросам управления посвящены 3-8 главы, разграничиваются уровни управления и задачи, стоящие перед ними.

В советский период истории на постоянной основе издавались работы центральных органов власти. Они занимают важное место среди опубликованных источников. К ним относятся законодательные акты, материалы и резолюции съездов и пленумов, постановления и решения ЦК КПСС, сборники конференций (совещаний) и т.д.[1], отображающие преобразования системы государственного и регионального управления промышленностью, обзоры деятельности отдельных органов государственного управления, сборники нормативно-правовых актов, официальные документы и решения органов власти в центре и на местах. Данная группа источников показывает реальные мероприятия, осуществляемые советской властью в экономике и ее отдельных секторах.

Зарождение системы государственного управления молодой советской России можно проследить в декретах, сборниках законов и распоряжений[2]. Отличительной чертой этих источников являлось включение в них практически всех документов, изданных советской властью (правда, часто в переиздания многие из них уже не попадали). Нами отмечено, что в первых сборниках, издаваемых отраслевыми ведомствами, отсутствовала четко выраженная концепция и идея, кроме технического оглавления, не были представлены ни пояснения, ни выверенные приложения. Основная функция сборников состояла в практическом их применении соответствующими органами. В последующий период эти недочеты устранялись.

---

[3] Конституции (Основного Закона) Р. С. Ф. С. Р. 1925 год // СУ РСФСР. 1925. № 30. ст. 218.

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1959; Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, (1898-1986). 9-е изд. тт.7-9. М.: Политиздат, 1983, 1985; КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970-1978; Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966; XXII съезд Коммунистической партии Советского союза. М.: Госполитиздат, 1962; XXIII съезд КПСС. 29 марта – 8 апреля 1966 года. В 3-х т. М, 1966; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981; XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы. 25-28 февраля 1961 года. М., 1962.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. М., 1917–1921; Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 1-2. Нижний Новгород, 1919–1920; Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Вып. 1-3. М., 1918–1921.

Работая над нормативной составляющей данного исследования, автор столкнулся со сборником документов и материалов «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам»[1], в котором были обнаружены материалы центральных органов по экономическим и организационным вопросам управления. Важным документом, отражающим юридический аспект функционирования децентрализованной модели управления промышленности страны, стало «Положение о совете народного хозяйства экономического административного района», которое дает представление о целях и задачах, проводимых в конце 1950-х годов структурных преобразованиях в системе управления промышленностью СССР. В сборнике «Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов 1917–1965 гг.»[2] были обнаружены нормативные акты и документы, отражающие важнейшие изменения в экономике страны в указанный период, показаны мероприятия, проводившиеся центральными органами управления в области управления промышленностью. В большинстве представленных материалов продемонстрированы достижения советской экономики, но при этом в недостаточной мере отражены проблемные стороны, что снижает объективную картину представленных событий.

Значительный пласт информации для представленного исследования был взят из документов, опубликованных в сборниках постановлений СССР. В них содержатся сведения, позволяющие проследить эволюцию экономической политики партии и правительства на всем этапе существования государственности[3].

Промышленное развитие страны, а также роль и участие государственных и региональных органов управления в этом процессе получили соответствующее отражение в различных документах Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР и РСФСР, отдельных министерств и

---

[1] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов и материалов. Т. 2. М., 1957.

[2] Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965 гг. Кн. 2. / Под ред. С.Г. Струмилина. М., 1967. 932 с.

[3] Собрание постановлений (СП) СССР. М., 1957, 1958, 1960, 1963, 1965, 1967, 1973, 1979, 1986.

ведомств, органов власти Республики Татарстан. В представленных материалах содержатся сведения о решениях партийных, государственных органов по проблемам экономического роста, направлениях и перспективах советской экономики, предлагаются итоги деятельности центральных и местных органов власти. Данные материалы являются результатом коллективного творчества и анализируют важные аспекты организационного, производственного и социального аспектов деятельности. В отчетных докладах Коммунистической партии были изложены перспективы развития страны, ход проведения преобразований, проблемы и т.д. Эти источники являются отражением политики советского руководства по вопросам промышленного развития страны и отдельных регионов. Источники позволяют нам получить представление о том, какие цели и задачи стояли перед партией в рассматриваемый период, какой горизонт будущих процессов виделся руководителям государства. Особенно в этой связи интересны программные документы партии, дающие представление о стратегических линиях развития государства в области экономики[1].

Материалы центральных органов власти позволяют сегодня проследить динамику подготовки и реализации важнейших решений на государственном уровне и их дальнейшую реализацию органами региональной и местной власти. Вместе с тем мы обратили внимание на большую степень декларативности рассматриваемых документов и невозможности их использования в практике управления. Перспективные планы все более становились нереальными для выполнения, а подведение итогов этих планов – все более общим, не имеющим конкретных мероприятий и шагов. Часть выводов вообще имели свойство переписываться в разных документах.

Нормативные материалы, принимаемые на уровне Татарской АССР автор получил на основе использования сборников документов, отражавших работу соответствующих органов управления в области промышленности. Одной из

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М., 1986; Устав КПСС. Утвержден XXVIII съездом КПСС / Материалы XXVIII съезда КПСС. М., 1990.

таких работ по истории индустриализации республики стал сборник документов и материалов «Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг.»[1]. В сборник вошли нормативные акты и документы, освещающие вопросы деятельности промышленности, накопление финансовых средств, итоги выполнения пятилетних планов, режим экономики, движения рабочих кадров и т.п. В отдельных документах есть сведения об организационных изменениях, происходивших в Татарской АССР в указанный период. В частности, показаны уровни подчиненности промышленных предприятий, подчеркивается необходимость усиления трестирования промышленности накануне индустриализации и т.п.[2] Отдельные источники по происходящим в экономике Татарской АССР в годы войны процессам мы можем найти в сборнике документов и материалов[3], изданном в 1948 г. В похожем сборнике[4] на основе законодательных источников можно проследить проблемы развития экономики ТАССР и отдельных ее отраслей. Документы, представленные в данных сборниках, дают системное представление о значимых мероприятиях и процессах, проходивших в республике.

Данной группе источников ни на общегосударственном, ни на республиканском не удалось избежать декларативности, стремления «обелить» проводимые мероприятия. Тем не менее она имеет большое значение, с учетом того, что общая социалистическая доктрина определяла последующие шаги и действия советской власти, направления промышленной политики. Нами отмечено, что, несмотря на консервативность и инерцию советской экономики, изменения отдельных элементов доктрины могли отражаться на общей концепции управления, ее методах и формах.

Особенностью рассматриваемой группы источников является наличие их в свободном доступе, что облегчает поиск необходимых документов. Правда,

---

[1] Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. (Сборник документов и материалов) / Под ред. Н.А. Андианова, У.Б. Белялова, А.А. Петровой. Казань, 1968.

[2] Там же. С. 63, 70.

[3] Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (Сборник документов и материалов) / Под ред. Г. Геляева. Казань, 1948.

[4] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сборник документов и материалов / Сост.А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. Казань, 1963.

до 1980-х годов партийные документы не публиковались в открытой печати и были недоступны для науки и широкого круга читателей. В условиях перестройки многие документы издавались в журналах «Известия ЦК КПСС», «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «История СССР» и некоторых других. Особенностью современной России стала публикация данных источников вместе с комментариями исследователей, занимающихся данными проблемами, что существенно дополнило и расширило понимание происходивших ранее процессов.

Анализ этой группы источников осуществлялся на основе сопоставления итоговых вариантов источников и их проектов (под проектами мы понимаем резолюции, записки, материалы по вопросам промышленного развития страны и региона), что позволило автору проследить этапы выработки документов, рассмотреть степень влияния партийных органов на процесс принятия решений. Данная информация полезна нам не только с позиции получения новых сведений о направлениях промышленной политики партии, но и с точки зрения определения роли и значения отдельных личностей в истории.

Вторую группу источников представляют статистические материалы и исследования. Важность этих изданий заключается в том, что они дают возможность исследователям проследить не только динамику промышленного развития страны и отдельных регионов, но и дать представление о социальных процессах, происходивших в советском обществе. Материалы статистических сборников характеризуют количественные изменения. Основными разделами, использованными нами в процессе написания диссертационного исследования стали: численность промышленных предприятий, производственные показатели, численность управленческих кадров и рабочих, доля национальных кадров и многое другое. Статистические сведения представлены центральными статистическими органами СССР и РСФРС. При этом экономические

показатели[1], опубликованные в первое десятилетие существования советской власти, отличались большей достоверностью и их качественной обработкой.

Представленные материалы в данной группе источников информативны, но интерпретация данных в них достаточно затруднительна, что связано с неполнотой статистических данных и их закрытостью. К примеру, в статистических данных не учитывались показатели скрытой безработицы и инфляции, полностью отсутствовала информация по предприятиям военной сферы и многие другие показатели, оцениваемые современной экономической наукой. Нельзя не учитывать и значительный процент погрешностей, представленных в сборниках показателей, а также значительную трудность в проведении сравнительного анализа вследствие того, что начальные даты зачастую относят нас к 1913 г. Но все же отказываться от использования данного рода источников было бы неправильным. Несмотря на наличие недочетов, завышение показателей и т.п., указанный вид источников, несомненно, является важным при проведении исторических исследований. В этой связи в диссертации были использованы народнохозяйственные сборники страны, статистические справочники, списки предприятий и т.п.[2]

Необходимую, но в тоже время спорную информацию автор заимствовал из документов, представленных в ежегодных республиканских сборниках[3], а также сборниках, посвященных знаменательным датам. В указанных

[1] Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г. Вып. 1, 5, 8. М., 1921–1926; Материалы по текущей промышленной статистике за 1919 и 1920 годы. Вып. 1. М., 1922; Статистический справочник по народному хозяйству. Вып. 2–4. М.-Пг.-Л., 1923–1924.

[2] Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. М., 1961, 1975; Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбил. стат. сб. М., 1982; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961; Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М.: Госстатиздат, 1962; Народное хозяйство СССР в 1963 г. М.: Статистика, 1965; Народное хозяйство СССР в 1965 г. М.: Статистика, 1966. 910 с.; Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985; Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1990; Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987; Промышленность СССР. Статистический сборник. М., 1957.

[3] Бюджет г. Казани 1955–1956 гг. (Материалы к 10-й сессии Казанского городского Совета трудящихся V созыва). Казань, 1956; Бюджет г. Казани на 1959 г. (Материалы к 2-й сессии Казанского городского Совета депутатов трудящихся VII созыва). Казань, 1959; Пятьдесят лет Татарской АССР. Статистический сборник. Казань: Статистика, 1970; Татария за 50 лет. Статистический сборник. Казань: Изд-во Статистика, 1967; Народное хозяйство Татарской АССР. Казань, 1972; Народное хозяйство Татарской АССР в девятой пятилетке. Казань, 1976; Народное хозяйство Татарской АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. Казань, 1987; Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. Статистический сборник. Казань: Таткниздат, 1980; Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Экономико-географическое моделирование систем городских поселений и промышленных узлов Татарской АССР за период 1965–1970 гг.». Казань, 1970.

материалах даны количественные показатели роста экономики Татарской АССР, ее отдельных отраслей, динамики численности рабочих промышленности и т.п. Для понимания процессов, происходивших на уровне республики, для нас стал важен сборник документов по истории нефтяной, газовой, нефтехимической промышленности республики, составленный непосредственным участником тех событий, руководителем Татарского совнархоза С.Л. Князевым[1]. Многие документы, представленные в данной работе, являются отражением тех установок, которые осуществляло руководство и непосредственно сам С.Л. Князев по созданию эффективно действующей республиканской промышленности.

Представленные сборники документов не были лишены определенной доли фальсификаций и неточностей. В сборники документов чаще всего включались материалы, характеризующие те или иные процессы только с положительной стороны. Существенным аспектом является еще и то, что многие показатели пятилеток были несовместимыми. Это и побудило автора в процессе работы над диссертационным исследованием проводить некоторые уточнения и проверки из материалов других научных работ, а также архивных данных.

Статистические данные, полученные из фондов архивов СССР и Республики Татарстан, сформировали основу научного исследования. Данные источники позволяют воссоздать объективную картину проходивших в прошлом событий. Представленные документы не подвергались последующим исправлениям, но при этом очень часто являлись не систематизированными и отрывочными. В процессе работы автор отсеивал документы сомнительного происхождения, что было необходимым компонентом работы и было обусловлено угрозой следования чьим-либо субъективным взглядам или, возможно, собственному ошибочному мнению.

---

[1] Нефть, газ и нефтехимия Татарии. Документы и материалы / Отв. ред. С. Л. Князев. Казань: Татарское книжное издательство, 1979.

В ходе подготовительной работы по написанию диссертационного исследования автором был привлечен значительный комплекс материалов и документов центральных и региональных архивов. Более семнадцати лет автор осуществлял поисковую работу по нахождению и обработке архивного материала, его опубликовании. Это было вызвано необходимостью систематизации сведений о проводимой в СССР экономической политике и реорганизациях в аппарате управления промышленностью Татарской АССР, создании базы данных на базе нормативно-правовых, делопроизводственных, статистических и других материалов.

Обширный пласт материалов был найден в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). В архиве собран практически весь материал по развитию промышленности и ее системе управления за весь период существования СССР. По многим вопросам существуют дела, начиная с постановки проблемы и до ее решения. Документы Государственного архива Российской Федерации (фонды Совета Министров РСФСР – А-259, Совета Министров – Р-5446, Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов – Р-5451) располагают данными о замыслах и планах союзного и республиканского руководства, по мероприятиям, направленным на реформирование системы управления.

Значимым для нашего исследования явился фонд Совета Министров РСФСР, документы которого представлены постановлениями, протоколами и распоряжениями СНК РСФСР (позднее Совета Министров РСФСР), то есть теми материалами, которые во многом оказывали влияние на государственную политику в области промышленности республики. В частности, в фондах Совета Министров РСФСР были найдены материалы по взаимоотношению центральных органов управления с Советом министров Татарской АССР, рассмотрена деятельность отдельных министерств и предприятий. В представленном фонде мы можем проследить не только достижения в области индустриального строительства республики, но и те проблемы, которые ему сопутствовали.

Важную информацию содержит фонд Государственного планового комитета РСФСР – А-262, в материалах которого содержатся сведения о деятельности Государственной плановой комиссии. Интерес вызван, прежде всего, тем, что на основе документов этого фонда мы имеем представление о формировании плановых механизмов в стране.

В представленных документах преимущественно анализируются сведения о планах промышленного развития РСФСР и отдельных автономных республик и степени их выполнения. Особенностью данных фондов является наличие в них материалов (законов, указов, распоряжений и т.д.) центральных органов власти, которые позволяют показать последовательность прохождения документов от государственной к республиканской и далее к местным органам управления.

Показательно, что материалы, содержащиеся в данном фонде, часто не соответствовали показателям, опубликованным в официальной статистике. Данный аспект указывает на то, что руководители министерств и ведомств в целом были достаточно полно осведомлены о тех проблемах, которые были в промышленной сфере, но при этом по некоторым соображениям не освещавшие их для всего общества.

Богатый пласт архивных документов содержится в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). При работе над диссертацией были использованы разнообразные документы Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (Ф. 1562), Государственного планового комитета СССР (Ф. 4372), которые отражают специфику работы центральных органов управления промышленностью, органов планирования, а также работу аппарата управления отдельными отраслями промышленности.

Особый интерес в этом ряду представляют материалы Высшего совета народного хозяйства РСФСР и СССР (Ф. 3429), в которых показаны основные направления развития советской экономики, государственная политика в области промышленности, проблемы и достижения индустрии СССР. Материалы данного фонда позволили сформировать представление о создании

совнархозовской системы хозяйствования в период становления советской власти на территории края, проблемы, которые были свойственны данному процессу. Обнаруженные здесь отчеты позволяют воссоздать картину организационных трудностей первых организационных действий советской власти на местах.

Значительный материал по формированию отдельных отраслей промышленной индустрии страны и республик был взят из отраслевых фондов архива. Так, в фондах Государственного производственного комитет по газовой промышленности СССР (Ф. 279), Государственного комитета по машиностроению при Госплане СССР (Ф. 344) была получена информация по текущим вопросам функционирования данных отраслей, взаимодействия центральных, региональных и местных органов управления.

Некоторые документы были обнаружены в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). В фонде 82 рассмотрены материалы, связанные с деятельностью заместителя председателя Государственного комитета обороны В.М. Молотова по проблемам обеспечения потребности и устранения проблем промышленных предприятий страны в начальный период войны. Отдельное место в документах фонда отведено вопросам формирования действенного аппарата управления промышленностью на местах.

Материалы Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) (до 2016 года архив назывался Национальный архив Республики Татарстан) стали наиболее ценными источниками о деятельности республиканских и местных органов управления промышленностью. Важными документами применительно к рассматриваемой теме стали постановления правительственных и исполнительных органов, а также подготовительные материалы (докладные записки, отчеты, статистический материал и др.). Здесь была отражена деятельность органов управления в области промышленности, основные реорганизации, а также причины, тормозившие выполнение поставленных задач. Особого внимания заслуживают стенографические отчеты партийных

конференций, где можно было найти сведения по различным организационным вопросам.

В ГА РТ были использованы фонды Открытого акционерного общества «ТАТАРМЕСТПРОМ» (Р-3049), Министерства пищевой промышленности ТАССР (Р-6292) и др. Представленные фонды содержат предельно полную информацию по проблемам создания и функционирования отдельных органов управления промышленностью республик на некоторых этапах своего развития. Материалы фонда № Р-3049 позволили дать представление о развитии институтов управления местной промышленности республики, основных реорганизациях, показателях развития. Значительное место отведено проблемам, которые существовали в системе местной индустрии, связанной с приписками, халатностью, прогулами, которые имели место быть на предприятиях республики.

В отдельных фондах подробно описываются изменения, происходившие непосредственно в системе управления промышленностью республики. Так, в документах Совета народного хозяйства Татарского экономического административного района (Р-7233), в связи с реформами промышленности СССР, подробно описаны перестановки в аппарате управления промышленности Татарского совнархоза, функциональные связи между органами управления и промышленными предприятиями.

Важная информация автором диссертационного исследования обнаружена в фондах бывшего Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (в настоящий момент Государственного архива Республики Татарстан). Здесь находятся сведения по вопросам создания Татарской АССР, отраслям экономики, строительстве стратегически важных предприятий республики, а также значительный материал по истории заводов. Фонды представленного архива содержат разностороннюю делопроизводственную документацию по деятельности партийных, советских и хозяйственных органов управления промышленностью татарской республики. Сюда относятся протоколы

заседаний обкома, докладные записки, стенограммы конференций. В частности, фонд № 15 (Татарский республиканский комитет коммунистической партии советского союза, г.Казань, Татарской АССР) позволил получить важную информацию о деятельности промышленности республики в годы войны, эвакуации предприятий и рабочих в Татарскую АССР. Документы дают полную информацию о становлении нефтяной и газовой отрасли, строительстве и работе важнейших предприятий республики во второй половине XX столетия.

В фондах объединенного республиканского архива содержится материал, освещающий вопросы деятельности республиканских органов управления промышленностью. И несмотря на то, что многие документы дублируют материалы государственного архива, они вместе с тем дают возможность сопоставления Республики Татарстан с другими республиками и областями Советского Союза. Материалы республиканского архива позволили автору дать более объективную оценку происходившим в регионе процессам.

Третью группу источников составила делопроизводственная документация. Она представлена приказами и инструкциями, регулирующими организационные вопросы, относительно внутриведомственных изменений в структуре, содержании, методах деятельности системы совнархозов; директивы и отчетные материалы; материалы по непосредственной деятельности местных органов управления, отделов.[1]

Всю атмосферу рассматриваемого периода наиболее четко передают протоколы и стенограммы органов государственной и региональной власти[2], а также отчеты и инструкционные материалы[3]. Они запечатлели выступления

[1] Классификация отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности. М., 1967; Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1974.

[2] Труды I Всероссийского съезда Советов Народного Хозяйства 25 мая – 4 июня 1918 г. М., 1918; Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16-18 мая 1955 г.: Стенограф. отчет. Гриф «Не для печати». М., 1955; Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января–5 февраля 1959 г.: Стенограф. отчет. Т.1. М., 1959; Двадцатый съезд КПСС (14-25 февраля 1956 г.): Стенографический отчет. Т. 2. М., 1956.

[3] Татарская АССР. Народный ком. легкой промышленности. Сектор производ.-техн. пропаганды. Инструкционные материалы по технологическому процессу валено-обувных предприятий объединяемых Наркомлегпромом/ Техпром Наркомлегпрома Татреспублики. Казань: Техпроп Наркомлегпрома Татреспублики - Татгосиздат. Сектор пром.-техн. литры, 1934; Развитие и размещение строительной индустрии в экономических административных районах: Материалы Совещания по развитию и размещению строит. индустрии в экон. адм. районе Татар. АССР/ [Ред. коллегия: чл.-кор. Акад.

(доклады) руководителей страны, партии, региона по вопросам хозяйственного строительства. В них мы находим не столько фактологические данные по происходившим событиям, сколько познание исторического профиля участников рассматриваемого периода, образа мышления, аргументированности их идей. Данная группа источников позволяет проследить отдельные мнения и предложения по совершенствованию организационного аппарата управления промышленностью, критику проводимых реформ и т.д. В частности, в отчете о деятельности Татарского совета народного хозяйства[1] нами были обнаружены условия, в которых развивалась республиканская промышленность в первые годы проведения новой экономической политики, показаны ее результаты и сложности с которыми приходилось бороться.

Важно отметить, что многие архивные материалы также можно отнести к разряду делопроизводственной документации. Так, на основе инструкций, записок и другой делопроизводительной документации фонда Государственного планового комитета РСФСР – А-262 Государственного архива Российской Федерации, автором были получены данные о количестве передаваемой информации, степени ее выполнения, то есть соответствии фактических результатов запланированным. Исходя из служебных записок и писем, полученных из фондов Государственного производственного комитет по газовой промышленности СССР (Ф. 279), Государственного комитета по машиностроению при Госплане СССР (Ф. 344) Российского государственного архива экономики можно сделать определенные выводы по основным проблемам, которые характеризовали развитие ведущих отраслей экономики СССР. Из служебных записок и инструкций фонда 644 Российского государственном архиве социально-политической истории была получена важная информация о деятельности Государственного комитета обороны СССР

строительства и архитектуры СССР П. Б. Горбушин и др.]; Совет нар. хозяйства Татар. экон. адм. района. Науч.-исслед. ин-т экономики строительства Акад. строительства и архитектуры СССР. Отд. экономики Госстроя СССР. Казан. филиал Акад. наук СССР. ВНИИСтройнефть. Геогр. фак. МГУ. Казань: ЦБТИ Татар. совнархоза, 1958.

[1] Татарская АССР. Совет народного хозяйства. Отчет о деятельности ТСНХ и состоянии промышленности и торговли АТССР за 1921–1922 хозяйственный год / Сов. нар. хоз. Авт. Тат. соц. сов. респ. Казань: Т.С.Н.Х., 1922.

(ГКО) в годы войны о ходе государственных мероприятий по размещению промышленных предприятий, железнодорожному строительству и многим другим вопросам, которые в экстремальных условиях требовали безотлагательного решения.

В работе с делопроизводительной документацией важное место заняли фонды Государственного архива Республики Татарстан. На основе фонда Кабинета Министров Республики Татарстан (Р-128), описи которого представлены не только декретами, постановлениями, но также распоряжениями, протоколами заседаний, докладами и материалами к съездам Советов ТАССР, положениями и инструкциями по работе наркоматов, приказами, планами и отчетами наркоматов, управлений, комиссий, комитетов и Советов и т.п., была получена полезная информация по вопросам развития промышленности Татарской АССР, структурных изменениях, численном составе рабочего персонала и количестве предприятий и т.д.

Отдельное место в представленном фонде занимают ошибки, допущенные руководством республики по формированию действенного аппарата управления на местах в годы войны и послевоенный период. Особое место занимает рассмотрение деятельности советских органов власти по вопросам контроля за деятельностью промышленных предприятий Татарской АССР.

С позиции оценки происходивших в промышленности изменений по отношению к запланированным интересен фонд Министерства экономики Республики Татарстан (Р-4580). Описи фонда представлены постановлениями, распоряжениями; протоколами заседаний Госплана и его секторов, научно-технического совета; пятилетними и годовыми планами восстановления, реконструкции и развития промышленности, развития хозяйственного, жилищно-коммунального, социально-культурного, дорожного строительства, транспорта, отчетами по итогам выполнения государственных планов; обзорами состояния промышленности и т.п.

Интересным и достаточно достоверным источником для нас стали годовые отчеты промышленных предприятий, которые позволяют дать достаточно полную картину развития предприятий, основные направления инвестиций, темпы роста основных средств и валовой продукции, рост производительности труда и т.п. Особое место в этих отчетах отводится уровню неявок, увольнений, халатности и брака на отдельно взятых предприятиях.

В целях более полного и детального анализа представленной темы автор использовал в своей работе материалы периодической печати, которые отражали текущее состояние промышленности страны и региона. По уровню научной значимости – к первой подгруппе источников данной группы – мы относим специализированные журналы «Вопросы истории», «История СССР», «Отечественная история», «Вопросы экономики», «Вопросы теоретической экономики». Здесь мы нашли информацию по основным направлениям и тенденциям экономического развития страны, в статьях отражены выступления ведущих специалистов о новых исторических направлениях поиска, в том числе в сфере управления экономикой. Ко второй подгруппе периодической печати мы относим газеты и журналы «Экономическая жизнь», «Народное хозяйство», «Коммунистический путь», «Вестник статистики», «Вопросы истории КПСС», «Известия», «Коммунист», «Плановое хозяйство».

Для данного диссертационного исследования стали полезными не только с позиции получения статистических данных по валовым показателям промышленности, но также нахождения информации о направлениях промышленной политики, сопоставительная характеристика по странам, и даже сведения об изменения, происходивших в отдельных республиках и местностях. В частности, в журнале «Плановое хозяйство» мы находим такие разделы, как «Экономика и экономическая политика», «Экономика и техника», «За советским рубежом», «По районам» и другие.

О структурных преобразованиях в системе управления промышленностью молодой советской России и Казанской губернии (позднее,

республики) можно найти сведения в газетах «Знамя революции» и «Народное хозяйство». Так, в газете «Знамя революции», автор обнаружил значительный пласт информации по созданию губренского (областного) совнархоза и других органов управления краем в первые постреволюционные годы, проблемы организации, а также показатели развития местной промышленности. Аналогичные проблемы, только связанные с деятельностью советов народного хозяйства в период НЭП мы находим в газете «Народное хозяйство».

Важное место при поиске материала по истории республики заняли газеты «Красная Татария», «Советская Татария». На протяжении долгого времени в этих газетах помещалась информация, рассказывающая о достижениях народного хозяйства, проблемах индустрии и повседневной жизни простых тружеников и т.д. В тоже время, несмотря на то, что представленная периодика издавалась в республике, большое количество материала было посвящено глобальным и общесоюзным экономическим и политическим проблемам

Статьи, очерки, репортажи передавали атмосферу той эпохи, ее специфику, когда контроль над экономикой имели и исполнительные, и партийные органы управления. В прессе раскрывается повседневная жизнь страны и региона. Периодическая печать несла не только информативный материал, но и воспроизводила эмоциональную атмосферу предшествующего периода. Периодическая печать была оперативным источником информации, на страницах газет и журналов было множество материалов о постановлениях партии и правительства, экономической ситуации, трудовом подвиге и многом другом. При этом мы осознаем, что вся периодика проходила жесточайший контроль цензуры, что снижало объективность представленного материала. В то же время в сочетании с архивными и другими источниками вполне можно воссоздать репрезентативную картину экономических перемен, происходивших в советском обществе.

Документы, представленные трудами государственных деятелей относятся к следующей группе источников. Они дают возможность

рассмотреть направления правительственного курса, в том числе и экономического направления развития страны. Субъективность взглядов авторов, подвергавших нападкам или восхвалявшим проводимые организационные преобразования, сегодня приобретает особую ценность. К этой же группе источников мы относим теоретические работы известных политических деятелей (В.И. Ленина, Н.С. Хрущева, А.Н. Косыгина, В.Н. Новикова и др.), в которых прописывались планы и шаги советского руководства по управлению советской экономикой[1]. В работах хозяйственных руководителей среднего звена управления[2] анализировались направления государственной политики в области промышленности, предлагалось свое видение происходивших процессов. Многие предложения в дальнейшем имели значительное воздействие на выработку стратегии государственного развития.

Особенностью представленной группы источников являлось составление программных речей и издание статей (особенно со второй половины XX века), не столько самими авторами, сколько их помощниками и специалистами. Это было следствием, с одной стороны, перегруженности лидеров государства, с другой – необходимостью создания соответствующего имиджа грамотного руководителя. Несмотря на данный аспект, мы считаем, что эти работы, несомненно, можно отнести к группе источников, так как они конструировали образ той эпохи, в которой создавались.

Применительно к нашему исследованию важно проследить эволюцию управленческой мысли по вопросам ее централизации и децентрализации среди руководящего состава Советской России – СССР. В этой связи, с точки зрения основополагающих работ, представляющих повышенный интерес в этой группе источников, являются труды В.И. Ленина[3], которые позволяют понять условия,

---

[1] Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории, 1989, № 1, 2; Арбатов Г. Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М., 1991; Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева: Политический портрет пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996; Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996; Хрущев Н.С.. Воспоминания. М., 1997.

[2] Богданов П.А. Новая экономическая политика и промышленность // Народное хозяйство. 1921. № 11-12; Богданов П.А. Некоторые итоги работы ВСНХ// Народное хозяйство. 1922. № 5; 2.4.8. Владимирский М. Организация государственной власти на местах. М.: Гос. изд-во, 1921; Милютин Н.А. По заданиям Ленина// Вопросы истории. 1957. № 3 и др.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч.

в каких осуществлялись как построение социалистического общества, так и мероприятия, направленные на становление новых организационных форм управления. И условия, в которых производились первые действия советской власти, сложно было назвать спокойными. Гражданская война, кризис сельского хозяйства и промышленности, голод и даже сама большевистская идеология подталкивали к необходимости введения централизованных методов управления. При этом укрепление веры в централизацию проходило постепенно, по мере получения опыта в преодолении последствий войны и разрухи. Руководителями большевистского руководства стало видеться правильным применение административных методов управления. И если еще в постреволюционный период ряд партийных деятелей выступали за разграничение полномочий центра и регионов, то уже к 1920 г. Ю.Х. Лутовинов говорил, что «… товарищ Ленин в последнее время вообще говорит о единоначалии, где только предоставляется возможность говорить»[1]. Правда, особое место в системе вертикального управления должно было, по мнению В.И. Ленина, отводиться и органам управления на местах[2].

За централизацию управления выступал и виднейший деятель партии В.В. Куйбышев, считая ВСНХ важным координирующим, контролирующим и направляющим органом государственной власти. В выступлении «Задачи промышленности в новом году» он подчеркивал, что «индустриализация страны, являющаяся основным стержнем всей нашей хозяйственной политики, предопределяет громадную роль, а вместе с тем и накладывает исключительную ответственность на нашу промышленность и ВСНХ»[3]. В последующей статье «Соревнование ускоряет темпы хозяйственного строительства» Валериан Владимирович писал о слабости существовавшей системы управления, когда тресты не имели полного контроля над подведомственными предприятиями. Он указывал, что «…тресты, за небольшим исключением, не имели представления о том, что делается на

[1] Девятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 53.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 198.
[3] Куйбышев В.В. Избранные произведения / Сост. А.Я. Лысый. М., 1957. С. 110.

местах…»,[1] и предлагал установить контроль за их деятельностью. Согласно его точке зрения, вертикализация управления стала необходимым условием восстановления страны в условиях военного коммунизма. Очень близки по содержанию взгляды С.М. Кирова. В тезисе «Ошибки оппозиции в оценке НЭПа, паническая боязнь кулака» просматривается идея перестройки системы управления на новые принципы. Автор отмечает, что в период проведения новой экономической политики стали все четче выделяться отрицательные стороны ее проведения, она «…хромала на все ноги»[2]. Далее, переходя к промышленности, он пишет, что «…все стало приводиться в настоящую систему, мы уже сейчас планируем не на гуще, а по-настоящему, и не только в отношении одной фабрики или одного треста, но дерзаем уже привести в общую складную систему все промышленное хозяйство»[3]. С.М. Киров приходит к выводу, что «новый период выдвигает вместе с тем и необходимость перестройки наших аппаратов. Эти аппараты зародились при военном коммунизме или в начале новой экономической политики, в начале восстановительного периода. К новым задачам и условиям нового периода они мало приспособлены…»[4].

Справедливости ради надо отметить, что некоторые большевистские руководители изменили свою точку зрения на вопросы управления промышленностью. Одним из таких деятелей являлся А.И. Рыков. Если в послереволюционный период он был ярым сторонником централизованного управления, то уже в период новой экономической политики перешел в лагерь сторонников умеренной централизации[5]. Руководитель ВСНХ П.А. Богданов также выступил с идеей сочетания централизованных и децентрализованных принципов управления промышленностью. Его позиция объяснялась тем, что к началу новой эконмической политики ВСНХ представлял из себя сверхцентрализованный аппарат управления, что в новых условиях являлось

---

[1] Там же. С. 135.

[2] Киров С.М. Избранные статьи и речи / Под ред. Л.Г. Барулина, Н.В. Нелидова. М., 1957. С. 172-173.

[3] Там же. С. 239.

[4] Киров С.М. Избранные статьи и речи. С. 349.

[5] Рыков А.И. Статьи и речи. 1921–1923 гг. М.-Л., 1928. Т. 2. С. 139.

тормозом экономических отношений[1]. По его мнению «Эффективная производственная деятельность может быть лишь тогда, когда вся хозяйственная жизнь пронизана духом демократизации, когда наделенные реальной, «наибольшей» (его слово) самостоятельностью местные органы (совнархозы и отдельные предприятия) сами организуют свое хозяйство, поддерживают и развивают его собственными своими ресурсами, выделяя в аренду то, с чем они не могут справиться»[2]. «Центр же должен сохранить за собой, главным образом, общее руководство, включающее в себя установление определенного производственного плана и обеспечение выполнения обязательных государственных заказов»[3]. По рассматриваемому вопросу он нашел поддержку заместителя председателя ВСНХ А.М. Гинзбурга, считавшего, что централизация управления «не может иметь универсального применения и не может распространяться на все без исключения сферы деятельности трестов и на всю их повседневную работу. Такое плановое руководство фактически свелось бы к административной регламентации»[4].

Тем не менее, в последующих работах П.А. Богданов указывал на необходимость возврата к большей централизации управления. Данная перемена взглядов, по всей видимости, была вызвана общей напряженной ситуацией в стране и начавшимися репрессиями. В статье «Современное состояние и очередные задачи российской промышленности» он отметил, что «…переход от главкистского централизма к децентрализации управления повлиял в смысле ослабления связи наших трестов и отдельных отраслей промышленности с центром… Сейчас наблюдается стремление к объединенному овладению рынком…»[5]. Завершая анализ идей П.А. Богданова,

---

[1] Шетов В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы. С. 249-251; Цит. по: Богданов П. А. Новая экономическая политика и промышленность // Народное хозяйство. 1921. № 11-12. С. 5.

[2] Шетов В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы. С. 249-251; Цит. по: Богданов П. А. Новая экономическая политика и промышленность // Народное хозяйство. 1921. № 11-12. С. 5.

[3] Шетов В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы. С. 249-251; Цит. по: Богданов П. А. Новая экономическая политика и промышленность // Народное хозяйство. 1921. № 11-12. С. 7.

[4] Гинзбург А.М. Об очередных задачах промышленной политики // Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 76.

[5] Богданов П. Современное состояние и очередные задачи российской промышленности // Известия ВЦИК. 7 ноября 1922.

надо отметить, что он был не только теоретиком, будучи председателем ВСНХ он на практике реализовывал идеи о предоставлении субъектам управления больших полномочий. В частности, он расширил права хозяйственных единиц, наделил их значительными правами, перевел на хозяйственный расчет.

Важные сведения о работе отечественной промышленности уже в годы индустриализации и о знаковых изменениях в ее структуре мы находим в статьях и выступлениях еще одного видного советского деятеля Г.М. Кржижановского. Он отмечал, что «…хозяйство становится как бы единой индустриальной системой. Совершенствование технологических процессов все дальше и дальше ведет нас в этом направлении, все более и более упрощая и унифицируя экономические связи…»[1]. Акцентируя внимание на планировании экономики, автор в то же время показывает роль и значение структурных изменений в промышленности.

Особое место в череде источников отводится взглядам И.В. Сталина, которые оказали определяющее воздействие на промышленную политику советского государства в 1920–1940-е годы. Его идеи[2] в области перспективного планирования («план партии и план Бухарина»), оптимального и минимального варианта пятилетки и многое другое дали обильную пищу для размышления по вопросам условий, в которых развивалась советская индустрия в 1930-е годы. И.В. Сталин проявлял большой интерес к руководству промышленности. Нами обращено внимание на тот факт, что централизация управления мыслилась им не только на уровне руководства государством, но и на уровне предприятий.

Много интересного материала по вопросам реформирования промышленности в середине XX века дают воспоминания руководителя Госплана СССР Н.К. Байбакова[3]. Важным моментом здесь является не столько положительная оценка, сколько критика проводимых Н.С. Хрущевым преобразований. Безусловно, данное исследование было следствием смены

---

[1] Кржижановский Г.М. Избранное / Под ред. В. Кудрявчиковой. М., 1957. С. 242.

[2] Сталин И.В. Сочинения. Т.12. М., 1952. С. 61-62, 123.

[3] Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993.

экономико-политической конъюнктуры, проводимой новым руководством партии, пришедшим после Никиты Сергеевича, и отражала веяния нового времени.

В целом возвращение к отраслевой, ведомственной модели управления нашло отражение во многих источниках второй половины столетия. Безусловно, важными здесь являются воспоминания Л.И. Брежнева. В речи на Пленуме ЦК КПСС, который состоялся 29 сентября 1965 г., он указал на необходимость реформирования промышленности. Особое место во взглядах Л.И. Брежнева отводилось централизации и децентрализации управления. Новая система, по его мнению, должна была быть основана на сочетании централизации «…с правами, инициативой и ответственностью местных органов… При новой системе будут хорошо сочетаться централизм и демократия в управлении промышленностью»[1]. Взгляды Леонида Ильича были отражением государственной экономической политики, которую начал претворять в жизнь Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. В докладе на Пленуме ЦК КПСС от 27 сентября 1965 года «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» им было указано на необходимость дальнейшего совершенствования методов и форм управления промышленностью[2].

Следует иметь в виду, что практика децентрализации и централизации системы управления промышленностью во второй половине XX столетия не выходила за рамки централизованного командного управления и планирования. Об этом, в частности, говорили члены Политбюро СССР А.П. Кириленко[3] и Н.А. Тихонов.[4] Последующие руководители партии уже не предлагали кардинальных реформ в области изменения форм управления промышленностью за счет ее централизации или, наоборот, децентрализации.

---

[1] Там же. С. 56.

[2] Косыгин А.Н.К великой цели: Избранные речи и статьи. Т.1. М., 1979. С. 325-326.

[3] Кириленко А.П. Избранные речи и статьи. М., 1976. С. 425

[4] Тихонов Н.А. Курсом коммунистического созидания и мира. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 471.

Так, в статье К.У. Черненко совершенствование партийного и государственного аппарата виделось им лишь в «…улучшении, упорядочении структуры и функций всех звеньев аппарата в центре и на местах…»[1].

Значимым источником для исследования вопросов эффективности системы управления промышленностью СССР стали научные исследования ведущих экономистов (Н. Осинский, А.М. Кактынь, Н.Н. Колосовский, Б. Личман, Ю.А. Веденеев, Г.Х. Попов и др.). В предыдущем параграфе автор достаточно подробно рассмотрел их рассуждения, что освобождает его от повторного анализа. В тоже время надо отметить вклад данных ученых в формирование представлений об эффективности организационных институтов системы управления промышленной индустрией. Большинство из представленных ученых так или иначе были задействованы центральными органами власти, к ним прислушивались руководители государства. Данный аспект, несомненно, повышает ценность их теоретических размышлений.

Публицистика не является основным источником, тем не менее здесь содержится важная информация о той обстановке, в которой осуществлялись судьбоносные для государства политические решения.

Близкой к рассматриваемой группе источников относится группа материалов личного происхождения, состоящая из мемуаров и воспоминаний людей, сыгравших значительную роль в проведении системных преобразований в области управления промышленностью СССР. Дошедшие до нашего времени воспоминания являются важным источником для формирования общего представления о происходивших в рассматриваемый период процессах и явлениях.

По своей массе данная группа источников неоднородна и состоит не только из воспоминаний практиков-хозяйственников, но и их коллег и близких. Наибольший интерес представляют мемуары непосредственных участников тех событий – руководителей государства. И если в некоторых работах (Л.И.

---

[1] Черненко К.У. Избранные речи и статьи / Отв. ред. В.В. Прибытков. М., 1983. С. 77.

Брежнев[1]) в большей степени показана официозная сторона жизни, то в других трудах (Н.С. Хрущев[2]), наоборот, продемонстрированы не только достижения, но и просчеты во внешней и внутренней политике.

Сохранились воспоминания участников событий и процессов, происходивших в татарской республике (ранее, Казанской губернии), которые описывают детали становления советской власти и органов управления промышленностью на местах. Среди таких деятелей важное место занимает Михаил Григорьевич Рошаль. Революционер, председатель ТСНХ, член ЦИК ТАССР, участник первого правительства ТАССР. В «Записках из прошлого»[3] автор делится автобиографическими воспоминаниями своей революционной деятельности, руководством Воронежским губсовнархозом, а затем переводом в казанский край для руководства совнархозом ТАССР (1919-1921). Это произведение примечательно тем, что позволяет окунутся в специфику революционных процессов, ощутить вкус трудностей, но и эйфорию от проделанной работы.

Становление и расцвет нефтехимической индустрии можно проследить на основе биографических воспоминаний заместителя начальника Управления химической промышленности Татарского совнархоза, директора Нижнекамского химического комбината Н.В. Лемаева[4]. Данное произведение позволяет оценить масштаб процессов, которые происходили в советском обществе во второй половине XX столетия, когда практически на неосвоенном пространстве успешно осуществлялось строительство крупнейших в мире нефтехимических производств, показаны административные установки и организационные изменения, которые сопровождали данный процесс. Схожее автобиографическое описание своей деятельности дает А.А. Родыгин[5], стоявший у основ формирования грузовой автомобильной отрасли татарской республики. Организаторский опыт, накопленный этим руководителем,

[1] Брежнев Л.И. Воспоминания: Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины. М., 1981.

[2] Хрущев Н.С. Пенсионер союзного значения. М., 1991.

[3] Рошаль М.Г. Записки из прошлого. М.: Наука, 1969.

[4] Лемаев Н.В. Устремленность: рассказ о том, как в Татарии создавались крупнейший нефтехимический комплекс и молодой город Нижнекамск. Казань: Татар.кн. изд-во, 1985.

[5] Родыгин А.А. Становление: (Из опыта работы парт. орг. КамАЗа). Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.

пригодился стране для создания Камского автомобильного завода в г.Набережные Челны. В своем произведении автор описывает все перипетии, которые приходилось претерпевать руководству республики и местным органам власти по созданию гигантского производства.

Особое внимание вызывает работа Я.Д. Шафикова, где он приводит записанные воспоминания о жизни, политической карьере бывшего первого секретаря Татарского обкома КПСС, первого заместителя председателя Совета Министров РСФСР, а также члена президиума Верховного Совета СССР Ф.А. Табеева[1]. На основе документов государственного, республиканского архивов, а главное, воспоминаний самого участника тех процессов дается характеристика деятельности Ф.А. Табеева, его вклад в развитие индустриального комплекса Республики Татарстан. В документах прослеживается значимая роль этого человека в формировании нефтяной промышленности, выдвижении ее на первые позиции, как в республике, так и в стране в целом. Знаковый этап в своей жизни Фикрят Ахмеджанович связывал с деятельностью совнархозов, считая их «…хрущевской попыткой уйти от централизованного руководства отраслями народного хозяйства»[2]. Интересно, что данные воспоминания были взяты у него в 1990-е годы, в монографии[3] же, изданной двумя десятилетиями ранее и посвященной экономическому развитию республики, он упускает изменения в организационных формах, связанных с деятельностью Советов народного хозяйства, и их отражение на облике края.

Важные сведения по организационным изменениям, происходивших в республике в рассматриваемый период можно проследить на основе воспоминаний людей, не всегда относившихся к верхней иерархии руководителей, но несмотря на это тесно связанных с отраслями промышленности, в которых они работали. Так в воспоминаниях М.К.

---

[1] Шафиков Я.Д. Фикрят Табеев: документ. проза на рус. и татар. яз. Казань, 2001.

[2] Шафиков Я.Д. Фикрят Табеев: документальная проза на рус. и татар. яз. Казань, 2001. С. 62.

[3] Табеев Ф.А. Экономика Татарии: итоги и перспективы. Казань, 1972.

Гиниятуллина и М. Сабирова[1] с позиции критического анализа указывают на проблемы становления нефтяной промышленности татарской республики и результатам, к которым она пришла в условиях новой России. Вообще нефтяная отрасль, являясь «локомотивом» поступательного развития не могла не стать объектом пристального внимания очевидцев данных событий. Одним из таких первопроходцев данной отрасли является Борис Николаевич Вахромеев, начинавший свою карьеру в Советской Татарии и долгое время проработавшим в Западной Сибири. В своих биографических воспоминаниях[2] автор рассуждает о трудностях и успехах, которые характеризовали развитие отрасли в 1950 – 1980-е годы.

В завершении раздела необходимо указать, что при написании диссертации автор исходил из всестороннего объективного рассмотрения материалов. В процессе работы над исследованием применялись и личные наблюдения. Полученный материал помог лучше понять проблемы, существовавшие в системе управления промышленности в прошлом, как на уровне региональных органов управления, так и на уровне управления отдельными предприятиями.

Изучение источниковой базы позволяет сделать вывод о типологическом разнообразии материала и его достаточной репрезентативности. Вместе с тем во время проведения научного исследования автор с обоснованной долей критичности относился ко всем источникам, что, несомненно, является неотъемлемым условием работы с документами. Автор учитывал вероятность искажения материалов, а также возможность субъективных оценок на происходящие события руководящими органами, как в центре, так и на местах. Данные моменты определили необходимость взаимопроверки всех используемых в работе документов.

---

[1] Гиниятуллин М.К. Два миллиарда тонн: выдающееся достижение или груое насилие? Казань: Центр-Пресс, 2006. 344 с.; Сабиров М. Три опоры: воспоминания, выступления, интервью. Казань: Идел-Пресс, 2006.

[2] Вахромеев Б.Н. Развитие нефтяной и газовой отраслей в Татарии и Западной Сибири в 50–80-е годы XX века: воспоминания о моей трудовой деятельности. СПб: Арт-Экспресс, 2017.

Важно также отметить, что во время исследования было обнаружено большое количество нормативной документации, основанной на декларировании указов и распоряжений партии и руководящих органов, но без их детального анализа, проработки их возможной эффективности. Зачастую оказывалось сложным проследить, как на практике реализовывались данные указания.

* * *

Проведенный автором анализ методологии, историографии и источниковой базы по исследуемой проблеме выявил серьезные научные проблемы и противоречия в осмыслении процессов, происходивших в промышленной сфере нашей страны на протяжении 1917 – середины 1980-х годов, заставил по новому взглянуть на государственную промышленную политику, проводимую советской властью, ее воздействие на систему управления, путем централизации или, наоборот, децентрализации управления.

Диссертационное исследование основано на теории модернизации. Ее использование помогает оценить масштабы проводимых преобразований в индустриальном секторе СССР, степень воздействия на него государственной промышленной политики и изменения в ее направлениях.

Модернизация, как исторический процесс эволюции государственной промышленной политики и ее системы управления, имела активное воздействие на экономическую, политическую и социальную сферы общества. При несомненном тренде на количественное и качественное приращение индустриальной сферы, на определенных периодах развития она могла ускоряться (сверхмодернизация) или, наоборот, в отдельные периоды сменяться антимодернизацией. Исследование показало, что на уровне регионов модернизационное развитие в целом повторяло общегосударственные тенденции, но в тоже время существовали и некоторые специфические

особенности, которые отличали модернизационные изменения Татарской АССР от СССР.

Важным фактором ускорения модернизационных процессов являлась эффективная государственная промышленная политика, воздействующая на систему управления. Чередования элементов централизованного и децентрализованного управления, влияющих на организационные составляющие системы управления, служило триггером активизации промышленного сектора государства и региона.

Исследование роли государственной промышленной политики на систему управления не могло остаться незамеченным в трудах отечественных и зарубежных исследователей. За все время существования государства было опубликовано значительное число работ, посвященных вопросам управления промышленностью, ее отраслевому и территориальному аспектам. Уже в первые годы утверждения советской власти появилось исследование Я.С. Розенфельда, раскрывающее особенности промышленной политики Советской России – СССР. Среди ученых советского периода, комплексно подходивших к данной проблематике, можно отнести: Г.В. Лакина, А.И. Викентьева, Т.И. Понизова, Ю.А. Веденеева, В.А. Цикулина, А.М. Рубина, А.А. Шамова.

Особое место в историографии занимают труды ученых, исследовавших региональную составляющую проблемы. Анализ промышленной политики на уровне отдельных республик и областей проводили Е.Л. Татарский, И.А. Благих, В.И. Мерцалов, Л.Г. Зиновьева и др. После развала Советского Союза научный поиск был продолжен трудами Е.В. Демичева, С.П. Лякишева, Л.М. Семеновой, О.Е. Солдатовой, М.В. Ярных и др.

Что касается республики Татарстан, то комплексных исследований, анализирующих промышленную политику, проводимую на территории республики, изданных в советский период, обнаружено не было. В основном работы затрагивали отдельные этапы экономического развития Татарской АССР, плановые задачи и их выполнение, роль партийной организации, изменения в отраслевом характере промышленности и некоторые другие. В

частности, воздействию коммунистической партии и советов на хозяйственное управление были посвящены работы В.Б. Токарева, В.И. Соловьева, В.И. Кадыльского, отдельные стороны индустриального развития и системных изменений были отражены в работах Л.Г. Галкина, М.Г. Дасаева, А.Л. Петровой, И.М. Лифшица, Л.Н. Цитриной, В.И. Троепольского, анализ организационных процессов, происходивших в промышленности республики в период НЭП занималась К.А. Назипова. В современной России мы отмечаем возрастание интереса к данной проблематике, что объясняется переосмыслением многих процессов, происходивших в прошлом нашего государства. Современные работы позволили сформировать многостороннее представление о проводимых в отдельные исторические периоды мероприятий в области промышленного строительства. К такого рода работам можно отнести диссертации И.А. Гатауллиной, О.Г. Коломыца, А.Г. Галлямовой и др.

Использование трудов только отечественных исследователей не позволило бы дать объемную картину, процессов, происходивших в СССР в прошлом. Для объективности использованных данных при написании диссертационного исследования автор использовал труды зарубежных авторов – Ф. Хольцмана, Л. Шапиро, М. Добба, И. Бирмана, Ш.Э. Легасса, Дж. Пеллота, Д. Шо, Р. Аллена, Э. Карра и др.

Немаловажное место в исследовании было отведено изучению источниковедческого материала. В работе применялся широкий комплекс опубликованных и неопубликованных исторических источников, которые автор разделил на следующие группы: законы и нормативные акты, статистические данные, делопроизводственные документы, периодическая печать, публицистика, материалы личного происхождения. Поиск необходимых количественных и качественных данных был бы невозможен без привлечения документов государственных и республиканских архивов.

Как показал анализ, в советский период изыскания большинства ученых были ориентированы на внутриполитическую конъюнктуру, направленность исследования всецело зависела от той линии, которая проводилась

государственными или партийным руководством, поэтому говорить об объективности данных работ можно с определенной долей условности. В постсоветский же период началась обратная волна, направленная на дискредитацию того, что было сделано в советское время. Все же детальный анализ историографической, источниковедческой и теоретической базы позволил автору составить объективную картину причин, хода и последствий проводившейся в Советском Союзе государственной промышленной политики, и ее влияние на систему управления и индустриальный сектор экономики в целом.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1920-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

2.1. Факторы и способы реализации государственной промышленной политики

История модернизационного развития советской экономики является примером зарождения, развития и, в конечном итоге, смерти новой, непохожей на другие, системы хозяйствования, которая по своим идейным характеристикам кардинально отличалась от существующей ранее. И дело было даже не в тех лозунгах, которые проповедовались большевистской властью, связанными с предоставлением разного рода свобод, изменением политического строя и т.п., а теми подходами, с помощью которых были добыты результаты. Конечным результатом промышленной политики руководства являлось обеспечение конкурентоспособности советской государственности над странами западного мира, что, в свою очередь, предполагало наличие постоянных мероприятий по формированию отвечающей требованиям времени технологическому укладу.

Сегодня можно выделить несколько определений термина «государственная промышленная политика». Так, в исследовании Б.А. Райзберга под государственной промышленной политикой понимается «проводимая государственными органами управления долговременная линия действий, воплощаемая в виде системы предпринимаемых государством мер по поддержанию и развитию промышленного производства как стержневой части производственной экономики, от которой зависят все другие отрасли и социальная сфера»[1] или «система отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными организациями и гражданскими институтами, имеющая своей целью воздействие на отраслевую структуру промышленной деятельности через

[1] Райзберг Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2008.

определение и реализацию согласованных между собой принципов, целей, приоритетов, инструментов, программ и мероприятий с учетом современных технологических и социально-экономических вызовов, а также национальных интересов».[1]

Исходя из содержания работы, под государственной промышленной политикой автор исследования понимает широкий спектр экономических, финансовых, организационных, социальных и других мероприятий в промышленном секторе экономики, направленных на ускорение экономического развития или сохранения уже существующей конкурентоспособности государства, общим результатом которых должно стать достижение общественных целей. На практике эти мероприятия выражались в комплексе действий, проводимых центральными органами власти в области обеспечения экономики ресурсами, производством товаров или услуг, а также распределении и обмена созданных продуктов. В свою очередь это отражалось на объемах материального производства, территориальных процессах, социальных и демографических изменениях, а, применительно к нашему исследованию, организационных пертурбациях.

Важно отличать государственную и региональную промышленную политику. В первом случае определяется общий вектор развития государства и его институтов, во втором, понимаются действия центральных органов управления по отношению к отдельным территориям или действия местных региональных властей по управлению вверенными им субъектам государства. Важно отметить, что в условиях жесткой централизации управления региональная политика теряла свою полноценную самостоятельность. Региональные власти чаще всего являлись лишь рупором для решений, принимаемых на государственном уровне, полностью подчиняясь решениям, выносимым союзными хозяйственными или партийными органами.

---

[1] Региональная промышленная политика: механизм реализации и инструменты: монография / О.О. Дроботова, Е.В. Кузьмина, А.С. Мельникова и др.; под науч. ред. Г.С. Мерздикиной. Волгоград: ВолгГТУ, 2017. С. 5-6; Промышленная политика в условиях новой индустриализации / К.В. Адрианов, О.И. Маликова, С.А. Побываев и др. М.: МАКС-Пресс, 2015. С. 252.

Выигрывали или проигрывали сами регионы от данных действий центрального аппарата управления, вопрос сложный. С одной стороны, уже в первые годы советской власти наблюдались диспропорции в вопросах финансирования отдельных субъектов Советской России, затем Советского Союза, что, несомненно, негативно сказывалось на развитии менее обеспеченных республик, краев и областей, с другой стороны, советская власть проводила политику обеспечения сбалансированного развития всех регионов страны, фактически «… искусственно выравнивая объективные контрасты между центральными и периферийными районами…»[1].

Варьирование государственной промышленной политики обусловливалось изменениями целей, стоящими перед страной на разных временных промежутках. Так, если в первые годы советской власти первоочередные задачи заключались в стремлении сохранении власти, стабилизации экономической ситуации, то уже во второй половине 1920-х годов они сводились к созданию военного паритета со странами западного мира, а во второй половине XX столетия к экономическому и технологическому лидерству.

В связке факторов, воздействующих на государственный курс советской власти на всем периоде существования государства важным являлся внешнеполитический фактор. Именно он во многом определял действия советской власти. Предчувствие войны в 1930-е годы, война 1941 – 1945 гг., участие в «холодной войне» середины – второй половины XX столетия, обуславливали вектор территориального и отраслевого характера экономики. Именно этот фактор извратил представление руководства об оптимальном отраслевом балансе, фактически на начальном уровне заложив мину замедленного действия под экономику. Сверхускорение одних отраслей обернулось мощным торможением в развитии других. Отсутствие симметрии в

[1] Ланддабасо А. Европейский опыт поможет в решении региональных проблем России / А. Ланддабасо // Евро. 2000. №3. С. 25; Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 98.

отраслевом характере экономики привели к мощному отставанию легкой и пищевой промышленности страны во второй половине века.

Несмотря на это, внешняя угроза являлась постоянным источником мобилизации всей массы экономических ресурсов. Она позволяла перенаправлять необходимые ресурсы в те сектора хозяйства, в которых наиболее остро нуждалось, тем самым способствуя созданию жесткой иерархии управления, ее централизации.

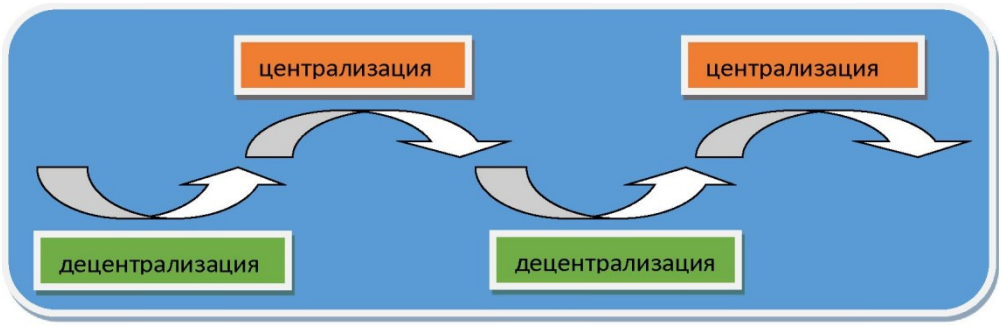
Одновременно с воздействием внешнеполитического фактора на действия советского руководства влиял фактор экономического и технологического лидерства, что в первые десятилетия советской власти являлось стимулом и гарантией выживаемости страны, а в дальнейшем работало на имидж Советского Союза, как лидера блока стран социалистического мира. Создание собственного ядерного оружия, полет первого человека в космос, разработка новейших видов вооружения, постройка первого атомного ледокола, успехи в других отраслях и технологиях очень сильно поднимали авторитет советского государства.

В совокупности факторное воздействие становилось сильнейшим «раздражителем» мотивов и действий советской власти, ведущих к постоянным реорганизациям государственной промышленной политики. Автором диссертационного исследования обнаружено, что во многом это отражалось на смене организационных институтов системы управления, путем чередования элементов централизованного и децентрализованного управления. Перераспределение ресурсов из отраслевого подчинения в территориальное, изменение консервативных функциональных связей, должно было стать (и в ряде случаев становилось) импульсом эффективности управляющей системы, заставляя ее более гибко реагировать на внешние и внутренние запросы и угрозы. В этой связи, можно утверждать, что организационные изменения в системе управления индустриальным сектором экономики СССР становились одним из факторов экономического роста.

На практике наблюдалось постепенное создание и модернизация централизованного командного управления промышленностью, в рамках которой на разных исторических этапах доминировали тенденции централизации или, наоборот, децентрализации (см. рис. 2.1). Данная диалектика смены форм управления зачастую вызывалась объективными внешне- и внутриполитическими и экономическими процессами. При этом застой одной из форм приводил к снижению общеэкономических показателей, являясь тормозом роста промышленного производства.

Рис. 2.1

Модель циклической трансформации командной системы управления промышленностью СССР



В исследовании автором определено чередование волн централизации и децентрализации управления, однако, при этом не обнаружена их четкая периодичность, что обусловлено воздействием широкого спектра факторов, о которых поговорим ниже. К основным этапам можно отнести:

- 1917 – первая половина 1920-х годов – период выстраивания советской властью государственных институтов управления экономикой страны, когда в целом не опытная, не обученная власть, в условиях ослабленной страны, гражданской войны, многопартийности физически не могла проводить единую государственную политику. Для этого не хватало рычагов управления и ресурсов;

- вторая половина 1920-х – первая половина 1950-х гг. – время создания централизованной модели управления, основанной на жестко иерархической модели управления, позволившей стране получить дополнительные

преимущества в ходе Великой Отечественной войны и в условиях послевоенного восстановления экономики;

- вторая половина 1950 – середина 1960-х годов – территориальная децентрализация промышленности и строительства СССР, путем создания Советов народного хозяйства, что было вызвано необходимостью ускоренного развития отдельных республик и областей государства;

- вторая половина 1960 – 1970-е гг. – сворачивание совнархозовской модели управления и возвращению в русло отраслевой централизации, что было обусловлено кризисом взаимоотношений Центра и регионов, потерей управляемости и волюнтаризмом отдельных руководителей.

Централизация, несомненно, являлась основным трендом государственной политики советской власти. Результатом централизации становилось повышение степени централизованности управленческой системы, минимизации сроков между принятием управленческого решения и его реализацией.[1] Однако на определенных этапах развития государственности возникали тенденции к децентрализации управления. С этим согласны М.В. Ходов (позже А.П. Викулов). По их мнению «…децентрализация была обусловлена совокупностью объективных и субъективных факторов и осуществлялась в соответствии с установленным законом порядком. Внешне децентрализация проявлялась в повышении объема властных полномочий элементов децентрализованной управленческой системы, которые закреплялись в том или ином статутном документе».[2]

Важное отличие между централизованной и децентрализованной формами управления в СССР заключалось в том, что централизация основывалась на субординации, децентрализация – на принципе координации. Еще одним маркером, на который следует обратить внимание, является то, что отдельные элементы децентрализованной модели управления могли выступать

---

[1] Ходов М.В. Централизация и децентрализация государственной власти в современной России: дис. …канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 46.

[2] Ходов М.В. Указ. соч. С. 51; Викулов А.П. Процессы централизации и децентрализации в конституционной доктрине // Экономика. Бизнес. Право. 2015. 11-12 (14). С. 45-78.

с позиции централизованной или централизованно-децентрализованной системы. К примеру, в условиях совнархозовских преобразований второй половины 1950 – начала 1960-х годов в рамках децентрализованного управления существовали и министерства, которые отражали принцип централизации.

Децентрализованные тенденции возникали не случайно. Во многом они были связаны либо с усилением роли отдельных регионов (республик), либо ослаблением роли центральной власти. Так, можно согласиться с А.В. Колесниковой, считающей, что «…в соответствии с уровнем развития своих интересов и особенностями их актуализации регион стремится к освоению определенной компетенции (полномочий), требует определенное число «степеней свободы», …речь обычно идет не об абстрактном требовании большей автономии, а о конкретных полномочиях в сфере экономики, культуры и др. …»[1].

Определяющее воздействие на цикличность смен централизованной и децентрализованной форм управления, несомненно, оказывали внутренние, но при определенном воздействии и внешние факторы. К внутренним факторам, влияющим на смену парадигмы государственной политики в области промышленности, мы относим переход на новый технологический уклад; экономические спады (кризисы), толкавшие к проведению реформирования организационных форм; несовершенство существовавших форм управления промышленностью; переориентацию на ускоренное развитие промышленности; расширение объемов производства; изменение отраслевого и территориального состава промышленности; ускорение (или, наоборот, отставание) в развитии отдельных регионов; внутриполитическую борьбу группировок. Одновременно с ними на некоторых этапах развития страны важным фактором, обеспечивающим децентрализацию управления, становился – «региональный интерес».

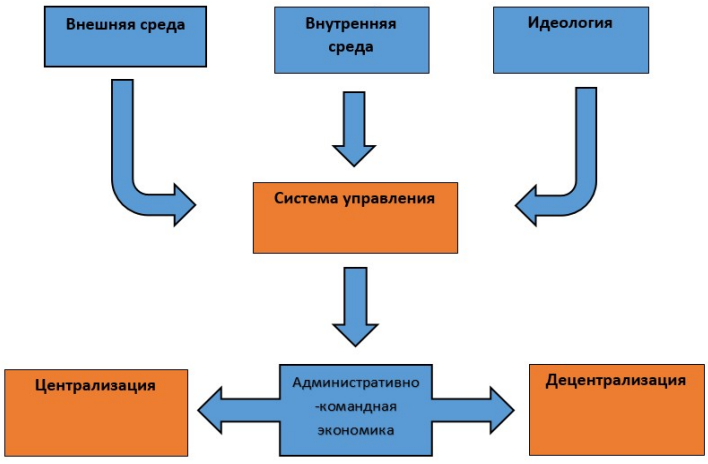
[1] Колесникова А.В. Централизация и децентрализация в региональной политике многосоставного государства: российская практика в контексте зарубежного опыта: дис. …канд.полит.наук. Саратов, 2015. С. 101.

В условиях определенной изолированности страны практически на всем периоде существования государственности, и, как следствие, попыток сохранения своей политической, технологической и экономической безопасности, на совершенствование системы управления экономики страны не могли не влиять и внешние аспекты. К ним мы причисляем формирование нового витка научно-технической революции в середине XX столетия; международную напряженность на всем протяжении существования СССР и соответственно усиление отраслей военной и тяжелой промышленности; отставание промышленной индустрии в конкурентной борьбе с Западом. Не последнее место, по нашему мнению, отводилось и внешнеполитическим амбициям политического руководства страны, особенно после Второй мировой войны и успешного испытания ядерной бомбы, когда страна стала на равных соперничать с США, а также социалистической идеологии, концепциям и установкам партии.

Взаимодействие этих факторов можно представить графически (см. рис. 2.2).

Рис. 2.2

Модель системы управления СССР



На основе представленной модели можно сделать вывод, что цикличность форм централизованного или, наоборот, децентрализованного управления была следствием воздействия комплекса факторов внешней и внутренней среды. Можно предположить, что отдельные факторы сдерживались противовесом

других, и только при воздействии их множественности приводили к необходимости их чередования. Все это в свою очередь служило индикатором начала новых преобразований в системе управления экономикой, заставляла искать более совершенные формы. Система была жизнеспособной, пока чутко реагировала на эти запросы. В период, когда она перестала предугадывать вызовы времени, становясь все более инертной и закостенелой, фактически и начался кризис социалистической системы хозяйствования.

Следующим шагом в данной работе становится определение форм выражения централизованного и децентрализованного управления в рамках проводимой государственной промышленной политики. В условиях административно-командной системы процесс централизации управления преимущественно выполняли органы отраслевого управления. Именно они подчиняли своему контролю промышленность от низового, до республиканского и государственного уровней. Отрасль представляла собой совокупность взаимосвязанных предприятий, специализирующихся на производстве какого-либо продукта или выполнения определенного вида работ и общественно необходимых функций. Особенности отраслевого управления определялись технико-экономическими, организационными, историческими и иными условиями развития. Тенденции децентрализации же были связаны по большей частью преобладании роли территориальных органов управления.

Отраслевой разрез позволял проводить единую научную, техническую, организационную, кадровую и иную политику, что способствовало росту эффективности труда. Наиболее точную характеристику дает О.И. Кулагин, который отмечает, что отраслевой разрез присутствовал в деятельности «… союзных и союзно-республиканских министерств, отраслевых ведомств и управлений исполкомов местных Советов, которые должны были осуществлять непосредственное руководство производством в пределах своей компетенции. Управленческие связи наиболее часто здесь представляли собой иерархическую структуру по линии «министерство (в довоенный период – наркомат) – объединение (трест) – предприятие». В существующей модели достаточно

легко было отследить права и обязанности каждой единицы управления. В основе специализации министерств, как высших органов отраслевого управления, лежала специализация отраслей, связанная с выпуском конкретного продукта. Однако, как показала практика, многие продукты производились предприятиями различных министерств, и в тоже время одному министерству могли подчиняться разнородные по специализации предприятия. По форме подчинения органы отраслевого управления были представлены тремя группами министерств (в ранний период – наркоматами): союзного, союзно-республиканского и республиканского подчинения. Конкретная форма подчинения зависела от нескольких факторов – времени, места и назначения отрасли в общественном разделении труда, а также общего числа предприятий и объема выпускаемой продукции»[1].

Отрасли, имеющие общесоюзную специализацию, производящие средства производства и составляющие техническую базу развития других отраслей народного хозяйства, находились в союзном подчинении и возглавлялись союзными министерствами. Преимущественно сюда относились отрасли тяжелой промышленности, машиностроения и другие. Именно они должны были осуществлять прогресс во всей экономике и оснащать отрасли хозяйства новой техникой.

Во главе отраслевой системы стоял министр, который нес персональную ответственность за работу министерства и подведомственных ему предприятий, и объединений отрасли. Он назначался Верховным Советом СССР, а его заместители – Советом Министров СССР. Нужно отметить, что встроенные механизмы защиты позволяли уберечь ее от необдуманных действий со стороны отдельных руководителей. Для этого при каждом министерстве образовывались совещательные органы: коллегии и научно-технические советы. Структура и численность работников центрального аппарата утверждалась Советом Министров СССР. Сам аппарат министерства состоял из

[1] Кулагин О.И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона: дис. ...д-ра ист. наук. Саранск, 2020.

отраслевых и функциональных подразделений. Отраслевые подразделения отвечали за состоянием и развитием соответствующих подотраслей, решали многие производственные вопросы, связанные с деятельностью подчиненных им предприятий и объединений (при трехзвенной системе управления отраслью эти вопросы находились в компетенции всесоюзных и республиканских промышленных объединений). Функциональные подразделения выполняли определенные, возложенные на них функции в рамках всей системы министерства.[1]

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение уровневой иерархии управления. История показала, что она имела свойство трансформации, путем или увеличения, или сокращения уровней управления. Нам видится, что рост уровней управления был следствием роста и усложнения задач, стоящих перед системой управления, а вот сокращение их, следствием оптимизации разрастания бюрократического аппарата. В структуре «министерство – предприятия» важным звеном являлись промежуточные звенья, в виде главных управлений, производственных объединений (комбината), трестов и т.д., координирующих деятельность отдельных предприятий. Число уровней свидетельствовало о сложности и многозадачности управляющей подсистемы.

Как показала практика большое количество промежуточных звеньев (многоуровневость) очень часто служили помехой для нормального функционирования отрасли. Довольно часто руководство первичным звеном управления (предприятием) осуществлялось министерством через четыре-пять, а иногда и шесть промежуточных ступеней (министерство – главк – республиканское министерство – территориальное объединение или управление – комбинат – трест – предприятие). В результате, увеличивались сроки прохождения распорядительных документов, ухудшался оперативный контроль, усиливался бюрократизм и т.д., что в конечном итоге вело к снижению общих показателей.

---

[1] Основы управления социалистическим производством. С. 93.

Опыт социалистического строительства показал, что наиболее эффективными являлись двух и трехуровневые системы управления. Так, по реформе 1965 года отраслевая система Советского Союза перешла преимущественно на построение по этим моделям. Двухуровневая система строилась на взаимодействии общесоюзных или союзно-республиканских министерств (ведомств), производственных объединений (комбинатов), предприятий, а также, сюда относились, республиканские министерства (ведомства) союзных республик, и их производственные объединения (комбинаты), предприятия. Трехуровневая система предусматривала иерархию, состоящую из общесоюзных или союзно-республиканских министерств (ведомств) СССР, всесоюзных промышленных объединений, производственных объединений (комбинатов), предприятий. Сюда же относились: союзно-республиканское министерство (ведомство) СССР – союзно-республиканское министерство (ведомство) союзной республики – производственное объединение (комбинат), предприятие; республиканское министерство (ведомство) союзной республики – республиканское промышленное объединение – производственное объединение (комбинат), предприятие; республиканское министерство (ведомство) союзной республики – министерство автономной республики, управление исполкома областного (краевого) Совета депутатов трудящихся – производственное объединение (комбинат), предприятие.

Напрашивается вывод, что со второй половины XX века государственная промышленная политика была направлена на минимизацию уровневой структуры управления. Однако это не так. Даже в период проведения реформ середины 1960-х годов в отдельных отраслях промышленности в союзно-республиканских министерствах в виде исключения, с разрешения Совета Министров СССР допускалась четырехзвенная система управления: союзно-республиканское министерство (ведомство) СССР – союзно-республиканское министерство (ведомство) союзной республики – республиканское промышленное объединение (министерство автономной республики,

управление исполкома) – производственное объединение (комбинат), предприятие.[1] Дополнением является тот факт, что в одном министерстве управление могло осуществляться на разных уровнях, то есть одновременно по двух-, трех- и даже четырехзвенной системе. Переход управления промышленностью на двух- и трехуровневую систему помимо устранения многоступенчатости, также способствовало ликвидации лишних промежуточных звеньев, повышению оперативности, четкости и гибкости в работе аппарата управления.

Отраслевой централизованный подход к управлению являясь следствием государственной промышленной политики, ориентированной на концентрацию экономических ресурсов, как показала практика, имел недостатки. Так, например, он не позволял полно выявлять и учитывать территориальную общность различных предприятий, имеющих региональные особенности. К тому же использования только отраслевых принципов управления, в пределах народного хозяйства или отдельного региона приводило к диспропорциям, негативным образом отражалось на экологии и т.д.

Отсюда вытекала необходимость создания противовеса отраслевому управлению со стороны интересов местных или региональных органов управления. В результате фактически с первых лет существования советской власти стали оформляться и территориальные органы управления народным хозяйством. Именно они стали проводником децентрализованной формы управления промышленностью.

Главной целью территориального управления являлось комплексное экономическое и социальное развитие народного хозяйства отдельных административно-территориальных единиц и территориально-экономических образований в интересах наиболее эффективного развития всего народнохозяйственного комплекса страны.

Территориальное управление можно рассматривать в широком и узком значении. В первом случае это деятельность всех центральных и местных

[1] Основы научного управления социалистической экономикой. С. 60.

органов хозяйственного руководства по развитию данной территории. При этом хозяйственный комплекс рассматривается как определенная социально-экономическая целостность с соответствующими элементами (населением, производством, жизненной средой и т.д.), историческими, природными, национальными, географическими и другими особенностями. В узком смысле слова под территориальным управлением понимается деятельность местных органов хозяйственного руководства по обеспечению комплексного экономического и социального развития данной территории, и прежде всего конкретных административно-территориальных единиц.[1] В нашем случае мы будем использовать второе (узкое) определение, которое фактически обуславливает использования иного термина – «региональная промышленная политика». Правда, здесь стоит обратить внимание на условность значения субъектов СССР в решении хозяйственных вопросов отдельных территорий. Стратегия, а зачастую и тактика развития регионов или решения проблем являлась прерогативой партии или центральных органов управления.

Тем не менее говорить о том, что региональная промышленная политика отсутствовала нельзя. Необходимость территориальных органов управления промышленностью была обусловлена несколькими задачами, среди которых важными, по нашему мнению, становились обеспечение роста производства в регионе; организация рационального территориального разделения труда, выражающегося в планомерном размещении и использовании по территории страны трудовых, материальных и природных ресурсов; обеспечение эффективного межотраслевого и межтерриториального управления на территории; совершенствование взаимодействия отраслевого и территориально управления в регионе; координация деятельности всех предприятий и организаций, расположенных в регионе; создание условий для успешного функционирования на соответствующей территории производственных объектов, развитие производственной и жилой инфраструктуры; учет местных (национальных) особенностей, специфики, исторических традиций,

[1] Основы научного управления социалистической экономикой. С. 197-198.

сложившихся в производстве данного региона.[1] Во второй половине XX века выделилась еще одна важная задача, связанная с осуществлением контроля над охраной природной и окружающей среды.

Территориальный аспект управления народнохозяйственным комплексом страны позволял более эффективно регулировать территориальное разделение труда в масштабе страны, совершенствовать размещение производительных сил по различным регионам, устанавливать оптимальные территориальные пропорции развития экономики и обеспечивать научно обоснованную специализацию и комплексное развитие всех регионов.[2] Внедрение данного подхода в систему управления промышленности имело плодотворное значение в силу огромной территориальной протяженности СССР.

Автор считает, что показательным примером территориального управления являются Советы народного хозяйства, которые действовали в стране 1917 и до 1932-го года, а также с 1957 по 1964 годы. Одновременно с ними, субъектами территориального управления, обеспечивающими территориальный подход при командном управлении, являлись директивные органы страны и межотраслевые (функциональные) органы Совета Министров СССР – Госплан СССР, Госснаб СССР и т.д. Они обеспечивали при разработке перспектив развития народного хозяйства и при организации текущего управления территориальный подход к решению общегосударственных проблем.[3]

История страны показала, что модель, основанная на жестком централизованно-отраслевом характере управления достаточно быстро наткнулась на производственные ограничения. Недостаточная мотивированность руководителей на местах, отсутствие всестороннего видения потребностей и перспектив отдельных регионов со стороны центральных органов управления, ограничивали возможности советской экономики.

---

[1] См.: Организация управления общественным производством / Под ред. Г.Х. Попова, Ю.И. Краснопояса. М., 1984. С.101; Основы научного управления социалистической экономикой. С. 199.

[2] Шамов А.А. Территориальное управление народным хозяйством. М., 1984. С. 19.

[3] Организаций процессов управления. С. 231-232.

Наиболее остро данные вопросы актуализировались уже в середине XX века, когда начался процесс перехода к новому качественному состоянию мировой экономики, связанному с формированием четвертого технологического уклада.

Все это приводило к неизбежности смены парадигмы управления экономикой. Прежняя форма, основанная на централизации отраслевого управления, в новых условиях становилась тормозом развития экономических отношений. Для эффективного функционирования системы требовалось устранение чрезмерной централизации и усиление воздействие экономических методов управления промышленностью. Централизованная система, выстраиваемая практически на всем протяжении существования советской власти, в условиях формирования нового технологического уклада уже не могла быть механизмом, обеспечивающим высокие темпы экономического роста и конкурентоспособность социалистической системы. Выход из такой сложной ситуации виделся в ослаблении централизованного контроля и к переходу на территориально-отраслевую форму ведения хозяйства. Новые условия диктовали введение иных методов организации производственного процесса, основанных уже не на жестком надзоре со стороны центральных органов, не на строгой иерархии власти, а на разделении полномочий между местными органами власти, более широких экономических возможностей.

Указанные причины становились триггером усиления роли территориального (регионального) управления. Это объяснялось формированием мощного производственного потенциала отдельных регионов, что требовало интенсификации экономических связей между различными предприятиями, территориальными комплексами отдельных территориально-административных единиц. Но при всем при этом реализовать свой потенциал в рамках существующей командной системы данная модель не смогла. Несмотря на кардинальность данных реформ, они не «пробили» рамки преимущественно отраслевой экономики. По сути, все преобразования территориального управления оставались лишь надстройкой в рамках существующей модели управления.

К этому можно добавить и то, что взаимодействие отраслевых и территориальных форм управления не всегда было согласованным и результативным. В ряде случаев отраслевые органы управления под теми или иными предлогами игнорировали интересы территориально-административных единиц, и, наоборот, на уровне территориальных органов управления возникали местнические тенденции, что мешало общегосударственному развитию. Несмотря на это отраслевое и территориальное управление в социалистической системе хозяйствования были очень тесно связаны между собой, их сочетание становилось объективно необходимым. И та и другая модель отражали особенности разделения и кооперации труда. Как показал опыт реформ, их результативность во многом зависела от органического сочетания отраслевых и территориальных форм управления, и в рациональных границах их существования.

В завершении параграфа, важно отметить, что объектами промышленной политики выступали как отрасли, так и территориально-промышленные комплексы, регионы и т.п., и замыкалось это все на предприятиях. Управление всем этим многообразием субъектов становилось важной составляющей проведения государственной промышленной политики.

2.2. Структура и функции органов, реализующих государственную промышленную политику

Одним из результатов государственной политики в области промышленности являлось формирование системы управления. По своей природе система управления представляла собой совокупность организационных институтов, скрепленных коммуникационными связями, и направленных на усиление результативности индустриального сектора страны. Важной ее особенностью являлась возможность к адаптации в зависимости от установок руководства, партии или влияния внутренних/внешних факторов. Консервативность или застой системы приводили к снижению

общеэкономических показателей производства, служили тревожным сигналом для всей экономики.

В условиях СССР система управления фактически становилась продуктом не столько эволюционного, сколько мобилизационного развития. Учитывая агрессивную внешнеполитическую среду, серьезные внутриполитические и экономические проблемы, государству приходилось в ресурсно-ограниченных, зачастую в замкнутых условиях выстраивать не только новые принципы государственности, но и реализовывать их на практике. В подтверждении этого тезиса, приведем слова В.И. Ленина, отметившего, что: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали, – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять особенности перехода от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче управления… Надо, чтобы мы оказались достойными выполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо продумать, что для успешного управления необходимо, кроме уменья убедить, кроме уменья победить в гражданской войне, уменье практически организовать»[1].

Ключевым в термине «система управления» является слово «управление». Оно во все времена выступало одной из форм производственных отношений и отражало конкретную социально-экономическую обстановку в обществе. В зависимости от эпохи, и смены политических и экономических законов развития, менялись организационные формы и методы управления. Вследствие чего процессы управления важно рассматривать в конкретно-исторических условиях. Следует иметь в виду, что модернизационные изменения были невозможны без участия регулятора, обладающего возможностью и способностью воздействия на всех субъектов хозяйствования. Несомненно, таким регулятором могло быть только само государство. В

[1] Ленин В.И. Полн.соб.соч. / Очередные задачи советской власти. т.36. С. 172-173.

системе управления оно выполняло функцию стартера и контролера многих управленческих и экономических процессов, что, кстати, предопределило появление концепции «революции сверху», на основе которой вся инициатива за проводимые государственные мероприятия ложились на партийную верхушку, в то время как остальные уровни управления становились «слепыми» исполнителями их команд и распоряжений.

В СССР управление социалистической промышленностью являлось одним из видов государственной деятельности, способного влиять на группы людей и отдельных индивидов. Фактически это проявлялось в определенном способе воздействия управляющей подсистемы управления на управляемую. Указанное воздействие осуществлялось с помощью решений, принимаемых центральными органами управления, и направленных на решение стратегических или оперативных задач. Правильная организация процесса управления имела исключительное значение для эффективного функционирования всей системы управления, и напротив, недостатки, допущенные на общегосударственном уровне, с большим трудом компенсировались на местном уровне.

Важной особенностью управления социалистическим производством являлась системная, практическая деятельность по организации общественного производства, осуществляемая из единого экономического центра, по единому плану, в масштабе всего народного хозяйства. Процесс управления заключался в деятельности объединенных в определенную структуру субъектов управления (партийные, государственные и советские органы, общественные организации), направленной на достижение поставленных целей управления путем реализации определенных функций и применения соответствующих методов и принципов управления.[1] При том на некоторых этапах эти органы часто решали одни и те же задачи, что приводило к дублированности функций и, как следствие, снижению общей эффективности управленческих и производственных процессов. Так, в диссертационном исследовании

[1] Организаций процессов управления / Под ред. Г.Х. Попова. М., 1975. С. 31.

Акмурзиной О.О. описывается ситуация, когда в период индустриализации происходили перекосы в управлении – «…областное статистическое бюро при крайисполкоме выполняло ту же работу, что и плановая комиссия, так как при Крайплане существовало конъюнктурное бюро, ведавшее статистикой развития промышленности… Или плановая комиссия и Совет народного хозяйства одновременно занимались разработкой контрольных цифр, хотя их функции можно было разграничить»[1].

Тем не менее, разграничивая социалистическую модель управления от рыночной, можно утверждать, что она представляла собой «…выполнение административно-распорядительских функций, направленных на подбор и расстановку кадров, руководство ими, распоряжение государственной собственностью, использование экономических и административных способов воздействия за деятельностью коллектива работников».[2] Государство становилось своеобразным попечителем всех сторон общественной и производственной деятельности, функции которого (пусть в некоторых аспектах лишь декларативно) включали широкий круг работ, начиная от контроля и управления за деятельностью министерств, отраслей, отдельных экономических районов и предприятий; проектирования предприятий, определения места их расположения и их создание; проектирования продукции и методов ее производства; проектирования и осуществления технического перевооружения производства; совершенствования его организации; руководство внешними хозяйственными связями, включая подбор, подготовку и расстановку работников управления, определение круга их обязанностей, прав и ответственности, руководства созданием здоровых и безопасных условий труда и жилищно-бытовым обслуживанием трудящихся и заканчивая контролем деятельности коллектива и разработкой методов экономического и морального стимулирования выполненной работы. К тому же, в соответствии с

[1] Акмурзина О.О. Деятельность местных органов власти Среднего Поволжья в решении задач первой пятилетки в области промышленности: 1928–1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара: РГБ, 2007. С. 87.

[2] Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью (по материалам Всесоюзной научно-технической конференции) / Под ред. Д.М. Гвишиани, С.Е. Каменицера и др. М., 1968. С. 23.

задачами, стоящими перед руководством и исходя из объективно складывающихся тенденций развития страны органы хозяйственного руководства определяли направления, темпы и пропорции роста различных отраслей промышленности с учетом уровня развития производительных сил и достижений науки и техники.

Концентрация огромного количества ресурсов, их комбинирование, обеспечение роста показателей невозможно было получить без эффективно действующей системы управления экономикой или отдельными ее секторами. Именно она позволяла перемешивать «винегрет» ресурсов, производственных мощностей, людских масс и т.п., модернизируя индустриальный базис страны. Опыт руководства социалистической промышленностью свидетельствует, что управленческие отношения складывались в рамках системы, которая представляла собой объективное единство закономерно связанных друг с другом элементов, предметов, явлений и т.д. Эти отношения обеспечивали согласованное взаимодействие между всеми структурными элементами производственных отношений в рамках системы, контролируемой центральными органами управления.

Необходимо определиться, что понимается под «системой управления». В диссертационном исследовании под «системой» понимается совокупность органов управления, их взаимообусловленность, а также взаимосвязанность, в рамках проведения единой государственной промышленной политики. Важной особенностью системы является наличие качеств, не сводимых к сумме составляющих ее элементов. Эти ее элементы обладают самостоятельностью, что позволяет выделять подсистемы системы с иерархическими уровнями.

По сути, система управления промышленностью СССР представляла собой совокупность определенным образом связанных, в некоторых случаях переплетенных, между собой отраслей. В тоже время наряду с системой управления, взятой в масштабе экономики страны, различались локальные экономические системы в рамках республик, отраслей, территориально-промышленных комплексов, территорий, объединений, предприятий.

Локальные системы одновременно можно рассматривать в качестве подсистем экономической системы. В этой связи в представленном исследовании индустриальный комплекс Татарской АССР рассматривается, с одной стороны, как самостоятельная система, с другой – как подсистема системы управления промышленностью СССР.

Практически весь период существования советской мобилизационной экономики были связаны с функционированием централизованных систем управления отраслями, комплексами предприятий, научно-технических и хозяйственных организаций. Субъектом управления здесь выступала система управления (состояла из государственных и общественных учреждений, осуществлявших руководство промышленностью), которая в свою очередь оказывала воздействие на объект управления – промышленность, состоявшей из отраслей, комплексов, предприятий, трудовых коллективов. Управление включало единство многочисленных соподчиненных звеньев, начиная от низового звена в виде управления отдельными производственными участками или сравнительно немногочисленной группой непосредственных исполнителей, вплоть до высших руководящих органов общегосударственного значения, возглавлявших соответствующую ведомственную вертикаль.

Структура представляет одну из форм их реализации и интегрирует различные элементы производства и управления в единое целое. Понятие организационной структуры управления позволяет рассматривать ее с двух позиций: в узком и широком смыслах. В узком смысле – в рамках отдельного органа, в широком смысле – в размерах экономики страны или региона, отдельных отраслей, а также по соответствующим отраслям промышленности. В работе мы будем оперировать широким определением.

Иерархия управления имела довольно сильные отличия по сравнению со странами западного мира, и была обусловлена тем, что государство являлось собственником основных средств производства. Оно должно было создавать механизмы эффективной работы и контроля промышленной индустрии на всех ее уровнях управления. Отход от этих принципов в 1980-е годы (по мнению

ряда авторов[1], в более раннее время), путем появления зачатков рыночных институтов экономики, стало дополнительным фактором кризиса, а затем и развала советской экономики. Столпом эффективности, которой, несомненно, являлась централизация всех органов и звеньев государственного управления.

В общем виде к ключевым органам управления относились центральные плановые органы и местные плановые комиссии, центральные органы хозяйственного руководства промышленностью в масштабах страны и союзных республик, отраслевые министерства, руководство советами народного хозяйства и территориально-промышленных комплексов, отраслевыми производственными объединениями. Замыкающим звеном данного ряда, на которое, в конечном счете, было направлено руководство являлось промышленное предприятие. В результате чего образовывалась взаимосвязанная и взаимозависимая организационная структура элементов управления.

Тем не менее, представленный обзор не раскрывает сущности взаимоотношений и связей внутри индустриальной системы. То есть фактически в системе управления важными составляющими были не только состав звеньев и ступеней управления, но и их взаимосвязь, а также коммуникации между ними. Важными элементами структуры являлись органы и звенья управления, которые имелись как в системе управления экономики, так и в его отраслях (промышленности, транспорта, сельского хозяйства и др.) и отраслях каждой из них. В исследовании под редакцией Р.А, Белоусова, В.И. Сенченко, Е.В. Мазалова отмечается, что орган управления включал группу работников конкретной, относительно обособленной ячейки, связанных отношениями разделения труда и осуществляющих в процессе совместной деятельности одну из функций управления. Звенья управления представляли собой совокупность определенных линейных и функциональных органов на определенном уровне иерархии в системе руководства экономикой.[2] По нашему

[1] Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М., 2021.

[2] Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Р.А, Белоусова, В.И. Сенченко, Е.В. Мазалова. М., 1985. С. 179.

мнению в данную группировку следует добавить еще и ступени управления. Они отражают иерархию подчинения одних элементов другим (по вертикали). Ступень управления – это определенный уровень подчиненности управления.

Между органами, звеньями и ступенями управления существовали связи. В этой связи согласимся с ученым А.М. Рубиным, который отмечает, что «состав связей в организационной структуре (между органами и между составными частями органа) зависел от целей и функций управления, характера сложившихся отношений. Внешние по отношению к органу связи составляли главный элемент исполнительно-распорядительной деятельности органа управления, а внутриорганизационные отношения между его составными частями играют подчиненную роль. Внутренние и внешние связи органа управления образовывали организационное единство и органически сочетаются. Этим связям часто был свойственен властно-организационный характер, который регулировался административно-правовыми нормами. Посредством внешних и внутренних связей осуществлялась реализация исполнительно-распорядительной деятельности государственных органов управления»[1]. Необходимо подчеркнуть, что помимо указанных связей между органами управления могли образовываться и другого рода связи, к примеру, линейные или функциональные.

Взяв за основу классификационные показатели, используемые еще в СССР, структуру органов управления социалистической системы хозяйствования можно разделить по ряду признаков: типа органов (государственных, общественных, партийных), государственного устройства СССР (органов Союза, союзных и автономных республик), административно-территориального деления (органов краев, областей, городов, районов и т.д.), масштаба деятельности (центральные, региональные и местные органы), характера компетенции, способа создания и другие. Основными уровнями управления здесь являлись: общегосударственный, межотраслевой,

[1] Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР: дис. …д-ра юрид.наук. М., 1984. С. 34.

территориальный, отраслевой, объединения, предприятия. Каждый из указанных уровней имел свои особенности в построении органов управления на разных временных промежутках, в разных условиях осуществления организационных преобразований.

На этом классификация не заканчивается. Внутри указанных видов можно выделить соответствующие подвиды организационных структур в зависимости от их специализации, характера и объема прав и обязанностей, что отражалось в различном составе управляющих органов и их внутренней организации. Так, общегосударственная система управления подразделялась на союзную, республиканскую и местную. Этот аспект проблемы подробно освещается в работе «Основы научного управления социалистической экономикой», изданной под редакцией Г.И. Зинченко, Д.А. Правдина, А.А. Синягова. Здесь отмечается, что межотраслевые органы различались, прежде всего, в зависимости от выполняемых функций. В составе территориальных органов выделялись органы, осуществляющие контроль за республиками (территориально-производственными комплексами, крупными экономическими районами, административно-территориальными единицами). Отраслевые органы управления (министерства и ведомства) различались в специализации в производстве продукции или в выполнении соответствующих видов работ. Специфика управления объединениями и предприятиями также определялась специализацией производства или выполняемых функций.[1]

В общем виде система представляла взаимодействие следующих элементов: 1) общего руководства промышленности – ВСНХ (на раннем этапе), Совета Министров СССР, Советов Министров союзных и автономных республик, исполнительных комитетов Советов народных депутатов; функциональных межотраслевых (специальной компетенции) органов – союзных, республиканских, местных (государственные комитеты Совета Министров СССР (плановый, по науке и технике, по труду и социальным

[1] Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г.И. Зинченко, Д.А. Правдина, А.А. Синягова. М., 1977. С. 53-54.

вопросам), некоторые министерства, а также плановые комиссии, финансовые отделы исполкомов и др.); 2) отраслевой структуры, состоящей из: а) высшего звена – министерств (наркоматов) и государственных комитетов отраслей, главных управлений, комиссий и других органов (ведомств) Совета Министров СССР, Совета Министров союзных и автономных республик, отраслевых отделов и управлений исполкомов местных Советов народных депутатов; б) среднего звена – всесоюзных и республиканских производственных объединений, отраслевых управлений министерств и ведомств; в) аппарата управления первичными звеньями народного хозяйства – производственными, научно-производственными и другими объединениями, предприятиями; 3) территориальной структуры управления, состоявшей из Советов народного хозяйства, территориально-промышленных комплексов и т.д. На уровне отдельных республик выделялось подчинение промышленных предприятий либо государственным, либо республиканским, либо местным органам управления. В качестве примера можно привести Татарскую АССР, где в 1961-м году располагалось 523 предприятия, из них 177 относились к совнархозу, 7 – общесоюзным министерствам и ведомствам, 134 – республиканским и союзно-республиканским министерствам и ведомствам, 205 – промышленности Местных советов.[1] Это соотношение было непостоянным и постоянно менялось. Так, уже в 1962 году в республике насчитывалось 514 предприятий, из них к сфере воздействия совнархоза уже относилось 185.[2]

Подчинение, прежде всего зависело от значимости предприятия. Крупные предприятия стратегически важных отраслей (нефтяной, нефтехимической и других отраслей) чаще всего носили общесоюзный характер. Примером могут стать предприятия нефтехимического комплекса Нижнекамска или автомобильный завод Набережных Челнов. Менее крупные предприятия чаще всего имели отраслевую принадлежность к отдельным республиканским министерствам или территориальную – к советам народного хозяйства.

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп.25. Д. 1688. Л. 30.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп.25. Д. 1688. Л. 301.

Примером такого рода предприятий на территории татарской республики являются заводы ЖБИ, кирпичные заводы, лесхозы и леспромхозы, молококомбинаты, птицекомбинаты и др. Чаще всего к местным Советам относились предприятия, обслуживающие население тех населенных пунктов в которых они располагались или отрасли легкой и пищевой промышленности. К таковым относились: хлебозаводы, райпромкомбинаты и др.

Успех модернизации советской экономики во многом строился на эффективности использования общегосударственного и регионального компонентов управления, как по отдельности, так и в большей степени в их диалектической взаимосвязи. Правильная организация процесса управления имела исключительное значение для эффективного функционирования всей системы управления, и напротив, недостатки, допущенные на общегосударственном уровне, с большим трудом компенсировались на местном уровне.

Исторический опыт организационного построения системы управления промышленностью СССР показал четкую последовательность формирования общесоюзного и региональных элементов и механизмов системы. На примере отдельных республик (в частности, Татарской АССР) выстраивалась идентичная модель управления, практически под кальку воссоздающая элементы системы общегосударственного управления. Данное копирование во многом было связано с возможностью облегчения контроля и взаимодействия функционально похожих центральных и региональных органов управления. Очень часто в этой связке терялось значение непосредственно самого региона, что объяснялось подчиненностью, к примеру, наркомата тяжелой промышленности республики аналогичному наркомату общегосударственного уровня. В результате, можно сделать предположение, что республиканская (региональная) модель управления находилась в контуре общесоюзной модели и представляла ее уменьшенную копию. Региональные модели управления становились пазлами общегосударственного управления, подчиняясь требованиям центральных органов управления.

2.3. Роль и место партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в реализации промышленной политики

В продолжении исследования организационной составляющей системы управления, необходимо показать значение партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в реализации промышленной политики. Во многом их целеустремленность и последовательность позволяли реализовывать масштабные задачи по становлению и развитию промышленной индустрии страны и отдельных ее регионов. Опыт развития советской государственности служит наглядным подтверждением значительной их роли в решении многих вопросов государственной и региональной промышленной политики.

Несомненно, в структуре взаимоотношения партийных, комсомольских и профсоюзных организаций главенствующее место занимала партийная организация. Она оказывала прямое воздействие на комсомольские и профсоюзные организации, подчиняя их своему контролю и координации. Это объяснялось, прежде всего, формированием единой идеологической платформы, в которой партия становилась «старшим братом» для остальных форм и сфер деятельности.

Ведущая роль большевистской партийной организации стала вырисовываться уже в первые постреволюционные месяцы. Определяющими факторами успеха советской власти в центре и на местах являлись заманчивые идеи с которыми большевики пришли к власти, а также внутриполитические и экономические условия в которых им приходилось функционировать. В условиях экономической и организационной разрухи, неразберихи во взглядах и политических убеждений, и наконец, открытой гражданской войны, новая власть путем проб и ошибок стала проводить организационную работу по созданию действующего аппарата управления, постепенно концентрируя в своих руках экономические ресурсы и перенаправляя их на восстановление разрушенного производства.

Проведение таких глобальных мероприятий было возможным только при условии поддержки широких масс населения. Опора на городской и сельский пролетариат становилась залогом успеха большевистской организации, возможностью претворять в жизнь все начинания. Казань стала тем городом, где октябрьские события 1917 года население встретило с одобрением. В газете «Гражданская война» по этому поводу отмечалось, что «…настроение казанского пролетариата в высшей степени революционное. Доверие к коммунистам огромное»[1]. Нам думается эта поддержка была не случайной. Лозунги и идеалы большевиков завораживали массы. Советская система государственного устройства предполагала переход на новый, альтернативный капиталистическому, экономический уклад, и предлагала отсутствие частной собственности и широкие возможности для всех слоев российского общества. Примера такого рода государств в мире еще не было. К тому же и общество, измотанное Первой мировой войной, революционными событиями и гражданской войной, требовало перемен. Но надо понимать, что массовое одобрение было в столице губернии, население остальных преимущественно сельскохозяйственных территорий было аполитично. Эти слои представляли значительный интерес для большевиков с позиции привлечения их на свою сторону.

В первые постреволюционные годы на территории губернии широко развернулась агитационная работа, направленная на привлечение в большевистскую среду новых сторонников, способных не только на фронтах гражданской войны, но и в мирном строительстве приносить пользу государству. И здесь обнаруживается интересная дилемма: с одной стороны, воззвания были направлены на вступления в Советы («…Рабочий! Ты с Советами! Ты с нами!»[2]), с другой стороны, власть интересовали не столько представительство рабочих в Советах, сколько вхождение непосредственно в

[1] Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов и материалов. Казань, 1961. С. 50.

[2] Первый год пролетарской диктатуры в Татарии (Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г.) / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. Казань : Татгосиздат, 1933. С. 112-114.

большевистскую организацию и представление данной партии в советах. «Кого ты будешь выбирать в Совет? … правого эсера и меньшевика? Нет! Они разгоняют твои Советы. Они расстреливают сотни твоих товарищей рабочих»[1].

Развернутая агитационная и идеологическая пропагандистская работа достаточно успешно ложилась на «благодатную почву» сознания рабочих и крестьянских масс, чему во многом способствовали не только правильно, с позиции привлекательности, сформулированные лозунги, но и в целом разочарование текущей политической и экономической ситуацией. В результате, только в ноябре – декабре 1917 года оформилась Бугульминская партийная организации, в марте 1918 года – Мамадышская. В апреле был образован Буинский уездный комитет во главе с И.С. Космовским (после вынужденного закрытия возобновил свою работу с 6 октября 1918 г.[2]), в мае – Мензелинская уездная организация.[3] Далее, аналогичные ячейки стали создаваться и в других уездах. К концу 1918 года только в Казани, непосредственно в самом городе насчитывалось 33 партийные ячейки, и 32 – на окраинах[4], в Елабужском уезде было 24 партийные ячейки[5], к началу 1919 года в Спасском уезде насчитывалось до 10 партийных ячеек[6]. Всего, к началу 1919 года общая численность большевистской партии составляла 1848 человек, из которых 837 приходилось на Казань и 1011 на уезды. В статистике того периода упоминаются не только члены партии, но и категория сочувствующих граждан и организаций, что видимо было вызвано желанием показать размах партии. На территории губернии таковых имелось 433 организации с 9615 членами, из которых 3526 приходилось на Казань и 6089 на уездные города и деревни[7]. Параллельно активизировалась работа с молодежью.

---

[1] Большевики Татарии во главе трудящихся масс в борьбе за изгнание белочехов и восстановление советской власти (август 1918 – декабрь 1920). Сборник документов и материалов. Казань: Тат. книж. изд-во, 1961. С. 51.

[2] Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. С. 60-61.

[3] Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова и др. Казань, 1973. С. 246.

[4] Мухарямов М. К. Гражданская война в Татарии (1918 – 1919 гг.). Казань : Таткнигоиздат, 1969. С. 107.

[5] Луч коммунизма. 1918. 12 декабря.

[6] Знамя революции. 1919. 25 января.

[7] Мухарямов М. К. Гражданская война в Татарии. С. 112.

Важным приемом большевистского руководства, обеспечивших их поддержкой нерусского населения губернии (в дальнейшем Татарской АССР), стал вопрос взращивания партийных кадров из представителей титульных народов, проживающих на территории региона. Этому способствовали и большевистские идеи, предполагавшие «раскрепощение» угнетенных этносов и их равноправие в управление государством. Уже в августе 1918 г. был образован Казанский комитет партии коммунистов, далее осенью на заседании губернского комитета российской коммунистической партии большевиков было решено: «Мусульмане-коммунисты организуются при Казанском комитете РКП в качестве секции. В районах организуются секции в том случае, если там есть 20 человек мусульман»[1]. Результатом организационной работы, направленной на привлечение к управлению партийной работы татарского населения, что к октябрю 1926 года секретарями парт-ячеек города и деревни были 33,9% татар, ответственных секретарей кантонов – 42,1%[2].

По мере наполнения партийных ячеек желающими вступить в партийную организацию, появилась новая проблема, связанная с отсутствием практического опыта проведения реформ. Революционер Г.И. Оппоков (Г. Ломов) отмечал, что «…наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах, прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный до Якутии и Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством. Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима, который в них существовал. Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств»[3]. Теоретические концепции построения государственности не

[1] Образование Татарской АССР. Сборник документов. Казань, 1963. С. 87.

[2] Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова и др. Казань, 1973. С. 322.

[3] Ломов Г.И. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171; Цит. по: Макаров В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов): дис. … д-ра ист. наук. Н.Новгород, 2002. С. 143.

могли дать ответа на вопросы формулируемые реальной экономикой, поэтому многие решения принимались спонтанно, в зависимости от каждой конкретной ситуации. Не зря в первые годы утверждения советской власти на собраниях и в прессе шли активные дискуссии по вопросам управления промышленностью, и не даром ВКП(б) претворяла в жизнь гибкие экономические и организационные мероприятия, что особенно ярко проявлялось на региональном уровне.

Конкретные действия в области хозяйственного управления в начальный период установления советской власти заключались в сборе сведений и координации работы действующих промышленных предприятий. Революционные потрясения дезорганизовали все промышленное производство, что привело не только к изменению порядка управления ими, смене руководителей, но и проблемам с поставками сырья, кадровыми вопросами и т.п. Новая власть зачастую просто не знала в каком состоянии находятся предприятия и действуют ли они. Следующим этапом стало переподчинение предприятий фабрично-заводским комитетам, органам рабочего контроля и профсоюзам. Но на этом их деятельность не ограничивалась, требовалось установление полного большевистского контроля над всеми управленческими, организационными и производственными процессами на фабриках и заводах. Не случайно, на протяжении нескольких лет шла целенаправленная публичная критика взглядов и действий эсеров и меньшевиков, вытеснению их из общественной и управленческой сферы жизни казанского общества.

Партийная организация с течением времени превращалась в некоторое подобие элитарного клуба, доступ в который становилось выполнение поставленных условий и предоставлении рекомендации коллег. Так, уже на 3-й губернской партийной конференции был разработан регламент вступления в партийную организацию, где в параграфах 7-9 прописывалось, что каждая группа трудящихся, объединенная местными или производственными условиями (фабрика, завод, воинская часть и т.д.), может организовать партийную ячейку; каждая ячейка утверждается соответствующим партийным центром (районным, уездным или волостным комитетами); партийный центр

регистрирует каждую партийную ячейку.[1] Консервация партийной структуры нами объясняется несколькими причинами. Во-первых, по мере разрастания организации стали возобладать местнические тенденции, «…каждый Совет на месте представлял как-бы самостоятельную республику»[2], что, в свою очередь, мешало проводить единую политику. Во-вторых, возникла угроза проникновения во внутрипартийную среду людей, не заинтересованных в партийном деле, преследующих как корыстные, так и, возможно, вредительские цели.

Партийные комитеты большевистской партии стали участвовать в непосредственном управлении хозяйственной жизнью губернии. Это воздействие проявлялось, прежде всего, в обсуждении и выдвижении претендентов на должности руководителей предприятий. Каждый претендент должен был быть рекомендован членами партии, пройти «сито» проверок и только после этого мог быть назначен на должность руководителя. При этом по формальным признакам контингент управления был достаточно обширным и состоял из представителей технического персонала, рабочих и совнархоза. Все это доказывает тот факт, что уже в первые годы установления советской власти, стала выстраиваться система назначений на все высокопоставленные должности. Решение кадровых вопросов постепенно становилось прерогативой партийных органов управления. В дальнейшем этот принцип сохранялся вплоть до распада СССР. Несмотря на то, что руководство уже не требовало участия членов партии в тех или иных советах или организациях, оно настоятельно «рекомендовало» принять в их состав своих представителей. В работе «История государственных учреждений СССР» по этому поводу отмечается: «Партия рекомендует (а не назначает) кандидатуры своих представителей в Советы, в руководящие органы государственного управления и общественных организаций»[3].

---

[1] Первый год пролетарской диктатуры в Татарии (Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г.) / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. Казань : Татгосиздат, 1933. С. 84.

[2] Знамя революции. 30 октября 1918. № 201.

[3] Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986. С. 27.

Особое, хотя и подчиненное место, партией возлагалось на профсоюзы. В системе взаимоотношения партийных и профсоюзных организаций последние стали превращаться в инструмент реализации политической воли большевиков. С помощью профсоюзов проводились и контролировались мероприятия советской власти. Если в западных странах профсоюзы во многом являлись выразителями воли рабочего класса, что особенно ярко проявилось после Второй мировой войны, в виде заключения взаимовыгодных соглашений между рабочими – профсоюзами – собственниками предприятий и менеджментом, в виде «народного дома», то в отечественной истории, наоборот, значение профсоюзов, как независимых органов поддержки своих членов, было ярко выражено в начальный период утверждения советской власти, и по мере ее укрепления стало уменьшаться. Фактически профсоюзы постепенно превращались в нейтральные органы, неспособные по-настоящему поддерживать желания рабочего класса.

Впрочем, схожим «инструментом» становилась и комсомольская организация (21 апреля 1919 года была оформлена Казанская городская комсомольская организация, далее в течение года возникли Бугульминская, Чистопольская, Елабужская, Лаишевская и другие, аналогичные организации. Первый съезд комсомольцев губернии состоялся в середине 1919 года). Их скрытый, но, на наш взгляд, основной функционал сводился в поддержке всех решений, принимаемых центральными партийными органами страны и губернии и претворении их в жизнь. Не случайно, что и руководящий состав этих организаций включались только проверенные партией, закаленные революционной борьбой, люди (что особенно важно, не обязательно являвшиеся членами партийной организации). Структура комсомольских организаций уже в первые годы утверждения новой власти выстраивалась таким образом, что представители эсеров и меньшевиков, входящих в профсоюзы, но не имевших выборного большинства, фактически не могли влиять на исход тех или иных решений. Важно, что не только партия и/или профсоюзы могли вмешиваться в работу заводоуправлений, и тем самым в

деятельность фабрик и заводов. Руководство предприятий и совнархоза должны было сами систематически отчитываться о своей текущей работе, о выполнении показателей.

Одновременно с этим, укрепление советской власти на местах способствовало постепенному решению производственных проблем на местах, среди основных были низкая производительность труда, слабая трудовая дисциплина и др. Партийные, комсомольские и профсоюзные органы проводили активную работу в рабочей среде, обсуждали эффективность работы на губернских съездах и профсоюзных собраниях. Примером такой работы являлись: проведение во второй половине 1918 года Казанского Совета профсоюзов, на котором говорилось о необходимости росте трудовой дисциплины[1] или проведение Первого губернского съезда профсоюзов, где одним из главных вопросов работы стал вопрос увеличения производительности труда. Одновременно с этими собраниями повсеместно проходили митинги на предприятиях, выносились резолюции. В частности, такого рода мероприятия проводились на предприятиях бывших братьев Крестовниковых, фабрики валяной и бурочной обуви в селе Кукмор[2] и др.

Решение вопросов трудовой дисциплины было во многом связано с внедрением правил внутреннего распорядка, регламентировавших всю производственную деятельность предприятий. В них были определены время начала и конца работы, продолжительность перерывов, обязанности и права рабочих, администрации предприятий и т.п. Однако, методы «пряника» (уговоры и разъяснения) не всегда имели положительный результат, что привело к созданию, так называемых дисциплинарных «товарищеских судов»[3], состоявших, чаще всего, из 2-4 человек и имевших целью разбора проступков, провинностей и преступлений своих коллег по цеху. Представители суда получали достаточно широкие полномочия. В инструкции Казанского губернского Совета профсоюзов все трудовые нарушения подразделялись на

[1] Знамя революции. 1918. 23 октября.
[2] Знамя революции. 1920. 17 января.
[3] Знамя революции. 1919. 30 октября; Там же. 1919. 22 января.

незлостные и злостные. При этом, если «за незлостные нарушения дисциплины рабочий мог быть подвергнут публичному выговору, лишению (на время) участвовать в выборах или быть выбранным по своему союзу и временному перемещению на низшую должность с низшей оплатой»[1], то за злостные нарушения (опоздание, уход раньше с работы, прогулы, праздные беседы и т.п.) работник наказывался посылкой на тяжелые работы от 1 до 6 месяцев и лишением избирательных прав.[2] Создание товарищеских судов резко усилило роль и влияние профсоюзов. Это объяснялось тем, что товарищеские суды стали организовываться не только на предприятиях, но также и в профсоюзах. Фабрики и заводы могли передавать отдельные дела в профсоюзные товарищеские суды, для вынесения вердикта.

Источники доказывают, что с течением времени интенсивность работы партии увеличивалась, что во многом объяснялось ростом ее численного состава. Только за четыре месяца 1921 года партийные комитеты рассмотрели 121 вопрос партийного строительства, 102 – советского и 98 – о назначении и перемещении работников.[3] За 3 месяца 1924 года было проведено 8000 собраний. Удельный весь рабочих в партии вырос с 31,4% до 45,3%, а крестьян наоборот уменьшился с 50,4% до 39,6%, служащих с 18,2% до 15,1%[4]. На постоянной основе стали проводится совещания руководителей и работников предприятий, кантонов, обкома партии, проводилась постоянная ротация кадров, а также оформлялись новые партийные ячейки[5] (в это же время начались и первые чистки от неугодных партийных руководителей. Особое место заняло дело М. Султан-Галиева, вызвавшее резонанс в советском обществе. Далее последовало осуждение Г. Мансурова, К. Мухтарова, Г. Енбаева, С. Атнагулова, М. Сагидуллина и других лиц, не всегда связанных непосредственно с хозяйственной деятельностью республики, но активно участвующих в партийной жизни татарского общества). В последующий

[1] Знамя революции. 1920. 6 апреля.

[2] Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии. С. 242-243.

[3] Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова и др. Казань, 1973. С. 298.

[4] Там же. С. 319.

[5] Коммунистический путь. 1922. № 8. С. 71.

период рост численности членов партии продолжился, что объясняется не только действиями самой партии по привлечению новых сторонников, сколько боязнью попасть под «жернова» репрессий в 1930-е годы или патриотическим подъемов в годы Великой Отечественной войны. К 1932 году в партийной организации Татарской АССР насчитывалось уже более 30 тыс.членов, из которых 42,7% – составляли рабочие, 47,3% – крестьяне, 10% – служащие[1], в начале войны 36306 человек[2].

Особое место в работе партии отводилось подготовке квалифицированных кадров управленцев и специалистов, что было следствием их постоянной нехватки (в условиях революционных пертурбаций, роста экономики в период модернизационного рывка второй половины 1920-х – 1930-е годы, войны и расширения производства во второй половине XX столетия). Этот компонент работы не упускался из фокуса партийного руководства на протяжении всего периода существования советского государства. Назипова К.А.[3] приводит сведения, что только за период 1919 – 1920 годов были организованы курсы при Казанском ГСНХ (1919 г.)[4], бухгалтерские курсы второй степени для служащих в губернских и уездных советских учреждениях (октябрь 1929 г.)[5], двухнедельные курсы для практикантов, окончивших партийную школу (апрель 1920 г.)[6], курсы по деревообработке[7] для руководящих работников союзов. Отдельное место занимали подготовительные курсы для партийного актива. Для них были организованы краткосрочные курсы, на которых изучались устав и программа партии. Более углубленная подготовка коммунистических кадров давалась в Институте марксизма-ленинизма при обкоме партии. В завершающий период пятилетки теми или иными курсами было охвачено более 60 тыс. человек в Татарской АССР[8].

---

[1] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 11. Д. 2. Л. 39.

[2] Очерки истории партийной организации Татарии. С. 461; Цит. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1924. Л. 288; там же. Оп. 22. Д. 2500. Л. 305

[3] Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921 гг.). С. 188

[4] Знамя революции. 1919. 3 сентября.

[5] ГА РТ. Ф. 787. Оп. 2. Д. 4. Л. 56.

[6] Знамя революции. 1919. 3 сентября.

[7] Знамя труда. 1920. 8 июня.

[8] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 14. Д. 13. Л. 49.

Начало индустриализации и коллективизации, несколько позже и массовых репрессий еще больше закрепили роль партии в решении хозяйственных вопросов республики. Именно в этот период был заложен традиционализм системы, полная ее ориентация на концепции, сформулированные трудами К. Маркса и В.И. Ленина. По этому поводу Э. Карр писал: «На протяжении всей своей истории партия несла на себе тот отпечаток, который наложил на нее Ленин, и постоянно обращалась к традициям и спорам своей юности»[1]. Произведения В.И Ленина становились настольными книгами для партийных функционеров, указателями дальнейших действий. Но, в этом крылась и ошибка советской партийной элиты, ее замыкание на устоявшихся клише, в то время как мир с быстрой скоростью менялся, трансформировались его институты, совершенствования же содержания партийной идеологии практически не происходило.

Коммунистическая партия, используя идеологический компонент, фактически подчинила своему влиянию весь хозяйственный, политический и общественный уклад советского общества. В этой связи показательно интервью, взятое в 1959 году А. Гарриманом у А.Н. Косыгина, в котором на вопрос о том,

какую роль при подготовке экономических планов развития районов страны играют партийные организации, был получен ответ, что «это вопросы рассматриваются в ряде организаций, причем... руководящая роль принадлежит партийным организациям»[2]. По этому поводу Т.П. Коржихина указала, что: «Руководящим ядром политической системы советского общества и входящих в нее частей (государства и общественные организации) является Коммунистическая партия Советского Союза»[3]. Воздействие ее институтов на хозяйственные вопросы было очень широким, решение важных организационных или производственных вопросов не осуществлялось без

[1] Карр Э. История советской России. Кн.1. (Большевистская революция 1917¬1923, т. 1-2). М. : Прогресс, 1990. С. 36, 157.

[2] Егошин М.В. Партийное руководство оборонно-промышленным комплексом в первые послевоенные пятилетки (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-3 (40). С. 86; Цит. по: Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М.: ВЛАДОС, 1996.

[3] Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986. С. 15.

одобрения центральных, республиканских или местных партийных комитетов, или ячеек. Партийное руководство вырабатывало не только стратегию экономического развития, определяя направления государственной или региональной промышленной политики, оно регламентировало даже незначительные вопросы, не требующие специальных заседаний.

Профсоюзы и комсомольские организации в этой системе по-прежнему выполняли роль вспомогательных элементов, для поддержания директив и установок коммунистической партии. В исследовании нами не были обнаружены сведения, которые бы позволили, на примере исторических источников утверждать обратное. Профсоюзы, как защитники рабочего класса и комсомол, как организация-партнер молодежи, фактически стали выполнять роль рупора партии. Сама партийная организация также под влиянием внутриполитической среды трансформировалась, «очищаясь» от многих оппозиционных И.В. Сталину членов, создавая систему «один вождь – одна партия».

В структурном плане с течением времени выстраивалась пирамидальная система организации партийного аппарата, конечным звеном которого становились партийные ячейки. И если организация системы управления промышленностью достаточно часто подвергалась реформированию, то система партийного руководства в своей деятельности в большей степени сохраняла консервативность, лишь в редких случаях подвергалась корректировке. Примером могут служить события начала Великой Отечественной войны, когда в Татарской АССР существующую структуру сохранили, добавив дополнительные отраслевые отделы. Правда, говорить о том, что значимых перестановок в организационной структуре за все время существования партийной организации не было, неправильно. Так в конце апреля 1952 года Центральный Комитет партии на территории республики организовал один крайком и два обкома. Причинами деления стали выделение двух областей – Казанской и Чистопольской. Данные реформы оказались неудачными, так усиливали бюрократическую волокиту при решении вопросов,

в результате чего 24 апреля 1953 года было принято решение о ликвидации областей и восстановлении единого Обкома ТАССР.[1]

Принцип коллективности, заложенный еще в первые годы установления советской власти, сохранялся и в последующий период. Он становился определяющим в программных документах партии, что позволяло уйти от субъективизма (волюнтаризма) при принятии тех или иных решений. Принцип коллективизма стал использоваться не только во взаимоотношениях внутри партийной среды или воздействии партии на общество, схожие механизмы стали применяться во всех сферах общества, даже в некоторых случаях без участия партии. Особенно четко реализация данного принципа проявилась в период первых пятилеток, когда на основе слаженной работы партийной организации республики, а также коллективов строительных и промышленных предприятий удалось достичь впечатляющих результатов. Только за годы первой пятилетки в Татарской АССР появились заводы Пишмаш, «Штамповщик», Силикатный завод, Фанерный завод № 3, лесозавод «Национал», завод обозных деталей, валяная фабрика, фабрика гражданского платья, фабрика индивидуальных заказов, шорно-седельная фабрика, мехкомбинат, граммофонная фабрика, кетгутный завод, маслозаводы в районах, саговый завод, КазГРЭС, Арская электростанция.[2] В годы войны партия возглавила работу по эвакуации предприятий и населения, обеспечения людей жильем и продовольствием.

Сегодня, по прошествии длительного времени, сложно определить все факторы и условия, приводившие к таким впечатляющим результатам. Несомненно, это был комплекс причин, который давал взрывной, мультипликативный эффект роста отечественной экономики. Однако, при всем при этом, большое значение в подъеме индустрии страны и республики оказали социалистические соревнования, которые стали проходить в Татарской АССР с

---

[1] Ульданова А.Р., Гатин А.А. Областной комитет КПСС как высший партийный и административный орган Татарской АССР в 1950-е гг. // Казанский вестник молодых учёных. 2017. 1(1). Т.1. С. 20 / https://cyberleninka.ru/article/n/oblastnoy-komitet-kpss-kak-vysshiy-partiynyy-i-administrativnyy-organ-tatarskoy-assr-v-1950-e-gg/viewer (режим доступа: 24.04.2023); Цит. по: Фасеев К. Игра в эксперименты или как однажды дробили Татарстан// Гасырлар авазы. Эхо веков. 2001. № ½.

[2] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 14. Д. 154. Л. 3.

начала первой пятилетки. На многие годы вперед их проведение стало атрибутом осуществления последующих пятилетних планов, о чем свидетельствует резолюция XVI конференции ВКП(б), указавшей на то, что «Соревнования и пятилетка (первая пятилетка – авт.) неразрывно связаны между собой. Под знаком выполнения этих задач пролетариат СССР идет в дальнейшее наступление на классовых врагов пролетарской диктатуры»[1].

Социалистические соревнования проявлялись в разных организационных формах – это могли быть соревнования по выполнению плановых показателей между отдельными бригадами или предприятиями, а могли выражаться в виде движения ударничества или проведения конкурсов. На профсоюзы легли вопросы организации социалистических соревнований. Они должны были не только проводить, но и распространять успешный опыт в массы, для чего профессиональные союзы вынуждены были взять на себя функцию контроля за состояние производственных дел на предприятиях Татарской АССР.

Интересно, что уже в начале нового 1929 года в республике сначала стихийно, а несколько позже организованно, стали появляться первые ударные бригады. Свидетельством этого является тот факт, что по прошествии одного месяца после организации первых ударнических бригад в марте 1929 года было опубликовано постановление Татарского обкома ВКП(б), которое в правовом поле закрепило создание в республике указанную форму организации труда. В работе нет необходимости перечислять предприятия, в стенах которых проводились социалистические соревнования. В той или иной мере они стали реализовываться на каждой фабрике или заводе, подчиненных государственной промышленности. С течением времени выявилась основная форма соревнований, которой стало движение рабочих-передовиков. Она стремительно внедрялась (насаждалась) на предприятия страны и республики. По некоторым данным только за период с октября 1930 и по начало 1931 года процент участвующих рабочих в ударничестве возросло с 54% до 70%.[2]

[1] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 4. М.: Политиздат, 1986. С. 252-253.

[2] Очерки истории партийной организации Татарии. С. 379.

Активно участвовали и комсомольцы, количество участников которых доходило до 90%. Важно, что по мере выполнения одних показателей партией стали требоваться усиленные показатели на будущее, приводившие не только к увеличению плана, но, даже, к пересмотру технических норм.

Национальная политика по «взращиванию» местных кадров, проводимая коммунистической партией, при несомненной активной текущей работе, участии в социалистических соревнованиях, полной самореализации на благо страны, позволило сформировать уже к 1930-м годам партийных лидеров-управленцев из числа татарского населения. Яркими примерами стали К.А. Абрамов, ставший председателем СНК ТАССР, А.И. Искандеров, народный комиссар земледелия. В завершающий период войны и вплоть до 1957 года первым секретарем Татарского областного комитета партии был Зиннат Ибятович Муратов. Во второй половине XX века ярким представителем татарского народа, занимавшим ведущие политические позиции на уровне СССР и республики, стал Ф.А. Табеев.

В целом, несмотря на противоречивую роль коммунистической партии, она стала цементирующим механизмов, позволяющим соединить интересы власти и хозяйственного механизма страны и республики. Деятельность партийных ячеек позволило решить многие глобальные проблемы, которые стояли перед советской экономики в период ее создания и последующее время.

Однако по мере укрепления структуры, формирования иерархичности и последующей консервативности партийной организации, ее деятельность все более становилась номинальной и декларативной. Этому же способствовал и начавшийся спад экономики и отсутствие общественного энтузиазма. В 1970 – 1980-е годы по-прежнему в стране проходили партийные и профсоюзные съезды, работали комсомольские ячейки, ставились новые задачи, но поступательного эффекта от всего этого уже не ощущалось. Идеологической компонент перестал оказывать воздействие на широкие массы населения.

Нам видится, что не последнее место в этом сыграли общая усталость общества от постоянной фосированной гонки за ростом экономических

показателей, нереализованные надежды на рост благосостояния, а также, постепенной, но нарастающей дифференциацией общества – выделении собого слоя партийной номенклатуры.

2.4. Управленческие кадры: номенклатура, подготовка и ротация

Начальный период утверждения большевистской власти представляется нам как цепочка событий, связанных с поиском наиболее оптимальных рычагов управления экономикой, а также постепенным апробированием элементов будущей системы управления. Советскому руководству приходилось проводить преобразования в достаточно сложных условиях внешней угрозы и внутренних проблем, связанных с продолжающейся Первой мировой войной, бедственным положением населения и началом гражданской войны. Автор считает, что в данных неблагоприятных условиях основным направлением государственной промышленной политики становилась борьба с постреволюционным хаосом, путем налаживания работы еще действующих предприятий, особенно связанных с производством военных товаров и продовольствия, переподчинении их своему контролю и, в конечном счете, созданию товаров, необходимых для армии и удовлетворении базовых потребностей остального населения.

При этом, нам думается, что перед большевиками на тот период не стояли задачи более высокого порядка. Надо было сохранить любыми средствами власть в своих руках. Подтверждением этого являются слова В.И. Ленина, указывающие на отсутствие каких-либо планомерных решений, государственная экономическая политика сводилась к банальному сохранению власти: «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки… Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов,

контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное. Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу»[1]. Все это обуславливало сперва хаотичной, а затем более целенаправленный поиск эффективных форм управления промышленностью страны и отдельных ее субъектов.

Уже в первые годы утверждения советской власти в организационной практике стали постепенно вырисовываться элементы административно-командных методов управления. Причина этого крылась не только в партийной идеологии, сколько в жесткой зависимости управленческих кадров всех уровней от директив государственных органов. Распоряжения партийных руководителей являлись единственно правильным решением многих проблем, и любая критика низовых органов серьезно пресекалась. Согласимся с В.П. Пашиным, который утверждал, что «…ценилась в первую очередь исполнительность и отвергались критически мыслящие люди. Определяя основные направления хозяйственного развития, партийный аппарат подбирал под них кадры, способные их реализовать любыми средствами»[2.] Как результат, на управленческие должности очень часто выбирались менее образованные, но идейно проверенные, послушные кадры. В этой связи В.И. Ленин проговорился, что «…нужны ответственные люди на все посты: если окажутся негодными – сумеем переменить»[3]. Вместе с тем дефицит руководящих кадров зачастую восполнялся перебрасыванием руководителей из отдела в отдел, восстановление работников, уволенных ранее из других отделов и управлений и т.п.

Одновременно с указанными мерами, массовой стала практика привлечения на руководящие позиции представителей рабочей среды. Дефицит управленческих кадров и ленинская идеология этому способствовали.

---

[1] Ленин В.И. Полн.соб.соч. т.35. С. 66.

[2] Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х – 1930 году): дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. С. 19.

[3] Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии) // Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 383.

Приведем в качестве доказательства ссылку на работу К.А. Назиповой, где показано, что в составе коллегии Алафузовских фабрик и заводов состояло 12 человек, 8 из которых являлись рабочими (Батуров П.Н. – сапожник, избранный председателем коллегии, Скорин А.А. – слесарь – председатель фабзавкома, Васильев М.Г. – сапожник, Власнюк И.Н. – портной, Евдокимов И.В. – шорник, Галеев З.Г. – чесальщик, Сергеев – кочегар, Кавычкин С.А. – текстильщик)[1].

Несмотря на дальнейшее укрепление позиций большевистской организации и возможности привлечения более квалифицированных кадров, очень часто закреплялись за «коммунистами и беспартийными рабочими»[2] руководящие позиции в органах управления. Эффективность такого контингента руководителей и работников была невысокой. Это понимало и руководство страны. Так, Владимир Ильич Ленин отмечал, что «господство рабочего класса в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление – это другое дело, это – дело уменья, дело сноровки... Чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять... Уменье управлять с неба не валится... Для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые имеют государственный и хозяйственный опыт...»[3].

Поэтому одним из направлений кадровой работы становится привлечение бывших управленцев-капиталистов. Это было не случайным шагом большевистского руководства. У бывших революционеров, пришедших к власти (за некоторым исключением), отсутствовал опыт руководящей работы на государственных должностях. В тоже время столкнувшись с практикой управления, с появлением недопонимания многих организационных и технологических процессов, пришло осознание необходимости привлечения на все уровни управления компетентных специалистов. В 1918 году В.И. Лениным была сформулирована задача по привлечению к работе специалистов, готовых

---

[1] Назипова К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917–1921 гг.). М.: Наука, 1976. С. 187; Цит. по: ГА РТ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 418. Л. 44.

[2] Мухарямов М.К. Гражданская война в Татарии (1918–1919 гг.). Казань, 1969. С. 141.

[3] Ленин В.И. Речь на заседании Коммунистической фракции ВЦСПС 15 марта 1920 г. // Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 40. С. 222; Ленин В.И. Доклад Центрального Комитета 29 марта // Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. С. 252-253; Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917–1991 гг.): дис. … канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 36.

служить Советской власти[1]. В последующем, выступая на XI съезде ВКП(б), В.И. Ленин указывал на острую «…нехватку знаний тому слою коммунистов, который управляет…» и призвал «…строить коммунизм некоммунистическими руками…»[2], то есть фактически используя труд представителей бывших капиталистических кругов. Подтверждение этих доводов нашли отражение в резолюциях Казанского совнархоза, изданных в конце июня 1918 года и Казанского губернского съезда совнархозов в сентябре 1919 года[3].

На практике это взаимодействие оказалось достаточно ограниченным. В диссертационном исследовании Р.С. Хазиев указывает, что «база для возможного сосуществования «заводчиков» с советской властью была крайне узкой, но не сводилась к заранее спланированному саботажничеству «фабрикантов-хищников» и их «раболепствующих прислужников». Революционное время изобилует разнообразными фактами, подтверждающими морально-психологический настрой «бывших» сохранить пусть не идеальное жизнеустройство, но худо-бедно удовлетворявшее ежедневные запросы. «Эксплуататоры» предпочитали порой не искушать судьбу ради журавля в небе, рискуя потерять имевшуюся в руках синицу. Когда индивидуальные собственники или акционеры не находили общих точек соприкосновения с государственными структурами, старая администрация заводов (наемные специалисты высшего и среднего управленческого звена) заговорила на одном с рабочими и фабзавкомами хозяйственном языке»[4]. В результате в ряде случаев образовывалось социальное партнерство между работниками и бывшими владельцами предприятий. Однако эти действия шли в разрез общим установкам и правилам, которые предлагались ВСНХ.

С течением времени, окрепшая советская власть все более нуждалась в квалифицированных управленческих кадрах. Их набор по-прежнему осуществлялся, как с помощью выдвижения на руководящие должности

---

[1] Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 165-208.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 95-98.
[3] ГА РТ. Ф. 787. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Знамя революции. 1919. 18 сентября.
[4] Хазиев Р.С. Централизованное администрирование экономики и уральская периферия: конец 1917 г. – начало 1921 г. С.81.

передовиков производства (включая даже беспартийных работников), так и путем направления управленцев по партийным спискам. Но гораздо чаще ударников труда путем уговоров или административного принуждения заставляли вступать в партию, тем самым открывая дорогу в руководящий состав хозяйственных органов низшего и среднего звена промышленных предприятий республики. Данный шаг предполагал смешение хозяйственного и партийного компонента, что позволяло выдвигать на руководящие должности идейно правильных и благонадежных специалистов. Показательна в этой связи «Резолюция бюро Татарского обкома ВКП(б) о выдвижении рабочих и крестьян на руководящую работу», изданная 2 апреля 1929 года, указывающая на острую необходимость «…выдвинуть до 100 рабочих от станка на ответственную работу, в частности, орготделу в недельный срок внести предложения о выдвижении не менее 10 рабочих на руководящую работу»[1].

Эффективность такого рода управленцев была сомнительной, что понимало и само руководство республикой. Так, ранее, в «Постановлении бюро Татарского обкома ВКП(б) об итогах проверки состава руководящих работников промышленности республики» от 4 декабря 1928 года отмечался «…недопустимо высокий процент сменяемости (40%) состава директоров, и слабая техническая квалификация руководящих работников-коммунистов»[2].

Данные проблемы обусловили необходимость принятия важных организационных мероприятий, которые стали характерным инструментом дальнейшей деятельности советской власти. Они предусматривали, с одной стороны, радикальное ощищение от классово чуждых элементов и ростом числа партийцев в своих рядах, с другой стороны (что по факту являлось более действенным инструментом), организации специальных курсов подготовки и переподготовки управленческого актива. В результате, только за период 1932–1933 годов данные курсы окончило более 3000 человек. В последующий период

[1] Резолюция бюро Татарского обкома ВКП(б) о выдвижении рабочих и крестьян на руководящую работу / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 171.

[2] Постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) об итогах проверки состава руководящих работников промышленности республики / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 164.

данный аспект подготовительной работы управленческого состава был усилен. В 1946 году в Татарской АССР была создана двухгодичная партийная школа для партийного руководства, а при ней десятимесячные курсы переподготовки. В целом же, во второй половине столетия была построена эффективная система политической учебы, экономической подготовки и переподготовки руководящего состава промышленных предприятий республики.[1]

Исследование позволило обнаружить причины высокой сменяемости руководящих кадров низнего уровня управления, которые были характерны для советского общества в первой половине столетия. Во многом причины крылись в отсутствии опеки и поддержки со стороны руководителей более высокого ранга, о чем свидетельствуют материалы «Постановления бюро Казанского горкома ВКП(б) о состоянии работы с выдвиженцами и резервом выдвижения промышленных кадров» (1938 г.). Выдвижение на руководящую должность совсем не означало повышение престижа и уровня благосостояния, скорее наоборот. Как подчеркивалось в документе: «Ненормальным является то, что на ряде предприятий («Пишмаш», «Красный путь») для мастеров и начальников цехов существуют только твердые оклады, вследствие чего у некоторых выдвинутых товарищей, в прошлом стахановцев, зарплата ниже прежней, хотя они и добиваются выполнения и перевыполнения плана»[2].

Особенностью советской кадровой политики стала практика несменяемости управленческого аппарата, и, как следствие, появление элитарных групп и создание партийной номенклатуры. Попавший в ряды высокопоставленных государственных деятелей чиновник только в редких случаях «выпадал из обоймы».

И здесь мы подходим к очень важному вопросу заинтересованности управленческого состава в осуществлении промышленной политики. Национальные элиты играли значительную роль в жизни любого государства.

---

[1] Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова и др. Казань, 1973. С. 390, 512, 598.

[2] Постановления бюро Казанского горкома ВКП(б) о состоянии работы с выдвиженцами и резервом выдвижения промышленных кадров / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 492.

Находясь во главе общественных институтов и, зачастую являясь проводником государственной промышленной политики, они влияли на политические, экономические и, особенно, организационные процессы. Отсюда вытекает встроенность элит в систему государственного управления экономикой, возможность управлять и направлять систему в нужном для страны (или для своих интересов) направлении.

Не является исключением и элита, сформированная в СССР. Именно она оказывала серьезное воздействие на государственную промышленную политику и многие процессы, осуществлявшиеся в системе управления промышленностью, во многом являясь триггером модернизационных изменений. В этой связи ученый-политолог А.В. Дука размышляя о роли и значении элит указывает, что они «…могут определять символически и практически положения в действиях других групп»[1].

Впервые о роли элит в общественной и экономической жизни стали говорить Г. Моске и В. Парето[2], которые определяли их, как определенный политический класс, концентрирующий в своих руках политическую власть. Представитель немецкой политологии Р. Михельса[3], под элитами фактически понимал систему господствующего олигархата, считая, что любая демократия на определенном этапе переходит в это состояние. Общим для ученых становилось понимание под элитами господствующего класса, обладающим определенными привилегиями и контролем. Такое понимание роли элит не всегда встречало одобрение ученых. К. Маннгейм и С. Келлер[4] в центре своего исследования рассматривают выполнение элитами ряда важных функций, считая, что данные слои общества наделены определенной общественной ответственностью. При этом, если обратить внимание на советскую историографию, то в СССР термин «элита» не применялся, что объясняется

[1] Дука А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований / Власть и элиты в российской трансформации. СПб., 2005. С. 13.

[2] Моска Г. Правящий класс//Социс. 1994. №10; Парето В. Компендиум по общей социологии //Антология мировой политической мысли. Т. 2/ Рук.проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1997.

[3] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 9.

[4] Маннгеим К. Человек и общество в эпоху преобразовании // Диагноз нашего времени М.: Монолог, 1994; Келлер С. Стратегические элиты в современном обществе Киев: Свободный дом, 1994.

формальным отсутствием в социалистическом обществе классов, слоев или каких-либо других особенных лиц. Правда, не используя сам термин еще В.И. Ленин под Центральным Комитетом РСДРП понимал «…особую центральную группу, …включающую в себя лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и распоряжающуюся всеми общепартийными делами…»[1], фактически выделяя комитет в отдельную, в некоторых аспектах, привилегированную группу.

Современная наука под элитами понимает «круг людей, обладающих высоким общественным положением, обусловленным выдающимися профессиональными, личностными способностями и достижениями, или получивших свой статус и социальную позицию в силу наследственного положения либо за счет продвижения в рамках закрытой элитной группы»[2]. Есть и другие определения, которые определяют элиту, как «…меньшинство общества, состоящие из лиц, занимающих важное и значимое место в общегосударственном политическом процессе»[3], «люди, принимающие общегосударственные решения, …люди, занимающие высшие государственные должности, …иногда в эту группу попадают те, кто оказывают огромное влияние на политический процесс благодаря своему богатству»[4] и др. Автору близка позиция А.В. Дука, считавшего элитами «совокупность персон, занимающих стратегические позиции в обществе или в какой-нибудь его подсистеме, позволяющим им принимать кардинальные решения, в том числе по поводу распределения и потребления общественных благ»[5].

Применительно к данному исследованию под советской элитой мы понимаем совокупность государственных, региональных (партийных) деятелей, в рамках системы управления экономикой, обладающих возможностью принимать кардинальные решения, их направлять и координировать. Важной

---

[1] Ленин В.И.. Поли. собр. соч. Т.6. С. 8.

[2] Ашин Г.К., Понеделков А.В. Основы политической элитологии. М.: 1999. С.301.

[3] Восканян С.С. Политическая элита России. Волгоград. 2003. С. 3-6.

[4] Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: 2005. С. 17.

[5] Богословская М.В. Советская государственная элита 1920-х гг.: механизм формирования и система назначений: дис. … канд. ист. наук. М., 2007. С. 53; Цит. по: Дука А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований / Власть и элиты в российской трансформации. – СПб., 2005. С. 24.

особенностью здесь становится указание на появление регионального компонента. Находясь на нижестоящем уровне управленческих полномочий республиканские деятели не только могли оказывать воздействие на объекты управления в пределах сферы своего влияния, но и становились значительной силой в принятии общегосударственных решений и назначений.

Близким к рассматриваемому термину, но не тождественным, является понятие «номенклатура». Серьезных исследований по вопросу разграничения данных терминов в научной литературе практически не проводилось, что подтверждает в своем диссертационном исследовании М.В. Богословская, указывая на то, что «… нам не встретились попытки сравнить содержания этих понятий»[1]. Под номенклатурой понимается, как «…перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в других организациях советского общества, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются и рекомендуются, утверждаются и отзываются партийным комитетом» (В.П. Пашин)[2], так и «…перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган…» (М. Восленский)[3]. Важно, что сегодня в российской и зарубежной историографии на номенклатуру смотрят не столько с позиции перечисления должностей, сколько на основе «…социального расслоения на основе матричных ниш»[4].

Диссертант считает, что термины «номенклатура» и «элиты» являются схожими понятиями. Важное отличие заключалось в том, что элиты являлись самым верхним уровнем в номенклатурном управлении. Исходя из этого можно использовать термин «номенклатурная элита», подчеркивающий особое положение или статус отдельных слоев внутри номенклатуры. Понятие «номенклатура» шире термина «элита», так как вбирает в себя не только высший слой государственных и/или партийных руководителей, но и всю систему партийно-чиновничьего аппарата. Богословская М.В. в своем

[1] Богословская М.В. Указ.соч. С. 42.

[2] Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х – 1930 году): дис. …д-ра ист.наук. М., 1993. С. 14.

[3] Восленский М. Номенклатура. М.: 1991.

[4] Словарь по партийному строительству. М.: Политиздат, 1987. С. 156-157.

исследовании показывает, что система номенклатуры чиновничьего аппарата постоянно менялась, то расширяясь, то, наоборот, сужаясь. Так, Номенклатура № 1 «Положения о постановке учета ответственных работников в наркоматах и центральных учреждениях» (1923 год), обнаруженная в фонде Центрального комитета КПСС, включала в себя не только должности в народных комиссариатах, к их статусу были приравнены такие органы как ВСНХ, Госплан, Главконцесском и Промбанк, то есть блок учреждений, управляющих экономикой страны.[1] Схожей позиции придерживается А. Тилле, указывая, что «…номенклатура – это весь партийный аппарат (от аппарата ЦК до аппарата райкомов). Аппарат ЦК «назначал» и «избирал» членов ЦК, секретарей ЦК, секретарей ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов и т.д.»[2]. Это снимает вопрос о том входили ли в состав номенклатуры только представители центрального аппарата управления. В этой связи можно согласиться с мнением С. Барзилова и А. Чернышова, которые разделяют региональную номенклатуру на две группы: бюрократию и элиту. Причем элита является высшим слоем номенклатуры и составляет всего 10% от всего состава номенклатуры. Элита, по их мнению, это люди, которые имеют право принимать решения или участвующие в принятии решений. Бюрократия – это остальная часть номенклатуры (90%). Ее составляли работники аппаратов различных государственных учреждений, которые осуществляют выполнение решений людей, которые составляют элиту. Представителей этой части элиты обычно не касалась смена политического руководства страны или региона[3].

Попавший в ряды высокопоставленных государственных деятелей чиновник только в редких случаях «выпадал из обоймы». В этой связи под советской номенклатурной элитой автор понимает консервативную иерархию высших руководящих кадров и чиновничьего аппарата, в своих действиях

---

[1] Богословская М.В. Указ.соч. С. 199; Цит. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Л. 5-7.

[2] Лысцев М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС: региональный аспект: дис. … канд.полит.наук. Н.Новгород, 2007. С. 44; Цит. по: Тилле А.А. Советский социалистический феодализм. 1917-1990. М.: Пробел-2000, 2005. С. 77-78.

[3] Лысцев М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС: региональный аспект: дис. … канд.полит.наук. Н.Новгород, 2007. С. 45; Цит по: Барзилов С., Чернышов А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 51.

строго подчиненных партийным установкам и государственной идеологии. Исследователь М. Восленский в этой связи отмечал: «Ленин изобрел организацию профессиональных революционеров. Глава аппарата Сталин изобрел номенклатуру… Изобретение Сталина было аппаратом, при помощи которого он стал управлять Россией, и оно оказалось гораздо более живучим»[1].

Но, помимо верхнего уровня, существовали и нижние уровни номенклатуры. Здесь ротация кадров проходила достаточно часто, в ряде случаев даже наблюдался недобор. Попасть в ряд управленцев нижестоящих уровней можно было преимущественно представителям рабочего класса и крестьянства, партийная идеология этому всячески способствовала. В частности, в «Резолюции бюро Татарского обкома ВКП(б) о выдвижении рабочих и крестьян на руководящую работу» подчеркивалась «…недооценка значения выдвижения рабочих и крестьян со стороны всего советско-хозяйственного аппарата, недостаточной инициативы профорганизаций и слабого контроля парткомами реализации поставленных в этой области задач. Имея в виду, что в связи с необходимостью все более энергичного, настойчивого оздоровления советско-хозяйственного аппарата решительным устранением из него классово чуждых элементов, фактов бюрократизма, формального отношения к запросам масс…»[2]. Можно сделать предположение, что в последующий период ситуация изменилась, руководители стали более отвественнее относится к своим обязанностям. Однако, даже в условиях войны и, параллельной ей сверхцентрализации управления, мы находим примеры попустительства или безразличия в действиях руководящего состава предприятий Татарской АССР. Архивные данные указывают, что: «Директор руководит заводом по методу – где прорвется, туда и бросается. В результате все строится на голом администрировании»[3].

---

[1] Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 82.

[2] Индустриализация Татарской АССР. С. 170; Цит. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4252. Л. 63.

[3] Кабирова А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе : дис. …д-ра ист. наук. Казань, 2012. С. 97; Цит по.: ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 128. Л. 63.

Представители данного уровня номенклатуры не только руководили предприятиями, но и занимались другой административно-хозяйственной работой. Можно отметить, что зачастую на административную работу назначались не по желанию, а по разнарядке, получаемой «сверху». Так, в Татарской АССР в течение 1929 года предполагалось по «линии промышленной и на транспорте, увязав с задачами коммунизации и орабочения аппарата выдвинуть до 100 рабочих от станка на ответственную работу, в частности, отготделу в недельный срок внести предложения о выдвижении не менее 10 рабочих на руководящую работу»[1].

Войти в состав номенклатуры, и в особенности в состав элитарных групп, было очень непросто. Некоторым исключением были первые послереволюционные годы, когда из революционно настроенных рабочих формировалась будущая прослойка номенклатуры. В это время численность большевистской партии делала крен, то в сторону резкого своего увеличения, то, наоборот, резкого своего сокращения. При этом, как отмечает Дж.Хоскинг «…создается впечатление, что многие из тех, кто называл себя рабочим, на деле являлись теперь администраторами, комиссарами, командирами Красной Армии и т.д. … Только 11% членов партии работали на заводах, однако многие из них занимали административные посты»[2].

Жесткая отбраковка чиновников производилась не только на самом высоком уровне, но даже среднем и нижнем. Строгая иерархия, подчинение всех звеньев интересам партии по мнению исследователя В.П. Пашина «… неизбежно отторгала от себя критически мыслящих людей. Определяя основные направления хозяйственного развития, партийный аппарат подбирал под них кадры, способных их реализовать любыми средствами»[3]. Создаваемому уже в первые годы советской власти командному аппарату управления требовалось «… подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие

[1] Там же. С. 171.
[2] Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М.: Вагриус, 1994.
[3] Пашин В.П. Указ.соч. С. 19.

принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь»[1]. Одновременно с этим, надо отметить, что в начальные годы утверждения советской власти нехватка руководящих кадров, чрезвычайные обстоятельства, позволяли принимать единоличные, субъективные решения руководителям на местах. По мере стабилизации политической и экономической ситуации в стране, отсутствии чрезвычайности, позволило вписать руководящих работников в единый механизм управления, во многих вопросах лишив их самостоятельности.

Согласимся с утверждением Д.В. Дудкиной, отметившей, что И.В. Сталин создавал «…свой аппарат управления и разработал четкую систему принципов формирования и продвижения кадров аппарата, которая без сбоев функционировала длительное время. Такое бесперебойное функционирование обеспечивалось системой санкций, предусмотренных за нарушение принципов работы аппарата. Люди, работающие в аппарате управления, жили под страхом не только потерять место работы, но под страхом потерять свободу и даже жизнь»[2].

Исходя из сказанного, может возникнуть вопрос: неужели никто не высказывался против создаваемой номенклатурно-бюрократической, элитарной системы? Всех ли устраивали те правила и условия, в которых приходилось работать? Несомненно, складывающиеся обстоятельства не могли не вызвать тревогу, особенно в первые годы утверждения большевистской власти, когда степень свободы и открытости были максимальными. В этот период многие партийцы, не относящиеся к высшим эшелонам управления, задавались схожими вопросами, понимая, что происходящие перемены не соответствуют тем лозунгам и установкам, звучавшим ранее. Тревога за будущее партии, позволило сформировать две независимые фракции (демократические централисты и рабочая оппозиция), первые из которых взывали к возвращению некоторый «демократических» идей В.И. Ленина, другие же были сильно

[1] Сталин И.В. XII съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 210.
[2] Дудкина Д.В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917–1991 гг.). С. 72-73.

обеспокоены сильным размежеванием взглядов между партийцами и непосредственно рабочими, и инициировали проведение свободных выборов. Тем не менее, по мере решения политических проблем и укрепления партийной организации, открытых высказываний против проводимых действий становилось все меньше и меньше.

Фактически, можно говорить о последующем встраивании руководящего состава партии, хозяйственников в складывающийся аппарата управления и подчиненной роли каждого управленца воле партии или вышестоящих органов. Автором наблюдается интересная закономерность о степени трансформации возможностей и воздействия административных элит на экономические процессы, происходящие в республике. Отсутствие консолидации руководящих кадров в 1930–1940-е годы, связанной, в том числе, с репрессиями и их сменяемостью, не давали возможность местным органам управления по-настоящему отстаивать интересы республиканской индустрии, фактически промышленная политика по отношению к Татарской АССР определялась конъюнктурными процессами, происходившими в экономике страны. В тоже время сформированность номенклатурного аппарата управления во второй половине XX столетия позволила проводить в жизнь ряд целенаправленных действий, отвечающих интересам республики.

В основе большинства кадровых мероприятий лежал номенклатурный метод, основанный на назначениях на высшие хозяйственные должности с помощью проверок осуществляемых через комитеты КПСС всех уровней[1]. При том, в сталинский период человек прошедший через «сито проверок» мог достаточно долго работать на своем месте (при отсутствии репрессий, смерти, повышения по службе и др.), что фактически и обусловило формирование консервативного аппарата советской партийной и управленческой номенклатуры.

И именно в этот период можно говорить об окончательном оформлении системы номенклатурного и элитарного управления. Т.Н. Неровня по этому

[1] См.: Новокрещенов А.В. Государственная кадровая политика. Новосибирск: СИУ РАНХиГС, 2014.

поводу указывает, что «…у работников аппарата, особенно в верхних эшелонах руководящей иерархии, объективно возникал интерес закрепить за собой управленческие функции, сложившееся вертикальное разделение. Этот интерес тем более реален, чем больше у высших управляющих возможностей контролировать материальные ресурсы, направлять их с учетом собственных интересов, чем бы они ни определялись: профессиональными, ведомственными, местническими или другими»[1]. Как следствие, появлялась тенденция к обособлению и волюнтаризму, а в будущем к выделению номенклатуры, а внутри ее элиты, как отдельного социального пласта советского общества (те же слои общества, которые не вошли в состав номенклатуры, зачастую подвергались сверхэксплуатации посредством применения внеэкономических мер принуждения).

Особенностью новых отношений стало оформление конкретного, избранного круга руководителей центральных, региональных или местных органов управления, подчиненных общей вертикали управления, назначаемых, избираемых на должности или увольняемых партийными органами, что подчеркивало ее определенную кастовость (классовость). А. Жид по этому поводу уже в 1930-е годы писал, что «...снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии..., аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эти аристократия станет денежной»[2].

Ускорение процесса консервации и обособления элит стало происходить в послевоенный период. Этому способствовали и мероприятия, проводимые союзными и региональными органами управления, направленными на сокращение административного аппарата министерств и ведомств. Так, в соответствии с Постановлениями Совета Министров СССР от 13 августа 1946 г., Совета Министров ТАССР за № 569 от 19 августа 1946 г. «О запрещении

[1] Неровня Т.Н. Историко-методологические взаимосвязи собственности и индустриализма в российской экономике (1861–1999 гг.): дис. … д-ра экон.наук. М., 2000. С. 208.

[2] Жид А. Возвращение из СССР. Поправки к моему «Возвращению из СССР» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1991. С. 85.

расширения штатов административно-управленческого аппарата советских, государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организации»[1] в целях экономии бюджета и оптимизации работы аппарата управления, директорам областных предприятий, управляющим Горместпрома, Местпромснабсбыта, директорам рай(гор)промкомбинатов запрещалось доукомплектовывать вакантные должности по штатам административно-управленческого аппарата; расширять штат административно-управленческого персонала; производить какие-либо реорганизации управленческого и хозяйственного аппарата; создавать новые организации и учреждения и изменять должностные оклады без разрешения Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР. Несомненно, идея, заложенная данными мерами, была необходимой, направленной на сокращение бюрократизированного аппарата управления в центре и на местах, но на практике она привела к ее большей консервации и к росту влияния номенклатуры руководящего состава советского общества. Как метко подметил В.П. Пашин, номенклатура сформировала круг руководителей разного уровня, канонизированных в «несменяемые начальники»[2].

Одновременно, автором обнаружено отсутствие серьезных административных перестановок в аппарате управления министерств и ведомств в послевоенный период, что, на наш взгляд, является подтверждением доверия к органам управления, стремлением максимально использовать существующую структуру управления для восстановления промышленности республики и одновременно с этим было проявлением застойности существующей модели управления.

Получается, что к середине XX века сложился полностью закрытый, практически кастовый, слой особых людей?! На самом деле нет. Говорить о полной несменяемости руководителей неправильно. Не только смерть руководителей, репрессии, перевод на другие должности, но и другие факторы

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 651. Л. 243.

[2] Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х –1930 году). С. 14.

обуславливали определенные перестановки в центральном и региональных аппаратах управления. Особенно четко это прослеживалось на примере этнической принадлежности. Так, вплоть до конца 1940-х годов на руководящие должности высшего звена управления обычно назначали представителей из числа русского населения. В качестве примера можно привести Министерство местной промышленности ТАССР. В соответствии с приказом по этому министерству за № 150 от 21 июня 1947 г. «Распределение обязанностей между министром и его заместителями»[1] на министра А.А. Медведева были возложены обязанности по контролю за работой отдела кадров, планового отдела, финансового отдела, главной бухгалтерии, специального отдела, горместпрома, Местпромснабсбыта; заместитель министра А.Н. Жуков отвечал за отдел труда и заработной платы, пожарно-сторожевую охрану, фотоиздат, валяльно-шорный комбинат, Чистопольскую галантерейную фабрику, Елабужский механический завод, инструментальный завод, гармонную фабрику, Татвесоремзавод, леспромхоз, Зеленодольский горпромкомбинат, Чистопольский горпромкомбинат; заместитель министра З.З. Яфаров контролировал административно-хозяйственный отдел, все сельские райпромкомбинаты, все черепичные заводы, все кирпичные заводы, все предприятия стройматериалов; главный инженер В.М. Струнин отвечал за работу производственно-технического отдела, отдела главного механика и строительный сектор. Ситуация стала меняться с начала 1950-х годов, когда на управленческие должности стали ставить представителей титульных этносов. Так, уже в период хрущевских преобразований в Татарском совнархозе только на руководящих постах работали 150 татар[2], что составляло около 50% всего руководящего состава совнархоза. Правда и в этом случае, параллельно с руководителями из числа татар все равно всегда ставили русского. Как отмечает в своем исследовании М.С. Лысцев, существовала «…практика

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 815. Л. 193.

[2] Токарев В.Б. Деятельность Татарской областной партийной организации по перестройке управления промышленностью и строительством (1957–1960 гг.) / Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 121. кн. 8 Казань, 1961. С. 93.

назначения в национально-ориентированных местностях на должности вторых секретарей райкомов (обкомов) партии и заместителей председателей райисполкомов (заместителей председателей правительства) русских по происхождению номенклатурных работников»[1].

Обратная ситуация была вокруг нижнего и среднего уровней советского менеджмента. Советская власть постоянно подчеркивала необходимость роста коренного населения в системе управления промышленностью. Появление новых и расширение старых отраслей экономики, обуславливало необходимость увеличения их численности за счет татар. В результате, уже в первые годы утверждения советской власти начались процессы количественного (к примеру, по Наркомату легкой промышленности Татарской АССР только за один 1933 год удельный вес руководителей-татар вырос с 25,1% до 30,3%, со 146 до 199 человек[2]), а вслед за этим качественного изменения состава национальных кадров. Формирование критической массы управленцев из местного населения обуславливало постепенное их выдавливание на более высокие уровни управленческой пирамиды.

Особое место в формировании управленческого состава послевоенного периода занимает гендерный состав системы управления. В результате объективных причин (резкого сокращения численности мужского пола, овладения женщинами многих «мужских» профессий в годы войны и т.п.) многие руководящие позиции в области образования, медицины, социального обслуживания стали занимать женщины-руководители. Это поощрялось и государственными, и партийными органами. Но, что интересно, в сфере промышленности на региональном уровне женщин высокого ранга практически не было.

Важным аспектом является вопрос компетентности элит советского общества. К периоду войны высокопоставленные должности в основном

---

[1] Лысцев М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС: региональный аспект: дис. …канд. полит. наук. Н.Новгород, 2007. С. 117.

[2] Материалы Татарского обкома ВКП(б) о численности и росте кадров, в том числе национальных, в промышленности республики на конец первой пятилетки и первого года второй пятилетки / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 385.

занимали руководители, вступившие в партию в постреволюционное время. Зачастую образование они получали одновременно с практической работой, из-за чего степень их подготовленности оставалась достаточно низкой. В послевоенный период, вследствие своего возраста и большого количества смертей, место старшего поколения стали занимать представители более младшего возраста, которые оказывались более подготовленными к управленческой деятельности. Более высокий уровень образования способствовал формированию в их среде альтернативных точек зрения на стили хозяйственного и партийного управления. Старшее же поколение оставалось более консервативным. Как отмечается Дж. Барбером и М. Харрисоным «…Когда-то они были молодыми и инновационными. Пробившись к вершине в юности, они стали неохотно размышлять о новых потрясениях в старости»[1].

Консервативность была следствием репрессий, происходивших в стране на протяжении практически всего периода руководства И.В. Сталина. В этой связи согласимся с мнением А. Прохорова, который указал, что в сложившейся модели пирамидального управления «…разработать «технику административной безопасности» легче было тем, кто находился «наверху» и сам принимал решения. Поэтому механизмы защиты сначала развивались на самых верхних этажах управленческой структуры. Началось с наркомов. Они устали от непрерывных репрессий и стали изобретать способы уклонения от ответственности, чтобы спастись от расстрела за те или иные упущения. Управляющие высшего ранга начали находить механизмы согласования документов и принимаемых решений с тем, чтобы избежать единоличной ответственности и затянуть решение, пока не прояснится, как на самом деле быть»[2]. Во многом этот факт определил неохоту номенклатурной элиты к проведению реформ. В силу своего возраста, пройденных чисток и испытанием войной, у советской элиты сформировалось устоявшееся, консервативное

[1] Barber J., Harrison M. Patriotic War, 1941–1945 / The Cambridge history of Russia the twentieth century / Ed. by Ronald Grigor Suny. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 242.
[2] Прохоров А. Ступени деградации системы управления // Общество и экономика. 2002. № 7.

мышление. Любые нововведения вызывали критику и страх их проведения, что в свою очередь стало одной из главных причин нереализованности реформ второй половины XX столетия.

К периоду руководства Н.С. Хрущева в СССР существовала очень сложная партийно-бюрократическая система, с запутанным штатом управления, с огромным количеством согласующих инстанций. Данное обстоятельство не могло не настораживать руководство страны. В результате, одним из первых документов нового руководства стало постановление ЦК КПСС Совета Министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению государственного аппарата», принятое в октябре 1954 года и направленное в первую очередь против «канцелярско-бюрократических методов руководства и раздувания штатов административно-управленческого персонала»[1]. Численность аппарата органов государственного и хозяйственного управления сократилась почти на треть и в 1960-м году составляла 1,2 млн человек, то есть являлась самой низкой за все послевоенные годы[2]. Только в Татарии численность управленческого аппарата сократилась с 223 единиц до 136 единиц, экономия на его содержании в расчете на год составила около 730 тыс. руб.[3]

Нами отмечено, что сокращение общей численности аппарата управления затронуло преимущественно низовой уровень и не сказалось на номенклатурной элите. Как указывает в своем исследовании М.С Лысцев, «…в номенклатуру обкомов были введены почти все секретари горкомов и все секретари райкомов партии, большинство секретарей горкомов, и все секретари райкомов ВЛКСМ, заведующие кафедрами общественных наук в вузах, ряд чиновничьих должностей в региональных исполкомах и др.»[4]. Общая эффективность данных действий оказалась крайне низкой. В этой связи В.А.

---

[1] Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М. , 1983–1990. Т. 8. С. 438.

[2] Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 476, 477.

[3] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. С. 129.

[4] Лысцев М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС. С. 81.

Шестаков, отмечает, что «…как только удавалось наладить управленческую структуру, добиться слаженной работы, так с первых же недель персонал начинал вырабатывать свои противодействующие механизмы, применять выработанные вековой практикой многообразные методы размывания ответственности и блокирования санкций»[1]. К тому же, как отмечает А.И. Колганов «Для всех представителей этой элиты – начиная от «красных директоров» и кончая руководителями правительства – каждый успешный шаг по пути модернизации страны означал укрепление и повышение их собственного статуса. Это в равной мере относилось и к хозяйственной, и к военной, и к партийной, и к административной элите»[2].

В результате элитарная система осознанно (или неосознанно) выступала тормозом многих управленческих решений. По мнению исследователя А. Прохорова[3] бюрократизация управления спускалась вниз по иерархической ступени управления на уровень ниже примерно каждое десятилетие, затрудняя выполнение управленческих команд и тем самым снижая общую производительность труда.

Негатив работы деятельности региональных элит заключался в снижении качества общего менеджмента, но в то же время стремление к материальным выгодам еще ярко не прослеживался. В книге воспоминаний Ф.А. Табеева есть интересный факт, где он пишет, что «…Семен Денисович (авт. – Игнатьев) задержался еще на несколько дней. Уезжая в Москву, он поставил меня в некоторое неудобное положение. Жил он в двухквартирном особняке по Кирпичнозаводской улице… Семен Денисович решительно настоял, чтобы я семьей переехал в особняк вместо него. А мне не хотелось… Пришлось согласиться, неудобно было: если бы я не переехал, он мог расценить это, что я критически отношусь к его деятельности… Меня избрали в ноябре 1960 года, а в апреле шестьдесят первого я попросился из особняка»[4].

[1] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. С. 192–193.

[2] Родина В.В. Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 111; Цит. по: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 13.12.2022).

[3] Прохоров А. Ступени деградации системы управления // Общество и экономика. 2002. № 7. С. 7.

[4] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 56-57.

Можно отметить и определенный волюнтаризм и эгоизм в действиях региональных элит. В своем диссертационном исследовании А.Ф. Хузина описывает две интересные ситуации[5], касаемые вариантов расположения завода нефтехимии. В частности, она отмечает ситуацию, когда Председатель Татарского совнархоза А.Т. Шмарев облетал на самолете места предполагаемого размещения завода, он отмел версию Орловской площадки (возле Набережных Челнов), обьяснив это преимуществами лесного участка. По другой же версии, место будущего строительства им вообще было выбрано на охоте.

Важным вопросом остается влияние демократизации общественных процессов хрущевского времени на элитарность системы. Несомненно, определенные изменения стали происходить и здесь. Произошел некоторый крен в области кадровой политики, начались обязательные ротации руководящих кадров, что, впрочем, тоже не всегда имело положительный эффект для республиканской индустрии. Наличие «временщиков» в аппарате управления обуславливало их незаинтересованность в решение важных вопросов региональной промышленности и сопутствующих ей социальных отраслей. Одновременно выстраивалась интеграция центрального и регионального аппаратов номенклатурных звеньев, которая позволяла, в условиях отсутствия рыночных отношений, компенсировать ряд проблем социалистической экономики, решать вопросы ресурсообеспечения отдельных совнархозов. Связи носили как вертикальный характер (взаимодействие с вышестоящими инстанциями), так и горизонтальный (межсовнархозовский) характер. В особую когорту избранных руководителей фактически стали включаться и руководители на местах. Источники показывают на неоднозначное восприятие руководителями центрального аппарата управления местных руководителей. Так, в биографическом описании своего разговора с министром нефтедобывающей и нефтяной промышленности СССР Валентином

[5] Хузина А.Ф. Нижнекамский промышленный район: Возникновение и развитие в 50–60-е годы XX века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Казань, 2006. С. 39.

Дмитриевичем Шашиным и его первым заместителем Сабитом Атаевичем Оруджевым, Ф.А. Табеев пишет: «Такие «временщики», как Шмарев и иже с ним, выкачают любой ценой татарстанскую нефть, получат звания героев и лауреатов, потом уедут из республики. После них, как говорится, трава не расти»[1].

Сам Н.С. Хрущев достаточно позитивно отзывался о роли местных руководителях. В одной из своих речей им было отмечено, что «…за последнее время значительно возросла роль областных и краевых комитетов партии, центральных комитетов компартий союзных республик как подлинных руководителей местных партийных организаций»[2]. На практике роль первых секретарей обкомов и республиканских комитетов повысилась, прежде всего, за счет расширения прав всех партийных организаций в организационно-партийных и финансовых вопросах. Начался меняться характер связей с центральным аппаратом. Если раньше было только директивное управление, то с этого времени оно заменялось информационными связями региональных партийных комитетов и Центра. Директивное управление оставалось, но с настоящего времени Центр стал больше доверять местным парткомам различные вопросы развития самих регионов.[3]

Одновременно с этим и сами региональные элиты почувствовав силу стали выходить из-под попечительства центральных элит. Как отмечает в своем исследовании П.Ю. Кузнецова, по многим организационным вопросам «… вертикальный лоббизм требовал длительного процесса согласования. Возникла форма согласования, при которой региональный партийный аппарат в решении назревших экономических проблем действовал в обход вышестоящих хозяйственных структур, то есть посредством обращений партийного аппарата в хозяйственные структуры других областей осуществлялись межрегиональные ресурсообменные отношения»[4].

[1] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 136-137.

[2] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 1998. С. 450.

[3] Лысцев М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС. С. 95.

[4] Кузнецова П.Ю. Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы: 1965–1985 гг.: дис. … канд. социол. наук. М., 2007 С.77-78.

Возросшая самостоятельность региональных властей, выражавшаяся в стремлении контроля и подчинения советов народного хозяйства, располагавшихся на данной территории, уже с 1958 г. стала вызывать некоторую критику «…методов управления местными партийными органами совнархозами, а также методов принуждения хозяйственных руководителей к выполнению неплановых работ в угоду местным интересам»[1], так как служила источником возможной ломки существующей бюрократической системы.

Реформы позволили проводить достаточно частую ротацию региональных элит на местах, что было, видимо, вызвано поиском благонадежных для Центра и эффективных руководителей-хозяйственников. Это стало возможным вследствие существующего резерва кадров, которым располагала страна, и возможностью перебрасывать излишки кадры из одних районов в другие, где был их дефицит. К примеру, 27 июня 1957 г. на должность первого секретаря Татарского обкома был назначен С.Д. Игнатьев (сменивший на своем посту бессменно руководившего обкомом с 1944 года З.И. Муратова). По воспоминаниям Ф.А. Табеева, «все понимали, что должность первого секретаря Татарского обкома для такого крупного и опытного партийного руководителя, каким был Семен Денисович Игнатьев, – это определенное понижение»[2] (в годы руководства И.В. Сталина он занимал должности в ЦК КПСС). И далее указывает на его организаторские таланты: «… удивительно колоритная была фигура. Самым главным его достоинством, я считаю, было его умение разглядеть в людях организаторский талант, незаурядные деловые, политические качеств. Он очень умело, высокопрофессионально подходил к подбору кадров любого ранга. Я не знаю, не помню и не слышал о том, чтобы подобранные С.Д. Игнатьевым кадры не оправдали его доверия, доверия партии в целом»[3]. Важно, что именно С.Д. Игнатьев выступал за активное внедрение татарского языка в школах Татарской

[1] О грубых нарушениях государственной дисциплины в использовании капитальных вложений и фактах проявления местничества со стороны отдельных руководителей совнархозов. Постановление ЦК КПСС. 4 августа 1958г. // Справочник партийного работника Вып. 2. М.: Госполитиздат, 1959. С. 598.

[2] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 51.

[3] Там же. С. 51.

АССР. Это было не случайным фактором. В период мощного индустриального подъема середина XX столетия, промышленность республики нуждалась в кадрах рабочих и специалистов, которые стали поступать из сельской местности. Города пополнялись населением, основным языком которых являлся татарский язык, но в республике было недостаточным количество школ и классов где занятия бы велись на родном языке. Осознав проблему С.Д. Игнатьев выступил на заседании бюро обкома КПСС 28 апреля 1958 года с речью в защиту национального образования не только в республике, но и в стране. Рассуждая об этой речи Галлямова отмечает, что «в ней явно чувствуется смешение мировоззрения коммуниста-функционера с искренним удивлением, если не сказать, потрясением от предательского отношения к родной культуре со стороны руководителей-татар в республике, готовность, но в то же время боязнь действовать во имя ее спасения»[1]. По сути это выступление заложило платформу будущего национального образования в республике. Но воплотить в полной мере данные начинания не удалось. В 1960 г. постановление «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ» было признано неверным. И уже 3 декабря 1960 года С.Д. Игнатьев был освобожден от занимаемой должности по состоянию здоровья и уехал в Москву.

В дальнейшем формированию эффективно действующей системы управления экономикой способствовало то, что в 1960 году на должность первого секретаря Татарского обкома КПСС был назначен Ф.А. Табеев (см. прил. № 1), принявший деятельное участие в развитии республиканской промышленности. Кстати, сам Фикрят Ахмеджанович, описывая ситуацию своего назначения, указывал на неоднозначность его кандидатуры при подборе кандидата на эту должность. «Перед этим (назначением) Семен Денисович Игнатьев побывал в ЦК КПСС и предупредил о своем уходе с поста первого секретаря. Когда он вернулся в Казань, в доверительной беседе он мне

[1] Галлямова А.Г. Татарская АССР во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах: дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. 373.

сообщил, что на пост первого секретаря порекомендовал меня. Я, конечно, знал, что кроме меня на эту должность были и другие претенденты, в частности, Батыев Салих Галимханович, очень опытный и подготовленный руководитель»[1].

Важным аспектом номенклатурно-элитарной системы становилась уникальная ротационная политика, предусматривающая переброску руководителей из одних министерств, ведомств в другие. Заняв определенную должностную позицию руководитель оставался на этом уровне (или с небольшим повышением/понижением) в течение длительного времени. Только особые обстоятельства или выход на пенсию служили поводом уйти с должности. Так, интересной особенностью утверждения руководителей совнархозов стала практика принятия на эту должность бывших министров (в общей сложности было упразднено свыше 141 общесоюзных и союзно-республиканских министерств[2]) и их заместителей. К примеру, министр металлургии П. Ломако стал председателем Красноярского совнархоза, министр металлургии Н. Смеляков возглавил Горьковский совнархоз, руководитель Главгаза А. Шмарев – Татарский совнархоз, заместитель министра нефтяной промышленности В. Федоров – Башкирский совнархоз и т.д.[3] Помимо этого, из Москвы в регионы были направлены руководители среднего звена.

Региональные руководители постепенно вливались в номенклатуру партийного аппарата, в результате чего автоматически происходила подмена хозяйственных функций руководителей партийно-политическими, управленцы-хозяйственники переходили в разряд государственных служащих, что в целом мешало слаженной работе аппарата управления советом народного хозяйства. В этой связи Н.С. Хрущев отметил, что «…делом должны командовать специалисты»[4]. Эти факты не замедлили сказаться на работе. Хотя регионы

---

[1] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 53.

[2] Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР (1917–1972 гг.). С. 286.

[3] Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева. С. 108.

[4] Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.,1997. С. 430.

проделали значительную организационную работу по переподчинению промышленных предприятий, в перспективе центральные органы осуществили реорганизацию по собственному замыслу (состав организационных единиц совнархоза копировал существовавшую ранее схему ведомственно-министерского управления, основанную на работе отраслевых главков и функциональных отделов).

Параллельно с формированием управленческого состава совнархозов проводилась постоянная работа по разграничению функциональных связей между руководствующим составом. При этом автор наблюдает определенную степень децентрализации даже в компоненте управленческих связей между руководителями и подчиненными, что давало возможность заместителям руководителей быть достаточно автономными в своих действиях. Примером этого можно назвать принятие Постановления Татарского экономического административного района за № 314 от 31 августа 1960 г. «О распределении обязанностей в Совете народного хозяйства», на основе которого было утверждено следующее распределение обязанностей между руководителем совнархоза, его заместителями и членами Совета по наблюдению за работой управлений и отделов ТСНХ: председатель ТСНХ С.Л. Князев (назначенный после А. Шмарева) координировал работу Управления нефтяной промышленности, планово-экономического отдела, отдела руководящих кадров и учебных заведений; заместитель А.А. Сибиркин отвечал за деятельностью 1-го Управления машиностроения, 2-го Управления машиностроения, производственно-технического отдела, первого и второго отдела, вопросами сторожевой и пожарной охраны; заместитель В.В. Аренбристер контролировал работу Управления химической промышленности, Управления нефтяной промышленности, Транспортного управления, отвечал по вопросам технической безопасности; заместитель В.М. Лагуткин контролировал работу Управления легкой промышленности, Управления мебельной и деревообрабатывающей промышленности, планово-экономического отдела, финансового отдела, центральной бухгалтерии, отдела руководящих кадров и

учебных заведений, отдела труда и заработной платы, административно-хозяйственного отдела, а также занимался вопросами работы и быта аппарата; заместитель Е.Ф. Мартинсон отвечал за работу Управления строительства и промышленности строительных материалов, отдел капитального строительства; заместитель Р.М. Мусин контролировал Управление энергетической промышленности, Управление пищевой промышленности, Управление мясомолочной промышленности, санитарную инспекцию; заместитель З.Л. Цырин отвечал за вопросы материально-технического снабжения; член Совета Р.Ш. Мингареев контролировал работу Управления рабочего снабжения[1]. Фактически данное деление в рамках совнархоза было примером отраслевого подчинения, практически не отличавшееся от подхода, заложенного еще в сталинский период. Руководители советов народного хозяйства, первые секретари обкомов, получили значительные руководящие полномочия, выстраивая свои контакты уже не столько по вертикали управления, сколько по горизонтали между равнозначными управленцами. Получение широких прав и возможностей местными руководителями препятствовало реализации командного стиля управления. Решения партии и вышестоящих государственных органов в период реформ выполнялись не любой ценой, а по производственным возможностям отдельных экономических районов.

Несомненно, в условиях существующих принципов управления государственной машиной такой подход мог привести к серьезным организационным противоречиям. Изменения не могли отразиться и на управленческой номенклатуре. С началом брежневских контрреформ можно говорить о прекращении практики ротации управленческих кадров для промышленности. Ее полная отмена была невозможной, но, тем не менее, она касалась только управленцев низшего и среднего уровней. Одновременно с этим по-прежнему отсутствовала гласность, открытость информации и т.п. Все это вместе стало одним из элементов застойности советской элитарной системы в будущем, она стала носить еще более консервативный и закрытый характер.

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1681. Л. 3-4.

2.5 Промышленно-производственные кадры Республики Татарстан

Модернизация экономической сферы, и переход к новой структуре экономики, основанной на преимущественном развитии индустриальной сферы, не могло не отразится на трансформации социальных, демографических и трудовых отношений. На протяжении всего XX века шел процесс роста численности, выстраивания и структурной дифференциации рабочего класса. На определенных этапах этот процесс мог замедляться или, наоборот, ускоряться в зависимости от воздействия политических и экономических условий и факторов.

Конкурентоспособность самой экономики во многом зависела от степени адаптации национальной системы к мировым экономическим и технологическим вызовам и быстрому встраиванию к новым условиям социальных институтов. Формирование индустриального уклада XX столетия требовал обеспечение потребностей промышленных предприятий в рабочих кадрах и создания для них соответствующей инфраструктуры.

Но, надо понимать, что кардинальный переход к новой структуре общества произошел не одномоментно, не вдруг. Революционные события 1917 года и вызванные ими кризисные процессы, «выбросили на поверхность» огромную массу «не нужных», не задействованных в производстве людей. В условиях гражданской войны, экономического спада, нарушения производственной и транспортной логистики, возникло состояние переизбытка рабочих кадров. Высокая безработица сохранялась практически целое десятилетие. Она достигала колоссальных размеров. Исследователи Н. Шмелев и В. Попов обращают внимание на то, что численность безработных в СССР, выросла с 1,2 млн человек в 1924 году до 1,7 млн в начале 1929 г.[1] На примере отдельных регионов страны мы видим еще более удручающую ситуацию, когда объемы промышленного производства сократились до минимума, что привело

[1] Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 17-18.

к увольнению значительной части трудящихся, работающих на данных предприятиях (ярким примером стал Татарский совнархоз, который в середине 1921 года стоял перед проблемой закрытия большинства своих предприятий).

Несмотря на то, что в абсолютном выражении численность безработных к началу индустриализации выросла, с учетом еще большего увеличения объемов промышленного производства, можно утверждать, что с середины 1920-х годов стал выстраиваться тренд на сокращение численности безработных (в количественном выражении ситуация выглядела следующим образом: в резолюции пленума ТСПС по докладу Наркомтруда ТАССР о борьбе с безработицей в республике указывалось, что в 1925 году в Татарской АССР насчитывалось 17069 безаработных, в 1926 году – 14037[1], в 1927 году – 17920 (из них татар 2346 человек), и на 1 января 1928 года – 16087 (из них татар 1897 человек)[2]), а уже к началу 1930-х годов в городах был исчерпан избыток рабочей силы, при том что набирающая обороты индустриализация требовала новых трудовых ресурсов. Этому процессу способствовали не только рост объемов промышленного производства, но и организация планового перераспределения населения внутри СССР. В частности, в 1926 году было объявлено о переселении населения в районы Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Урала и Северного Кавказа. Преимущественно это касалось сельского населения, но, переселяясь в новую среду обитания, оно очень часто обустраивалось в городах, меняя сферу своей деятельности.

Особо надо отметить, что стала серьезно преображаться и этническая составляющая структурных изменений в промышленности. Постепенное возрастание производственных мощностей требовало новые рабочие руки, которые в условиях большевистского интернационализма стали привлекать со стороны местного татарского населения. И если в 1925 году в составе рабочих и с лужащих цензовой промышленности ТАССР татар насчитывалось 23%, то через 5 лет – 29,6%. Одновременно с ростом численности простых работников

[1] Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. (Сборник документов и материалов) / Под ред. Н.А. Андианова, У.Б. Белялова, А.А. Петровой. Казань, 1968. С. 38.
[2] ГА РТ. Ф. 15, Оп. 9. Д. 15. Л. 162-163.

промышленности началась кампания по коренизации советского аппарата управления. На VII съезде Советов Татарской АССР было принято решение о всемерном усилении данной работы, и даже был разработан пятилетний план по привлечению в аппарат управления татарского населения республики[1]. Правда, реальная работа в этом направлении началась только в послевоенный период.

Интересно, что в условиях нехватки трудовых ресурсов, государство пошло на введение паспортной системы для городского населения. С одной стороны, это способствовало большему контролю за перемещениями городского населения, но с другой стороны, резко ограничило миграционные перемещения сельского населения, что могло негативно отразиться на потребностях промышленной индустрии. Нам видится, что данную ситуацию выправляли за счет планового переселения населения, репрессированного населения (труд которых использовался на строительстве и в отдельных отраслях промышленности), а также за счет организации государственного набора рабочей силы. Данные меры фактически закрывали сиюминутные потребности отдельных отраслей или регионов, вскрывая их в других отраслях и республиках. Пример татарской республики показывает, что в 1934 году численность рабочих составляла всего 93,3% от его количества в 1933 году[2]. Важной причиной этого являлась деятельность на территории республики «зазывал» из Москвы, которые вербовали рабочих на масштабные стройки страны, а фактически выкачивая трудовые ресурсы из республики. Общее количество таких людей, работавших на территории ТАССР, составляло ежегодно не менее 400–500 человек[3].

Отсюда стали вытекать новые проблемы, связанные со снижением квалификации промышленно-производственного персонала (только в лесной промышленности Татарской АССР число квалифицированных работников в 1933–1934 годах снизилось с 44,7% до 37,0%), ухудшением трудовой дисциплины, когда существовала практика невозвращение рабочего персонала

[1] История Татарской АССР. Т.II / Под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарямова, Х.Х. Хасанова. С. 231, 240.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 363. Л. 5.
[3] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 501. Л. 14.

из отпусков (на таких предприятиях, как фабрика им. Разумова, «Спартак», «Красный текстильщик»[1]) или неявок на работу (если в 1933 г. по народному комиссариату местной промышленности наблюдалось 6,4% неявок, то в 1934 г. уже – 7,61%)[2]. Катастрофически не хватало учебных заведений. Существовавшие 5 школ ФЗУ не могли удовлетворить потребности предприятий Татарской АССР в квалифицированных кадрах. В документе «О нехватке квалифицированных кадров» мы находим сведения, что только одна школа имела свое помещение (подлежащее сносу) для проведения занятий.[3] Строительство же новых школ бюджет республики не мог позволить, ввиду передачи всех финансовых средств на строительство новых фабрик и заводов.

Несмотря на дефицит промышленных кадров, существовали ограничения по поступлению учеников в фабрично-заводские училища. Так, в «Постановлении бюро Татарского обкома ВЛКСМ о наборе рабочей молодежи в школы ФЗУ» указывалось, что: «Бюро категорически настаивает перед ТСНХ, Наркомтрудом и Биржей труда, чтобы прием детей рабочих производился полностью, и чтобы 60% мест было предоставлено татарам, 30 подросткам из детдомов. В школы должны приниматься исключительно дети рабочих, состоящих на учете Биржи труда, воспитанники детских домов и дети бывших рабочих, работающих сейчас в государственных учреждениях и общественных организациях»[4].

Отдельное место занимала нехватка инженерно-технических кадров. Так, исследования указывают, что на конец 1926 года на предприятиях республики имелось всего 43 инженера, 150 техников, 121 мастера[5]. Фактически, подготовкой специалистов для промышленности в этот период занимались Казанский политехнический институт, Казанский политехникум, механическая

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 363. Л. 3об.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 363. Л. 4.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 185. Л. 19.

[4] Постановлении бюро Татарского обкома ВЛКСМ о наборе рабочей молодежи в школы ФЗУ / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 212.

[5] Назипова К. Политика индустриализации страны: результаты в ТАССР и ее влияние на положение татар в республике и за ее пределами / История татарс с древнейших времен. Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. С. 311; Цит по: Рабочий класс Татарии. С. 177.

профшкола, курсы строителей при Бирже труда[1]. Ситуацию начали выправлять с начала 1930-х годов, путем организации высших технических учебных заведений (ВТУЗ) при заводе им. М.Вахитова, далее ВТУЗ при ТЭЦ № 1. Уже к началу 1932 года в Казани действовали шесть технических вузов. В результате, к началу 1941-го года взуами республики было подготовлено для Татарской АССР 1333 инженера-химика, 1029 инженеров-строителей, 530 инженеров авиационной промышленности.[2]

Острая нужда в квалифицированных кадрах позволила ускорить перетекание местного населения в города. Это было особенно важно, так как с момента присоединения Казанского ханства к российскому государству основная масса населения была вынуждена селиться преимущественно в сельской местности. В работе В.Т. Сакаева приводятся сведения, из которых следует, что общая численность татар в составе городского населения в период с 1926 по 1939 г. выросла с 66,3 тыс. до 174,6 тыс. человек (с 23,6% до 28,4%), при том, что численность русского населения за аналогичный выросла с 204,4 тыс. человек до 410,8 тыс. (при уменьшении его доли с 72,9% до 66,9%)[3]. Это вполне соотносится с другими данными по численности рабочих и служащих в республиканской промышленности, которая достигла в 1937 г. более 105000 человек, а в крупной промышленности – 82500 человек. По данным переписи населения, в 1939 г. в промышленности республики было занято 5187 инженеров и техников вместо 3400 в 1934 г. Интенсивно вовлекались в промышленность рабочие-татары. В крупной фабрично-заводской промышленности за первые две пятилетки их численность возросла с 4100 до 28100 человек (в 1937 г. составив 36,5% от общего числа всех рабочих)[4]. Но по-прежнему на руководящих должностях преобладало русское население, что, по всей видимости, объяснялось общими установками участия титульной нации в работе партийно-государственных структур.

[1] Из информационной сводки Татарского обкома ВКП(б) о ходе реорганизации казанских вузов, техникумов и курсов с целью подготовки кадров для промышленности / Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. С. 216-217.

[2] Назипова К. Политика индустриализации страны: результаты в ТАССР и ее влияние на положение татар в республике и за ее пределами. С. 313.

[3] Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. С. 61.

[4] История Татарской АССР. С. 337.

Важным социальным экспериментом стало издание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, из которого следовало, что рабочие и служащие государственных предприятий уравнивались с колхозниками, которым с 1932 г. запретили покидать свои колхозы без специальных разрешений. Им также запретили переходить с одного предприятия на другое.[1] Несколько ранее на основе принятого постановления от 28 декабря 1938 года были определены условия увольнения с предприятий. Ученый А.В. Молодчик обращает внимание, что «…увольняющийся должен был после подачи заявления об уходе с предприятия отработать месяц. В случае совершения рабочими и служащими трех проступков или опозданий на работу, совершенных в течение месяца, они увольнялись и затем в десятидневный срок выселялись из ведомственных квартир».[2] Эти меры позволили «привязать» рабочих к конкретным предприятиям, обеспечив тем самым их запросы в трудовых ресурсах, и они очень сильно напоминали Германию, где в это же время проводились аналогичные мероприятия.

Процесс урбанизации и вызванный им процесс перераспределения промышленно-производственных кадров был скорректирован началом Великой Отечественной войны. Одной из острых проблем низких показателей являлся недостаток рабочей силы. В диссертационном исследовании А.Ш. Кабирова указывает[3] на то, что из республики ушло на фронт не менее 60-70% трудоспособного населения. Общая численность рабочих областной промышленности республики в 1944 г. составляла всего 3200 человек, или 85,4% от потребности[4]. За 10 месяцев 1944 г. только с завода «Пишмаш» ушло 154 человек, со скорняжно-пошивочной фабрики Казгорпромкомбината – 186 человек, с инструментального завода – 29 человек, из Сталинского райпромкомбината – 62 человека[5]. Малочисленность рабочих и их высокая

[1] Ведомости. 1940. № 20.

[2] Молодчик А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг.: дис. …д-ра ист. наук. М., 2004. С. 99, 152.

[3] Кабирова А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе : дис. …д-ра ист. наук. Казань, 2012. С. 63.

[4] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 95. Л. 2.

[5] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 567. Л. 14.

текучесть крылась не только в мобилизации персонала на фронт, но и в других причинах, таких как низкая дисциплина, слабый контроль со стороны руководства, и, особенно, отсутствие регулярной выдачи продовольственных карточек на промтовары.

Решение этой проблемы было поручено вновь организованному (30 июня 1941 г.) Комитету по учету и распределению рабочей силы, одно из подразделений которого находилось в Татарской АССР. Нехватку рабочей силы пытались устранить разными способами. Безусловно, важным фактором притока дополнительной рабочей силы стала эвакуация населения из прифронтовых районов страны. Оккупация западных районов СССР обусловила необходимость перебазирования предприятий и эвакуацию рабочего персонала вглубь страны. В целом по Поволжью число рабочих и служащих, занятых в экономике, в период с 1940-1945 годов увеличилось с 1862,8 тыс. человек до 1941,4 тыс. человек, или на 4,2%. Еще больший рост характеризует численность промышленных работников: их количество возросло на 11,4%.[1] В ТАССР ситуация была аналогичной. При этом историки достаточно противоречиво подходят к оценке численности эвакуированных людей в годы войны. З.И. Гильманов указывает, что только к весне 1942 г. в республику было эвакуировано 266 тыс. человек (97 тыс. из них – это дети и подростки)[2], Е.Г. Кривоножкина обращает внимание на цифру 276,4 тыс. человек[3], В.А. Исупов сообщает о приезде на 1 января 1943 года – 268,9 тыс. человек (из них 151,1 тыс. были размещены в городах республики)[4]. Скорректированные данные указывают, что уже на 15 января 1942 года в республике было размещено 273,5 тыс. человек.[5] Важно, что экономика

[1] Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. Самара, 1996. С. 26.

[2] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 78.

[3] Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. С. 37-39, 275.

[4] Население России в XX веке: в 3-х т. М., 2000. С. 85.

[5] Кабирова А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе : дис. …д-ра ист. наук. Казань, 2012. С. 66; Цит. по: ГА РТ. Ф.Р.-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 183.

республики получила высококвалифицированные кадры, общая численность которых превысила 76 тыс. человек.[1]

Всего за годы войны рост индустриальных работников в Татарской АССР составил не менее 31%. Стоит обратить внимание, что в сравнении с некоторыми другими республиками и областями Поволжья Татарская АССР по темпам прироста промышленных кадров существенно уступала. Так, наибольший рост индустриальных работников был в Куйбышевской области – 86,9%, в Ульяновской области – 44,9%, Астраханской области – 37,1%, Саратовской – 34,3%.[2] Разные темпы, по всей видимости, объяснялись расположением данных районов. Большинство из них располагалось намного дальше от линии фронта, чем рассматриваемая республика.

Примечательно, что за годы войны население республики уменьшилось, но при этом произошел рост численности населения города Казани. Столица республики приняла большую часть всех эвакуированных в республику: на 1 января 1942 г. в городе было размещено 132,9 тыс. человек.[3] Конечно, далеко не все из вновь прибывших стали работать на предприятиях Татарской АССР, но эвакуация все же помогла решить проблему кадрового голода.

Сокращение мужского населения трудоспособного возраста актуализировало работу по привлечению на предприятия подростков, достигших 14-летнего возраста, а также женщин и пенсионеров. Как отмечается в исследовании А.Ш. Кабировой, система Трудовых государственных резервов ежегодно давала более 13 тыс. молодых квалифицированных рабочих по 53 специальностям. Только в 1942 году общая их численность составила более половины от наличного числа работающих. Одновременно с этим, на производство массово приходили женщины-домохозяйки. Так в октябре 1941 г. их общее количество на Казанской валяльно-обувной фабрике составило 77,4% от общего количества всех сотрудников, швейной фабрике № 1 – 94,3%. За

[1] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. С. 85.
[2] Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. Самара, 1996. С. 26.
[3] Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. С. 48, 53.

период 1941 по 1944 годы количество женщин на промышленных предприятиях республики возросло с 33,1% до 53,8%[1].

Статистические сведения позволили обнаружить и другие меры по набору дополнительной рабочей силы. Особенно интересны в этой связи действия НКМП ТАССР, где использовался труд надомных работников. На 1 января 1942 г. число надомников здесь составляло 374 человек, на 1 марта 1942 г. – 520 человек, на 1 апреля 1942 г. – 473 человек (уменьшение количества надомников объяснялось мобилизацией части их на оборонные заводы). Большую работу провел Юдинский райпромкомбинат, имевший на 1 июня 1942 г. 147 надомников, в том числе 105 человек по г. Казани. Параллельно были организованы 7 швейных мастерских при Тетюшском, Тюлячинском, Сабинском, Шугуровском, Набережночелнинском, Шереметьевском и Кзыл-Юлдузском райпромкомбинатах, объединявших исключительно надомных работников[2]. Рост надомничества не только увеличивал производственные мощности, но и разрешал вопрос обеспечения промышленности рабочей силой. Правда, как показала практика, производительность надомников не всегда была высокой. В этой связи, в частности, в Казпромкомбинате была введена должность инструктора, в обязанности которого входило оказание помощи надомникам в их производственной работе. Кроме того, по системе надомничества производилась доплата за амортизацию машин и транспортировку сырья и готовых изделий в размере 15%.[3]

Республиканские органы управления проводили и другие мероприятия по увеличению показателей работы промышленности. Уже в 1943 г. СНК ТАССР

---

[1] Кабирова А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы в тыловом регионе : дис. …д-ра ист. наук. Казань, 2012. С. 68-70, 89, 90.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 106, 107, 116.

[3] Забегая несколько в более позднее время, необходимо отметить, что в послевоенный период надомников, стали опять относить к чуждому советскому обществу элементам. Этому способствовало и Поставновление Совета Министров СССР от 14 апреля 1948 года за № 1229 «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности и Совета Министров ТАССР и ОК ВКП(б) № 326 от 12 мая 1948 года «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности». Началась борьба по их искоренению. В частности, автором диссертационного исследования обнаружен пример, когда председателем артели «Химпром» было заключено соглашение с частником Дубининым, имевшим собственные средства производства на выработку различного рода химических товаров широкого потребления. Только за 9 месяцев 1947 года он получил от артели 83 тыс.рублей, что составило 42% общего фонда всей заработной платы артели. Выработанная продукция на склады артели не сдавалась, а отпускалась самим Дубининым непосредственно на дому. (ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 909. Л. 113.)

и обкомом ВКП(б) было учреждено переходящее Красное Знамя для предприятий легкой, местной, пищевой, топливной промышленности, промкооперации и др., добившихся наилучших показателей в работе[1]. Активно поощрялись достижения отдельных передовиков производства, а также движения комсомольских фронтовых бригад. Примером служит тот факт, что если в середине 1942 года в Татарской АССР их насчитывалось 204, то уже в завершающей стадии войны – 1642[2].

Помимо поошрительной работы, слаженно действовали органы контроля и ревизии. Так, в 1945 г. на нескольких предприятиях республики союзного и республиканского подчинения была проведена ревизия, по итогам которой было выявлено 145 единиц бездействующих станков и оборудования, они стали использоваться на предприятиях местного подчинения.

Вертикаль управления позволяла переориентировать ряд организаций на производство другой, не основной для предприятий продукции, необходимой для фронта или населения. По заказам местной промышленности и промысловой кооперации предприятия союзного подчинения (заводы № 16, 22, 294, 340 и др.) приступили к изготовлению оборудования (станков, инструментов, деталей к машинам, штампов), необходимых для освоения и расширения производства новых изделий широкого потребления. К примеру, промысловая кооперация распределила заказ на 300 пошивочных машин на заводе № 16, что полностью удовлетворило потребность артелей в этих машинах. Заводы № 16, № 22 изготавливали комплекты слесарного и столярного инструментов, завод № 340 выпускал котлы для дегтекурения и т.д.[3]

Приток новой рабочей силы актуализировал проблему отсутствия соответствующей квалификации рабочего персонала, из-за чего снижалось количество и качество выпускаемой продукции. Решение этой проблемы находилось путем организации, как краткосрочных подготовительных курсов, так, в более поздний период, создании курсов переподготовки (стахановские

---

[1] Красная Татария. 1943. 25 июля.

[2] История Татарской АССР / Редкол.: Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарямов. Казань: Тат.кн.изд-во, 1968. С. 183.

[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 229. Л. 49, 51.

школы). Только за первое полугодие 1942 года путем организации специализированного обучения республиканская индустрия смогла получить более 18 тыс. рабочих и специалистов[1].

Исследование показало, что несмотря на окончание войны некоторое время численность промышленных кадров республики продолжило снижение. Во многом это объяснялось тем, что ранее эвакуированное население стало возвращаться в прежние районы своего проживания. А.И. Репинецкий указывает, что на предприятиях республики из 76 тыс. эвакуированных работников промышленности осталось около 10%.[2] Восполнение недостающих кадров в рассматриваемый период шло за счет активного привлечения к работе инвалидов, женщин, подростков и пенсионеров (здесь, стоит указать, что уже к концу 1950-х годов надобность в инвалидах, подростках и пенсионерах стала отпадать. Так, молодежь до 18 лет среди всего персонала сократилась более чем в 3 раза, а среди рабочих – в 2,5 раза, причем внутри этой группы исчезла категория рабочих в возрасте до 14 лет и резко сократилась категория рабочих в возрасте 16-17 лет. За это же время снизилась доля рабочих в возрасте 50 лет и старше – с 8,4 до 7,5%[3]).

Переломным периодом в области увеличения количества, и во многом качества трудовых ресурсов стали 1950–1960-е годы. В этот период численность промышленно-производственного персонала на предприятиях республики стало неуклонно увеличиваться. Наблюдались мощные количественные миграции из села в город. Если в 1946 г. число сельских жителей составляло 1772,4 тыс. человек (или 69,8% от всего населения республики), а горожан – 765,8 тыс. человек (30,2%), то уже в 1966 г. это соотношение равнялось – 1615,9 тыс. человек (52,4%) и 1465,8 (47,6%) соответственно[4]. Статистические данные, представленные в Государственном архиве Республики Татарстан указывают, что в с период 1959 по 1964 годы

[1] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. С. 87.
[2] Репинецкий А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. Самара, 1996. С. 28
[3] Широков Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 47.
[4] Народное хозяйство Татарской АССР. Казань, 1972. С. 8; Пятьдесят лет Татарской АССР. С. 8.

численность рабочих и служащих, задействованных в народном хозяйстве увеличилось на 23%. На промышленность приходилось 45% всего прироста численности рабочих и служащих.[1] При этом непосредственно в самой промышленности наиболее быстрыми темпами возрастала численность рабочего персонала в топливной отрасли (см. прил. № 2), и в целом на предприятиях, подчиненных совнархозу, союзным и республиканским министерствам (см. прил. № 3).

Источников пополнения рабочей силы оставалось несколько, среди которых важное место отводилось оргнаборам. Только за пятую пятилетку в республику на промышленные и строительные объекты было направлено 82,2 тыс. работников[2]. Одновременно с этим училища и школы профессионально-технического образования Татарской АССР за 1951–1955 годы выпустили 17,6 тыс., и за 1956–1958-е годы – 15,6 тыс. специалистов[3]. Такая масса промышленно-производственного контингента во многом покрывала потребности индустриального развития республики. Значительная ее часть перенаправлялась в отрасли, представлявшие наибольший интерес для руководства страны и республики –нефтяную, газовую, химическую и др.

В тоже время данные структурные изменения свидетельствовали об экстенсивном характере экономики, когда показатели экономического роста добывались не за счет роста производительности труда, а за счет привлечения дополнительной массы рабочей силы. Тем не менее количественный рост не мог не отразиться и на качественных изменениях в составе производственных кадров. За 1959 – 1961 годы резко возросло число дипломированных специалистов в промышленности и строительстве, с 21012 до 28152 человек, или на 34%[4]. Но при этом в общем удельном весе за период с 1945 по 1960 годы рост инженерно-технических сотрудников составил с 9,3 до 9,5%, а рабочих с 68,8 до 83,6%[5].

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 33. Д. 10. Л. 185-186.

[2] Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за 40 лет. Казань, 1957. С. 49.

[3] Татарская АССР за 40 лет. Казань, 1960. С. 109; Кадыльский В.И. Укрепление Советов Татарской АССР и их деятельность в области промышленности и сельского хозяйства (1951 – 1958 гг.). С. 91.

[4] Татария на пути к коммунизму / Под ред. М.К. Мухарямова, Ю.И. Смыкова, В.В. Кузьмина. Казань, 1965. С. 12.

[5] Широков Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 39.

Исследование архивных документов показало, что в середине XX столетия определяющим направлением кадровой политики стало формирование уникальных специалистов в отдельных отраслях промышленности. Только в 1951 г. приобрели профессию бурильщиков, промысловиков и прочие специальности 1803 человека, 3336 человек повысили свою квалификацию[1]. В последующие годы пятилетки в Бугульме, Лениногорске, Азнакаеве, Альметьевске и в поселке Строитель (п. Нефтяников) Столбищенского района для нужд нефтяной промышленности были созданы 2 технических училища. Важным моментом являлось преобладание татар в нефтяной индустрии. В.И. Троепольский указывает, что их численность составляла почти 42% численности работников отрасли[2].

За небольшой промежуток времени существования отрасли специалисты нефтяной отрасли стали востребованы и на зарубежных рынках. Об этом свидетельствуют материалы фонда Совета Министров РСФСР, указывающие на то, что в 1959 г. в целях оказания технической помощи иностранным государствам в различные страны выехало 87 специалистов Татарского совнархоза, а на предприятиях республики прошли обучение 47 иностранных специалистов[3].

На основе ускоренного роста экономики в 1960-е годы численность промышленно-производственного персонала росла с перекрывающими экономический рост темпами. В 1965 г. она составляла 347 тыс. чел., в 1967 г. – 380 тыс. чел., в 1969 г. – 408 тыс. чел. Всего количество рабочих и специалистов в промышленности ТАССР в 1969 г. по сравнению с 1965 г. возросло на 117,7%[4]. Правда, это не совсем соотносилось с общесоюзными показателями. Так, в диссертационном исследовании И.А. Куриновой показано, что прирост численности промышленно-производственного персонала в СССР в 1950-е годы составил 47%, в 1960-е годы – 40%, и только в 1970-е – 17%.[5] В

[1] ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 25а. Д. 1342. Л. 2.

[2] Троепольский В.И. и др. Татария – республика нефти. С. 149.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 4807. Л. 35.

[4] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 258.

[5] Куринова И.А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики (1964–1985 гг.): дис. …д-ра ист. наук. М., 2004. С. 119.

отраслевом разрезе наиболее быстрыми темпами росла численность рабочего персонала крупной промышленности (кроме лесной и деревообрабатывающей). Общая численность рабочих занятых в экономике республики в 1965 г. составило 37%, в 1970 г. – 39%, в 1975 г. 42%, в 1980 г. – 44%.[1] Одновременно с этим рос удельный вес женщин-рабочих. В 1966 г. – 51%, в 1971 г. – 53%, в 1981 г. – 54%.[2]

Важной особенностью роста рабочего персонала в рассматриваемый период являлось увеличение его численности, прежде всего за счет коренных народностей (татар, башкир, удмуртов и других). Доля их прироста в отраслях промышленной индустрии была выше, нежели чем у русского населения. Но оставалась проблема образования, на что не могло не обратить внимания руководство страны. В Постановлении XXVI съезда КПСС указывалось на необходимость «…шире вести подготовку квалифицированных рабочих коренной национальности, прежде всего из числа сельской молодежи»[3].

Во второй половине XX столетия показатели производительности труда в республике значительно опережали общесоюзные. Выработка на одного рабочего в промышленности Татарской АССР за период 1961 – 1965 годов поднялась на 20%, в 1966 – 1970-м годах – на 37%[4], в то время как в целом по СССР на 14 и 18,5%[5], соответственно (автор диссертационного исследования понимает, что представленные показатели не совсем правильно освещают реальную производительность труда и являются завышенными. Но, исходя из них можно оценить отклонения производительности труда отдельной республики от общесоюзных значений). Столь серьезные отклонения были вызваны более высоким ростом производительности труда в нефтедобывающей промышленности, где норма выработки каждого рабочего в среднем была выше в 3-17 раз от показателей работников других отраслей промышленности.

---

[1] Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке. Статистический сборник. Казань, 1982. С. 111.

[2] Там же. С. 113.

[3] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 54.

[4] Азизов К.И. Промышленность Татарии и пути повышения ее эффективности. Казань: Тат.кн.изд-во, 1973. С. 99.

[5] Экономическая история. Ежегодник. 2003. Москва: РОССПЭН, 2004. С. 57.

В связи с началом следующего этапа научно-технической революции, предполагавшей изменения не только в технике, но и в организации производства, постепенно менялось и соотношение персонала по категориям (см. табл. № 2.1).

Таблица 2.1

Удельный вес промышленного персонала ТАССР по категориям[1]

	1965 г.	**1967 г.**	**1969 г.**	**1970 г.**	**1978 г.**
Промышленно-производственный персонал, всего в том числе:	100	100	100	100	100
- рабочие	81,3	80,6	79,4	79,3	78,6
- ученики	1,6	1,8	1,8	1,7	1,3
- ИТР	11,3	12,1	12,9	13,4	14,8
- служащие	3,9	3,9	4,2	3,9	3,5
- прочие	1,9	1,6	1,7	1,7	1,8

Из таблицы видно, что с течением времени соотношение рабочих на предприятиях республики снижалось, при постепенном возрастании инженерно-технических кадров. Параллельно в 1970-е годы сокращалось число работников в аппарате хозяйственного управления промышленностью (см. табл. № 2.2), что было вызвано созданием промышленных производственных объединений и упразднением трестов по управлению промышленностью.

Таблица 2.2

Изменение численности работников аппарата органов управления (в тыс. чел.)[2]

	1970 г.	**1975 г.**	**1976 г.**
Аппарат органов управления, всего В том числе:	20,4	24,1	24,4
государственное управление	12,0	13,9	14,0
промышленность	0,8	0,8	0,4

Фактически ко второй половине 1970 – первой половине 1980-х годов окончательно сложились социальные институты индустриального общества, подтверждением чего становится утверждение стабильного промышленно-

[1] Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. Статистический сборник. С. 27; Народное хозяйство Татарской АССР. Статистический сборник. Казань: Союзучетиздат, 1972. С. 32; ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 340.

[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 265. Л. 90.

производственного контингента. Его количество и качество соответствовало запросам руководства страны и покрывало нужду растущего промышленного производства. Но, в этот же период стали проявляться проблемы, во многом связанные со снижением производительности труда. Даже советские источники указывают на то, что с начала 1980-х годов темпы прироста производительности труда начала снижаться[1]. Наряду с другими проблемами, связанными с низкой трудовой активностью, это свидетельствовало о приближении кризиса промышленной сферы.

* * *

Исследование организационных аспектов развития экономики СССР позволило сформировать представление об особенностях государственного промышленной политики, формах ее реализации, структуре и функций органов, реализующих государственную промышленную политику, роли и месте партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, исследованию трансформации управленческих кадров в сторону их номенклатурной консервации, а также особенностях формирования и развития промышленно-производственных кадров Республики Татарстан.

Государственная политика в области промышленности предполагала широкий спектр экономических, финансовых, организационных, социальных и других мероприятий, направленных на ускорение экономического развития или сохранения уже существующей конкурентоспособности государства, общим результатом которых должно стать достижение общественных целей. Данные мероприятия выражались в комплексе действий, проводимых центральными органами власти в области обеспечения экономики ресурсами, производством товаров или услуг, а также распределении и обмена созданных продуктов. В свою очередь это отражалось на объемах материального производства, территориальных процессах, социальных и демографических изменениях, а,

[1] Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке. Казань, 1982. С. 26.

применительно к нашему исследованию, организационных пертурбациях. Важным элементом государственной промышленной политики становилась региональная промышленная политика, примером которой выступали реформы и действия, проводимые местными органами управления Татарской АССР.

Решения хозяйственных и партийных органов определяли общий вектор развития государства и его институтов, а также отдельных территорий. Одновременно с этим, значение региональных органов хозяйственного управления не являлось решающим. Власти на местах чаще всего являлись лишь рупором решений, принимаемых на государственном уровне, полностью подчиняясь установкам, выносимым союзными хозяйственными или партийными органами.

Внешнеполитические и экономические угрозы, внутренние проблемы и идеология во многом определили спектр государственных задач и позволили сформировать систему управления экономикой и отдельных ее отраслей. Основополагающим в этой системе стал отраслевой разрез в управлении, на нем строилась система централизованного управления. Однако такого рода управление, построенное на жестко иерархическом типе хозяйствования, оказывалось продуктивным не всегда, а только в определенные, зачастую критические периоды функционирования государства. На некоторых этапах своего развития жесткий контроль сменялся периодами децентрализации, путем создания децентрализованных, территориальных форм управления.

Триггер системных и структурных изменений во многом определялся постоянной внешней угрозой, экономической изоляцией, затруднениями в ресурсах. Данный аспект обусловил усиление роли государства в процессах управления экономикой. В складывающейся системе государство стало выполнять роль не только стартера, но и куратора практически всех управленческих решений и процессов (что во многом и предопределило создание концепции «революции сверху»). Значение же региональных органов управления в этих условиях зачастую приобретало «послушный» характер, полностью ориентирующихся на команды, данные из Центра.

Сложившаяся система управления промышленностью стала организационным продолжением государственной промышленной политики. Только централизованная и иерархически структурированная система могла отвечать идеологическим запросам власти. Обеспечение такого рода отношений виделось в постоянном контроле и координации хозяйственного механизма с помощью партии, профсоюзов и комсомольских организаций, а также в постоянной организационной работе, направленной на активизацию индустрии Татарской АССР. Рост показателей промышленного производства был во многом обусловлен проведением постоянной идеологической работой, социалистическими соревнованиями и т.п.

В складывающейся системе управления важным элементом воздействия и контроля за органами управления промышленностью стали партийные и профсоюзные организации. Именно они во многом консолидировали общество на решении хозяйственных задач, стоящих перед губернией. В системе управления они получали не только широкие экономические полномочия воздействия на промышленные предприятия, но и административного и уголовного контроля, что повышало степень их эффективности на данном этапе.

Особенностью советской системы хозяйствования становилась постепенная консервация партийного и управленческого аппарата. Исследование показало выстраивание закрытой номенклатурно-элитарной модели общества, когда небольшая группа людей фактически на несменяемой основе заняла ключевые позиции в государственном аппарате управления. Одновременно с этим, на определенном этапе развития государственности, выделилась в особую группу элит и региональная элита, получившая возможность воздействовать не только на хозяйственные, но и на политические процессы. На примере Татарской АССР по мере роста и значения республиканской индустрии можно наблюдать возрастание общеполитической роли национальных элит.

Потребности складывающейся системы управления промышленностью, а также запросы внешней и внутренней политической и экономической среды, обусловили специфику формирования промышленно-производственных кадров Республики Татарстан. Во многом она была обусловлена спецификой нарождающегося индустриального общества, и выражалась в постоянном увеличении численности рабочих и специалистов, задействованных в промышленности. Необходимость ускоренного развития отдельных отраслей, позволяло, в условиях централизованного руководства, удовлетворять их запросы, путем организации обучения, сельской миграции, организованных наборов и т.п.

В целом опыт существования советского государства является примером системы, в которой в условиях внешнеполитических и экономических угроз, с течением времени выстраивалось особенная государственная модель управления, все единицы которые должны были работать на общий результат, региональные системы которые были отражением общегосударственной модели.

3. СТАНОВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

3.1. Промышленность Татарстана: историко-статистический анализ

Первую треть XX века можно охарактеризовать для России как период антимодернизационного этапа развития экономики. Война, кризис власти, октябрьский переворот в корне изменили ход не только политического, но и социально-экономического развития государства. Поступательный вектор сменился отрицательным, созданные ранее экономические, социальные и политические институты подверглись кардинальной ломке. Отсутствие опыта управления и, вследствие этого допущенные ошибки, побуждали руководство страны к частой, и подчас непродуманной, хаотичной смене направления экономической политики.

События послеоктябрьского периода стали трагедией для новой советской экономики. На примере развития индустриального сектора можно наблюдать кризис недопроизводства, когда экономика не могла обеспечить даже минимальные запросы населения, показатели промышленного производства, начиная с послеоктябрьского периода, ежегодно снижались. Опубликованные и неопубликованные источники указывают на серьезные проблемы, которые существовали во всех отраслях экономики. В своей работе Р.А. Белоусов приводит следующие данные: на период 1920 г., по отношению к 1913 г., в Советской России было получено угля 27%, нефти – 42,7%, руды – 1,7%, чугуна – 2,4%, паровозов – 14,8%, вагонов – 4,2% и т.д. Голод охватил районы с населением в 43 млн человек[1]. Аналитические данные, взятые из статистических данных фонда Татарского совета народного хозяйства, указывают на то, что в первой половине 1921 г. положение еще более ухудшилось, только число прогулов на производстве доходило до половины

[1] Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М., 1983. С. 30.

рабочего времени и в среднем равнялось 39,5%. Для того чтобы точнее оценить значение всех этих процессов, необходимо иметь в виду, что абсолютные цифры производства продуктов в 1921 г. по отношению к довоенным потребностям страны составляли совершенно ничтожную величину, начиная от 3% и не превышая в отдельных исключительных отраслях промышленности 30%[1]. Не имея доходов, государство увеличивало эмиссию, рубль падал в цене, выросли инфляция и безработица. Одновременно с этим, прежняя разобщенность рыночных субъектов в новых условиях приобрела черты стихийности и, даже, враждебности по отношению друг к другу отдельных предприятий и целых отраслей промышленной индустрии. Фактически государство было отброшено на исходные рубежи индустриализации.

Нам видится, что данная угрожающая советской власти ситуация не могла не вызвать экстренные мероприятия по стабилизации положения, иначе ситуация могла обернуться еще большим кризисом, а в дальнейшем – сменой власти. С начала 1920-х годов большевики сделали в экономике шаг назад, выбрав путь частичного восстановления прежних капиталистических отношений, в сочетании их с новыми социалистическими методами управления хозяйством. Постановлением IX Всероссийского съезда Советов от 28 декабря 1921 г. была признана «невозможность восстановления крупной промышленности без связи её с внутренним рынком». Предприятиям и их объединениям предоставлялось право реализовывать на рынке 50% нормы продаж, вести торговые операции и между собой, и с кооперативным, и с вольным рынком, иметь товарные склады, магазины, конторы. Декрет ВЦИК и СНК «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» от 10 апреля 1923 г. конкретизировал их рыночную функцию, а именно: предоставил самостоятельность в производстве операций, согласно утвержденному для каждого из них уставу, возможность действовать на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли[2].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

[2] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 83; Советская

Эти действия отчасти помогли стабилизировать экономическую ситуацию, особенно в финансовой ее составляющей. Советская власть вернулась к использованию денежной оплаты труда и отказалась от уравнительной ее оплаты. В своей работе «На переломе: экономическая перестройка в СССР» Н. Шмелев, В. Попов отмечают, что в период с 1921 по 1926 г. индекс промышленного производства увеличился более чем в 3 раза и практически достиг уровня 1913 г., при том, что среднегодовой темп прироста национального дохода составил 18%[1].

Необходимо заметить, что рост промышленного производства, тем не менее, не отражался на уровне жизни населения, который по-прежнему оставался низким. Декларативные лозунги по созданию системы бесплатного здравоохранения, системы социального страхования, организации детских садов и т.п.[2], в действительности практически не реализовывались. Государство не смогло обеспечить дореволюционный уровень материального и продовольственного достатка рабочего класса, а это в свою очередь подталкивало к возникновению в промышленности и торговле частного сектора. Часть предприятий была сдана в аренду иностранным фирмам, правда, по сравнению с дореволюционным временем, роль концессий была невелика. В подтверждение этого факта Е.А. Амбарцумов в своем исследовании приводит следующие показатели: в 1926–1927 годах насчитывалось 117 действующих соглашений такого рода; они охватывали предприятия, на которых работали 18 тыс. человек и выпускалось чуть более 1% промышленной продукции.[3]

Преобразования на государственном уровне были обусловлены значительными изменениями на региональном уровне. Наиболее наглядно это прослеживается на примере Казанской губернии, экономика которой, как лакмусовая бумага, отражала общегосударственные процессы.

товарная биржа в 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 24, 53.

[1] Там же. С.22.

[2] Декреты Советской власти. М.,1957, 1964. Т. I. С. 267–276; там же. Т. III. С. 481-494.

[3] Амбарцумов Е.А. Вверх к вершине. М., 1974. С. 153-154.

В дореволюционный период на территории губернии было более 400 крупных предприятий с общей стоимостью годового производства около 25 млн рублей. Кроме того, имелось свыше 4 тыс. мелких предприятий с оборотом менее 1 тыс. рублей в год на каждое[1]. Крупными капиталистическими предприятиями указанного периода были мыловаренно-свечной завод братьев Крестовниковых, текстильные фабрики Алафузова и некоторые другие. Только предприятие Крестовниковых, включавшее около ста производственных и обслуживающих зданий, изготавливало продукции на сумму до 5 млн рублей в год. Капитал Алафузовских предприятий достигал 4 млн рублей, благодаря чему фабрики этого промышленника превратили Казань в центр текстильной промышленности Поволжья и Урала[2]. Впечатляющих показателей добился Бондюжский химический завод, производивший такие продукты, как купоросное масло, сернокислый глинозем, серную кислоту и др.

Надо особо отметить, что значительная часть имевшихся крупных предприятий располагалась в нескольких центрах. Так, в деле «Отчеты ТСНХ» фонда Татарского совета народного хозяйства, есть указание на то, что промышленный облик губернии характеризовался концентрацией фабрично-заводских предприятий в нескольких крупных городах (85% всего производства). На первом месте в этом ряду стояла Казань (71% от всего производства), далее шли Чистополь, Бондюг, Кукмор[3]. Рабочих на производстве было занято до 13 тыс. чел. Значительную роль в экономике края играли кустарные промыслы, которыми было занято примерно 36 тыс. крестьян-домохозяев, а вместе с женщинами и рабочими – до 60 тыс. человек[4]. В целом в Казанской губернии наблюдалась определенная специфика характера и темпов формирования рабочего класса, свойственная всему Среднему Поволжью. Весь этот район во второй половине XIX века по численности пролетариата занимал седьмое место среди двенадцати крупных районов

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. ЛЛ. 173.

[2] Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова и др. Казань, 1973. С. 14.

[3] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 103–107.

[4] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д. 569. Л. 173; там же. Д. 165. ЛЛ. 103, 206.

Европейской России, уступая Московскому, Приуральскому, Центрально-земледельческому и некоторым другим. Но при этом здесь наблюдались высокие темпы прироста числа промышленных рабочих. В книге «Очерки истории партийной организации Татарии» показано, что за 1861–1900 годы их ряды увеличились на 14,2 тыс. человек, или на 247,8%. Это намного превышало темпы роста не только по всему Среднему и Нижнему Поволжью, но и по Европейской части России[1]. На основе сформированной до революции промышленной базы были обеспечены общие потребности региона в необходимой продукции и налажено тесное взаимодействие с соседними районами империи.

Непосредственно перед рассматриваемыми нами событиями индустриальный сектор в крае представлял неоднозначный характер. Так, в годы Первой мировой войны те отрасли промышленности, которые так или иначе обслуживали потребности армии, испытывали временный подъем. В это время возникло даже несколько новых предприятий, вызванных к жизни спросом на товары для армии. Но в целом военное время тяжело повлияло на состояние предприятий. Форсированная работа без необходимых капитальных ремонтов и обновления оборудования, получить которое из-за границы было затруднительно, сильно ослабило заводы и фабрики. Часть предприятий, в особенности винокуренных, сильно пострадала во время революций. Поэтому новая власть сразу же столкнулась с множеством трудностей, таких как изношенное оборудование, перегруженность предприятий малоквалифицированной рабочей силой, подбор кадров, носивший случайный характер.

Наступившие революционные события и последовавшая за этим гражданская война, одним из театров которой была Казанская губерния, не позволила произвести перевод промышленности на мирный график по строго намеченному плану. Эту работу пришлось вести спешным порядком, согласовывая с требованиями времени и с теми ресурсами, которые оставались

[1] Очерки истории партийной организации Татарии. С. 16.

на местах. Общая хозяйственная разруха, расстройство транспорта, недостаток топлива, сырья и денежных средств были еще усилены для местной промышленности уходом с производства большого числа рабочих, прогулами, хищениями и общим понижением производительности труда. Рост экономики довоенного периода сменился мощнейшей рецессией рассматриваемого времени. В конечном счете это привело к тому, что в летние месяцы 1921 г. промышленность республики переживала настоящую катастрофу, и перед местным совнархозом вплотную стоял вопрос о прямой гибели тех немногих предприятий, которые кое-как еще работали. Даже такие крупные предприятия, как завод братьев Крестовниковых, сократили выпуск до минимума.

При этом сделанный нами анализ показателей промышленного производства выявил наличие ряда расхождений цифровых показателей. Обнаружено, что отдельные исследователи преимущественно ориентировались на информацию, полученную на основе декларированных лозунгов съездов, постановлений центральных или местных органов власти, что в свою очередь чревато ошибочным или однобоким оцениванием происходивших ранее процессов. Все это определяет применение архивных данных и статистических сборников, материал которых выглядит более достоверным. Материалы дела «Отчеты о развитии ТАССР» фонда Татарского совета народного хозяйства указывают, что производство валяльной обуви уменьшилось по сравнению с довоенным временем в 5 раз, льняных тканей – на 71%, кожевенных товаров – на 87%[1]. К ноябрю в топливной промышленности вместо 19,2 тыс. куб. саженей дров было заготовлено только 4930 куб. (25%), угля вместо 25,8 тыс. пудов только 729 пудов (3%) и т.д. Сырья оказалось также недостаточно: механическая промышленность была удовлетворена им в размере всего 16,7% от заявки, текстильная – 14,1%, кожевенная – 43,3%, химическая – 72,3%. В среднем вся промышленность Татарской АССР была удовлетворена в размере, не превышающем 36,1%[2]. Данные показатели, по нашему мнению, раскрывали

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 175; там же. Д. 165. ЛЛ. 103, 206.
[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101. Л. 29.

действительную картину происходивших событий. Организация производства и создание готовой продукции тормозилось множеством причин. Даже снабжение сырьем осложнялось тем, что сырьевые ресурсы разными главками и отделами Татарского совета народного хозяйства (ТСНХ) были разбросаны и потому не могли быть целесообразно и своевременно использованы – в то время, когда сырье лежало без дела в одном управлении, другое испытывало острый недостаток в нем.

Следует иметь в виду, что не только отсутствие сырья или организационные проблемы (о которых мы поговорим в следующих разделах исследования) были причиной проблем индустриального комплекса республики. На повестке большевистской программы остро стоял вопрос и о снабжении финансами. По организационной смете было удовлетворено всего 18% от денежной заявки, по производственным операциям – на 57%. В среднем, по всем важнейшим потребностям (топливо, сырье, финансирование), промышленность республики была в 1921 г. удовлетворена в размере 27,1%[1], то есть в таком размере, при котором выполнение производственной программы было практически невозможным. Все это обернулось тем, что к началу НЭП ТСНХ оказался с огромным количеством предприятий или совершенно прекративших работы за недостатком сырья (18 винокуренных заводов, пивоваренные предприятия, дрожжевые, альбумино-кишечный и др.), или работающих со значительными перебоями и крайне непродуктивно. Статистические данные указывают на то, что на 100% сократилось бумажное производство, на 71% – производство льняных тканей, кожевенная промышленность давала 13% довоенной продукции[2]. Эти сведения подтверждаются тем, что несколько ранее, по переписи 1918 г., проведенной в губернии, из 147 фабрик и заводов 21 бездействовали. В тех же отраслях промышленности, которые еще функционировали, выявилась проблема недостатка рабочей силы. Нами это связывается с тем, что голод заставил

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101. ЛЛ. 29-30.
[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101. Л. 30.

рабочих искать работу в других более благоприятных местах. Нужда в продовольствии вызывала прогулы, число которых на некоторых предприятиях доходило до 50 и более процентов.

Исследование показало, что переход на рельсы сочетания социалистических и капиталистических отношений в период новой экономической политики в первые годы реформ не дало положительного эффекта. Даже в стратегически важных для большевистской власти отраслях, обслуживающих нужды Красной Армии (Таткожтрест, Татшвейтрест, Татваленка, Текстильфабрика), наблюдались серьезные перебои. Отдельные отрасли государственной промышленности по-прежнему находились в кризисе, в результате чего или полностью прекратили производство (пиломатериалы, сельскохозяйственные орудия, свечи, глицерин, пиво, стекло, сукно), или производили продукцию в весьма ничтожных количествах. Данные татарского совнархоза указывают на то, что объем промышленного производства составлял не более 20% от довоенного уровня[1].

Понимала ли молодая советская власть шаткость сложившейся ситуации, видела ли она механизмы выхода из нее?! Думаем, что да. Затягивание кризисных явлений в индустриальном секторе экономики грозило не только экономическими, но и политическими проблемами, связанными с ростом недовольства в обществе. Необходимо было разобраться в причинах столь невысоких показателей промышленности и факторах, сдерживающих экономический рост. В результате в августе 1924 г. комиссией Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина) ТАССР была проведена проверка предприятий с целью мониторинга ситуации в промышленной сфере, а также выяснения существенных проблем, сдерживающих производственный процесс. Ревизия показала критическое состояние оборудования предприятий.

Наряду с этим по-прежнему сохранялись и другие проблемы. К ним можно отнести: расширение бюрократического аппарата трестированной промышленности, при недостаточном количестве квалифицированных специалистов, а также недостаточный рост заработной платы работников,

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 219.

которая очень часто не покрывала даже базовые потребности. Так, среднемесячная зарплата рабочего по всем трестам составляла 109% от довоенного уровня. Однако этот рост касался не всех представителей рабочих специальностей. Данные фонда Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) Татарской АССР показывают, что если у рабочих низших квалификаций зарплата достигала 120–150% довоенных показателей, то у квалифицированных рабочих – едва 63%[1]. И.А. Гатауллина указывает также на существование практики оплаты труда по различным ставкам лиц одной и той же квалификации, но работающих в разных трестах.[2]

В результате, анализ и сопоставление архивных данных показало ситуацию, когда в течение нескольких лет трестированная промышленность вообще не получала прибыли, убытки составляли астрономические цифры (см. табл. № 3.1). Лишь только в 1924/25 г. промышленность вышла на безубыточность, прибыльное сальдо составило 1,1 млн рублей[3].

Таблица 3.1

Показатели убыточности трестированной промышленности

Годы	**Убытки трестированной промышленности**
1921/22 г.	1 млн рублей
1922/23 г.	1,1 млн рублей
1923/24 г.	1,8 млн рублей

Еще одной важной проблемой местной промышленности стал и значительный физический (в среднем достигавший 30–40%) и еще в большей степени моральный износ оборудования, так как силовые установки предприятий, машины, оборудование, здания и сооружения были сильно устаревшими (средний срок действия котлов, к примеру, был равен 30 годам, а в отдельных случаях доходил до 50 лет), и требовали коренной перестройки и замены. Статистические данные государственной плановой комиссии при Совете Министров ТАССР показывают, что по отдельным отраслям износ составлял: в

[1] ГА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 105. Л. 80.

[2] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 121.

[3] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 219.

жировой промышленности – 35%, кожевенной – 39%, пищевой – 30%, текстильной – 39%, лесной – 34%, силикатной – 28%, металлической – 32%[1], а по отдельным предприятиям достигавший 80%[2]. Кроме того, к середине 1920-х годов по-прежнему недостаточным был и амортизационный фонд предприятий, который не покрывал физический износ имущества (только на 1 октября 1926 г. остаток амортизационного фонда составлял 2,465 тыс. рублей, в то время как износ был равен 10,137 тыс. рублей), что являлось следствием низких норм амортизационных отчислений, применяемых в промышленности. С другой стороны, само имущество уже к этому моменту было весьма изношено.

Для лучшего понимания эффективности работы республиканской промышленности, рассмотрим ее в разрезе форм собственности. Все промышленные предприятия в указанный период подразделялись на государственные, кооперативные и частные. В деле «О работе управлений» фонда Татарского совета народного хозяйства нами обнаружены сведения, что государственная промышленность (включая и трестированную) в 1924/25 году превалировала над прочими категориями, составляя 97 предприятий, или 74,05% от общего числа. Частная промышленность насчитывала всего лишь 4 заведения, из которых 1 принадлежало кожевенной промышленности, 1 – пищевой, 2 – полиграфической. Частная арендованная промышленность составляла вторую группу после государственной промышленности. Кооперативная промышленность в своем составе имела всего 1 заведение в пищевой промышленности и 7 арендованных предприятий[3]. По подсчетам Ю.П. Бокарева и Ю.К. Федулова в рассматриваемый период в собственности государства находилось 86,4% средств производства страны, но в пользовании оставалось только 44,6%. В собственности у частных лиц оставалось 13,6% средств производства, но в пользовании было 54,8%.[4] Государственный сектор даже в условиях новой экономической политики сохранял ведущее положение и

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 36.

[2] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 9. Д. 15. Л. 171-173.

[3] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. ЛЛ. 244-245.

[4] Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исслед., этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 203-204; Федулов Ю.К. Государственное хозяйствование в России первой трети XX в. С. 191.

существенно опережал показатели частного сектора. Только государственная поддержка позволяла в указанное время сохранять относительную финансовую стабильность и возможность поставок сырья для производственной деятельности.

Исследование показало, что и в последующие прединдустриальные годы возрастание значения государственной собственности. Так, из 136 промышленных предприятий, функционировавших в 1925/26 году на территории края, 98 являлись государственными, 15 – кооперативными, 23 – частными. На государственных заводах трудилось 11931 чел., на кооперативных – 252, на частных – 443 чел. В 1926/27 году численность предприятий государственной формы собственности, действовавших на территории ТАССР, увеличилось и составило 102 единицы, при численности персонала – 13681 чел. Количество кооперативных и частных предприятий осталось практически неизменным: первых насчитывалось 16 (при численном увеличении рабочих до 337 чел.) единиц, вторых – 22 единицы (при резком снижении рабочего контингента до 348 чел.). В 1927/28 году произошло незначительное уменьшение числа государственных заводов до 100 единиц, но при достаточно значительном росте персонала до 15837 чел. Возросло число кооперативных предприятий – до 22, при продолжающемся росте рабочих до 463 чел. И главное – очень резко снизилось число частных предприятий до 10 единиц при 99 рабочих[1].

Несмотря на все трудности, промышленность Татарской АССР постепенно выходила на положительный тренд своего развития. Постепенно в отраслевом разрезе индустриальный сектор стал догонять сельское хозяйство. Так, если по выпуску валовой продукции в 1924/25 году на промышленность приходилось 21,1%, то уже в 1926/27 году – 30,9%.[2] Советом труда и обороны было запланировано создание на территории республики сапоговаляльной и войлочной фабрики, гудронного завода и канифольно-скипидарного завода, постройку новых электростанций[3].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 15. Д. 13. Л. 17.
[2] ГА РТ. Ф. 15, Оп. 9. Д. 15. Л. 171.
[3] Красная Татария. 1928. 1 июня. № 125.

Изменения в производственных показателях во многом определялись теми организационными изменениями в структуре управления, которые происходили в рассматриваемый период в Татарской АССР.

3.2. Усиление самостоятельности в деятельности республиканской промышленности в годы НЭП

С началом новой экономической политики и восстановлением хозяйственно-договорных отношений возникла настоятельная необходимость в изменении существующих механизмов управления. Выступая на XII съезде РКП (б) в 1923 г., А.И. Рыков отмечал, что ему «… изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц приходилось убеждаться в том, что управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Москвы, на основе бюрократического централизма, невозможно»[1]. Центр не имел полной информации о проблемах, имевшихся в регионах, в то же время он требовал от властей на местах четкого выполнения указаний. В результате наблюдалась ситуация экономического диссонанса, когда распоряжения властей зачастую не исполнялись, чему способствовала и экономика страны, которая находилась в угрожающем состоянии. Так, добыча сырья, необходимого народному хозяйству, достигала в стране 10–30% довоенного уровня, производство по некоторым показателям – 3–10%, число прогулов доходило до половины рабочего времени[2]. В дополнение к этому в стране продолжалась внутренняя борьба за власть; в ряде районов разразился сильнейший голод; наблюдался демографический кризис, коснувшийся резким уменьшением, прежде всего, взрослого работоспособного населения.

В таких условиях могли ли большевики продолжить курс «военного коммунизма»? Думается нет. Власть не могла не замечать все более накапливавшийся ком экономических и управленческих проблем, приходило

[1] Рыков А.И. Статьи и речи. Т. 2. М.-Л., 1928. С. 139; Макаров В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов). С. 343.

[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101. Л. 2.

понимание необходимости проведения преобразований, которые должны были спасти ситуацию. Любое промедление или отвлечение от проблемы привело бы не только к кризису власти, но и смене политического режима.

Вместе с тем курс государственной промышленной политики оставался преимущественно прежним. Основные задачи состояли в нормализации работы индустриального сектора, налаживании межотраслевых связей, обеспечении бесперебойной поставки ресурсов и выпуске необходимых товаров, в которых остро нуждалось государство и общество. Единственно важным отличием от прежних действий становилось предоставление некоторой самостоятельности органам управления на местах. Но в условиях системного кризиса этих действий было недостаточно. Все это вместе взятое подтолкнуло большевиков на новые реформы. И, как показала практика, важные преобразования указанного периода стали проводиться именно в промышленности.

Особенность их проведения была связана с частичной денационализацией промышленности и децентрализацией системы управления. Денационализации подверглись в основном небольшие предприятия, не имевшие важного значения для советских органов; а процесс децентрализации оперативных полномочий в территориальном разрезе сопровождался одновременно усилением централизации в отношении плановых и координирующих функций. Центральным исполнительным комитетом было подчеркнуто, что «устройство центральных учреждений, главков и центров ВСНХ остается без изменений».[1]

Государственная промышленная политика сводилась к созданию четко иерархической модели управления, с полным контролем и подчинением нижестоящих органов вышестоящим. На протяжении проведения новой экономической политики стали «растворяться», как рудименты новой системы, органы рабочего контроля. Руководство предприятий все больше вписывалось в новые административно-хозяйственные отношения, где неукоснительно следовало командам «сверху», но при этом подчиняя своему контролю нижестоящие органы управления. По степени подчинения вся промышленность

[1] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1928 гг. Т.1. М., 1957. С. 152.

республики состояла из: промышленности, имеющей союзное подчинение (это Бондюжский завод и Хлебопродукт), местной государственной промышленности, подчиненной совету народного хозяйства и частной промышленности.

Важным же в череде преобразований периода НЭПа стало утверждение особой роли местных органов управления. Подтверждением этого является мнение председателя Татарского совнархоза Е.М. Забицкого (см. прил. № 4), в котором он отмечает: «Мне стало известно, что некоторые отделы и даже подотделы ТСНХ входят непосредственно, помимо меня и без моего ведома, в сношения с Совнаркомом, Экономическим при нем Совещании, Командующим Западной Армией и другими учреждениями. Такой порядок сношений, как нарушение требования и условий подчиненности, является недопустимым. Я его категорически воспрещаю»[1].

Татарский совнархоз (ТСНХ). На территории Татарской АССР в указанный период продолжилось реформирование институтов управления промышленностью. Был реорганизован Казанский губернский совнархоз и ликвидировано 30 главных управлений, отвечавших за отдельные отрасли хозяйства[2]. Причиной сворачивания губернского совнархоза заключалась в создании при ВСНХ Центрального управления государственной промышленностью (Цугпром) и усилении централизации местными органами управления. И если в начале НЭП произошло лишь реформирование отделов, путем их оптимизации, сокращения численности персонала, а также сужения полномочий оперативного управления, то с 1923 г. государство все губернские совнархозы ликвидировало, передав их полномочия отделам местного хозяйства. В республике основным и центральным элементом системы управления промышленностью в регионе становится Татарский совет народного хозяйства[3].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 92. Л. 74.

[2] Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской Республики. С. 64.

[3] В документах фонда Татарского совета народного хозяйства автором была обнаружена ссылка на ЦСНХ ТР или Центральный совнархоз Татарской республики (ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 151. Л. 16). В других документах аналогичной аббревиатуры обнаружено не было. По всей видимости на период образования Татарского совнархоза в некоторых документах его обозначали таким образом.

Явившись органом ВСНХ на местах, Татарский совнархоз приобрел функции организации, руководства и контроля над государственной промышленностью и торговлей. Непосредственное управление находилось в его руках только над предприятиями, не включенными в объединения и не переведенными на хозяйственный расчет. Помимо этого, контроль совнархоза распространялся и на негосударственную промышленность и торговлю.

Роль и значение ТСНХ в развитии промышленности края становилась определяющей. Оптимизация организационной структуры, сокращение численности подведомственных предприятий, сделали из него достаточно результативный институт управления. При этом его эволюция от губернского совнархоза заключалась не только в трансформации внутренней структуры, сколько в более точном определении совнархоза в системе управления промышленностью, а значит более эффективной его работе. Предоставив совнархозу большие полномочия, начались процессы возрастания вертикали власти. Фактически это указывало на проведение более целенаправленной промышленной политики в сторону большего усиления централизованной составляющей управления.

Надо отдельно отметить и то, что помимо непосредственной подчиненности ВСНХ, определенное влияние на деятельность совнархоза оказывали местные органы Совета Труда и Обороны (СТО), состоявшие из экономических совещаний (Экосо) различного уровня – от областных до фабрично-заводских. Через систему СТО государство стремилось к установлению контроля над рыночными механизмами, происходила своеобразная компенсация ослабления системы ВСНХ.[1] По отношению к Экосо Татарский совнархоз должен был отчитываться о выполнении производственных заданий; предоставлять на утверждение положения об объединениях; выносить на разрешение Экосо все спорные экономические и производственные вопросы, затрагивающие интересы других ведомств.

[1] Макаров В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов). С. 351.

Взаимоотношения ТСНХ и ВСНХ выражались в проведении всех директив и указаний ВСНХ, в предоставлении отчетности, предоставлении на утверждение положений местных объединений и производственных планов и программ общегосударственного масштаба (по утверждению местных Экосо). Для выяснения положения отдельных отраслей промышленности и налаживания тесной связи с уездами в совнархозе периодически созывались съезды и совещания. Согласно Положению «О Татарском совете народного хозяйства» за № 36[1] к ведению ТСНХ относились: организация и регулирование отдельных отраслей народного хозяйства; управление государственными предприятиями и их объединениями, не состоящими в непосредственном ведении отделов главков и центров ВСНХ; организация государственных заготовок сырья и топлива; контроль за финансированием и отчетностью предприятий. Функционально задачи Татарского совнархоза оставались практически теми же, что и в предыдущий период, однако, за годы существования совнархозовской структуры изменилось качество аппарата, отрегулированы коммуникационные связи между отделами.

Аппарат республиканского совнархоза должен был содержаться на средства общегосударственного бюджета. Это объяснялось тем, что перевод ТСНХ на местный бюджет мог ослабить влияние его как органа ВСНХ на местах ввиду материальной зависимости. Численный состав совнархоза постоянно менялся. Однако оптимизация управленческого аппарата осуществлялась преимущественно в сторону его сокращения. К примеру, если на 1 октября 1923 года штат ТСНХ состоял из 139 человек и 2 сотрудников вне штата (из них 23 работника относились к финансово-коммерческому управлению, 52 работника – к административно-организационному управлению, 51 работник – к производственно-техническому управлению), то к 1 января 1924 года общее списочное количество работников сократилось до 97 человек по штату и 3 прикомандированных сотрудников. На 1 февраля 1924 г. численность аппарата еще больше сократилась и составляла 70 человек по штату и 3

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 151. Л. 48; там же. Д. 1. Л. 12.

прикомандированных сотрудника, а на 1 июня 1924 года – уже 63 сотрудника[1]. Многие функции были перераспределены между оставшимися работниками.

О внутренней структуре совета народного хозяйства можно судить исходя из материалов дела «Отчеты ТСНХ» фонда Татарского совета народного хозяйства. Во главе Татарского СНХ стоял президиум (коллегиальное управление) или одно лицо (единоличное) в зависимости от местных условий. Совнархоз в начале НЭПа состоял из производственно-технического управления, руководящего через соответствующие секции отдельными отраслями промышленности и ведущего статистический учет; финансово-коммерческого управления, ведающего вопросами торговли и финансирования; административно-организационного управления, ведающего вопросами функционирования административного, юридического, информационно-издательского и хозяйственно-обслуживающего аппарата ТСНХ[2]. По сравнению с периодом 1919 года структура совнархоза практически не претерпела изменений. В основном они касались только изменения названий отделов на управления. Так, в частности, финансово-счетный отдел был заменен на финансово-коммерческое управление. Однако уже к 1924/25 году структура претерпела ряд изменений. В материалах дела «О работе управлений» фонда Татарского совета народного хозяйства автор обнаружил сведения, что совнархоз стал состоять из 2-х управлений: управление делами (АХУ) и управление государственной промышленности (Угпром). В состав Управления делами входили: общий отдел (11 человек), отдел юридический и арендованной промышленности (2 чел.), финансово-хозяйственный отдел (13 чел.). В состав Угпрома входили: производственный отдел (5 чел.), отдел статистики (5 чел.), главная бухгалтерия (3 чел.), секретариат (1 чел.)[3]. Это является еще одним подтверждением трансформации институтов управления в сторону большей централизации. Совет народного хозяйства, еще до начала индустриализации, постепенно иерархически начал встраиваться в систему управления ВСНХ, что с

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 403. ЛЛ. 33 об.
[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 165. ЛЛ. 438-443.
[3] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. Л. 184.

одной стороны, упрощало руководство Центром органами управления на местах, но с другой, постепенно лишало региональные совнархозы ряда полномочий.

В рассматриваемый период значительное место в деятельности местной промышленности занимала и низовая промышленность, в условиях восстановительного периода позволившая сохранить трудовые кадры и обеспечить пополнение за ее счет налоговой базы. Все это обусловило необходимость организации при совнархозе отделов, ведавших данными институциональными единицами. С 1 октября 1925 года в составе ТСНХ были образованы 3 новых отдела: кустарный; отдел кантональной промышленности; мобилизационный отдел (впоследствии переименованный в Мобилизационное бюро). Два первых отдела вошли в состав Управления государственной промышленности, а Моббюро стало функционировать как самостоятельная ячейка. В связи с реорганизацией этих отделов штаты ТСНХ изменились с 42 единиц до 61 единицы персонала (в июле 1926 г. штат увеличился еще на одну единицу и составил 62 человека)[1], о чем свидетельствуют материалы дела «Отчеты о развитии ТАССР» фонда Татарского совета народного хозяйства.

Управление государственной промышленности ТСНХ должно было изучать и прорабатывать все вопросы, касающиеся производственной, технической, финансовой и экономической стороны работы трестов и государственных предприятий, составлять периодические отчеты о состоянии промышленности Татарской республики, давать заключения о состоянии и работе отдельных предприятий и о желательных изменениях в их дальнейшей деятельности. В течение 1924/25 года Угпром через аппарат инженеров-специалистов наблюдал за производственно-экономической работой трестов, давая им в нужных случаях руководящие указания, а также инспектировал и инструктировал их в отношении бухгалтерского учета, постановки статистики и калькуляционного дела, как путем личного объезда трестированной промышленности соответствующими отделами Угпрома, так и путем консультации в Татарском совнархозе.

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 77.

По мере восстановления экономики и роста промышленной базы стала расширяться и структура совнархоза. В 1926–1927 гг. количество отделов было увеличено до 4 (Президиум, Управление делами, Угпром, Моббюро). Но при росте его структуры, стала проводится значительная работа по сокращению численности персонала. Оптимизация была вызвана рядом причин, среди которых важное место отводилось чистке аппарата от неквалифицированных кадров, а также лимитированию финансирования заработных плат, выделяемых на содержание аппарата управления. Так, если в первом полугодии штат ТСНХ состоял из 43 сотрудников и 10 членов ревизионной комиссии, то в конце года осталось всего 26 человек. Это обстоятельство, наряду с невозможностью привлечения в ряды работников ТСНХ высококвалифицированных специалистов в силу незначительности отпускаемых сумм, не могло не сказаться негативно на выполнении задач по управлению промышленностью. Ряд отделов (такие как планово-экономический, отдел рационализации производства и т.д.) вообще отсутствовали. Численность инженерно-технического персонала составляла 5 человек. При наличии у 8 трестов небольшого контингента сотрудников совнархоз в должной мере не мог справиться с возложенными на него задачами[1].

Взаимоотношения ТСНХ с местными финансовыми органами, помимо получения средств на свое содержание, выражались еще и в том, что совнархоз привлекал местные финансовые органы (ТНКФ) к рассмотрению промфинпланов трестов путем участия представителей ТНКФ в заседаниях совета, где эти планы утверждались (предварительно промфинпланы посылались для ознакомления в ТНКФ). Кроме того, промфинпланы согласовывались с профорганизациями, а также с местными отделениями Госбанка и Промбанка. Квартальные кредитные планы согласовывались с ТНКФ и банками в соответствующих секциях ТатЭкосо до их окончательного утверждения. В таком же порядке (то есть через секции Экосо) промфинпланы согласовывались с Татнаркомвнуторгом в части заготовок и сбыта.

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 35.

Ввиду недостатка финансовых средств в начальный период новой экономической политики некоторые, наименее значимые, предприятия были сняты с государственного снабжения, а полученные средства пошли на содержание крупных и гарантированно рентабельных производств. И.А. Гатауллина по этому поводу отмечает, что «…эти предприятия классифицировались по подчиненности ВСНХ и местному (республиканскому или губернскому) совнархозу и группировались в: крупные трестированные и акционерные предприятия, находящиеся в непосредственном управлении государством; предприятия мелкие и средние, подлежащие сдаче в аренду; предприятия, подлежащие консервации или закрытию»[1].

Исследование данных показало, что руководство ТСНХ с началом НЭП стало активно реорганизовывать предприятия, входящие в его состав. Финансовые трудности, недостаток ресурсов и другие причины подталкивали руководство совнархоза от убыточных или малоэффективных предприятий. На 1 сентября 1922 г. из общего числа предприятий (270), подведомственных ТСНХ, были объединены в тресты и комбинаты и остались в ведении ТСНХ 108 предприятий; выделены в автономные хозяйственные единицы – 2; переведены на хозрасчет – 40; не получившие автономности, но управляемые непосредственно совнархозом – 18; сданы в аренду за плату, обусловленную договором – 41; передано в пользование другим ведомствам, без платы – 17; предназначены к сдаче в аренду, но еще не сданные – 64; и наконец 20 предприятий признаны подлежащими полной ликвидации[2]. По другим сведениям, из общего числа предприятий (264), подведомственных ТСНХ на 1 октября 1922 г., было трестировано 66 (в том числе 2 подчинено непосредственно центру), включено в состав комбинатов – 3, выделено в автономные хозяйственные единицы – 3, включены в состав кантональных объединений – 33, сдано в аренду – 41; из

[1] Гатауллина И. А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. С. 88.

[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 165. Л. 108.

остальных 118 предприятий 57 мелких заводов было передано в ведение кантисполкомов и 12 совершенно ликвидировано[3].

Проведем анализ предприятий по признаку подчинения (см. прил. № 5). Из таблицы видно, что наибольший удельный вес в промышленности занимали трестированные предприятия и индивидуальные промышленные заведения (69,2%), остальные формы были представлены в гораздо меньшем объеме. Уже к ноябрю 1921 г. из числа индивидуальных промышленных заведений было исключено 69 предприятий, из которых 12 – вследствие их полной ликвидации, 57 – вследствие передачи в ведение кантисполкомов. К середине 1924 г., по сравнению с его началом, количество крупных фабрик и заводов, подведомственных Татарскому СНХ, сократилось на 3 предприятия и составило 66 предприятий. За период со второй половины 1923 г. по начало 1924 г. в их составе произошли следующие изменения: Электротрест был реформирован и его заведения переданы из ведения ТСНХ в Управление коммунального хозяйства, спичечная фабрика «Восток» приостановила свое производство и была передана кантональному исполнительному комитету (КИКу), Наратский комбинат был слит с Металлтрестом.

В результате к 1 апрелю 1924 г. 55 промышленных заведений объединились в 7 трестов, 10 предприятий составили комбинат, а крупный мыловаренный завод представил собой индивидуальное предприятие на положении треста. Из 66 предприятий функционировало 41, а 25 – бездействовало. Наглядно это можно представить по следующим показателям (см. прил. № 6). Из таблицы видно, что наибольшее количество бездействующих предприятий было у Татсиликаттреста и Татпищетреста. В процентном соотношении бездействовало примерно 38% от всех крупных предприятий.

Причины столь неприглядной ситуации были разные. Так, пищевой трест имел 6 бездействующих заводов из-за того, что эти заводы не были обеспечены силовыми установками и специальными промышленными приспособлениями. Паровая кондитерская фабрика «Светоч» и Плетневский завод искусственных

[3] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 175.

минеральных вод не работали, потому что не было закончено переоборудование их цехов. Один из двух дрожжевых заводов не действовал отчасти из-за разрухи, отчасти по причине недостаточно обеспеченного сбыта дрожжей. Кожевенные заводы не работали из-за недостатка оборотных средств. При этом одной из основных причин убыточности, что видело и само руководство, в 1924/25 году были недостатки организационного характера: не вполне удачный подбор руководящего состава в некоторых трестах, бесхозяйственность, чрезмерная численность служебного персонала, раздутые штаты рабочих на предприятиях, и наконец слабая постановка всякого рода учета – бухгалтерского и статистического (вследствие чего, например, результаты 1923/24 года смогли окончательно выяснить только в июне 1925 года). Эта слабость учета послужила едва ли не самой главной причиной убытков, так как создавала у руководителей трестов и предприятий ложное представление о показателях подведомственной им промышленности. В качестве примера можно выделить Таткожтрест и Татлесотрест. Их руководители по истечении III-го квартала были уверены, что работают прибыльно, лишь при окончательном подсчете выявились крупные, понесенные ими убытки[1].

Еще одной важной причиной убыточности предприятий являлась непродуманность коммерческой деятельности промышленных предприятий, которые работали без надлежащего анализа условий рынка, что выражалось в отсутствии твердого, заранее намеченного ассортимента изделий, приспособленных к потребностям рынка. Наконец, большую роль в общей убыточности сыграли повторявшиеся несколько раз в течение года снижения предельных цен на готовые изделия, что особенно сильно отразилось на деятельности Таткожтреста и Татметаллтреста.

Делались ли попытки исправить столь сложную ситуацию? Несомненно, да. Важным шагом стало решение о реорганизации структуры Татарского совнархоза. С января 1925 г. руководящий аппарат СНХ был обновлен персонально. Вместо бывшего ранее президиума создан новый аппарат

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. Л. 69.

совнархоза в составе председателя, его заместителя, 5 членов из числа директоров трестов и представителя ТСПС и 3 кандидатов, так же из директоров трестов (постановление от 16 января 1925 г. № 13)[2]. Этот пример является показательным. Новая экономическая политика помогла большевикам выявить наиболее эффективные кадры. В условиях перехода от преимущественно административных к экономическим методам регулирования их подбор стал осуществляться не столько по «указке сверху», сколько выявляться в процессе работы.

Нагляднее всего это можно было проследить на уровне частных предприятий, куда приглашались на работу не по рекомендациям партии или социальной принадлежности, а по тем компетенциям, которыми обладал руководитель или сотрудник. Согласимся с мнением В.П. Пашина, который пишет о том, что «выдвинувшихся в период гражданской войны коммунистов, пришедших в управление на производство на основе мандата, начинали, как отмечалось в партийных документах, «затирать». Основных качеств, необходимых в условиях гражданской войны, становилось явно недостаточно. Привыкшие к исполнению приказов сверху, не имевшие глубоких знаний в области экономики и управления, они терялись на производстве, которое все настойчивее требовало умения разбираться в рыночной обстановке, торговле и пр.».[1]

В то же время, несмотря на организационные перестановки, мы отмечаем, что в целом ТСНХ в период новой экономической политики находился в некоторой неоднозначной позиции, постепенно превращаясь в административный рудимент. Значение советов народного хозяйства было, с одной стороны, отражением территориального управления, с другой стороны, должна была стать элементом отраслевого управления, что в результате не могло сформировать конкретно функционирующего аппарата управления промышленностью на местах. Этому же способствовала и относительная самостоятельность

---

[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. Л. 71.

[1] Пашин В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х–1930 году). С. 94.

трестированной промышленности, которая в первой половине 1920-х годов стала основной организационной единицей советской индустрии. На основании решений Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны с 1921 года они стали формой государственного управления.

Тресты[1]. На рубеже 1921–1922 годов государственная промышленность Татарской республики реорганизуется в тресты, которые в дальнейшем должны были вести работу на началах коммерческого расчета и полной самоокупаемости (правда, как показала практика, имея очень скудное, устаревшее оборудование и недостаточное количество оборотных средств, трестированная промышленность не смогла сразу выйти на путь безубыточности). Тресты были наиболее целесообразными формами организации крупной промышленности рассматриваемого периода. Данная форма организации вырабатывалась под влиянием объективных законов хозяйственного строительства и была связана с процессом национализации промышленности. Целью создания трестов являлось освобождение центральных органов от выполнения массы текущей работы и, одновременно с этим, «…создать из разрозненных предприятий такие комбинаты и объединения, в которых мог бы быть сосредоточен максимум экономических и организационных усилий, и связать тесными узами предприятия, которые внутренне тяготеют друг к другу, чтобы они могли дать максимум производительности»[2].

Законодательно трестирование промышленности было закреплено Декретом ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 года «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)»[3]. Документ определял тресты как нижнюю ступень государственного аппарата управления на местах. Общее руководство трестированной промышленностью стали осуществлять главные управления ВСНХ и народные комиссариаты. Управление строилось по принципу: ВСНХ –

[1] Тресты в СССР - это хозрасчётные объединения предприятий одной отрасли, основанные на общественной собственности на средства производства (Трест // Большая советская энциклопедия : официальный сайт. URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82 (дата обращения: 06.04.2022)

[2] Розенфельд Я.С. Промышленная политика СССР (1917 – 1925). С. 214.

[3] Гатауллина И. А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность. С. 63.

главк – главное правление треста – заводоуправление. В дальнейшем из представленной схемы выпало такое звено, как «главное правление треста». Особенностью новой хозяйственной формы стало закрепление собственности за государством.

Трест непосредственно управлял несколькими предприятиями. Количество их неуклонно возрастало. В монографии «История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 гг.» Э. Карр указывает, что в 1919 г. в Советской России было организовано примерно 90 «государственных трестов»[1]. По сведениям газеты «Народное хозяйство» к январю 1920 г. было уже 179 трестов, объединявших 1449 предприятий.[2] В работе «Структуры и связи в социалистической экономике» Э.М. Аристаков утверждает, что к 1922 г. их количество возросло до 430 (другие исследователи Н.Шмелева и В. Попов приводят иную цифру – 421[3]), из них только в металлургической промышленности было 57 трестов, в электротехнической – 19, в текстильной – 52, в пищевой – 65. Высшему совету народного хозяйства было подчинено 172 треста, а 258 – его местным органам[4] (в пропорции 40% к 60%[5]). Несмотря на некоторую противоречивость представленных сведений, в целом наблюдался несомненный рост числа трестов.

Трест рассматривался как единое предприятие вне зависимости от количества заводов и фабрик, входящих в его состав. Предприятия одного треста имели общую кассу и план производства. Каждый трест должен был проводить специализацию своих предприятий, перераспределять между ними рабочую силу, оборудование и сырье, распределять заказы и готовую продукцию и др. Особое место отводилось составлению производственных программ. Ради оптимального учета всех имеющихся внешних и внутренних факторов они составлялись трестами при участии управляющих заводами, затем прорабатывались Угпромом и Ревизионной комиссией ТСНХ, с их

[1] Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 гг. С. 541-542.

[2] Народное хозяйство. 1920. № 9/10. С. 12-16.

[3] Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 15.

[4] Аристаков Ю.М. Структуры и связи в социалистической экономике. М., 1984. С. 23; Материалы к X съезду Советов. Петроград, 1923. С.11.

[5] Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. С. 15.

заключениями отдавались на рассмотрение СНХ Татарской республики, после чего предоставлялись в ВСНХ и на утверждение в Экономическое совещание при СНК ТАССР[1]. При этом складывалась ситуация, когда тресты получали достаточно широкие хозяйственные полномочия, находясь при этом в жестком административном подчинении. В дальнейшем это стало фактором усиления административного контроля за деятельностью подконтрольных трестам предприятий и открыло возможности для последующей их ломки.

Общий курс руководства в этот период был направлен на принудительное завершение «трестирования» промышленности. Под этим понималось, что каждая отрасль промышленности должна была быть объединена в отдельный «трест» под своим главком или центром, подотчетными ВСНХ, выступавшего в качестве высшего экономического контролера. Трест становился основным звеном управления промышленным производством. В ряде отраслей были образованы территориальные районные управления, включавшиеся в состав треста. Будучи непосредственно подчинены главным управлениям, трестированные и нетрестированные предприятия, находясь в полной зависимости от главков, были полностью лишены как производственно-технической, так и хозяйственной самостоятельности.

По схожему общероссийскому сценарию трестирование проходило на территории Татарской республики. Здесь несколько предприятий объединялись в единый трест, без учета территориальных границ, организационных особенностей и т.д. Одним из первых в сентябре 1921 г. был создан Таткожтрест, объединивший 7 заводов и 4 подсобных предприятия[2]. В этом же году началась организационная работа по трестированию лесной промышленности, располагающейся на Волге. В августе 1922 г. был организован трест «Волго-Каспий-Лес». В аналитических материалах фонда Особой комиссии Совета Труда и Обороны при Государственной плановой комиссии СССР по рассмотрению уставов трестов есть указание, что в район

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. Л. 222.

[2] Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской Республики (1921–1926 гг.). С. 68.

его деятельности вошли лесные площади бывшей Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, а также Пермской, Вятской, Царицынской и Астраханской губерний. В ведение треста перешла деревообрабатывающая промышленность региона, естественные географические условия которого создавали благоприятную конъюнктуру для снабжения лесоматериалами обширной территории[1]. В ноябре 1921 г. началось создание Татарского пищевого треста. Положение о тресте было утверждено на заседании Экосо Татарской АССР 3 декабря 1921 г. Фактически трест приступил к работе 10 января 1922 г., когда было утверждено правление. К его функциям относились: общее руководство предприятиями пищевой и мукомольной промышленности республики; составление и разработка производственных планов предприятий, финансовых смет, калькуляций; наблюдение за выпуском и качеством продукции; контроль за вывозом и ввозом сырья по предприятиям. При организации трест состоял из административного отдела, отдела пищевой промышленности, отдела мукомольной промышленности, финансово-счетного отдела, коммерческого отдела. С 1 ноября 1922 г. коммерческий отдел был упразднен, взамен введена должность уполномоченного коммерческого секретаря. В январе 1923 г. был образован производственный отдел, к функциям которого были отнесены вопросы восстановления предприятий и улучшения производства. В состав треста входило 13 предприятий: мельницы (№№ 2, 3, 4, 5, 6, 50, 86), кондитерские фабрики (№№ 1, 3), дрожже-винокуренный завод № 7, крахмально-паточный завод № 1, кофейный завод № 7, пивоваренный завод. Данные предприятия были приняты в трест от Татсельпрома. В условиях отраслевой централизации второй половины 1920-х – начала 1930-х годов Татпищетрест был ликвидирован, и его функции переданы Татсельпромтресту.

Не считая мыловаренного завода им. М. Вахитова (бывший братьев Крестовниковых), спичечной фабрики «Восток», утилизационного завода,

[1] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 89; Цит. по: РГАЭ. Ф. 7019. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

которые были выделены в самостоятельные структуры[1], остальные крупные предприятия вошли в состав 8 трестов (не считая Таткожтреста): Татваленка, Татпищетрест, Электротрест, Татодежда, Татметаллтрест, Татполиграф, Татсиликаттрест, Лесотрест (Паратский комбинат)[2]. По сведениям Н.Г. Анисимова, численность рабочих и служащих трестированной промышленности Татарской АССР составляла 6700 чел.[3] При этом, как отмечает другой исследователь О.Г. Коломыц, в аренду было передано 118 производственных единиц, из них: фабрик и заводов – 52, мельниц – 66, ряд мелких предприятий в кантонах. 65% всех сданных предприятий приходилось на государство, кооперацию, артели и товарищества; 35 процентов – на частные лица; из них 31 процент – на бывших владельцев[4].

Важно проследить принадлежность трестированной промышленности в Татарской АССР. Вновь образованные тресты местной промышленности Декретом от 17 июля 1923 года закреплялись за губернскими совнархозами и губисполкомами. СНХ получал право делегировать ряд полномочий трестам на местах. Одновременно с этим, декрет запрещал вмешательство совнархоза в текущие, оперативные дела трестированной промышленности, а также определял единоличный принцип управления. В целом, можно отметить, что представленные права давали серьезные возможности трестам для развития и отражал курс на децентрализацию управления.

Создание новых структурных единиц не могло не быть сопряжено с появлением ряда проблем, озвучиваемых на совещаниях руководителями трестов. Анализ материалов позволяет сделать вывод, что проблемы преимущественно носили хронический характер, не меняясь со временем. К основным относились: неудовлетворительное техническое состояние предприятий; слабая обеспеченность оборотными средствами, а главное – плохой их состав, ввиду большой доли неликвидных материалов и товаров, не

---

[1] Коломыц О. НЭП в промышленности Татарской респуб¬лики. С. 68; Цит. по: Известия ТатЦИКа. 1923. 21 июня.

[2] Статистический справочник по промышленности ТССР. Казань, 1924. С. 151.

[3] Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. 100 лет (1860-1960 гг.). Казань, I960. С. 150.

[4] Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской республики (1921–1926 гг.). С. 71.

пользующихся у населения спросом; недостаток квалифицированных рабочих; отсутствие хозяйственного опыта у руководителей; голод в крае, сильно сокративший спрос на промышленные изделия; сырьевые затруднения; высокая инфляция. Все эти факторы предопределили уже при организации трестов кризис местной промышленности. Вместе с тем, при самой организации трестов была допущена ошибка, выразившаяся в недоучете финансовых возможностей предприятий. Как отмечается в докладных материалах фонда Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР, тресты «размахнулись» не по средствам, сразу запустив все переданные им фабрики и заводы, при незначительной загрузке каждого из них[1].

И здесь мы наблюдаем обратную общероссийским тенденциям картину, когда количество трестированной промышленности стало уменьшаться, путем сокращения нерентабельных или нефункционирующих предприятий. За период с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г. количество трестов сократилось с 11 до 9[2]; за период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. их число в республике уменьшилось еще на 12%, главным образом, в кожевенном, металлическом и химическом производствах (при том, что общая численность рабочих в это же время возросло на 117%)[3]. По материалам фонда татарского совнархоза к 1925/26 году общее число трестов государственной промышленности равнялось – 8, объединявших в начале года 50 промзаведений, правда, действующих было всего лишь 32 заведения[4].

Изменения затронули все отрасли трестированной промышленности. В первую очередь внимание совнархоза было обращено на трест Татодежда, который с прекращением заказов на военное обмундирование и при слабом спросе на гражданскую одежду имел весьма плохие виды на будущее. Поэтому еще 22 октября 1924 г. ТСНХ постановил (приказ № 4) сконцентрировать все

---

1 ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 625. Л. 27.
2 Коломыц О.Г. НЭП в промышленности Татарской республики. С. 150.
3 ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 2. Д. 368. ЛЛ. 1, 2.
4 ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 29.

производство Татодежды на 2 фабриках (№ 5 и № 6), переводя остальные две (№ 1 и № 2) на консервацию. В дальнейшем (31 января 1925 г.) Постановлением совнархоза за № 16 трест Татодежда был ликвидирован полностью. Освободившиеся при этом средства из его промфонда пошли на усиление других отраслей промышленности. С целью облегчения финансового положения Кожтреста совнархоз Постановлением № 14 от 17 января 1925 г. распорядился изъять из его состава текстильную фабрику им. В.И. Ленина (регулярное снабжение которой сырьем было не под силу тресту) и объединить ее с Татваленкой, переименовав последнюю в Текстилькомбинат. В целях развития винокуренной промышленности Татарской республики совнархоз обязал (Постановление № 29 от 12 июня 1925 года) образовать особый Спирттрест, изъяв 2 винокуренных завода из состава Пищтреста и пустив в ход ряд бездействующих заводов. Спирттрест был организован Постановлением ТСНХ за № 31 от 16 июля 1925 года. В самом конце 1925/26 года Комбинат издательства и печати был передан в ведение Татнаркомпроса[1]. Помимо этого, был положительно решен вопрос о включении фабрики «Коммунар» в Татлесотрест, поставлен вопрос о передаче Чистопольскому КИКу Черепашинского лесозавода и т.д. Далее из состава Лесотреста выбыли находившийся в Казани завод «25-е июня» (демонтированный из-за бездействия) и Сталинградский лесозавод, арендованный трестом у «Волго-Каспий-Леса» (прекращение аренды); в Металлтресте демонтирована деревообрабатывающая мастерская (выработка деревянных частей и сельскохозяйственных машин к этому времени полностью сосредоточивалось на соответствующих основных заводах треста); в Пищетресте колбасная фабрика «Труд» была передана в КУРП, 2 мельницы (№ 5, № 6) переданы новому Мельничному тресту, дрожже-винокуренный завод им. Калинина демонтирован; состав Спирттреста пополнился 3 винзаводами (Князевским, Мамадышским и Алатским). Для более рационального использования оборотных средств и концентрации работы было решено объединить Пищтрест

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д. 440. Л. 74.

и Спирттрест. Вопрос был поставлен на утверждение правительством Татарской АССР, проведена подготовительная работа, и к 1 ноября 1926 г. тресты были объединены[1].

Несмотря на широкомасштабную оптимизацию трестированной промышленности, к концу 1926/27 года в 44 существующих предприятий трестов бездействующими оставались 20. Только в Таткожтресте из 13 предприятий были на консервации – 7; в Лесотресте из 8 предприятий – 1 на консервации и т.д.[2] Статистические данные фонда Министерства экономики Республики Татарстан показывают немного другие цифры, отмечая, что к началу 1926/27 г. на учете находилось 42 предприятия, 8 из них были на консервации. В течение года к трестированной промышленности было присоединено еще 11 предприятий, выбыло – 4. Итого, к концу года в трестированной промышленности находилось 49 предприятий, из них 12 – на консервации[3] (интересно, что в этот же период на VI Всетатарском съезде Советов отмечалось, что «…государственная трестированная промышленность ТР (авт. – Татарской республики) вышла в целом на путь рентабельности, накопления средств и частичного развертывания… отчетный период для промышленности ТР явился переломным и что директива V съезда об оздоровлении промышленности правительством в основном выполнена»[4]).

Если детализировать данный процесс, то можно отметить, что изменения в числе промышленных заведений за год произошли в следующих трестах: в Таткожтресте в начале года из 6 заведений два (кожзавод № 1 им. В.И. Ленина и кожевенный завод № 2, с обувной фабрикой «Спартак») действовали в непосредственной эксплуатации треста, а кожевенный завод № 6 действовал как арендованный. Затем в аренду был сдан еще и завод № 3, который до конца года находился в стадии реконструкции. В июле 1926/27 года из состава арендованного фонда Татарского совнархоза были переданы в Таткожтрест

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д. 569. ЛЛ. 19, 19 об, 62, 63.
[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д. 683. ЛЛ. 3–5.
[3] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 35.
[4] Съезды Советов в документах. 1917–1937. М.: Госюриздат, 1962. Т. IV. Ч.I. С. 549-550.

заводы №№ 5, 8, 9, 10, 11, 14, а с августа завод № 13. В Татлесотресте в январе был демонтирован Черепашинский лесозавод, бывший до этого на консервации. В Татпищетресте 3 винокуренных завода (Алатский, Мамадышский, Князевский) были переданы в ведение Наркомзема ТАССР и включены впоследствии в состав Совхозтреста. В Текстилькомбинате на положении консервации находилась пошивочная фабрика № 1. С апреля, после реорганизации местной полиграфической промышленности, в состав трестов, подведомственных ТСНХ, были включены 4 предприятия (3 типографии и словолитня), которые образовали самостоятельный трест Татполиграф[1].

Высокий показатель нерентабельных промышленных заведений, без сомнения, не могло не пугать местное и центральное руководство. Во избежание убыточности трестов и с целью увеличения их прибылей была проведена проверка деятельности трестированной промышленности Рабоче-крестьянской инспекцией. По ее итогам был определен круг задач, стоящих перед ТСНХ, связанных с тщательной ревизией всего уставного капитала трестов и ликвидация всех убыточных предприятий, разработке плана замены устаревшего и изношенного оборудования трестов в течение 5–10 лет, зданий – 10–20 лет и сокращению накладных расходов и штатов трестов. Для понижения себестоимости и улучшения количества продукции комиссия Рабкрина рекомендовала: выбрать наиболее выгодное производство для сосредоточения на нем оборотных средств, перерабатывать в ценную продукцию только доброкачественное сырье, ускоряя тем самым оборачиваемость средств. Для решения этих задач руководителям производств надлежало подбирать деловых работников, обладавших коммерческой гибкостью, оперативностью, знаниями. Республиканский СНХ должен был обращать внимание на улучшение материального положения рабочих с повышенной квалификацией, устанавливать рост зарплаты в зависимости от повышения норм выработки и улучшения качества продукции, стабильного увеличения прибыльности данного предприятия в целом.[2]

---

[1] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп. 1. Д. 569. ЛЛ. 29, 30; там же. Ф. Р.-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 35.

[2] ГА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 105. Л. .80.

В полной мере решить указанные проблемы республика не успела из-за последовавших в конце 1920-х годов реорганизаций в системе управления. Однако отдельные преобразования все же начали осуществляться. Так, группа по преимуществу небольших предприятий, эксплуатация которых трестом являлась неэффективной, перешла в арендный фонд, состоявший в ведении Татарского совнархоза. По специальным договорам эти предприятия сдавались во временное пользование на условиях уплаты совнархозу арендных и амортизационных взносов. В составе арендного фонда на 1 октября 1925 года было 19 промышленных заведений, а к 1 октября 1926 г. осталось 17[1]. По отраслям промышленности они распределялись следующим образом (см. табл. № 3.5).

Таблица 3.2

Арендный фонд промышленных заведений ТАССР в 1925 и 1926 годах

Отрасли	**01.10.1925**	**01.10.1926**
кожевенная	9	8
пищевкусовая	3	3
металлообрабатывающая	2	2
химическая	3	3
полиграфическая	1	1
силикатная	1	-
Всего	***19***	***17***

В течение года один кожевенный завод (№ 16) сгорел, был передан в государственный фонд и исключен из арендного фонда; бездействовавшая мельница № 10 передана Татнаркомвнуторгу; Ключищенский кирпичный завод передан для эксплуатации Коммунхозу (Татстройконторе); консервный крахмально-паточный завод «Пламя», входивший в состав Татпищетреста, передан в фонд СНХ Татарской республики для сдачи в аренду, так как для его эксплуатации непосредственно трестом перспектив не было. Статистические данные показывают, что в результате к 1 января 1927 года Татарский совнархоз вынужден был сдавать в аренду 14 предприятий – это государственные

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569. Л. 50.

кожевенные заводы №№ 9, 13, 11, 5, 8, 17, 14, механическая мастерская «Металлист», табачная фабрика «Курдина», химический и мыловаренный завод «Татарстан», бывший воско-свечной завод, мастерские «Весы», типография «Труд», крахмально-паточный завод «Пламя». На консервации остались предприятия: государственный кожевенный завод № 10, пивзавод «Волгарь», мыловаренный завод «Кясибдяш»[1].

Несмотря на то, что в середине 1920-х годов реорганизации шли преимущественно по пути оптимизации или сокращения трестированных предприятий, тем не менее, при необходимости создавались новые тресты. Так, непосредственно перед началом индустриализации, для производства и сбыта валяльной и бурочной обуви, на основании Положения «О государственных промышленных трестах» от 29 июня 1927 г.[2] был образован промышленный трест местного значения под наименованием «Объединение государственных валяльно-обувных фабрик ТАССР «Татвалтрест»». В его состав входили: государственные фабрики валяльной обуви № 1 им. Галактионова, № 3 «Красный текстильщик», № 4 «Февральская революция»[3]. Татвалтрест был образован как самостоятельная хозяйственная единица и действовал на началах коммерческого расчета в соответствии с плановыми заданиями, утвержденными ТСНХ.

Но аналогичные примеры были скорее исключением из общего правила. Постепенно идея трестированной промышленности, предполагавшая применение хозрасчетных операций, становилась для большевиков излишней. Государство подходило к необходимости полного учета и сбора всех финансовых средств предприятий. Декрет 1927 г. поставил точку в развитии трестированной промышленности. Основная идея документа строилась на идее ликвидации хозяйственного расчета. Тем самым уничтожалась отличительная черта трестированной промышленности в виде свободного установления цен на продукцию. К тому же советская власть пошла дальше, ограничивая права

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 502. Л. 1.

[2] Собрание законов. 1927. № 39. Ст. 392.

[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 1990. Л. 15.

предприятий по свободной продаже произведенной продукции. В комплексе с указанными действиями, а также накопившимися проблемами внутри трестов, общей государственной политикой, направленной на централизацию, это привело к свертыванию основной массы существующих трестов и началу нового этапа развития отечественной индустрии.

Кантональная промышленность[1]. При переходе государственной промышленности на начала хозяйственного расчета Татарским советом народного хозяйства было решено отказаться от непосредственного управления многочисленными мелкими предприятиями, находившимися в кантонах, и объединить их в комбинаты по территориальному признаку, то есть по кантонам, предоставив этим комбинатам права самостоятельных единиц и оставив за совнархозом лишь общее руководство их деятельностью. Таких комбинатов к октябрю 1922 г. было создано шесть: Спасский, Чистопольский, Елабужский, Набережночелнинский, Буинский, Бугульминский. В декабре 1922 г. был образован седьмой – Мамадышский[2].

В них входили мелкие и крупные предприятия, возникшие в довоенный период. И.А. Гатауллина в своей работе отмечает, что «…в Чистопольском кантоне располагались: кирпичный завод (бывш. влад. Е.А. Юзеев) со средним числом рабочих - 6 чел. и валовым оборотом в 3,7 тыс. руб.; завод «Красный двигатель» (бывш. влад. А.М. Правоторов) по чугунному литью, где трудились 45 чел., с валовым оборотом в 186,8 тыс. руб.; лесозавод «Красная звезда» (бывш. влад. В.Г. Стахеев) с 34 рабочими и 75,6 тыс. руб. вал. продукции и др. В Спасском кантоне функционировали ремонтные мастерские «Спасский затон» (бывш. влад. «Пароходное общество») со средним числом рабочих 376 чел. и с выработкой продукции на сумму 189,3 тыс. руб.; в Набережночелнинском – лесозавод «Республиканец» (бывш. влад. В.Г. Стахеев)

[1] Под кантональной промышленностью понимается форма организации управления, в рамках отдельных кантонов. Кантоны существовали в РСФСР с 1920 по 1941 годах и фактически были аналогами уездов. В деле «О кантональной промышленности» (ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 360. Л. 1) указывается, что кантональная промышленность характеризуется не признаком территориального размещения, а признаками соподчинения промышленности. В нее не входят предприятия трестированной промышленности союзного и республиканского подчинения несмотря на то, что они территориально расположены в кантонах. В состав кантональной промышленности входят предприятия, находящиеся в ведение КИКов, кантональных кооперативных организаций и частных лиц.

[2] Известия ТатЦИКа. 1923. 21 июня.

с количеством рабочих – 30 чел. и валовым оборотом в 35 тыс. руб. Практически во всех районах действовали мельницы, винокуренные заводы»[1]. Для наблюдения за работой комбинатов в составе Центрального производственного управления ТСНХ была образована Секция мелкой промышленности.

В последующее время тяжелое финансовое положение комбинатов, получавших крайне неудовлетворительное финансирование (оно было заложено еще при формировании смет и определялось 60% потребности), общее тяжелое положение промышленности в первые годы НЭПа, отсутствие на местах грамотных руководителей и специалистов, привели к постепенной ликвидации ряда комбинатов. К 1925/26 году по результатам обследования налогового управления и статистического управления функционировали лишь Елабужский, Чистопольский, Бугульминский, Набережночелнинский и Мензелинский кантоны[2], к 1927/28 году – только Елабужский и Чистопольский[3]. Правда, при этом, количество предприятий, находившихся в ведении кантонов, не только не уменьшилось, а наоборот увеличилось: за 3 года (с 1925/26 года по 1927/28 год) с 34 до 36[4]. Не получая со стороны Татарского совнархоза финансовой поддержки, кантональные промобъединения мало интересовались связью с ним, вследствие чего Секция мелкой промышленности получала лишь отрывочные и недостоверные сведения об их работе. Этому же способствовало и то, что дело учета в комбинатах было поставлено недостаточно хорошо.

В соответствии с «Положением о работе ТСНХ по руководству кантональной промышленностью»[5] все расположенные в кантонах Татарской АССР предприятия были переданы в ведение Кантисполкомов (КИКов). Постановлением IV съезда Советов ТАССР в 1923 г. к функциям КИКов стали относиться: составление годовых промфинпланов по эксплуатации

[1] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 92-93.

[2] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.484. Л.42.

[3] ГА РТ. Ф.Р-4580. Оп.1. Д.360. Л.32.

[4] ГА РТ. Ф.Р-4580. Оп.1. Д.360. Л.1.

[5] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.484. ЛЛ.38, 39, 40.

предприятий, заключение договоров на сдачу в аренду как целых предприятий, так и части их имущества, непосредственная коммерческая эксплуатация предприятий и заведений, назначение и увольнение ответственных руководителей как объединений предприятий, так и отдельных заводов, заведений, определение их прав и обязанностей, выдача доверенностей. Для практического осуществления указанных функций по управлению промышленными предприятиями и заведениями Кантисполкомы могли образовывать объединения или комбинаты промпредприятий, непосредственно подчинявшихся КИКам.

Получалась интересная ситуация, когда совнархоз в 1921-1922 годах фактически превратил кантоны в самостоятельные единицы, но уже с 1923 года постепенно стал переподчинять их своему управлению. В середине 1920-х годов ТСНХ пошел дальше в своих действиях. В целях дальнейшего укрепления и развития кантональной промышленности и ввиду отсутствия на местах квалифицированных технических сил, общее руководство работой кантональной промышленности и надзор за ее деятельностью был возложен на Татарский совнархоз. В его обязанности в вопросах кантональной промышленности входило: содействие укреплению и дальнейшему развитию кантональной промышленности в соответствии с наличными возможностями, путем контроля и направления деятельности промобъединений и предприятий; постоянный систематический учет работы кантональной промышленности и всех его элементов; инструктирование кантональных промышленных органов в области постановки статистического и бухгалтерского учета и калькуляционного дела; производство обследования технического состояния кантональных предприятий, оказание местным органам возможной технической помощи и предложение им соответствующих указаний, как в отношении ведения производства, так и по разработке вопросов о техническом усовершенствовании и преобразовании предприятий; проверка и анализ балансов кантональных предприятий и их объединений; рассмотрение и утверждение оперативных промфинапланов, увязка и согласование их с

планами работ трестированной промышленности республики, а также наблюдение за выполнением этих планов и т.д.

Произошла реорганизация самого совнархоза. Секция мелкой промышленности была упразднена, в то же время был организован Отдел кантональной промышленности. По Положению о Кантэкономотделе в его структуре были созданы районные экономотделы. Они становились исполнительными органами Татарского совнархоза на территории кантонов, действуя на правах отделов кантисполкома. Все распоряжения центральных отделов и главков ТСНХ в пределах компетенции этих органов были обязательны для экономотделов. На них в пределах общих директив ТСНХ и его центральных отделов и главков возлагалось: управление предприятиями, находящимися в непосредственном ведении главков ТСНХ и Управления кустарной промышленности; составление производственных программ, снабжение предприятий сырьем, топливом, материалами, согласно планам и нормам, установленным центральными отделами и главками Татарского совнархоза; организация совместно с профорганами заводоуправлений предприятий, находящихся в управлении кантэкономов, непосредственное наблюдение и руководство деятельностью органов кантэкономов; контроль над производством, снабжением и финансовой деятельностью предприятий, подчиненных непосредственно главкам[1]. Во главе экономотдела были поставлены заведующий и его заместитель. В структурном плане экономотдел стал состоять из административно-организационного отдела, производственного отдела, отдела снабжения.

Главное внимание Татарского совнархоза в вопросах кантональной промышленности было обращено, в первую очередь, на те кантоны, где уже были сформированы промобъединения. Наряду с этим в ТСНХ стала вестись организационно-подготовительная работа по оживлению промышленности в тех кантонах, где деятельность промзаведений и промобъединений пришла в упадок или совсем остановилась. Все указания и предложения, касающиеся

[1] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.1. Л. 12.

промзаведений и их объединений в кантонах, стали проходить через Президиум КИКа. В случае возникновения между КИКом и Татарским совнархозом разногласий вопрос передавался на разрешение в Экосо ТАССР и Президиум ТатЦИКа.

В целях укрепления вертикальных связей в управлении и получения достоверной информации центральные органы власти также подключились к этому вопросу. Приказами по ВСНХ требовалось при обсуждении производственных программ трестов в губернских совнархозах предоставлять сводную ведомость о программах мелких кантонных (уездных) предприятий (что, в свою очередь, предполагало осведомленность центральных органов о состоянии промпредприятий в кантонах).

На региональном уровне выполнить эти требования практически не удавалось, из-за того, что Татарский совет народного хозяйства не располагал необходимыми сведениями о состоянии промышленных объединений в кантонах. Ему не было известно даже точное количество предприятий.[1] Ситуацию попытались выправить в 1925/26 году. По запросу ВСНХ на территории губернского совнархоза стали собираться сведения о кантональной промышленности, для чего пришлось прибегнуть к помощи ТатЦИКа. По поступившей информации выяснилось, что количество предприятий значительно сократилось. Из оставшихся предприятий часть была демонтирована, некоторые переданы в аренду, большинство вообще не работало. Выяснилось и то, что в деятельности кантональной промышленности не было никакого объединяющего согласованного начала и общего плана. Даже Статистическое управление, ведавшее учетом предприятий, интересовалось только цензовыми предприятиями.

На заседании Экономсовещания ТАССР от 15 января 1926 г. (протокол №7) было решено: наблюдение и руководство ЦСНХ распространить на все промышленные предприятия и заведения (исключая коммунальные), находящиеся в ведении кантональных исполкомов (КИК), эксплуатируемые как

[1] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.484. Л. 23об.

непосредственно КИКами, так и в порядке сдачи в аренду, а также на кустарную промышленность[1]. Тем не менее, этих действий оказалось недостаточно. Вплоть до начала 1930-х годов ТСНХ так и не смог наладить тесного взаимодействия с комбинатами, не получая от них ни промфинпланов и годовых отчетов, ни текущей статистики и бухгалтерской отчетности.

В завершающий период новой экономической политики направления деятельности региональных властей в области управления промышленностью сводились к упорядочению совокупности предприятий в систему промышленного управления. Но недостаток финансовых, материальных и иных средств привел к существенным перекосам в управлении, подчинив в последующем интересы местных органов управления к жесткому контролю из центра. Наличие значительного количества регулирующих и контролирующих органов не способствовало эффективному управлению промышленной индустрией. К тому же постепенно промышленность реорганизовывалась в государственную, и к середине 1920-х годов она превалировала над прочими категориями (в 1924/25 году в ТАССР 74% предприятий являлись государственными). Частная промышленность насчитывала всего лишь 4 заведения, из которых 1 принадлежало к кожевенной индустрии, 1 – пищевой, 2 – полиграфической[2].

Накануне периода индустриализации страны существовали серьезные организационные преграды, тормозившие развитие промышленности региона. Среди основных автор выделяет: попытки создания централизованной модели управления на отдельных этапах функционирования системы (1917-1920 гг.) с некоторой ее децентрализацией (1921 – 1927 гг.); частая несогласованность действий отраслевой и территориальной форм управления промышленностью, зачастую приводившая к проблеме дублирования полномочий; отсутствие четко разграниченных функций управления у отдельных звеньев иерархической цепочки, что приводило к постоянным реорганизациям; катастрофическая

[1] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.484. Л. 34.
[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440. Л. 244.

нехватка технических специалистов; обычной практикой являлось отсутствие практического опыта у управленцев, что обуславливало необходимость руководства и контроля со стороны вышестоящих органов. С развитием промышленности становились все более заметными проблемы несоответствия между растущим производством и отстающей структурой управления. Складывавшаяся структура не оправдывала себя. В одной из своих последних выступлений В.И. Ленин так охарактеризовал ситуацию, которая точно описывает состояние экономики в заключительной фазе НЭП: «Вот мы год пережили, государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в тот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало?.. Машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальные, не то беззаконные, не то бог знает откуда взятые, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты, или те и другие. Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машины сидит»[1].

Как следствие к концу 1920-х годов назрела необходимость дальнейшей модернизации системы управления промышленностью. Этому же способствовал и процесс начавшейся индустриализации. Новые условия форсированного роста отраслей промышленности требовали более совершенных форм управления ею.

* * *

Исследование государственной промышленной политики, а также ее воздействие на создание и эволюцию системы управления Советской России – СССР и Татарской АССР в первой половине 1920-х годов, позволило автору сформулировать ряд важных выводов.

---

[1] Копия письма Н.И. Муралова и Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) с проектом платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). 3 сентября 1927 г. // РГАСПИ Ф.82, Оп.2, Д.187 Л.1-117; Исторические материалы [Электронный ресурс]. – URL: https://istmat.org/node/60536 (дата обращения: 13.12.2022).

Прежде всего, они касаются причин проведения масштабных, в ряде случаев противоречивых действий. В условиях сложных внутренних проблем (общий экономический упадок, вызванный I Мировой войной и революциями, гражданская война), дополненных нерешенными производственными проблемами (саботаж, отсутствие квалифицированных кадров, сырья, отсутствие дисциплины) и иностранной военной интервенции, большевики для сохранения власти пошли по пути ее удержания, что нашло отражение в формировании новой государственной платформы управлением экономикой страны.

Промышленная политика в этих условиях сводилась к стабилизации ситуации вокруг индустриального сектора экономики и созданию предпосылок для его роста. Основные задачи советской власти были сопряжены с организацией эффективной системы управления, которая должна была обеспечить бесперебойную работу предприятий, преимущественно производящих продовольствие и товары для армии и первичных нужд населения, и предоставить в их пользование все необходимые ресурсы.

Важным инструментом промышленной политики становилась централизация управления, именно она должна была позволить сконцентрировать и скоординировать руководство всеми предприятиями, и, в свою очередь, обеспечить потребности страны в необходимом сырье и продукции. Добиться полной ее реализации в рассматриваемый период не удалось. Реформирование системы управления носило в большей степени экспериментальный характер и в некоторых случаях подменялось децентрализованным управлением. Централизация не могла быть реализована в условиях клубка проблем, связанных с существующим плюрализмом мнений, внешних и внутренних угроз, а также сильнейшим экономическим кризисом. Все это подводило к идее предоставления определенной хозяйственной самостоятельности органов управления промышленностью, находящихся на местах.

На примере Татарской АССР можно проследить сложный и противоречивый процесс воздействия промышленной политики советской власти по созданию системы управления промышленностью. Процессы, происходящие в крае, во многом были отражением общегосударственных процессов. В тоже время, исследование выявило и серьезные отличия, преимущественно связанные с воздействием на принимаемые решения экономических, организационных, ресурсных и других ограничений.

Исследование показало постепенное усиление роли значения татарского совета народного хозяйства. Проводимые оптимизации организационной структуры и числе подведомственных предприятий, сделали из него достаточно эффективный институт управления. Важно, что совнархоз был четко вписан в иерархию государственного управления, но при этом получил широкие полномочия на республиканском уровне, что свидетелствовало о попытках советской власти сочетать инструменты централизованного и децентрализованного управления.

Аналогичные противоречия происходили и на уровне трестированной промышленности. Несмотря на то, что тресты подчинялись Татарскому совету народного хозяйства, последний не мог полностью контролировать их работу. Хозяйственные и некоторые иные вопросы оставались на усмотрение самих предприятий или трестов, что свидетельствовало о достаточно высоком уровне их самостоятельности.

Несмотря на все трансформации общие экономические показатели республиканской индустрии по-прежнему были низкими. Организационные мероприятия, в условиях нестабильности, не могли дать полноценного эффекта. Одновременно с этим, стали усложняться и государственные задачи. Именно они должны были задать условия будущей траектории развития страны и отдельных ее регионов.

4. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ КОНЦА 1920-х – НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ

4.1. Реализация промышленной политики

По мере окончания Гражданской войны, стабилизации экономического положения, а также проведения новой экономической политики, перед страной встали новые стратегические задачи, выполнение которых являлось острой необходимостью. Последняя треть 1920–1930-х годов были ознаменованы широкомасштабными экономическими изменениями, осуществлявшимися преимущественно в промышленной сфере – страна сильно отставала по технологическому укладу от ведущих государств мира и по-прежнему зависела от иностранных станков и оборудования.

Значительные изменения в данной отрасли не могли не отразиться и на организации системы управления. Прежняя структура не отвечала новым требованиям массового производства и препятствовала ускорению технологических и производственных процессов. Конечная цель организационных изменений состояла в создании структуры, которая позволяла бы осуществлять эффективное плановое, отраслевое управление промышленностью страны.

Стали возникать и новые обстоятельства, толкавшие Советский Союз по пути ускоренной централизации. Так, если в течение первого послеоктябрьского десятилетия основная идея централизации заключалась в сохранении власти и консолидации всех ресурсов, то в период индустриализации централизация имела цель ускорения модернизационных процессов и создания военного щита от возможной угрозы, исходившей от ведущих стран западного мира. Страна оставалась неподготовленной к

внешней агрессии, и времени на это практически не оставалось.[1] В таких условиях найти необходимое финансирование, расширить объемы выпускаемой продукции, обучить квалифицированных специалистов можно было только путем четкого подчинения всех экономических субъектов единому контролю и управлению. Да и в целом централизация, по мнению А.С. Сенявского, являлась закономерной чередой «… трансформации аграрного в индустриальное общество, (авт. – которая) всегда порождает фундаментальную нестабильность общества, противовесом чему становятся жесткие формы его организации»[2].

К факторам, послужившим сигналом к ускорению процессов централизации управления, по нашему мнению, также относились: резкое увеличение масштабов производства и количества предприятий, и, как следствие, необходимость удержания над ними контроля; ускоренные темпы промышленного роста, требовавшие мобилизации всех ресурсов; необходимость реконструкции предприятий вне зависимости от их подчиненности; необходимость разработки общей для всего народного хозяйства структурной политики, обоснование и осуществление единой технической политики в важнейших отраслях. К тому же и в самих политических кругах возобладала далеко не новая идея необходимости замены рыночных механизмов командными. В частности, Е.А. Преображенский, подчеркивая выгодность государственной формы управления экономикой, указывал, что «…государство сознательно идет на цены ниже себестоимости и дает заводам дотации из своего бюджета. Все это решается не стихийными методами конкуренции, а путем согласования финансовых планов отдельных отраслей с бюджетом государства»[3].

[1] Важно, что экономика вероятного противника СССР – Германии имела в этот период очень много общего с советской. Несмотря на то, что основной в этой стране стала форма государственного монополистического капитализма, а не социализма, как это было в СССР, здесь также стала выстраиваться система иерархических связей, при которой замыкающим элементом становился Генеральный совет хозяйства. Одновременно с этим расширялся государственный сектор экономики, который разрастался за счет имущества евреев и других репрессированных слоев немецкого общества; стало осуществляться планирование экономики.

[2] Сенявский А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 180.

[3] Преображенский Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. Т. 1. 4.1. М., 1926. С. 182; Грик Н.А. Политика и экономика советского государства в 1921–1933 гг. Критический анализ: дис. …д-ра ист.наук. М.,

В результате ведущим направлением второй половины 1920-х годов стало постепенное смещение оперативно-хозяйственных функций на низовой уровень – промышленное объединение, предприятие, с одновременным сужением управленческой компетенции промежуточных организационных единиц – трестов и возрастанием роли центрального аппарата управления, формируемого по отраслевому принципу. Организационные изменения еще не предполагали кардинальных преобразований механизма функционирования центральных и местных органов государственного управления промышленностью. Долгое время в руководстве продолжались споры по вопросам реорганизации системы управления промышленностью на основе сочетания отраслевых и территориальных методов руководства. К тому же, не было стандартных шаблонов или теорий, по которым можно было проводить преобразования. Реформы являлись ответом на ту реальную экономическую ситуацию, которая сложилась в стране. Д.Дукер по этому поводу писал: «Если мы хотим понять истоки советского планирования, мы должны изучать не книги, а анализировать реальные условия, сложившиеся к 1930-му году»[1].

Важным для исследования становится вопрос о сроках начала политики ускорения централизации экономики. Впервые он был поставлен на XV партийной конференции, которая проходила в октябре – ноябре 1926 г., на которой было решено не ограничиваться устранением мелких недостатков, а «пересмотреть всю систему построения управленческого аппарата хозяйства»[2]. Далее на IV пленуме ВСНХ СССР в 1928 г. было отмечено, что состояние системы управления промышленностью не соответствует уровню и характеру намечаемых хозяйственных задач. Это означало начало нового витка организационных преобразований, как в центральных и отраслевых органах управления, так и в органах управления отдельных республик, областей и районов. И именно эти события по сути закрыли полемику о дальнейшей

2003. С. 63-64.

[1] Бойко И.В. Стратегия экономического прорыва. Как это было 90 лет назад // Инновации. 2019. № 8 (250). С.10; Цит. по: Dyker D.A. Restructuring the Soviet Economy. New York, 2002.

[2] Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. С. 129; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. С. 368.

судьбе системы управления, закрепив создание модели централизованного управления, основанной на жестком приоритете интересов центральных органов управления над местными и четкой иерархии подчиненности нижестоящих органов управления вышестоящим. Значение региональных органов управления, а значит и местных элит, резко занижалось. Все основные политические и экономические вопросы, относящиеся к тем или иным территориям, решались в Москве, одновременно на все руководящие должности ставились кандидаты, согласованные с Центром. Даже в вопросах специализации мнение регионов зачастую не учитывалось. В практике очень часто случались примеры, когда отраслевая специализация отдельных регионов нарушалась путем создания новых производств, исторически не относившихся к данной территории.

Особенностью перестраиваемой модели управления стала набирающаяся силу в конце 1920-х и продолжающаяся в 1930–1950-е годы сверхцентрализация экономики и, прежде всего, ее промышленной сферы. Индустрия, особенно промышленность группы «А», стала локомотивом поступательного развития государства. В рассматриваемый период более 90% всех промышленных капиталовложений направлялись на развитие этой группы отраслей[1]. Строились гигантские по размерам предприятия, которые были зачастую малоэффективными, инертными на инновации, но которыми было достаточно просто управлять и контролировать.

Сверхцентрализация предполагала создание жесткой, консервативной, иерархической модели в короткие сроки. Осуществление этих замыслов могло происходить только при условии коренной ломки прежних организационных институтов. Это во многом объясняет те меры, которыми осуществлялись преобразования второй половины 1920-х – 1930-е годы.

Важным этапом стало принятие ЦК партии 5 декабря 1929 г. Постановления «О реорганизации управления промышленностью», в котором

[1] Кудров В.М. Советская модель экономики: тяжелое наследство // Общественные науки и современность. 1999 № 3. С. 3 // Образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/155/466/1216/009kUDROW.pdf (режим доступа: 11.02.2021)

предлагались новые формы хозяйственных структур – промышленные объединения, а также ликвидировались старые формы – главные управления, комитеты ВСНХ СССР, всесоюзные синдикаты.

В области непосредственного управления промышленностью в подчинение ВСНХ СССР стали переходить не только предприятия союзного и республиканского, но и местного значения. По этому поводу правительство РСФСР в июле 1930 г. писало: «Проект ВСНХ СССР предусматривает отраслевые объединения только союзного и республиканского масштаба. Между тем с окончанием районирования встает вопрос об организации промышленности в краевом разрезе. Та реорганизация управления государственной промышленностью, которая исходит из объединения планирующих и оперативных функций, должна быть распространена и на промышленность местного, краевого значения. Поэтому в законе должно быть предусмотрено, что могут быть организуемы объединения краевого (областного) значения»[1]. Промышленным объединениям и ВСНХ союзных республик вменялось в обязанность согласовывать и совместно прорабатывать проект контрольных цифр в отраслевом разрезе, а применительно к районному разрезу – с местными органами управления. Но при этом подчеркивалось, что «республиканский (по отраслям) и отраслевой (по всей промышленности) разрез должен быть выдержан по всем показателям»[2].

Данные мероприятия определили за региональными органами управления подчиненное место в иерархии отраслевого управления. Далее, в начале 1930 г., в аппарате ВСНХ РСФСР был выделен районный сектор, в обязанности которого должно было входить рассмотрение вопросов промышленности и индустриального развития отдельных районов (краев, областей, национальных автономных республик и национальных областей). С 1 апреля 1930 г. на районный сектор была возложена ответственность за работу среди

---

[1] ГА РФ. Ф. 5446. Оп.12. Д. 14. Л. 50.

[2] Братусь С. Некоторые вопросы реформы управления промышленностью в вязи с районно-комплексной организацией хозяйства // Советское государство и революция права. 1930. № 7. С. 196; Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. С. 164-165.

национальных республик, национальных областей и национальных меньшинств по линии ВСНХ. В то же время на начальника сектора как на члена президиума была возложена ответственность отчитываться перед ВЦИК за работу по линии ВСНХ.

В структуре сектора была выделена отдельная национальная группа по вопросам промышленной политики. Основной его задачей была проработка с национальной группой вопросов о ходе выполнения пятилетнего плана в национальных республиках и областях. Параллельно проводилась предварительная разработка методов работы по линии промышленности среди национальных меньшинств, то есть в районах, не имеющих своего административного оформления (в краях, областях, имеющих компактное национальное население из национальных меньшинств). К примеру, в Чувашской АССР существовал Шихирдакский район, где компактно проживало татарское население[1]. Эти и другие вопросы районный сектор прорабатывал вместе с секторами, объединениями ВСНХ и представителями национальных республик; его работники вызывались также на все заседания и совещания (в Госплане, ВЦИК и СНК).

Думается, что возникновение интереса к национальному вопросу становилось одним из инструментов государственной промышленной политики. Руководство страны при решении экономических (производственных) вопросов стало постепенно отходить от ленинской политики «голого» административного управления, без учета интересов местного населения и национальных элит. Но, можно ли было в этих условиях говорить о возрастании роли децентрализованного, территориального управления? Однозначно, нет. Фактически это означало, что территориальный компонент стал встраиваться в систему отраслевого централизованного управления.

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 185. Л. 131.

4.2. Реформирование местных органов управления промышленностью в условиях отраслевой централизации второй половины 1920 – начала 1940-х гг.

Практика показала, что процесс встраивания территориального управления в иерархию централизованного управления был сложным и подчас крайне противоречивым. По мере развития отраслевых начал в управлении стали проявляться сложные проблемы, связанные с сочетанием отраслевого и территориального разреза в управлении. Предприятия, получившие возможность оперативного управления и планирования в своей деятельности, вошли в противоречие с множественностью инстанций, регулирующих их деятельность. Соединение двух факторов – превращение промышленных предприятий в основное звено в организации и управлении промышленностью, с одной стороны, и одновременное наличие в системе государственного управления промышленностью трех дублирующих отраслевых управленческих уровней – главных управлений, промышленных объединений и союзных трестов, с другой стороны, вошло в противоречие со структуроформирующим методом построения аппарата управления – функциональным принципом. Функционализация структуры системы управления уже не обеспечивала единства управления отдельным предприятием, группой однородных предприятий, подотраслью и отраслью в целом[1]. Все проблемы, как производственного, так и снабженческого характера, требовали новой перестройки системы управления промышленностью в сторону или дальнейшей отраслевой дифференциации структуры управления, или усиления территориальных принципов построения. В условиях широкомасштабных изменений второй половины 1920-х – начала 1930-х годов государство пошло по первому направлению.

Документы показывают, что значение и влияние совнархозов на подведомственные им предприятия еще более уменьшилось. На основе Приказа

[1] Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. С. 168-169.

№ 8 от 15 апреля 1930 г., в связи с Приказом № 62 по ТСНХ от 9 марта 1930 г., было упразднено Управление государственной промышленности (Угпром)[1]. Вся работа аппарата Татарского совнархоза была распределена по следующим отделам: управление делами, планово-экономический отдел, производственно-технический отдел, главная бухгалтерия, отдел экономики труда, профессиональное образование, проектно-строительный отдел, кустарный отдел, топливный и энергетики, рационализации, мобилизационное бюро. В каждом отделе работа распределялась между ответственными исполнителями. Каждый ответственный исполнитель должен был работать под непосредственным руководством одного из заместителей.

С 1 октября 1930 г. в целях приведения аппарата Татарского СНХ, его структуры и системы работы, в соответствие со стоящими перед промышленностью задачами последовали дальнейшие преобразования: при Президиуме ТСНХ была создана инспекция с контрольно-инспекторскими функциями в составе 2-х работников; произошло объединение в плановом секторе следующих отделов – статистический отдел, калькуляционное дело, группа по кустарной промышленности, финансовый отдел. Работа планового сектора была организована по принципу ответственных исполнителей с созданием необходимых групп. Один из сотрудников сектора должен был осуществлять учет работы союзной и республиканской промышленности, находившейся на территории Татарской АССР; в производственном секторе была установлена должность старшего инженера (руководителя сектора). Работа производственного сектора была организована по принципу ответственных исполнителей; Энергобюро выделялось в особую группу, непосредственно подчиненную заместителю председателя ТСНХ; выделилась особая рационализаторская группа на правах сектора, с непосредственным подчинением председателю совнархоза; учетно-бухгалтерская часть ТСНХ была реорганизована, плановые, балансовые и другие функции переданы плановому отделу; функции по руководству, организации и рационализации

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 1085. Л. 8.

учета и отчетность переданы сектору рационализации; в качестве самостоятельных секторов были оставлены – сектор промышленных кадров, сектор по экономике труда, сектор по промышленному строительству[1]. Одновременно с этим, на основе Постановления бюро Татарского обкома ВКП(б) о реорганизации управления трестированной промышленностью республики с 1 октября 1930 г. были ликвидированы Текстилькомбинат и Татпищетрест, с дальнейшим выделением из их состава фабрики им. Ленина и передаче органам Наркомторга фабрики «Светоч», паточного и дрожжевого завода «Красный Восток».

Последним усилием советской власти по сохранению существующей организационной системы стала попытка введения хозяйственного расчета на предприятиях трестированной промышленности. Однако, как указывают материалы дела «Сводка о работе промышленности Татреспублики за 1931 год»[2], многие предприятия не смогли применить данные инструменты в своей хозяйственной деятельности. Недостаточная договорная дисциплина, перебои в снабжении материалами и некоторые другие причины затрудняли оперативное планирование и выдачу нарядов заказов цехам и анализ выполнения этих нарядов. Несмотря на то, что кроме завода Силикатного кирпича, фабрики Пишущих машин и завода «Красный Путь», все предприятия должны были быть переведены на хозрасчет, по факту же только производственные цеха предприятий, да и то примерно на 10-20%, зависели от данного вида хозяйственных отношений.

Оптимизация структуры совнархоза, упорядочение его функционала, должно было систематизировать работу татарского совнархоза, что и стало происходить. Но при этом новые условия требовали уже иных форм управления. Значение совнархоза медленно, но уверенно сходило на нет. В ходе постепенного сосредоточения функций общего регулирования, планирования и управления в ведении центральных органов совнархозы превращались в

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 890. ЛЛ. 41, 42 об.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 221. Л. 15.

лишнее промежуточное звено управления и были преобразованы в соответствующие наркоматы или управления, в ведении которых оставалось управление местной промышленностью. Территориальная организация промышленного управления была фактически ликвидирована. Создание в 1934 г. системы органов управления местной промышленностью закрепило эту тенденцию уже юридически.

Кустарная и кантональная промышленность. Несмотря на снижение роли совнархозов во второй половине 1920 – 1930 годов значение деятельности предприятий кустарной и кантональной промышленности по-прежнему оставалось для республики важным. Только объем товарной продукции, выпущенной кустарями составлял 14,3% от всех товаров (за вычетом продукции предприятий союзного значения), что на 3,3% было выше чем за год до начала индустриализации[1].

Выстраивание вертикали управления, процессы индустриализации и коллективизации – все это отчасти подчинило данные виды промышленности отраслевым органам, отчасти их ликвидировало. Так, 1 октября 1929 г. при Татарском совнархозе был создан Отдел кустарной промышленности в составе заведующего и 2 инструкторов[2], однако практически сразу упразднен: работа по кустарной промышленности была передана одному экономисту планово-экономического отдела с возложением на него работы еще и по кантональной промышленности.

По прошествии одного года, в начале декабря 1930 г. при Экономическом совете РСФСР был утвержден Комитет промысловой и кустарной промышленности. На него возлагались функции: содействия кооперативной и кустарной промышленности; организации и строительству системы промысловой кооперации и коллективизации промыслов; согласования работы всех ведомств РСФСР и организаций республиканского значения в области работы промышленной кооперации и кустарной промышленности;

[1] Стенаграфический отчет XV областной партийной конференции (5–15 июня 1930 г.). Казань: Татполиграф, 1930. С. 104-114.

[2] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп.1. Д.1144. ЛЛ. 243-244.

предварительное рассмотрение перспективных планов и контрольных цифр кустарной промышленности и промысловой кооперации, а также финансирования и кредитования промысловой кооперации; разработка вопросов о правовом положении кустарной промышленности и промысловой кооперации; руководство деятельностью местных комитетов промысловой кооперации и кустарной промышленности и т.д.[1]

Через некоторое время, после создания Комитета промысловой и кустарной промышленности РСФСР, аналогичный орган появился и в Татарской АССР. В пределах республики он должен был осуществлять общее руководство и содействие укреплению и развитию промысловой кооперации и кустарной промышленности; согласовывать их работу с единым планом народного хозяйства; разрешать споры между ведомствами по вопросам, связанным с кустарной промышленностью и т.д. Фактически создание отраслевого Комитета, подчиненного Комитету промысловой и кустарной промышленности РСФСР подвело черту под оформлением иерархической системы подчинения местной кустарной промышленности республики центральным органам управления.

Народные комиссариаты[2] *и управления.* Нивелирование органов территориального управления шло при одновременном мощном усилении роли отраслевого управления. Изживание прежних организационных механизмов становилось следствием не только общегосударственного курса, но и теми процессами которые происходили внутри и во вне экономики Советского Союза.

К этому добавлялось и то, что руководство страны ко второй половине 1920-х годов получило рычаги контроля и координации всей ресурсной базы страны и всеми производственными мощностями, что, в свою очередь, давало

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп.1. Д.1986. Л. 101.

[2] Народный комиссариат (наркомат) – в Советском государстве (в РСФСР, в других союзных и автономных республиках, в СССР) в 1917-1946 годах – центральный орган исполнительной власти, ведающий управлением в отдельной сфере деятельности государства или в отдельной отрасли народного хозяйства; аналог министерства (Народный комиссариат // Википедия : официальный сайт – 2021. – 9 сентября. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D1%82 (дата обращения: 06.04.2022)

возможность размахнуться на более грандиозные экономические задачи. Но при существующей системе управления сделать это было достаточно проблематично. Контроль за отдельными органами управления или предприятиями очень часто был еще поверхностным, что сказывалось на показателях продуктивности. Требовалась иная структура управления, рассчитанная на новые условия развития экономики страны.

В промышленности постепенно складывалась система народных комиссариатов, состоявших из общесоюзных, союзно-республиканских и республиканских наркоматов и осуществлявших функции управления и координации за деятельностью промышленной индустрии и руководство работой по составлению и реализации утвержденных планов, организации материально-технического снабжения производства и сбыта продукции подведомственных предприятий. Для этих целей в декабре 1931 г. ЦК ВКП(б) было принято Постановление «О практической работе хозяйственных органов», по которому предполагалось выделить из ВСНХ отдельные наркоматы легкой, лесной и деревообрабатывающей промышленности. В продолжение этого постановления 5 января 1932 г. ВСНХ был преобразован в общесоюзный Народный комиссариат тяжелой промышленности с одновременной организацией народных комиссариатов легкой и лесной промышленности[1]. Это решение было первым, еще пробным шагом по формированию новых механизмов управления, однако уже очень скоро число наркоматов стало быстрыми темпами возрастать.

Положениями и распоряжениями 1932 г. была юридически оформлена отраслевая система организации хозяйственного руководства. Основой построения организационных взаимоотношений внутри системы стала линейная подчиненность единому органу управления подведомственных предприятий. Уже к середине 1930-х годов сложилась трехзвенная (наркомат – главк – предприятие) или четырехзвенная система управления (наркомат –

[1] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 331–333; Постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности / СЗ СССР. 1932. № 1. ст. 4; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 370.

главк – трест (объединение) – предприятие). На примере органов государственного управления страны стали создаваться и республиканские органы управления промышленностью. Уполномоченные наркомата тяжелой промышленности (НКТП) СССР стали осуществлять реорганизацию системы управления тяжелой промышленности РСФСР. За счет проведения данных реформ удалось укрепить техническое руководство заводов и цехов переброской 126 инженерно-технических работников на заводы и 83 инженерно-технических работников непосредственно в цеха. Произошло общее сокращение штатов трестов на 346 единиц (30,0%), что вместе с проведенными ранее сокращениями дало снижение штатов на 766 единиц, или на 48,9%[1].

Могли ли общесоюзные преобразования в области управления промышленностью производиться без аналогичных реформ на местах? Наверное, нет. Сверхцентрализация требовала создания замкнутой, комплексной системы управления, отраслевой характер управления которой должен был охватывать все объекты управления, что и обусловило практически полное дублирование центральных органов управления региональными. Правда, как показала практика, слепое копирование приводило к серьезным ошибкам организационного характера, несогласованностью деятельности отдельных органов, потерей комплексности, и в итоге дальнейшим поиском оптимальных форм управления.

По образцу РСФСР дальше стала реорганизовываться и местная тяжелая промышленность. Правда, в Татарской АССР Наркомат тяжелой промышленности не был создан (по нашему мнению, это объясняется главным образом недостаточной материальной базой – до начала индустриализации тяжелая промышленность практически не получила своего развития в регионе). Вместо него в апреле 1932 г. на территории республики было образовано Управление уполномоченного народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при СНК ТАССР (УУНКТП). Целью его создания являлось усиление отраслевого руководства, централизация управления в

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 278. Л. 195.

ведущих отраслях промышленности. К основным функциям относилось руководство местной тяжелой промышленностью и подведомственными предприятиями. Несмотря на то, что УУНКТП СССР при СНК ТАССР занималось лишь одной отраслью промышленности, количество отделов и секторов у него было гораздо большим нежели у Татарского совета народного хозяйства, и состояло из: общего, отчетно-экономического, планово-экономического отделов, бухгалтерии, сектора кадров, труда, статистики, стройматериалов, металлосектора, снабжения. Правда в таком виде управление просуществовало недолго. Ошибки организационного характера, расширенный контингент сотрудников, отсутствие квалифицированных кадров и новые изменения в системе управления привели к тому, что 28 декабря 1934 г. Управление уполномоченного народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при СНК ТАССР было ликвидировано.

Параллельно с тяжелой реформировалась и легкая промышленность. На основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 марта 1932 г. и Постановления СНК ТАССР от 6 апреля 1932 г. был образован Народный комиссариат легкой промышленности (НКЛП) ТАССР. В его непосредственные задачи входили: осуществление руководства и контроля над деятельностью предприятий текстильной, трикотажной, кожевенно-обувной, шорно-седельной, галантерейной и валяльно-обувной отраслей легкой промышленности республики; разработка перспективных и текущих планов; осуществление организации новых производств; снабжение предприятий сырьем, оборудованием, материалами и т.д. В структурном плане, начиная с периода своего оформления, в наркомате выявились серьезные организационные проблемы, мешающие эффективному управлению отраслью. Так, здесь выделялся ряд звеньев – предприятие, трест, объединение, отраслевой сектор наркоматов, – который приводил к излишней децентрализации и загруженности управления. Вследствие этого было решено отказаться от объединений и отраслевых секторов Наркомата легкой промышленности (НКЛП). Вместо них создавались отраслевые управления в

составе наркомата, составив, таким образом, 3 звена – предприятие, трест, наркомат. Данная структура управления переносилась без изменений в края, области, национальные республики. Структура НКЛП приняла следующий вид: отраслевое управление кожевенно-обувной промышленности; отраслевое управление швейной промышленности; отраслевое управление стекольной, фарфоровой и фаянсовой промышленности; отраслевое управление валяльно-войлочной и шерстяной промышленности и т.д.[1] Исключение для наркоматов автономных республик заключалось в том, что если в республике отсутствовала какая-нибудь отрасль, представленная в НКЛП РСФСР, то не было и соответствующего отдела. Планирование, финансирование, капитальное строительство, рационализация труда, кадры и т.д. – все перечисленное вошло в круг обязанностей наркомата. С этой целью внутри каждого управления выделялись отделы, группы, исполнители по функциональным вопросам.

Особенностью нового витка реформирования на местах становилась постоянная работа по совершенствованию созданных органов управления, очищении от неэффективных структур, оптимизации аппарата. Практика работы промышленных наркоматов Татарской АССР показала необходимость и целесообразность укрупнения отдельных наркоматов и управлений промышленности республики. Этому способствовало и то, что при максимально сжатом контингенте республиканского аппарата штаты промышленных наркоматов по количеству единиц были слишком ограничены (в каждом наркомате было от 16 до 31 единицы сотрудников). В результате этого ни один из промышленных наркоматов не был насыщен минимально необходимым количеством инженерно-технических работников, что отрицательно отражалось на оперативном руководстве подведомственных наркоматам предприятий. Необходимость реорганизации вызывалась и низкими показателями работы, и тем, что отдельные промышленные народные комиссариаты имели в своем подчинении незначительное количество предприятий. Все это стало факторами ликвидации НКЛП ТАССР. На

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 302. ЛЛ. 65, 65 об, 68.

основании Постановления Президиума ВЦИК от 20 августа 1934 г. и Постановления Татарского ЦИКа №107 от 24 августа 1934 г. народный комиссариат был ликвидирован с передачей всех подведомственных ему предприятий Народному комиссариату местной промышленности ТАССР.

Одновременно с созданием управления тяжелой промышленности и народного комиссариата легкой промышленности стала выстраиваться система местной промышленности. Данные предприятия должны были обеспечивать необходимым продовольствием население республики. За период после событий гражданской войны и нэпа многие неэффективные предприятия перестали существовать, некоторые сумели восстановится и перестроится, появились новые. В целом это говорило о стабилизации вопроса обеспечения населения республики необходимыми товарами повседневного спроса. К тому же, как покажет дальнейшее исследование, что часть наиболее крупных предприятий местной промышленности в последующий период были отнесены в разряд предприятий республиканской или даже союзной компетенции.

На территории Татарской республики процессу создания местной промышленности способствовало введение ст. 9 Конституции РСФСР, ст. 44 Конституции ТАССР, Положения СНК ТАССР за № 1979 от 5 сентября 1938 г. «Об утверждении положения, структуры и штата НКМП ТАССР». При создании наркомата не обошлось без штурмовщины. Так, в распоряжении от 7 сентября 1934 г. Наркомат местной промышленности (НКМП) РСФСР указывал на то, что реорганизация местной промышленности в отдельных краях и областях была начата без официального разрешения[1]. В Татарской АССР наркомат местной промышленности начал работать с 1934 г. Численность его аппарата составляла всего 3 сотрудника (начальник, экономист, бухгалтер)[2], что, конечно, говорило о недостаточно продуманной организации наркомата. Только к 1938 г. штат был окончательно укомплектован. Здесь были выделены следующие отделы и сектора:

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 2111. Л. 317.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 2603. Л. 116.

производственно-распорядительный отдел, технический сектор, управление районной промышленностью, планово-учетный сектор, сектор снабжения и сбыта, сектор капитального строительства, финансовый сектор, центральная бухгалтерия, сектор подготовки и подбора кадров, сектор зарплаты и рабочих кадров, административно-хозяйственная часть. В подчинение народного комиссариата было передано 5 областных (завод «Пишмаш», Татвесоремзавод, Татполиграф, Гармонная и Галантерейная фабрики) и 34 хозрасчетных предприятия районного подчинения[1]. К функциям НКМП ТАССР относились: разработка месячных, квартальных, годовых и перспективных планов развития местной промышленности республиканского и районного подчинения и предоставление этих планов на рассмотрение в территориальное управление и СНК ТАССР; на основе полученных от НКМП РСФСР лимитов составление и предоставление на утверждение правительства ТАССР производственных и финансовых планов и планов капитальных работ по предприятиям республиканского подчинения и планов по районной промышленности; осуществление технического руководства предприятиями местной промышленности республиканского подчинения, оказание технической помощи районным отделам местной промышленности и подчиненным ей предприятиям; руководство развитием стахановского движения, принятие мер по улучшению организации труда на предприятиях, организация подготовки и переподготовки кадров для предприятий местной промышленности республиканского районного и городского подчинения[2].

Создание единой иерархии управления не могло отразиться на местной промышленности, которая преимущественно удовлетворяла потребности населения республики, а значит имела большие возможности контролировать и направлять подведомственный ей предприятия. Данная автономия не могла быть принята складывающейся сверхцентрализованной моделью управления, что подводило руководство к значительному уменьшению роли аппарата

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 11. Л. 15.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 557. ЛЛ. 92-93.

местной промышленности. После того как отдельные предприятия НКМП РСФСР были переданы в систему НКПСМ РСФСР и других наркоматов, преимущественно краевого (областного) подчинения, объем местной промышленности, непосредственно управляемой край(обл)местпромом, повсеместно значительно сократился, и работа край(обл)местпрома стала сосредоточиваться на руководстве районной промышленностью.

Можно ли утверждать, что складывающаяся модель была эффективней прежних институтов управления. На данном этапе, думается, что нет. Выстраивание вертикали управления очень часто сопровождалось грубыми ошибками, созданием, а затем ликвидацией новых структур. Одновременно с этим, на все наркоматы Татарской АССР стал распространяться принцип двойного подчинения (не только правительству республики, но и соответствующим наркоматам РСФСР). Складывающаяся отраслевая система не способствовала эффективному решению производственных и технических задач, стоящих перед советской индустрией, так как провоцировала некоторую дублированность работы, бюрократизацию и путаницу.

Следующим этапом процесса сверхцентрализации системы управления промышленностью становится вторая половина 1930-х годов. Новая волна системной трансформации была вызвана расширением промышленной базы за счет массового строительства предприятий, ликвидации ошибок, допущенных при создании первых наркоматов, угрозой войны и необходимостью концентрации производственных процессов. Важные мероприятия данного периода были связаны с разграничением сферы компетенции местных органов управления. В этой связи отменялось Постановление СНК ТАССР от 17 августа 1936 г. за № 973 «О районной промышленности ТАССР», и вводилось Постановление СНК ТАССР от 15 марта 1938 г. за № 443 «О районной промышленности»[1]. На его основе Сектор Районной промышленности НКМП ТАССР преобразовывался в Управление районной промышленности НКМП ТАССР. Для непосредственного руководства районной промышленностью с 1

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 3400. Л. 148.

апреля 1938 г. в районах создавались промотделы и институты проминспекторов. К ведению промотделов стали относиться все промышленные предприятия районного (городского) значения, расположенные на территории района (города). В задачи промотделов входили: руководство промышленными предприятиями, подчиненными РИКам; осуществление наблюдения, содействия и контроля в отношении предприятий промысловой и инвалидной кооперации района (города); руководство работой по выявлению природных ресурсов в пригородной зоне города и района; организация на базе местного сырья и отходов новых предприятий и др.

Вместе с тем основные реформы указанного периода на местном и республиканском уровнях по-прежнему сводились, прежде всего, к реорганизациям наркоматовской структуры. В 1939 г. по «Положению о краевом (областном) отделе местной промышленности» в структуру наркоматов местной промышленности были внесены следующие изменения: ликвидированы управления районной промышленностью, их функции переданы соответствующим отделам наркоматов; существующие в наркоматах производственно-распорядительные сектора превращены в управления того же наименования[1].

Диссертантом обращено внимание, что вторая половина 1930-х годов становится временем организационной чехарды, вызванной поиском оптимальных форм управления промышленностью, выпускающих продукцию преимущественно местного назначения. В 1937 г. происходит разукрупнение НКМП ТАССР. Постановлениями СНК ТАССР от 5 и 26 февраля 1937 года из народного комиссариата было выделено Управление легкой промышленности, которое постановлением ЦИК ТАССР от 20 июля 1937 г. было преобразовано в Народный комиссариат легкой промышленности. Помимо этого, из Наркомата местной промышленности РСФСР (и ТАССР) часть предприятий, не совсем подходящих по специфике работы к данной структуре, были переданы в ведение других наркоматов. В Татарской АССР это нововведение было

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3068. Л. 62.

встречено положительно (решение СНК от 31 августа 1939 г.)[1], так как часть предприятий к этому времени и так уже была передана из наркомата местной промышленности ТАССР в Управление промышленностью строительных материалов. Изменилась и структура аппарата управления НКМП ТАССР. Этому способствовало принятие Положения «О структуре краевых (областных) отделов местной промышленности РСФСР»[2], в п. 7 которого для руководства промышленностью краевого (областного) и районного подчинения в составе краевых (областных) отделов местной промышленности, были образованы производственно-распорядительное управление с соответствующими территориальными секторами, технический сектор, планово-учетный сектор, сектор капитального строительства, финансовый сектор, центральная бухгалтерия, сектор заработной платы и рабочих кадров, сектор подготовки и подбора кадров, мобилизационный сектор, административно-хозяйственная часть.

Мощное расширение производственных мощностей местной промышленности обусловило необходимость выделения управленческих структур отдельных отраслей. Предполагалось, что создание узкоотраслевых наркоматов и управлений будет способствовать более эффективной их работе. Постановлением СНК ТАССР № 216 от 5 февраля 1937 г. был образован Наркомат пищевой промышленности ТАССР. В его обязанности входило осуществление руководства и контроля над деятельностью предприятий пищевой промышленности республики, разработка перспективных и текущих планов, осуществление организации новых производств. При наркомате была также образована хозрасчетная контора «Татпищепромснабсбыт», занимавшаяся реализацией фондов, заготовкой сырья и материалов, а также реализацией сбыта продукции.

Вместе с образованием НКПП, на основе Указа Верховного Совета ТАССР от 10 сентября 1939 г., был образован Наркомат мясной и молочной

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3068. Л. 68.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д.3 068. Л. 66.

промышленности ТАССР (НКММП). Создание НКММП произошло на основе слияния двух трестов: Маслопрома и Мясопрома. Это было вынужденной мерой, так как на протяжении 1930-х годов эти тресты из года в год работали неудовлетворительно и не решали поставленных перед ними производственных задач. Убыток только Маслопрома в 1938 г. составлял 1131,8 тыс. рублей, в 1939 г. – 1328,7 тыс. рублей. Производственная программа треста в 1938 г. была выполнена лишь на 93%. После образования же НКММП показатели только бывшего Маслопрома дали сверх накоплений сумму в 4500 тыс. рублей.

НКММП получал в ведение предприятия трестовой структуры. По состоянию на 1 ноября 1939 г. в состав НКММП ТАССР перешло только от треста Маслопрома 32 завода, 12 раймаслопромов, 5 маслобаз, строительство Набережночелнинского завода, контора снабжения и транспорта; от Техжиркома – 2 завода, 7 салотопок[1]. Наркоммясмолпром ТАССР превратился в орган с очень разветвленной системой предприятий. Первые успехи нового наркомата обусловили новую череду реорганизаций, связанных с передачей ему новых организационных единиц. По итогам новой череды перестановок в ведении наркомата стало находиться 3 мясокомбината, 11 раймясомолкомбинатов, 4 кормхоза, 7 птицекомбинатов, 5 межрайзаготконтор птицепрома, 27 заводов гормолзавода, 74 маслосырзавода, 165 сепараторных пунктов и около 7000 молокосборщиков и яйцептицезаготовителей. Все эти предприятия были тесно связаны с народным хозяйством Татарской АССР, так как работали исключительно на местном сырье[2].

В тоже время ряд мероприятий оказался ошибочным, что, по мнению автора, было вызвано непродуманностью организационных мероприятий и структуры народных комиссариатов и управлений. Так, в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 20 апреля 1939 г. за № 168[3] было решено создать Управление промышленности стройматериалов при СНК ТАССР с передачей от НКМП ТАССР в его ведение кирпичных, известковых,

[1] ГА РТ. Ф. Р-5587. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. Л. 53.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3025. Л. 16.

алебастровых заводов и предприятий по разработке бута и гравия, и функций наркомата местной промышленности по руководству РИКовскими и горсоветскими предприятиями по выработке стройматериалов. В организационном плане Управление состояло из отдела учета и отчетности, центральной бухгалтерии, производственно-технического отдела, планово-экономического отдела, отдела капитального строительства, отдела кадров, группы снабжения, административно-хозяйственного отдела. Несмотря на такое значительное количество отделов, Управление стройматериалами при СНК ТАССР имело штат всего в 19 сотрудников, что не отвечало требованиям времени, и привело к его ликвидации и передаче функций НКМП ТАССР (Распоряжение СНК РСФСР от 31 августа 1940 г.[1]). Руководство Управления перешло на соответствующие должности в Народный комиссариат местной промышленности. Так, начальник планового отдела В.И. Зиновьев был переведен на должность заместителя начальника планового отдела НКМП[2].

Потребности городов и промышленных предприятий в торфе в предвоенный период ознаменовали возрастающий интерес к развитию местной топливной промышленности. В апреле 1937 г., в связи с затруднениями в снабжении предприятий местной промышленности топливом, при НКМП ТАССР была создана контора по добыче торфа (21 ноября 1937 г. приказом за № 1662 НКМП РСФСР включил данную контору в систему местной промышленности РСФСР[3]). Постановлением СНК ТАССР от 15 апреля 1939 г. за № 861, в целях дальнейшего расширения добычи в республике местных видов топлива, была образована Татарская государственная топливная контора, путем слияния в одно, двух существующих предприятий (торфяной конторы НКМП ТАССР и Управления опытной добычи угля на Голюшурминском участке). Для управления Топливной конторой НКМП ТАССР были назначены управляющий и заместитель (главный инженер)[4]. Однако в данном виде

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 293. Л. 1.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп.1. Д. 3489. Л. 61.
[3] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп.1. Д. 3400. Л. 9.
[4] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп.1. Д. 3788. Л. 34, 50, 50 об.

организация топливного дела оставалась недолгой. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 ноября 1939 г. и на основании Постановления СНК ТАССР от 25 ноября 1939 г. за № 1712 было образовано Управление местной топливной промышленности (УМТП) при СНК ТАССР[1]. Из системы НКМП и Народного комиссариата хозяйства в его ведение были переданы производственно-топливные предприятия и сбытовые организации местного подчинения: из НКМП ТАССР – 4 торфоразработки: торфоконтора (г. Казань), торфоразработка Елабужского района, торфоразработка Набережночелнинского района, торфоразработка Юдинского района; из Наркомата хозяйства ТАССР: 1 предприятие – Городской трест по заготовке и сбыту топлива (бывший Гортоп) и 1 торфоразработка (торфоразработки Банно-прачечного треста). Одновременно вошло и 5 леспромхозов: Аргамачинский, Лебезанский, Мансуровский, Нужъяльский, Сабанаковский.[2] С созданием топливного управления на базе лесов местного значения по постановлению СНК РСФСР был создан Лесзаг при СНК ТАССР. Управление местной топливной промышленности при СНК ТАССР управляло всеми предприятиями, организациями и стройками местной топливной промышленности на территории республики; обеспечивало развитие и выявление ресурсов местных видов топлива; осуществляло мероприятия по механизации производства, улучшению качества и использованию новых видов местного топлива. В организационном плане Управление состояло из общего отдела, производственно-технического отдела, планово-учетного отдела, бухгалтерии, административно-хозяйственного отдела (он же по кадрам)[3]. В соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 2 января 1941 г. за № 1 «Об утверждении Положения о наркомате местной топливной промышленности» лесозаготовительные функции были переданы горрайтопам[4].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп.1. Д. 1. Л. 1-16.
[2] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 20. Л. 40.
[3] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-12.
[4] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 95. Л. 64.

Данные, взятые из фонда Кабинета Министров Республики Татарстан, указывают на то, что наличие двух органов, занимающихся вопросами топливного обеспечения, было неприемлемым, так как создавало дублирование функций и определенные сложности за их контролем. В результате Постановлением СНК ТАССР от 10 февраля 1941 г. НКМП Татарской АССР были переданы функции топливного управления по заготовке торфа и других местных видов топлива[1]. Предприятия районного подчинения местных строительных материалов и местной топливной промышленности (торфоразработки) решением СНК ТАССР от 29 марта 1941 г. за № 129 во всех районах были переданы в райпромкомбинаты системы НКМП ТАССР[2]. В то же время на основании выписки из протокола № 13 Казгорисполкома от 8 апреля 1941 г. был организован Казанский городской топливный трест «Казгортоп». В связи с этим все леспромхозы были переданы из системы УМТП в ведение Казгортопа[3]. Непосредственно перед войной, на основании постановления СНК ТАССР от 29 марта 1941 г. за № 129, Казанская торфяная контора была передана в НКМП ТАССР, в состав которого вошли Кизическое, Борисоглебское и Макарьевское торфопредприятия[4].

Несмотря на волну реорганизаций, и, казалось бы, связанным с этим качественным ростом показателей их деятельности, на практике этого не происходило. По-прежнему оставались преграды, тормозившие работу системы управления промышленностью. К ним мы относим и просчеты, связанные с недостаточным финансированием, отсутствием, вследствие массовых репрессий, квалифицированных специалистов и т.д. Были и недочеты организационного характера. Ранее мы уже описывали недостаточную численность персонала Управления промышленности строительных материалов, которая привела к его ликвидации. Аналогичная ситуация была и в других отраслевых управлениях и наркоматах. Так, НКПП имел в своем

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. ЛЛ. 51, 57, 59.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. Л. 81; то же. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 100. Л. 4.
[3] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 95. Л. 64.
[4] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 100. Л. 4.

распоряжении штат сотрудников общей численностью 26 единиц, который руководил 12 предприятиями областного подчинения. В то же самое время НКММП, имея в штате 25 единиц, непосредственного руководства предприятиями не осуществлял, проводя руководство через отраслевые тресты (4 треста: Маслопром, Мясотрест, Птицетрест, Техжирком и 1 предприятие – Гормолзавод).

Эти и другие факты неэффективной работы отраслевых органов управления обусловили в предвоенные месяцы начало новых перестановок. Часть из них была направлена на упрощении структуры, и, даже, к некоторому возвращению к прежним формам. Данные изменения объяснялись не только необходимостью сокращения затрат на содержание управленческого аппарата, но и упрощению работы родственных организационных структур. Так, для оптимизации работы пищевой и мясомолочной промышленности Постановлением СНК ТАССР от 10 февраля 1941 г. было решено объединить наркомат мясомолочной промышленности с наркоматом пищевой промышленности. Далее, согласно распоряжению СНК ТАССР от 15 апреля 1941 года за № 0257 «О ликвидации ненужных организаций в г. Казани»,[1] была проведена важная работа по ликвидации (или изменению) структуры неэффективных предприятий столицы республики. Было реорганизовано несколько организаций. Среди таковых выделялись Казанская контора Главрыбтреста наркомата рыбной промышленности СССР и Татарский рыбопромышленный трест. Их было решено объединить, так как по своей сути эти организации осуществляли одну и ту же работу, с той лишь разницей, что Главрыбтрест хранил и сбывал фондовые рыботовары, а Рыбтрест хранил и сбывал местные рыботовары.

Были осуществлены и другие мероприятий по оптимизации аппарата управления. Но, как показала практика, они не всегда имели положительные последствия. К примеру, Приказом НКМП РСФСР от 3 июля 1940 г. за № 1056 без согласия СНК ТАССР была ликвидирована единственная в республике

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3499. Л. 116.

проектная контора – Татпромпроект, обслуживавшая проектно-сметными работами всю промышленность местного подчинения ТАССР и промкооперацию[1]. В результате оформление проектной документации теперь требовало приглашения специалистов из центра. Документы фонда Кабинета Министров Республики Татарстан показывают, что в отношении некоторых мелких промзаведений (суконных, ватных) промышленные наркоматы РСФСР постоянно требовали от СНК ТАССР согласия на их закрытие, а в отношении крупных предприятий поднимали вопрос об их изъятии из местного подчинения[2], тем самым сужая экономические возможности Татарской местной промышленности.

Исследование выявило еще одну важную особенность рассматриваемого периода, связанную со стремлением отдельных народных комиссариатов к переподчинению или даже ликвидации ряда предприятий, не входящих в их структуру, что подчеркивало конкурентную борьбу между ведомственными структурами. В этой связи интересна переписка между НКЛП РСФСР и СНК ТАССР, в одном из писем которой было указано, что «…в отношении мелких предприятий (суконная, ватная) НКЛП РСФСР все время требует от СНК ТАССР согласие на их закрытие, а в отношении крупных предприятий все время поднимает вопрос об изъятии из местного подчинения, тем самым приняли установку на суживание Татарской местной промышленности»[3].

Несмотря на эти перекосы в оптимизации отраслевой системы управления, на местном уровне была выстроена отраслевая иерархическая модель, при которой территориальные органы управления практически лишались возможности влияния на важнейшие стороны деятельности предприятий союзных, союзно-республиканских и республиканских (союзных республик) министерств и ведомств. Такие вопросы, как частичное изменение производственных планов, перераспределение заказов между предприятиями, перераспределение финансовых средств, оборудования, сырья и материалов

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. ЛЛ. 364-368.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3067. Л. 1.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3067. Л. 5.

могли быть решены лишь в строго централизованном порядке через соответствующие наркоматы. Но сложившаяся модель управления промышленностью региона была лишь одним из элементов общегосударственной модели, где в системе преимущественно административных методов руководства мерой успеха могла быть только степень выполнения задач вышестоящих органов. Для этого типа хозяйственной системы был характерен не свободный обмен товарами, а принудительное распределение, не свободное ценообразование, а установление цен на большинство товаров в централизованном порядке, не свободное перемещение ресурсов (денежных, финансовых, материальных, трудовых), а их административное перемещение.

Как показала практика, организационные преобразования механизма управления привели лишь к временному положительному эффекту, но он как раз пришелся на наиболее значимый и трагический период отечественной истории.

4.3. Органы управления промышленностью в годы Великой Отечественной войны: структура и функции

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советского народа и одновременно с этим проявила его огромный потенциал. Благодаря самоотверженному подвигу солдат и тружеников тыла, сформированной мощной и эффективной индустриальной и сельскохозяйственной базе Советский Союз смог добиться победы. И здесь не последним фактором успеха советской экономики, позволившей стране победить фашизм, можно назвать созданную в довоенный период модель управления, которая на всем протяжении войны четко выполняла поставленные задачи.

Несомненным ее достоинством стала сверхцентрализация на данном этапе, которая позволяла не только ставить перед экономикой задачи, но и их

быстро выполнять. Именно она дала возможность в короткое время осуществить мобилизацию всех экономических ресурсов, переориентировать промышленность на выпуск военной продукции, провести эвакуацию трудовых ресурсов и стратегически важных предприятий из предфронтовой зоны в тыл страны. В условиях экономики «военного коммунизма» или нэп осуществить данные мероприятия было бы невозможно. Военно-политические и организационные факторы не позволили бы большевистскому руководству претворить данные изменения в жизнь.

Единственно важной особенностью трансформации данной системы, по отношению к предвоенному периоду, стала некоторая корректировка целей ее промышленной политики. Так, если в 1930-е годы государству было необходимо создание конкурентной в военной сфере западным странам экономики, за счет преимущественного развития промышленности, то в военное время основная задача выстроенной модели управления сводилась к сохранению национальной целостности государства и отражению вражеской агрессии. Все это обусловило продолжение курса на сверхмодернизацию экономики за счет ускоренного вовлечения в экономику всех свободных ресурсов и сверхцентрализации системы управления.

В этой системе региональные органы управления были значительно ограничены в своих реальных полномочиях. Основные функции сводились к неукоснительному выполнению распоряжений вышестоящих органов, а также контролю и координации хозяйственных процессов, происходивших на подведомственных территориях. Изменению подвергся даже стиль руководства. Как отмечает в своем исследовании М.Г. Гурина, в первые месяцы войны «все совещания и заседания были сведены до минимума, проходили после рабочего дня и зачастую заканчивались за полночь. Руководители партийных органов проводили свой рабочий день на предприятиях, на местах, решая конкретные вопросы»[1].

[1] Гурина М.Г. Партийное руководство формированием трудовых ресурсов в условиях перестройки народного хозяйства на военный лад. 1941-1942 гг. (на материалах РСФСР): дис. … канд.ист.наук. М., 1984. С. 6.

На уровне министерств и управлений началась структурная перестройка, связанная с необходимостью наиболее полного удовлетворения потребностей фронта и населения республики продукцией. Изменения не носили массовый характер, а отличались избирательностью. Нам видится несколько причин этого: на начальном этапе сложно было оценить необходимость реформирования существующего аппарата управления экономики; консервативность и инертность существующей системы управления; модель управления, сложившаяся в 1930-е годы и основанная на отраслевом принципе, централизации управления, наиболее полно подходила к условиям военного времени, когда требовалось точное соблюдение всех приказов вышестоящих органов; недостаточное количество руководящих кадров и специалистов, связанное с тем, что численность сотрудников многих наркоматов и управлений сократилось более чем в 2 раза (работники были мобилизованы на фронт); недостаточное финансирование министерств и управлений. Выделяемых средств не всегда хватало даже на содержание работников, не говоря уже о привлечении новых специалистов.

Рассмотрим основные органы управления в первые месяцы войны. В начальный период войны республика была представлена следующими организационными единицами (см. прил. № 7): Народный комиссариат местной промышленности ТАССР, Народный комиссариат пищевой промышленности ТАССР, Народный комиссариат легкой промышленности ТАССР, Наркомат лесной промышленности ТАССР, Наркомат мясомолочной промышленности ТАССР, Управление местной топливной промышленности при СНК ТАССР, Управление промышленности строительных материалов при СНК ТАССР, Рыбтрест, Промкооперация и предприятия союзного и союзно-республиканского подчинения, эвакуированные в республику в 1941–1942 годах. Сравнивая существующие народные комиссариаты с довоенным периодом, можно отметить, что они практически не изменились. Но при этом подверглись серьезным изменениям иерархические связи между ними.

В системе управления промышленностью республики вводилось четкое разграничение должностных обязанностей руководителей всех уровней, и любое их нарушение могло привести к серьезным последствиям. На уровне Совета народных комиссаров вопросами деятельности НКЛП ТАССР, НКхоза, Управления местной топливной промышленности при СНК ТАССР, Управления промышленности строительных материалов при СНК ТАССР, предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения ведал Ф.М. Ковальский; деятельностью Народного комиссариата местной промышленности ТАССР, Народного комиссариата пищевой промышленности ТАССР, Рыбтреста, Промкооперации – С.М. Шарафеев[1]. Схожие порядки устанавливались и в каждом народном комиссариате, управлении и предприятии.

Подверглись серьезным изменениям должностные обязанности руководства и специалистов народных комиссариатов. В соответствии с приказом НКМП ТАССР за № 185 от 22 ноября 1941 г.[2] в сферу компетенции народного комиссара входило руководство планово-экономическим отделом с финансовым сектором и сектором кадров и заработной платы, спецсектором, центральной бухгалтерией, предприятиями стройматериалов областного подчинения, заместителя – производственно-техническим отделом, административно-хозяйственным отделом, Местпромснабсбытом, всеми областными предприятиями, кроме предприятий стройматериалов, предприятиями районной промышленности.

Первые годы войны выявили слабую результативность некоторых организационных расстановок и управленческих функций, выполняемых руководителями в созданной модели коммуникаций. Многие иерархические цепочки не работали или были малоэффективны, что было вызвано перегрузкой штатов, дублированностью полномочий, нерациональным их распределением. В результате, к середине войны, на основе приказа № 1 от 4 января 1943 г.[3],

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 421. Л. 95-96.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 334. Л. 52, 53.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 401. Л. 1.

было введено новое распределение обязанностей между народным комиссаром и его заместителем: первый отвечал за работу предприятий областного подчинения, планово-экономического отдела, центральной бухгалтерии, финансового сектора, мобилизационного отдела и Местпромснабсбыта, а его заместитель – за работу предприятий районного (городского) подчинения, производственно-технического отдела, сектора кадров и заработной платы и административно-хозяйственного отдела.

Одновременно с выстраиванием четкой иерархической подчиненности между разными уровнями управления, важные изменения коснулись взаимодействия областной и районной промышленности. Руководитель районной промышленностью попадал в подчинение областному руководителю. По нашему мнению это было оправданным шагом, так как в административно-территориальной иерархии область являлась большей по размерам, численности населения и другим административным и экономическим параметрам территория и контролировать ее работу, несомненно, должен был руководитель более высокого ранга.

Анализ процессов системы управления показывает, что основные мероприятия военного времени касались преимущественно установлению жесткой иерархии подчиненности, определения степени ответственности за несвоевременное выполнение распоряжений. Тем не менее надо отметить, что в течение начального периода войны происходили, пусть и преимущественно косметические, но реорганизации в самих институтах управления. Частичным изменениям подверглась структура отделов, секторов и подразделений народных комиссариатов и управлений. Так, НКМП ТАССР в довоенный период (1938–1940 годы) был представлен производственно-распорядительным отделом, техническим сектором, управлением районной промышленностью, планово-учетным сектором, сектором снабжения и сбыта, сектором капитального строительства, финансовым сектором, центральной бухгалтерией, сектором подготовки и подбора кадров, сектором зарплаты и рабочих кадров,

административно-хозяйственной частью[1]; к 1944 г. он был оптимизирован и стал состоять из (см. прил. № 8) производственно-технического отдела, производственно-экономического отдела, планово-учетного сектора, сектора снабжения и сбыта, сектора труда и заработной платы, финансового отдела и бухгалтерии, мобилизационного отдела, административно-хозяйственного отдела и управления районной и областной промышленности, с общей численностью сотрудников в 41 человек[2]. Важным критерием сокращения аппарата управления наркомата стало, без сомнения, уменьшение численности его персонала.

Значительное внимание органов управления уделялось оптимизации работы действующих управлений, ведомств, трестов и предприятий. Так, Постановлением СНК ТАССР за № 377 от 18 августа 1941 г. «О сокращении штатов наркоматов, управлений ТАССР и хозорганов, а также ликвидации излишних звеньев управленческого и хозяйственного аппарата» с 1 сентября 1941 г. были сокращены штаты всех наркоматов, управлений и хозяйственных органов ТАССР на 689 единиц. Одновременно с этим Металлопромсоюз и Разнопромсоюз Татпромсовета были объединены в единый промысловый союз «Разнопромсоюз»[3].

Материалы фонда Кабинета Министров Республики Татарстан показывают и ряд крайне ошибочных случаев в оптимизации аппарата управления. Так, в целях приближения руководства промышленности к непосредственным источникам сырья некоторые управления трестированной промышленности в начальный период войны стали переводиться из г. Казани в отдельные районы. Однако, как показала практика работы, деятельность управлений в отдаленных от Казани районах оказалась неэффективной. В качестве примера можно привести трест Маслопром, управление которого в июле 1941 г. в соответствии с решением СНК ТАССР было переведено из Казани в Чистополь. По прошествии нескольких недель работы выяснилось,

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 557. Л. 92-93.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 499. Л. 25.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3476. Л. 86.

что этот шаг привел к отрицательным результатам работы: трест оказался по существу оторванным от руководства организациями и от своих предприятий, имеющихся в 47 районах Татарской АССР (лишь незначительная их часть была связана с Чистополем телефонной связью)[1]. Схожая ситуация наблюдалась в системе управления татарского Спиртотреста. Переведенная в г. Мамадыш спиртовая промышленность находилась в критическом состоянии, потому что трест не мог наладить телефонной связи с подчиненными ему предприятиями; телеграфная и почтовая связь проходила через г. Казань, в результате чего почта доходила от предприятий до треста в течение 3 недель. Все это приводило к тому, что распоряжения треста постоянно запаздывали[2]. Правление Рыбтреста было переведено из г. Казани в Пестречинский район (рыбхоз «Ушня»). Здесь, как и в предшествующих случаях, выявилось очень много организационных проблем: почтовые сводки трест получал на 8–10 сутки, руководящий состав был обновлен на 90% ввиду призыва его в армию (из-за чего бездействовал производственный отдел). Вместо положенных 18 административных единиц было всего 8[3].

Все эти факторы привели к тому, что уже к концу первого года войны ряд управлений был ликвидирован либо переведен обратно в столицу республики, часть трестов реорганизована. Так, в соответствии с Постановлением СНК РСФСР за № 270/76 от 19 сентября 1941 г. Мясотрест был закрыт, а его функции переданы НКММП ТАССР[4]. В отношении Татрыбтреста первоначально предполагалось перевести его обратно в Казань, а с ноября 1941 г., в соответствии с резолюцией СНК ТАССР, в целях сокращения административно-управленческих расходов – вообще ликвидировать и образовать при Наркомате пищевой промышленности ТАССР отдел рыбной промышленности[5]. Но на практике данное решение реализовано не было.

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3504. Л. 81.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3504. Л. 91.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3502. Л. 550.
[4] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. Л. 553, 554, 556.
[5] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3502. Л. 549.

Значительным шагом в реформировании системы управления промышленностью республики в первый год войны, направленным на создание эффективно действующей системы контроля за деятельностью промышленности строительными материалами, а также экономии фондов на содержание избыточного персонала, стала ликвидация Управления промышленности строительными материалами при СНК ТАССР (распоряжение СНК РСФСР за № 1445/233рс от 31 августа 1941 г. и Постановление СНК ТАССР за № 450 от 19 сентября 1941 г.[1]). Его функции были переданы в Народный комиссариат местной промышленности ТАССР. Правда, ошибки, допущенные при реорганизации наркомата и в большей степени в результате потери контроля за деятельностью данной отрасли, привели к тому, что уже в первой половине 1942 г. Управление промышленности строительными материалами при СНК ТАССР было вновь восстановлено, на основе разукрупнения Народного комиссариата местной промышленности ТАССР. Из-за недостатка квалифицированных кадров, на основе распоряжения СНК ТАССР за № 0295 от 16 мая 1942 г. «О переводе работников системы НКМП ТАССР в аппарат Управления промышленности строительных материалов ТАССР»[2], часть работников НКМП ТАССР (В.М. Зиновьев – заместитель начальника планового отдела наркомата местной промышленности, А.С. Гусева – статистик, А.В. Иконописцев – заместитель начальника Местпромснабсбыта, М.А. Станкевич – начальник группы Местпромснабсбыта, К.Г. Никифорова – кассир) были переведены во вновь созданное Управление.

В следующем 1942 г., Постановлением СНК РСФСР от 31 октября 1942 г. за № 777 и Постановлением СНК ТАССР от 19 ноября 1942 г. за № 568, 1 декабря 1942 г. было организовано Управление местной топливной промышленности при СНК ТАССР, на базе райлесзагов Казгортопа и торфопредприятий областного подчинения (Кизического и Борисоглебского).

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 3476. Л. 242.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 338. Л. 6.

Интересно то, что новое управление в организационном плане практически не отличалось от Управления топливной промышленности ТАССР периода 1940 – начала 1941 годов. В структуре по-прежнему оставались общий отдел, производственно-технический отдел, планово-учетный отдел, бухгалтерия, административно-хозяйственный отдел (он же по кадрам). В соответствии с Постановлением СНК ТАССР за № 38 от 29 января 1943 г. «Об организации торфопредприятий в системе Управления местной топливной промышленности при СНК ТАССР», Постановления СНК ТАССР за № 434 от 29 сентября 1943 г., а также приказа НКМП и Управления местной топливной промышленности СНК ТАССР за № 20 от 12 февраля 1943 г.[1] были организованы торфопредприятия – всего 8 (Актанышский, Буинский, Дрожжановский, Зеленодольский, Набережночелнинский, Савиновский, Чистопольский, Ютазинский), 6 гортопов (Бугульминский, Елабужский, Зеленодольский, Мамадышский, Чистопольский, Ютазинский). Кроме того, в январе 1944 г. были организованы райторфопредприятия (Елабужское, Кукморское, Ципьинское) и райтопы районного подчинения. Далее, на основании Постановления СНК ТАССР за № 815 от 10 ноября 1944 г. и приказа Народного комиссариата местной промышленности РСФСР за № 301, в начале 1945 г. Кизическое торфопредприятие и Казгортоп переданы в подчинение исполкома Казанского Горсовета. На основании директив правительства, распоряжения Народного комиссариата по топливу РСФСР за № 01-13-26 от 3 марта 1945 г. и приказа начальника Управления местной топливной промышленности при СНК ТАССР за № 22 от 31 марта 1945 г. вместо существующих в системе УМТП 22 райлесзагов, 13 торфопредприятий, 6 гортопов были организованы: 16 леспромхозов областного подчинения в ведении Татарского топливного треста, 3 гортопа и 13 райтопов районного подчинения. В послевоенный период на основании постановления СНК ТАССР за № 820 от 17 ноября 1945 г. с 7 февраля 1946 г. были вновь организованы Биклянский, Шереметьевский леспромхозы и Отарское торфопредприятия при Управлении местной

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 401. Л. 11; то же. Д. 400. Л. 1.

топливной промышленности с непосредственным подчинением их Таттоптресту.

В целях улучшения оперативности руководств мельницами, расположенными в Казани, и ликвидации ненужной организационной надстройки было решено ликвидировать Казанское раймельуправление с передачей объединяемых им 5 мельниц в непосредственное подчинение Татмельтресту. При этом в системе аппарата Татмельтреста был образован отдел по руководству мельницами в городе на следующих штатных единицах: начальник отдела (из-за нехватки персонала он же и заместитель Управления Татмельтреста), старший бухгалтер, бухгалтер и дополнительно по одной единице в производственно-технический и планово-экономический отдел треста (протокол заседания СНК ТАССР за № 11 от 11 марта 1942 г.[1]).

Еще одним шагом в организационных преобразованиях местной промышленности явилась реорганизация НКхоза (Постановление СНК ТАССР за № 331 от 11 августа 1943 г.[2]). Особенность этой перестановки нами видится не столько в особенностях новой структуры наркомата, сколько в том, что ради пополнения численности наркомата, часть сотрудников было переведена в наркомат из НКМП ТАССР, НКЛП ТАССР и др. (всего 8 народных комиссариатов).

Фактически все перестановки рассматриваемого периода не предполагали серьезной модернизации существующей модели управления. Задача большинства перестановок состояла в оптимизации системы управления, придания ей дополнительного импульса в работе. Данные аспекты подчеркивают, что в целом промышленная политика, проводимая советской властью в стране и на местах, не нуждалась в дополнительной встряске.

Говоря о перестановках в системе управления промышленностью Татарской АССР в годы войны, нельзя не остановиться более подробно и на реорганизациях в системе районной промышленности. Здесь также проходили

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 355. Л. 19.

[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 421. Л. 102.

значительные организационные изменения. В основном они были связаны с количественным возрастанием числа райпромкомбинатов, райпищекомбинатов, торфопредприятий и т.п.

Предприятия районного подчинения[1]. Военное время показало необходимость реорганизации сети предприятий районного подчинения Министерства местной промышленности ТАССР. Данные предприятия должны были на местах (районах) заниматься хозяйственной деятельностью при непосредственном контроле со стороны министерства. Благодаря им обеспечивался контроль над деятельностью всех предприятий республики и, как следствие, это отражалось на росте показателей всего наркомата.

Первые райпромкомбинаты были созданы еще в конце 1939 – 1940 гг., однако в течение войны их количество многократно возросло (см. табл. № 4.1).

Таблица 4.1

Численность райпромкомбинатов НКМП ТАССР

в 1940–1942 годах[2]

	Количество райпромкомбинатов в 1940 г.	**Количество райпромкомбинатов на 31декабря 1941 г.**	**Количество райпромкомбинато в в 1942 г.**
Количество	24	47	61
В %	100	195	254

Из таблицы наглядно видно, что за два военных года число райпромкомбинатов увеличилась более чем в 2,5 раза. В частности, в 1942 г. появились Бауманский, Молотовский, Кировский, Сталинский, Свердловский, Александровский, Высокогорский и другие райпромкомбинаты, в 1943 г. к ним добавились – Чистопольский и Апастовский. В целом за период с 1940 по 1948 гг. количество райпромкомбинатов выросло с 24 до 72[3]. При этом, несмотря на существенный рост числа райпромкомбинатов в течение всей войны, состояние

[1] Предприятия районного подчинения (райпромкомбинаты) – форма организации промышленности, связанная с обслуживанием населения хозяйственно-бытовыми услугами и снабжением материалами от выработки местных ресурсов легкой промышленности (Районные промышленные комбинаты // Путеводители по российским архивам : официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://guides.rusarchives.ru/funds/143/rayonnye-promyshlennye-kombinaty (дата обращения: 06.04.2022))

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 402. Л. 3; то же. Д. 338. Л. 13.

[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 495. Л. 20, 32, 33.

учета и отчетность в них находились в запущенном состоянии, предоставлялась в ненадлежащем виде, с запозданием. За 1941 г. центральной бухгалтерией наркомата местной промышленности была проведена документальная ревизия лишь одного предприятия, остальные же не подвергались даже поверхностному контролю. И сама центральная бухгалтерия не дала ни одной аналитической записки о деятельности предприятий райпромкомбинатов, что объяснялось недоукомплектованностью ревизионного аппарата[1].

В целях увеличения производства товаров широкого потребления из местного сырья, отходов сельского хозяйства и промышленности, а также производства и ремонта сельхозинвентаря для колхозов и совхозов Постановлением СНК ТАССР за № 525 от 4 июля 1944 г. «Об организации сельских промышленных комбинатов»[2] было решено образовать новые формы предприятий – в крупных селах республики стали создаваться сельские промышленные комбинаты, основными задачами которых становились: широкое обеспечение сельского населения всеми видами хозяйственного и бытового обслуживания, ремонт сельскохозяйственного инвентаря; вовлечение в производство свободной рабочей силы из числа инвалидов войны и труда, стариков и женщин; широкое использование местных сырьевых ресурсов, как сельскохозяйственных, так и промышленных, для производства предметов широкого потребления. В своей деятельности сельские промышленные комбинаты должны были отчитываться перед райпромкомбинатами и действовали на правах их цехов.

Одновременно с деятельностью райпромкомбинатов, сельских промышленных комбинатов, торфопредприятий, с начала войны получила развитие такая форма местной промышленности, как районные (городские) пищевые комбинаты (рай(гор)пищекомбинаты). На всем протяжении войны их количество постоянно менялось: так, к концу 1943 г. в республике действовало

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 339. Л. 17 об.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 498. Л. 17.

31 рай(гор)пищекомбинат[3], в 1944 г. – 43 (в последующий период их численность возросла более чем в 2 раза).

Рай(гор)пищекомбинаты являлись самостоятельными хозяйственными единицами и действовали на основании хозрасчета в соответствии с плановыми заданиями. При наличии хозяйственной целесообразности отдельные предприятия и цехи, входящие в состав рай(гор)пищекомбинатов, могли быть выделены на самостоятельный баланс. Во главе их стоял директор, назначаемый исполнительным комитетом райсовета депутатов трудящихся. Непосредственное же управление отдельными предприятиями, входящими в рай(гор)пищекомбинаты, осуществлялось заведующими предприятиями, назначаемыми и увольняемыми директором рай(гор)пищекомбината с санкции исполкома райсовета депутатов трудящихся.[1]

Создание рай(гор)пищекомбинатов в каждом районе было необходимо потому, что большинство районов находилось далеко от железных дорог, вследствие чего доставка продовольственных товаров первой необходимости была крайне затруднительной. Однако не всегда рай(гор)пищекомбинаты справлялись с возложенными на них задачами. К примеру, Чистопольский и Зеленодольский горпищекомбинаты (созданные в 1942 г.[2]) на протяжении долгого времени не выполняли планов[3]. Основным недостатком их работы являлась нехватка, а в ряде случаев полное отсутствие тягловой силы. В 1944 г. на 39 райпищекомбинатах имелось всего лишь 73 лошади[4].

Управление нефтяной отраслью. В годы войны в Татарской АССР создавались и бурно развивались новые отрасли промышленности: машиностроение, металлообработка, резиновая, химическая и др. Но при этом особое место стало отводиться нефтяной промышленности. Наличие богатых неосвоенных запасов нефти в республике в условиях, когда немецкие войска могли отрезать южные нефтяные районы страны, определили шаги для ее

---

[3] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 483. Л. 23.
[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 422. Л. 1-27.
[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 355. Л. 82.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 68. Л. 80.
[4] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 135. Л. 63.

добычи в республике. В первом полугодии 1943 г. специальным решением СНК ТАССР обязал руководителей Татгеологотреста пробурить 100 эксплуатационных скважин по добыче нефти. Однако реальная работа в этом направлении началась только через 3 месяца[1].

Для этих целей были созданы две конторы: 1-я по бурению и 2-я по эксплуатации, которые проводили бурение в Аксубаевском и Ново-Письмянском районах ТАССР. Основным при этом считалось Шугуровское месторождение, где к 1944 г. были закончены 2 скважины, способные давать ежесуточно от 20 до 40 тонн нефти каждая. Современник тех событий И. Осипов так описывает процесс добычи первой республиканской нефти: «Вышка возле деревни Шугурова. Большинство мужчин ушли на фронт, их заменили женщины. В кирзовых сапогах и телогрейках они подтаскивают тяжелые бурильные трубы, работают на открытой площадке «верхового», приготавливают глинистый раствор… Два с половиной года бурили первую скважину в Шугурово, чтобы дойти до продуктивных пластов. Часто вползало в душу горестное сомнение: а вдруг там, на глубине семисот метров, не окажется нефти? Но никто не высказал его вслух. Все люди на вышке – и колхозницы, изнуренные тяжелой работой, и подростки, помогавшие им, и опытный грозненский мастер Гариф Хамидуллин верили: недра вознаградят за самоотверженный труд»[2]. Постановлением № 270-78 с от 11 марта 1944 г. СНК СССР обязал Народный комиссариат нефти и Главнефтьразведку срочно приступить к строительству Шугуровского нефтепромысла.

В связи с получением в ТАССР промышленной нефти появилась необходимость создания соответствующей организации, которая занималась бы эксплуатацией месторождений, поскольку Татгеолтрест имел назначение – производить разведочные работы, и по своему техническому оснащению и кадрам не мог вести эксплуатацию скважин в широких масштабах. В результате в целях максимального форсирования работ по развитию нефтедобычи был

[1] Красная Татария. 1943. 28 июля.

[2] Осипов И. Сокровище Татарии. Казань, 1959. С. 6-7.

организован Татарский нефтедобывающий трест и в нем Геолого-поисковая контора[1]. С этого момента нефтяная отрасль получила старт своего развития.

На основании полученных данных мы можем сделать выводы о том, что аппарат управления промышленностью Татарской АССР оказался в целом подготовленным к неожиданной вражеской агрессии, хаоса и паники не было. В первые месяцы войны стало осуществляться ускоренное производство необходимой армии и тылу продукции, приемка эвакуированных предприятий, размещались рабочие и сотрудники данных фабрик и заводов.

Система управления промышленностью республики, построенная на отраслевых, централизованных началах и основанная на беспрекословном выполнении поставленных задач, с первых дней войны достигла высоких результатов. Как показало исследование, за годы войны перестройке подверглись лишь некоторые органы управления, реорганизации носили преимущественно косметический характер.

4.4. Эвакуация и реэвакуация промышленных предприятий в 1941 – 1949 годы

Война, хотя и стала неожиданностью, но не привела к дезорганизации государственного аппарата управления экономики страны. В конце июня Совет народных комиссаров СССР (далее – СНК СССР) принял первый план военного времени – «мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 г. План явился одним из важнейших мероприятий по перестройке народного хозяйства страны и перевода его на рельсы военной экономики, и, в частности, концентрации капитальных работ и материальных ресурсов на строительство оборонных предприятий в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири. Следом за первым планом 16 августа 1941 г. СНК СССР и Центральный комитет ВКП(б) одобрили представленный Госпланом военно-хозяйственный план на последний квартал 1941 г. и на 1942 г. для районов

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 135. Л. 59, 63.

Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии[1]. Принятие этих документов означало, что основная тяжесть экономического обеспечения войны в этих условиях ложилась на восточные районы страны, включая и Среднее Поволжье. Перестройка работы промышленности этих районов на военный лад должна была создать условия для достижения большого производственного эффекта из меньшего промышленного потенциала.

Татарская АССР превратилась в один из важнейших арсеналов страны для подготовки отражения вражеской агрессии. Газета «Красная Татария» писала, что «в республике не найти ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной мастерской, которые в той или иной степени не выполняли бы фронтовые заказы»[2]. Большое значение в этом, бесспорно, сыграл как порыв населения, желание победить врага, так и значительные возможности, которые получили в первые дни войны руководители предприятий. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», изданного 26 июня 1941 г., руководители предприятий получили возможность определять с разрешения Совнаркома СССР как для всех рабочих и служащих предприятий, так и для отдельных цехов, участков и групп рабочих и служащих, обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день[3], что, по мнению Г.С. Кравченко[4], позволило дополнительно загрузить производственное оборудование примерно на 22–25 процентов без увеличения штатов предприятий.

В столице республики и районных центрах началась переориентация промышленности на выпуск военной продукции, возникли и получили быстрое развитие новые отрасли промышленности (приборная, резиновая, химико-фармацевтическая и др.[5]), появились новые предприятия. Одновременно с этим руководство начало сворачивать экономически неэффективные предприятия.

---

[1] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 65; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1957. С. 707–712.

[2] Красная Татария. 1942. 7 января.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Сборник док. за 50 лет. М., 1968. Т. 3. С. 37.

[4] Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1971. С. 104.

[5] Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 91-92.

Было решено ликвидировать Казанский государственный саговый завод «Комсомолец» (протокол заседания СНК ТАССР от 7 октября 1941 г. за № 49) и завод минеральных вод «Ижевский источник» (Постановление СНК ТАССР от 20 ноября 1941 г. за № 570). В отношении последнего предприятия решение было пересмотрено, и оно из союзно-республиканского было передано в местное подчинение[1].

Из постановления объединенного Пленума Татарского обкома и Казанского горкома ВКП(б) от 13 ноября 1941 г. становятся понятными задачи, стоявшие перед промышленностью республики в начальный период войны. К основным относились «обеспечение безусловного выполнения планов IV квартала 1941 г., добиваясь строгого соблюдения суточных графиков и ритмичности работы каждого предприятия, цеха и участка; организация работы всех предприятий таким образом, чтобы максимально использовать имеющееся оборудование, правильная организация производственного процесса; решительное улучшение руководства стахановским движением на предприятиях; в целях наилучшего обеспечения заданий для фронта оказание помощи друг другу излишним оборудованием, материалами и т.д.; в кратчайшие сроки размещение всех рабочих и инженерно-технических работников, прибывающих с эвакуированными заводами, за счет уплотнения населения города Казани…»[2].

На всех предприятиях республики был введен твердый суточный график, который в свою очередь подтянул внутризаводское планирование, заставил с большей настойчивостью заниматься мобилизацией внутренних ресурсов, использованием всех производственных мощностей. В результате работа по суровому графику повысила ответственность начальников цехов, мастеров, бригадиров[3].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 286. Л. 187, 195, 212.

[2] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Залялова, Б.И. Смыкова, Н.А. Субаева. Казань, 1963. С. 69-70.

[3] Красная Татария. 1942. 10 июля. № 161.

Следует отметить, что одновременно с переориентацией на военный режим местной промышленности, в республике был развернут прием, размещение и запуск эвакуированных предприятий. Многие из них в последующем составили костяк татарской республиканской промышленности, обеспечив ее мощное поступательное развитие.

Война стали стимулом начала еще большей сверхцентрализации управления, за счет усиления ответственности республиканских властей за эффективность деятельности промышленных предприятий. Газета «Правда» указывала, что местные руководители «…несут всю полноту ответственности за то, чтобы старые предприятия на новом месте быстро вступали в строй, разворачивались на всю свою мощность»[1].

Важным аспектом эвакуационной кампании становилось создание на общесоюзном уровне Совета по эвакуации, а также назначения инспекторов совета в народные комиссариаты. Отдельная работа проводилась и в регионах. Здесь создавались городские, областные и республиканские комиссии по эвакуации, эвакуационные пункты на заводах и станциях, базы для перегрузки товаров, областные, городские и районные комиссии по приему и размещению эвакуированных предприятий и персонала.[2] И хотя эти органы, чаще всего, не требовали дополнительных расходов на содержание, так как привлекались в основном из различных местных организаций, по факту их образование приводило к дублированности выполняемых функций, а также определенному волюнтаризму, когда каждое учреждение пыталось реализовывать свои интересы. Местные хозяйственные органы управления в этой системе получили определенную долю самостоятельности в вопросах мобилизации и эвакуации. Правда, при этом их работа в большей степени носила вспомогательный характер, обеспечивая интересы вышестоящих органов управления.

Всего за время войны на территории республики было размещено более 70 предприятий. Уже летом и осенью 1941 г. в Казань были эвакуированы

---

[1] Правда. 1941. 24 октября.

[2] Lieberman S.R. Crisis Management in the USSR: The Wartime System of Administration and Control / The Impact of World War II on the Soviet Union / Edited by Susan J. Linz. University of California, Irvine: Rowman & Allanheld Publishers, 1985. P. 69.

крупные машиностроительные, приборостроительные предприятия, авиационный завод имени Горбунова. В село Моркваши Верхнеуслонского района была эвакуирована Московская кондитерская фабрика «Большевик», в Казань – табачная фабрика «Дукат», в Елабугу, Мамадыш и Набережные Челны – хлопчатобумажные фабрики и многие другие. В одном только Сталинском (ныне Приволжском) районе Казани было размещено пять главных отраслей промышленности, пять ЦК союзов, Наркомат пищевой промышленности, три снабженческие организации, одна промысловая артель. Для их размещения исполком райсовета выделил 15 тыс. кв. м. производственных площадей, 6 тыс. кв. м. складских помещений, три гаража, два помещения под мастерские заводов.[1] В приложении (см. прил. № 9) приведен список предприятий, эвакуированных в Татарскую АССР только в 1941 г. (далее, в 1942 году было эвакуировано дополнительно 25 предприятий союзного подчинения, 6 предприятий подчинения РСФСР, 14 предприятий местной промышленности[2]). Руководить эвакуированной промышленностью был назначен заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин.

Возникает вопрос ведомственной принадлежности эвакуированных предприятий, как они были вписаны в систему индустриального управления Татарской АССР. Часть предприятий, эвакуированных в республику, слилась с местными однотипными предприятиями, усилив их производственную мощность, часть была передана в иные ведомства. Так, в связи с передачей галантерейной и гармонной фабрик в НКЛП РСФСР, Татполиграфа – Управлению полиграфической промышленности при СНК ТАССР и завода пишущих машин в наркомат боеприпасов СССР, в непосредственном подчинении НКМП ТАССР остались 2 предприятия: Татметровес и Казанское торфопредприятие. Значительно увеличилось число предприятий НКМП ТАССР районного подчинения. (См. табл. № 4.2).

Таблица 4.2

[1] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. С. 70-71.
[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 4966. Л. 1, 2, 4.

Состав районной промышленности НКМП ТАССР на 1 января 1941 г. и изменения на состояние 1 сентября 1941 г.[1]

№	Предприятия	на 1 января 1941 г.	на 1 сентября 1941 г.	Рост (в %)
1	Охвачено районов местной промышленностью	29	52	79
2	Количество райпромкомбинатов и самостоятельных производственных единиц	34	54	58,8
3	Количество отраслей промышленности	17	19	11,7
4	Количество производств	84	167	98,8

Много внимания партийными органами уделялось и вопросам приема, размещения и трудоустройства эвакуированного населения. В республике этим вопросом занимался отдел эвакуации, созданный при СНК ТАССР. Также к этой работе были подключены Штаб по размещению эвакуированных по Казани и эвакуационные пункты при станции и пристани столицы республики (на это, в частности, указывает В.В. Федотов[2]). К функциям последних относилась регистрация вновь прибывших людей, формирование по ним картотеки, помощь в оказании прописки, а также некоторая денежная и продуктовая поддержка. В районах республики также были созданы комиссии по эвакуации.

О том, как проходила эвакуация в первые месяцы войны, наглядно иллюстрирует докладная записка Татарского Обкома ВКП(б), направленная председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н.М. Швернику: «Решением Совета по эвакуации при СНК СССР Татарская АССР должна принять и разместить 115000 человек, эвакуированных из г. Москвы, и 34 эшелона, то есть не менее 34000 человек эвакуированных из других городов. Кроме того, по телеграмме члена Коллегии НКПС т. Мартышева от 24 июля 1941 г. к нам направлено 6 эшелонов, то есть 6000 человек эвакуированных из разных мест. Далее, по телеграмме уполномоченного Совета по эвакуации при

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 1.

[2] См.: Федотов В.В. Эвакуационные процессы и национальные отношения в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Вояджер: мир и человек. 2018. № 11. С. 185-193.

СНК СССР по Ивановской области т. Коновалова от 24 июля 1941 г., мы должны принять еще 10 эшелонов, то есть 10000 человек. Таким образом, в Татарскую АССР направляется свыше 165000 человек… В результате в Татарской республике сверх указанных 165000 человек осело еще свыше 10000 человек…»[1]. З.И. Гильманов указывает на то, что только в августе 1941 г. в республику прибыло порядка 57 тыс. эвакуированных человек, а к началу сентября было размещено более 175 тыс., к весне 1942 г. – 266 тыс. человек[2] (по другим данным численность прибывших в республику людей составляла 164757 человек[3]). Очевидцы тех событий отмечали гостеприимность татарского народа. Писатель С.В. Смирнов по этому поводу писал: «Вспоминаю, как в тяжелую осень 1941 года наш московский завод снялся со своего места и прибыл в Казань. Вся затемненная и заснеженная встретила нас Казань, поистине по-братски. Русские, татары, белорусы, украинцы – все на леденящем ветру ставили здесь на татарской земле станки, возводили стены и крыши над ними и работали на оборону Отечества».[4]

Можно ли было в тех условиях говорить об идеальной организации эвакуации рабочего населения и их семей из прифронтовой зоны? Однозначно, нет. Огромное количество составов, двигающихся с Запада, масса населения, вносили определенную сумятицу в деятельность контролирующих организаций. К примеру, в работах В.В. Федотова и А.Ш. Кабировой приводятся такие сведения, что 16 июля 1941 года на станцию Казань прибыло три вагона из Житомирской области вместимостью по 250 человек каждый, о чем сотрудники Совета по эвакуации ничего не знали. 17 июля 1941 года 26 вагонов было принято на станции Восстания, тогда как по плану конечной остановкой эшелона должна была стать станция Высокая Гора.[5]

---

[1] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Залялова, Б.И. Смыкова, Н.А. Субаева.. Казань, 1963. С. 35.

[2] Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. С. 70, 77–78.

[3] Федотов В.В. Эвакуированное население в Татарской АССР в 1941–1948 годах // Научный диалог. 2018. № 6. С. 190.

[4] Климентовский В.А. Русские писатели в Татарии. Казань, 1974. С. 174; Цит. по: Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. С. 72.

[5] Федотов В.В. Эвакуированное население в Татарской АССР в 1941–1948 годах // Научный диалог. 2018. № 6. С. 189; Цит по: Кабирова А.Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (18). С. 133.

В целом проведенная эвакуация промышленных предприятий, а также рабочих кадров позволила сохранить производственные показатели республики в первые годы войны (подробнее об этом в параграфе 4.6). Новые предприятия, влившись в структуру местных министерств, практически сразу же стали выдавать готовую продукцию. Соответственно, те районы страны из которых были вывезены предприятия, по валовым показателям резко сократили выпуск.

Важно, что республика не только прибывали предприятия, Татарская АССР сама активно подключилась к восстановлению разрушенных войной предприятий в центральной и западных областях СССР. Примером такой братской помощи служит создание движения по оказанию помощи г. Орел и Орловской области. Предприятия республики для восстановительных работ направляли строительные материалы, оборудование, металл. Как отмечала газета «Красная Татария[1]» в сентябре 1943 года только одним эшелоном было направлено 80 станков. Через несколько дней предприятия Кировского района направили девять вагонов со строительным материалом, теплой одеждой, предметами домашнего обихода[2].

Надо подчеркнуть, что уже в середине войны, по мере освобождения западной территории страны, начался процесс реэвакуации предприятий. Этому способствовало издание 21 августа 1943 года Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[3]. Правда, во многом этот процесс в Татарской АССР осуществлялся медленно, чему способствовали ряд обстоятельств. Во-первых, много предприятий стало нецелесообразно вывозить обратно. К примеру, в Елабуге в октябре 1941 года были размещены цеха Вышне-Волоцкого текстильного комбината. После войны они не были вывезены обратно, а продолжали работать. Аналогично власти поступили с оборудованием 2-го Московского часового завода, которое после войны

[1] Красная Татария. 1943. 15 сентября. № 190.
[2] Красная Татария. 1943. 18 сентября. № 192.
[3] О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. М.: Госполитиздат, 1943.

осталось в г. Чистополе. Во-вторых, многие фабрики и заводы сразу после эвакуации слились с однотипными предприятиями, находящимися на территории республики, поэтому не было целесообразно их вывозить обратно. В-третьих, часть квалифицированных специалистов и их семьи не захотели возвращаться обратно в районы довоенного проживания. Всего по подсчетам В.Т. Сакаева в 1944 году численность г. Казани сократилась, за счет выезда в другие регионы СССР, на 8 тыс. человек, в 1945 году – на 28 тыс. человек[1]. Однако, данная потеря в численности населения достаточно быстро восполнялась, что было обусловлено возвращением фронтовиков. Одновременно с этим часть мужского населения не захотело вернуться в сельскую местность, находя работу в городской среде, устраиваясь на промышленные предприятия.

В завершении раздела, необходимо отметить, что Великая Отечественная война, несмотря на все трудности и тяготы, позволила экономике республики выйти на новый уровень индустриального развития. Эвакуация предприятий из прифронтовой зоны дала возможность запустить не только новые предприятия, появились новые отрасли, которые сохранились в Татарской АССР и в послевоенный период.

4.5. Организация управления республиканской промышленностью в 1946–1956 годы

На территории Татарской АССР боевых действий Великой Отечественной войны не проходило, тем не менее, республика принимала самое деятельное участие в освобождении страны от немецких агрессоров. За время войны здесь были развернуты новые народные комиссариаты и управления, с подотчетными предприятиями, сюда были эвакуированы

[1] Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 49.

ведущие институты, переселены огромные массы трудоспособного населения. Все это в итоге оказалось крайне полезным для региона – республика постепенно стала превращаться в ведущий индустриальный центр.

Переориентация экономики на «мирные рельсы» способствовала и реорганизациям в системе управления промышленностью республики. В условиях мирного времени сверхцентрализация становилась излишней, источником торможения промышленного развития страны и республики. Во многом это было связано с непониманием центральных органов управления проблем, которые были в регионах, волюнтаризмом, подавлением инициативы местных органов управления, лучше представлявших проблемы и возможные перспективы своих регионов, местным руководителям приходилось работать в рамках строгих распоряжений и инструкций. К тому же и резервы страны в человеческих ресурсах были не бесконечными, использование труда соотечественников на запредельных условиях становилось невозможным.

Окончание войны давало повод задуматься об изменении государственной промышленной политики. Страна обладала самой большой армией в мире и в глазах многих народов являлась освободителем мира от фашизма. С другой стороны, стал все четче вырисовываться новый враг, в лице США, претендующего на особую роль в будущей геополитике. Нам видится, что руководство страны понимало эти проблемы и пыталось найти выход из них. Но предпринимаемые шаги носили лишь временный, зачастую локальный характер, в послевоенный период отсутствовала сформированная концепция трансформации системы управления промышленной индустрией.

По-прежнему курс сталинского руководства сводился к сверхмобилизации экономики. Победа в войне обусловливала появление новых стратегических целей. Руководству страны теперь требовалось не только восстановление экономики, но и создание мощного базиса для осуществления полностью независимой и превентивной от западных стран экономической политики государства.

Сразу после окончания войны в народных комиссариатах было введено новое штатное расписание руководящего состава. Автором обращено внимание, что вводимые мероприятия не только не снижали степень ответственности руководителей отраслевых наркоматов и управлений, а, наоборот, усиливали ее. Так, в соответствии с решением СНК ТАССР и Областного комитета ВКП(б) от 10 декабря 1943 г. и Приказа по НКМП ТАССР за № 18 от 28 января 1946 г. в наркомате местной промышленности вводилась номенклатура, где четко разграничивались подчиненность, функции и задачи руководящего состава наркомата. К примеру, директора и главные инженеры предприятий областного подчинения НКМП ТАССР (завод пишущих машин, Татполиграф, Татвесоремзавод, Инструментальный завод, Чистопольская галантерейная фабрика и др.), а также управляющий Местпромснабсбыта и его заместители могли быть назначены, перемещены или освобождены от работы только народным комиссаром местной промышленности. Директора предприятий рай(гор)промкомбинатов не вправе были сдавать вверенные им предприятия другим лицам без соответствующего на то приказа НКМП ТАССР. Главные механики, начальники производств, главные бухгалтеры утверждались, перемещались или освобождались от работы НКМП ТАССР по представлению директоров предприятий. Начальники отделов кадров предприятий утверждались, перемещались или освобождались от работы по представлению директоров предприятий и т.д.[1]

Одним из знаковых событий послевоенного времени стало переименование всех народных комиссариатов союзного, республиканского и местного уровня в министерства[2]. На территории Татарской АССР (Указ Президиума Верховного Совета ТАССР от 16 марта 1946 г.) в промышленной сфере были образованы (а фактически реорганизованы): Министерство местной промышленности Татарской АССР (ТАССР), Министерство легкой

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 651. Л. 22.

[2] Министерство – это центральный исполнительный орган, руководящий отдельными отраслями государственного управления (Министерство // Большая российская энциклопедия : официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2215463 (дата обращения: 06.04.2022)

промышленности ТАССР, Министерство пищевой промышленности ТАССР, Министерство лесной промышленности ТАССР, Министерство мясомолочной промышленности ТАССР, Управление местной топливной промышленности при Совете Министров ТАССР, Управление промкооперации при Совете Министров ТАССР, Управление промышленности местных стройматериалов при Совете Министров ТАССР[1].

Сегодня сложно сказать, под воздействием каких причин были вызваны эти переименования, так как в функциональном плане изменение названий отраслевых органов практически не затрагивало их внутреннее содержание. Так, согласно приказу Министерства пищевой промышленности Татарской АССР за № 363 от 29 сентября 1947 г. министерство стало состоять из производственно-технического отдела, планово-экономического отдела, отдела кадров, сельскохозяйственного отдела, административно-хозяйственного отдела, главной бухгалтерии, финансового отдела[2], что практически было идентичным прежней структуре Народного комиссариата местной промышленности ТАССР. В целом в указанный период перестройка аппарата управления промышленности в республике была связана преимущественно не с количественным возрастанием/уменьшением числа министерств и управлений, а с оптимизацией уже работающих.

Завершение восстановительного периода в экономике в начале 1950-х годов, постановка новых задач советской индустрии, смерть И.В. Сталина и приход нового руководства, обусловили на уровне Советского Союза начало следующего витка реформирования системы управления. В марте 1953 г. Законом «О преобразовании министерств СССР» в одно общесоюзное Министерство машиностроения СССР были объединены министерства машиностроения и приборостроения, автомобильной и тракторной промышленности, станкостроения и сельскохозяйственного машиностроения. В

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 909. Л. 137.
[2] ГА РТ. Ф. Р.-6292. Оп. 1. Д. 1033. Л. 165.

Министерство транспортного и тяжелого машиностроения СССР влились министерства судостроения и транспортного машиностроения[1].

Используемые источники показывают колоссальную чехарду управленческих установок и отсутствие у руководства страны четкого плана действий. За короткий промежуток времени происходило то резкое увеличение, то сокращение союзных министерств. В работе В.А. Цикулина «История государственных учреждений СССР 1939–1965 гг.» отмечается, что в 1953 г. число министерств сократилось с 51 до 25, в 1954 г. их количество увеличилось до 46, в 1956 г. возросло уже до 55[2]. Фактически это символизировало поиск оптимальных форма управления промышленностью, прежняя централизованная иерархическая модель уже не справлялась с растущим производством и теми задачами, которые стояли перед промышленностью.

В тоже время остается вопрос, почему количественные преобразования в таком объеме стали проходить сразу после смерти И.В. Сталина. Видимо, основополагающая причина крылась в страхе и нежелании решать проблемы без указки «сверху» еще при его жизни. В последующем, отсутствие политического единства в руководстве, борьба внутренних элит за власть, и, конечно, необходимость назревших преобразований, позволили проявить руководству самостоятельность. Сами реорганизации рассматриваемого периода зачастую носили спонтанный характер, были крайне непродуманными, но они полностью отражали состояние политической элиты того времени. К тому же, отсутствие таких же сильных позиций власти как у И.В. Сталина у Н.С. Хрущева вело к формированию особого места в системе государственного управления у общесоюзной элиты. С течением времени степень воздействия ее на хозяйственные вопросы постоянно возрастало. Вслед за этим стали возрастать позиции и региональных элит.

В целом реорганизации в системе управления государственной промышленности не могли не затронуть республиканский уровень. Сегодня, по

---

[1] Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. С. 213.

[2] Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР 1939–1965 гг. С. 53.

прошествии длительного времени, можно сделать вывод, что они носили преимущественно количественный характер – менялось число министерств и управлений, их названия, в то время как содержание деятельности, сфера подчинения оставались практически не тронутыми. Республиканские министерства по-прежнему находились в жестком иерархическом подчинении центральных государственных органов управления, фактически являясь не руководителями подотчетных предприятий, а их контролерами. Далее проанализируем основные организационные мероприятия, проводимые в ТАССР в первой половине 1950-х годов.

В марте 1951 г. на основе Указа Президиума Верховного Совета ТАССР было принято решение о реорганизации Министерства лесной и бумажной промышленности ТАССР в Министерство лесной промышленности ТАССР.[1] На основе Постановления Совета Министров ТАССР за № 435 от 16 июня 1953 г. Министерство легкой промышленности ТАССР было объединено с Министерством пищевой промышленности ТАССР. В организационном плане в новом министерстве не были выделены автономные отделы пищевой и легкой промышленности. Министерство состояло из планового отдела, производственно-технического отдела, отдела труда и заработной платы, финансового отдела, бухгалтерии, отдела главного механика и капитального строительства, отдела кадров, канцелярии. Несмотря на то, что новое министерство контролировало работу двух отраслей промышленности, число сотрудников аппарата было крайне невелико и составляло всего 43 человек[2]. Увязка двух разноплановых министерств не могла принести желаемого положительного эффекта, вследствие того, что управлять таким сложным механизмом, состоящим из предприятий и легкой и пищевой промышленности, становилось очень сложно. На этом основании уже 4 декабря на базе предприятий и организаций легкой промышленности ТАССР было организовано Министерство промышленных товаров широкого потребления,

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1303. Л. 27.
[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 1464. Л. 2, 5.

которое с 15 декабря 1955 г. было вновь переименовано в Министерство легкой промышленности ТАССР.

Затем, на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 ноября 1953 г., Постановления Совета Министров РСФСР за № 1472 от 3 декабря 1953 г., Постановления Совета Министров ТАССР за № 804 от 4 декабря 1953 г., в связи с разделением легкой и пищевой промышленности, Министерство промышленных товаров широкого потребления было переименовано в Министерство промышленности продовольственных товаров ТАССР, с утверждением штата административно-управленческого персонала в количестве 23 единиц, оно состояло из производственно-технического отдела, планово-экономического отдела, финансового отдела и бухгалтерии, административно-хозяйственной части[1].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 мая 1953 г. «О преобразовании министерств и управлений при Совете Министров ТАССР», Постановлением Совета Министров РСФСР за № 722 от 4 июля 1953 г. и Постановлением Совета Министров ТАССР за № 423 от 16 июня 1953 г., с 1 июня 1953 г. было образовано Министерство местной и топливной промышленности ТАССР[2]. В силу этого функции Управления местной топливной промышленности при Совете Министров ТАССР перешли в ведение вновь образованного министерства. Структура нового министерства была представлена производственно-техническим отделом, отделом капитального строительства, отделом лесозаготовок и топлива (параллельно с созданием министерства при нем был создан лесозаготовительный трест «Татлесзаг»), планово-экономическим отделом, отделом труда и заработной платы, финансовым отделом, бухгалтерией, отделом кадров и спецчастью, административно-хозяйственным отделом. Общая численность сотрудников составила 52 человека[3]. Правда, здесь, как в случае с объединением Министерства легкой промышленности ТАССР с Министерством пищевой

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 1464. Л. 1, 6, 7.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1629. Л. 125.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1629. Л. 126.

промышленности ТАССР в 1953 г., вскрылись сложности организационно-управленческого характера. Целенаправленно и продуктивно управлять таким громадным механизмом становилось очень сложно. Все это обусловило дальнейшие мероприятия по оптимизации структуры управления местной и топливной промышленности. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за № 441 от 16 августа 1954 г. и Постановления Совета Министров ТАССР за № 440 от 20 августа 1954 г. «Об образовании Министерства местной промышленности ТАССР и Управления топливной промышленности ТАССР»,[1] с 1 сентября 1954 г. из Министерства местной промышленности было выделено обособленное Управление топливной промышленности, переданное в ведение Совета Министров ТАССР. Разукрупнение министерства на два отдельных привело к изменениям и в их организационной структуре. Так, вновь созданное Министерство местной промышленности (см. прил. № 10) стало состоять из производственно-технического отдела, планового отдела, отдела труда и заработной платы, бухгалтерии, с общей численностью сотрудников в 28 единиц[2]. Появление двух структур предполагало изменения и на уровне подчиненности предприятий: районные производственные комбинаты должны были быть разделены, с одной стороны, на райпромкомбинаты, находящиеся в ведении Министерства местной промышленности ТАССР и, с другой стороны, на райтопы, торфопредприятия – в подчинении Управления топливной промышленности ТАССР (см. прил. № 11). Данное решение вызвало протест со стороны райкомов КПСС и райисполкомов. В результате некоторые райпромкомбинаты остались неделимыми.

Всего в результате объединения в системе Министерства местной промышленности и Управления топливной промышленности при Совете Министров ТАССР произошло сокращение 11 райпромкомбинатов, 10 райтопов, 2 гортопов, 1 торфопредприятия, 5 леспромхозов и

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-2840. Оп. 1. Д. 403. Л. 90-91; то же. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1773. Л. 9, 10; то же. Д. 1770. Л. 61, 63.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1771. Л. 7, 15, 24, 26, 28, 29.

Татфотопредприятия. Причем Татфотопредприятие и Высокогорский райпромкомбинат были полностью переданы промкооперации. В итоге в ведении 2-х министерств осталось 87 предприятий, из них: областного подчинения – 11, районного – 76[1]; из них в состав ММП ТАССР было передано 53 предприятия районной промышленности, 4 – предприятия республиканского значения, 11 – предприятий Казгорместпрома[2]. В продолжении данной реформы, на основе распоряжения Совета Министров СССР за № 1972 от 15 мая 1955 г., Постановления Совета Министров РСФСР от 6 мая 1955 г. и распоряжения Совета Министров ТАССР за № 489-р от 16 мая 1955 г., было восстановлено Главное управление торфяного фонда при Совете Министров РСФСР (Главторффонд РСФСР) с межобластными управлениями торфяного фонда. В городах Москва, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Горький (ныне Нижний Новгород), Ярославль, Смоленск, Ульяновск, Киров, Свердловск (ныне Екатеринбург) и Новосибирск были созданы межобластные управления торфяного фонда республиканского подчинения. Татарская АССР вошла в Горьковское межобластное управление торфяного фонда республиканского подчинения[3]. В задачи Главного управления и его отделений входило: проведение всех видов торфоразведочных работ, приемка торфоразведочных материалов и утверждение запасов торфа, хранение, учет и картографирование материалов по торфяному фонду, распределение и закрепление торфяных запасов между министерствами и др.

В целом за послевоенный период в системе управления республиканской промышленности сложилась громоздкая многоступенчатая система со звеньями между министерствами и предприятиями. Так, в системе управления промышленностью и строительством Татарской АССР было расположено 470 промышленных предприятий и строительных организаций, подчиненных 55 различным центральным министерствам и ведомствам. К тому же сформировалась большая группа вспомогательных непромышленных звеньев.

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1636. Л. 12.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1771. Л. 31.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1706. Л. 186.

К этому добавлялась еще и крайне разветвленная сеть снабженческих организаций. К началу 1957 г. в Татарской АССР было расположено 53 снабженческих и 36 сбытовых организаций, подчинявшихся 25-ти различным министерствам и ведомствам[1]. Координация хозяйственной деятельности в этой системе осуществлялась с помощью приказов, идущих сверху вниз: от вышестоящих органов до хозяйствующих субъектов – предприятий. Многоступенчатость в управлении отраслями приводила к отрыву управленческого аппарата от производства. Министерства и ведомства обросли множеством всевозможных снабженческо-сбытовых контор и баз, зачастую действовавших параллельно и затруднявших материально-техническое обеспечение производства и реализацию продукции[2].

Проводимые реорганизации периода начала и середины 1950-х годов, а также большое количество решений партии и правительства[3] по вопросам управления промышленностью наглядно показывают необходимость наметившихся серьезных перемен в механизме управления экономикой того периода. Принятыми постановлениями охватывался весь спектр хозяйственных отношений между предприятиями и министерствами, центральными экономическими органами и органами отраслевого управления, отраслями и союзными республиками, предприятиями, министерствами и органами финансового регулирования[4]. Непосредственно перед началом хрущевских реформ была сделана новая попытка оптимизации работы раздутых министерств и управлений. В частности, постановлениями Совета Министров РСФСР за № 107 от 16 марта 1957 г. и Совета Министров ТАССР за № 197 от 26 апреля 1957 г. «О сокращении административно-управленческих расходов

---

[1] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. (По материалам Татарии). С. 73-74.

[2] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1958. С. 311-312.

[3] Вопросы улучшения руководства народным хозяйством СССР: Постановления декабрьского (1956 г.) Пленума ЦК КПСС // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. М., 1985. С. 150-153; Об упорядочении организации разработки техпромфинпланов предприятий и сокращении форм и показателей техпромфинпланов: Постановление СМ СССР от 2 августа 1954 г.// Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 123-124; Об изменении порядка государственного планирования и финансировании хозяйства союзных республик: Постановление СМ СССР от 4 мая 1955 г.// Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1968. С. 200-217 и др.

[4] Семенова Л.М. Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью в 1957–1962 гг. С. 43-44.

учреждений, организаций и предприятий местного значения»[1] было решено упразднить лесозаготовительную контору Управления по строительству в колхозах при Совете Министров ТАССР, а подведомственные ей Арский и Камский мехлесопункты передать в подчинение Управлению топливной промышленности при Совете Министров ТАССР. Менялась подчиненность и других промышленных предприятий. Однако к качественному росту экономики эти меры уже не приводили. Требовались новые, радикальные перестановки во всем аппарате управления промышленностью.

Одновременно с реформированием системы промышленных министерств и управлений, на всем протяжении второй половины 1940 – начала 1950 годов, проходили реорганизации и на уровне подотчетных им предприятий: менялось их количество, а также подчиненность тем или иным ведомствам. Этот процесс наиболее ярко прослеживается на примере Министерства местной промышленности ТАССР. К 1947 г. в его составе было 89 предприятий. Из них: 1) по промышленности районного подчинения: а) Управление местной Казанской городской промышленности (Горместпром) в составе 7-ми райпромкомбинатов (по числу районов Казани) и 2-х фабрик – швейно-трикотажной и головных уборов; б) 70 рай(гор)промкомбинатов, расположенных в районах Татарской АССР и 2-х горпромкомбинатов (в Чистополе и Зеленодольске); 2) по промышленности областного подчинения: 1 комбинат, 3 завода, 2 фабрики, Фотоиздат и Мамадышский леспромхоз. Параллельно в системе ММП ТАССР было 9 райпищекомбинатов[2]. В следующем году число предприятий увеличилось на одно, за счет передачи Министерством авиационной промышленности СССР Министерству местной промышленности ТАССР валяльно-обувного предприятия[3]. В связи с этим в 1948 г. число предприятий местного подчинения составляло 90.

На основании решения Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР № 26-174 от 7 февраля 1949 г. и Постановления Совета

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 1838. Л. 146.
[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 1032. Л. 260.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 909. Л. 165.

Министров ТАССР № 696 из состава промышленности районного подчинения выбыли 2 райпромкомбината (Муслюмовский и Теньковский). В итоге к 1 ноября 1949 г. числилось: а) 77 промкомбинатов, подчиненных рай(гор)исполкомам Советов депутатов трудящихся, из них сельских – 68 и 1 в Казани; б) 4 предприятия городского подчинения в Казани; в) 7 предприятий республиканского подчинения, из них 3 в Казани[1].

Численность предприятий местного значения постоянно менялась, как в сторону увеличения, так и уменьшения. В 1950 г. произошло слияние нескольких предприятий. Так, Мамадышский леспромхоз был включен в состав Мамадышского райпромкомбината (Постановление Совета Министров ТАССР за № 43 от 22 августа 1950 г.), Елабужский валяльно-шорный комбинат включен в состав Свияжской валяльно-обувной фабрики (Постановление Совета Министров ТАССР за № 656 от 14 июля 1950 г.). На 1 января 1951 г. в системе Министерства местной промышленности Татарской АССР числилось 86 предприятий и промкомбинатов, в том числе: в промышленности республиканского подчинения 5 (из них 3 в Казани и 2 – в районах), в промышленности районного подчинения – 81 (в Казани – 11 и в сельской местности – 70)[2].

К началу следующего года количество предприятий ММП ТАССР осталось неизменным, правда, в течение года последовала новая волна перестановок. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в составе ТАССР было образовано 2 области: Казанская и Чистопольская. При них было создано 2 облместпрома. Таким образом, в состав промышленности районного подчинения вошли 11 предприятий и райпромкомбинатов, объединяемых Управлением местной промышленности при исполкоме Казанского городского совета депутатов трудящихся, 37 промкомбинатов, объединяемых отделом местной промышленности при исполкоме Казанского областного совета депутатов трудящихся (36 райпромкомбинатов и 1

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1038. Л. 1.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1175. Л. 1.

горпромкомбинат) и 32 промкомбината, объединяемых отделом местной промышленности при исполкоме Чистопольского областного совета депутатов трудящихся (32 райпромкомбината и 1 горпромкомбинат)[1].

В 1952 г. местная промышленность охватывала следующие отрасли: металлообрабатывающая (удельный вес – 11,4%); деревообрабатывающая (13,6%), в том числе в сельских районах (41,0%); лесоразведка (2,8%), в сельских райпромкомбинатах (9,0%); химическая и лесохимическая (5,5%); резиновая (6%); текстильная (7,2%); стройматериалы (2,2%), в том числе в сельских районах (8,9%); кожеобувная и меховая (5%); швейная (38,4%), в том числе в сельских райпромкомбинатах (18,0%); прочие (7,9%)[2]. На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР за № 119/169 от 24 июля 1952 г. и распоряжения Совета Министров ТАССР за № 592-р от 2 августа 1952 г., 4 кирпичных завода при Акташском, Ново-Письмянском, Альметьевском, Верхнеуслонском заводах были переданы Министерству внутренних дел СССР[3].

Постановление от 14 октября 1954 г. «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата»[4] упрощало структуру органов управления государственной промышленностью. В документе было отмечено, что в организационной структуре и хозяйственной деятельности государственного аппарата имеется много недостатков, которые тормозят развитие народного хозяйства. В связи с этим была поставлена задача: в короткие сроки добиться всемерного улучшения, удешевления и усовершенствования государственного аппарата с тем, чтобы с меньшим числом людей успешнее вести работу в органах государственного управления. В соответствии с постановлением было упразднено порядка 200 главков и отделов министерств, 147 трестов, 93 местных управления, 898 снабженческих организаций, 4,5 тыс. разных контор и

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1456. Л. 270, 270 об.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1462. Л. 1.

[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1455. Л. 197, 200.

[4] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М., 1968. С. 144-150; Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР. С.152.

порядка 4 тыс. незначительных структурных подразделений[1]. На местном республиканском уровне эти процессы выразились в последовавшей новой оптимизации системы управления.

В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР от 14 октября 1954 г., Совета Министров ТАССР и бюро Обкома КПСС за № 606 от 27 октября 1954 г., в дополнение к одобренным 28 июля 1954 г. Советом Министров ТАССР мероприятиям по сокращению административно-управленческого аппарата, стали проводиться следующие мероприятия: объединение маломощных райпромкомбинатов и контор по снабжению и сбыту; сокращение административно-управленческого аппарата райпромкомбинатов и контор по снабжению и сбыту; упразднение управлений городской местной промышленности[2]. Укрупнение маломощных райпромкомбинатов, имевших незначительный объем выпуска, с однородными производствами должно было позволить улучшить организацию производственных процессов и механизировать их, увеличить выпуск изделий народного потребления, снизить себестоимость продукции и т.д. К тому же предприятия должны были перейти на узкую специализацию.

Параллельно с этим 4 предприятия районного подчинения (швейно-трикотажная фабрика, инструментальный завод, фабрика головных уборов и галантерейная фабрика), имевших объем по выпуску валовой продукции от 5 до 20 млн рублей, были переведены в республиканское подчинение, в непосредственное ведение Министерства местной промышленности ТАССР. В результате этих перестановок в составе Казгорместпрома осталось лишь 5 райпромкомбинатов (в 1954 г. были слиты также Сталинский и Кировский райпромкомбинаты), что привело к тому, что содержать аппарат Казгорместпрома в составе 10 человек стало экономически невыгодным[3].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1954 г. «Об упразднении Мортовского, Матвеевского и Корноуховского

---

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М., 1968. С. 146.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1773. Л. 16, 19, 23.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1773. Л. 18, 21, 25.

райпромкомбинатов» было решено объединить на правах цехов Мортовский райпромкомбинат с Елабужским райпромкомбинатом и Матвеевский райпромкомбинат с Мензелинским гортопом Управления топливной промышленности при Совете Министров ТАССР. Корноуховский райпромкомбинат сохранялся, но переименовывался в Рыбно-Слободский райпромкомбинат[1].

В 1955 г. на основе Постановления Совета Министров РСФСР за № 1036 от 20 августа 1955 г. и распоряжения Совета Министров ТАССР за № 980-р от 7 сентября 1955 г. предприятия промысловой кооперации, занятые производством музыкальных инструментов, были переданы в ведение ММП РСФСР.[2] В следующем году в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР за № 3845-р от 10 сентября 1956 г. и Постановлением Бюро обкома КПСС и Совета Министров ТАССР за № 318 от 4 июля 1956 г. предприятия Татпромсовета были переданы Министерству местной промышленности.

В целом в послевоенное десятилетие система управления промышленностью находилась в постоянном поиске наиболее оптимальных форм, которые преимущественно носили косметический характер. И если в конце 1940-х годов перестановки в аппарате управления республиканской промышленностью проводились выборочно и были направлены лишь на восстановление отраслевого баланса, то первая половина 1950-х годов стала временем широкомасштабных, в ряде случаев даже хаотичных перестановок, связанных с поиском механизмов увеличения валовых показателей. При этом реорганизациям подвергались как отраслевые органы управления, так и непосредственно предприятия. Несмотря на эти реорганизации, республиканским властям в рассмотренный период не удалось сформировать требуемую временем модель управления промышленностью. Как отмечал Дж.Р. Миллар «Если 1930-е годы были периодом создания советских

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1706. Л. 38.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1884. Л. 76.

институтов, то война была временем их испытания. Послевоенные годы, напротив, были годами консерватизма, а не экспериментов. Это был период, в течение которого довоенная система была восстановлена в большинстве своих особенностей»[1]. Тем не менее, тренды мировой экономики и накопившиеся внутренние противоречия требовали широкомасштабных, а главное – новых реформ, в индустриальном секторе экономики.

4.6. Отражение организационных изменений на экономических показателях развития промышленности Татарстана в конце 1920-х –1950-е годы

Проводимые организационные мероприятия в промышленной сфере Татарской АССР не могли не отразиться на экономических показателях республики. Этому же способствовали относительная стабилизация экономики в годы НЭП, увеличение общегосударственных инвестиций, которые позволили переломить негативный тренд развития республиканской промышленности. Со второй половины 1920-х годов наметилась тенденция к улучшению промышленных показателей. С позиции прошедшего времени можно отметить, что фактически данный период стал переломным этапом в модернизационных процессах страны и региона. Нам видится, что экономика, долгое время колебавшаяся между нисходящим и восходящим трендом развития, выбрала второй вариант. Начался этап пока еще медленного, но набирающего силу процесса активизации индустриального потенциала страны.

Чтобы проанализировать эффективность республиканской промышленности, необходимо сравнить рост ее показателей в процентном

[1] Millar J.R. Conclusion: Impact and Aftermath of World War II / The Impact of World War II on the Soviet Union / Edited by Susan J. Linz. University of California, Irvine: Rowman & Allanheld Publishers, 1985. P. 290.

соотношении с аналогичным ростом других отраслей экономки, что позволяет определить динамику ее увеличения в рассматриваемый период. Материалы фонда Министерства экономики Республики Татарстан указывают, что рост валовой продукции сельского хозяйства в 1924/25 году по отношению к 1923 г. составил 247,8%, в 1925/26 году по отношению к предыдущему году – 97,4%, в 1926/27 году и того меньше – 87,3%, в промышленности же – 137,1%, 146,0% и 120,0% соответственно. Вес валового выпуска промышленности в народнохозяйственном балансе также постепенно, но неуклонно возрастал: в 1924/25 году он составлял 121,1%, в 1925/26 году – 127,3%, в 1926/27 году – уже 130,9%[1]. Фактически эти данные подчеркивают очень важный аспект, связанный с тем, что валовый выпуск предприятиями промышленности постоянно увеличивался, что, в свою очередь, свидетельствовало о приоритетности данного сектора экономики еще до момента начала индустриальной гонки.

Секрет роста валовых промышленных показателей заключался в постепенном наращивании инвестиций в приоритетные, с точки зрения правительства, отрасли промышленности. Наглядно это демонстрирует таблица № 4.3.

Таблица 4.3

Капиталовложения в промышленность ТАССР в 1923–1928 гг.

	1923/24 г.	**1924/25 г.**	**1925/26 г.**	**1926/27 г.**	**1927/28 г.**
Затраты (в тыс. руб.)	623,2	768,8	1866,3	1464,9	2580,8

Из представленной таблицы видно, что с 1923/24 года по 1927/28 год объем капиталовложений в республике вырос в 4 раза. Одновременно резко возросла численность рабочих цензовой промышленности: с 12,5 тыс. чел. в 1924/25 году до 15,9 тыс. чел. – в 1927/28 году[2]. Из них основная масса (64,03%) приходилась на работников предприятий трестированной промышленности[3]. Данные показатели свидетельствуют о фактической переориентации экономики

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 34.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 1464. Л. 3.
[3] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219. Л. 35.

в пользу усиленного промышленного строительства уже в середине 1920-х годов.

Стоит обратить внимание на определяющие отрасли промышленности к началу индустриализации советской промышленности Татарской АССР. К ним относились: пищевкусовая – 27,6% в валовой продукции, химическая – 22,2%, кожевенно-меховая – 17%, текстильная – 16%[1]. Это были традиционные для республики отрасли, которые были развиты еще в дореволюционный период. В тоже время в рассматриваемый период нами не было обнаружено массовое создание предприятий нетрадиционных отраслей. Промышленное строительство в рассматриваемый период отсутствовало, за исключением начала постройки мехового комбината и подготовительных работ к постройке фанерного завода. По нашему мнению, это объяснялось в целом недостаточностью финансовой базы страны и республики, имеющиеся инвестиции в основном направлялись на модернизацию уже существующих предприятий.

В тоже время резко возросло воздействие государства на экономику, которое постепенно стало формировать серьезные диспропорции между государственной и частной форм промышленности. Данные тенденции можно отследить по показателям валовой продукции. Так, если в 1925/26 году валовая продукция государственных предприятий Татарской АССР составляла 52433517 рублей, частных предприятий – 4581994 руб., в 1926/27 г. – 63917006 руб. и 2325906 руб., то в 1927/28 г. – 73938537 руб. и 578657 руб. соответственно. Если от сравнительных характеристик перейти к абсолютным, то в среднем на каждое государственное предприятие приходилось дохода: в 1925/26 году – 535035 руб., в 1926/27 году – 626637 руб., в 1927/28 году – 739385 руб., что показывает рост количественных показателей выпуска продукции ежегодно примерно на 117%. В частной промышленности показатели были обратными: в среднем на каждое частное предприятие приходилось: в 1925/26 году – 199217 руб., в1926/27 году – 105723 руб., в

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 1464. Л. 4.

1927/28 году – 57865 руб. (выполнение плана ежегодно на 53–54%). В 1928/1929 гг. 93 государственных предприятия давали уже 76446900 руб., что в среднем на каждое предприятие составило 822009 руб. Из отчетного доклада председателя СНК ТАССР товарища Исмаева, мы можем сделать вывод, что к этому времени 95,2% всех предприятий республики находились в собственности государства, 4,8% – в руках промкооперации[1]. При этом, наилучшие темпы роста государственной промышленности показывали трестированные предприятия, нежели чем другие формы промышленности, что подтверждается данными, приведенными в диссертационном исследовании А.И. Гатауллиной[2], на основе исследования показателей промышленных предприятий ТАССР (по числу занятых рабочих, по валовому обороту и валовой продукции в 1924/1925 году). Правда, при росте валовых показателей процент реализации подукции оставался очень низким. Так, по Бондюжскому заводу реализация составляла 72,2%, по Кокшанскому заводу – 78%, по кондитерской фабрике «Светоч» – 86,6%; по предприятиям «Красный путь» – 74%, «Красный двигатель» – 46,8%, а по лесозаводу «Пролетарий» – 52,2%[3].

Первая пятилетка стала временем начала сверхмодернизации экономики СССР. Проведение широкомасштабных преобразований, связанных с масштабным переустройством всего экономического облика страны, создание тысяч предприятий, привлечение сотен тысяч людей на новые стройки страны, не могло проводиться старыми испробованными средствами. Требовались новые инструменты и механизмы управления, которые могли бы активизировать все ресурсы на выполнение поставленных задач. Гибкая политическая линия периода НЭП заменялась курсом на вытеснение элементов рынка, активным государственным вмешательством, ускоренным индустриальным ростом. Данные положения были законодательно закреплены IV съездом Советов СССР.

---

[1] Красная Татария. 1929. 9 мая. № 101.

[2] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 110-112.

[3] Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность (на материалах Республики Татарстан, Ульяновской, Самарской, Саратовской областей). С. 113.

Особенностью государственной промышленной политики в рассматриваемый период становилось поэтапное развитие индустриального сектора и его системы управления. В зависимости от решения тех или иных технико-производственных задач усложнялись плановые задания на следующий этап. Исследователь И.В. Бойко, в этой связи отмечает, что: «… первую пятилетку можно условно определить как сложный процесс укладки рельсов в аграрной стране для начала развития и постепенного технологического усложнения промышленности»[1]

Проблема формирования единой государственной промышленной политики, нам думается, была намного шире простого поэтапного развития. Отсутствие современных, передовых технологий, необходимого объема инвестиций, квалифицированных кадров (зачастую в цеха приходилось набирать выходцев из села, не имевших не только квалификацию, но даже и образования), отточенной системы обучения персонала служили фронтирами в постановке (а в дальнейшем и решении) амбициозных задач в области промышленности, формированию нового индустриального уклада. Этим во многом и определялась стратегия развития индустриальной сферы СССР, ориентированной на копирование достижений технологически развитых стран мира. И.В. Бойко отмечает, что «имитационный тип технологического развития требует относительно более низких затрат, чем инновационный, он также менее рискован и приносит результат в более коротком временном интервале. Все это существенно снижает риски технологического развития для национальной экономики»[2].

Централизация экономики на данном этапе стала не случайным явлением в жизни государства. Только четкое подчинение всех звеньев экономики единому контролю, только единая государственная собственность могли позволить стране получить дополнительные ресурсы на осуществление новых реформаторских задач. В результате завершение реконструкции народного

[1] Бойко И.В. Стратегия экономического прорыва. Как это было 90 лет назад // Инновации. 2019. № 8 (250). С. 12.
[2] Бойко И.В. Стратегия экономического прорыва. Как это было 90 лет назад // Инновации. 2019. № 8 (250). С. 13.

хозяйства СССР, перекачка финансовых средств из села в город, процессы урбанизации и т.п. открыли новые возможности для роста экономики. Этому же способствовали и закупки оборудования за рубежом[1]. А. Саттон указывает, что в период с 1929 по 1940 год в СССР было ввезено 300 тыс. высококачественных станков, нередко закупалось полностью оборудование целых заводов[2]. По оценкам А. Вишневского и В.А. Шестакова, более четверти всего нового оборудования, введенного в эксплуатацию с 1928 по 1941 год, было импортировано. Американские, немецкие и другие иностранные инженеры участвовали в проектировании и строительстве важнейших промышленных объектов 1930-х годов[3]. На этот процесс не стоит смотреть как на братскую помощь капиталистических стран своему социалистическому соседу. Скорее наоборот. Одновременно с массовой индустриализацией в СССР в США в 1929 году разразилась Великая депрессия, потянувшая в кризисное пике другие страны Западной Европы. Показателями кризиса стали: мощнейший спад производства, высокая инфляция, повальная безработица, катастрофическое снижение уровня жизни. Советский Союз же в условиях экономического роста стал покупателем ресурсов и производственных мощностей на Западе, косвенно способствуя подъему их экономики. А.Ноув по этому поводу пишет: «В эти годы в СССР приехало значительное число иностранных специалистов и квалифицированных рабочих, некоторые из которых заключали контракты с иностранными фирмами, чтобы помочь построить новые заводы и обучить своих российских коллег. Другие приезжали в Россию по идеологическим причинам, как добровольцы или из-за растущей в своих странах массовой безработицы»[4].

Возросло значение военной индустрии, что было связано с новым курсом, выбранным И.В. Сталиным. Разработанный еще в прежние годы образ

[1] В период Великой депрессии, в условиях снижения объемов промышленного производства, СССР становился одним из немногих внешних рынков куда можно было продавать станки и оборудование, а также направлять трудовые излишки для строительства фабрик и заводов, получая от этого прибыль.

[2] Sutton A. Western technology and Soviet economic development, 1945 to 1965. Stanford, 1973. P. 413.

[3] Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 65; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов: дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. С. 233.

[4] Бойко И.В. Стратегия экономического прорыва. Как это было 90 лет назад // Инновации. 2019. № 8 (250). С. 10; Цит. По: Nove A. An Economic History of the USSR: 1917-1991. Published by Penguin Group, 1992.

внешнего врага позволил руководству обосновать необходимость проведения милитаризированной политики, и, как следствие, приступить к мобилизации всех ресурсов. Рост военной промышленности осуществлялся в контексте преимущественного развития тяжелой индустрии.

Сведения, данные в народнохозяйственном сборнике указывают, что за годы первой и второй пятилеток в Советском Союзе было построено примерно 9000 промышленных предприятий[1]. Эти показатели подтверждаются и современными исследователями. Только в период первой пятилетки среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 19%, во второй пятилетке (1933 –1937 годы) – 17%. С 1928 по 1940 год добыча угля в стране возросла почти в 5 раз, нефти – почти в 3 раза, производства электроэнергии – почти в 10 раз. И если в 1913 г. Россия занимала 5-е место в мире по величине экономического потенциала после США, Германии, Великобритании и Франции, то к концу 1930-х годов страна вышла на второе место в мире по объему национального дохода, догнала Францию по объему промышленного производства и существенно сократила разрыв по отношению к другим ведущим государствам[2]. Анализ данных большего периода, проведенный А. Вишневским, позволяет сделать выводы о мощном рывке отечественной индустрии: так, с 1928 по 1955 год производство электроэнергии увеличилось в 34 раза, стали – в 11 раз, минеральных удобрений – в 88 раз, цемента – в 12 раз, металлорежущих станков – в 59 раз, автомобилей – в 529 раз, добыча нефти – в 6 раз[3].

Модернизационный подъем экономики рассматриваемого периода не мог не затронуть индустриальную сферу Татарской АССР, что объяснялось повышенным вниманием со стороны государства к развитию восточных экономических районов. Подтверждает данный тезис данные Е.Ф. Кондратенко, который указывает на то, что «…разведанные в восточных

---

[1] Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 33.

[2] МЭиМО. 1987. № 11. С. 148, 151; там же. 1988. № 7. С. 134; Тихонов Н.А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы. М., 1984. С. 21.

[3] Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. С. 56.

районах СССР месторождения топливного и рудного сырья обусловили размещение в этих регионах промышленного производства, имевшего важное экономическое и оборонное значение. В Поволжье, Сибири, на Урале шло строительство заводов оборонной промышленности, которые базировались на местной топливнометаллургической базе, намечалось создание предприятий-дублеров по важнейшим отраслям промышленности»[1].

Вместе с тем место Татарской республики в системе промышленного развития страны оставалось крайне неоднозначным, говорить о сверхмодернизации региона в этот период не приходилось. Скорее наоборот. Так, по проекту первого пятилетнего плана предусматривалось снижение удельного веса республиканской промышленности в системе индустрии СССР: по наметке Госплана СССР – с 0,39% до 0,38%, по планам ВСНХ РСФСР – до 0,23%. Относительно состояния и перспектив промышленности Татарской АССР в пятилетнем плане Госплана СССР имелось следующее определение: «Развитие промышленности ТАССР за весь восстановительный период шло почти исключительно за счет нагрузки старых предприятий – новые почти не строились… Средняя изношенность основного капитала всей промышленности ТАССР исчисляется в 50–60% от начальной стоимости»[2].

В результате объем капитальных работ по республике был сокращен в 2 раза против проекта районной секции Госплана РСФСР и в 4 раза против наметки Госплана ТАССР. Удельный вес республики по капитальным вложениям в промышленность, находящуюся на территории РСФСР, снизился с 0,3% в 1929/30 году до 0,25% в 1930/31 году, при одновременном повышении удельного веса всех других национальных республик (кроме Крымской). Материалы фонда Представительства ТАССР при Президиуме ВЦИКа указывают, что при росте размера капитальных вложений в целом по РСФСР против предыдущего года на 82,6% рост вложений по ТАССР составил лишь

[1] Кондратенко Е.Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: По материалам Среднего Поволжья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Пенза, 2003. С. 20.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 163. Л. 37.

48,1%[3]. Республика по темпам капитальных вложений начала отставать от среднего уровня по РСФСР и от других районов и областей.

Впрочем, несмотря на отсутствие заинтересованности центральных властей в индустриальном развитии республики, к концу 1920-х годов модернизационные процессы стали проявляться и здесь. Постепенно промышленность начала опережать сельское хозяйство. Удельный вес валовой промышленной продукции в общем объеме продукции народного хозяйства республики постоянно возрастал: в 1925/26 году он составлял 35,8%, в 1927/28 году – 37,3%, в 1928/29 году – 39,9%, в 1929/30 году – 43,6%[1]. За годы пятилетки в республике появились заводы Пишмаш, «Штамповщик», Силикатный завод, Фанерный завод № 3, лесозавод «Национал», завод обозных деталей, валяная фабрика, фабрика гражданского платья, фабрика индивидуальных заказов, шорно-седельная фабрика, мехкомбинат, грамоффонная фабрика, кетгутный завод, маслозаводы в районах, саговый завод, КазГРЭС, Арская электростанция.[2] Данный подъем был обусловлен началом переориентацией государственной экономической политики в сторону преимущественного развития промышленности.

Данные тенденции можно хорошо проследить на отраслевом уровне. В Татарской АССР наблюдалось ускоренное развитие легкой и пищевой промышленности, при том, что общим трендом для общесоюзного развития являлось ускоренное развитие отраслей тяжелой индустрии. (См. табл. № 4.4).

Таблица 4.4

Соотношение валовой продукции группы «А» и группы «Б» по государственной промышленности Татарской АССР[3]

Группы отраслей	**1927/28 г.**	**1928/29 г.**	**1929/30 г.**	**1931 г.**	**1932 г.**
Всего (в тыс. руб.)	87932	124202	172686	257638	305609
в %	*100*	*100*	*100*	*100*	*100*
Группа «А» (в тыс. руб.)	14261	19324	25229	35661	43736
в %	*16,2*	*15,6*	*14,6*	*13,8*	*14,3*
Группа «Б» (в тыс. руб.)	73671	104873	147457	221977	261873

[3] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 253. Л. 12

[1] ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 1191. Л. 1.

[2] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 14. Д. 154. Л. 3.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 253. Л. 12; там же. Д. 309. Л. 6.

в %	*83,8*	*84,4*	*85,4*	*86,2*	*85,7*

Несомненно, ключевыми факторами здесь явились применение труда местного населения, переводимого из села в город, капитальные вложения и структурные перестановки в системе управления отраслями индустрии. Но при этом данные таблицы 2.1.3 наглядно показывают, что несмотря на рост доходов, удельный вес группы «Б» постепенно стал снижаться, в то время как отрасли группы «А» наоборот увеличивали свое присутствие. Они были представлены в регионе еще в дореволюционный период, достаточно успешно развивались и в период индустриализации, что можно проследить по их динамике. (См. табл. № 4.5).

Таблица 4.5

Динамика роста валовой продукции тяжелой индустрии ТАССР в1927/28 – 1932 годы

Отрасль	**Валовая продукция в ценах 1926/27 года (в тыс.руб.)**	
	1927/28 г.	**1932 г.**
Химическая промышленность	4958,0	7134,0
Металлообрабатывающая промышленность	2101,0	14342,3
Промышленность стройматериалов	405,0	5103,7
Итого	***7464,0***	***26580,0***

Приведенная таблица показывает, что химическая промышленность увеличила свою продукцию в 1,5 раза, металлообрабатывающая промышленность – более чем в 6 раз, промышленность стройматериалов – в 12 раз. В целом валовая продукция промышленности выросла по сравнению с предшествующим пятилетке годом в 3 раза. В связи с этим значительно увеличилось количество занятых в ней работников, причем если в металлообрабатывающей промышленности – в 2 раза, то в промышленности стройматериалов – в 12 раз[1]. Но вместе с тем отсутствие заинтересованности государственной власти в развитии новых отраслей тяжелой индустрии в крае, ограниченность ресурсной базы, налаженных межпроизводственных и внутрипроизводственных связей, по-прежнему служили тормозом развития новых отраслей.

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 302. Л. 1об-2.

Определенный перелом в этом вопросе произошел к началу второй пятилетки, чему во многом способствовало воздействие внешне- и внутриэкономической и политической конъюнктуры, а также возрастающая милитаризация экономики. Вероятность возможной войны актуализировала значение отраслей группы «А», которые были во многом завязаны на военных заказах. Татарская АССР в этой связи представляла собой удобный плацдарм для развития химической и металлообрабатывающей промышленности, что объяснялось наличием уже существующих предприятий, удобным территориальным местоположением республики, наличием резерва трудовых ресурсов.

К периоду второй пятилетки эти отрасли вышли на лидирующие позиции по темпам строительства предприятий. Особенно быстро росли такие предприятия, как судостроительный завод «Красный Металлист», завод «Серп и молот» и другие. Всего в течение первой пятилетки было построено свыше 20 крупных и более 40 небольших предприятий. В работе «Социалистическое соревнование в промышленности Татарии. 1917–1975 гг.» авторы отмечают, что по планам второй пятилетки в республике было запланировано строительство 46 предприятий (в фонде Государственного планового комитета РСФСР и его подведомственных учреждений Государственного архива Российской Федерации нами обнаружен иной показатель – 115 предприятий[1]) в отраслях химической, винокуренной промышленности, металлообработки, деревообработки, силикатной группы.[2] Коренной реконструкции подверглись такие крупные предприятия республики, как Бондюжский завод, жировой комбинат им. М. Вахитова, льнокомбинат им. В.И. Ленина, механический завод, завод «Красный путь», швейные фабрики и др.

После нескольких лет недофинансирования наркоматов и предприятий в республику стали закачиваться огромные средства на развитие стратегически важных отраслей промышленности. Статистические отчеты, взятые в фонде

---

[1] ГАРФ. Ф. А-262. Оп.1. Д. 552. Л. 1.

[2] Белялов У.Б., Горник Г.Л., Токарев В.Б. Социалистическое соревнование в промышленности Татарии. 1917–1975 гг. С. 61; ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 329. Л. 1.

Государственного планового комитета СССР Совета Министров СССР показывают, что в 1932 г. в экономику Татарской АССР было вложено 179,6 млн рублей против 77 млн рублей в 1931 г., из них непосредственно в промышленность было отведено 78,1 млн рублей[1] (по сведениям Т.Н. Кузьмина и Н.А. Шарошкина объем капиталовложений в промышленность республики составил: в 1928 г. – 97,8 млн руб., в 1929 г. – 102,2 млн руб., в 1931 г. – 267,9 млн руб., в 1932 г. – 328,2 млн руб.[2]). В последующий период объем капиталовложений постоянно увеличивался. По этому поводу В.В. Куйбышев отмечал, что «Татарская АССР принадлежит к числу районов, процесс индустриализации которых происходит особо энергичными темпами»[3]. Параллельно с ростом инвестирования в новые отрасли увеличились и затраты на создание новых и реконструкцию традиционных для республики отраслей. Наглядно это можно проследить по объему выполненных капитальных работ в различных отраслях индустрии республики.

Наряду с этим веденные в научный оборот архивные данные указывают на проблемы, возникшие со строительством новых промышленных предприятий. К примеру, не все строящиеся предприятия республики получали соответствующее запросам финансирование, ресурсы, сырье. К примеру, в 1932 году план строительства предприятий тяжелой индустрии был выполнен всего на 31,2%, что объяснялось отсутствием строительных работ по Авиастрою, Вагонстрою, заводам СК и фабрики «Кинопленка», неосвоением капитальных затрат заводом «Красный Металлист»[4]. Такая ситуация продолжалась на протяжении нескольких лет. Так, в деле «Постановления РСФСР и ТАССР по строительству заводов Татреспублики и переписка» фонда Представительства ТАССР при Президиуме ВЦИКа обнаружено Постановление СНК ТАССР от 19 марта 1935 г. где указывалось, что строительство фабрики «Кинопленка» срывалось из-за нехватки цемента и гвоздей (из 300 тонн запланированного

---

[1] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1926. Л. 118.

[2] Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005. С. 33; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1926. Л. 5-6.

[3] Из выступления В.В. Куйбышева на XVII съезде ВКП(б) / XVII съезд. Стенаграфический отчет. М., 1934. С. 407.

[4] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 302. Л. 2 об.

цемента на завод не было завезено ни одной тонны, из 58 тонн гвоздей было завезено 3,4 тонны)[1]. Из-за недостатка денежных средств был отклонен вопрос о создании ТЭЦ № 2 в Казани для нужд промышленных предприятий[2]. Проект создания во второй пятилетке на территории Татарской АССР военного завода оптических приборов, на строительство которого предполагалось затратить 60 млн рублей, также не осуществился, по причине того, что в Госплане СССР развернулись острые дискуссии между отделами по вопросу месторасположения данного предприятия. Сектор размещения и Сектор промышленности высказывались за постройку завода в г. Казани, в то время как Сектор обороны – за создание предприятия в Московской области[3]. Одновременно с этим отсутствовало элементарное благоустройство населенных промышленных центров татарской республики. Из 60 районных центров республики только 10 были частично благоустроенными. Остальные же не удовлетворяли требованиям, предъявляемым населением к районным центрам[4].

Вторая половина 1930-х годов явилась временем ускоренного развития отраслей советской промышленности, связанных с военной сферой. Тезис И.В. Сталина, четко раскрывает необходимость данной политики: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[5].

Фактически страна вошла во вторую фазу сверхмоденизации экономики, когда основная концентрация ресурсов в большинстве своем обеспечивала только те отрасли, которые так или иначе удовлетворяли потребности армии. Во многом данные действия объясняются нами относительным выравниванием общеэкономического положения страны, созданием (в ряде случаев – воссозданием) необходимых государству и населению отраслей экономики, а главное, концентрацией всегда ограниченных бюджетных средств, на решении

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 387. Л. 16.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 387. Л. 27.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 329. ЛЛ. 14, 21.

[4] ГА РТ. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 501. Л. 6.

[5] Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 39; История социалистической экономики СССР. Т. 4. М., 1978. С. 175.

стратегически важных задач, стоящих перед государством. Е.Ф. Кондратенко указывает, что в годы третьей пятилетки на нужды армии направлялось более четверти всех капитальных вложений, выделяемых на промышленность. В это время в стране развернулась реконструкция имевшихся и строительство новых военных заводов, осваивалось производство новых видов вооружения. При этом большое значение имело обеспечению вооруженных сил новейшей военной техникой (танками, самолетами, огнестрельным оружием). Особенно четко данная тенденция прослеживалась на региональном уровне. В Поволжье в указанный период появилось девять авиационных заводов, и было реконструировано также девять заводов[1]. Ускоренное развитие военной сферы толкало вперед и остальные отрасли промышленности. 10-21 марта 1939 г. на состоявшемся в стране XVIII съезде ВКП(б) было принято в качестве основной задачи при размещении нового строительства приближение промышленности к источникам сырья и районам потребления, создание в восточных районах предприятий-дублеров, рост объема капитальных работ, строительство новых предприятий[2].

Мероприятий советской власти дали мультипликативный эффект на местах. Произошло резкое увеличение количества предприятий республиканской промышленности. Так, если в 1932 году количество предприятий составляло 347, то в 1937 году оно возросло до 751[3]. То есть рост объемов промышленного производства во второй пятилетки составил 216% по сравнению с первой. Тяжелая промышленность ТАССР была представлена предприятиями союзного и местного значения. К первой группе относились Бондюжский химический завод, заводы СК и «Кинопленка», Шугуровский битумный завод, 3 металлообрабатывающих предприятия («Красный металлист», «Красный Котельщик», «Серп и молот»), строились заводы

---

[1] Кондратенко Е.Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Среднего Поволжья): дис. …канд. ист. наук. Пенза, 2002. С. 25.

[2] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов и материалов. Т. 2. М., 1957. С. 574-575; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. Т. 7: 1938–1945. М., 1985. С. 358-361.

[3] История Татарской АССР. Т.II / Под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарямова, Х.Х. Хасанова. С. 329.

«Авиастрой» и «Вагоностроя». Тяжелая промышленность местного подчинения была представлена 3-мя металлообрабатывающими предприятиями, 3-мя кирпичными заводами и заводами стройматериалов[1]. Помимо тяжелой индустрии развитие получили и предприятия местной промышленности ТАССР, состоящие из фабрик и заводов крупно-фабричного типа и по своему значению выходящие далеко за пределы республики. По удельному весу продукции эта отрасль занимала в системе местной промышленности РСФСР 5 место, а по выпуску валяльно-обувной продукции – 1 место в СССР. Она располагала 15% основных фондов всей промышленности, давая в 1935 году 30% продукции промышленности ТАССР. В отдельных отраслях, как было отмечено, местная промышленность играла в балансе продуктов РСФСР определяющую роль. Так, по валенкам Татарская АССР давала 45% всей продукции, по швейной – 5%, по кожевенной – 8,1% и т.д.[2] В состав местной промышленности к 1935 г. входило, помимо предприятий тяжелой промышленности, 17 предприятий легкой промышленности и 8 предприятий пищевой промышленности. Кроме того, под руководством наркомата местной промышленности (НКМП) ТАССР находилась низовая промышленность подчинения районно-исполнительных комитетов (РИК) – 11 предприятий, а также сельхозмукомолье, состоявшее из 80 мельниц, объединенных Татмельтрестов[3].

Одновременно с этим открывались новые горизонты, связанные с добычей нефти. Обнаруженные геологоразвежкой залежи, октывали перспективу превращения республики в топливный центр Советского Союза. Подтверждением является резолюция XVIII съезда ВКП(б) о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1938–1942 годы) от 14 марта 1939 г., в которой отмечалась необходимость создания в районе между Волгой и Уралом новой нефтяной базы – «Второе Баку». Программа нефтедобычи и нефтепереработки должна была обеспечиваться быстрым

[1] ГА РТ. Ф.Р-1150. Оп.1. Д.302. Л.1.
[2] ГА РТ. Ф.Р-1150. Оп.1. Д.428. Л.1.
[3] ГА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 3054. Л. 45.

развитием геологоразведочных работ и внедрением высокой техники во всех отраслях нефтяной промышленности. Широкое распространение должно было получить турбинное бурение, бурение под давлением, закрытая эксплуатация с улавливанием газа и извлечением из него бензина и использование в переработке нефти химических методов. Предполагалось всемерно увеличить производство высокооктанового горючего и высококачественных масел. Соответственно были построены десятки крупных промышленных предприятий, а также реконструированы старые[1]. Нужда местного населения в необходимой продукции обусловило появление сети райпищекомбинатов. Только в 1939 году на базе сельскохозяйственных мельниц было образовано 7 районных пищекомбинатов. В 1940 г. к ним добавилось еще 11 райпищекомбинатов в составе цехов: безалкогольного, плодоовощного и кондитерского в каждом. Для всех райпищекомбинатов были предоставлены и оборудованы помещения, укомплектован штат и набрана рабочая сила[2].

В целом во второй половине 1930-х годов Татарская АССР (как и все Среднее Поволжье) стало достаточно индустриально развитым регионом СССР. Урбанизация затронула северо-западную территорию Татарской АССР (с городами Казань и Зеленодольск). Здесь проживало практически 80% городского населения республики. Вторым по степени концентрации городского населения стал северо-восток, где проживало 11,5% городского населения республики. Юго-запад и юго-восток республики были представлены в городском населении гораздо слабее[3].

Постепенно промышленное производство республики начало выходить на ведущие индустриальные позиции в экономике страны. И даже внезапное начало войны не только не остановило данный поступательный процесс, но дало дополнительный импульс для развития промышленности.

---

1 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. С. 344-345; Кондратенко Е.Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Среднего Поволжья). С. 25-26.

2 ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3501. Л. 29.

3 Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2008. С. 37.

Война стала серьезным испытанием для советской экономики: значительная часть западных территорий (развитых районов) оказалась захваченной врагом, гибель большого количества жителей, разрушения, мобилизация трудоспособного населения. Военные действия не могли не отразиться и на развитии промышленности. Советские и российские источники дают примерно одинаковую картину того, что уже в первый месяц войны произошло снижение валовой продукции наркомата электропромышленности СССР на 17%, резиновой промышленности – на 18%, Народного комиссариата пищевой промышленности СССР – на 39%, Народного комиссариата лесной промышленности СССР – на 30%[1]. В августе же резкое снижение объемов производства было уже по всем отраслям. Число строек промышленных объектов, развернутых в годы третьей пятилетки, сократилось с 5700 до 614[2].

Причины резкого падения производства крылись не только в быстром продвижении немецких войск в глубь страны, но и в мощном сокращении рабочей силы (мужчины в массовом порядке отправлялись на фронт), ухудшении работы железнодорожного транспорта (нарушился нормальный подвоз сырья-топлива и вывоз готовой продукции) и др. Подтверждает эту мысль и Л.М. Кантор, указывая на то, что только за первые четыре месяца войны общая численность рабочих в промышленности союзного и республиканского подчинения уменьшилась с 7 млн человек в первом квартале 1941 г. до 4 млн человек к ноябрю этого же года. По отраслям промышленности – угольной, черной металлургии, станкостроении и др. – число рабочих в первые месяцы войны сократилось в 2 – 3 раза и даже больше[3].

Несмотря на это, советская экономика смогла достаточно быстро мобилизоваться и подготовить экономическую основу для отражения угрозы. Статистические данные нескольких архивов убедительно доказывают, что как на уровне страны, так и на уровне республики шла титаническая работа по

---

[1] Кантор Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. С. 6.

[2] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 3. М., 1968. С. 44-48; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т.2. М., 1961. С. 142; Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 154.

[3] Кантор Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. С. 6-7.

наращиванию военного потенциала. Всего за период с 1 июля 1941 г. по 1 января 1946 г. объем добычи полезных ископаемых и производство необходимых товаров увеличилось многократно. Ежегодный объем добычи угля составил 111,3 млн тонн, чугуна – 6,2 млн тонн, стали – 8,7 млн тонн, готового проката – 4,6 млн тонн. Было построено 3,5 тыс. предприятий[1], основная часть которых относилась к отраслям оборонных наркоматов. В СССР также было построено 9845 км железнодорожных путей широкой колеи, составлявших примерно десятую часть от имевшихся к началу войны.[2] В материалах фонда Протоколы и распоряжения ГКО автор нашел сведения, что самой протяженной железнодорожной линией стала ветка Свияжск – Ульяновск – Сызрань – Саратов – Сталинград общей длиной 978 км, решение о создании которой было принято ГКО 23 января 1942 г.[3] На строительстве этих путей было задействовано до 40 тыс. местного населения из Татарской АССР, Куйбышевской, Пензенской, Саратовской и Сталинградской областей, почти 30 тыс. заключенных, около 17 тыс. немцев-трудармейцев, несколько десятков тысяч военных и гражданских строителей-железнодорожников[4].

Обратим внимание на отрасли, которые обеспечивали рост производственных показателей страны. Материалы фонда Государственного планового комитета СССР Совета Министров СССР свидетельствуют, что рост экономики осуществлялся за счет преимущественного развития отраслей, связанных с военной сферой. Уже к 1943 г. доля военных расходов в данную сферу составила порядка 150 млрд руб., или 36% от национального дохода. А если учитывать строительство и реконструкцию военных заводов общая сумма всех затрат составляла около 220 млрд руб., или 52,5% от величины национального дохода[5]. Перестройка промышленности вместе со строительством новых предприятий дала возможность резко увеличить

---

[1] ЦСУ СССР. Капитальное строительство в СССР. Стат. сб. М., 1975. С. 18-19, 211.

[2] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1976. С. 702.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 20. Л. 32.

[4] Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 167.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 115. Л. 49; Цит. по: Молодчик А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. С. 226.

производство вооружения и боеприпасов. К 1944 г. производство самолетов возросло по сравнению с довоенным временем – более чем в 3 раза, производство боеприпасов – почти в 4 раза, танков – в 6 раз, артиллерии – почти в 7 раз[1]. В этом году были достигнуты наивысшие показатели роста военной индустрии, которые по некоторым оценкам[2] составили 51,4% от всей индустрии. В целом же, за годы войны доля военной продукции к выпуску всей продукции составила не менее 65-68%.[3]

Выполнялись ли плановые показатели республиканской индустрией? Достаточно спорный вопрос. Дело в том, что промышленность Татарской АССР также в зависимости от отраслей в 2–3 раза увеличила выпуск продукции. Только в 1943 г. производственный план промышленности города Казани был перевыполнен почти на 440 млн рублей (в следующем году – на 319 млн рублей)[4]. Данные сведения подтверждает статистическая информация, указанная в газете «Красная Татария», где отмечалось, что объем промышленного производства в 1944 г. по сравнению с 1943 г. увеличился на 521,5 млн рублей, а по сравнению с 1942 г. – на 856 млн рублей.[5] На примере отдельных предприятий наблюдалось стремление к перевыполнению плановых показателей, поступали рационализаторские предложения, проводились соцсоревнования. Так, на заводе «Красный Восток» взамен ушедших мужчин пришли женщины, которые за короткий период освоили новые мужские профессии, по заводу поступило 6 рационализаторских предложений с экономическим эффектом более 69 тыс. рублей. На предприятии Казанского «холодильника» фасовщицы Ванягина и Мингалеева систематически перевыполняли плановые задания на 170–180%.[6] И такой настрой царил во всех отраслях республиканской индустрии. В этой связи секретарь казанского

[1] Кантор Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. С. 28.

[2] Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985. С. 219.

[3] Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР: исторический опыт развития // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. № 3. С. 7-11.

[4] Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (сборник документов и материалов). С. 5; Родина В.В. Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 107.

[5] Красная Татария. 1945. 6 января.

[6] Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Залялова, Б.И. Смыкова, Н.А. Субаева.. Казань, 1963. С. 74.

горкома ВКП(б) Барышников указал, что «на промышленных предприятиях нашего города работает свыше 30 тыс. стахановцев»[1].

Однако, несмотря на хорошие показатели, плановые задания в течение всей войны в целом местной промышленностью не выполнялись. В первые месяцы войны по отдельным наркоматам снижение норм выработки продукции был незаметным, промышленность работала практически с полной загрузкой. Подтверждение этих фактов можно обнаружить в архивных данных. К примеру, в материалах фонда открытого акционерного общества «Татарместпром» мы обнаружили информацию, что план недовыполнения за 7 месяцев 1941 г. составил 0,3%[2]. Но, по мере углубления военных действий, кризис промышленности все более увеличивался.

Можно с некоторым недоверием относиться к историческим источникам, дающим информацию по показателям выполнения плановых норм, но даже в них мы прослеживаем причины мощного снижения показателей Наркомата местной промышленности (как, впрочем, и других комиссариатов), как общеэкономические, так и специфические, относящиеся непосредственно к ТАССР. Это уменьшение численности управленческого аппарата в районах (почти весь аппарат производственно-технического отдела, планово-экономического отдела, бухгалтерии, финансового отдела, труда и мобилизационного отдела, заместитель наркома и сам нарком были командированы в районы); переключение производства на выпуск спецзаказов, что привело к резкому снижению выпуска товаров широкого потребления; отсутствие топлива и материалов; недостаток рабочей силы (обеспеченность рабочей силой предприятий министерства составляла всего 67,9% от потребности, особенно остро недостаток ощущался у кузнецов, ложкарей, обозников, гончаров, сапожников и др. Только по Казгорпромкомбинату требовалось 50 человек обувщиков, в наличии же было всего 6 квалифицированных специалистов); инертность большей части директоров

[1] Там же. С. 96.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 2-3.

комбинатов в части своевременной подготовки рабочей силы для восполнения убытков в связи с военными действиями; проблемы с вводом в эксплуатацию эвакуированного оборудования (по некоторым же предприятиям, таким, как комбинат «Спартак», оно вообще не было установлено[1]); отсутствие со стороны исполкомов и райсоветов депутатов трудящихся регулярного и надлежащего контроля за производственной, хозяйственной и финансовой деятельностью промышленных комбинатов.[2]

В отношении последнего пункта надо отметить, что не всегда сами руководители были виновниками сложившейся критической ситуации. В первые месяцы войны директора райпромкомбинатов (Елабужского, Набережночелнинского, Мензелинского, Кузнечихинского и др.) были отмобилизованы на посевную, где оставались безвыездно в течение нескольких недель. В результате чего военные задания райпромкомбинатов не выполнялись, комбинаты не обеспечивались необходимой рабочей силой, что в итоге приводило к срыву плановых заданий[3].

Еще одной важной причиной, служившей фактором ухудшения работы промышленной индустрии, в том числе и на республиканском уровне, нами видится в дублировании распоряжений партийными органами и органами, непосредственно руководившими промышленностью. Ю.Н. Жуков в своей книге указывал на то, что «… местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями»,[4] при том, что непосредственное управление также сохранялось. В документах есть указание на то, что «… аппарат партийных органов по своей структуре более приспособлен к оперативному руководству делами хозяйства и культуры, чем аппарат совнаркомов... так, в областных комитетах партии ... имеются вполне сложившиеся отделы по отдельным отраслям промышленности и сельского хозяйства, которые позволяют местным

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 286. Л. 219.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 110.

[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 6 доп. Д. 12. Л. 124.

[4] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов. С. 94; Цит. по: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 272.

руководителям повседневно вникать в работу промышленности, в том числе и в работу предприятий союзных наркоматов. В Совнаркомах же таких отделов нет, что ставит в затруднительное положение Советы в осуществлении повседневного оперативного руководства хозяйством и совершенно исключает для них всякую возможность заниматься делами предприятий союзной промышленности»[1].

Проведем последовательный анализ выполнения плановых показателей республики. В начале войны внеплановые потери предприятий промышленности республики в 1941 г. равнялись порядка девяти млн рублей, в том числе: по НКПП ТАССР – 1499 тыс. руб., по предприятиям промышленности стройматериалов – 1269 тыс. руб.[2] В следующем году предприятия республики недодали продукции на 68 млн рублей. Серьезное недовыполнение показывал НКлес ТАССР, НКЛП ТАССР, трест «Лесзаг» и промкооперация. Так, годовой план предприятия наркомата легкой промышленности был выполнен лишь на 84,9%[3]. Наркомат не сумел наладить действенный и оперативный контроль за выполнением производственных заданий, предприятия были предоставлены сами себе и работали не получая никакой организационной поддержки. По выпуску готовых изделий ситуация была еще более драматичной. По отдельным товарам выпуск сократился более чем на 50%. К примеру, по шорно-седельным изделиям выполнение плана 1942 г. составило всего 48,7%, дегтя – 46,4%, веревки – 56,6%, саней – 51,4%, плохо было организовано производство кожевенных и текстильных товаров, изделий из глины и дерева, сорвано государственное задание по изготовлению хозяйственного мыла. Из 44 районных промкомбинатов НКМП ТАССР справились с программой выпуска изделий только 10.[4]

Надо отметить, что по прошествии двух лет, по мере устранения организационных перекосов, совершенствования управленческих механизмов,

---

[1] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е – середине 1960-х годов: дис. … д-ра ист. наук. М., 2006. С. 94–95; Цит. по: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 82-83.

[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 286. Л. 223.

[3] Красная Татария. 1943. 17 февраля

[4] Красная Татария. 1943. 11 июля.

ситуация в промышленности республики начала частично выправляться. В частности, производственный план по Народному комиссариату пищевой промышленности ТАССР в 1943 г. в областной промышленности был выполнен на 117,4%, районной – на 110,3%. Правда, перевыполнение было в основном связано с использованием на производстве привозного сырья, местное же использовалось в недостаточном объеме. Удельный вес продукции, выработанной из местного сырья, составил всего 63%[1]. Остро встал вопрос об обеспечении промышленности необходимым топливом. Практически все министерства и управления, за исключением предприятий Татспирттреста, не смогли обеспечить заготовку торфа, не были выполнены канальные работы, не подготовлены необходимые служебные и хозяйственные помещения. К этим проблемам добавилось и то, что уже заготовленный торф не вывозился из районов его добычи. Почти вся площадь болот к 1943 г. была занята готовым торфом прошлого года (33 тыс. тонны)[2].

В 1944 г. государственная промышленность (областного и районного подчинения) выпустила продукции в неизменных ценах 1926/27 года на 201070,2 тыс. рублей, что составляло 97,8% плана и 97,7% от фактической выработки за 1943 г. План не был выполнен НКМП ТАССР (выполнение составило 74,7%), Наркомлесом ТАССР (68,8%), Рыбтрестом (72,5%), Управлением промышленности стройматериалов при СНК ТАССР.[3] Анализ данных нескольких фондов Государственного архива Республики Татарстан позволяет сегодня усомниться в верности данных цифр. По статистическим сведениям, взятым из фонда Кабинета Министров Республики Татарстан валовой выпуск 1944 г. составил 200608,5 тыс. рублей. План был выполнен НКЛП ТАССР (110,3%), НКММП ТАССР (100,1%), НКПП ТАССР (104, 6%), Управлением местной топливной промышленностью при СНК ТАССР (100,3%). Недовыполнение плана было у НКМП (83,7%), Управления промышленностью строительных материалов при СНК ТАССР (77,1%),

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 483. Л. 23.
[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 421. Л .48.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 95. Л. 1.

Рыбтреста (75,7%)[1]. Только в НКПП ТАССР из 14 предприятий областной промышленности план не выполнили 9; из 45 райпищекомбинатов – 31 комбинат и предприятия районной пищевой промышленности. Из 27 главнейших изделий, выпускаемых народным комиссариатом, план был выполнен только по 3 видам[2].

В условиях того, что в целом по стране показатели стали возрастать быстрыми темпами, республиканская промышленность по-прежнему еще не могла выйти на выполнение плановых норм. Несомненно, к причинам этого относились отсутствие должного финансирования и недостаток оборудования. Однако материалы указывают и на специфические причины, свойственные отдельным наркоматам республики. К примеру, по Наркомату легкой промышленности в течение года очень часто задерживалась отгрузка текстиля, из-за отсутствия каменного угля и нефти периодически простаивала Кукморская валяная фабрика; по Наркомату пищевой промышленности – в течение войны отсутствовал ремонт крахмалопаточных предприятий (заводы в Арске, Елабуге, Лаишево); по Наркомату мясомолочной промышленности в течение войны не обновлялся сепаратный парк системы Маслопрома, вследствие чего допускалась потеря жиров, по Мясопрому начался вывоз скота в живом виде, что приводило к срыву программы выработки мяса; по Наркомату местной промышленности – были изъяты в союзную промышленность ряд предприятий (гармонная, галантерейная фабрики и завод «Пишмаш»)[3].

В целом годы войны стали серьезным испытанием для советского народа: были разрушены и разграблены западные районы страны, убиты и покалечены миллионы граждан, подорваны в целом резервы государства. Но при этом война помогла еще больше консолидировать волю народа, создать плацдарм для будущего подъема экономики. Кардинально изменилась география производства – ранее слаборазвитые в промышленном плане восточные районы

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 196. Л. 7.
[2] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 578. Л. 8, 11; то же Д. 583. Л. 33.
[3] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 196. Л. 34.

превратились в быстрорастущие. В Западной Сибири, Казахстане, Урале и в большей степени в Среднем Поволжье развернулось громадное по масштабам строительство, значительно обогатился отраслевой состав промышленности. Рост валовой продукции за 1940–1945 годы составил 181%. Уже в 1942 г. удельный вес Поволжья, Урала и Сибири в выпуске промышленной продукции вырос в 3,3 раза по сравнению с довоенным. Темпы прироста валовой продукции, выпускаемой промышленностью Татарской АССР в течение 5 военных лет (1941–1945 годы), составили 16,95%[1]. Примерно аналогичные сведения даются в монографии «Капитальное строительство в СССР. 1941–1945» где указано, что валовая продукция промышленности этих районов вдвое превышала уровень первой половины 1941 г., а по предприятиям наркоматов военной промышленности – почти в 5,6 раз[2].

Обратим внимание на следующую особенность. Несмотря на то, что на протяжении войны и в первые годы послевоенного развития государство пыталось перенести центр тяжести промышленности в восточную часть страны, в конце восстановительного периода концепция промышленной политики стала меняться. Как отмечается в статье Дж.Р. Миллара «Conclusion: Impact and Aftermath of World War II» (пер. «Вывод: Влияние и последствия Второй мировой войны»), опубликованной в коллективной монографии «The Impact of World War II on the Soviet Union», «…эта политика была фактически прервана в первые послевоенные годы, когда Советский Союз поглотил репарации, эвакуированные из оккупированных стран Оси, и сосредоточился на восстановлении территории в Европейской части России, которая была оккупирована и за которую велась борьба во время военных действий»[3]. Эти данные находят подтверждение и в работе Т. Данмора[4], который отмечает, что в долгосрочной перспективе эффект от смещения центра промышленной индустрии с запада на восток был нивелирован. Причины этого он видел в

---

[1] Татария за 50 лет. Статистический сборник. Казань: «Статистика», 1967. С. 15.

[2] Дьяков Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 207.

[3] Millar J.R. Conclusion: Impact and Aftermath of World War II / The Impact of World War II on the Soviet Union / Edited by Susan J. Linz. University of California, Irvine: Rowman & Allanheld Publishers, 1985. P. 288.

[4] Dunmore, T. The Stalinist command economy. The Soviet state apparatus and economic policy 1945-53. London, 1980. P. 36.

следующем: 1) рост промышленного производства в восточных районах страны был сконцентрирован преимущественно в военном секторе (в экономике Татарской АССР в этот период функционировали авиационный завод им. Горбунова, мотостроительный завод, Зеленодольский судостроительный завод, создано особое конструкторское бюро по созданию специальной радиоизмерительной аппаратуры и др.[1]); 2) при росте военных предприятий сокращались объемы производств товаров мирной индустрии; 3) из-за сжатых сроков качество построенных предприятий на Востоке страны было значительно более низким; 4) в послевоенное время при создании и реконструкции в западных регионах СССР стали применяться новые, инновационные технологии, тогда как «новые» заводы на Востоке использовали старые технологии и эвакуированное оборудование.

Быстрый рост региональной экономики в военное время обусловил и усложнение требований к ее развитию. Плановые показатели из года в год все больше возрастали, что приводило к систематическому их недовыполнению. За некоторым исключением годовые планы по местной промышленности не выполнялись на всем протяжении восстановительного периода. Это определило дальнейшую линию государственного, а значит и регионального развития, по пути максимального выкачивания средств из аграрного сектора в промышленную индустрию. Власть продолжила курс жесткой дисциплины и абсолютного пожертвования в пользу государственной машины. Республиканская промышленность по-прежнему на пределе своей ресурсной базы должна была выполнять плановые показатели.

Можно ли было в послевоенное время обойтись без сверхусилий, без стахановщины и сверхцентрализации экономики? Вопрос сложный. Нам думается, что это было возможным, но затянулось бы на длительное время. Этому же способствовало и то, что стиль и практика управления, которые формировались уже второе десятилетие, скорее всего не давали власти

[1] Галлямова А. Социально-экономическое развитие ТАССР в 1945 – середине 1980-х гг. / История татарс с древнейших времен. Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. Казань, 2013. С. 425.

усомниться в правильности принимаемых решений. К тому же отточенные временем механизмы управления давали на тот период положительный эффект. Результатом сверхмодернизации стало то, что страна в течение пяти лет смогла практически полностью восстановить довоенную экономику, отстроить разрушенные здания и сооружения, обгоняя по этим процессам западноевропейские страны, которые также пострадали в ходе Второй мировой войны.

Даже недовыполнение планов в послевоенный период можно было объяснить не столько ошибками системы управления, сколько значительно завышенными показателями, выполнить которые было очень сложно при скудости трудовых, финансовых и сырьевых ресурсов послевоенного времени. В 1945 г. по НКПП ТАССР план по выпуску валовой продукции был выполнен на 74,5%. Не были выполнены планы по развитию животноводства и птицеводства, пчеловодства, свиноводства и улову рыбы. Из 45 райпищекомбинатов производственная программа была выполнена только у 5. Некоторые предприятия (пивоваренные заводы Кукморского, Тетюшского, Куйбышевского, Мензелинского, Сабинского райпищекомбинатов) простаивали. Были неудовлетворительно проведены заготовки дикорастущих плодов, ягод, грибов (заготовлено было плодов и ягод на 33,6%, грибов – на 34,8% к плану)[1]. Сложная ситуация оставалась в системе местной промышленности. Еще в годы войны здесь было организовано большое количество мелких мастерских по переработке кожсырья, ремонту и пошиву новой обуви. Все они к концу войны располагали крайне примитивным оборудованием и малоквалифицированными работниками, вследствие чего не соблюдались элементарные правила обработки кожсырья, а качество выпускаемых товаров было неудовлетворительным. Выделяемые фонды на кожсырье, химикаты и кожтовары использовались нерационально, большой процент накладных расходов значительно увеличивал себестоимость продукции, и поэтому большинство данных мастерских являлись убыточными.

[1] ГА РТ. Ф. Р-6292. Оп. 1. Д. 736. Л. 74.

Все это усугублялось еще и тем, что в течение длительного времени на предприятиях не проводились ремонтные работы, в результате чего некоторые отрасли (сушильное, печное, производство стройматериалов) пришли в упадок.

Значительно возросла финансовая задолженность. Только за 10 месяцев 1948 г. долги предприятий министерств и ведомств Татарской АССР по ссудам Госбанка возросли с 3,8 млн рублей до 23,9 млн рублей и поставщикам – с 35,3 млн рублей до 80,8 млн рублей. Особенно крупные и систематические просрочки допускали Министерство лесной промышленности ТАССР, Министерство мясомолочной промышленности ТАССР, Министерство пищевой промышленности ТАССР, Министерство местной промышленности ТАССР. Основной причиной образования задолженности являлось неправильное ведение предприятиями своей финансовой отчетности, выражавшееся в загрузке средств в сверхплановые запасы товарноматериальных ценностей и дебиторскую задолженность.

Исследование выявило и еще одну важную особенность, которая не должна была быть в условиях сверхцентрализованной экономики, но, как показала практика, стала ее неотъемлемым атрибутом. В рассматриваемый период на предприятиях очень резко стало возрастать число прогулов, неявок персонала. Только в 1948 г. текучесть рабочей силы по предприятиям областного подчинения доходила до 61,6%. На некоторых предприятиях состав рабочих в течение года полностью обновился (Свердловский, Сталинский, Ленинский, Атнинский, Красноборский и другие райпромкомбинаты). Особенно большой процент текучести был на весоремонтном заводе (102%), леспромхозе (170%), по фабрике гармоний (58,3%), Елабужском механическом заводе (36,4%), Елабужском валяльно-шорном комбинате (53,3%). В целом по Министерству местной промышленности ТАССР текучесть рабочей силы составляла 40,8%. Схожая ситуация была и в последующие годы. Так, текучесть рабочей силы в системе местной промышленности в 1949 г. составляла около 40%, а по отдельным предприятиям еще больше (в Свияжской валяльной фабрике – 72%, по Тетюшскому райпромкомбинату – 69%, по

Чистопольскому горпромкомбинату – 68%, по инструментальному заводу – 62%). Сегодня сложно сказать, чем был вызван рост неявок и текучести кадров, по всей видимости, это было связано рядом послаблений и острой нехваткой рабочей силы на всех без исключения предприятиях республики.

Одновременно с этим часть предприятий не обеспечивала работу по улучшению качества изделий. Отдельные предприятия продолжали выпускать продукцию без утвержденных технических условий (Сабинский и Кукморский райпромкомбинаты). Технический контроль в сельских райпромкомбинатах практически полностью отсутствовал. Оборудование на ряде предприятий использовалось неудовлетворительно. В Дзержинском райпромкомбинате деревообрабатывающие станки использовались на 20%, на инструментальном оборудовании – на 40%. На предприятиях не был установлен полный контроль над использованием сырья, материалов и топлива: в Кукморском райпромкомбинате – на 30–60%, в Сабинском райпромкомбинате пиломатериалы расходовались на производство вообще без учета.

Отметим, что в послевоенный период большинство отраслей промышленности республики не смогли выйти на показатели довоенного уровня. По Управлению промышленности строительных материалов доля выработки от довоенного уровня в 1947 г. составила 76,1%, по Министерству местной промышленности – 93,9%, по Министерству пищевой промышленности – 91,2% и т.д. Лишь только по лесной и рыбной промышленности рост от довоенного уровня составлял 13,7% и 2% соответственно[1]. О слабо поставленной работе местных органов управления промышленностью говорит тот факт, что всего за 1947 г. Советом Министров ТАССР по вопросу производства товаров широко потребления было принято 15 постановлений, при этом большинство из них оказались невыполненными, а по 8 постановлениям контроль за их исполнением вовсе не был установлен[2].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 368. Л. 3.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 495. Л. 45.

Переломным моментом в развитии республиканской промышленности стали 1950-е годы. В этот период в мире начался новый этап в развитии экономики, ознаменованный началом перехода к новому технологическому укладу. Затронули данные процессы и Советский Союз. Для сохранения международного политического и военного паритета с западными странами СССР вынужден был в короткие сроки нарастить экономический потенциал, и, прежде всего, такую его составляющую, как промышленность. На республиканском уровне начались структурные реорганизации, направленные на увеличение и на качественный подъем отдельных отраслей экономики, которые, в свою очередь, отразились на объемах выпускаемой продукции, которая значительно выросла. Правда, у диссертанта есть сомнения в достоверности данной информации, так как с увеличением показателей местной промышленности стало возрастать и количество обнаруженных приписок. Так, в 1952 г. только по Татвесремзаводу приписки составили в общей сложности на 26 тыс. рублей, Арскому райпромкомбинату – на 41,8 тыс. рублей, Чистопольскому райпромкомбинату – на 33,7 тыс. рублей[1].

Тем не менее, по сведениям официальной статистики в годы четвертой пятилетки (1946–1950-е годы) общий объем промышленной продукции возрос на 58%, годовые темпы прироста равнялись в среднем 9,5%. В некоторых приоритетных отраслях рост был еще выше. К примеру, в машиностроении и металлообработке за 5 лет он увеличился на 68%, в химической промышленности – на 57%, в выработке электроэнергии – на 76%. В 1950 г. по отношению к 1940 г. темпы роста общего объема продукции всей промышленности увеличились в 3,5 раза, по отраслям: по электроэнергетике – в 4,1 раза, химической и нефтехимической промышленности – в 1,6 раза, в по машиностроению и металлообработке – в 11,5 раза, по лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности – в 1,1 раза,

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1629. Л. 115.

по промышленности строительных материалов – в 1,5 раза, по легкой промышленности – в 1,3 раза, по пищевой промышленности – в 1,0 раза[1].

Рассматриваемый период явился временем формирования фундамента для будущего скачка республиканской промышленности. Во многом ее рост был обусловлен созданием предприятий военно-промышленного комплекса. Развертыванию данного рода предприятий на территории республики способствовало серединное расположение ТАССР в европейской части Советского Союза, наличие квалифицированных кадров, транспортных развязок и достаточно развитой инфраструктуры. Созданные еще в 1930-е годы в г. Казани авиационные предприятия в 1950-е годы освоили выпуск скоростных реактивных бомбардировщиков ТУ-16, одновременно с этим получило развитие и гражданское авиастроение, путем серийного производства пассажирского самолета ТУ-104 (с 1957 года его модификации ТУ-110, ТУ-110А), вертолетов Ми-1, В Зеленодольске – противолодочных и сторожевых катеров. Одновременно с этим, стало быстрыми темпами развиваться такая отрасль, как авиационное приборостроение. Всего, в Казани было расположено восемь предприятий, обеспечивающих техникой военно-промышленный комплекс СССР.

Республика начала превращаться в регион с развитым машиностроением. Сразу после войны в г. Казани развернулось строительство компрессорного завода, которое позже стало главным предприятием Советского Союза по производству компрессоров для нефтяной промышленности, металлургии, химической отрасли. На заводе теплообменных приборов было развернуто производство штепсельных разъемов. С 1952 г. была введена в эксплуатацию первая очередь завода «Теплоконтроль», а с 1957 года Казанский электромеханический завод.[2] Одновременно с машиностроением в 1950-е годы началось мощное развитие химической промышленности республики. На Казанском заводе синтетического каучука началось производство новых

[1] Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. Статистический сборник. Казань: Таткниздат, 1980. С. 24; Татария за 50 лет. Статистический сборник. Казань: Статистика, 1967. С. 17.

[2] Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945 – 1985 гг.). С. 40-55.

полимерных материалов, несколько ранее на заводе «Тасма» создано производство пленок и клеев для авиационной и машиностроительной промышленности[1].

Как показывают официальные источники уже в 1951–1955 годах показатели плана по валовой продукции были перевыполнены промышленностью в 2,2 раза (средние годовые темпы прироста составляли 16,6%), в том числе в машиностроении и металлообработке в 3,1 раза, химической промышленности – на 85% и нефтедобывающей промышленности в 18,7 раза. Одновременно с ростом указанных отраслей достаточно эффективно развивались и отрасли, производящие товары народного потребления. Выпуск валовой продукции текстильной промышленности в течение пятой пятилетки возрос на 65%, швейной промышленности – на 75%, кожевенно-меховой и обувной промышленности – на 82%, пищевой промышленности – на 57%. Темпы роста валовой продукции промышленности Татарской АССР становились одними из самых высоких по РСФСР (данные показатели были выше только в Куйбышевской области)[2].

К середине 1950-х годов в республике сложилась и успешно функционировала индустриальная модель экономики, которая являлась частью и в какой-то мере отражением общесоюзной системы. Она позволила стране и ее субъектам успешно пройти этапы ранней индустриализации, преодолеть тяготы военного времени и проблемы послевоенного периода. Использование данной модели позволило ежегодно увеличивать производственные показатели республики, расширять размах промышленности.

Однако при всем при этом страна по-прежнему по своему социально-экономическому развитию находилась в числе догоняющих государств. В то же время условия начала второй половины XX столетия, связанные с новым витком научно-технической революции и началом «холодной войны», требовали перехода к стратегии опережающего развития.

---

[1] Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945 – 1985 гг.). С.54-56.

[2] Татария за 50 лет. Статистический сборник. Казань: Статистика, 1967. С. 17; Пятьдесят лет Татарской АССР. Статистический сборник. Казань: Статистика, 1970. С. 27.

* * *

В заключении главы можно отметить, что относительная стабилизация экономики страны в годы НЭП дала возможность советской власти актуализировать идею создания централизованного управления, что было вызвано как идеологическим компонентом, так и вынужденными мерами, связанными с необходимостью мобилизации экономических ресурсов на создание обороноспособного государства и проведения политики индустриализации. Фактически это означало начало периода сверхмодернизации советской экономики.

На практике в короткие сроки создалась модель сверхцентрализованного управления, основанная на системе отраслевых комиссариатов и управлений, подчиненных единому управлению из ВСНХ. В этой системе значение территориальных органов управления резко снижалось. Централизация общесоюзной системы управления унифицировала систему управления на местах. Те органы управления, которые появлялись в Центре, практически в таком же виде воссоздавались и в союзных, и в автономных республиках. Поддержание пирамидально-управленческой системы управления во многом базировалось на эффективности работы управленческих кадров. Однако, как показало исследование, их эффективность с течением времени поступательно снижалась, что было вызвано боязнью совершения руководством просчетов и получением серьезного наказания.

В представленном разделе исследования показана эволюция модели сверцентрализованного управления промышленностью и ее эффективность на примере Татарской СССР во второй половине 1920 – середине 1950-х годов. Автор разграничил этот период на три этапа: период первых пятилеток, военный и послевоенный.

В рамках первого этапа шел процесс выстраивания региональной системы управления промышленностью на основе отраслевой централизации.

В течение относительного короткого периода времени создавались и вновь ликвидировались комиссариаты и управления, шел поиск наиболее оптимальных форм управления. И если в начале реформ республиканская система просто копировала органы управления, созданные в СССР или РСФСР, то спустя некоторое время вынуждена была от этого отказаться, заменяя их на организационные институты, востребованные экономикой Татарской АССР.

Несмотря на масштабность реформ и количество перестановок, эффективность системы на данном этапе оставалась достаточно низкой. Во многом это было вызвано не только техническими, финансовыми или организационными проблемами, но и проблемами функциональных связей, а также двойной подчиненностью. На региональном уровне шел процесс постепенной шлифовки системы, отбраковки излишних или дублирующих элементов, подбора новых организационных инструментов.

Ко второму этапу сложилась достаточно стройная система управления промышленной индустрии республики, практически без изменений просуществовавшая до окончания войны. Реорганизации носили точечный характер и не предусматривали серьезных трансформаций. Проблемы функционирования обычно были связаны с нехваткой ресурсов. Татарская АССР стала мощной тыловой базой, сюда были направлены и запущены промышленные предприятия, эвакуированы тысячи человек обслуживающего персонала и их семьи, промышленность в короткие сроки была переориентирована на выпуск военной продукции.

Третий этап связан с переходом к мирному индустриальному строительству. В этот период стали проявляться первые системные проблемы в эффективности существующей организационной структуры, что заставило руководство страны и республики искать различные организационные варианты упрощения и удешевления аппарата управления, повышения его результативности. Рост масштабов промышленного производства, вызывая импульсы к постоянным реорганизациям и усовершенствованиям, требовал не только количественных преобразований, но и качественных изменений,

эффективного использования промышленного потенциала. Однако отсутствие сигнала к кардинальному реформированию системы управления заставляли ее адаптироваться в рамках закостенелой, жестко централизованной системы, которая уже не могла дать импульс к мощному росту производственных показателей, чего требовали новые условия набирающей силу научно-технической революции. Как итог, в Татарской АССР происходил непрекращающийся процесс создания/реорганизации/ликвидации министерств и ведомств, при том, что эффективность данных преобразований оставалась очень низкой.

5. РОЛЬ И МЕСТО СОВНАРХОЗОВ В ПРОМЫШЛЕННОМ РАЗВИТИИ ТАТАРСТАНА

5.1. Направления промышленной политики и показатели производства СССР в 1956–1965 годы

В основе экономического роста середины XX в. было успешное развитие преимущественно индустриального сектора экономики. Промышленная политика этого периода отражала как наличие эпохи, так и стратегические установки государства по поддержанию экономического роста и сохранению относительного паритета со странами Запада. Вместе с тем страна стояла перед выбором направлений, механизмов и инструментов дальнейшего развития. Прежние методы сверхцентрализованности не давали в новых условиях организационный импульс, что было связано с невозможностью ориентации экономики на преимущественно экстенсивное развитие. Титаническое напряжение индустриального сектора уже не давало ее сверхмодернизацию.

К тому же социально-экономические и политические изменения в стране создали возможность перехода к социально ориентированному росту экономики. В свою очередь повышение уровня жизни в условиях расширения объемов производства и их опережение роста численности населения указывало на то, что в Советском Союзе в 1950 – начале 1960 годов были заложены предпосылки к переходу на 4 ступень развития – «путь к зрелости» (по У. Ростоу[1]). Одновременно с этим в рассматриваемый период значение чрезвычайных факторов в управлении экономикой стало резко снижаться, складывалась ситуация, при которой требовались новые методы управления и экономического мышления.

По нашему мнению, высокие темпы экономического роста в середине XX в. были во многом обусловлены непропорциональным развитием

[1] Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. P. 133; Романова Т.Г. Институциональные преобразования как фактор экономического роста. СПб., 2002. С. 21.

отраслевой структуры народного хозяйства. Приоритетное финансирование промышленности привело к существенному отставанию сельского хозяйства, которое с начала 1960-х годов стало испытывать серьезные затруднения (неудавшиеся мероприятия Н.С. Хрущева по массовому внедрению кукурузы, освоению целинных земель и т.д. лишь усугубили их).

Опубликованные и неопубликованные источники подтверждают данное утверждение. При этом сразу оговоримся, в исследовании валовых показателей мы в основном использовали процентные данные и показатели валовой товарной массы, без анализа денежных приращений. Данная особенность связана с невозможностью точного учета реальных денежных показателей из-за проводимых в последующем денежных реформ, отсутствия официального учета инфляции и влияния теневого рынка на экономику страны. Сравнительные же процентные показатели, даже если в них были заложены статистическими органами ошибочные данные, в целом давали объективную картину по росту промышленного сектора экономики страны и республики.

Валовая продукция промышленности в 1965 г. (в процентах к 1945 г.) составила 863%, в то время как сельского хозяйства – лишь 297%[1]. Если в отраслевой структуре в 1958 г. удельный вес сельскохозяйственного производства составлял 20,4%, то в 1963 г. сократился до 16,0%; в промышленности он возрос с 59,3% до 64,5% соответственно (в то время как доля остальных отраслей составляла 20,3% в 1958 г., и 19,5% в 1963 г.)[2]. Удельный вес промышленной продукции в валовой продукции народного хозяйства постоянно увеличивался в основном за счет уменьшения доли сельскохозяйственного производства и перехода отраслей сельского хозяйства в сферу промышленного производства. Аналогичные тенденции отмечались и при анализе роли промышленности в образовании национального дохода, значение промышленности в чистой продукции народного хозяйства довольно быстро повышалось: в 1958 г. промышленность производила 50,2 %

[1] Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 57.
[2] Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1965. С. 54.

национального дохода, а в 1963 г. – 54,2 %[1]. Важно, что при проведении промышленной политики государство уже не могло ориентироваться на применение модели, присущей ранней социалистической индустриализации, основанной на использовании ресурсов аграрного сектора. К середине 1950-х гг. этот источник пополнения ресурсов промышленности сильно иссяк. В диссертационном исследовании В.А. Шестаков указывает, что урожаи зерна за 1948–1952 годы были равны примерно средним за 1928–1930 годы (соответственно 77,9 и 76,1 млн т)[2] и не позволяли за счет экспорта зерна за границу получать средства для реализации промышленной политики.

Опережающее развитие промышленности над сельским хозяйством обуславливало изменения численного состава трудоспособного населения. Важным источником удовлетворения растущих потребностей в рабочей силе несельскохозяйственных отраслей по-прежнему являлось сельское население. Численность рабочих и служащих увеличилась за счет него в 1955 г. по сравнению с 1950 г. на 122%, в 1956 г. – 130,8%, в 1960 г. – 157,6%[3] (более чем в 1,5 раза). И если в 1939 г. рабочих и служащих было 50,2% от всего населения, крестьян – 49,8%, то в последующий период данное соотношение изменилось: в 1959 г. рабочих и служащих – 68,3%, крестьян – 31,7%, в 1965 г. 75,4% и 24,6 % соответственно[4] (к середине 1960-х годов поток крестьян в города значительно сократился). В результате, если в 1958 г. количество рабочих и служащих составила по официальным данным 56 млн человек, то уже в 1959 г. – 57,9 млн человек[5]. Представленные показатели позволяют дать предположение о сформированности индустриального общества.

Внутри самой промышленности также произошло углубление структурных противоречий. Тяжелая промышленность по-прежнему оставалась «становым хребтом» отечественной экономики и получала большую часть финансирования. К примеру, если капитальные вложения в промышленность

[1] Народное хозяйство СССР в 1963 г. М., 1965. С. 502.

[2] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50 е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 236.

[3] Горбунов Э.П. Темпы, уровень, структура промышленного производства в СССР. С. 40.

[4] Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 42; Народное хозяйство СССР в 1970 г. Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М., 1971. С. 22.

[5] Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 557.

группы «А» в 1946–1950 годах составляли 15 084 млн руб., группы «Б» – 2105 млн. руб., в 1951–1955 годах уже 31 055 млн руб. и 3385 млн руб., в 1956–1958 годах – 26 798 млн руб. и 3816 млн руб. соответственно[1]. В исследовании не случайно даны сопоставительные показатели двух секторов экономики. Для нашего анализа важны не абсолютные значения капиталовложений в экономику, а, прежде всего, их сравнительная характеристика, которая указывает на то, что в 1946–1950 годах разница между группами «А» и «Б» составляла более 7 раз, в 1951–1955 годах – более 9 раз. Однако в 1956–1958 годах она сократилась до 7 раз, что скорее всего указывает на относительную стабильность промышленного сектора экономики и вызванную этим постепенную переориентацию государственной политики к модели социально-ориентированного общества. Правда, здесь важно отметить, что перекосы в экономике вели к возникновению дефицита по ряду необходимых продуктов и, как следствие, к росту «теневой» экономики. По предварительным оценкам 1,5 миллиарда рублей население выплачивало за услуги «теневому сектору экономики»[2].

Пропорционально финансированию изменялся удельный вес отраслей в общеотраслевом балансе. Так, если в 1913 г. удельный вес тяжелой индустрии составлял 33,3% от всей промышленности, легкой и пищевой промышленности – 66,7%, то в 1960 г. это соотношение уже равнялось 72,5% и 27,5% соответственно (за 1913–1960 годы темпы роста промышленности группы «А» увеличились в 103 раза, в то время как группы «Б» – только в 16 раз).[3] Данные показатели с некоторыми корректировками подтверждаются зарубежными исследованиями. Так, в работе приводятся данные, что в 1928 году потребительские товары составляли 60,5% советского промышленного производства, а товары группы «А» (капитальные товары) – 39,5%. К 1950 году пропорция изменилась. Товары группы «Б» составляли всего 31,2% объема

---

[1] Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник ЦСУ СССР. М., 1962. С. 540-541; Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. С. 85.

[2] Суслов М.Г. Причины краха Советской системы. Пермь, 2007. С. 199; он же. Стратегия обновления. М., 1990. С. 169.

[3] Геращенко Б.С., Геращенко В.С. Вопросы экономики промышленности СССР на современном этапе коммунистического строительства. С. 15; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 87, 219, 224.

промышленного производства, тогда товары группы «А» – 68,8%.[1] В 1962 г. от предприятий тяжелой индустрии поступало порядка 60% всех доходов[2], а к середине 1960-х годов производство средств производства составляло почти 3/4 всех валовых показателей промышленной продукции (если учитывать соотношение цен на продукцию обоих подразделений, то еще больше).

Значительное влияние на деформацию отраслевой структуры экономики оказала внешнеполитическая среда. Сразу же после Второй Мировой войны начала набирать обороты «холодная война». Как страны западного мира, так и государства социалистического лагеря стремились как можно лучше обезопасить свои границы, наращивая военный потенциал. Исключением не стал и Советский Союз, который по затратам на военную сферу в общем объеме капиталовложений занимал одно из ведущих мест в мире. По разным источникам, в военные разработки вовлекался труд не менее 20% всех дипломированных ученых и специалистов. На военную науку в СССР направлялось от 5 до 10% основных видов сырья (для минерального сырья эти показатели были гораздо выше), 5–6 % мирового потребления нефти.[3] Военные нужды требовали огромных капитальных затрат, в результате финансовые средства приходилось изымать из отраслей народного хозяйства. Планы развития СССР по военным и специальным отраслям промышленности на 1950–1960-е годы предусматривали значительный из года в год возраставший объем поставок всех видов военной техники, причем особое внимание уделялось подготовке мощностей для производства новых видов военной техники и стратегического сырья. С начала 1950-х годов этот план неоднократно подвергался корректировке в сторону повышения.

В стране началась своего рода военно-промышленная революция, сопровождавшаяся резким ростом военных расходов, расширением оборонных программ и одновременным усилением влияния профессиональной элиты на

[1] Mazat N. An analysis of the Soviet economic growth from the 1950’s to the collapse of USSR [Электронный ресурс]. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/An-analysis-of-the-Soviet-economic-growth-from-the-Mazat-Serrano/79fe07fb4e399a1464259f03d4f0bcfb4e85848b#related-papers (дата обращения: 15.12.2022)

[2] РГАЭ. Ф.7733. Оп.53. Д.252. Л. 26.

[3] Фармазян Р.А. Издержки сверхвооруженности и эффект конверсии // Драма обновления. М. 1990. С. 196; Молодчик А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг. С. 292.

процесс принятия решений по вопросам обороны.

В отдельные периоды, когда происходило сокращение военных заказов, сэкономленные средства шли на мирные нужды. Только за период 1955–1958 гг. военные расходы СССР были снижены в целом на миллиард рублей.[1] По некоторым западным оценкам, в течение первых трех лет руководства Н.С. Хрущева доля военных расходов в валовом национальном продукте страны уменьшилась с 12 до 9%, в то время как доля сектора потребления возросла с 60 до 62%[2]. Правда, уже после 1959 г. доля военных расходов начала медленно, но неуклонно возрастать. В 1963 г. расходы на оборону составили 16,1%, в 1964 г. – 14,6% всех расходов бюджета[3]. По некоторым оценкам[4], мощь заложенного в послевоенное время ВПК СССР была такова, что в 2–3 раза превышала гражданское машиностроение. При номинально близких стоимостных значениях, накопленных в отрасли основных производственных фондов, а также стоимостных объемах производства товарной продукции реальная величина отвлекаемых ВПК ресурсов была значительно больше в количественном выражении и многократно выше в качественном[5]. Столь большие объемы военного производства мешали развитию отраслей, рассчитанных на массового потребителя, но при этом служили локомотивом НТР и, как следствие, инструментом совершенствования промышленной политики, проводимой в стране. Ученый В.Р. Степанов в этой связи заметил, что «…гонка вооружений негативно сказывалась на характере индустриального развитии стран: оно приобретало односторонний, уродливый характер, для реализации амбициозных устремлений по достижению превосходства в военный сектор вовлекались лучшие материальные, технические, интеллектуальные ресурсы и др. Но при этом невозможно отрицать ее

[1] Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 243, 244.

[2] Evangelista M. Stalin's Postwar Army Reappraised // Soviet Military Policy Since World War II / Ed. by W.T.Lee, K.F.Staar. P. 21-22.

[3] Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. И.А. Глазьева, А.И. Косого и др. С. 494.

[4] Ожегов А., Роговский Е., Яремченко Ю. Конверсия оборонной промышленности и преобразование экономики СССР // Коммунист, 1991. №. 1. С. 54-64; Зиновьева Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965–1991 гг. С. 79.

[5] Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 1950–1980-е гг.). С. 37.

очевидное катализирующее воздействие на характер развертывания НТР»[1].

Однако, не только военная сфера становилась в фокусе государственной промышленной политики советского руководства. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной техники»[2], опубликованном в 1955 году указывалось на активное внедрение достижений науки и техники, что подчеркивало стремление советского руководства к началу конкуренции с Западом не только в военной, но и в других отраслях. Можно утверждать, что относительно передовая индустриальная база позволила актуализировать амбициозные проекты по сверхмодернизации советской экономики. С середины 1950-х годов руководство страны начало претворять в жизнь концепцию «ускоренного развития». Советские экономисты разрабатывали планы по радикальному увеличению темпов экономического роста за счет количественного приращения валовых показателей. Удивительно, но в рассматриваемый момент стал приоткрываться и так называемый «железный занавес». Исследователь В.В. Родина по этому поводу пишет: «Несмотря на железный занавес, СССР пользовался трансфером западных технологий, советское руководство пыталось перенимать зарубежный опыт для модернизации ряда отраслей»[3].

Задачами экономического роста оставалось «расширение масштабов производства и увеличение выпускаемой продукции...»[4]. В качестве основных факторов, определяющих темпы роста в СССР, при этом выделялись: НТП, трудовые ресурсы и уровень их квалификации, производительность труда, производственные фонды и эффективность их использования, природные ресурсы, отраслевая структура и размещение производства[5]. Тем самым

---

[1] Степанов В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 1950–1980-е гг.). С. 32.

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 506, 508.

[3] Родина В.В. Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 108.

[4] Багрий П.И., Агафонов А.Г., Бондаренко В.В. и др. Факторы экономического роста в условиях развитого социализма. С. 12.

[5] Планирование народного хозяйства СССР. М., 1968. С. 99.

экономика по-прежнему базировалась на преимущественном росте количественных показателей и отражала тенденции научной мысли по вопросам экономического роста.

Нам представляется важным отметить, что особенность экономического развития за счет экстенсивного развития состояла в усилении эксплуатации природных ресурсов и требовала постоянного поддерживания данной формы воспроизводства. Причем в связи с объективными процессами обеднения сырья, ухудшения его качества, переходом на более низкие горизонты добычи и т.д. каждое новое вложение средств в добычу сырья давало все более низкую отдачу. Для поддержания на прежнем уровне достигнутых темпов роста добычи сырья и топлива необходимы были все более крупные инвестиции, а научно-технический прогресс должен был быть направленным на нейтрализацию удорожающих факторов ухудшения внешней среды, то есть опять-таки не на созидание нового производства в прямом смысле этого слова, а на восстановление «старого». Получался порочный круг: чем больше общество производило продуктов на основе использования экстенсивных факторов, тем больше требовалось сил и средств для сохранения уже достигнутого уровня и тем меньше у него их оставалось для дальнейшего наращивания объемов производства и укрепления своего экономического потенциала. В подтверждение данной мысли В.П. Логинов отмечает, что процесс расширенного воспроизводства осуществлялся в каждом новом цикле как бы на суженной основе, где каждый новый цикл воспроизводства сохранял прежние неблагоприятные пропорции и межотраслевые соотношения, даже усугублял их, превращая экономику во все более зависимую систему от случайного и крайне изменчивого фактора, каковым является природная среда[1]. Тем не менее, в 1950 – начале 1960 годов, когда стоимость добываемого сырья и топлива, в связи с их более близким расположением к основным потребляющим районам и более благоприятными условиями залегания, была в несколько раз ниже, чем в последующий период, рост масштабов их добычи

[1] Логинов В.П. Резервы экономического роста. С. 12-13.

приводил к повышению эффективности общественного производства.

Исходя из этого, основным принципом размещения отраслей экономики стало приближение производства к источникам сырья и районам потребления. В районах, где находили нефть, через некоторое время появлялись нефтеперерабатывающие заводы, там, где были большие пространства леса, создавались деревоперерабатывающие предприятия, мебельные фабрики и т.д. Данные мероприятия значительно сокращали расходы государства на перевозку сырья к местам ее первоначальной переработки. При размещении промышленности по плану генеральной перспективы в расчет принимались как природно-географические факторы, так и хозяйственная необходимость использования данных видов сырья и, кроме того, целесообразность дальнейшего развития экономики районов, а также учитывались их заселенность и наличие трудовых ресурсов.

На основе последовательного вливания капиталов, привлечения специалистов и внедрения нового оборудования ряд республик и областей смогли за короткий промежуток времени превратиться из слаборазвитых районов в мощные экономические комплексы. К примеру, если Татарская АССР в довоенный период была представлена в основном сельским хозяйством и легкой промышленностью, то в послевоенный – превратилась в регион с развитой индустриальной базой, основанной на топливной, химической, машиностроительной и других отраслях[1]. За счет освоения новых районов, привлечения капиталов и трудоспособного населения во многих новых промышленных районах динамика экономического роста была значительно выше, чем в целом по СССР. Так, если в 1955 г. темпы роста валовой продукции промышленности по стране по отношению к 1950 г. составили 185%, то в Татарской АССР – 216%, в 1960 г. – 304% и 349% соответственно[2].

Только ли традиционные отрасли тяжелой индустрии становились источником роста показателей отечественной индустрии? Преимущественно,

---

[1] Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет. С. 42-43.

[2] Широков Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья (1945–1960). Саратов, 1987. С. 33.

да. Быстрые темпы развертывания промышленного, транспортного строительства и постоянно возрастающая потребность народного хозяйства в строительных материалах, орудиях труда и энергии обусловили тот факт, что наиболее высокими темпами в Советском Союзе стали развиваться новые отрасли тяжелой индустрии (топливная индустрия, химическая промышленность, производство электроэнергии и ряд других). Они получали основную часть капиталовложений, направляемых в промышленность. Именно эти отрасли во многом определили экономический рост Советского Союза в середине XX в. и явились значительной силой в формировании высокой динамики промышленного производства.

Несмотря на новые реалии, государственная промышленная политика в этом вопросе практически не изменилась. Доминанта отраслей группы «А» сохранялась, изменению подвергались лишь пропорции отраслей, входящих в данную группу. Так, в формировании экономического роста особое место стало отводиться отраслям топливной и нефтехимической индустрии. Расширение зон ресурсоемких технологий сопровождалось возрастанием народнохозяйственного спроса на энергосырьевые ресурсы, усилением зависимости экономического роста от их предложения. Начался форсированный режим наращивания добычи топливных ресурсов и, как следствие, рост капиталоемкости энергосырьевых ресурсов. Вместе с тем с середины 1950-х годов приоритеты в топливной промышленности постепенно стали смещаться из угольной в пользу нефтяной и сопутствующей ей газовой индустрии (во многом благодаря США, где доля нефти и газа в топливном балансе страны в 1955 г. составляла уже 64,4%[1]).

В документах фонда Совета Министров РСФСР были обнаружены сведения о том, что исключительно большое значение имела разработка богатейших залежей нефти (не считая традиционных районов около Баку, Грозного и др.), выявленные и используемые на территории Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Пермской, Оренбургской, Саратовской и

[1] Викентьев А.И. Развитие экономики СССР и проблемы пропорциональности. С. 89.

других областей[1]. Помимо этого, были открыты новые месторождения «черного золота» в Украинской ССР, Казахстане, на территории Сибири и Дальнего Востока.

Значение данных отраслей не скрывалось и руководством страны. В докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС было заявлено о том, что «в топливной промышленности взят курс на преимущественное развитие добычи нефти и газа ... Удельный вес нефти и газа в общем производстве топлива при этом возрастет с 31% до 51%, а угля соответственно уменьшится с 60% до 43%»[2]. В результате, если в годы пятой пятилетки объем капитальных вложений в нефтяную и газовую промышленность составил 4,74 млрд руб., то в 1959–1965 годах на развитие нефтяной и газовой промышленности было выделено уже 11,62 млрд руб. Началось постепенное, но неуклонное наращивание добычи нефти и газа (приходилось чуть ли не ежеквартально пересматривать планы финансирования буровых работ вследствие мощного подъема данной индустрии[3]).

Как отмечает в своей работе «Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980 е гг.» М.В. Славкина топливный баланс страны в 1959–1965 годах постепенно приближался к среднемировому балансу, в котором доля угля в 1965 г. составила 39,8% (в СССР добыча угля составляла 42,7% всего топливного баланса)[4]. Статистические материалы фонда Министерства финансов СССР указывают на то, что удельный вес газа в производстве топлива в Советском Союзе возрос с 5,5% в 1958 г. до 14,5% в 1964 г.[5] Крупные средства, вкладываемые в новую отрасль, позволили довольно часто обновлять буровое оборудование, повысили механизацию трудовых процессов в нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности[6].

Параллельно с нефтяной, мощный толчок в развитии получила

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 525. Л. 18.

[2] Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января – 5 февраля 1959 г.: Стенограф. отчет. М., 1959. С. 27.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9535. Л. 42.

[4] Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг. М., 2002. С. 11-20.

[5] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2147. Л. 6.

[6] Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. С. 148.

химическая промышленность. Острая потребность народного хозяйства в продукции химической индустрии и быстро нарастающее отставание от Запада заставили правительственные круги обратить на ее развитие самое пристальное внимание. В соответствии с решениями Майского пленума ЦК КПСС 1958 г., решениями XXI съезда партии и другими директивными указаниями партии и правительства, данная отрасль промышленности получила значительный толчок в развитии[1]. Только за 1959–1965 годы в химическую промышленность было вложено 9,05 млрд руб., что в 2,3 раза превышало объем капитальных вложений за все предшествующие годы Советской власти. Их удельный вес в общем объеме капитальных вложений в промышленность повысился с 3–4 % в четвертой и пятой пятилетках до 9%[2] в седьмой (правда, при этом освоение капитальных вложений осуществлялось крайне неудовлетворительно[3]). В результате выпуск валовой продукции химической промышленности за семилетку возрос в 2,45 раза. За 1958–1961 годы было построено и введено в действие свыше 250 объектов химической промышленности[4]. Но все же фактические темпы роста отрасли долгое время заметно отставали от темпов, намеченных семилетним планом. В 1963 г. они составили 13,1%, в то время как по плану предусматривалось 17%. Достигнутый за 1959–1963 годы среднегодовой темп прироста был ниже, чем за четыре года до 1958 г. (среднегодовой темп равнялся 15 %)[5]. Только в 1965 г. химическая индустрия вышла на первое место среди крупных отраслей промышленности (это при том, что за 2 года до этого – в 1963 г. – она занимала одно из последних мест в промышленности группы «А»[6]).

Совсем другое место в приоритетах государственной политики отводилось отраслям группы «Б». Исследование показало, что если химическая,

---

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8759. Л. 18.

[2] Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 534; Народное хозяйство СССР. 1922–1982. С. 544-545; Федоренко Н.П. Химизация и экономика. М., 1966. С. 5.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8759. Л. 4.

[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8759, Л. 18, 20, 76.

[5] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 56. Д. 454. Л. 26.

[6] Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулировании. С. 146; Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. И.А. Глазьева, А.И. Косого и др. С. 86.

нефтяная промышленность находились в авангарде народного хозяйства, то отрасли, призванные удовлетворять потребности общества, находились на другом полюсе экономического роста, значительно отставая от лидеров. Даже официальная советская литература, часто скрывавшая истинную картину происходивших в экономике процессов, указывала, что в 1955–1959 годах среднегодовые темпы в легкой промышленности равнялись 4,5% (в сравнении с отраслями тяжелой индустрии данные темпы были очень невысокими), а уже в 1959–1962 годах они снизились до 1,8%[1]. Предприятия легкой промышленности не могли удовлетворить спрос населения на необходимую продукцию. Одновременно с этим, многие промышленные предприятия производили заведомо устаревшую товарную массу. Виной тому служила перезагруженность предприятий, отвлечение их на выпуск номенклатурных изделий, недопоставка необходимого сырья, значительное количество брака и т.п. Проблема усугублялась и тем, что из-за несоответствия своего качества заметно снижался и спрос населения на произведенную продукцию, и, как следствие, сокращался сбыт.

Во многом данные негативные факторы усугублялись недостаточным выделением средств на эти отрасли. Только в 1964 г. одной из основных причин уменьшения выпуска продуктов питания явилось снижение выпуска технологического оборудования, которое в свою очередь сократилось за счет уменьшения капиталовложений. Документы фонда Государственного комитета по машиностроению при Госплане СССР дают информацию о том, что по сравнению с 1963 г., в 1964 г. по шести республикам СССР имело место уменьшение количества выпускаемых станков для пищевой промышленности: в РСФСР – на 3,3%, Белорусской ССР – на 30,8%, Армянской ССР – на 53,8% и т.д.[2]

Пищевая и легкая промышленность концентрировалась главным образом в немногих крупных экономических районах Европейской части СССР и очень

---

[1] Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. С. 234.

[2] РГАЭ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 253. Л. 94-95.

медленными темпами продвигалась на восток страны (несмотря на то, что в восточных районах Советского Союза население значительно возросло). Несоответствие в размещении центров производства и потреблении такой продукции вызывало неоправданную загрузку транспорта на дальние расстояния, удорожание продукции, а иногда и ухудшение качества, большие потери.

Тем не менее, несмотря на серьезное отставание, и здесь произошел ряд положительных изменений. Вызвано это было относительной политической и экономической стабильностью, дополнительными доходами от ведущих отраслей, что обуславливало предпосылки к постепенному переходу к социально-ориентированному обществу. За 1950–1960 гг. душевой уровень потребления мясомолочных продуктов возрос почти в 2 раза, овощей и фруктов – в 2,2 раза, предметов гардероба – в 2–6 раз[1]. Эти действия способствовали насыщению потребностей населения, однако спрос на некоторые виды товаров оставался.

Для понимания роста объемов промышленного производства важным критерием становится исследование энерговооруженности страны. Рост теплоэлектростанций, гидроэлектростанций, увеличение выработки электроэнергии, является наглядным свидетельством роста всей промышленной индустрии. Все возрастающие потребности индустрии требовали обеспечения предприятий электроэнергией. Существующих гидро- и теплоэлектростанций оказывалось совсем недостаточно. Получило широкий размах строительство, результатом которого стало создание Волжско-Камского каскада гидроэлектростанций – Волгоградской, Куйбышевской, Камской, Иваньковской, Рыбинской и др. (правда, доля их в производстве электроэнергии составляла в 1965 г. 16%[2], а 84% электроэнергии вырабатывалось тепловыми станциями за счет сжигания нефтегазопродуктов). О размахе этого строительства говорят следующие цифры: полная емкость

[1] Саввин А.С. Экономический рост и проблемы экологизации промышленного производства. СПб., 2004. С. 145.

[2] Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 169; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. С. 200.

Куйбышевского водохранилища равнялась 56,9 км. куб., Волгоградского – 31,5 км. куб, Камского – 10,7 км. куб.[1] В своем исследовании «Научно-технический прогресс в СССР за 60 лет» И.Н. Бубнов указывает, если в 1952–1958 годах средняя единичная мощность ГЭС составляла 165 тыс. квт, то в 1959 – 1965 годах – уже 550 тыс. квт.[2]

Наращивание энергетических мощностей позволило в кратчайшие сроки обеспечить основные отрасли экономики Советского Союза необходимой электроэнергией. Так, если в 1950 г. страна получала 91,0 млрд квт ч., в 1955 г. – 170,1 млрд квт ч. электроэнергии (в том числе 12,0 и 23,1 млрд квт ч. гидроэлектроэнергии), то в 1965 г. страной вырабатывалось 507 млрд квт ч. энергии[3]. По темпам роста выработка электроэнергии за 1940–1960-е годы возросла в 6 раз, в то время как производство чугуна – в 3 раза, стали – в 3,5 раза, каменного угля – в 3 раза[4]. Вместе с тем к 1964 г. единая энергосистема работала в очень напряженных условиях. Наиболее значительный дефицит энергоресурсов имел место в трех объединенных энергосистемах: Центра, Средней Волги и Урала. Исходя из данных полученных по материалам фонда Министерство электростанций и электропромышленности СССР причиной этого были маловодность рек Волги и Камы и неудовлетворительная работа блоков мощностью 150, 200 и 300 тыс. квт.[5] Строительство и ввод новых гидро- и теплоэлектростанций также существенно задерживались. В 1960 г. подготовительный период в среднем при строительстве электростанций в СССР был в 3–5 раз дольше, чем за рубежом[6]. Часто это было вызвано, с одной стороны, слабой инфраструктурой этих районов строительства, особенно на Востоке, с другой – нарушениями проектных графиков материального снабжения кадров строителей и техники, а также недостаточной технологичностью проектов, что обусловливало значительные затраты ручного труда.

---

[1] Волжский и Камский каскады. Л., 1960. С. 32.

[2] Бубнов И.Н. Научно-технический прогресс в СССР за 60 лет. С. 31.

[3] Вестник статистики. 1960. № 4. С. 37.

[4] Народное хозяйство в 1960 г. С. 243, 254, 269, 287.

[5] РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 10. Д. 1496. Л. 11.

[6] Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. С. 134.

Недостаточная для растущей экономики эффективность энергетической базы Советского Союза, а также нарастание конфронтации с Западом актуализировали атомную энергетику. В 1954 г. с запуском в г. Обнинске открылась единственная в мире АЭС мощностью 5 тыс. квт, а уже в 1958 г. была введена в эксплуатацию первая очередь Сибирской АЭС мощностью 100 тыс. квт. Такой же генератор заработал в 1964 г. на Белоярской АЭС, а на Нововоронежской станции в том же году был пущен блок мощностью 210 тыс. квт.[1]

Проведя анализ показателей роста промышленной сферы СССР в период руководства Н.С. Хрущева можно прийти к выводу о мощном подъеме экономики, экспоненциальному росту ее валовых показателей. На практике же проводимые руководством страны мероприятия дали лишь кратковременный положительный эффект. Уже с начала 1960-х годов стала обнаруживаться тенденция замедления экономики, государственный социализм медленно терял свой организационный потенциал.

Количественное наращивание производственного аппарата происходило еще несколько десятилетий, но уже все с более снижающимися темпами. Определенный, комплексный, органический рост экономики продолжался, но лишь в тех секторах, где были завершены индустриальные преобразования (машиностроение, горнодобывающая промышленность и др.). Что же касается главных направлений народнохозяйственного развития, связанных во второй половине XX в. с перестройкой экономики на базе достижений современной научно-технической революции, здесь продвижения советской экономики во второй половине ее существования оставались очень ограниченными. Удалось создать только отдельные анклавы, островки научно-индустриального производства, преимущественно в военной отрасли и освоении космоса, где Советский Союз продолжал оставаться на лидирующих позициях. Эти анклавы существовали как искусственно поддерживаемые образования, захлестываемые потоками обычного индустриального производства.

---

[1] Бубнов И.Н. Научно-технический прогресс в СССР за 60 лет. С. 33.

К тому же на фоне усиливающейся зависимости экономики от обеспеченности топливом, металлом, инвестициями, сельскохозяйственным сырьем сокращались возможности адаптации народного хозяйства к ухудшающимся условиям ресурсообеспечения. Снижение темпов экономического роста, маскируемого скрытой инфляцией, сопровождалось замедлением динамики эффективности производства и реальных доходов населения.[1] Спрос на электроэнергию (и в городе, и в деревне) намного опережал ввод в строй новых мощностей. Газовая индустрия росла очень быстро и все же от намеченных планов отставала (в этой связи пришлось вновь усилить внимание к добыче угля). С большими сложностями столкнулась металлургия в результате перекачки части средств, предназначавшихся для нее, в химическую промышленность (высказывалось даже мнение о том, что выплавку стали можно и не форсировать, ибо предстоит массовое внедрение более выгодных изделий из пластмасс – чего на тот период не случилось из-за недостаточно развитой базы химической промышленности)[2].

Обозначились и другие признаки экономического неблагополучия, в частности, долгострой. В 1958 г. незавершенное строительство в государственных и кооперативных предприятиях составляло 17,5 млрд рублей, а уже в 1964 г. – 27,1 млрд рублей[3]. Медленно шло освоение производственных мощностей. В машиностроении и цементной промышленности оно составляло 3–5 лет, в угольной – 3–10 лет. Наблюдалось снижение фондоотдачи. Наиболее сильно она снижалась в химической, легкой, лесной, деревообрабатывающей промышленности, черной металлургии. Расчеты советских экономистов показали, что снижение фондоотдачи за 1961–1964 годы означало потребность в дополнительных капиталовложениях в размере 12–14 млрд рублей. В результате уже в 1964 г. был превзойден плановый уровень инвестиций, рассчитанный на семилетку[4].

---

[1] Воробьев А. Мировая экономика в первой половине 2001 года. Аналитические материалы // Вестник Банка России / Центральный банк РФ. М., 2001. № 53.

[2] Лельчук В.С., Бейлина Е.А. Промышленность и рабочий класс СССР в условиях НТР. С. 42-43.

[3] Народное хозяйство СССР в 1960 г. С. 541.

[4] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. С. 201.

Страна по-прежнему существенно отставала от западного мира. Объем промышленного производства в 1960 г. составлял 60%, объема национального дохода США. Вырабатываемая электроэнергия в СССР в 1960 г. равнялась 274 млрд квт ч., в то время как в США – 843 млрд квт ч.[1] Значительно отставала и сфера потребительских услуг. А.И. Микоян отмечал, что «в сфере сервиса США действует 2 млн. автоматов, а у нас – единицы»[2].

Определенное влияние на производственную сферу и систему управления оказывали взаимоотношения государства с частным сектором. Если до середины XX в. государство признавало частный сектор, законодательно регулировало с ним отношения, то со второй половины 1950-х годов из статистики стали исчезать данные о крестьянах-единоличниках и кустарях-одиночках. Данные обстоятельства следовало бы расценить как фактор формирования теневого сектора экономики, того сектора, который прямо или косвенно оказывал воздействие на положение в промышленности. К сожалению, архивные источники не отражают статистику по теневому сектору экономики, а потому меру и масштабы его воздействия мы сегодня оценить не можем.

Все это в совокупности свидетельствовало о том, что индустриальная система подверглась сильнейшему структурному кризису, выразившемуся в устойчивом комплексе ресурсных ограничений, и обусловленному одновременно и замедлением темпов экономического роста, и падением эффективности производства, технологической деградацией. Отечественная экономика оставалась неповоротливым «индустриальным монстром», не воспринимавшим достижения передовых западных государств, переходивших на новую ступень развития, связанную со становлением нового постиндустриального общества.

5.2. Приоритеты и темпы промышленного роста в Татарской АССР во

[1] Тихонов И.А., Щедренок В.П. Главная экономическая задача и технический прогресс в СССР. М., 1963. С. 50.

[2] Двадцатый съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.). Стенографический отчет. Т. 1. С. 366.

второй половине 1950 – начале 1960-х годов

С окончанием восстановительного периода можно говорить о постепенной трансформации экономики СССР от ее сверхмодернизации к поэтапной модернизации. Индустриальный сектор экономики показывал стабильно высокие темпы роста, что приводило к некоторому снижению административного воздействия на объекты управления. К тому же само государство по многим показателям находилось на международной арене уже не в роли догоняющего, а в позиции лидера.

В то же время сверхмодернизация сохранялась в наиболее успешных республиках государства. Используя накопленный потенциал, трудовые и стратегически важные природные ресурсы, руководство активно инвестировало средства в отдельные субъекты, формируя тем самым «точки роста» советской экономики.

Примером такого рода региона стала Татарская АССР. Экономика Татарской республики к середине XX в. представляла сложный комплекс, сочетавший тяжелую, легкую, пищевую промышленность и сельское хозяйство. Республика имела благоприятные условия для развития различных отраслей промышленности. Такими условиями, прежде всего, являлись: открытие и освоение богатых месторождений полезных ископаемых; развитие многоотраслевого сельского хозяйства, которое давало большое количество разнообразного сырья для отраслей промышленности; наличие издавна сложившихся кадров, владеющих ценными навыками ремесленного и промышленного производства (кожевенники, меховщики, металлисты, химики и т.д.). К тому же ТАССР находилась на пересечении транспортных магистралей страны, облегчавших как подвоз сырья и топлива, так и вывоз готовых изделий[1].

Важнейшей задачей послевоенного развития республики становилось

[1] Абрамов П.В. Развитие экономики Татарской АССР за годы Советской власти. С. 11; Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 90-91; Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за 40 лет. С. 39; Из истории социалистического строительства на Средней Волге / Под общ. ред. И.М. Ионенко. С. 51.

быстрое перепрофилирование и адаптирование индустриального и сельскохозяйственного производства к условиям мирного времени, с сопровождавшимся восстановлением, реконструкцией старых и строительством новых промышленных предприятий и т.д. Данные преобразования должны были осуществиться при значительном росте инвестирования в экономику республики. И, как показывает статистика, их вливание было колоссальным. (См. табл. № 5.1).

Таблица 5.1

Государственные инвестиции в экономику ТАССР

(млн рублей в сопоставимых ценах)[1]

Период	**Инвестиции**	
	всего	**В среднем за год**
IV пятилетка (1946–1950 гг.)	246,8	49,36
V пятилетка (1951–1955 гг.)	1005,8	201,2
1956-1960 гг.	1648,8	352,1
1961-1964 гг.	1760,7	412,1

Из таблицы видно, что в послевоенное время, начиная с четвертой пятилетки и вплоть до середины 1960-х годов, инвестиции в экономику республики неуклонно увеличивались, на основе чего росли материальная база, основные фонды и другие составляющие. Если данные показатели перевести в коэффициенты, за единицу взяв показатель ежегодных капиталовложений в период четвертой пятилетки, то получается, что к периоду 1961–1964 гг. коэффициент составлял 8,35. Данный показатель означал, что капиталовложения в экономику республики выросли за указанное время более чем в 8 раз. При том что с конца 1950-х годов основная часть инвестиций (около 60%) ежегодно направлялась на развитие промышленной сферы[2].

Быстрому росту республики способствовали значительные финансовые вливания в отдельные, перспективные отрасли индустрии (см. табл. № 5.2).

Таблица 5.2

Инвестирование

в основные отрасли промышленности Татарской АССР

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 52-53; то же. Оп. 27/2. Д. 161. Л. 108-109.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 181.

(млн рублей в сопоставимых ценах)[1]

Инвестирование в отрасли промышленности	**1958 г.**	**1962 г.**	**1964 г.**
Всего в промышленность и строительную индустрию из нее:	173,9	228,3	317,9
нефтяная и газовая промышленность	118,3	130,3	176,1
Химическая промышленность	5,0	25,4	47,7
Машиностроение (без ВПК)	3,6	5,1	6,8
Электростанции, электрические и тепловые сети	7,8	26,6	39,4
Промышленность строительных материалов	12,8	10,6	16,4
Лесная и деревообрабатывающая промышленность	3,5	3,2	5,7
Легкая промышленность	4,3	3,5	2,5
Пищевая промышленность	9,5	10,0	5,2

Из таблицы видно, что ассигнование отраслей НТР составляло львиную долю всех инвестиций в промышленность. Отрасли же легкой и пищевой индустрии по объему всех финансовых вложений в несколько десятков раз уступали нефтяной, химической промышленности, хотя за послевоенный период спрос на потребительские товары значительно возрос. В целом за счет развития новых для республики отраслей удалось привлечь значительные капитальные средства. Если в среднем в СССР капиталовложения в промышленность в 1964 г. (по отношению к 1958 г.) возросли на 165%, то по Татарской АССР – на 430%[2]. Во многом столь значительный рост инвестиций был связан не только с государственными, но и республиканскими капиталовложениями. Так, в частности, в соответствии с «Планом ассигнований из республиканского бюджета на финансирование народного хозяйства» республикой в 1962 году на Управление нефтяной промышленности Татарского совнархоза выделялось 58721,6 тыс. рублей, что составляло примерно 45% от всех денег, на Управление химической промышленностью – 11223 тыс. рублей, или 44% от всех капиталовложений.[3]

В тоже время, обратные платежи в государственный и республиканский

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 54-55; то же. Оп. 27/2. Д. 161. Л. 110-111.

[2] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 60; ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 54-55; тоже. Оп. 27/2. Д. 161. Л. 110-111.

[3] ГА РТ. Ф. Р-7233. Оп. 21. Д. 873. Л. 47, 51.

бюджет были не пропорциональными. Автор диссертационного исследования, проводя сопоставление двух документов «Плана доходов и расходов по Татарскому совнархозу на 1962 год» и «Плана платежей в республиканский бюджет по отчислениям от прибыли на 1962 год» фонда «Совета народного хозяйства Татарского экономического административного района» ГА РТ обнаружил данные, из которых следует, что наибольшие доходы планировалось извлечь управлениями энергетической и нефтяной промышленности, при том что по платежам в республиканский бюджет они находились только на 8 и 3 позициях, соответственно. Первые же позиции занимали Первое и Второе управления машиностроения.[1]

На основе большего финансирования промышленности и урбанизации начали быстро возрастать показатели промышленного производства. Даже материалы официальной печати указывают на резкий разрыв развития между средними показателями по СССР и Татарской АССР. С 1913 г. по 1958 г. валовая продукция крупной промышленности в целом по СССР возросла в 53 раза, в то время как в Татарской АССР – в 129 раз. К середине 1950-х годов темпы роста валовой продукции в республике были в два с лишним разам выше, чем по стране[2]. Тенденции ускоренного роста экономической базы и ее показателей продолжились и в последующий период. Так, если темпы роста валовой продукции в 1965 г. (с 1940 г.) в СССР выросли на 79 % (в РСФСР – 715 %), то в Татарской АССР – на 1715% (по темпами роста республику обгоняли только 2 района Поволжья: Куйбышевская область – 2507 % и Башкирская АССР – 2644 %, что во многом объяснялось мощным ростом нефтяной отрасли)[3]. Нагляднее динамику роста валовой продукции Татарской АССР в послевоенное время можно проследить по таблице № 5.3.

Таблица 5.3

Темпы роста валовой продукции промышленности ТАССР за 1940–1965 годы[4]

годы	**в % к**

[1] ГА РТ. Ф. Р-7233. Оп. 21. Д. 873. Л. 47, 48.

[2] Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 91.

[3] Татария за 50 лет. Статистический сборник. С. 15.

[4] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 1.

	1940 г.	**1950 г.**	**1958 г.**
1940 г.	100	X	X
1950 г.	345	100	X
1955 г.	747	216	X
1958 г.	952	276	100
1959 г.	1082	313	114
1960 г.	1204	349	126
1961 г.	1814	380	138
1962 г.	1423	412	149
1963 г.	1538	445	161
1964 г.	1697	462	168
1965 г.	1715	496	180

При этом еще больший рывок в это время произошел в росте валовых показателей крупной промышленности (см. табл. № 5.4). Для этого взяты показатели в сравнении с 1913 г.

Таблица 5.4

Темпы роста валовой продукции крупной промышленности за 1913–1965 годы[1]

годы	**1913 г. = 1**	**1940 г. = 1**	**1950 г. = 1**
1913 г.	1	X	X
1940 г.	12	1	X
1945 г.	28	2,3	X
1950 г.	45	3,7	1
1955 г.	101	8,4	2,3
1958 г.	129	10,7	2,9
1959 г.	147	12,2	3,3
1960 г.	163	13,6	3,7
1961 г.	178	14,8	4,0
1962 г.	193	16,0	4,3
1963 г.	209	17,3	4,7
1964 г.	217	18,0	4,9
1965 г.	233	19,3	5,2

Мы видим, что по сравнению с послевоенным восстановительным периодом объем валовой продукции крупной индустрии к 1965 г. увеличился

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 3.

более чем в 5 раз, а по сравнению с 1913 г. – в 233 раз, что во многом стало результатом более слаженной работы предприятий, входящих в Татарский, а затем Средневолжский совнархозы. Так, в материалах дела «Об итогах хозяйственной деятельности Татарского совнархоза за 1958 и 9 месяцев 1959 года» мы находим указание на то, что если в 1957 году число промышленных предприятий, не выполнивших валовые показатели по совнархозу составляло 29%, то в 1958 году – 8,2%.[1]

Активно стали развиваться отрасли, относящиеся к научно-ориентированным отраслям. Только в машиностроении появились электротехника, инструментальная промышленность, приборостроение, производство насосно-компрессорного и холодильного оборудования, подъемно-транспортное машиностроение.

В отраслях легкой и пищевой промышленности темпы роста валовой продукции были так же высокими, но заметно уступавшими тяжелой индустрии. (См. табл. №№ 5.5 и 5.6).

Таблица 5.5

Темпы роста валовой продукции по всей легкой промышленности ТАССР за 1940–1965 гг.[2]

годы	**в % к**		
	1940 г.	**1950 г.**	**1958 г.**
1940 г.	100	X	X
1950 г.	130	100	X
1955 г.	229	176	X
1958 г.	277	214	100
1959 г.	297	229	108
1960 г.	316	244	115
1961 г.	333	257	121
1962 г.	343	264	124
1963 г.	356	274	128
1964 г.	349	269	126

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 2646. Л. 22.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 18.

1965 г.	354	273	128

Представленные данные показывают увеличение валового выпуска продукции местной легкой промышленности. В 1965 г. по сравнению с 1950 г. выпуск возрос на 273%, а в сравнении с 1940 г. – на 354%.

Таблица 5.6

Темпы роста валовой продукции по всей пищевой промышленности ТАССР за 1940–1965 гг.[1]

годы	**в % к**		
	1940 г.	**1950 г.**	**1958 г.**
1940 г.	100	X	X
1950 г.	99	100	X
1958 г.	187	190	100
1959 г.	206	209	110
1960 г.	232	234	123
1961 г.	248	250	132
1962 г.	268	270	142
1963 г.	274	276	145
1964 г.	271	274	144
1965 г.	310	312	164

Исходя из показателей таблицы видно, что валовый выпуск продукции местной пищевой промышленности в 1965 г. по сравнению с 1950 г. возрос на 312%, а в сравнении с 1940 г. – на 310%.

Столь существенный экономический рост был следствием государственной политики, проводимой в республике и направленной на становление ряда отраслей экономики. Приоритетное развитие получило строительство объектов химической, нефтегазодобывающей, нефтеперерабатывающей промышленности и машиностроения, на развитии которых были сосредоточены основные капиталовложения[2]. К примеру, если в 1955 г. (в сравнении с 1940 г.) валовая продукция пищевой промышленности республики возросла на 144%, мыловаренная и парфюмерная – на 186%, швейная – на 194 %, кожевенно-меховая и обувная – на 219%, то продукция

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 29.

[2] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1985. Л. 253; то же. Оп. 45. Д. 3448. Л. 236.

химической промышленности за этот же период возросла до 279%, строительных материалов – на 573%, а продукция машиностроения – на 3596% (т.е. почти в 36 раз)[1]. Удельный вес тяжелой промышленности в 1964 г. в общем объеме продукции составил 59%, против 52% в 1958 г.[2]

За период с 1959 по 1964 годы в республике было построено и введено в действие более 60 промышленных предприятий. Особое место среди всех предприятий отводилось созданию предприятий, имеющих общесоюзное значение. Так, в указанное время вступили в действие и стали давать первую продукцию Казанский завод органического синтеза, начато строительство Нижнекамского химического комбината, построена и полностью введена в действие Заинская ГРЭС, в стадии строительства находилась Нижнекамская гидроэлектростанция.[3]

Важно, что отраслевой характер экономики республики по-прежнему обеспечивался за счет традиционных отраслей индустрии. Однако в рассматриваемый период выделилась отрасль, превосходящая другие по объему финансовых вложений, темпам роста, валовым характеристикам и производительности труда, что во многом определялось большой потребностью Советского Союза в ней. Ею являлась нефтяная промышленность. Наличие в республике богатых залежей нефти позволило Татарии развиваться как нефтедобывающий регион с сопутствующим развитием нефтехимии, энергетики и в меньшей степени других отраслей. Директивы по семилетнему плану развития народного хозяйства страны, подтвердив курс на ускоренное развитие нефтяной и газовой промышленности, указали на необходимость обеспечения высоких темпов в развитии данных отраслей промышленности в Поволжье и, в частности, Татарской АССР[4].

Значительные финансовые средства, привлечение людей, техники, оборудования из различных регионов страны позволили широким фронтом

---

[1] Абрамов П.В. Развитие экономики Татарской АССР за годы Советской власти. С. 12.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 145.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 33. Д. 10. Л. 181.

[4] Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 11. М., 1959. С. 474.

развернуть работы по формированию нефтегазового комплекса. И если в 1940 г. нефтедобывающая отрасль в республике была еще в зародышевом состоянии, то в 1965 г. на ее финансирование стало уходить порядка 44,6% всех капитальных вливаний в промышленность республики (в сравнении: удельный вес лесной и деревообрабатывающей промышленности республики в 1940 г. составлял 4,3%, легкой промышленности – 10,8%, пищевой – 11,0% от общего числа капиталовложений, к 1965 г. стал равняться – 2%, 3,0% и 5,0% соответственно)[1]. Возросло количество промышленно-производственных основных фондов нефтедобывающей промышленности. К 1956 г. в топливной отрасли находилось 39,6% всех фондов промышленности, в то время как в машиностроении и металлообработке 26,9%, в остальных отраслях – не более 10%[2]. Концентрация на нефтепромыслах почти 40% всех фондов промышленности говорила об ориентации экономики на превосходящее развитие топливно-энергетического комплекса. Одновременно с этим о приоритете данной отрасли говорит и тот факт, что недостающие финансовые средства изымались у других регионов. 30 сентября 1957 г. вышло распоряжение Совета Министров РСФСР за № 5000-р, в котором предполагалось увеличить финансирование буровых работ по нефтяной промышленности Башкирской и Татарской АССР на 80 млн рублей (по 40 млн рублей на каждую республику) за счет изъятия этих денег у Горьковского (10 млн рублей), Иркутского (10 млн рублей), Куйбышевского (8 млн рублей), Омского (14 млн рублей), Рязанского (8 млн рублей), Чечено-Ингушского (10 млн рублей), Чкаловского (10 млн рублей), Ярославского (10 млн рублей) совнархозов[3].

Первая в республике нефтяная скважина была запущена в действие 17 сентября 1946 г. на горе Гали, недалеко от районного центра Бавлы. С этого периода началась массовая добыча нефти. В течение 1950–1960 годов постоянно велись геологоразведочные работы, вводились в оборот новые

---

[1] Пятьдесят лет Татарской АССР. С. 34-35.

[2] Азизов К.И. Промышленность Татарии и пути повышения ее эффективности. С. 89.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9535. Л. 39.

скважины[1]. Уже в 1950 г. в Татарии было добыто нефти в 124 раза больше, чем в 1946 г. Достижения буровиков позволили нефтяникам республики перевыполнить плановые задания пятой пятилетки. Так, если планом намечалось увеличить добычу нефти в 1955 г. по сравнению с 1950 г. в 11 раз, то нефтяники Татарии превзошли показатели 1950 г. в 15 раз[2]. К концу пятой пятилетки нефтяная промышленность республики догнала старейший в стране Бакинский нефтяной район. В СССР за 1950–1958 годы добыча нефти выросла более чем в 3 раза, в то время как в Татарской АССР она увеличилась почти в 33 раза[3]. Материалы фонда Министерства финансов СССР показывают, что только в 1959 г. в Татарии было добыто нефти почти в четыре раза больше, чем добывалось ее во всей дореволюционной России[4]. На встрече с Н.С. Хрущевым в ТАССР А. Шмарев, давая характеристику нефтеносным районам республики, указал, что «…если заключить в трубу метрового диаметра всю нефть, добытую за год в республике, то такой трубой можно опоясать несколько раз земной шар по экватору»[5].

Нефтедобыча в республике значительно опережала по этому показателю соседние области и республики. В исследовании Г.А. Широкова приводятся сведения, что за десятилетний промежуток (с 1950 по 1960 гг.) она увеличилась в 53,4 раза, в то время как в Куйбышевской области – всего лишь в 6,4 раза, в Саратовской – в 4,9 раза. В целом по Поволжью, благодаря Татарии, показатели добычи «черного золота» возросли в 14,7 раза, а удельный вес Поволжья в общесоюзной добыче вырос с 12,7% до 47,8% (т.е. в 3,7 раза)[6]. За 1958–1964 годы объем продукции нефтедобывающей отрасли увеличился в 2,5 раза. По добыче нефти Татария стала занимать первое место по СССР, о чем свидетельствуют данные как республиканского, так и государственного

---

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8247. Л. 16-17; то же. Д. 4807. Л. 35; то же. Д. 8798. Л. 26-29, 80-82, 89-91; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 52. Д. 502. Л. 14; то же. Оп. 48. Д. 555. Л. 13.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 1. Д. 589. Л. 17; Татария на пути к коммунизму / Под ред. М.К. Мухарямова, Ю.И. Смыкова, В.В. Кузьмина. Казань, 1965. С. 7.

[3] Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 95; Гимади Х., Мухарямов М. Советская Татария – детище Октября. С. 118.

[4] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 8.

[5] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 78.

[6] Широков Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья (1945–1960 гг.). Саратов, 1987.

архивов[1]. Объяснительная записка к годовому отчету фонда Государственного комитета республики Татарстан по статистике подтверждает эти данные, указывая, что только в 1959 году удельный вес добычи республики составил 27,2% от добычи в целом по СССР, и 34,2% к добыче по РСФСР[2]. Нам видится столь мощный рост был во многом связан применением новых технологий, основанных на законтурном и внутриконтурном заводнении, а также вводом в промышленную разработку новых районов нефтедобычи.

С позиции современной экономики, когда в Республике Татарстан добывается сверхвязкая, а значит трудозатратная нефть в Татарской АССР, наоборот, добыча нефти была относительно дешевой. На одну тонну прироста добычи нефти в ТАССР затрачивалось капиталовложений в 1,5 раза меньше, чем на промыслах Куйбышевской области, почти в два раза меньше, чем в Башкирии и в 14 раз меньше, чем в Азербайджане[3]. Правда, как отмечали сами нефтяники, важнейшим фактором подъема добычи нефти в объединении «Татнефть» в 1950–1960-х годах являлась разработка новых нефтеносных площадей на ранее открытых месторождениях. Проблема же выявления новых месторождений играла подчиненную роль[4].

В тоже время говорить о том, что в развитии этой отрасли не было серьезных проблем, неправильно. В конце 1950 – начале 1960-х годов начали проявляться отдельные сбои в добыче нефтепродуктов. За 1955–1959 годы предприятия нефтяной промышленности вообще не ввели в эксплуатацию резервуарные мощности по сбору нефти, в результате ряд нефтепромыслов приостанавливал добычу нефти. Так, в 1961 г. на Ромашкинском месторождении из 3040 скважин 769 скважин, или 25% эксплуатационного фонда скважин, находились в бездействии или эксплуатировались периодически. Была высока аварийность на буровых скважинах. Так, в объединении «Татнефть» в 1955 г. 25,5% времени нефтяниками было

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 152; там же. Оп. 33. Д. 10. Л. 152; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 7.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 33. Д. 10. Л. 10.

[3] Батыев С.Г. Советская Татария в семилетке. С. 20.

[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1985. Л. 237.

проведено непроизводительно за счет аварий и низкой трудовой дисциплины[1]. В этой связи даже было написано коллективное письмо Н.С. Хрущеву «О бесхозяйственном использовании уникального Ромашкинского месторождения нефти в Татарской АССР»[2], где проводимые организационные мероприятия подверглись серьезной критике.

Остро встала проблема нехватки квалифицированных кадров нефтяников, которую республике во многом удалось решить путем широкого организованного набора, общественного призыва через печать, радио, телевидение. Основной костяк составляли те, кто направлялся на производство по комсомольским путевкам. В республику начали прибывать опытные кадры из старых нефтяных районов Союза – Баку, Грозного, Башкирии[3]. Благодаря чему в виде исключения (распоряжения Совета Министров СССР за № 6386-р от 11 июня 1954 г., за № 3960-р от 3 июля 1956 г. и за № 1041 от 29 августа 1957 г.) предприятиям нефтяной промышленности было предоставлено право арендовать у граждан жилую площадь для размещения работников, занятых на предприятиях и стройках нефтяной промышленности[4].

Быстрый рост невозможен был бы без помощи соседних республик, областей и районов. Татарская АССР получала материальную помощь (в виде станков и оборудования) со всего Советского Союза: с Уралмашзавода – буровые установки, из Куйбышева – буровые вышки, с Первоуральского завода – насосно-компрессорные трубы. В республику поступали бурильные, нефтепроводные, насосно-компрессорные трубы, изготовленные заводами Жданова, Никополя, Нижне-Днепровска и других городов Украины. Ценное оборудование прибывало из Ленинграда, Магнитогорска, Таганрога и т.д.[5] Отрасль обеспечивалась новым, соответствующим времени оборудованием. Только на нефтяные нужды руководством страны за 1951–1955 годы было вложено в республику более 5 млрд рублей[6].

---

[1] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 45. Д. 1280. Л. 96.

[2] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 531. Л. 21-26.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 531. Л. 7.

[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 533. Л. 1, 3-15.

[5] Гимади Х., Мухарямов М. Советская Татария – детище Октября. С. 120-121.

[6] Там же. С. 120.

Средства, полученные от добычи нефти, направлялись в государственный бюджет СССР. Оставшиеся в республике «нефтяные» средства составляли значительную долю доходов Татарии. Так, в бюджете Казани нефтяные поступления в 1955 г. составили 8,3 млн рублей, или 3,9% от всего городского бюджета, а в 1958 г. – 24,8 млн рублей, или 7,6%[1]. Выплаты из союзного бюджета по добыче нефти шли на социально-культурные мероприятия, благоустройство городов и рабочих поселков, начавшуюся с 1953 г. газификацию квартир и т.д.[2]

Благодаря высоким темпам роста нефтяной промышленности, значительно возросла и газовая индустрия. В документе «Рост добычи газа (попутного) за 1956-1964 годы» фонда Государственного комитета республики Татарстан по статистике Государственного архива Республики Татарстан отмечается, что если в 1955 г. в республике было добыто 116 млн. куб. м. газа, в 1958 г. – 847 млн. куб. – М., то в 1964 г. – 2418 млн. куб. м. Данные показатели подтверждаются в других научных работах. В целом за 1956–1964 годы рост добычи газа увеличился в 8,9 раз[3]. Впервые газ стал применяться в нефтяных районах. Сооружение газопроводов Минибаево – Тубанкуль (Минибаево – Уруссу) позволило газифицировать самую крупную здесь тепловую электростанцию. Началась также и газификация городов и рабочих поселков юго-восточного Закамья. В 1955 г. вошел в строй газопровод Минибаево – Казань протяженностью 250 км, а затем был сооружен газопровод Казань – Горький длиною 386 км. Газ транспортировался в города Казань, Горький, Чебоксары (с 1960 г. подача в Горький и Чебоксары была прекращена из-за снабжения их Саратовским газом), Лениногорск, Альметьевск, Бугульму, Уруссу и Магнитогорск[4]. В документах фонда Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР мы находим

---

[1] Бюджет г. Казани 1955–1956 гг. (Материалы к 10-й сессии Казанского городского Совета трудящихся V созыва). Казань,1956. С. 7, 8; Бюджет г. Казани на 1959 г. (Материалы к 2-й сессии Казанского городского Совета депутатов трудящихся VII созыва). Казань, 1959. С. 6, 9.

[2] Кадыльский В.И. Укрепление Советов Татарской АССР и их деятельность в области промышленности и сельского хозяйства (1951–1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978. С. 93.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 161. Л. 96; Пятьдесят лет Татарской АССР. С. 45; Татария за 50 лет. С. 26.

[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8247. Л. 22; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 16; то же. Оп. 52. Д. 502. Л. 19.

указание, что в 1964 г. было полностью закончено строительство нефтепровода «Дружба» и 9 насосных станций, что дало возможность перекачивать нефть по трубопроводам из Альметьевска до границ Польши и Чехословакии[1]. Для добычи газа в нефтяных районах Татарии были построены промысловые сборные сети с компрессорными станциями.

К сожалению, оставались очень высокими потери данного вида топлива вследствие нерационального его использования. К примеру, в 1961 г. более 1200 эксплуатационных скважин не было подключено к газосборным сетям. Коэффициент неиспользованного газа по-прежнему был высоким. В 1955 г. он составлял 73,6%, в 1959 г. – 50%, в 1960 г. – 34,4%, в 1961 г. – 41%, в 1962 г. – 33,8%[2]. В деле № 100-23 «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Татарского совнархоза за 1959 г.» Государственного архива Российской Федерации есть указание, что только в факелах было сожжено в указанном году 533,1 млн.куб.м. или 50% к добыче газа[3], далее в 1961 г. уже более 1 млрд куб. м. попутного газа или 40% от всего извлекаемого газа республики, тогда как большинство промышленных предприятий испытывали острый недостаток в топливе[4]. Из 2477 эксплуатационных скважин в 1962 г. было подключено к дозаборным сетям 1641 скважин – это объяснялось отставанием темпов строительства газосборных сетей от роста нефтедобычи[5]. Теряла не только экономика, подвергалась загрязнению и окружающая среда.

Нельзя не отметить стремление власти решить данные проблемы. Изменить ситуацию попытались созданием газоперерабатывающих производств на территории Татарской АССР. Потребность в них очень скоро стала острой необходимостью (на Совете Министров СССР Постановлением за № 1143 от 17 июня 1955 г. была утверждена широкая программа работ по развитию газовой промышленности в 1955–1960 годах[6], включающая создание

[1] РГАЭ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 2147. Л. 38.
[2] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 531. Л. 1; то же. Оп. 42. Д. 6611. Л. 10; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 45. Д. 1280. Л. 83.
[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 4807. Л. 15.
[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 531. Л. 1
[5] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 11.
[6] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 45. Д. 1280. Л. 83.

газоперерабатывающих заводов). В результате к концу 1956 – началу 1957 года был введен в строй Миннибаевский газобензиновый завод, а уже в 1958 – 1962 годах были запущены в строй вторая и третья очереди завода. За годы семилетки мощность этого завода возросла почти в 4 раза. Основными видами продукции завода являлись газовый бензин, жидкий газ и отбензиненный сухой газ. В 1959 г. был освоен новый вид продукции – изопентан[1]. Правительством страны в 1958 г. предусматривался ввод в строй и Елабужского газобензинового завода, однако в последующих постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 ноября 1959 г. за № 1232 и от 26 сентября 1962 г. за № 994-426 данный проект был исключен из плана в связи с ограниченностью ресурсов газа в данном районе[2].

Благодаря нефтегазодобыче произошли значительные изменения в структуре производительных сил, которые способствовали ускоренному развитию энергетики, нефтехимии, создали новую агломерацию городов и населенных пунктов, повысив роль урбанизации, и, как закономерный результат, вызвали демографические изменения и миграционные потоки среди населения края. Крупные капитальные вложения, привлечение людей, техники, оборудования из различных регионов страны позволили широким фронтом развернуть работы по формированию нефтегазового комплекса. Объекты этого комплекса стали своеобразными полигонами, где испытывались и внедрялись новая техника и технология, новые приемы организации труда. Увеличение нефтедобычи позволило впоследствии решить топливную и сырьевую проблемы развития других отраслей промышленности.

Татарская АССР, в отличие от таких нефтяных районов, как Баку, Грозный и Башкирия, к началу 1950-х годов необходимые народному хозяйству нефтепродукты (бензин, керосин, смазочные масла и т.д.) ввозила из других областей и республик. В тоже время, в самой республике существовали все условия для развития нефтеперерабатывающей индустрии. Перспектива

---

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8247. Л. 22; то же. Оп. 45. Д. 525. Л. 64; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 16; ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 47. Д. 4. Л. 209.

[2] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 525. Л. 76.

превращения нефтедобывающего района в нефтеперерабатывающий была обусловлена необходимостью создания своей нефтехимической индустрии и должна была способствовать углублению разделения труда и специализации хозяйства региона.

В республике был принят курс на ускоренную реализацию программы развития нефтехимической и химической промышленности, превращение региона в край большой химии. Немаловажное значение в этом вопросе сыграло наличие в Татарстане больших запасов попутного нефтяного газа, который по своим качествам являлся лучшим сырьем для химии тяжелого органического синтеза. Вместе с тем, в республику завозилось большое количество изделий и материалов с химических предприятий других районов, в то время как регион мог самостоятельно производить данные виды продукции.

В целях устранения нерациональных перевозок и получения более дешевой продукции по инициативе Татарского совнархоза было решено организовать в республике ряд химических производств[1]. Этому же способствовало и то, что существовавшие на территории республики химические предприятия морально и физически сильно устарели. Так, производство соляной и серной кислоты на Бондюжском химзаводе было размещено в неприспособленных, ветхих зданиях и осуществлялось по несовершенной технологии на устаревшем оборудовании[2].

Объектом первостепенной важности стал Казанский завод органического синтеза, сооружавшийся с 1958 г. Ход строительства, вопросы материально-технического снабжения, деятельность строительно-монтажных организаций находились под постоянным контролем партийных организаций[3]. Большую помощь оказали строительству завода другие области страны. Оборудование поступало из Москвы, Ленинграда, Киева, Волгограда. В пусковой период значительную помощь оказали специалисты с других родственных

---

[1] Калимуллин А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х гг. Казань, 2005. С. 25; Нефть, газ и нефтехимия Татарии: Документы и материалы. С. 121.

[2] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 6764. Л. 113.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 3448. Л. 70.

предприятий нефтехимии. Итогом данных действий стало вступление в строй в 1963 г. первой очереди завода оргсинтеза. Страна получила казанский фенол и ацетон[1].

Химическая промышленность в удельном весе отраслей республики занимала третье место (уступая только нефтедобывающей отрасли и машиностроению). Темпы роста валовой продукции были очень высокими. Если в 1945 г. они составляли (по отношению к 1940 г.) 96%, в 1960 г. – 450%, то в 1965 г. – 646%[2]. В составе продукции химической промышленности республики были синтетический каучук, кинопленка (более 50% всей кинопленки, потребляемой в СССР), фотожелатин и др. Все эти продукты выпускались предприятиями Казани и на Бондюжском химическом заводе[3]. За 1959–1965 годы выпуск синтетических смол и пластических масс увеличился на 25%, кинофотопленки – на 50%[4]. Важнейшей перспективой химической промышленности в Татарии являлись переработка нефти и получение из ее отходов синтетических спиртов, каучука, пластических масс и т.п. Однако вплоть до середины 1960-х годов Татарская АССР не справлялась с темпами ввода запланированных объектов химической индустрии, что часто подчеркивалось руководством СССР.[5] Лишь со второй половины 1960-х годов в республике стало осуществляться комплексное развитие нефтехимических производств.

Если нефтяная, газовая и нефтехимическая отрасли получили развитие в республике лишь с середины 1940 – 1950-х годов, то машиностроение и металлообработка являлись отраслями, относительно развитыми и в довоенный период. К середине 1950-х годов машиностроение давало 1/4 всей валовой промышленной продукции республики. Специализация строилась на отраслях высокоточного машиностроения. Машиностроительные заводы производили станки, силовые установки для сельских электростанций, компрессоры,

[1] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 1985. Л. 255.

[2] Пятьдесят лет Татарской АССР. С. 28.

[3] Поволжье. Экономико-географическая характеристика / Под ред. К.В. Долгополова, В.В. Покшишевского, С.Н. Рязанцева. М., 1957. С. 193.

[4] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 155.

[5] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8759. Л. 5.

теплоизмерительные приборы, часы, пишущие машинки, телевизоры, оборудование для меховой промышленности, санитарно-технические изделия и т.д. Возникла также возможность специализации ряда машиностроительных предприятий для производства нефтяного оборудования. Выпускались различные сельскохозяйственные орудия и запасные части к тракторам и сельскохозяйственным машинам (многие виды этой продукции вывозились не только в другие области Советского Союза, но и в страны социалистического лагеря)[1]. Крупные машиностроительные комплексы сосредоточивались в Казанско-Зеленодольском узле. В Чистополе, Дербешке, Аракчино, Набережных Челнах возникли судоремонтные заводы и мастерские; в Юдино, Агрызе и Бугульме – паровозные и вагонные депо; в Чистополе – заводы автогаражного оборудования[2]. Помимо них в республике было значительное количество небольших машиностроительных предприятий.

В пореформенный период темпы роста машиностроения и металлообработки снизились и составляли в 1965 г. (к 1958 г.) 145%, в то время как в целом по СССР они возросли до 237%[3]. Тем не менее, машиностроение по-прежнему являлось одной из основных отраслей республики. К середине 1960-х годов на долю данных отраслей приходилось около 30% (в 1959 г. – 33,9%, в 1961 г. – 30,7%[4]) промышленной продукции и более 45% промышленно-производственного персонала.

Остальные отрасли преимущественно имели местное значение. Темпы их роста по сравнению с нефтяной, химической отраслью и машиностроением были невысокими. Государство и правительство республики как будто «закрывали глаза» на их развитие. По объемам выпуска промышленных изделий и инвестициям они находились на другом полюсе развития. Продукция данных отраслей по-прежнему была неспособной удовлетворить потребности

---

[1] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская. Экономическая география ТАССР. Казань, 1973. С. 52-53; Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. (По материалам Татарии). С. 65.

[2] Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 102.

[3] Народное хозяйство СССР в 1965 г. С. 194; Народное хозяйство Татарской АССР. Статистический сборник. Казань, 1966. С. 38.

[4] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 8247 Л. 24; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 20; то же. Оп. 52. Д. 502. Л. 21.

общества. И это происходило несмотря на постепенную переориентацию государственной экономической политики в сторону «человечной» экономики, которая стала реализовываться в годы руководства Н.С. Хрущева.

В Татарской АССР, расположенной в лесостепной зоне, получили развитие лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность. Удельный вес данных отраслей в общем объеме выпускаемой продукции оставался незначительным и в 1961 г. составлял лишь 1,7 %[1]. Однако в послевоенные годы объем заготовок деловой древесины в республике постоянно нарастал. В рассматриваемый период лесная индустрия начала выходить на региональный уровень. Резко возрос экспорт республиканской древесины в соседние регионы. Так, если в 1940 г. вывозка деловой древесины равнялась 507 тыс., то в 1950 г. – уже 1059 тыс., в 1955 г. – 1401 тыс. кубометров[2].

Более заметные результаты наблюдались в деревообрабатывающей промышленности, где в эти годы были реконструированы довоенные лесозаводы, построены современные, оснащенные передовой техникой крупные предприятия. Среди них выделялись Васильевский лесокомбинат, Поволжский и Зеленодольский фанерные заводы. К концу 1950-х годов стала прослеживаться тенденция к увеличению темпов развития деревообрабатывающей промышленности над лесной. Если рост объема валовой продукции в лесозаготовительной индустрии с 1940 по 1950-е годы увеличился на 11%, в деревообрабатывающей промышленности – на 12%, то к 1958 г. (по отношению к 1940 г.) разрыв между отраслями составил 67% и 128% соответственно[3]), что привело к значительному увеличению удельного веса привозного сырья из смежных областей и республик (Чувашской, Марийской и Удмуртской АССР, Кировской области)[4], но не явилось фактором превращения республики в центр деревообрабатывающей промышленности.

---

[1] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 52. Д. 502. Л. 34.

[2] Народное хозяйство Татарской АССР. С. 42.

[3] Татария за 50 лет. С. 30.

[4] Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 106–107; Стариков В.Н. Татарская АССР (Краеведческое пособие). Казань, 1967. С. 57-73.

По-прежнему в Поволжском районе РСФСР центрами оставались Волгоградская область, Куйбышевская область и Башкирская АССР.

Подтверждением значительного промышленного роста отраслей тяжелой индустрии во многом может служить их обеспечение энерговооруженностью. Количество потребляемой энергии предприятиями республики служит доказательством промышленного рывка индустрии во второй половине столетия. В Татарии в этот период создавалась ее мощная энергетическая база – крупные электростанции. В послевоенный период мощность электростанций значительно возросла, выработка электроэнергии в 1950 г. увеличилась по сравнению с 1940 г. почти в три раза. В последующий период темпы роста энерговооруженности республики продолжали оставаться стабильно высокими. Наиболее энерговооруженными отраслями в Татарии являлись машиностроение и металлообработка. Нефтяная же отрасль, опережая отрасли машиностроительного комплекса по валовым показателям, вместе с тем испытывала острую нужду в электроэнергии.

Ко второй половине 1950-х годов электроснабжение предприятий Татарского совнархоза осуществлялось от двух не связанных между собой Казанского и Уруссинского энергетических узлов. Электростанции Казанского энергоузла снабжали электричеством гг. Казань, Зеленодольск, а также отпускали электроэнергию в Чувашскую и Марийскую АССР[1]. Однако данных источников электроэнергии оказывалось недостаточно. Обеспечение предприятий и жилого комплекса электричеством, как правило, осуществлялось малочисленными и крайне маломощными и неэкономичными источниками. Энергетическое управление и управление по строительству Татсовнархоза не справлялось с заданиями по сооружению линий электропередач и подстанций. В пореформенный период частично эта задача была решена сооружением высоковольтной линии Куйбышев – Бугульма, протяженностью в 255 км. (1958 г.), являвшейся первой очередью энергетической магистрали Волга – Урал. Напряжение в ней составляло 400

[1] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 48. Д. 555. Л. 19.

квт.

Бугульминская подстанция представляла собой полностью автоматизированное телеуправляемое электротехническое сооружение. Через нее Уруссинский энергоузел был подключен к Единой энергетической системе Европейской части СССР. В 1963 г. вступила в строй новая Заинская ГРЭС. В результате, если план 1958 г. по строительству сетей был выполнен лишь на 59%, то в 1959 г. уже – на 92%[1]. За 1959–1964 годы мощность электростанций возросла в 2,7 раза, производство электроэнергии увеличилось в 2,2 раза, при том, что потребление увеличилось на 90%[2]. И хотя проблемы с энергообеспечением стояли, но уже не так остро, как в конце 1950-х годов.

Традиционно низкими оставались темпы роста легкой и пищевой отраслей, в то время как процесс быстрого роста численности городского населения предъявлял к ним особые требования. Продолжала иметь место практика дальнейшего отставания производства предметов потребления несмотря на то, что планы предусматривали их некоторое увеличение. За 1959–1964-е годы на финансирование данных отраслей выделялось порядка 82 млн. рублей. Было построено и введено в действие 21 промышленное предприятие. При этом, анализируя источники, автор обратил внимание, на одну особенность. Ежегодно выделяемые средства на строительство и расширение предприятий легкой и пищевой промышленности полностью не осваивались[3]. Получалось, что в условиях недофинансирования потребностей легкой и пищевой промышленности, даже выделяемые инвестиции не находили своего применения. К сожалению, разъяснения этому факту автору исследования обнаружить не удалось.

Отдельных успехов добились предприятия, связанные с переработкой животного сырья (давали более 70% всей валовой продукции легкой промышленности республики), мыловаренное производство[4], швейная

---

[1] Батыев С.Г. Советская Татария в семилетке. С. 68-69.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 151.

[3] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 182.

[4] Поволжье. Экономико-географическая характеристика. С. 195; Стариков В.Н. Татарская АССР (Краеведческое пособие). С. 57-73.

промышленность. На основе статистических данных, найденных в фонде Министерства финансов СССР, можно сделать предположение, что в середине 1960-х годов легкой индустрией производилось более 20% всей промышленной продукции Татарской АССР[1]. За 1958 – 1964 годы выпуск продукции увеличился на 26%, в том числе текстильной промышленности – на 15%, швейной – на 36%, кожевенно-меховой и обувной – на 26%. Производство льняных тканей возросло на 13%, верхнего трикотажа – на 29%[2]. Однако при росте объемов развитие легкой индустрии отставало от намеченных планов. Во многом этому способствовал небольшой объем капиталовложений в проектные и изыскательские работы. Так, если в Верхне-Волжском совнархозе на проектно-изыскательские работы было вложено в 1964 г. – 58 тыс. рублей, в Московский и Северо-Кавказский совнархозы – по 38 тыс. рублей, то в Средне-Волжский СНХ – всего лишь 13 тыс. рублей[3].

За годы первых послевоенных пятилеток претерпела серьезные изменения пищевая промышленность (как по своей структуре, так и по техническому оснащению). В 1955 г. в данной отрасли было занято 6,8% всех промышленных рабочих. Республика ежегодно заготавливала и перерабатывала десятки тысяч тонн мяса и молока, производила большое количество разнообразных продуктов народного питания. Работа в основном осуществлялась на местном сырье[4]. На данную отрасль приходилось 17% всей выпускаемой продукции промышленности. Медленно, но все же возрастал объем производства. За 1959–1964 годы он увеличился на 44%[5]. Потребности экономики республики в продукции легкой и пищевой промышленности не только сохранялись, но с каждым годом еще и возрастали.

Децентрализация управления, несомненно, дала эффект ускорения республиканской промышленности, однако с течением времени вновь стали вскрываться проблемы новой системы управления, которые решить не всегда

---

1 РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 52. Д. 502. Л. 40.
2 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 776. Л. 5-6; ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 157.
3 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 2287. Л. 1-24.
4 Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). С. 114.
5 ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 27/2. Д. 2/11. Л. 157.

удавалось. В частности, изучение документа «Группировка предприятий не выполнивших план по производительности труда» показывает, что число предприятий не выполнивших годовой план по производительности труда в 1961 году составило 10% (38 предприятий), в 1962 г. – 13,8% (59), в 1963 г. – 8,6% (29), в 1964 г. – 8,7% (25).[1] Стоит обратить внимание на тот факт, что производительность труда резко возросла с 1963 года, что возможно свидетельствует о частичной эффективности реформ, путем создания Средневолжского совнархоза в 1962 г.

Реформы позволили вскрыть новые резервы роста экономики, но при этом ряд «болячек», существовавших еще в дореформенный период, продолжали иметь место, а в некоторых случаях приобрели хронический характер. Так, по-прежнему, сохранялась низкой трудовая дисциплина, число прогулов, неявок на работу в экономике края было очень высоким (см. прил. № 12). И несмотря на то, что в целом потери валовой продукции из-за неполного использования рабочего времени за период с 1959 по 1966 гг. имели тенденцию к сокращению, в то же время число прогулов с каждым годом все более увеличивалось. Это отражало снижение требовательности к подчиненным и падение производственной дисциплины, а также понижение мотивации к труду.

К важным проблемам относилось и то, что совнархоз и министерства недостаточно занимались вопросами организации производства, слабо осуществлялся обмен опытом между ТСНХ, министерствами и подведомственными им предприятиями. Рабочая сила на многих предприятиях использовалась без учета ее квалификации. К этим проблемам добавлялось еще и то, что на многих предприятиях преобладал ручной труд, технологические процессы оставались несовершенными и многие изделия вырабатывались кустарно. К примеру, ручной труд доходил на отдельных предприятиях до 70–80%, на многих производствах оборудование и материальные ресурсы были распылены по многим предприятиям, что сдерживало проведение работ по комплексной механизации и снижало эффективность использования

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1717. Л. 18.

оборудования. Только Министерству промышленности продовольственных товаров ТАССР было выделено 37 единиц деревообрабатывающего оборудования, которое было распределено по 11 предприятиям, что снизило общий эффект от его использования. К тому же предприятия местной промышленности допускали длительную задержку ввода вновь поступающего оборудования. На 1 января 1964 г. на предприятиях имелось неустановленного оборудования 273 единицы на сумму 268 тыс. рублей[1].

Еще одной проблемой оставался выпуск продукции низкого качества, небрежно оформленной и, как следствие, не пользующейся спросом со стороны потребителей. Государственной инспекцией по качеству товаров в 1963 г. было забраковано мебели на Чистопольском промкомбинате на 40%, Альметьевском – на 37%, а в Куйбышевском и Тетюшском – на все 100%. На Дубъязской фабрике национальной обуви 78% выпущенной продукции было признано пониженного качества[2]. В 1965 г. из проверенной продукции на доработку было возвращено кожаной обуви – 12%, головных уборов – 19%, мебели – 22%, швейных изделий – 70%[3]. Представить такую картину с позиции времени очень сложно, когда 100% готовых изделий оказывалось непригодным к употреблению и должно было быть утилизировано.

Руководители предприятий, ради выполнения плановых показателей, изобретали и более изощренные способы. Так, в Распоряжении от 6 мая 1961 года за № 470-р приводится пример, когда на Н.Мактаминском кирпичном заводе при обсчете валовой продукции, весь выпускаемый кирпич оценивался, как кирпич марки «100» по 20 рублей за тысячу штук, в то время как фактически выпускался кирпич марки «75» стоимостью 19 рублей. В результате нарушения инструкции в отчете только за один месяц сумма была завышена на 1,1 тыс. рублей. Или второй случай, когда этому же предприятию план по валовой продукции был уменьшен на 14 тыс. рублей и увеличен план по численности промышленного персонала на 37 человек. В результате при

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 3доп. Д. 94. Л. 3-5.
[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 3доп. Д. 94. Л. 3-5.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 244.

составлении сводного отчета Статистическому управлению фактическая численность промышленного персонала была изменена с 323 человек на 287. Это привело к выполнению плана по валовой продукции на 115,1% и по производительности труда на 129,3%. В тоже время без этих изменений, реальная картина составила бы 32,3% и 72,6% соответственно.[1]

Анализируя экономическое состояние Татарской АССР, мы пришли к выводу о том, что в 1950 – начале 1960-х годов республика превратилась в регион с развитой промышленной базой. Индустриализация региона завершилась с одновременным созданием в республике отраслей, относящихся к приоритетным в начальный период НТР: нефтехимии, точного машиностроения, станкостроением и т.д. (данными отраслями во многом определялся и промышленный облик региона). На их развитие направлялись значительные капиталовложения. Недостающие средства изымались из бюджета соседних совнархозов. Наибольшее значение отводилось нефтедобывающей промышленности. Потребность Советского Союза в нефти обусловила ускоренное ее развитие. В централизованном порядке в республику поступали не только финансовые средства, но также специалисты, техника и оборудование.

Главным итогом экономических изменений 1950 – начала 1960-х годов явилось наличие высоких темпов промышленного роста. По ним республика значительно превосходила общесоюзные показатели, а в ряде отраслей являлась лидером. Рост экономики за счет валовых показателей на начальном этапе НТР был выгоден республике. Благодаря обильному финансированию, увеличению производственных мощностей произошли положительные изменения в инфраструктуре региона, в его социальной сфере. Изменился демографический облик республики. Доля городского населения за послевоенный период заметно увеличилась и к середине 1960-х годов составляла примерно половину от числа всех жителей республики (уступая показателям по РСФСР, где численность городского населения составляла уже

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1688. Л. 126.

в 1960 г. составляла 53,5%[1]), что благотворно отражалось на росте производственных мощностей.

Вместе с тем мощный индустриальный рост республиканской экономики в послевоенный период был следствием не продуманной стратегии дальнейшего развития региона, а лишь реакцией на реальные потребности советской экономики в топливе и продукции химической и машиностроительной индустрии. Начиная с 1960-х годов, динамика промышленного роста республики начала медленно, но неуклонно замедляться.

Усугубили ситуацию диспропорции в отраслевой структуре. В то время, когда основные средства направлялись в тяжелую промышленность, легкая и пищевая промышленность испытывали острую нехватку финансирования. Экономика республики оставалась в зависимости от продуктов народного потребления из других районов Советского Союза.

Одновременно с этим налагались и другие проблемы, связанные с организационными, производственными и экономическими вопросами. Среди проблем отдельное место занимали вопросы образования и социальной обеспеченности населения, занятого в промышленном секторе экономики. Так, в частности, к началу 1960-х годов только примерно половина рабочих получило лишь начальное и неполное среднее образование. Уровень и качество жизни населения оставалось низким; потребление необходимых продуктов питания было в два и более раза ниже, чем в развитых странах; существовала проблема обеспечения нуждающихся жильем; сохранялись низкие заработные платы для рабочих; качество проживания во многих населенных пунктах было катастрофически низким; отсутствовали бытовые удобства, водоснабжение, необходимые для человека медицинские, образовательные учреждения.

5.3. Республиканские совнархозы: организация, функции, конечная эффективность

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1963. С. 74–86; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 376.

Вторая половина XX в. ознаменовалась значительными изменениями в экономике ведущих государств мира, связанных с началом научно-технической революции, реформированием отраслевой структуры промышленного производства и улучшением качества жизни. Темпы экономического роста ведущих западных государств хотя и уступали ряду новых индустриальных стран Юго-Востока, но по-прежнему оставались высокими.

Не обошли стороной данные тенденции и Советский Союз. Но, при общем подъеме экономики и началом НТР, отставание от стран капиталистического мира продолжало сохраняться, чему в немалой степени способствовали внутренние экономические проблемы. Переход на новый технологический уклад тормозился не только технической отсталостью производства, но и, как нам видится, несовершенной структурой государственного управления экономикой. Для эффективного функционирования системы требовалось устранение чрезмерной централизации и усиление воздействия экономических методов в управлении промышленностью.

Зададимся вопросом, могла ли в условиях формирования нового технологического уклада страна сохранить прежнюю ориентацию государственной политики на действующие организационные институты управления? Нам думается, да. Но это бы означало прежний взгляд на происходящие в мире и стране процессы, и, скорее всего, ориентацию на мобилизационный характер экономики. Это наглядно показывают и перестановки послевоенного времени, когда реорганизации носили преимущественно косметический характер. Но даже соскребывание текущих проблем экономики, путем проведения выборочных изменений в системе управления, вскрывало более серьезные пласты проблем, решать которые никто в тот период не решался.

Модель сверхцентрализованной экономики, с ее контролем и регламентацией всех сторон экономической и социальной сферы, уже не

обеспечивала импульс к иному, более качественному росту производственных показателей. И хотя формирование нового уклада в экономике страны сопровождалось рядом преобразований в системе государственного управления промышленностью, частичному переходу на территориальные формы, но к заметным результатам они не приводили.

Одновременно с этим за послевоенный период резко увеличился количественный и качественный состав промышленности, появились новые отрасли и предприятия. Линейная иерархия стала все более многоступенчатой, а значит, и все более трудноуправляемой.

Понимание необходимости проведения реформ было, но в середине 1950-х годов оно носило избирательный характер. Так, 30 мая 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О реорганизации министерств СССР в связи с передачей предприятий ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик»[1], на основе которого численность отраслевых министерств резко сокращалось. В стране сохранялись 10 общесоюзных промышленных министерств и 12 союзно-республиканских, в ведение союзных республик было передано свыше 15 тыс. предприятий[2]. Общая система управления промышленностью СССР в первой половине 1950-х гг. наглядно показана в приложении (см. прил. № 13).

Внешнеполитические и внутриэкономические причины подталкивали к кардинальной перестройке хозяйственного механизма, переоформление системы управления промышленностью на основе дробления/укрупнения министерств в новых экономических условиях становилось недостаточным. Количественный рост, не подкрепленный качественными изменениями, не мог привести к увеличению общеэкономических показателей. Требовалась реформирование всего механизма хозяйствования.

К тому же на начало перестройки хозяйственного механизма не последнее место оказал и идеологический компонент. Разоблачение культа

---

[1] Директивы КПСС и Советского правительства. Т.4. С. 346.

[2] Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР. С. 155.

личности И.В. Сталина возродило идею реализации принципа демократического централизма в управлении. Его реализация могла пойти или путем организационных перестановок в системе управления, или изменением экономического содержания системы управления. Интересно, что первоначально широко обсуждался второй вариант. Однако подход на основе применения экономических стимулов в управлении не был принят.

Поворотным годом в развитии промышленного комплекса страны стал 1957 г. Еще в феврале того года Н.С. Хрущев (докладная записка фонда Пленумы ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС указывает на то, что на Пленуме докладчик попросил участников не ограничивать его во времени ввиду важности проблемы[1]) сформулировал дилемму: или в соответствии с объективной тенденцией к созданию все новых и новых отраслей «идти дальше по пути дробления технического, экономического и административного управления, создавая в центре все новые специальные отраслевые министерства, или же искать более гибкие формы управления»[2]. Им было подчеркнуто, что «интересы дальнейшего развития народного хозяйства выдвигают необходимость совершенствования организационных форм управления во всех звеньях промышленности и строительства, включая саму его основу – руководство производством. При этом организационная структура управления промышленностью и строительством должна базироваться на сочетании централизованного государственного руководства с повышением роли местных хозяйственных, партийных и профсоюзных органов в управлении хозяйством. Центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места. Имея в виду необходимость устранения серьезных недостатков ведомственности в руководстве народным хозяйством, целесообразно управление промышленностью и строительством организовать по основным экономическим районам, что приблизит руководство к производству, сделает его более конкретным и оперативным и позволит

[1] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.
[2] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 10.

привлечь к управлению хозяйственным строительством широкие массы трудящихся»[1].

С этого момента началось практическое переориентирование системы управления промышленностью. В мае 1957 г. Верховным Советом СССР был принят Закон СССР о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством[2]. В статье 2 Закона устанавливалось, что управление промышленностью и строительством должно осуществляться по территориальному признаку на основе экономических административных районов, которые образуются Верховными Советами союзных республик[3]. Право образования экономических административных районов было предоставлено Верховным Советам союзных республик, а право образования Советов народного хозяйства – Советам Министров этих республик. СНХ конституировались в качестве коллегиального органа управления и фактически начали свою деятельность после юридического офромления, на основе положения, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г.[4]

В соответствии со статьями 12, 13, 14 Закона предполагалось передать предприятия и организации совнархозам экономических административных районов не позднее 1 июля 1957 г. До момента их передачи в ведение Советов народного хозяйства министерства продолжали выполнять свои функции, об этом, в частности, можно найти информацию в докладных материалах фонда Кабинета Министров Республики Татарстан[5].

Новая идея государственной промышленной политики заключалась в перестройке управления промышленностью по территориальному принципу, за счет устранения недостатков ведомственной системы руководства, приближении руководства непосредственно к источникам сырья и

---

[1] О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством (Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу Хрущева Н.С.). М., 1957. С. 10

[2] Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957.

[3] Сочетание отраслевого и территориального управления экономикой союзной республики / Под ред. В.С. Фатеева. Минск, 1991. С. 14.

[4] СП СССР. – М., 1957. № 2. Ст. 121.

[5] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 552. Л. 53, 109.

производства, а также оптимизации работы структурных подразделений на местах. Тем самым во главе механизма ставился принцип децентрализации, предполагавший усиление региональных органов руководства промышленностью, за счет передачи ряда функций управления на специально создаваемый орган – Советы народного хозяйства.

Образование системы совнархозов автоматически и кардинально трансформировало систему управления. Было упразднено свыше 140 общесоюзных, союзно-республиканских и республиканских министерств. В тоже время говорить о полной ликвидации министерской системы неправильно. В качестве исключения были сохранены и преобразованы в республиканские Министерство лесной промышленности, Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности, а также вновь воссоздано Министерство строительства. Одновременно с этим, преобразования не затронули военную сферу, что, безусловно, было следствием развертывавшейся конфронтации между СССР и Западом, и необходимостью поддержания отраслевой составляющей системы в этом компоненте экономики, для поддержания лучшего контроля, коммуникаций и финансирования данных отраслей. Были сохранены Министерство авиационной промышленности, Министерство оборонной промышленности и Министерство судостроительной промышленности (правда, ненадолго, в декабре 1957 г. они упраздняются, а вместо них создаются 3 комитета: Государственный комитет при Совете Министров СССР по оборонной технике, Государственный комитет при Совете Министров СССР по авиационной технике, Государственный комитет при Совете Министров СССР по судостроению)[1].

Можно ли было говорить о полном разрушении отраслевого характера экономики? Нет. Отраслевой разрез в развитии экономики оставался. Необходимость единой экономической политики в общегосударственном масштабе как в территориальном, так и в отраслевом разрезах

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. №27. Ст. 631; Зиновьева Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965–1991 гг. С. 49.

народнохозяйственного комплекса существенным образом отразилась на положении центральных планирующих органов. Законом от 10 мая 1957 г. Госэкономкомиссия СССР была упразднена, а Государственная комиссия Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства была преобразована в Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР), который стал центральным элементом системы управления. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 мая 1958 г. «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства» организационный механизм планирования был перестроен в соответствии с генеральной линией развития системы управления промышленностью и строительством[1]. Новая система управления сохраняла централизованное руководство в деле планирования, финансирования, снабжения.

Первоначально предусматривалось образование 92 административных экономических районов, в том числе в РСФСР – 68, УССР – 11 и по одному в остальных союзных республиках. Фактически на этапе проектирования было заложено создание 105 административных экономических районов: 70 – в РСФСР, 11 – в УССР, 9 – в Казахской ССР, 4 – в Узбекской ССР и по одному в остальных союзных республиках.[2] Другие источники дают иную цифру. Так, по материалам Л. Бабаковой, в стране было образовано 104 совнархоза, в том числе в РСФСР – 68[3]). Фактически стало функционировать 100 Советов народного хозяйства, из них 76 – в РСФСР[4]. Экономические районы создавались применительно к существующему административному делению, в подавляющем большинстве в границах областей, краев, автономных и союзных республик. Некоторые экономические районы были образованы объединением нескольких близлежащих областей. Так, например, в Ленинградский район вошла промышленность города Ленинграда, Ленинградской, Псковской и

---

[1] Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). С. 26; СП СССР. М., 1958. № 9. Ст. 75.

[2] Венедиктов А.В. Правовое положение совнархоза и подведомственных ему предприятий. Л., 1959. С. 25; Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. М., 1957. С. 5.

[3] Бабакова Л.М. Советы народного хозяйства экономических административных районов. С. 29.

[4] Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. С. 260.

Новгородской областей[1]. Учитывались исторические особенности, количество промышленных предприятий и строек, сырьевые и топливные ресурсы и другие факторы. Объем производства предприятий среднего совнархоза превышал 10 млрд рублей в год, что значительно превосходило показатели многих, существовавших ранее министерств (в том числе и крупных)[2].

Татарский совет народного хозяйства. Татарский совнархоз (ТСНХ) был создан в соответствии с Указом Верховного Совета СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» от 10 мая 1957 г., на основании Постановления Совета Министров СССР за № 556 от 22 мая 1957 г. В своей деятельности ТСНХ был подчинен Совету Министров РСФСР. Свою деятельность совнархоз начал в июне – июле 1957 г. на основании Положения о Советах народного хозяйства, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР за № 1150 от 26 сентября 1957 г. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 10 мая 1957 г. в своей деятельности совнархоз относился к ведению Совета Министров СССР. Однако практически сразу были внесены поправки, в результате которых ТСНХ был переподчинен Совету Министров РСФСР[3].

Серьезным изменениям подверглись и задачи, возложенные на новые органы управления. Фактически они стали вбирать в себя и территориальные особенности, и некоторые отраслевые функции. Основными задачами, стоявшими перед ТСНХ, являлись: общее руководство отраслями народного хозяйства, имевшимися в данном экономическом административном районе; обеспечение максимального развития отраслей народного хозяйства в районе в тесной связи с полным использованием местных ресурсов; разработка единой технической политики; обеспечение выполнения подведомственными предприятиями государственных планов по всем показателям; повышение технического уровня предприятий на основе комплексной автоматизации и

---

[1] Понизов Т.И. Управление промышленным производством в СССР. С. 103.

[2] Викентьев А.И. Совнархозы в действии; Влияние условий и факторов на эффективность размещения производств/ Ф.С. Мартинкевич, Л.В. Козловская, А.Д. Павлова, В.Ф. Медведев. М., 1968.

[3] ГА РТ. Ф. Р.-7233. Оп. 1. Д. 7. Л. 13-14.

механизации, внедрения новой техники; разработка вопросов финансирования, планирования, капитального строительства, ввода производственных мощностей и некоторые другие. СНХ мог распределять и перераспределять между подведомственными ему предприятиями сырье и материально-технические ресурсы, определять финансовую политику предприятий и организаций на территории административного района, а также осуществлять подбор и расстановку кадров[1]. Сравнение функций вновь созданного совнархоза с аналогичными органами периода «военного коммунизма» и НЭПа показывает значительное их расширение и, что очень важно, возможность проведения самостоятельной технической политики в рамках тех отраслей, которые находились в его подчинении. В своих действиях первые совнархозы не могли себе это позволить, поскольку полностью зависели от распоряжений и директив ВСНХ.

Данная реформа стали неожиданностью для руководства республики. Факты доказывают, что организационно они не были подготовлены к ней. Это подтверждает Постановление Совета Министров ТАССР и бюро обкома КПСС за № 260 от 8 июля 1957 г., по которому ТСНХ был размещен не в специализированных зданиях и помещениях, а в зданиях учебного корпуса и общежития техникума легкой промышленности[2]. В соответствии с основными направлениями деятельности совнархоза была определена его структура, состоявшая из административно-хозяйственного отдела, производственно-технического отдела (с 1961 г. – производственно-технического управления), планово-экономического отдела, финансового отдела, отдела капитального строительства, отдела руководящих кадров и учебных заведений, отдела труда и заработной платы, отдела внешних сношений и кооперирования, центральной бухгалтерии (см. прил. № 14).

В годовых отчетах фонда Совета народного хозяйства Татарского экономического административного района нами обнаружены сведения, что в

---

[1] Директивы КПСС. Т. 4. С. 785-787.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 552. Л. 62.

подчинение совнархоза были переданы промышленные предприятия общегосударственного значения, тресты, стройки и другие производственные объединения, находившиеся на территории данного экономического района. Татарский экономический административный район состоял из 26 отраслей промышленности с 447 промышленными и строительными предприятиями и организациями на самостоятельном балансе[1]. В Татарской АССР в течение первой половины 1957 г. количество предприятий местной государственной промышленности сократилось по сравнению с 1956 г. за счет укрупнения с 230 до 194, а вместе с кооперативной промышленностью – с 343 до 289[2]. Частным примером передачи предприятий в ведение ТСНХ стали мебельные предприятия ММП ТАССР. В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР от 29 августа 1959 г., Совета Министров РСФСР от 30 сентября 1959 г., в состав совнархоза были включены Казанские мебельные фабрики №№ 1, 2, Бугульминская мебельная фабрика, Кляушская мебельная фабрика, Казанская фабрика «Пианино», мебельная фабрика им. 15-й годовщины Октября, Зеленодольская мебельная фабрика[3].

Изменилась структура управления промышленностью местного подчинения. Если до реформирования в автономных республиках, краях и областях министерства АССР, краевые и областные управления и отделы подчинялись по вертикали соответствующим министерствам, то после 1957 г. в ряде автономных республик, краев и областей вместо ранее существовавших ведомств стали создаваться единые управления промышленности местного подчинения, которые объединяли все предприятия местной промышленности. Они становились отраслевыми органами управления, но в рамках совнархозовской системы управления.

В качестве примера можно привести создание Управления пищевой промышленности. Оно было образовано в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1957 г., приказом по ТСНХ за № 3 от 8

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-7233. Оп. 1. Д. 184. Л. 3-4.

[2] Токарев В.Б. Партийное руководство развитием промышленности автономных республик Среднего Поволжья.

[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2318. Л. 1, 4.

июня 1957 г. Главными задачами управления становились: общее руководство и контроль над деятельностью подведомственных предприятий, планирование, внедрение новой техники, улучшение организации производства, руководство делом рационализации и изобретательства и т.д. В соответствии с главными направлениями деятельности Управления пищевой промышленности ТАССР была определена его структура, состоявшая из общего, планового, производственного отделов, отдела сахарной и крахмалопаточной промышленности, рыбного отдела, отдела капитального строительства и главного механика, финансового отдела и отдела кадров. В ведение управления вошло 110 предприятий, ранее входивших в Министерство промышленности продовольственных товаров РСФСР и Министерство мясных и молочных продуктов РСФСР. Одновременно с этим были реорганизованы несколько отстающих райпищекомбинатов. На основании Постановления Совета Министров ТАССР за №290 от 5 июля 1957 г. «Об объединении райпищекомбинатов промышленности продовольственных товаров ТАССР» в целях сокращения управленческих расходов, а также учитывая необходимость резкого улучшения качества продукции путем концентрации производства кондитерских изделий в наиболее механизированных предприятиях районной промышленности, были проведены следующие реорганизации: Бавлинский райпищекомбинат был объединен с хлебозаводом поселка Ак-буа, Акташский райпищекомбинат – с Альметьевским горпищекомбинатом, Нурлатский райпищекомбинат был ликвидирован[1]. В октябре 1959 г. в состав управления вошли 3 казанских предприятия (кондитерские фабрики «Заря» и «Светоч», а также макаронная фабрика). На основании постановления ТСНХ от 14 октября 1959 г. «О реорганизации системы Управления пищевой промышленности» были ликвидированы 2 треста, входивших в ведение управления (Татспирттрест и Татрыбтрест).

Одновременно произошла и реорганизация управления – на мясомолочное и пищевое. Базой для структурных перестановок послужили

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 552. Л. 215.

аппараты бывших трестов Татспирттреста и Татрыбтреста. После реорганизации управление в своем подчинении имело 44 хозрасчетных предприятия с правом юридического лица (спиртзаводы, ликероводочные заводы, спиртсовхозкомбинаты, сахарные заводы, рыбзаводы, свеклобазы и т.д.). Далее на основании Постановления Совета Министров ТАССР за № 91 от 12 февраля 1960 г. в целях упрощения структуры управления предприятиями, приближения руководства и сокращения административно-управленческих расходов, были ликвидированы Кукморское, Мензелинское и Набережночелнинское мельзаводоуправления. Мельницы и мельзаводы Кукморского мельзаводоуправления передавались Агрызскому, Кукморскому, Мамадышскому, Тукаевскому райпромкомбинатам; Мензелинского мельзаводоуправления – Мензелинскому и Муслюмовскому райпромкомбинатам; Набережночелнинского мельзаводоуправления – Бондюжскому хлебзаводу Татхлебтреста и Набережночелнинскому райпромкомбинату. В то же время Муслюмовский райтоп ММП ТАССР объединялся с бывшим Калининским райпромкомбинатом; Васильевский деревообрабатывающий комбинат – с Зеленодольским райпромкомбинатом; Альметьевский горпромкомбинат – с Альметьевской фабрикой[1].

Параллельно с созданием Управления пищевой промышленности ТАССР, в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР за № 556 от 22 мая 1957 г., Постановлением Совета Министров СССР за № 705 от 22 июня 1957 г., на базе предприятий, расположенных на территории ТАССР и входивших в ведение бывших министерств легкой, текстильной промышленности РСФСР, легкой и местной промышленности ТАССР, было создано Управление легкой промышленности Совета народного хозяйства Татарского экономического административного района. Основные его функции заключались: в общем руководстве и контроле над деятельностью подведомственных предприятий, в разработке текущих и перспективных

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2565. Л. 192-193.

планов, внедрении новой техники, повышении технического уровня производства, развитии рационализаторства и изобретательства.

По приказу ТСНХ за № 3 от 8 июня 1957 г. в состав управления были включены 7 предприятий бывшего Министерства легкой промышленности РСФСР, 8 предприятий бывшего Министерства текстильной промышленности РСФСР. На основании Постановления Совета Министров ТАССР за № 107 от 13 августа 1957 г. и приказа ТСНХ за № 146 от 29 августа 1957 г. из Министерства легкой промышленности ТАССР в управление были переданы следующие предприятия: Казанский валяльно-войлочный комбинат, Кукморская валяльно-обувная фабрика, валяльно-обувная фабрика в поселке Вязовые. Постановлением Татобкома КПСС и Совета Министров ТАССР за № 337 от 9 августа 1957 г. и Приказом ТСНХ за № 110 от 20 августа 1957 г. управлению было передано еще 6 предприятий: Кожзавод «Кзыл Кунче», Казанская шорно-седельная фабрика, Казанская кожгалантерейная фабрика, Казанская фабрика детской обуви, Чистопольская обувная фабрика, Фабрика индивидуального пошива обуви[1]. По приказу Министерства легкой промышленности СССР от 13 июня 1957 г., приказу ТСНХ от 31 июля 1957 г. за № 23 управлению был передан Казанский завод первичной обработки кожевенного сырья. Уже в 1958 г. на основании распоряжения Совета Министров РСФСР за № 8059-р от 22 июня 1958 г. и Постановления ТСНХ за № 203 от 11 декабря 1958 г. из Министерства легкой промышленности ТАССР управлению было передано 15 швейных и трикотажных фабрик.

На протяжении долгого времени, пока складывалась совнархозовская система управления, параллельно с управлениями продолжали существовать и одноотраслевые министерства. Так, несмотря на то, что с 1957 г. было создано Управление легкой промышленности, Министерство легкой промышленности ТАССР просуществовало вплоть до 1959 г. Только на основании распоряжения Совета Министров РСФСР за № 8059-р от 22 ноября 1958 г. и Постановления Совета Министров ТАССР за № 18 от 12 января 1959 г., в связи с передачей

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 552. Л. 397-398.

предприятий Министерства легкой промышленности ТАССР в Совет народного хозяйства Татарского экономического административного района, Министерство легкой промышленности ТАССР было ликвидировано[1]. Управление топливной промышленности при Совете Министров ТАССР было ликвидировано на основании Постановления Совета Министров ТАССР за № 230 от 22 апреля 1959 г.

Было решено сохранить Министерство местной промышленности ТАССР с некоторой корректировкой содержания его функций и структуры. Так, если на основе Постановления Совета Министров ТАССР за № 702 от 23 июля 1959 г. в составе министерства выделялись административно-хозяйственный, планово-экономический, производственно-технический отделы, отдел кадров, бухгалтерия[2]; то уже в следующем году на основе распоряжения Совета Министров ТАССР за № 1512-р от 16 ноября 1960 г. в структуру местной промышленности были добавлены отделы: отдел капитального строительства, отдел металлообработки и химической промышленности и управления, легкой промышленности и художественных промыслов, строительных материалов, лесной и деревообрабатывающей промышленности. В структуру министерства были переданы: из ведения ММП РСФСР Чебоксинский обозный завод, Тюлячинский лесоучасток, Госмузпрокат; из легкой промышленности ТАССР 8 швейных предприятий; проведено объединение 35 бывших предприятий, принятых из системы промысловой кооперации.[3] Одновременно с этим произошло укрупнение маломощных предприятий и сокращение административно-управленческого аппарата. В частности, Альметьевская мастерская Татпромсовета была объединена с Альметьевским горпромкомбинатом; Арские швейные фабрики № 1, 2, 3 объединены с Арским райпромкомбинатом; Буинский кирпичный завод – с Буинским райпромкомбинатом, Елабужская деревообрабатывающая мастерская, Елабужский завод металлоконструкций и Елабужская швейная фабрика

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 3. Д. 616. Л. 42.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2194. Л. 49-50.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2085. Л. 2.

объединены с Елабужским райпромкомбинатом; Камско-Устьинский алебастровый завод, Верхне-Услонский известковый завод и Чистопольская швейная фабрика были переведены из районного в республиканское (ТАССР) подчинение[1]. Аналогичные изменения до конца 1950-х годов произошли и по другим рай(гор)промкомбинатам. В течение 1960-х годов широкомасштабных изменений в подведомственных предприятиях ММП ТАССР не проводилось, за исключением передачи ряда предприятий от упраздненного Управления бытового обслуживания при министерстве в ведение Совета Министров ТАССР (Постановление Совета Министров ТАССР за № 44 от 6 февраля 1962 г.).

Одновременно с этим стали появляться технико-экономические советы, объединившие ученых, инженеров, руководящих работников промышленности и ставших «мозговым центром» совнархозов. На региональном уровне численность данного органа была различной. Так, если в Мордовии в состав технико-экономического совета первоначально вошло 45 человек, позднее (с 1958 г.) – 59, то в Татарской АССР численность составляла 200 человек[2]. Технико-экономический совет действовал на правах совещательного органа и в его составе действовали секции, соответствующие отраслевым управлениям. Отраслевые управления осуществляли непосредственное руководство работой подчиненных ему предприятий и организаций.

Некоторые просчеты в организации работы аппарата управления промышленностью позволили по прошествии двух лет провести новые изменения. В 1959 г. на основании Постановления Совета Министров РСФСР за № 616 от 11 апреля 1959 г. и Постановления Совета Министров ТАССР за № 280 от 22 апреля 1959 г. были упразднены Управление мебельной и деревообрабатывающей промышленности при Совете Министров ТАССР, а подведомственные предприятия переданы в подчинение ММП ТАССР. Одновременно был ликвидирован Татмельтрест, в свою очередь его

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2083. Л. 1, 3-5, 7, 9-11, 61.

[2] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствования управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. С. 163.

подведомственные предприятия были переданы Министерству промышленности продовольственных товаров ТАССР[1].

Татарский совнархоз стал состоять из 10 отраслевых управлений и 1 треста: Управление нефтяной промышленности, которому подчинялись предприятия по добыче нефти и газа, переработки газа, предприятия бурения эксплуатационных, нагнетательных и разведочных скважин, а также геофизический трест, битумный завод, НИИ (занимавшийся исследовательскими работами по разработке нефтяных и газовых месторождений, нефтяной геологией) и другие подсобные предприятия; Управление энергетической промышленности, которому подчинялись все крупные электростанции республики; два управления 1-го и 2-го машиностроения, которым были подчинены все заводы и отрасли машиностроения и металлообработки; Управление химической промышленности, к которому относились предприятия химической отрасли по выпуску резинотехнических изделий, различных кислот, желатина, кинофотопленки, химико-лабораторной посуды, моющих средств и т.д.; Управление строительства и промышленности строительных материалов, которому были подчинены предприятия строительных материалов, лесопиления и деревообработки, а также предприятия, ведущие капитальное, жилищное и культурно-бытовое обслуживание; Управление легкой промышленности состояло из предприятий меховой, кожевенной, обувной, текстильной и галантерейной промышленности; Управление пищевой промышленности, которому подчинялись предприятия мясной, рыбной, молочной, маслодельной и сыродельной, сахарной, спиртовой, табачной и других отраслей промышленности; Управление рабочего снабжения, которому подчинялись подсобные хозяйства, торговые предприятия и предприятия общественного питания; Управление снабжения и сбыта занималось материально-техническим снабжением и частично сбытом продукции промышленных предприятий через свои конторы и базы; Трест «Татлес»,

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 2318. Л. 147.

которому были подчинены предприятия лесной, бумажной и деревообрабатывающей отрасли промышленности[1]. Если брать организационные единицы, непосредственно относящиеся к промышленной деятельности, то исходя из сведений документа «Экономические показатели по Татарской АССР» фонда Кабинета Министров Республики Татарстан получалось, что в 1962 году в состав ТСНХ входило 199 предприятий, Министерства местной промышленности – 79, Министерства продовольственных товаров – 52[2].

Вхождение новых единиц и расширение прежних вело к забюрократизованности аппарата управления совнархозом. В организационном плане структура совнархоза расширилась и стала состоять из 9 функциональных отделов (планово-экономический отдел, технический отдел, отдел труда и заработной платы, отдел капитального строительства, отдел кадров и учебных заведений, отдел финансирования, производственный отдел, административно-хозяйственный отдел, центральная бухгалтерия[3]). По аналогичной схеме были построены и другие Советы народного хозяйства. Так, в структуре Куйбышевского СНХ было 13 вспомогательных отделов (производственно-технический, планово-экономический, финансовый и т.д.) и отраслевые управления, перечень которых постоянно уточнялся[4].

В последующие годы постоянно проводилась работа по совершенствованию данной структуры, в связи с внутренними потребностями совнархоза (в 1959–1960-х годах в составе Татарского СНХ был создан ряд новых отраслевых управлений: мясомолочной промышленности, транспортный, комплектации и лесной, деревообрабатывающей и мебельной промышленности). В то же время создание новых управлений не только не увеличило числа предприятий, но, наоборот, привело к их сокращению.

Продемонстрируем это в таблице № 5.7

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-7233. Оп. 1. Д. 184. Л. 3-4.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1506. Л. 21.

[3] Советская Татария. 1957. 2 июля. № 54.

[4] Солдатова О.Е. Реформирование системы управления экономикой СССР в 1957–1965 гг. (на материалах Куйбышевской области). С. 15.

Таблица 5.7

Число предприятий ТСНХ за период с 1958 по 1961 год

	1958 г.	***1959 г.***	***1960 г.***	***1961 г.***
Число предприятий	231	226	181	185
Среднесписочная численность работников (чел.)	208537	227658	235461	249336

Из таблицы видно, что общее количество предприятий совнархоза, за время его существования, сильно сократилось, при этом среднесписочная численность персонала предприятий за 4 года возросла на 40799 человек.[1] Характерной особенностью и отличием отраслевых совнархозов от бывших главных управлений министерств явилось объединение родственных предприятий, которые отличались своей основной специализацией. Так, отраслевые управления легкой промышленности осуществляли руководство всеми предприятиями легкой промышленности (швейными, обувными и др.). В силу этого отраслевые управления в большинстве совнархозов носили название комплексных отраслей (машиностроения, химической, пищевой, легкой и других отраслей).

Несмотря на некоторые успехи деятельности совнархозов, подтверждаемые валовыми показателями, уже на начальной фазе проведения реформ возникла необходимость в воссоздании ряда отраслевых звеньев в управлении. Это объяснялось тем, что территориальная система управления не могла обеспечить единую научно-техническую политику, и это негативно сказывалось на внедрении новой техники и технологии. В целях преодоления данного недостатка, ведущие научные, проектные и конструкторские институты были переданы в ведение государственных комитетов по отраслям промышленности.

Тенденция развития привела к новому этапу реформирования системы управления по пути ее дальнейшей централизации. В этом нами видится двоякий момент. С одной стороны, децентрализованная система не смогла пробить брешь в системе командного управления, и она была вынуждена

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1693. Л. 29.

постепенно скатываться в русло централизованной экономики, но, с другой стороны, мы наблюдаем динамизм системы, попытки адаптироваться к складывающим обстоятельствам, что подчеркивает ее определенную жизнеспособность.

Для улучшения руководства промышленностью и строительством в марте 1963 г. был воссоздан Высший Совет народного хозяйства СССР Совета Министров СССР (ВСНХ СССР) – высший государственный орган, облеченный всеми правами и полномочиями для решения вопросов, связанных с руководством и работой промышленности и строительством, и обеспечения успешного выполнения государственных планов. В ведении Высшего Совета народного хозяйства СССР находились специальные общегосударственные органы – государственные комитеты СССР, которые разбивались на группы. Наиболее детализировано функции ВСНХ проанализировал А.М. Рубин. Он отмечает, что «…основные полномочия ВСНХ сводились к управлению отраслями промышленности и строительством через соответствующие органы, координации деятельности плановых и хозяйственных органов, обеспечению успешного выполнения государственных планов, разработку и осуществление мероприятий по развитию промышленности, а также решению текущих вопросов. На него было возложено решение текущих вопросов, связанных с выполнением планов производства, руководство материально-техническим снабжением народного хозяйства»[1]. В указанный период продолжали функционировать государственные производственные комитеты, в компетенцию которых входило управление отраслями промышленности. По той роли, которая отводилась им в вопросах управления, можно отметить, что они фактически выполняли министерские функции, осуществляя контроль и руководство подчиненными предприятиями и организациями.

Нельзя не упомянуть и попытку большего втягивания партийной системы в управление промышленностью. Для этих целей в 1962 г. было решено

[1] Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР. С. 162.

разграничить степень ответственности парторганизаций областного и районного уровней по производственному принципу и создать промышленные и сельскохозяйственные партийные комитеты. Однако данные преобразования не имели успеха, партийная номенклатура категорически не хотела ехать в регионы и выполнять хозяйственные функции.

Самые же важные преобразования были непосредственно связаны с советами народного хозяйства. Пятилетний опыт деятельности совнархозов показал преимущества более крупных экономических районов. Они обладали более развитой и разносторонней промышленностью, значительными производственными мощностями и сырьевыми источниками, имели большие возможности для расширения специализации, концентрации и кооперации производства, маневрирования материально-техническими и финансовыми ресурсами. Данные причины обусловили начало новой реформаторской линии, направленной на укрупнение уже существующих СНХ в более крупные образования. В соответствии с решениями ноябрьского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС были образованы новые укрупненные экономические районы. В РСФСР вместо существовавших 67 экономических районов было создано 24, в УССР – 7 вместо 14. В Средней Азии для управления промышленностью Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР был образован укрупненный Среднеазиатский экономический район. Таким образом, на территории Советского Союза вместо 100 экономических административных районов было образовано 47 экономических районов[1]. Помимо этого, Пленум поставил вопрос о создании единого союзного органа управления СНХ СССР, а также расширении функции Госплана и Госстроя СССР, создании других органов управления[2].

В основу укрупнения совнархозов был положен производственный принцип с учетом ведущих отраслей промышленности. Так, например, в Украинской ССР угольная промышленность Донбасса, находившаяся ранее в

---

[1] Иванов Н.В. Развитие планирования народного хозяйства СССР в период между XX и XXIII съездами КПСС (1956–1966 гг.). Куйбышев, 1966. С. 34-35; Понизов Т.И. Управление промышленным производством в СССР. С. 109-111.

[2] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сб. док. Т. 5. М., 1967–1968. С. 247-248.

ведении двух совнархозов, теперь была сконцентрирована в одном Донецком совнархозе. Нефтяной промышленностью Северного Кавказа раньше ведали четыре совнархоза, в 1962 году только один – Северокавказский. Сохранялся и территориальный принцип – объединение совнархозов происходило из близлежащих субъектов.

Средневолжский совет народного хозяйства. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 г. «Об образовании экономических районов РСФСР» и Постановлением Совета Министров РСФСР за № 1690 от 26 декабря 1962 г. об укрупнении совнархозов, Татарский совнархоз был ликвидирован как самостоятельный орган. На основе развитой нефтедобычи произошло слияние Татарского, Башкирского и Куйбышевского совнархозов и образование Средневолжского совнархоза с центром в г. Куйбышеве.

При совнархозе началась реорганизация аппарата управления. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 г. «Об образовании экономических районов РСФСР» и Постановлением Совета Министров РСФСР за № 1690 от 26 декабря 1962 г., при Татарском совнархозе ликвидировались управления, такие как Управление пищевой промышленности ТСНХ (фактически же деятельность была прекращена с марта 1963 г.), Управление легкой промышленности и др. Было ликвидировано и Министерство местной промышленности ТАССР и объединено с Министерством промышленности продовольственных товаров ТАССР (Постановление Совета Министров ТАССР за № 256 от 27 апреля 1963 г.).

На момент объединения в Совете народного хозяйства Татарский административный район объединял 180 промышленных предприятий и более 60 строительных организаций. Указанные промышленные предприятия относились к 8 укрупненным отраслям промышленности, из них ведущими отраслями были: нефтедобывающая, машиностроение и химическая[1]. Всего Средневолжскому совнархозу было передано 40 предприятий местного

[1] ГА РТ. Ф. Р-7233. Оп. 1. Д. 852. Л. 24.

подчинения. В то же время в составе местной промышленности остались предприятия, специализировавшиеся на бытовом обслуживании населения, производстве хлебобулочных изделий и производстве товаров из местного сырья. В обслуживании населения республики ведущими предприятиями являлись предприятия организованного Управления бытового обслуживания при Совете Министров ТАССР, которые выполняли около 80% объема услуг, оказываемых населению всеми предприятиями республики[1].

В результате реорганизаций в 1963 г. по республике числилось 113 предприятий, в том числе: по предприятиям совнархоза – 38, Совета Министров ТАССР – 37, республиканских министерств – 35, союзных министерств – 3[2]. Благодаря новому витку реформирования СНХ занял ведущее место в стране (по объему производства он занимал в РСФСР 5 место и 6 – в Советском Союзе). Общая площадь района превысила площадь, занимаемую Австрией, Албанией, Бельгией и Болгарией, вместе взятых[3].

В экономических районах были сосредоточены значительные объемы промышленного производства, мощные строительные организации, большие трудовые ресурсы. Так, если до укрупнения большинства экономических районов РСФСР имела годовой объем промышленной продукции 1 млрд рублей, то в 1963 г. – свыше 3 млрд рублей. В большинстве укрупненных районов проживало свыше 2,5 млн человек городского населения, в то время как ранее преобладали районы с населением менее 800 тыс. человек[4].

Совнархозовская система начала активно функционировать. Осуществлялись мероприятия по организации снабжения и сбыта, что позволило сократить огромное количество мелких снабженческо-сбытовых организаций и создать более крупные и лучше оснащенные специализированные базы, универсальные (межотраслевые) конторы и склады. К примеру, в Татарском совете народного хозяйства изучение структуры

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 3доп. Д. 94. Л. 1.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1698. Л. 14.
[3] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 3448. Л. 2-3.
[4] Понизов Т.И. Управление промышленным производством в СССР. С. 116–117.

управления убедило руководство в ненужности ряда промежуточных звеньев (всевозможных объединений, трестов, контор и баз)[1], сократилось количество отраслевых управлений и отделов. В течение 1957– 1960-х годов в ведение совнархоза были переданы предприятия, ранее подчинявшиеся министерствам и управлениям при Совете Министров ТАССР. Такие предприятия, как Татгосрыбтрест, 2 предприятия по производству строительных материалов, 6 кожевенно-обувных, 3 валяльно-войлочных предприятия, 7 предприятий пищевой промышленности, 15 швейных и трикотажных фабрик, 8 предприятий мебельной и деревообрабатывающей промышленности[2].

Изменения затронули численность предприятий. Многие заводы, не справлявшиеся с плановыми заданиями или выпускавшие однородную продукцию, объединялись или реорганизовывались. Только в Татарском совнархозе за 1957–1960 годы было произведено около 80 слияний промышленных предприятий, укрупнено 58 заготовительных и снабженческих организаций, 54 молочных завода реорганизованы в 10 масломолочных комбинатов, 26 предприятий были переведены на бесцеховую структуру управления. В результате осуществленных мер из управленческого аппарата по республике высвободилось более 3 тысяч инженерно-технических работников и служащих (с годовым фондом заработной платы свыше 20 млн рублей), которые пополнили кадры инженерно-технических служб и непосредственных организаторов производства, что положительно сказалось на укреплении технического руководства промышленностью[3].

Зададимся вопросом о проблемах совнархозовской системы. Они не могли не возникнуть в условиях постоянного реформирования системы и «перетягивания каната» централизованного и децентрализованного управления. Несмотря на то, что складывающаяся система управленческого симбиоза отраслевого и территориального управления позволила устранить некоторые

[1] Юдкевич Л. Как мы добились выполнения плана всеми предприятиями (Из опыта Татарского совнархоза) // Плановое хозяйство. М., 1962. № 5. С. 48.

[2] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956-1961 гг. (по материалам Татарии). С. 127-128.

[3] Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956-1961 гг. С. 96-97.

недостатки предыдущей территориальной модели, но при этом она не коснулась низшего звена управления – предприятия. По-прежнему при организации совнархозов предприятия не получали возможности для хозяйственной инициативы. Оставались просчеты в отношении отраслевых комитетов и подведомственных им научно-исследовательских и проектных институтов. Они были оторваны от промышленного производства, поскольку предприятия находились в подчинении советов народного хозяйства. Одновременно с этим на уровне страны стали вскрываться все большие проблемы, связанные с региональной автаркией, недопоставками необходимой продукции соседним регионам, отсутствием единой промышленной и научно-технической политики. Все это вело не только к укрупнению существующих СНХ, но и к последующей централизации управления.

Не могли оказать серьезного влияния на решение вопросов управления промышленностью в отраслевом разрезе отделы народнохозяйственного плана по отраслям промышленности Госплана СССР и отраслевые управления СНХ СССР. Отраслевые управления СНХ СССР, не являясь органами, непосредственно управлявшими предприятиями соответствующих отраслей, не имели возможности решать вопросы, связанные с развитием производства, и нести ответственность за состояние дел на промышленных предприятиях. Фактически у предприятия не было единого органа, имевшего широкие возможности и средства для решения всех возникавших в ходе производства вопросов, что в ряде случаев вызывало неразбериху, безответственность и несвоевременное решение важных вопросов управления промышленностью[1].

Постепенно стали воссоздаваться министерства и тем самым восстанавливаться механизмы прежней отраслевой системы. Отчетливо обнаружила себя особенность, заключавшаяся в непрерывном механическом делении структурных единиц на более мелкие, но по своей сути идентичные элементы. В итоге это привело к тому, что на заключительном этапе ее

[1] Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР. С. 163-164.

трансформации количественные параметры стали доминировать над качественными. Эти изменения стали приобретать устойчивый характер, что свидетельствовало о появлении регрессных форм в развитии совнархозовской модели.

Фактически данные преобразования поставили точку в реформе 1957 г. Эволюция системы хозяйственного управления промышленностью протекала в направлении постепенной вертикальной централизации совнархозовской системы (образование республиканских СНХ – июнь 1960 г.[1], Совета народного хозяйства СССР – январь 1963 г.[2], Высшего совета народного хозяйства – март 1963 г.[3]); в направлении усложнения системы общегосударственного планирования народного хозяйства (образование Государственного научно-экономического Совета Министров СССР – февраль 1959 г.[4], изменение функциональной роли Госплана СССР – январь 1963 г.[5] и дальнейшее развитие механизма территориального планирования через плановые комиссии крупных экономических районов СССР – декабрь 1963 г.[6]); в направлении формирования дополнительной организационной структуры по осуществлению единой технической политики в отраслях народного хозяйства и отраслевому планированию (развитие системы государственных отраслевых и производственных комитетов – ноябрь 1962 г.[7], январь 1963 г.[8], март 1963 г.[9]). Практическое осуществление комплекса идей, лежавших в основе реформы, в конечном итоге стимулировало возникновение именно тех тенденций в развитии системы управления народным хозяйством – усиление централизации и отраслевой дифференциации государственного аппарата, которые были в значительной мере присущи модели ведомственно-отраслевого хозяйственного управления[10].

[1] См.: СП СССР. М., 1960. № 12. Ст. 86.
[2] См.: СП СССР. М., 1960. № 1. Ст. 2.
[3] См.: СП СССР. М., 1960. № 4. Ст. 49.
[4] Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1959. № 9. Ст.70.
[5] См.: СП СССР. М., 1963. № 1. Ст. 4.
[6] См.: СП СССР. М., 1963. № 21. Ст. 209.
[7] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1972. С. 392-393.
[8] См.: СП СССР. М., 1963. № 1. Ст. 3.
[9] См.: СП СССР. М., 1963. № 5. Ст. 64.
[10] Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР. С. 28-29.

Первой ступенью, способствовавшей складыванию многоступенчатой административной лестницы, явились созданные республиканские советы народного хозяйства; следующим этапом в направлении административной централизации в совнархозовской модели было создание ВСНХ СССР (взаимоотношения между этим и центральным органом строились на началах подчиненности). Образование ВСНХ вызвало в свою очередь изменения в положении других общеэкономических органов. Централизация руководства народным хозяйством привела к преобразованию Госплана СССР и СНХ СССР из общесоюзных органов управления в органы управления союзно-республиканского значения[1].

Постепенно система стала принимать прежние формы централизованного управления. Уже в начале 1960-х годов в рамках территориальной системы управления стали создаваться первые производственные объединения, которые стали важным звеном в вопросах построения отраслевой системы управления. Впрочем, они часто ограничивались лишь рамками экономического района, что, несомненно, препятствовало дальнейшей внутриотраслевой концентрации производства и углублению отраслевых начал в управлении.

И все же несмотря на то, что во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. государству не удалось создать механизм сочетания децентрализованной и децентрализованной форм управления промышленностью, считать этот эксперимент как полностью провальным нельзя. В последующее время государство вынуждено было считаться с потребностью регионов в определенной степени экономической свободы.

* * *

В завершении раздела, следует отметить, что середина XX века стала временем формирования нового технологического и экономического уклада, основанного на развитии передовых отраслей машиностроения, нефтехимии,

[1] См.: СП СССР. М., 1963. № 4. Ст. 48.

металлообработки и др., а также новой организации труда. Включение в этот соревновательный процесс позволило Советскому Союзу обеспечить высокие темпы экономического роста. При этом отдельные республики, такие как Татарская АССР, добились более высоких производственных показателей и мощного технического прогресса, окончательно перейдя в разряд регионов с преимущественно индустриальным характером экономики.

Однако столь мощный подъем индустриального сектора экономики был не случайным. Анализируя опыт институциональных изменений, необходимо отметить, что сложившаяся к середине 1950-х годов модель управления промышленностью, строившаяся на сверхцентрализации управления и отраслевых началах, перестала удовлетворять потребности экономики. Частичные преобразования уже не давали импульс к переходу на новый уровень производственных отношений. Требовались не частные, точечные реформы, а трансформация всей системы управления.

Создание в 1957 г. Советов народного хозяйства, с одной стороны, сыграло позитивную роль в обеспечении комплексного развития промышленности экономических районов. В рамках последних повышалась оперативность управления, расширялись возможности маневрирования ресурсами, развивались кооперативные связи между близко расположенными предприятиями, вследствие чего сокращались нерациональные перевозки, создавались специализированные предприятия, заметно ускорилось жилищное строительство, возросли темпы производства товаров народного потребления. Однако, с другой стороны, хотя территориальная система управления должна была расширить права местных органов управления, предоставить им большую самостоятельность, на практике этого не произошло. Руководители совнархозов были вынуждены подчиняться директивам и постановлениям центральных органов власти, которые предусматривали сиюминутные выгоды, не заботясь о стратегии развития отдельных регионов. Положение усугублялось еще и тем, что при территориальной системе управления было затруднено внедрение достижений научно-технического прогресса (новейших средств механизации и

автоматизации процессов управления), сохранялись предыдущие просчеты, выраженные в параллелизме и дублированности в работе ряда органов и т.д. К тому же углубление процессов централизации на всем протяжении проведения преобразований позволяет сделать вывод о кризисе административной реформы 1957 г. Эволюция совнархозской модели на примере Татарской АССР, показала, что после образования системы Советов народного хозяйства основная масса принимаемых решений обеспечивала отраслевое развитие ее организационной структуры. Принятые в рамках сохранявшейся административной системы управления и планирования главным образом формально-структурные решения фактически не затрагивали исходных элементов административного механизма и режима хозяйствования.

Кризис состоял в том, что несмотря на то, что была создана иная система управления, в основе нее по-прежнему сохранялись централизованные методы регулирования хозяйственных отношений, мало отличающаяся от ведомственно-отраслевой структуры предыдущего периода. Ремонт хозяйственного механизма и очищение его от наиболее одиозных и архаичных форм и методов хозяйствования, не затрагивая основ плановой системы, в итоге не сумел стать условием экономического роста в 1960-х годах.

Однако имевшее место в реформировании системы управления промышленности позитивное и негативное, достижения и провалы, дали общий положительный итог, выведя Советский Союз на второе место в мире по экономическому потенциалу (валовым показателям промышленности).

6. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТАССР В ПЕРИОД СТАБИЛИЗАЦИИ (СЕРЕДИНА 1960-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.)

6.1. Новые акценты в советской промышленной политике, и ее реализация на территории Татарстана

Проблемы в деятельности совнархозов в конечном итоге привели к разочарованию всей системой территориального управления. Все это определило формирование новых ориентиров государственной промышленной политики. По-прежнему определяющими маркерами действий государственной власти являлись снижающиеся экономические показатели, международная напряженность, но одновременно с этим все более усиливающееся отставание страны в технологическом плане от капиталистических стран. Западное общество вступало в новую фазу постиндустриального мира, а значит прежние механизмы хозяйствования, прежние отрасли экономики, оказывались менее конкурентоспособными. Все это вместе взятое подталкивало руководство страны к поиску новых форм управления промышленным хозяйством.

Осознание надвигающегося кризиса пришло не единовременно, не вдруг. Недаром 1970-е годы называют «золотым веком» советской экономики. При этом внешнее благополучие, заключающееся в внутриполитической стабильности, развитой индустриальной экономики, росте благосостояния граждан, бесплатной медицине и образцовом образовании, скрывало надвигающийся ком проблем. На низовом уровне это еще не прослеживалось, но в верхах постепенно приходило осознание необходимости перемен. Пусть не сразу, но с увеличивавшейся интенсивностью зазвучали лозунги направленные на интенсификацию производства.

Экономические показатели медленно, но уверенно снижались. Источники, в том числе даже советские, наглядно демонстрируют начало пике экономики в завершающей трети XX столетия. Так, прирост национального

дохода сократился с 7,7% в 1966 – 1970 годах, до 3,5% в 1985 году[1], прирост валовой продукции промышленности сократился со 103 до 77%[2] соответственно. В среднем по СССР резко сократилось выполнение плановых показателей. Н. Шмелев и В. Попов по этому поводу указали, что если в 1966 – 1970 годах выполнение плановых показателей в целом по экономике составил 66%, то к периоду X пятилетки (1976-1980 гг.) выполнение снизилось до 55%[3]. В этой связи В.А. Медведев писал «В дальнейшем (авт. – после VIII пятилетки) экономическое развитие стало быстро и неуклонно ухудшаться. Два последующих пятилетних плана, включая их социальные программы, оказались сорванными»[4].

В условиях нарастающих экономических проблем возможным шагом по снижению кризисных явлений могло бы стать уменьшение затрат на содержание военно-промышленного сектора экономики. Но этого не происходило. Наоборот, в рассматриваемый период траты государственного бюджета на содержание военного сектора были высокими, что объяснялось противостоянием СССР и Запада в рамках «холодной войны». Валентин Сергеевич Павлов, занимавший пост премьер-министра СССР, по этому поводу позже замечал[5], что на военную сферу государство тратило порядка 34-36% своего национального дохода. Другие эксперты уменьшили этот показатель до 16% расходов бюджета[6], тем не менее это все равно выглядит крайне впечатляюще.

На уровне регионов роль военно-промышленного комплекса также была очень высокой. А.Г. Галлямова указывает, что в 1970-е годы только в Казани 49% промышленного потенциала было связано с данной сферой. Здесь создавались комплексно механизированные и автоматизированные цеха и

[1] Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. 1981. М.: Финансы и статистика, 1981. С. 33.; Статистический ежегодник стран- членов СЭВ. 1986. М.: Финансы и статистика, 1986. С. 35.

[2] Поцелуев В.А. История России XX столетия (Основные проблемы). М.: ВЛАДОС, 1997. С. 413.

[3] Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 131; Цит. по: Еремина О.С. Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX - начале XXI века: дис. …канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 24-26.

[4] Медведев В.А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М.: Былина, 1994. С. 7.

[5] Павлов В.С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 15.

[6] Тимофеев Г.А. Социально-экономические реформы 1985–1991 гг. в СССР: предпосылки, динамика, результаты: дис. … канд. ист. наук. Н.Новгород, 2007. С. 36.

участки, внедрялись станки с числовым программным оборудованием, автоматизированные системы управления, организовывались гибкие переналаживаемые производства, получили развитие лазерная, электроэрозионная, плазменная, энергосберегающая и безотходная технологии[1]. В результате несмотря на то, что расходы на содержание военной индустрии были высокими, она в тоже время приносила серьезные доходы от продажи военной техники ближайшим соседям, а также странам, поддерживающих социалистический строй. По оценке О.С. Еременой[2] доходы страны по этой статье составляли приблизительно 15 – 18 млрд инвалютных рублей.

Одновременно с военно-промышленной отраслью сохранялась доминанта традиционно ведущих отраслей хозяйствования, к которым относились машиностроение, металлургия, нефте- и газодобыча, нефтепереработка, химическая промышленность (подробно в следующих параграфах). К примеру, объемы нефти, добытой в Татарской АССР, уступали объемам только 5 стран мира – это США, Саудовской Аравии, Ирану, Венесуэле, Ираку. И если в 1971 году в ТАССР был добыт первый миллиард «черного золота» (то есть фактически за 25 лет от начала ее добычи), то второй стал достоянием республики уже к 1981 году.[3]

Особенно важные изменения были связаны с достаточно быстрым переоформлением характера индустрии с добывающих отраслей к перерабатывающим, что свидетельствовало о зрелости экономики. На примере Татарской АССР мы видим создание во второй половине 1960-х – 1970-е годы комплекса предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности – это Нижнекамский нефтехимическое предприятие, Нижнекамский шинный завод и некоторые другие.

---

[1] Галлямова А.Г. Татарская АССР во второй половине 1940-х - середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах : дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. 224.

[2] Еремина О.С. Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX - начале XXI века: дис. …канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 27.

[3] Галлямова А.Г. Татарская АССР во второй половине 1940-х - середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах : дис. … д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. 199.

Однако и в этих отраслях стали выявляться комплексные проблемы. К ним можно отнести: несоответствие спроса объемам выпускаемой продукции, применение традиционных материалов, в условиях того, когда западный мир стал переходить на производство новых полимерных материалов и другие. Отдельное место по-прежнему занимала гигантомания производственных предприятий, на которых работали десятки тысяч человек, но при очень низкой производительности труда. И это в тех отраслях, которые в большей степени приносили прибыль государству. Другие же отрасли, находящиеся на другом полюсе роста, испытывали еще большие проблемы.

Решить проблемы индустриального сектора экономики попытались путем использования достижений науки. На собраниях рабочих коллективов, или партийных съездов указывалось на необходимость внедрения науки в производство. Но, зачастую, дальше разговоров дело не заходило. Отсутствие необходимых знаний, технологий, квалифицированных специалистов и соответствующего финансирования в новых областях науки, за исключением некоторых специфических отраслей не позволяло создавать в массовом порядке инновационные продукты. Интересно и то, что научная сфера в целом была ориентирована на получение фундаментальных, а не прикладных знаний. В результате полученные знания могли быть использованы только через какой-то длительный промежуток времени.

Провал совнархозовской реформы выявил также проблемы территориального или децентрализованного управления. Пришло понимание, что в чистом виде децентрализация не только не способна была решить проблемы плановой экономики, а являлась ее тормозом. Руководители совнархозов действительно являлись «волюнтаристами» работая на благо вверенных им территориальных объединений, не задумываясь об эффективности других территорий. Не зря практически в первый год их функционирования стали возрождаться отраслевые подходы в управлении.

Переход же к сталинской модели сверхцентрализации тоже был невозможен. И это было связано не столько с волной демократизации

общественных институтов, которая прокатилась по стране после 1956 года, сколько со значительно возросшими объемами промышленного производства и его отраслевого характера, руководить которым путем строгой централизации было уже невозможно.

Совершенствование и модернизация системы управления индустриальной сферы могло быть обеспечено только взаимосвязью общегосударственного, отраслевого и территориального управления, что во многом было обусловлено разными задачами, стоявшими перед ними. Так, к компетенции органов общегосударственного управления подлежали: разработка и утверждение государственных планов экономического и социального развития СССР; определение основных направлений научно-технического прогресса и общих мероприятий по рациональному использованию и охране природных ресурсов; обеспечение народнохозяйственных пропорций, прогрессивных сдвигов в общественном производстве, в размещении производительных сил; руководство единой денежной и кредитной системой, установление налогов и доходов, поступающих на образование государственного бюджета страны; организация учета и статистики; установление и согласование цен, тарифов, ставок заработной платы и других важнейших условий хозяйствования, подлежащих регламентации в народнохозяйственном масштабе; руководство отраслями народного хозяйства, объединениями и предприятиями союзного подчинения; общее руководство отраслями союзно-республиканского подчинения; установления общих начал организации и деятельности республиканских и местных органов управления; мероприятия по развитию связей с социалистическими странами и т.д. В тоже время органы отраслевого и территориального управления решали более «приземленные» задачи, связанные с решением тактических и оперативных задач на местах. В этой связи согласимся с мнением авторов монографии «Основы управления социалистическим производством» под редакцией Д.М. Крука, который отмечает, что в их ведении находились вопросы обеспечения

пропорциональности развития отраслей народного хозяйства и предприятий внутри отраслей и территориальных комплексов; определения потребности в основных видах конечной продукции; установления темпов и пропорций воспроизводства; распределения трудовых, материальных и финансовых ресурсов; решения проблем концентрации, специализации, кооперирования и комбинирования производства и т.д.[1]

Поддержка выполнения поставленных задач общегосударственного, отраслевого и территориального управления осуществлялась на разных уровнях управления и разнородными органами, которые осуществляли управления экономикой, отраслями и подведомственными предприятиями. При этом сравнение их с современными органами было бы не совсем уместным. Дело даже не в самих названиях органов управления (здесь, мы можем найти аналогии), сколько в отличиях принципов и условий управления, среди которых основополагающими являлось воздействие трех ветвей иерархии управления. К ним относились: системы органов партийной власти, системы органов государственной власти и системы органов государственного управления. К системе органов партийной власти относились Политбюро, съезды КПСС, обкомы, горкомы и др. К системе органов государственной власти – Верховный Совет СССР, верховные советы союзных республик, областные, краевые, сельские советы народных депутатов и др. К системе органов государственного управления – народные комиссариаты, министерства, объединения, тресты и др. Несомненно в той или иной мере каждый из этих органов власти оказывал прямое или опосредованное воздействие на процессы, происходившие в промышленности страны и регионов (к примеру, через директивные указания, осуществляемыми органами партийной власти). Однако наибольшее воздействие на становление и развитие промышленности тем не менее оказывали органы непосредственного управления. И несмотря на то, что, исследуя советское наследие и сохраняя необходимость объективного анализа на происходившие процессы, автор не

[1] Основы управления социалистическим производством / Под ред. Д.М. Крука. М., 1985. С.89-90.

мог не использовать весь комплекс партийных установок и директив, в тоже время в работе делается упор на исследование воздействия органов непосредственного управления промышленным производством. Можно утверждать, что представленная модель управления негативно воздействовала не только на конечное звено производственных процессов – предприятие, сколько в целом на эффективность производственного комплекса страны или региона. Параллелизм в работе, отсутствие единоначалия, а значит контроль нескольких органов управления, негативно отражались на выполнении плановых показателей.

В целом, наряду с внешнеполитическими условиями, технологическим укладом и другими факторами, результативность модернизации советской экономики во второй половине XX столетия во многом зависела от эффективности использования общегосударственного и регионального компонентов управления, как по отдельности, так и в большей степени в их диалектической взаимосвязи. Правильная организация процесса управления имела исключительное значение для эффективного функционирования всей системы управления, и напротив, недостатки, допущенные на общегосударственном уровне, с большим трудом компенсировались на местном уровне.

6.2. Реализация реформ А.Н. Косыгина в регионе: направленность и конечная эффективность

Как уже было отмечено в предыдущей главе исследования, несмотря на предоставление достаточно широких полномочий территориальным органам управления в период проведения совнархозовской реформы, в целом модель командного управления сохранялась. Ярким ее проявлением оставалось сохранение иерархический характер хозяйствования, который существовал на протяжении всех этапов реорганизации системы управления промышленностью, и на каркасе которого крепилась система советов

народного хозяйства.

Если смоделировать данную систему управления промышленностью на примере автомобиля, то реформы фактически изменили ходовую часть этого механизма, при том, что «сердце» агрегата (двигатель) и остальные механизмы практически остались неизменными. Да, это дало первоначально дополнительный импульс к разгону, но не закрепило его на всю дистанцию. Не зря после начала реформы, практически сразу, возникли тенденции к централизации, система требовала возвращения к своим основополагающим принципам. Что и стало после смещения Н.С. Хрущева толчком к новому переформатированию каркаса командного управления.

Пути совершенствования управления промышленностью были намечены новым руководством в сентябре 1965 г. на Пленуме ЦК КПСС[1]. На нем были приняты решения, направленные на дальнейшее усиление научного руководства хозяйственной жизнью страны, более полного использования объективных экономических законов и преимуществ социалистического строя[2]. В дальнейшем XXIII съезд КПСС одобрил решения Пленума ЦК, что явилось отправной точкой реформирования экономики. Задачами нового руководства являлось внедрение в практику управления элементов централизованного руководства с предоставлением широкой самостоятельности местным органам управления и усилением экономического стимулирования производства. Организационно укрепление централизованных начал должно было обеспечиваться свертыванием советов народного хозяйства и восстановлением промышленных министерств.

В соответствии с этими задачами были упразднены Высший совет народного хозяйства СССР Совета Министров СССР, Совет народного хозяйства СССР, а также республиканские советы народного хозяйства и советы народного хозяйства экономических районов. Общее государственное

[1] Кстати, принято ошибочно связывать проводимые реформы непосредственно с личностью А.Н. Косыгина. Современники тех реформ отмечали, что сам Алексей Николаевич о начале преобразований отзывался следующим образом: «К сожалению, не я решаю эти вопросы» , что фактически свидетельствовало о значительной роли Центрального Комитета партии в принятии многих судьбоносных решений (Шафиков Я.Д. Фикрят Табеев: документ. проза на рус. и татар. яз. Казань, 2001. С. 287.)

[2] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. т.5. М., 1968. С. 640-645.

управление экономикой стал осуществлять Совет Министров СССР, к функциям которого относились выявление важных народнохозяйственных потребностей, установление необходимых для их удовлетворения ресурсов, определение в соответствии с этим требуемых для всего народного хозяйства потребностей и темпов роста всей экономики и ее отдельных отраслей. Координирующую роль Совет Министров СССР осуществлял через соответствующие центральные ведомства и министерства[1]. По Конституции СССР[2] были разграничены права и обязанности республик в вопросах управления. Союзная республика должна была обеспечивать комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории, проводить в жизнь решения высших органов государственной власти и управления СССР, осуществлять координацию и контроль за деятельностью предприятий, объединений, учреждений и организаций союзного подчинения.

В связи с переходом к отраслевому принципу управления народным хозяйством Верховный Совет СССР 2 октября 1965 года принял Закон об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления[3]. Верховный Совет СССР постановил образовать 11 союзно-республиканских министерств СССР, а также преобразовать шесть государственных производственных и государственных комитетов в союзно-республиканские министерства СССР. Одновременно было решено создать 9 общесоюзных министерств и преобразовать 3 государственных производственных комитета в общесоюзные министерства, а предприятия медицинской промышленности передать в систему Министерства здравоохранения СССР. В диссертационном исследовании Л.Г. Зиновьева указывает на то, что было создано 29 общесоюзных и союзно-республиканских министерств СССР (к концу 1975 года их насчитывалось – 352)[4].

---

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.5. М., 1972. С.654–657; Рубин А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР. С. 168-169.

[2] Конституция СССР. М., 1977. Ст.77.

[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. т.5. М., 1968. С. 654-657.

[4] Зиновьева Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965–1991 гг. С. 48.

В формирующейся модели промышленной политики министерства становились основной организационной формой. Правовой характер новой системы был закреплен постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров от 30 сентября 1965 г. «Об улучшении управления промышленностью»[1]; Общим положением о министерствах СССР, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 10 июля 1967 г.[2] и другими документами, преобразовавшими промышленные министерства в общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские. Каждому министерству были подчинены объединения и предприятия определенной отрасли или группы производственных или непроизводственных отраслей. В краях, областях и районах, в которых широко использовалось местное сырье, образовывались промышленные отделы исполкомов, а также областные (районные) управления экономикой. Министры были наделены правами распределения обязанностей между заместителями, начальниками главных управлений и руководителями других подразделений министерства, установления степени их ответственности.

Обратим внимание на то, что возросло значение местных Советов[3]. По реформе 1965 г. они получили возможность решать все вопросы местного значения, руководить на своей территории хозяйственным строительством, утверждать планы экономического и социального развития, осуществлять руководство подчиненными им государственными органами, предприятиями и учреждениями и т.д. Решения местных Советов были обязательны для исполнения всеми расположенными на территории Совета предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами. Однако на практике действовавшая структура аппарата исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся была больше формализованной ячейкой, не имевшей реальных рычагов управления. Численность работников и

[1] СП СССР. 1965. № 19-20. Ст.152.

[2] СП СССР. 1967. № 17. Ст.116.

[3] Местные Советы являлись представительными органами государственной власти на местах (Местные Советы // Большой юридический словарь : официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://jurisprudence.academic.ru/9360/%D0%9C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%8B (дата обращения: 06.04.2022))

месячный фонд оплаты труда были недостаточными. Так, в составе Казанского горисполкома не имелось отдела пассажирского транспорта, в 5 исполкомах городских Советов депутатов не было ряда предусмотренных должностей и т.д.[1]

Наиболее важные мероприятия второй половины 1960-х годов в республиканской промышленности сводились к восстановлению отраслевой структуры на основе создания министерств и управлений и переподчинению новой структуре производственного комплекса республики. Соответственно первым действием в системе промышленности стало образование Управления местной и топливной промышленности при Совете Министров ТАССР. Этот шаг был не случайным. Топливная промышленность по-прежнему являлась ключевой в республике, вокруг нее строилась экономика, вследствие чего организационные изменения не могли не начаться с этой отрасли. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1965 г. «Об образовании Управления снабжения и сбыта при Совете Министров ТАССР и Управления местной и топливной промышленности при Совете Министров ТАССР», Постановлением Совета Министров ТАССР за № 129 от 9 марта 1965 г. «О мероприятиях по образованию местной и топливной промышленности при Совете Министров ТАССР», Министерство промышленности продовольственных товаров передавало вновь образованному управлению предприятия и организации: 33 рай(гор)промкомбината, 1 – конструкторско-технологическое бюро, 1 – технико-экономические курсы.[2] В структуре аппарата управления были созданы технический отдел, отдел стройматериалов и промышленных товаров, отдел топливной и деревообрабатывающей промышленности, планово-экономический отдел, бухгалтерия, отдел снабжения и сбыта, при общей численности сотрудников 43 человека[3]. Данное управление просуществовало недолго и было расформировано. На основании Постановления Совета Министров РСФСР за

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1951. Л. 58-59.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 169.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 250-251.

№ 1488 от 31 декабря 1965 г. и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1966 г. было образовано Министерство топливной промышленности ТАССР, к основным функциям которого относились контроль и руководство за деятельностью подведомственных предприятий, производство и сбыт лесоматериалов и т.д. По своей структуре МТП ТАССР состояло из планово-технического отдела, планово-экономического отдела, бухгалтерии, при общей численности персонала в 21 человек[1].

Производственная деятельность министерства характеризовалась двумя направлениями: промышленным и сбытовым. Промышленная деятельность была определена отраслями лесозаготовки и деревообработки, добычей и переработкой нефти. При этом рост производства данного направления вплоть до 1970 г. осуществлялся преимущественно за счет увеличения выпуска товаров культурно-бытового назначения, хозяйственного обихода, деревообработки. И только после 1970 г. рост увеличился за счет ввода в эксплуатацию Карабашевского нефтебитумного завода[2]. В состав министерства вошли 2 леспромхоза (Биклянский и Юхмачинский) и 2 промкомбината (Кукморский и Дубъязский). Были организованы Арский, Апастовский, Алексеевский, Балтасинский, Буинский, Лаишевский, Куйбышевский, Мензелинский райтопснабсбыты и Елабужский гортопснабсбыт.[3] Кроме того, из Управления лесной и топливной промышленности в его состав были переданы 6 рай(гор)топсбытов (Чистопольский, Зеленодольский, Тетюшский, Высокогорский, Рыбно-Слободской и Актанышский), а также трест «Казгортопсбыт». В 1967 г. было образовано еще 6 рай(гор)топсбытов[4].

Параллельно с созданием Министерства топливной промышленности в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1966 г. и распоряжением Совета Министров ТАССР за № 52-р от 31 января 1966 г., Министерство продовольственных товаров ТАССР было преобразовано

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
[2] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 414. Л. 1-3.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 289; то же. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.
[4] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

в Министерство пищевой промышленности ТАССР (в подчинении МПП ТАССР находились 20 предприятий, из них 10 рай(гор)пищекомбинатов, располагавшихся в 18 районах республики); Управление бытового обслуживания населения при Совете Министров ТАССР преобразовано в Министерство бытового обслуживания населения ТАССР; создано отдельное Управление промышленности строительных материалов при Совете Министров ТАССР[1]. Что касается Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров ТАССР, то ему, согласно Постановлению Совета Министров ТАССР за № 39 от 29 января 1966 г. «О передаче отдельных предприятий и организаций ММП ТАССР и Татарского управления лесного хозяйства в ведение Министерства топливной промышленности ТАССР и Управления промышленности строительных материалов Совета Министров ТАССР», были переданы от Министерства промышленности строительных материалов РСФСР: Казанский комбинат строительных материалов, Казанский силикатный завод; от Министерства строительства РСФСР: Аракчинский гипсовый завод; от Министерства местной промышленности ТАССР: Агрызский кирпичный завод, Кукморский кирпичный завод, Верхнеуслонский промкомбинат, кирпичный завод Елабужского горпромкомбината, кирпичный завод Набережночелнинского райпромкомбината[2].

Самыми главными в череде реформ, направленных на восстановление отраслевой структуры промышленности, на местном уровне стали реорганизации, направленные на воссоздание Министерства местной промышленности ТАССР. Оно было образовано в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему развитию местной промышленности и художественных промыслов»[3], Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 января 1966 г. и распоряжением Совета Министров ТАССР за № 52-р от 31 января 1966 г. на базе Управления местной и топливной промышленности Совета Министров ТАССР. В

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 30-31, 42.
[2] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 4.
[3] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.6. М., 1968. С. 654-657.

результате создания новых министерств численность аппарата их управления суммарно увеличилась до 82 человек[1]. Основной деятельностью министерства стало общее руководство по вопросам учета, планирования и отчетности в соответствии с директивами партии и правительства. В подчинении министерства находились 25 предприятий и 3 объединения, расположенные в районах республики. В структурном плане министерство было представлено канцелярией, техническим отделом, производственным отделом, планово-экономическим отделом, финансовым отделом, бухгалтерией, отделом кадров, универсальной конторой «Маттехснабжение», при общей численности сотрудников 36 человек (см. прил. № 15)[2]. Важно, что в организационную систему стали вводиться технико-экономические курсы, которые позволяли в короткие сроки латать дыры в проблемных местах кадрового состава министерства.

В июле 1967 г. Советом Министров СССР были приняты «Общие положения о министерствах СССР»[3], по которым были разграничены полномочия министерской структуры, взаимодействие с другими органами управления. Необходимость данных шагов была обусловлена стремлением избавиться от дублирования функций и налаживание более тесного взаимодействия между разноотраслевыми структурами.

Возникает вопрос: реформа 1965 г. воссоздала прежнюю организационную структуру, существовавшую до совнархозов, или привнесла новые элементы? Несомненно, преобразования второй половины 1960-х годов хотя и шли по проторённому пути отраслевых реформ, но в условиях научно-технической революции и усложнения отраслевого состава экономики, не могли только копировать прежнюю структуру, требовались новые формы контроля и управления институциональными единицами. Так, параллельно с воссозданием министерской структуры новшеством стало образование при них совещательных органов – коллегий. Их фактическая роль сводилась к

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 30-31.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 2. Л. 44.
[3] СП СССР. 1967. № 17. С. 116.

необходимости дополнительного контроля органов, непосредственно занимающихся управлением промышленностью. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР за № 209 от 3 апреля 1968 г. во всех министерствах ТАССР были образованы коллегии, а в Управлении хлебопекарной промышленности – Совет директоров[1]. На основе Постановления Совета Министров ТАССР за № 600 от 30 декабря 1968 г. при Министерстве местной промышленности ТАССР для улучшения руководства предприятиями, усиления контроля над их деятельностью, а также повышения личной ответственности руководящего состава была утверждена Коллегия при ММП ТАССР[2]. В ее состав вошли министр (председатель), его заместители и другие руководящие работники.

На заседаниях коллегии, проводимых 1-2 раза в месяц, рассматривались вопросы выполнения постановлений партии и правительства, приказов министерства, проходило обсуждение вопросов практического руководства предприятиями системы Министерства местной промышленности ТАССР, выполнения ими производственных и финансовых планов, проверки исполнения, подбора, расстановки и обучения кадров и др.

Нам видится, что данный орган управления не имел возможности прямого воздействия на деятельность предприятий, принятые коллегией решения проводились в жизнь лишь приказами министра местной промышленности ТАССР и не оказывали действенного влияния на улучшение работы производственных коллективов и управленческого аппарата. Вследствие чего, с течением непродолжительного времени, ее работа стала носить преимущественно номинальный характер[3].

По-настоящему новым направлением совершенствования системы государственного управления явилось сокращение промежуточных звеньев на основе создания объединений. До реформирования существовала четырех-, пяти-, шестизвенная структура управления промышленными предприятиями

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 567. Л. 113.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 103. Л. 298-299.
[3] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 567. Л. 112.

(министерство – главк – республиканское министерство – территориальное объединение (управление) – комбинат – трест – предприятие), которая была неэффективна, так как увеличивала сроки прохождения распорядительных материалов, сковывала оперативность управления и т.д. После создания объединений во всех отраслях промышленности и произошло сокращение уровней управления до двух-трех. При двухзвенной системе производственные объединения и крупные предприятия должны были непосредственно подчиняться министерству. Трехзвенная структура предусматривала наличие таких элементов, как министерство, всесоюзное или республиканское промышленное объединение, производственное объединение (предприятие). Предприятия, вошедшие в состав производственного объединения, теряли свою самостоятельность[1].

Надо сразу оговориться, что данные формы впервые появились еще при совнархозах, но во второй половине 1960-х годов они приобрели массовый характер. Общая их численность доходила до 200.[2] С их созданием государство предполагало решение нескольких задач: разгрузить центральные органы управления промышленностью, передать ряд функций министерств, совмещение научного и промышленного потенциала страны. Большую роль в их организации сыграли решения XXIV съезда КПСС (1971 г.) и последующие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью» (2 марта 1973 г.); Постановления Совета Министров СССР: «Об утверждении Общего положения о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях» (2 марта 1973 г.); «Об утверждении положения о производственном объединении (комбинате)» (27 марта 1974 г.); «Об утверждении Положения о научно-производственном объединении» (30 декабря 1975 г.)[3].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 128. Л. 51.

[2] Степанов В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50–80-е годы XX века. С. 152.

[3] Овчинникова Н.В. Развитие управленческой мысли в сфере организации и управления народным хозяйством в России во второй половине XX века: дис. … д-ра. экон. наук. М., 2005. С. 175.

Предполагалось, что данные организационные формы позволят сформировать дифференцированные и эффективные производства, однако на практике созданные административным путем производственные объединения (ПО) и научно-производственные объединения (НПО) часто оказывались нежизнеспособными образованиями. Это объяснялось нежеланием самих предприятий объединяться. В целом и руководство республик не было заинтересовано в передаче предприятий в подчинение других структур управления.

По стране преобразования отраслевой системы продолжались на протяжении второй половины 1960–1970-х годов и были связаны с поиском наиболее оптимальных органов управления промышленностью, как на уровне страны в целом, так и уровне республик, краев и областей. На протяжении указанного времени были реорганизованы Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР с выделением из него Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР и Министерства целлюлозно-бумажной промышленности; Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения было разделено на Министерство тяжелого и транспортного машиностроения СССР и Министерство энергетического машиностроения СССР; было создано общесоюзное Министерство машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР и общесоюзное министерство промышленности средств связи и т.д.[1]

Важным становился тот факт, что общесоюзные преобразования в этот период мало затрагивали региональный компонент. При том, что вплоть до второй половины XX столетия региональные преобразования были отражением реформ общегосударственных. Так, продолжением общесоюзных реформ в системе управления промышленностью Татарской АССР стало создание в 1970 г. Управления хлебопекарной промышленности ТАССР, а также в связи с

[1] Закон СССР от 9 июля 1975 г. // Правда. 1975. 10 июля; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1968 г. // Правда. 1968. 12 июня; Известия. 1974. 30 марта; Известия. 1973. 11 октября.

продолжающимся подъемом нефтяной отрасли в Управлении северо-западными магистральными нефтепроводами было выделено Казанское районное нефтепроводное управление с местом нахождения в Казани[1]. Большинство реорганизаций данного периода касались лишь изменения числа управленческого персонала отдельных министерств и управлений. В качестве примера можно привести Министерство пищевой промышленности ТАССР, где задание по сокращению аппарата привело к тому, что в центральном аппарате не было уволено ни одного сотрудника, в то время как на подведомственных предприятиях – 14 человек (с экономией фонда заработной платы в 11,4 тыс. руб.)[2].

На коллегии ММП РСФСР, состоявшейся 12 марта 1971 г.[3], министрам местной промышленности автономных республик, начальникам управлений местной промышленности, краевых исполнительных комитетов, было предложено рассмотреть вопрос о создании специализированных объединений. 2 марта 1973 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято Постановление «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью»[4], в соответствии с которым были намечены пути по реорганизации низового уровня управления: укрупнение предприятий; создание производственных объединений (комбинатов)[5], всесоюзных и республиканских объединений; приближение органов хозяйственного руководства к производству; более четкое разграничение прав и обязанностей между различными звеньями отраслевого управления и т.д.

На территории Татарской АССР были проведены мероприятия по концентрации и специализации производств. Во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. и Постановления бюро

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1962. Л. 18-23; то же. Д. 2114. Л. 19.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1926. Л. 13.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 352. Л. 56.
[4] СП СССР. 1973. № 7. Ст. 31.
[5] Производственное объединение – это форма концентрации производства, заключающаяся в укрупнении и объединении действующих предприятий, в сосредоточении производства и рабочей силы на более передовых предприятиях // Энциклопедия техники [Электронный ресурс]. URL: https://enciklopediya-tehniki.ru/proizvodstvennye-obedineniya.html (дата обращения: 17.04.2023)

обкома КПСС и Совета Министров ТАССР за № 196 от 17 апреля 1973 г.[1] было решено произвести ряд реорганизаций.

По отрасли пищевой промышленности в ведение Министерства пищевой промышленности ТАССР передавались объединение «Красный Восток» Росглавпива, Казанская и Альметьевская макаронные фабрики Росглавмакаронпрома, Казанский винный завод Росглаввинпрома, Казанская кондитерская фабрика «Заря» Росглавкондитера. Далее были организованы: Татарское производственное объединение по выработке макаронных изделий на базе Казанской макаронной фабрики с включением в его состав Альметьевской макаронной фабрики и отдельно расположенного цеха по выработке макаронных изделий Чистопольской макаронной фабрики; Татарское производственное объединение по выработке кондитерских изделий на базе кондитерской фабрики «Заря» с включением в его состав Альметьевской и Чистопольской кондитерских фабрик и кондитерского цеха Казанского винного завода Министерства пищевой промышленности ТАССР; Казанское производственное объединение по выработке вин на базе Казанского винного завода Росглаввиншампанпрома с включением в его состав отдельно расположенного Казанского винного завода МПП ТАССР; укрупнено ПО «Красный Восток» путем присоединения к нему 2 специализированных пивзаводов (Бугульминского и Мензелинского) и вновь вводимого в эксплуатацию цеха по розливу газированных безалкогольных напитков Набережночелнинского горпищекомбината МПП ТАССР. Между тем Тетюшский и Куйбышевский пивзаводы, вырабатывающие пиво, безалкогольные напитки, кондитерские изделия и плодовоовощные консервы, передавались Татпотребсоюзу. Всего в составе МПП ТАССР, таким образом, было создано 4 производственных объединения и 2 самостоятельных предприятия – Убеевский овощесушильный завод и Шеланговский плодовоягодный совхоз[2].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 567. Л. 106-109.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1962. Л. 76-77.

По отрасли местной промышленности в 1971–1973 годах должны были быть созданы 3 производственных объединения: «Меховщик»[1], «Швейник» и Арское производственное объединение национальной обуви (объем реализуемой продукции 3-х объединений составлял 64,2% от общего объема реализации по министерству, численность промышленно-производственного персонала – 54,9%) и 25 промышленных предприятий с общим объемом выпуска валовой продукции 43 млн рублей и численностью промышленно-производственного персонала – 7772 человек. Одновременно с ними предполагалось организовать: производственное металлообрабатывающее объединение «Металлист» на базе Казанского листопрокатного завода (в состав объединения были включены предприятия: Казанский завод «Металлист», Кукморский завод «Металлопосуда», Казанский завод металлоизделий Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР), производственное мебельное объединение «Волжанка» на базе Приволжского домостроительного комбината (в его состав вошли: Тюлячинская мебельная фабрика, Мамадышский домостроительный комбинат, Елабужская фабрика школьной мебели, Карадуванская мебельная фабрика, Тукаевский промкомбинат, Высокогорский домостроительный комбинат), Бугульминское производственное мебельное объединение на базе Бугульминского домостроительного комбината (также в состав вошли: Альметьевская, Ютазинская, Челнинская мебельные фабрики и Чистопольский промкомбинат), Уруссинское производственное объединение бемитной кровли на базе Уруссинского бемитного завода. Была укрупнена Алексеевская фабрика художественного ткачества, путем включения в ее состав Аксубаевского завода веревочных изделий[2].

По отрасли промышленности строительных материалов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 декабря 1972 г. и Постановлением Совета Министров РСФСР от 9 марта 1973 г. за № 124

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 128. Л. 52, 53.

[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 483. Л. 156, 284, 289; то же. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1962. Л. 77-78.

Управление промышленности строительных материалов Совета Министров ТАССР было преобразовано в Татарское производственное объединение промышленности строительных материалов с передачей последнему всех предприятий, входящих в управление. При этом Казанский комбинат стройматериалов и Арачинский гипсовый завод как самостоятельные предприятия упразднялись и преобразовывались в производственное объединение; упразднялся как самостоятельное предприятие Верхне-Услонский промкомбинат, его производство извести передавалось Аракчинскому гипсовому заводу, а кирпича – Шелангоровскому кирпичному заводу.

По отрасли хлебопекарной промышленности создавались Татарское производственное управление хлебопекарной промышленности с подчинением его МПП РСФСР и Совету Министров ТАССР; укрупнялся Зеленодольский хлебокомбинат за счет включения в его состав Васильевского хлебозавода; в порядке укрупнения объединялись действующий хлебозавод в Набережных Челнах с введением в эксплуатацию нового хлебозавода.

По отраслям топливной промышленности создание производственных объединений Советом Министров ТАССР считалось нецелесообразным[1].

Не все представленные изменения удалось претворить в жизнь. Так, по ММП ТАССР, помимо созданных 3 производственных объединений, организация дополнительных посчиталась экономически нецелесообразной, что объяснялось разбросанностью предприятий по территории республики, отсутствием устойчивой связи между ними и необеспеченностью транспортными средствами; по отраслям топливной и хлебопекарной промышленности также было решено не проводить реорганизации; вместе с тем по отрасли промышленности строительных материалов в 1973 г. было создано Татарское производственное объединение строительных материалов «Татарстройматериалы».

По завершающей спирали преобразований, во второй половине 1970-х

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1962. Л. 78-79.

годов последовала новая волна частичного реформирования. В 1976 г. в МПП ТАССР были упразднены 4 предприятия: Муслюмовский райпищекомбинат на правах цеха был передан Альметьевской кондитерской фабрике; Актанышский райпищекомбинат на правах цеха передан Чистопольской кондитерской фабрике; Ютазинский райпищекомбинат передан на правах цеха Бугульминскому пивзаводу; Мамадышский райпищекомбинат на правах цеха передан Казанскому винному заводу[1]. В целях дальнейшей специализации и концентрации однородных по профилю производств, а также совершенствования и удешевления содержания аппарата управления предприятий в 1976–1977 годы в ММП ТАССР был укрупнен ряд предприятий: Тетюшская мебельная фабрика на правах цеха была передана Буинской ватной фабрике; Шугуровский бемитный завод на правах цеха передан Уруссинскому бемитному заводу; Аксубаевский завод веревочных изделий на правах участка передан Чистопольскому деревообрабатывающему комбинату; Альметьевская и Ютазинская мебельные фабрики на правах участков переданы Бугульминскому деревообрабатывающему комбинату; Мамадышский домостроительный комбинат на правах участка передан Елабужской фабрике школьной мебели; ликвидирован Васильевский комбинат строительных материалов; реорганизованы Чистопольский промкомбинат ММП и Чистопольский деревообрабатывающий комбинат и др. В 1977 г. была ликвидирована Тюлячинская мебельная фабрика, Ципьинская фабрика плетеных изделий и Тукаевский промкомбинат и переданы на правах цехов Карадуванской мебельной фабрике ММП ТАССР. В декабре 1978 г. решением Совета Министров ТАССР была ликвидирована Казанская фабрика сувениров и передана на правах участка Комбинату надомников народных художественных промыслов; Казанский завод «Металлист» передан на правах участка Казанскому листопрокатному заводу. Таким образом, только в ММП ТАССР к 1980 г. насчитывалось 11 промышленных предприятий и 3

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 483. Л. 158, 286.

производственных объединения[1].

Для рассмотрения материалов по вопросам размещения новых, реконструкции и расширения действующих предприятий независимо от их ведомственной подчиненности и подготовки по ним заключений, Постановлением Совета Министров ТАССР за № 272 от 12 мая 1975 г. была образована постоянная междуведомственная комиссия по размещению промышленных предприятий на территории ТАССР. В состав комиссии вошли: председатель комиссии А.М. Котов (заместитель председателя Совета Министров ТАССР); заместитель председателя комиссии Е.Л. Круть (заместитель председателя Госплана ТАССР); П.А. Саначина (начальник Управления по делам строительства и архитектуры Совета Министров ТАССР); И.Д. Мусаев (начальник Управления Совета Министров ТАССР по использованию трудовых ресурсов) и другие.[2] В работе комиссии, как правило, принимали участие руководители и специалисты Управления по делам строительства и архитектуры при Совете Министров ТАССР, Управления Совета Министров ТАССР по использованию трудовых ресурсов, Республиканской санэпидстанции, Министерства здравоохранения и др. При подготовке материалов, требующих специального обоснования, привлекались специалисты научно-исследовательских и проектных организаций. На комиссию было возложено изучение предложений по размещению промышленных предприятий сметной стоимостью менее 3 млн рублей. Ходатайства министерств и ведомств рассматривались комиссией в месячный срок с привлечением специальных служб, после чего давалось заключение о размещении (расширении или реконструкции). Далее предложения поступали в Госплан ТАССР, Совет Министров ТАССР, и затем принималось решение об организации новых производств.

В целом с середины 1970-х годов серьезных организационных мероприятий в системе управления промышленностью страны и региона не

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 483. Л. 157, 285, 290; то же. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 643. Л. 60, 68, 73; то же. Д. 710. Л. 20.

[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 2114. Л. 139.

осуществлялось.

К важным событиям можно отнести только принятие в 1979 г. Советом Министров постановления, расширявшего права министерств и ведомств СССР и передававшего на решение Совета Министров союзных республик некоторые вопросы хозяйственного строительства[1]. К дополнительным правам были отнесены передача и прием от министерств и ведомств СССР и Советов Министров союзных республик проектно-изыскательских работ, образование резерва для оказания финансовой помощи предприятиям и хозяйственным организациям и т.д. Одновременно с этим, министерства переводились на двух или трехзвенную систему управления, действовавших через объединение (министерство – объединение – предприятие). Советам Министров союзных республик были дополнительно предоставлены права по руководству народным хозяйством, возложена обязанность составления и утверждения сводных пятилетних и годовых планов производства местных строительных материалов, выпуска товаров народного потребления и др.

На региональном уровне в этот период окончательно утверждаются организационно-правовые формы уже существующих министерств, закрепляются их права, задачи и т.д. Так, в частности, на основе Постановления Совета Министров ТАССР от 6 января 1975 г. было утверждено Положение о Министерстве местной промышленности ТАССР. В соответствии со ст. 48 Конституции ТАССР министерство в своей деятельности должно было подчиняться как Совету Министров ТАССР, так и ММП РСФСР[2]. Основными задачами министерства становились: обеспечение выполнения решений партии и правительства по руководству местной промышленностью ТАССР; увеличение выпуска объединениями и предприятиями местной промышленности высококачественных и в разнообразном ассортименте товаров народного потребления; строительство и ввод в действие новых предприятий; повышение производительности труда; максимальное

[1] СП СССР. 1979. № 18. Ст.119.

[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 571. Л. 1-7.

использование местного сырья и промышленных отходов; обеспечение выполнения планов производства по всей планируемой номенклатуре изделий всеми предприятиями ТАССР; широкое внедрение на предприятиях местной промышленности достижений науки и техники; повышение качества товаров народного потребления и продукции производственно-технического назначения, выпускаемых объединениями и предприятиями местной промышленности ТАССР и др. ММП ТАССР в соответствии с возложенными на него задачами должно было разрабатывать проекты перспективных и текущих планов развития местной промышленности по ТАССР и предоставлять их на утверждение; организовывать работу по совершенствованию планирования, усилению экономического стимулирования и повышению рентабельности производства, специализации предприятий, внедрению передовых технологий, механизации и автоматизации производственных процессов, повышению качества продукции, освоению новых видов товаров народного потребления и снятию с производства устаревших изделий; обеспечивать строгое соблюдение стандартов и технических условий, своевременный их пересмотр; финансировать в установленном порядке объединения, предприятия и организации, разрабатывать и осуществлять мероприятия, направленные на улучшение производственно-финансовых показателей и обеспечение выполнения планов реализации товарной продукции, снижения себестоимости выпускаемых изделий (в этой связи министерство создавало у себя, за счет отчисляемых предприятиями 10%, амортизационный фонд, предназначенный для капитального ремонта и оказания помощи тем предприятиям, которые испытывали недостаток собственных финансовых средств для осуществления капитального ремонта); рассматривать и утверждать отчеты и балансы предприятий министерства, проводить документальные ревизии финансово-хозяйственной деятельности подчиненных предприятий; определять потребности в оборудовании и материалах предприятий и организаций ММП ТАССР, получать и распределять в установленном порядке выделенные фонды;

обеспечивать контроль за соблюдением сохранности социалистической государственной собственности в объединениях, предприятиях и органах системы министерства; организовывать сбыт готовой продукции, кооперировать поставки и организовывать в установленном порядке заготовку местных видов сырья, топлива и промышленных отходов и т.д.

Фактически 1970-е годы стали заключительным этапом в системе реформ советского государства. Точечные реорганизации уже не приносили желаемого эффекта, не давали импульса экономике. Преобразования были вызваны лишь внутренней целесообразностью деятельности отдельных министерств и управлений, они не затрагивали общенациональные интересы. Если во второй половине 1920-х – 1930-е гг. основная задача структурных перестановок была связана с необходимостью создания системы управления, приспособленной к процессу индустриализации, в 1950-е годы – стремлением догнать ведущие западные страны, то в 1970-е – начале 1980-х годов таковых серьезных побудительных процессов уже не было. Промышленная сфера, как и вся экономика, шла по проторённому пути индустриального развития, в то время как в мире стали прорастать ростки принципиально новой экономики, основанной на иных подходах, принципах и механизмах функционирования.

Нам думается, руководство недопонимало процессы, происходящие в мире. Закостенелость взглядов советской элитарной системы и партноменклатуры, основанная на мировоззрении первой половины XX столетия, в условиях относительного благополучия, не давала взглянуть на мир по-новому, увидеть его инновации. В этой связи Р. Аллен указывает, что «… нарушился баланс между «правильными» и «неправильными» экономическими решениями… Особенность советской экономики, которая изначально являлась ее сильной стороной, впоследствии стала ее главным недостатком. Рост экономики прекратился лишь потому, что руководству страны не хватало находчивости, позволяющей справиться с новыми вызовами»[1]. П. Грегори[2],

[1] Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 279.
[2] Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 320-321.

рассуждая над этой проблемой, приходит к выводу, что многие управленческие решения руководителей государства фактически натыкались на бюрократический аппарат чиновников и не могли пробить эту стену, вследствие чего многие идеи так и остались нереализованными.

Могла ли в данных условиях система повернуть в сторону усиления централизации и пойти по пути сверхцентрализации экономики, как это было во второй половине 1920-х – 1940-е годы? Скорее всего, нет. Это было обусловлено возрастанием и усложнением производственных процессов, их расширением, тотальный контроль в таких условиях становился невозможным. К тому же стал прослеживаться определенный дефицит трудовых кадров, что в условиях возобновления репрессивных действий привело бы к кадровому голоду. В этих условиях направления государственной промышленной политики должны были идти, как точно подметил М. Малия, «…только в одном направлении — к децентрализации и рынку»[1]. Однако на практике этого в рассматриваемый период не произошло, скорее, наоборот, продолжался процесс практического эксперимента над централизованной моделью управления.

Наряду с такими причинами, как отсутствие рыночного ценообразования, что приводило к скрытой инфляции (по Л. Мизесу и Ф. Хайеку), уменьшение отдачи от дополнительных капиталовложений (по П. Грегори), проблемами в отраслевой составляющей экономики (по Р. Аллену) и др., что не является предметом нашего исследования, проблемы системы управления привели к мощному институциональному, а затем и экономическому кризису. Индустриальная модель советской командной экономики не смогла осуществить вслед за развитыми странами переход к новым постиндустриальным отношениям. Система постепенно теряла отклик на внешние и внутренние раздражители, а значит, и свой организационный потенциал, превращаясь в закостенелое образование. Результатом стало последующее увеличение отставания от ведущих стран мира и развал системы.

[1] Малиа М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 378.

Одновременно с этим по-прежнему отсутствовала понимание центральным руководством проблем, которые были на местах. Как отмечал Р. Аллен, «…цепочка обратной связи в советской экономике была длиннее, включала более высокие уровни и была в целом менее эффективной, чем это возможно в условиях капитализма»[1]. Робкие шаги, направленные на реформирование системы низовой промышленности, без аналогичных изменений в системе министерств и ведомств, не могли дать положительные результаты и наряду с общими экономическими причинами привели к краху всей советской системы. Говоря о неудаче реформ, современник А.Н. Косыгина в этой связи писал, что преобразования фактически совершал не он, «…решение такого серьезного вопроса, как реформирование экономики – прерогатива ЦК КПСС… Алексей Николаевич Косыгин, не будучи ни автором, ни инициатором этих реформ, молчаливо согласился с их провалом»[2].

6.3. Роль территориально-промышленного комплекса в системе управления промышленностью

Во многом разрешения кризиса эффективности централизованных и децентрализованных методов управления связывалось с созданием территориально-промышленных комплексов и их функционированием в 1970-х – первой половине 1980-х годов.

Было бы неправильно сегодня отождествлять появление территориально-промышленных комплексов с микроцентрализованными территориальными единицами на экономическом пространстве СССР. Таковыми они не являлись в силу специфики существующей модели управления, которая не позволяла выйти входящим в нее объектам из общей иерархии управления. В то же время ТПК не превратились и в децентрализованный элемент управления, потому что

[1] Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 271.
[2] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 287.

из-за своей важности они находились в подчинении не регионального, а центрального аппарата управления.

В рамках государственной промышленной политики второй половины XX столетия ТПК выполняли связующую роль между централизованным и децентрализованным управлением, сочетая в себе отраслевое административное и территориальное подчинение. С одной стороны, это давало широкие возможности для развития и получения ресурсов, но, с другой стороны, налагало двойное подчинение со стороны органов центральной и региональной власти. Исходя из чего, можно предположить, что данная структура или изначально предполагалась как промежуточное звено между отраслевым или территориальным руководством, или, наоборот, стало завершенным продуктом противоборства централизованных и децентрализованных форм управления.

Нам думается, что второй вариант более реалистичен. В условиях брежневских контрреформ не мог и не должен был произойти кардинальный слом всех механизмов прежней системы. Центральные органы власти в короткие сроки восстановили вертикаль управления, но в тоже время рычаги территориального управления были частично переданы от совнархозов республиканским министерствам и ведомствам. Во многом на них стали ложиться тактические и оперативные задачи управлением промышленностью конкретных республик и областей.

К настоящему времени в научной литературе сложилось несколько определений понятия «территориально-промышленный комплекс». Это и «сочетание взаимоувязанных предприятий, производств, отраслей»[1], и «планово-формируемая, пропорционально развивающаяся совокупность устойчиво взаимосвязанных объектов отраслей народного хозяйства, которые созданы для совместного решения одной или нескольких крупных на-роднохозяйственных проблем, сконцентрированы на относительно ограниченной и обязательно компактной (неразобщенной) территории,

[1] Чалов В.И. Территориально-производственный комплекс. Проблемы формирования и управления. С. 23.

обладающей таким набором и размерами ресурсов, которые достаточны для участия ТПК в решении крупных народнохозяйственных проблем, обеспечивают не только эффективное (с позиции народного хозяйства страны) использование местных и получаемых извне ресурсов, но и охрану окружающей среды, и воспроизводство естественных ресурсов; обслуживаются единой инфраструктурой»[1] и др. В общем виде эти определения можно свести к одному, которое, на наш взгляд, нужно понимать, как сочетание взаимосвязанных, планомерно и пропорционально развивающихся и взаимодействующих производств отраслей промышленности, призванных выполнить на конкретной территории определенную целевую программу.

В исследовании нами разделяются термины «территориально-производственный комплекс» и «территориально-промышленный комплекс» – понятия, которые достаточно часто используются в научной литературе. В первом случае надо говорить о сочетании на определенной территории отраслей материального производства – промышленность, сельское хозяйство, транспорт, строительство; во втором – о сочетании на определенной территории предприятий промышленности и социальной инфраструктуры. В работе нами будет преимущественно использоваться термин «территориально-промышленный комплекс», хотя при рассмотрении ряда общих вопросов будет допускаться использование и термина «территориально-производственный комплекс».

Сочетание в рамках ТПК отраслевого и территориального начала сильно усложнили задачи, стоящими перед новой организационной структурой. В работе «Управление территориально-производственными комплексами и программами их создания» авторы отмечают, что на основе выделения ТПК в качестве структурной единицы лежали следующие характеристики: достигнутый уровень общего социально-экономического развития (высокий, средний, недостаточный); производственно-отраслевые особенности; масштаб территориально-производственного комплексирования (крупно- и

[1] Моделирование формирования территориально-производственных комплексов. Новосибирск, 1976. С. 20.

среднемасштабные комплексы, промышленные узлы); уровень и формы урбанизации (городские агломерации, сельские районы и др.); ярко выраженные природно-географические условия (зона Севера, пустынные, горные районы, морское побережье); уровень освоенности территории (районы нового освоения, сложившиеся районы); характер размещения производительных сил (однородные и поляризованные районы); масштаб и типы природных ресурсов (топливно-энергетические зоны, зоны лесоразработок, зоны добычи цветных металлов и др.); национально-бытовые особенности образа жизни населения; прочие четко выраженные особенности (пограничные районы и др.). Совокупность перечисленных территориальных факторов и ограничений в каждом комплексе определяла его тип как региональной системы и соответственно особенности планирования и управления.[1]

Если рассматривать территориально-промышленный комплекс как подсистему системы управления промышленностью, то здесь выделялись относительно автономные социально-экономические, производственно-отраслевые и производственно-территориальные элементы, между которыми существовали тесные связи. Фактически ТПК состояли из взаимосвязи трех элементов (подсистем): экономической (производство, обмен, распределение и потребление), природной (территория со всем комплексом природных условий и ресурсов) и социальной (население со всем комплексом его обслуживания).

Система территориальной организации производства могла быть представлена в виде соподчиненных взаимосвязанных территориально-производственных сочетаний (комплексов): народнохозяйственный комплекс страны; комплекс экономического района; крупные территориально-промышленные комплексы; промышленные узлы. Подобная точка зрения присутствует в работе А.Т. Семушкина «Проблемы территориального управления экономикой: территориально-отраслевой принцип планирования: теория

[1] Мильнер Б.З., Кочетков А.В., Левчук Д.Г. Управление территориально-производственными комплексами и программами их создания. М., 1985. С. 17.

и практика»[1]. Экономический район мог включать несколько ТПК, которые в свою очередь, как правило, состояли из ряда промышленных узлов (ПУ). Внутри территориально-промышленных комплексов выделялись взаимосвязанные хозяйственные звенья (схожая классификация встречается и у других ученых[2]), состоящие из непосредственно производства, а также строительства, коммунальной и социальной сферы. Все эти звенья были тесно связаны между собой и в целом составляли социально-экономическое единство. От слаженности работы каждого звена этого механизма зависел общий результат деятельности всего ТПК.

Значительная роль в данном механизме отводилась инфраструктуре. Ее полноценная организация позволяла получать запланированную отдачу от затрат, произведенных на создание производительных сил. Данный аспект акцентировался отечественными исследователями. Так, В.П. Красовский, выделяя несколько масштабов инфраструктуры (народнохозяйственный, локальных комплексов, городов и др.), подчеркивал особое значение социальной инфраструктуры как задачи первого ранга, которая не может подчиняться более частным производственным задачам[3].

В хозяйственных вопросах территориально-промышленный комплекс стал выполнять ряд функций, не свойственных отдельным предприятиям. К ним относились: координация планов производств, входящих в ТПК предприятий, выпускающих аналогичную продукцию или связанных общими сырьем и материалами; налаживание продуктивных связей с поставщиками и потребителями; контроль за соблюдением правил и поддержание качества выпущенной продукции; совершенствование системы планирования, стимулирования и обеспечения производства и т.д. В результате производственный и экономический эффект, получаемый промышленными предприятиями, входящими в территориально-производственный комплекс,

---

[1] Семушкин А.Т. Проблемы территориального управления экономикой: территориально-отраслевой принцип планирования: теория и практика. С. 36.

[2] Покровский Б. Звенья комплекса // Правда. 1976. 14 июля.

[3] Вопросы экономики. 1977. № 2. С. 30-31.

был более высоким, нежели чем у отдельных предприятий. Согласимся с исследователем М.Н. Исянбаевым[1], который в качестве критериев экономического эффекта выделяет: долевое строительство и совместная эксплуатация общих объектов производственной инфраструктуры и социальной инфраструктуры; концентрация комплексных производств, способствующая уменьшению капитальных затрат на подготовку территории, вертикальную планировку, сооружение производственных, вспомогательных и обслуживающих объектов, что вело к существенному снижению себестоимости каждой единицы продукции и удельных капиталовложений; рациональное распределение и использование входящих в ТПК общих ресурсов, сырья, полупродуктов, топлива, энергии и воды на основе комбинирования и кооперирования; уменьшение затрат на перевозку материалов, полупродуктов, готовой и побочной продукции; ускорение оборачиваемости оборотных средств.

Создание в рамках территориально-промышленного комплекса крупных производственных объединений привело к фактическому «вымиранию» ряда ненужных уровней (см. предыдущий параграф), сокращению промежуточных звеньев управления, нуждающихся в оперативном регулировании сверху. В результате некоторые функции государственных органов и ведомств перешли в ведение ТПК, при этом общие функции управления, наоборот, были централизованы. В системе производственных связей территориально-промышленные комплексы совместили и отраслевое руководство, и интересы региона. Как следствие, эффективность данного звена производственной системы страны всецело зависела от результативности взаимодействия данных структур. По нашему мнению, данный факт являлся скорее минусом, чем плюсом структуры, так как ТПК фактически испытывал воздействие со стороны двух различных систем, интересы которых нередко не только не совпадали, но могли быть и противоречивыми. Однако, по мере развития

[1] Исянбаев М.Н. Экономическая эффективность отраслевых производственных комплексов в промышленных узлах. С. 15-17.

территориального разделения труда, путем создания ТПК стали больше крепнуть экономические отношения с регионами, где располагался комплекс (в этом были непосредственно заинтересованы местные органы власти). Создание ТПК очень часто вело к кардинальной перестройке структуры регионального хозяйства, перерождению его внутренних и внешних связей, специализации в народнохозяйственном разделении труда.

Важным направлением в работе ТПК становилось также активное использование достижений научной деятельности. В территориально-промышленных комплексах стали организовываться научно-исследовательские подразделения, изучавшие передовой научный опыт и пытавшиеся внедрить его на практике.

В целом за счет крупных промышленных комплексов обеспечивался поступательный рост отдельных регионов, их производственной, коммунальной, социальной инфраструктуры, создавались важнейшие объекты, обеспечивающие жизнедеятельность региона: инженерные сети и очистные сооружения, коммуникации транспорта и связи, энергетическое хозяйство, база стройиндустрии. К этому еще добавлялось и то, что территориально-промышленные комплексы являлись главным потребителем трудовых ресурсов в регионе, и, как следствие, были заинтересованы в развитии в регионах отраслей, способствующих улучшению структуры занятости, рациональному использованию трудового потенциала.

Несмотря на несомненные достоинства территориально-промышленных комплексов, уже в начале их работы стали возникать и проблемы, некоторые из которых носили крайне острый характер. Так, концентрация промышленного производства в крупных городах и промышленных узлах часто сопровождалась недостаточной обеспеченностью сырьевых, топливно-энергетических и трудовых ресурсов. Рост численности населения городов сопровождался острыми проблемами в обеспечении работников жилой площадью, в культурно-бытовом обслуживании, ухудшением санитарно-гигиенических условий и т.д. В производственно-хозяйственном плане создание

самостоятельных территориально-промышленных групп вело к их обособлению, что в свою очередь вело к нарушениям согласованности отраслевой и территориальных форм управления между отдельными ТПК.

Обратим внимание на то, что процесс создания территориально-промышленных комплексов стал характерным явлением для СССР еще в 1950 – 1960-е годы, но повсеместного распространения на всей территории страны они получили в 1970-е гг. Первыми ТПК являлись Центральнокрасноярский, Братско-Усть-Илимский, Западно-Сибирский производственные комплексы. В рамках Татарской республики уже ко второй половине 1960-х годов сложились три макрорегиона (Казанско-Зеленодольский, Чистопольский и нефтепромышленный район восточной Татарии, разделявшийся на северо-восточный и юго-восточный подрайоны), которые стали основными промышленными узлами Татарского территориально-промышленного комплекса.

Проведем сравнительный анализ указанных промышленных узлов. Исторически сложилось так, что наиболее развитым был Казанско-Зеленодольский промышленный узел. Высокий промышленный уровень данного узла был во многом определен его выгодным географическим положением, а также историческими условиями развития. Данной группировке соответствовала своя система городских поселений, в которой локализовались почти все производства узла, при этом доля участия каждого городского поселения в производстве и распределении населения в пределах комплекса отличалась резкой контрастностью. Центром системы являлась Казань, столица республики, которая концентрировала более 90% общего объема производства узла, более 80% общей численности населения и около 90% городского населения.[1] Структура функций Казани и уровень развития определяли структуру функций и характер связей всего узла. Менее развитым в индустриальном плане городом являлся Зеленодольск, по уровню

[1] Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Экономико-географическое моделирование систем городских поселений и промышленных узлов Татарской АССР за период 1965–1970 гг.». Казань, 1970. С. 3.

концентрации промышленных производств значительно уступавший Казани. В этом городе были сосредоточены машиностроительные предприятия, строительная индустрия. Остальные поселения данного промышленного узла являлись узкоспециализированными. Так, поселок Юдино являлся ее транспортно-распределительным центром, Васильево – центром лесоперерабатывающей промышленности и т.д.

Казанско-Зеленодольский промышленный узел базировался преимущественно на предприятиях машиностроения и металлообработки. Ассортимент продукции данных отраслей был очень широк и включал множество наименований. К важнейшим из них относились: различные приборы и средства автоматизации; счетно-математические и пишущие машины; электротехнические изделия; подъемно-транспортное оборудование; медицинское, вакуумное и холодильное оборудование; электромонтажные конструкции для бытовых и промышленных объектов, газовые плиты; двигатели, телескопические вышки и т.д. Значительно увеличился ассортимент продукции, вывозимой из Татарии в различные районы страны (свыше 90%) и за рубеж. Одновременно получила развитие и химическая отрасль. Так, в частности, с 1959 г. было начато строительство Казанского завода органического синтеза, строительство которого продолжалось на протяжении всех 1960-х годов[1].

Второй промышленный узел – Чистопольский – находился на ранней стадии формирования и был представлен лишь одним городом (Чистополем). Особенностью данного узла являлась связь данного района с сельскохозяйственными районами. Сельское хозяйство поставляло на промышленные предприятия сырье, что определило развитие здесь пищевой и легкой промышленности, хотя присутствовали здесь и крупные машиностроительные предприятия (в частности, часовой завод). Существовали и минусы. Город находился на берегу р. Камы, в узле автодорог, но не имел

[1] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С.62-63.

железнодорожной связи, что затрудняло товарооборот с соседними районами и республиками.

В послевоенное время, благодаря нефтяной и газовой индустрии, получили развитие как центры промышленности восточные районы Татарской АССР. В данных районах в середине 1960-х годов начало прослеживаться формирование двух промышленных комплексов общесоюзного значения, ставших форпостами индустриального развития республики: Бугульминско-Альметьевского промышленного узла, сложившегося на основе добывающей промышленности, и Нижнекамско-Набережночелнинского, получившего развитие благодаря нефтепереработке, производству электроэнергии и машиностроению. На территории восточного промышленного узла получили развитие отрасли, во многом предопределившие последующее становление региона как нефтегазодобывающего, с развитой сетью химической индустрии и машиностроения[1].

Нефтедобыча изменила территориальный облик района. В долинах рек Зая, Шешмы и их притоков возникли города нефтяников, химиков, автомобилестроителей. Так, на месте сел Альметьево и Новая Письмянка были образованы города Альметьевск (1953 г.) и Лениногорск (1955 г.). В ряде районов появились рабочие поселки. Например, в 1953 г. в 37 км от Бугульмы на территории Павловского сельсовета был заложен поселок нефтяников. По ходатайству Бугульминского райисполкома в 1956 г. населенный пункт был зарегистрирован и отнесен к категории рабочих поселков под названием Актюбинский.[2] Только за 1959–1965 годы было построено жилых домов общей площадью 3 млн кв. м.[3] Создание новых промышленных центров сделало более равномерным географическое размещение промышленных предприятий и дало возможность более полно и рационально использовать природные богатства и трудовые ресурсы республики. Из слабо развитой, в прошлом исключительно

[1] Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Экономико-географическое моделирование систем городских поселений и промышленных узлов Татарской АССР за период 1965–1970 гг.». С. 2-5.

[2] Из истории социалистического строительства на Средней Волге / И.М. Ионенко. С. 53-54; Кадыльский В.И. Укрепление Советов Татарской АССР и их деятельность в области промышленности и сельского хозяйства (1951–1958 гг.). С. 92; ГА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 892. Л. 72-73.

[3] ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 47. Д. 4. Л. 13.

аграрной периферии, юго-восток превратился в мощный индустриальный район, который по темпам роста городского населения занял первое место в республике. Так, город Бугульма, который еще в 1939 г. насчитывал 25,9 тыс. человек, к 1956 г. – 53,1 тыс. человек, к 1959 г. имел уже численность населения в размере 61,0 тыс. человек. Город превратился в развитый промышленный и научный центр, а Татарский научно-исследовательский и проектный институт нефтяной промышленности (ТатНИПИнефть), расположенный в нем, являлся к 1970-м годам головным институтом страны по разработке нефтяных месторождений. Альметьевск, будучи в 1939 г. селом Альметьево с численностью в 3,1 тыс. человек, к 1956 г. насчитывал 37,5 тыс. человек, а к 1959 г. – 50,9 тыс. человек. Чистополь же, который не имел разрабатываемых запасов нефти и газа, увеличился с 32 тыс. человек в 1939 г., 46,2 тыс. человек – в 1956 г., до 51,9 тыс. человек – в 1959 г. (и вплоть до настоящего времени количество жителей увеличивается незначительно)[1].

Примерно 97% общего объема добычи нефти ТАССР (в 1965 г. – 96,6% всей нефтедобычи республики) давал Бугульминско-Альметьевский район[2]. Здесь находилось крупнейшее в Советском Союзе Ромашкинское месторождение нефти (расположенное вблизи г. Альметьевска), которое долгое время не имело себе равных в стране ни по промышленным запасам нефти, ни по размерам территории (около 5 тыс. га)[3]. Помимо Ромашкинского месторождения, промышленная разработка нефти велась в Елхово-Акташском, Бавлинском, а также в Бондюжском и Елабужском месторождениях. Наличие богатых залежей послужило основой производственной добычи нефти, к тому же начала осуществляться ее первичная (промысловая) очистка, переработка попутных газов, что вызвало в свою очередь необходимость создания в Бугульме, Лениногорске и Альметьевске ремонтных баз, крупных предприятий металлообработки и специализированного машиностроения. На основе

[1] Народное хозяйство Татарской АССР. Статистический сборник. Казань, 1957. С. 16; Народное хозяйство Татарской АССР в одиннадцатой пятилетке. С. 5; Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. С. 7; Проблемы развития и размещения производительных сил Поволжья / Отв. ред. А.А. Адамеску. М., С. 89; Пятьдесят лет Татарской АССР. С. 9.

[2] Шафир Г.Г. Ступени развития городских поселений Татарской АССР в 1900–1965 гг.: дис. ... канд. геогр. наук. Казань, 1968. С. 131.

[3] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 525. Л. 18, 59.

мощного подъема топливной индустрии в этом районе получили развитие и сопредельные отрасли, обеспечивающие ее нормальное функционирование. Так, в частности, крупным предприятием машиностроительной отрасли являлся Бугульминский механический завод. Главной специализацией завода являлось производство нефтеаппаратуры и приборов для нефтехимии. Продукция завода поставлялась для внутренних нужд, но шла и на экспорт в такие страны, как Болгария, Венгрия, Югославия, Афганистан и другие страны[1].

Рост нефтяной индустрии привел к значительному изменению географии размещения не только промышленности, но и транспорта, сельского хозяйства. Интенсивность последнего в юго-восточных районах республики повысилась. В местностях, расположенных вокруг промышленных центров, сельское хозяйство приняло пригородный характер: повысилась роль мясомолочного животноводства, картофелеводства и т.д. Данные изменения должны были способствовать и способствовали решению весьма важной задачи обеспечения трудящихся масс городского населения необходимой продукцией сельского хозяйства. Но главные изменения, безусловно, происходили в промышленности. Так, Ф.А. Табеев в беседе с Л.И. Брежневым говорил: «… вот мы сегодня в Татарии хорошо нефть добываем. Но ведь придет время, когда ее добыча будет падать. Мы понастроили города, связанные с нефтедобычей. Что будет с ними, когда нефти не станет. Вот поэтому надо построить крупный машиностроительный комплекс, чтобы людей потом занять, не уронить достигнутый уровень экономической мощи республики»[2].

Правда, говорить о единстве по данному вопросу не приходилось. Противники строительства крупного нефтехимического комплекса были, и, в частности, им являлся председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, который был сторонником строительства заводов в Томске, Омске, Тобольской области и т.д. Одновременно с ним, представители Госплана заявляли: «Зачем Татарии такие заводы? У вас берет начало прекрасный нефтепровод «Дружба». Вот и

---

[1] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С. 55.

[2] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. Казань, 2001. С. 134-135.

качайте нефть! Для чего вам лишняя головная боль? Кроме того, вокруг Татарии заводы-комплексы построены – в Уфе, Куйбышеве, Горьком…»[1].

Все же наличие в северо-восточной части республики значительных людских ресурсов, связей с нефтяными районами и развитых транспортных условий, способствовало началу формирования Нижнекамско-Набережночелнинского промышленного узла, известного под общим названием Нижнее Прикамье. Общая площадь его составляла 22% от общей территории Татарской АССР. В 1965 г. здесь проживало около 80 тыс. человек[2]. Близость районов нефтедобычи с ресурсами попутных газов обусловили размещение здесь отраслей нефтехимического производства, а также металлообработки и машиностроения (Елабужский механический завод). С постройкой в 1967 г. продуктопровода Минибаево-Нижнекамск и вступлением в строй первой газофракционирующей установки Нижнекамского химического комбината, на Северо-Востоке получила развитие и нефтехимическая промышленность, что позволило выпускать на базе углеводородного сырья синтетический каучук, азотно-туковые удобрения, автопокрышки, пластмассы и другие ценные продукты нефтехимического производства.

В 1967 г. на Нижнекамском химическом комбинате был введен в строй первый комплекс центральной газофракционирующей установки, а в 1970 г. сдано в эксплуатацию сложнейшее по своей технологии крупнотоннажное производство полупродукта изопрена-мономера и был получен первый изопреновый каучук. Потребности народного хозяйства в продукции нефтехимии способствовали перепрофилированию Нижнекамского нефтехимического комбината в направлении создания крупного специализированного производства полиизопренового каучука, этилена, пиролиза бензина, товарного дивинила, блока нефтепереработки и крупнотажных этилен-пропилен потребляющих производств. В составе Нижнекамского промышленного узла также были предусмотрены шинный

[1] Шафиков Я. Фикрият Табеев. Документальная проза на русском и татарском языках. С. 154.

[2] Морозова Т.Г. Территориально производственные комплексы СССР. М., 1983. С. 64.

завод и завод по производству резиновых изделий[1]. В последующие годы строительство Нижнекамского нефтехимического комбината продолжилось. В 1971–1975 годах на долю комплекса нефтехимических предприятий приходилось 70% прироста объема производства химических отраслей[2]. Основным потребителем каучука являлся расположенный рядом Нижнекамский шинный завод. Его первая очередь была ориентирована преимущественно на Волжский автозавод в Тольятти, а вторая – на КамАЗ (хотя продукция данного завода шла и на заводы грузовых автомобилей в Кременчуге, Минске и Ижевске, а также на ряд предприятий сельскохозяйственного машиностроения).

Нижнекамско-Набережночелнинский промышленного узел относился к той группе программно-целевых комплексов, формирование которых в основном было закончено к концу десятой пятилетки. И если первоначально замысел комплекса заключался в том, чтобы, используя строительные базы Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС, в короткие сроки создать крупный комплекс нефтехимических производств в районе Нижнекамска, то затем этот замысел был дополнен строительством Камского автомобильного завода (КамАЗа). На XXIV съезде КПСС была отмечена необходимость «создания комплекса заводов по производству грузовых автомобилей в Татарской АССР и смежных предприятий в прилегающих районах ...»[3]. Строительство КамАЗа началось в конце 1969 г. Завод представлял комплексное производство, состоящее из семи литейных, кузнечного, прессово-рамного (здесь изготовляли кабины, рамы, топливные баки для грузовиков и т.д.), двигательного, автосборочного, агрегатного, ремонтно-инструментального заводов. Необходимые запчасти и детали на завод поставлялись смежными предприятиями. Так, в Заинске был построен колесный завод. Он вошел в состав объединения «Камский автомобильный завод». Кроме того, в

---

[1] Калимуллин А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х гг. С. 25; Цит. по: Текущий архив ПО «Нижнекамскнефтехим». Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 105. Л. 193; Нефть, газ и нефтехимия Татарии: Документы и материалы. С. 215-216, 261-263.

[2] Коммунист Татарии. 1976. № 1. С. 15.

[3] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 281.

кооперации с заводом работали предприятия по выпуску самосвалов, генераторов и стартеров, дизельной аппаратуры, автоприборов, тормозной аппаратуры и др. Ряд предприятий (примерно 20) в связи со строительством КамАЗа был реконструирован.

Во второй половине XX в. был создан мощнейший промышленный узел, включавший свыше 45 комбинатов, заводов и фабрик[1]. Основу Нижнекамско-Набережночелнинского промышленного узла составляли Нижнекамский нефтехимический комбинат, Нижнекамский шинный завод, объединение «Камский автомобильный завод», Заинская ГРЭС и Нижнекамская ГЭС. К 1979 г. численность городского населения Нижнего Прикамья увеличилась с 80 до 500 тыс. человек. На начало 1982 г. в Нижнекамске проживало 150 тыс. человек, в Брежневе (совр. Набережные Челны) – 374 тыс. человек[2].

Благодаря потребностям страны в продуктах отраслей промышленной индустрии, коренным образом стала меняться инфраструктура района. Был реконструирован Камский водный путь, проложена система трубопроводов для Нижнекамского нефтехимического комплекса и продуктопроводов от него, построены газопровод на г. Брежнев, автострады, возведены линии электропередач между электростанциями комплекса, а также с Кармановской ГРЭС, Куйбышевской ГЭС, ТЭЦ Казани.

В целом в условиях следующего витка отраслевой централизации одной из форм территориального развития системы управления промышленностью явилось создание территориально-промышленных комплексов, основанных на территориальной специализации и концентрации производств. В Татарской АССР территориально получила развитие узловая кооперация трех районов, основанная на развитии таких отраслей, как химическая и нефтехимическая, нефтяная и газовая, машиностроение и некоторых других. На их основе республика превратилась в один из самых мощных индустриальных центров страны в завершающей стадии строительства социалистического общества.

---

[1] Адамеску А.А., Дубровский А.Г. Созвездие гигантов. М., 1979. С. 3.

[2] Морозова Т.Г. Территориально производственные комплексы СССР. С. 65.

6.4. Общие итоги промышленного развития Татарстана

К 1960-м годам СССР вступил в стадию консервативной модернизации, символизирующую создание индустриального общества, ориентированного не только на ускоренное развитие, но и на продолжение формирования так называемой «нормальной эволюции», основанной в том числе и на проведении социальной политики. Значительно возросшие масштабы промышленности и накопленный ею потенциал, а также относительная безопасность внешних границ позволяли перенаправлять уже большую часть прибавочного продукта на те отрасли экономики, которые удовлетворяли потребности населения.

Несмотря на свертывание совнархозовской реформы, организационные изменения периода Н.С. Хрущева дали определенный импульс для роста отечественной экономики на последующую пятилетку. Благодаря данным преобразованиям удалось увеличить инвестирование не столько в стратегически важные отрасли, сколько, с помощью них, в развитие отдельных регионов. Во второй половине XX столетия фактически были определена территориальная структура страны с выделением здесь регионов опережающего развития.

Татарская республика к этому времени представляла собой развитый социально-экономический район, с разветвленной сетью городов, поселков и сельскохозяйственных районов. По состоянию на 1 января 1968 г. в составе республики имелось 36 сельскохозяйственных районов, 9 городов республиканского подчинения, 8 – районного подчинения, 22 рабочих поселка, свыше 4,5 тыс. населенных пунктов[1]. Возросла численность городского населения: если в 1926 г. городское население составляло 10,8% от общего числа населения республики, в 1959 г. – почти 42%, то в 1972 г. – 54%[2].

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1740. Л. 63.

[2] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С.20.

На основе урбанизации продолжились процессы формирования республиканской промышленности. Так, если в начале XX в. на территории края насчитывалось порядка 20 отраслей промышленности, то уже в конце 1970-х годов было более 100. Одновременно с разрастанием отраслей промышленности менялось и соотношение предприятий, путем создания новых, закрытием или реорганизацией неэффективных. И если в 1965 г. на территории республики насчитывалось 474 предприятия, то в 1966 г. – 504, в 1967 г. – 525, в 1968 г. – 536, в 1969 г. – 535 (к 1 апреля 1969 г. – 528, к концу года – 470[1]).

Наглядная демонстрация показателей содержится в таблице № 6.3.

Таблица 6.3

Число предприятий ТАССР в 1966–1969 годах и их ведомственная подчиненность[2]

	1966 г.	**1967 г.**	**1968 г.**	**1969 г.**
Всего предприятий промышленности в том числе:	504	525	536	535
- союзного подчинения	113	132	138	144
- республиканского подчинения	391	393	398	391
- из них Министерств ТАССР	136	141	147	140

В целом в течение второй половины 1960-х годов число предприятий ТАССР незначительно изменилось, но возросло число предприятий союзного подчинения и уменьшилось – республиканского.

Татарская АССР во второй половине XX в. превратилась в один из ведущих индустриальных регионов не только РСФСР, но и СССР. Данные, представленные И.Н. Александрвым, З.А. Бурлянд, Е.Ф. Караковской свидетельствуют, что к 1970-м годам темпы роста республиканской промышленности за все время существования государства превысили общесоюзные в 4 раза, удельный вес в валовом продукте промышленного производства поднялся с 25% в 1913 г. до 80% в 1971 г.[3] По ряду важнейших

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1754. Л. 135; то же. Д. 1762. Л. 39.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 307.
[3] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С. 31.

товаров ТАССР на равных конкурировала с ведущими республиками. (См. табл. № 6.4).

Таблица 6.4

Удельный вес Татарской АССР в союзном производстве за 1967 г. по важнейшим видам промышленной продукции[1]

Продукция промышленности	**СССР**	**ТАССР**	**Удельный вес в союзном производстве**
Нефть (млн тонн)	288,1	89,1	30,9
Газ (млрд куб. м.)	159,2	3,2	2,0
Приборы, средства автоматизации (млн руб.)	2744	149,5	5,4
Нефтеаппаратура (тыс. т.)	140,2	4,5	3,2
Станки металлорежущие (тыс. шт.)	197,6	0,39	0,2
Кирпич строительный (млрд шт.)	39,9	0,48	1,2
Обувь кожаная (млн пар)	561	10,3	1,8
Часы бытовые (млн шт.)	34,4	2,75	8,0
Мясо (тыс. т.)	6463	74,5	1,2

По уровню развития экономики Татарская АССР вышла на вторую позицию (после Башкирской АССР) в РСФСР, а по развитию промышленной сферы опережала некоторые союзные республики. Республика занимала первое место в СССР по добыче нефти, производству сжиженного газа, кинофотопленки, фотографической желатины, полиэтилена, модификаторов, олеиновой кислоты, резиновых рукавов, меховых изделий и кетгута. Свыше 300 видов продукции направлялось в более чем 70 зарубежных стран[2].

За послевоенный период многократно увеличились и темпы роста общего объема продукции всей промышленности. Если за основу взять 1940 г., то выпуск только валовой продукции увеличился в 1960 г. на 1204%, в 1970 г. на 2746%[3]. В последующий период данная тенденция была продолжена (см. табл. № 6.5). Темпы роста общего объема продукции промышленности по отраслям

---

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1740. Л. 247.

[2] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С. 32.

[3] Народное хозяйство Татарской АССР. Статистический сборник. Казань: В/О «Союзучетиздат», 1972. С. 16.

за период с 1940 по 1980 гг. (1940 = 1) в целом по промышленности ТАССР составили 60,1.[1] Однако можно наблюдать серьезные отклонения по отраслям.

Таблица 6.5

Темпы роста общего объема продукции всей промышленности по отраслям за 1950-1979 гг. (1950 г. = 1)[2]

Отрасли	**1965 г.**	**1970 г.**	**1975 г.**	**1979 г.**
Вся промышленность	5,0	7,9	11,9	16,5
Электроэнергетика	8,3	13,3	24,7	31,2
Топливная промышленность	86,8	123,4	131,1	114,3
Химическая и нефтехимическая промышленность	4,1	8,6	20,2	33,8
Машиностроение и металлообработка	7,7	15,6	29,6	62,7
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2,4	2,9	3,3	2,9
Промышленность строительных материалов	15,6	26,4	47,5	46,9
Легкая промышленность	2,7	3,8	4,4	4,7
Пищевая промышленность	3,1	4,5	5,8	6,1

Из таблицы видно, что наибольшие объемы промышленности за период с 1950 по 1979 гг. были даны топливной отраслью, машиностроением и металлообработкой, химической и нефтехимической отраслью. В среднем темпы роста валовой продукции всей промышленности в седьмой пятилетке (1961–1965 годы) составили 143%, в восьмой пятилетке (1966–1970 годы) – 160%, при том, что среднегодовые темпы прироста были 7,4% и 9,8% соответственно[3]. Можно усомниться в данных показателях. Поэтому для сравнения приведем общесоюзные показатели, которые указывают на то, что в начале второй половины XX века средние темпы прироста промышленного производства составляли примерно 10–13%[4]. Альтернативные расчеты современных ученых указывают на то, что среднегодовые темпы роста

[1] Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке. Статистический сборник. Казань, 1982. С. 21.

[2] Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. С. 25.

[3] Народное хозяйство Татарской АССР. Статистический сборник. Казань: В/О «Союзучетиздат», 1972. С. 26.

[4] Викентьев А.И. Очерк развития народного хозяйства СССР. М., 1959. С. 47; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965. Кн.2. С. 481, 496, 514.

национального дохода в 1951–1960 годах составляли в СССР у Г. Ханина – 8,7%, у Е. Ясина – 9,3%, в 1961–1970-х годах – 4,2%, в 1971 – 1980 годах – 2,1%[1], при росте промышленного производства в течение 1953–1962 годов ежегодно в среднем на 11%, 1953–1958 годы – на 11,5%, за вторые четыре года – на 9,9%[2].

На основе приоритетного развития отдельных отраслей изменилось и соотношение отраслей в общем объеме промышленности республики. Во второй половине 1960 – начале 1970-х гг. и в последующее время тенденция, направленная на рост промышленности группы «А», продолжилась (см. прил. № 16). Кстати, в целом по стране в отдельные периоды стала наблюдаться и обратная тенденция. Так, в 1983 году по отношении к 1982 году производство предметов потребления росло быстрее чем средств производства (4,3% против 3,9%)[3], что могло свидетельствовать как о кризисе предприятий группы «А», так и о возможной постепенной переориентации экономики на выпуск продукции для населения.

Как уже было отмечено ранее, в течение 1950–1960 годов значительно возрос вес топливной и, в частности, нефтедобывающей и газовой промышленности. В связи с открытием больших запасов нефти добыча ее стала развиваться темпами, на тот момент не имевших аналогов. Только за 10 лет с 1950 по 1960 гг. она выросла в 53 раза, а к 1970 г. – в 117 раз. Уже в апреле 1956 г. по добыче нефти республика обогнала Башкирскую АССР и вышла на первое место в Советском Союзе. Из 1,300 млрд тонн нефти, добытой в годы семилетки, с промыслов Татарской АССР было получено 400 млн тонн[4]. С середины 1960-х годов удельный вес топливных отраслей начал неуклонно снижаться (см. табл. № 6.6).

Таблица 6.6

---

[1] Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 146; Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002. С. 61.

[2] Горбунов Э. П. Темпы, уровень, структура промышленного производства в СССР. М., 1965. С. 45.

[3] Еремина О.С. Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX - начале XXI века: дис. …канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 57.

[4] Александров И.Н., Бурлянд З.А., Караковская Е.Ф. Экономическая география ТАССР. С. 37.

Удельный вес продукции нефтедобывающей и газовой промышленности в общем выпуске валовой продукции

с 1950 г. по 1968 годы[1]

годы	**в %**	**годы**	**в %**
1950 г.	0,44	1960 г.	11,26
1951 г.	0,67	1961 г.	11,99
1952 г.	1,16	1962 г.	12,88
1953 г.	1,91	1963 г.	13,58
1954 г.	2,54	1964 г.	14,64
1955 г.	3,64	1965 г.	15,12
1956 г.	2,82	1966 г.	14,84
1957 г.	8,52	1967 г.	14,37
1958 г.	9,46	1968 г.	14,51
1959 г.	10,5		

Снижение было преимущественно вызвано постепенным возрастанием значения в экономике республики и перерабатывающих отраслей, таких как машиностроение, металлообработка, химическая и нефтехимическая промышленность. При определении значения отраслей промышленности в общем объеме валовой продукции, исходя из зон расположения предприятий на территории республики, прослеживалось несомненное преобладание Казанского-Зеленодольской зоны (включая г. Казань и г. Зеленодольск), удельный вес которой составлял 53,2% от всей республики, затем шла Альметьевская зона (включая Альметьевский, Бугульминский, Лениногорский районы с их городами, Азнакаевский район) – 26,9%, Нижнекамско-Елабужская зона (включая Нижнекамский, Набережночелнинский и Елабужский районы) – 3,6%[2].

В целом отраслевой состав республиканской индустрии не только расширился, но и обновился новыми отраслями. Со второй половины 1960-х годов опережающее развитие получили такие отрасли, как газовая, химическая (лакокрасочная, фотохимическая), нефтехимическая (химико-

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1740. Л. 245.
[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 46.

фармацевтическая), машиностроение и металлообработка (электротехническая, приборостроение, производство насосно-компрессорного оборудования, производство металлических изделий), производство сборных железобетонных конструкций и деталей, мебельная, швейная, кондитерская отрасли. Только в области нефтехимии к середине 1980-х годов в Татарстане вырабатывалось 25 % полиэтилена, 40 % этилбензола и т.д.[1] На фоне СССР Татарская АССР очень выгодно отличалась от других регионов, представляя передний фронт развития промышленности, однако, уже к этому времени серьезно отставая от ведущих государств мира. В рамках нового витка научно-технической революции на Западе получали развитие отрасли, базирующиеся на новых принципах организации производства, автоматизации, роботизации и компьютеризации.

За счет широкомасштабного инвестирования промышленности в течение всей второй половины XX века в несколько десятков раз возросли ее основные фонды. По состоянию на 1 января 1970 г. промышленно-производственные основные фонды промышленности республики составили 3082,3 млн. рублей, что в сравнении с 1965 г. означало увеличение в 1,5 раза в сопоставимых ценах. Среднегодовой их прирост составил за 1966–1969-е годы 10,7%. Наиболее быстрыми темпами росли основные фонды в химической и нефтехимической промышленности – в 2 раза, промышленности строительных материалов – в 1,2 раза, пищевой промышленности – в 1,3 раза. Большая часть основных промышленно-производственных фондов приходилась на нефтедобывающую промышленность – 44,0%, машиностроение и металлообработку – 14,6%, химическую и нефтехимическую отрасль – 13,5%. В 1969 г. по сравнению с 1965 г. увеличился удельный вес промышленно-производственных фондов в химической и нефтехимической промышленности – на 3,1%, и, наоборот, уменьшился в нефтедобывающей промышленности – на 0,7%[2]. Нагляднее всего

---

[1] См.: Калимуллин А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х гг. С. 26.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1764. Л. 125-126.

увеличение основных промышленно-производственных фондов можно проследить в сравнении с довоенным периодом (см. прил. № 17).

Нормальной практикой работы местной промышленности стало внедрение новой техники на предприятиях. Только за 1976 г. на предприятиях и объединениях республики было осуществлено 240 мероприятий по новой технике с экономическим эффектом в 430 тыс. рублей, введено в эксплуатацию 360 единиц нового технологического оборудования, освоено производство 43 новых видов изделий[1]; к 1979 г. было установлено 600 единиц нового технологического и другого оборудования, механизировано и автоматизировано 10 процессов, освоено 120 новых видов изделий.[2] Нерешенной проблемой являлась только неритмичность ввода в действие основных фондов. Так, если в 1976 г. по местной промышленности осваивалось 50,3%[3] от выделяемых капитальных средств, то в 1979 г. – было введено всего 55% от основных фондов[4].

В целом 1960-е – первая половина 1980-х годов прошла при безусловном росте промышленных показателей республиканской промышленности. Однако, оставалась и обратная сторона мощного скачка республиканской индустрии. По-прежнему значительным было число предприятий, ежегодно не выполнявших плановые показатели (см. табл. № 6.7). Главной причиной этого являлось недофинансирование многих промышленных объектов.

Таблица 6.7

Группировка предприятий, недовыполнявших план по продукции за 1966–1969 годы[5]

годы	**число предприятий, не выполнивших план**	**недодано продукции (млн рублей)**	**в % к общему количеству предприятий**
1966 г.	67	9,1	13,3
1967 г.	57	13,0	10,8

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 710. Л. 68.
[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 38. Д. 396. Л. 76.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 710. Л. 69.
[4] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 405. Л. 94.
[5] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 52.

1968 г.	78	41,5	14,5
1969 г.	66	57,6	14,1

Учитывая данные проблемы, Совет Министров ТАССР в начале 1970-х годов учреждает особый фонд развития местной промышленности. В 1972 г. на его счета было перечислено 790 тыс. рублей с целью их распределения на наиболее нуждающиеся объекты. Но, как показала практика, большинство выделенных средств до предприятий и управлений не доходило. Так, после того как прекратилось финансирование строительства фабрики художественных изделий и инженерного корпуса проектно-конструкторского бюро, из фонда развития местной промышленности РСФСР, из местного фонда ТАССР финансирование вообще не поступало[1].

В ряде случаев предприятия не только не получали помощи от государственных и республиканских органов управления, но и, наоборот, сами вынуждены были отдавать необходимые для развития резервы. Так, из республиканской хлебопекарной отрасли по плану развития народного хозяйства было изъято в общесоюзный фонд финансовых средств на сумму 537 тыс. рублей, при этом не было учтено, что отрасль сама сильно отставала от соседних республик и областей, ряд предприятий находился в аварийном состоянии и практически не производил продукцию, при том, что общая потребность отрасли в финансовых средствах составляла не менее 750 тыс. рублей[2].

Эти факты не могли не отразиться негативно на выполнении плановых показателей. Годовые отчеты фонда Государственной плановой комиссия при Совете Министров ТАССР показывают, что если в 1960-х годах они, хотя и с трудом, ежегодно перевыполнялись, то в последующий период начали снижаться, часто годовые объема выпуска, реализации продукции, производительности труда, снижения выпуска низкокачественной продукции, не выполнялись. И даже если нормы плана оказывались перевыполненными, то это происходило только за счет показателей отдельных мощных предприятий,

[1] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1927. Л. 30-31.
[2] ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 2. Д. 1962. Л. 18-23.

на другом «полюсе» всегда оставалось большое количество заводов, которые не справлялись с заданными нормами. К примеру, в 1976 г. к таковым предприятиям относились: Казанский компрессорный завод (план выполнения составил 67%), завод «Электроприбор» (план выполнения составил 100,9%, но не был выполнен план по комплектующим), оптико-механический завод (95%), производственное объединение «Татмебель» (97%), Зеленодольское фанерное объединение (план выполнения составил 100,8%, но не был выполнен план по комплектующим), производственное объединение «Татарстройматериалы» (89%), комбинат им. М. Вахитова (90%), Чистопольский судоремонтный завод (13%); в 1977 г.: Казанский электромеханический завод (94%), завод бытовой химии (59%), производственное объединение «Бугульманефтемаш» (92%), производственное объединение «Вакууммаш» (82%), оптико-механический завод (93%), Бугульминский фарфоровый завод (83%), Чистопольский судоремонтный завод (17%)[1].

Такая ситуация была не только в республике. В целом по РСФСР за период с 1976 по 1980 годы местная промышленность не обеспечила выполнение заданий пятилетнего плана. При задании увеличить объем производства по сравнению с 1975 г. на 15,4% фактический рост составил 14,4%. Большое количество отстающих предприятий в 1978 г. было в Новгородской (14,3%), Ярославской (12,5%), Челябинской (17,4%) областях и в Татарской АССР (11,8%). Ко всему этому добавлялось и то, что в течение долгого времени не выполнялись планы ввода в действие основных фондов управления местной промышленности[2]. За 1979 г. объем промышленного производства на территории республики, по сравнению с соответствующим периодом прошлого года, увеличился на 7,2%; план по реализации продукции промышленности республики был выполнен на 100,9%, но по-прежнему за счет передовых промышленных объектов, таких как объединение «Камгэсэнергострой» (106,6%), Бугульминский завод РЭТО (116,2%),

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 38. Д. 364. Л. 38.
[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 38. Д. 334. Л. 77, 78, 85.

Казанский завод нефтесмазок (102,1%) и др. Вместе с тем такие отрасли, как лесная и деревообрабатывающая промышленность (94,5%), промышленность строительных материалов (97,2%) и текстильная (99%), не справились с показателями плана[1].

Мы предполагаем, что процент недовыполнения плановых показателей мог быть гораздо более высоким, если бы не значительное число приписок, совершавшимися директорами предприятий. Только в 1978 г. были установлены завышения по оплаченным строительно-монтажным работам и незавершенному производству на 5947 тыс. рублей, в том числе приписка на сумму 1754 тыс. рублей. Особенно часто допускались факты приписок в объединениях «Татнефтестрой» и в других строительных организациях и предприятиях Тукаевского, Чистопольского, Куйбышевского, Азнакаевского, Балтасинского и Зеленодольского районов. Схожие факты были отмечены на 23 промышленных предприятиях и, в частности, на заводе «Победа труда» Зеленодольского района, Казанской фабрике картонажно-полиграфических изделий ММП ТАССР и др.[2]

Помимо значительного числа предприятий, не справлявшихся с нормами планов, важной проблемой оставалось низкое качество выпускаемых товаров и частое простаивание промышленного оборудования. Так, в 1967 г. Татарским республиканским управлением государственной инспекции по качеству товаров и торговли по РСФСР из проверенного количества было забраковано: меховых изделий – 14,4%, швейных изделий – 11,4%, головных уборов – 14,5%, кожаной обуви – 9,5%, мебели – 33,2%. Особенно неблагополучная ситуация была на Арской и Дубъязской фабриках национальной обуви, Арском, Балтасинском, Бугульминском, Мамадышском и Тюлячинском рай(гор)промкомбинатах[3]. В 1969 г. после обследования 36 предприятий республики выяснилось, что значительная часть металлообрабатывающего оборудования либо совсем не используется, либо простаивает в течение

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 38. Д. 396. Л. 1, 74.
[2] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 848. Л. 268.
[3] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 7. Д. 103. Л. 126.

нескольких смен. На обследованных предприятиях было установлено 29,6 тыс. штук производственного оборудования, из них в основном производстве – 20,9 тыс. штук. На день обследования не работали целые сутки 4838 единиц металлообрабатывающего оборудования, или 16,4% от числа, установленного; 3822 металлорежущих станка, 687 кузнечнопрессовых машин, 84 единицы литейного оборудования и 245 электросварочных машин. В основном производстве не работало 2909 металлорежущих станков, или 17,7% установленного оборудования. В целом 32% всех металлорежущих станков простаивали из-за нехватки специалистов по их обслуживанию; 21,5% – из-за отсутствия материалов, заготовок и деталей; 9% – являлись излишними или находились в резерве (консервации); 13,5% (или 393 станка) – находились в плановом ремонте и модернизации; 24% – прочие простои[1].

Оставался значительным удельный вес устаревшего оборудования. В работах М.Г. Суслова и П.Г. Бунича есть указание, что в СССР во второй половине 1970-х годов износ промышленных производственных фондов возрос с 30 до 42 %, а с учетом морального старения техники эти цифры увеличатся в 1,5–2 раза. Получается, что только 20 % основных фондов можно было считать современными[2]. При этом даже имеющееся в наличии новое оборудование крайне медленно внедрялось в производственный процесс. Большая его часть, подлежащая к установке, сдавалась в монтаж в течение года со времени его выпуска, ¼ часть сдавалась в течение 2 лет, вместе с тем имелись случаи, когда оборудование залеживалось на складах 2–3 года и более. Такого рода оборудование в народном хозяйстве республике на период 1977 г. имелось на сумму 45 млн рублей, в том числе на сумму 4,7 млн рублей не использовалось более 5 лет. Так, более чем на 35 млн рублей находилось оборудование, подлежащее установке, на складах Нижнекамского нефтехимического комбината Миннефтехимпрома СССР, большая часть которого не использовалось с 1973 г., в то же время было и такое оборудование, которое

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1764. Л. 75.

[2] Суслов М.Г. Причины краха Советской системы. С. 109; Бунич П.Г. Хозяйственный механизм: идеи и реальность. М., 1988. С. 13.

лежало без движения 8–10 лет. На КамАЗе подлежащее установке оборудование имелось на сумму 184 млн рублей, в том числе на 144 млн рублей (или на 79%) импортное. Данное оборудование находилось на складах предприятия более 3 лет[1].

Основными причинами образования излишнего оборудования являлись: изменение проектов строящихся объектов и технологии на реконструируемых предприятиях; поставка оборудования министерствами без учета возможности их использования на местах (к примеру, из-за недостаточности производственных площадей). В результате на складах предприятий и организаций лежали новые станки и комплектующие, излишние для них: от 2 до 3 лет – 36%, от 3 до 5 лет – 34%, свыше 5 лет – 24% (то есть 58% всего излишнего нового оборудования не реализовывалось в течение 3–5 и более лет). Только на Нижнекамском шинном заводе своевременно не были установлены, а в дальнейшем стали излишними 11 машин для определения прочности и деформации резины выпуска 1974 г. на сумму 55 тыс. рублей; на Казанском химическом заводе Министерства медицинской промышленности СССР с 1970 г. не использовалось различное оборудование на сумму 68 тыс. рублей[2].

Интересен и тот факт, что часть оборудования на предприятиях и в организациях республики была в монтаже и смонтирована, но при этом не запускалась в эксплуатацию. На начало 1977 г. такого рода оборудование было на сумму в 266,8 млн рублей, в том числе на 1666,4 млн рублей (или 62%) импортное. Только на КамАЗе было сосредоточено оборудование на сумму 99,5 млн рублей, находящегося в монтаже, и на сумму 86,3 млн рублей смонтированного, но не сданного в эксплуатацию (из этого оборудования 76% было импортным). В этой связи интересно проследить данные показатели по министерствам республики (см. прил. № 18). На предприятиях союзного и союзно-республиканского подчинения было сосредоточено 98,8% всего

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 265. Л. 5.
[2] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 265. Л. 6, 8, 9.

оборудования, находящегося в монтаже и смонтированного, но не сданного в эксплуатацию. На предприятиях и в организациях республиканского подчинения такого оборудования имелось на 3,2 млн рублей, или на 1,2% от общего количества.

В связи с ростом городов, перетеканием сельского населения в города, ослаблением контроля со стороны руководящих органов за работой производственно-промышленного персонала, обострились острые проблемы, связанные с прогулами и неявками на производство. Подтверждением данного тезиса служат показатели числа рабочих, совершивших прогулы по отраслям промышленности в 1965 и 1966 годы (см. прил. № 19). Повсеместно, по всем отраслям республиканской промышленности (за исключением отрасли производства теплоэнергии и электроэнергии), наблюдался рост числа прогулов. Наибольшее же их количество было совершено в химической и резиноасбестовой, а также в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Велика была и текучесть рабочих кадров. На предприятиях МПП ТАССР она составляла 27%, Управления хлебопекарной промышленности при Совете Министров ТАССР – 18,2%, в объединении «Татарстройматериалы» – 15,8%. Ко всему этому добавлялось и то, что процент снижения прогулов также оставался практически неизменным. За 6 месяцев 1977 г. число рабочих, совершивших прогулы, к среднесписочной численности рабочих по объединению «Татарстройматериалы» составила 22,7%, Управлению хлебопекарной промышленности при Совете Министров ТАССР – 7,7%, Министерству топливной промышленности ТАССР – 5,7%[1].

Нам видится, что проблемы индустриального сектора, хотя и были предметом пристального внимания руководящих органов, однако в условиях высокой стоимости нефти на международных рынках, позволяли «закрывать на это глаза», покрывая упущенную выгоду высокими доходами от продажи нефти. В период экономических кризисов стоимость барреля нефти доходила до 100 долларов, при том, что в Советском Союзе себестоимость составляла 5

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 38. Д. 266. Л. 6-7.

рублей. Общая добыча нефти в стране колебалась в пределах 600–650 миллионов тонн.[1] Однако и этот источник доходов с середины 1970-х годов резко иссяк. Как отмечает исследователь Р. Аллен[2], в рассматриваемый период произошло падение совокупной производительности факторов производства, прежде всего за счет ключевых отраслей промышленности СССР, к которым относились нефтяная и угольная промышленность, черная металлургия. Исчерпание этих ресурсов в европейской части страны не позволило поддерживать высокие темпы экономического роста в последующий период. К тому же и кризис 1973 года фактически подвел черту под модель экономики, основанную на преимущественной продаже энергоресурсов. Как правильно подметил ситуацию исследователь С. Коткин, «… для тех из них, кто с грехом пополам свои проблемы решал (авт. – через продажу нефти), нефтяной кризис означал час расплаты»[3].

В завершении данного раздела необходимо отметить, что Татарская АССР во второй половине XX в. еще более укрепила свои позиции в качестве ведущего индустриального центра страны. В республике продолжились процессы урбанизации, изменился качественный состав рабочей силы, возросло значение ряда перспективных отраслей и, прежде всего, отраслей обрабатывающего производства (машиностроения, химической и нефтехимической промышленности).

Между тем назрели и серьезные проблемы, связанные со снижением роста государственной и региональной промышленности. Несмотря на то, что объем инвестирования постоянно увеличивался (в исследовании Н.Мазата приводятся показатели, что доля инвестиций выросла с 14% в 1950 году до почти 30% в 1973 году[4]), не происходил ответный рост экономики. Это было

---

[1] Сапир Ж. Изменения экономических показателей в СССР в 1941–1985 годах. М., 1989. С. 293.

[2] Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М., 2013. С. 266; Ермолов А.Ю. Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2021. С. 96.

[3] Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 20.

[4] Mazat N. An analysis of the Soviet economic growth from the 1950’s to the collapse of USSR [Электронный ресурс]. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/An-analysis-of-the-Soviet-economic-growth-from-the-Mazat-Serrano/79fe07fb4e399a1464259f03d4f0bcfb4e85848b#related-papers (дата обращения: 15.12.2022)

тем более странным, так как аналогичные вливания в таких странах, как Япония и Южная Корея, приводили к триумфу экономического роста. По всей видимости это было связано «…резким уменьшением отдачи на капитал»[1]. И если в 1960-е годы нормы плановых показателей практически ежегодно перевыполнялись, то уже в 1970-е и, особенно, в 1980-е годы результаты стали резко снижаться. По таким показателям, как годовой объем выпуска, реализация продукции, производительность труда, снижение выпуска низкокачественной продукции, очень часто наблюдалось недовыполнение. И даже если в отдельные годы нормы плана оказывались перевыполненными, то это происходило только за счет результативности отдельных крупных предприятий. Все это говорило о том, что общие тенденции кризиса командной экономики затронули и ТАССР.

* * *

Исследование выявило важные процессы, происходившие в развитии промышленности индустрии страны и региона во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов. СССР входил в новую фазу социальной экономики. Происходил процесс постепенной переориентации промышленности запросам советского общества. Трансформации подвергались как состав, так и структура индустрии, которые, в свою очередь, имели воздействие на систему управления.

Государственная промышленная политика была направлена на воссоздание отраслевой системы управления. Являясь фактически контрреформой хрущевских совнархозов, она, тем не менее, отражала процесс эволюционной модернизации, когда сама система восстанавливала структуру более ей соответствующую. Были возвращены министерства и ведомства, модернизация индустриального сектора страны пошла по пути нового витка

[1] Weitzman, M.L. Soviet Postwar Economic Growth and Capital Labor Substitution. American Economic Review. 1970. 60(5). P. 676-692.

централизации управления. Наряду с этим, учтя прошлые ошибки, руководство стало применять новые инструменты территориального управления и оптимизации управленческой иерархии, что было связано стремлением к более полному контролю за деятельностью предприятий и более эффективному их руководству. Тем не менее, исследование выявило отсутствие отклика на реформы со стороны показателей промышленности, что подчеркивало большую степень формальности, проводившихся реформ. Косметических характер проводимых преобразований, не затрагивавших проблемные зоны системы государственного управления, уже не могло дать взрывного экономического эффекта.

На примере татарской республиканской промышленности, можно наблюдать двоякую тенденцию. С одной стороны, республика превратилась в индустриально развитый регион СССР, с высокой долей концентрации и специализации промышленных производств, а также урбанизации, но, с другой стороны, проводимые преобразования в системе управления, дополнительные инвестиции и приток рабочей силы, уже не обеспечивали мультипликативного роста валовых показателей.

Отдельные надежды были связаны с созданием территориально-промышленных комплексов и их подструктур – промышленных узлов. В рамках Татарской АССР выделялись три узла. Однако и здесь, как показала практика, по-настоящему эффективно стали развиваться лишь районы Казанского-Зеленодольского промышленного узла, исторически являвшиеся индустриально развитыми, и юго-востока республики, где были сосредоточены отрасли топливной, нефтехимической индустрии, а также машиностроение, остальные же районы по-прежнему развивались как сельскохозяйственные.

В целом же в условиях общего замедления темпов экономического роста увеличение количества перестановок уже не влияло на качественные показатели республиканской промышленности. Это привело к тому, что в 1970-е – первой половине 1980-х годов руководство страны и республики остановилось на выборочных преобразованиях системы управления, которые

уже не могли дать импульс для поступательного развития всей индустрии, что стало одной из главных причин кризиса государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая наука в своей основе опирается на научные результаты, которые имеют законченный характер, в осуществлении которых можно выделить определенную стадиальность происходящих процессов и явлений прошлого. Если это не прослеживается, то можно говорить о поверхности или субъективности проведенного анализа. В этой связи представленное исследование является комплексной работой, позволившей рассмотреть промышленною политику СССР, ее воздействие на систему управления Татарской АССР и связанные с ней элементы, в условиях поэтапной модернизации.

Важно, что представленная тема на протяжении всего XX столетия и в современный период вызывала и вызывает повышенный интерес. Это не случайно. Каждый новый виток реформирования системы управления промышленной индустрией обуславливал критику прежних институтов и механизмов, и актуализацию новых. В большинстве своем исследования затрагивали общегосударственные процессы, в гораздо меньшем объеме – региональные. Отдельный научный интерес представляют труды зарубежных ученых-советологов, с критических позиций подходивших к анализу системных преобразований, происходивших в Советском Союзе. В совокупности с использованными историческими источниками, позволившими систематизировать и упорядочить сведения о проводимых мероприятиях советской власти на уровне страны и региона, представленные исследования позволили автору сформировать объективное представление об ушедшей эпохе.

В проведенном исследовании автор исходил из концепции модернизационного развития советской экономики. Понимая под «модернизацией» исторический процесс эволюции государственной промышленной политики и ее системы управления, влияющей на экономическую, политическую и социальную сферы общества, в ходе работы над данной темой, выявлены значительные трансформации в системе

управления промышленностью страны и Татарской АССР, обусловленные воздействием внешних и внутренних факторов. Следует отметить, что в отдельные периоды модернизация подменялась антимодернизацией, связанной с вынужденной ломкой общественных, политических, экономических, организационных и других институтов.

Модернизация экономики СССР стала необходимым элементом не только развития государственности, но и степенью ее выживаемости в отдельные периоды истории. На всем этапе существования государства осуществлялись планомерные, а в отдельные промежутки – ускоренные мероприятия по формированию индустриального общества. Отличительной особенностью модернизационных процессов, происходивших в СССР, становилась неравномерность ее проведения в региональном разрезе. Экономические показатели отдельных регионов существенно отличались от других республик и областей. На примере Татарской АССР мы наблюдаем мощное перерождение преимущественно аграрного в развитый индустриальный регион, в то время как ряд соседних территорий не имели аналогичных темпов прироста экономики.

Важным направлением государственной промышленной политики советской власти являлось реформирование системы управления. Оно диктовалось запросами производства, обстановкой в стране, положением в мире, потребностями региона, а иногда и волюнтаризмом руководства страны. При этом если в рыночной модели общества тип и характер государства, как и его система управления, сегодня определяются экономической и политической целесообразностью (или интересами финансовой и политической властной элиты), то в советской системе приоритет отдавался интересам государства и/или номенклатурной элите. При анализе конкретного исторического материала автором обращено внимание на постоянное воздействие политики и идеологии на промышленную сферу. Фактически на их основе формировалась стратегия, методы и направления промышленной политики государства.

Особенностью советской системы хозяйствования стало непрерывное государственное воздействие на естественный ход хозяйственных процессов, которое меняло вектор промышленного развития страны и сформировавшиеся институты управления. С течением времени значительно возросла роль и значение государственных, а в дальнейшем и региональных элит. В результате это отражалось на системе государственного и регионального управления промышленностью, которая в течение времени своего существования постоянно видоизменялась количественно и качественно, что подчеркивало достаточно высокий отклик системы на воздействие внешних и внутренних факторов. Менялся характер управления от централизованного к децентрализованному характеру, подвергались корректировке численные показатели органов управления.

Ключевым аспектом функционирования советской модели управления являлась ее централизация. Она позволяла повышать контроль нижестоящих звеньев управления и мобильность применения имеющихся ресурсов, но в то же время к слабым сторонам относились ее громоздкость и неповоротливость и связанная с этим частая инертность, закостенелость ее элементов, что не давало возможности оперативно реагировать на вызовы времени и использовать достижения науки. В итоге на некоторых этапах исторического развития, возникала потребность в организационной децентрализации управления, определенные управленческие полномочия получали территориальные органы управления. История существования государства показывает некоторую цикличность этого процесса, что говорит о попытках адаптации системы управления промышленностью под те процессы, которые происходили в мире и внутри страны. Вместе с тем говорить о системной смене централизации/децентрализации в условиях командной экономики не приходится. На завершающем этапе существования страны децентрализация вообще касалась лишь низовых форм управления. К тому же, как показало исследование, децентрализация управления во второй половине XX века не могла выйти за рамки иерархической структуры командной экономики, что

обусловливало ее эффективность лишь на непродолжительном этапе применения.

Централизация управления становилась закономерным результатом постреволюционных событий, связанных с разрушением прежней системы и формированием новой государствообразующей концепции, основанной на государственной собственности на средства производства, что обусловило формирование централизованных начал в управлении (как отраслевом, так и территориальном разрезе) и иерархичности отношений. В складывающейся системе, управление не могло строится на основе децентрализованных начал. В условиях продолжающейся гражданской войны, требовалась консолидация всех имеющихся ресурсов и, как следствие, создание централизованной системы управления, которая подчиняла бы своему контролю все объекты управления. Этими же причинами объясняется идея централизованного экономического планирования. Но ее реализация в указанный период не была в полной мере осуществлена, чему во многом способствовали продолжающаяся гражданская война, сырьевой, продовольственный, кадровый кризис и многие другие причины.

С середины 1920-х годов, по мере стабилизации экономической ситуации в стране, вновь возобладали тенденции к централизации системы управления промышленностью. Конечная цель организационных изменений состояла в создании структуры, которая позволяла бы осуществлять эффективное плановое, отраслевое управление. Стали возникать и новые обстоятельства, толкавшие Советский Союз по пути ускоренной централизации, имевшие цель ускорения модернизационных процессов и создания военного щита от возможной угрозы, исходившей от ведущих стран западного мира. Страна оставалась неподготовленной к внешней агрессии, и времени на это практически не оставалось. В таких условиях найти необходимое финансирование, расширить объемы выпускаемой продукции, обучить квалифицированных специалистов можно было только путем подчинения всех экономических субъектов единому контролю и управлению.

Данные преобразования не могли проводиться без аналогичных реформ на местах. Сверхцентрализация требовала организации замкнутой, комплексной системы управления, отраслевой характер управления которой должен был охватывать все объекты управления, что и обусловило практически полное дублирование центральных органов управления региональными. В Татарской АССР в этот период происходила ломка существующей модели управления, путем ликвидации совнархоза и выстраивания системы народных комиссариатов и управлений. Результатом стало создание централизованной модели управления, эффективность которой была доказана в военный период. Единственно важной особенностью трансформации данной системы, по отношению к предвоенному времени, стала некоторая корректировка целей ее существования.

В тоже время, в послевоенный период сверхцентрализация становилась излишней, источником торможения промышленного развития СССР и ее субъектов. Во многом это было связано с непониманием центральных органов управления проблем, которые были в регионах, волюнтаризмом, подавлением инициативы местных органов управления, лучше представляющих проблемы и возможные перспективы своих регионов, местным руководителям приходилось работать в рамках строгих распоряжений и инструкций. К тому же и резервы страны в человеческих ресурсах были не бесконечными, использование труда соотечественников на запредельных условиях становилось невозможным. Модель экономики, с ее контролем и регламентацией всех сторон экономической и социальной сферы, не могла дать импульс к иному, более качественному росту производственных показателей. Одновременно с этим, за послевоенный период резко увеличился количественный и качественный состав промышленности, появились новые отрасли и предприятия. Линейная иерархия стала все более многоступенчатой, а значит и все более трудноуправляемой.

Все это заставило руководство страны и Татарской АССР искать различные организационные варианты упрощения и удешевления аппарата управления, повышения его результативности. Рост масштабов промышленного

производства, вызывая импульсы к постоянным реорганизациям и усовершенствованиям, требовал не только количественных преобразований, но и качественных изменений, эффективного использования промышленного потенциала, что вылилось в реформы Н.С. Хрущева, связанные с децентрализации промышленной сферы экономики.

Несмотря на определенный положительный эффект, который несли данные преобразования, они оказались половинчатыми и не реализуемыми в рамках командной экономики, что ярко прослеживалось на примере эволюции Татарского, а затем Средневолжского совнархозов. Децентрализованная система не смогла пробить брешь в системе командного управления, и была вынуждена постепенно скатываться в русло централизованной экономики, что, в свою очередь, спровоцировала новый виток реорганизаций в системе управления промышленностью. Были воссозданы министерства и ведомства, но учтя прошлые ошибки, руководство стало применять инструменты территориального управления и оптимизации управленческой иерархии, что было вызвано стремлением к более полному контролю за деятельностью предприятий и более эффективному их руководству. На уровне республики мы видим аналогичные действия, связанные с созданием и последующей реорганизацией министерской структуры, образованием коллегий.

Последующие реформы в большей степени носили косметический характер, не затрагивали проблемные зоны системы управления и, как следствие, уже не давали взрывного экономического эффекта. Отдельные надежды были связаны с деятельностью территориально-промышленных комплексов и их подструктур – промышленных узлов. Как показала практика, в рамках Татарского ТПК по-настоящему эффективно стали развиваться лишь районы Казанского-Зеленодольского, промышленного узла, исторически являвшиеся индустриально развитыми, и юго-востока республики, где были сосредоточены отрасли топливной, нефтехимической индустрии, а также машиностроение, остальные же районы не получили должного промышленного развития.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что организационные изменения в системе управления косвенным, но необратимым, образом отражались на демографической ситуации в стране и Татарской республике. Это выражалось не только в росте численности рабочих, но и росте их квалификации. Нами обращено также внимание на то, что государство активно привлекало на промышленные предприятия коренное население республики. Политическая установка государства на интернационализацию и практика насаждения интернационализма приглушала национальный вопрос. В работе есть некоторые данные о рабочих и управленцах титульной нации, вследствие чего можем заключить, что влияние интернациональной политики было реальным. С течением времени наблюдался неуклонный рост квалификации специалистов и руководящих кадров Татарской АССР, что давало возможность руководству страны использовать подготовленный кадровый резерв для других регионов СССР.

Особенностью советской системы хозяйствования стало утверждение руководителей высших рангов республиканской индустрии только по распоряжению центральных органов (в первые годы советской власти даже без соответствующей квалификации), что очень часто приводило к организационным проблемам и общему снижению эффективности управления. Нами отмечено, что наиболее сильные ротации происходили в период превалирования децентрализованных форм управления, в условиях централизации смена руководящих кадров была меньшей.

Советский руководящий состав постепенно эволюционировал в сторону определенной «сословности», выразившейся в создании чиновничье-партийной номенклатуры, которая хотя и была по большей части статична в своем развитии, но на некоторых этапах видоизменялась под воздействием политических и иных факторов. Так, если в период своего формирования номенклатура представляла преимущественно однородную структуру, состоящую из руководителей центральных органов управления, то в период Н.С. Хрущева стала выделяться обособленная группа региональной элиты,

претендовавшая на большую самостоятельность и в 1960-е годы получившая возможность воздействия, в том числе и на политическую систему государства.

Эффективность проводимых советской властью организационных мероприятий особенно ярко прослеживалась на региональном уровне. При этом несмотря на то, что структура аппарата управления промышленностью Татарской АССР на всем протяжении своего существования трансформировалась в соответствии с мероприятиями, проводимыми на общегосударственном уровне, в ряде случаев имели место и отклонения. С течением времени проходил все более целенаправленный процесс стирания региональной специфики в характере и структуре системы управления промышленностью страны. Государственная политика в области промышленности определяла все большую централизацию управления, что, несомненно, влияло на аппарат управления промышленностью на местах.

Автором выделен ряд важных аспектов, характеризующих ключевые преобразования в органах управления Татарской АССР и их воздействие на социально-экономический облик страны и региона. Среди них важное место мы отводим системности и последовательности проводимых мероприятий. Общегосударственные преобразования не могли не отразиться на региональном уровне, практически все реформы нашли свое воплощение в республике. Правда, надо отметить, что не всегда этот процесс осуществлялся в конкретные сроки и выполнялся в полном объеме. Территориальная и отраслевая специфика, экономические и организационные возможности, управленческий аппарат и некоторые другие факторы служили причинами, не дававшими в полном объеме реализовать организационно-управленческие установки руководства страны.

Наиболее быстрые темпы роста республиканской экономики наблюдались в периоды перехода к децентрализованным формам управления – при создании совнархозов. Это наглядно прослеживается на примере деятельности Татарского совнархоза, где темпы роста подчиненных ему предприятий промышленности показывали рост более высокий, нежели чем в

целом по стране. Несмотря на это, по мере эволюции совета народного хозяйства, стали выявляться серьезные проблемы и противоречия, одной из которых стала оторванность республики от ресурсов и комплектующей базы других субъектов Советского Союза.

В исследовании показана двойственность промышленной политики советского руководства по отношению к республике, на некоторых этапах отличавшейся своей непоследовательностью. Развитие региона долгое время связывалось с сельским хозяйством, лишь потребности в продукции военной сферы, существовавший промышленный потенциал, оставшийся с периода царской России, и в более поздний период разработка и мощный подъем нефтяной отрасли, способствовали ее переориентации на преимущественный рост промышленной индустрии.

В целом влияние системы управления на промышленность оказалось неоднозначным. С одной стороны, оно являлось фактором роста экономики, с другой стороны, фактором, сдерживающим развитие отдельных отраслей страны и региона, а иногда и экономики в целом, что в итоге выразилось в серьезных диспропорциях и, как следствие, развалу командной экономики. На уровне региональной системы управления нами отмечены ошибки и недостатки, выражавшиеся в невыполнении планов, несогласованности действий региональных и территориальных органов управления, нарушении установок центра, недостатке опыта и квалификации управленческих кадров, слабом использовании достижений науки в сфере в управления и др. Местный фактор имел крайне малое значение, поскольку республиканские органы управления были всецело зависимы от центра и не могли заметно влиять на исправление ошибок вышестоящих инстанций.

Однако, при всех негативных моментах развития республиканской промышленности, надо отметить, что проводимые организационные мероприятия союзных и территориальных органов управления, в вопросах управления, размещения и специализации промышленного производства, обусловили мощный подъем экономики Татарской АССР, ее инфраструктуры

во второй половине XX века. Индустриальный рост республиканской промышленности позволил активизировать демографические процессы и благоприятно отразился на социально-экономическом облике края. На основе роста нефтяной, нефтехимической отраслей, машиностроения и некоторых других, преимущественно тяжелой промышленности, возникли новые населенные пункты, усилилась концентрация в них населения. Республика укрепила свои позиции в качестве ведущего индустриального центра страны, здесь, продолжились процессы урбанизации, изменился качественный состав рабочей силы, возросло значение ряда перспективных отраслей и, прежде всего, отраслей обрабатывающего производства.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что Россия и республика приобрели значительную практику в сфере управления, что в условиях новой государственности должно помочь преодолеть научную и практическую инерцию. В современных условиях важно продолжить научный поиск в области исторического прошлого страны, извлечь полезные уроки из опыта модернизации государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Источники

1. Неопубликованные источники

1.1. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации:

Ф. А-259. – Совет Министров РСФСР.

Опись 7, дело 533, 9535.

Опись 42, дело 4807, 6611, 6764, 8247, 8759, 8798.

Опись 45, дело 525, 531, 776, 1985, 2287, 3448.

Ф. А-262. – Государственный плановый комитет РСФСР (Госплан РСФСР) и его подведомственные учреждения.

Опись 1, дело 552.

Ф. Р-5446. – Совет Министров. 1922-1991. – Описи фонда представлены: документами секретариата Заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна.

Опись 12, дело 14.

Ф.Р-5451. – Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов (ВЦСПС).

Опись 25а, дело 1342.

1.2. РГАЭ – Российский государственный архив экономики:

Ф. 279. – Государственный производственный комитет по газовой промышленности СССР.

Опись 1, дело 2147.

Ф. 344. – Государственный комитет по машиностроению при Госплане СССР.

Опись 1, дело 253.

Опись 52, дело 502.

Ф. 1562. – Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.

Опись 36, дело 1.

Ф. 3429. – Высшие советы народного хозяйства РСФСР и СССР (ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР).

Опись 87, дело 97.

Ф. 4372. – Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР.

Опись 31, дело 1926.

Ф. 7019. – Особая комиссия Совета Труда и Обороны при Государственной плановой комиссии СССР по рассмотрению уставов трестов.

Опись 1, дело 131.

Ф. 7733. – Наркомат – Министерство финансов СССР.

Опись 1, дело 2147.

Опись 45, дело 1280.

Опись 48, дело 555.

Опись 53, дело 252.

Опись 56, дело 454.

Ф. 7964. – Министерство электростанций и электропромышленности СССР.

Опись 10, дело 1496.

1.3. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

Ф. 17. – Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991).

Опись 34.

Ф. 644. – Протоколы и распоряжения ГКО.

Опись 1, дело 20.

Ф.82. – Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986).

Опись 2, дело 187.

1.4. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

Ф. 2. – Пленумы ЦК ВКП(б) – ЦК КПСС.

Опись 1, дело 197, 212.

1.5 ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан:

Ф. Р-128. – Кабинет Министров Республики Татарстан.

Опись 1, дело 1144, 1464, 1477, 1986, 1990, 2111, 2603, 2848, 3025, 3067, 3068, 3077, 3300, 3489, 3499, 3501.

Опись 2, дело 68, 95, 128, 135, 196, 229, 270, 368, 386, 485, 495, 1927, 1951, 1926, 1962, 2114, 3476, 3501, 3502, 3504.

Опись 3, дело 552, 616.

Ф. Р-404. – Главное управление по топливу ТСНХ.

Опись 1, дело 8.

Ф. Р-546. – Отдел электротехнической промышленности ТСНХ.

Опись 1.

Ф.Р-550. – Татарское территориальное лесотопливное производственное объединение «Татлестоппром» Министерства топливной промышленности РСФСР.

Опись 1, дело 2, 14, 414, 567.

Ф.Р-645. – Отдел пищевой промышленности ТАССР.

Опись 1.

Ф. Р-732. – Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР (ТатЦИК; ЦИК ТАССР).

Опись 1, дело 1, 6, 625, 3054.

Ф. Р-787. – Татарский совет народного хозяйства.

Опись 1, дело 1, 2, 6, 69, 92, 99, 101, 151, 165, 403, 440, 484, 502, 569, 683, 890, 1191.

Ф.Р-851. – Главное управление химической промышленности Татарского совета народного хозяйства.

Опись 1, дело 3, 17.

Ф. Р-990. – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) Татарской АССР.

Опись 1, дело 105.

Ф. Р-1150. – Представительство ТАССР при Президиуме ВЦИКа.

Опись 1, дело 163, 185, 253, 278, 302, 309, 329, 363, 387, 428, 480, 501, 557, 1085.

Опись 9, дело 4.

Ф.Р-1296. – Государственный комитет республики Татарстан по Статистике.

Опись 1, дело 589.

Опись 2, дело 100, 368.

Опись 15, дело 13.

Опись 25, дело 1681, 1693, 1698, 1723, 1734, 1740, 1754, 1762, 1764.

Опись 27/2, дело 2/11, 161.

Ф.Р-2840. – Управление топливной промышленности при Совете Министров Татарской АССР.

Опись 1, дело 1, 6, 95, 100, 403.

Ф.Р-3049 – Открытое Акционерное Общество «ТАТАРМЕСТПРОМ».

Опись 5, дело 293, 334, 338, 339, 400, 401, 402, 498, 499, 567, 651, 815, 909, 1030, 1038, 1168, 1175, 1303, 1455, 1456, 1462, 1629, 1636, 1706, 1770, 1771, 1773, 1884, 2083, 2085, 2194, 2318, 2565.

Опись 6доп, дело 11, 12.

Опись 7, дело 2, 103, 352, 571, 643, 710, 848.

Ф.Р-3610. – Президиум Верховного Совета Татарской АССР.

Опись 1, дело 892.

Ф.Р-4580. – Министерство экономики Республики Татарстан.

Опись 1, дело 68, 219, 360, 3400, 3788.

Опись 3, дело 1647, 4966.

Опись 3доп., дело 94.

Опись 4, дело 265, 405, 483.

Опись 38, дело 266, 334, 364, 396, 742.

Ф.Р-5587. – Министерство мясо-молочной промышленности ТАССР.

Опись 1, дело 6, 18.

Ф.Р-6292. – Министерство пищевой промышленности ТАССР, г. Казань.

Опись 1, дело 286, 355, 421, 422, 483, 576, 583, 736, 1032, 1033, 1464, 1838

Ф.Р-7233. – Совет народного хозяйства Татарского экономического административного района, г. Казань.

Опись 1, дело 7, 184, 852, 4666.

Ф.П-15. – Татарский республиканский комитет коммунистической партии советского союза, г.Казань, Татарской АССР.

Опись 43, дело 48.

Опись 47, дело 4.

Ф.П-787.

Опись 1, дело 1.

1.6. Текущий архив ПО «Нижнекамскнефтехим»

Ф.Р-81. Опись 1, дело 105.

II. Опубликованные источники

2.1. Актовый материал

2.1.1 Ведомости Верховного Совета СССР. – М., 1959.

2.1.2 Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 27 января – 5 февраля 1959 г.: Стенограф. отчет. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1959. – 610 с.

2.1.3 Девятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 года. Протоколы. – М., 1960.

2.1.4 Декреты Советской власти. – Т.I, III. – М.,1957, 1964.

2.1.5 Двадцатый съезд КПСС (14 – 25 февраля 1956 г.): Стенографический отчет. – Т.2. – М., 1956.

2.1.6 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. тт.1-2. – М.: Госполитиздат, 1957-1958.

2.1.7 Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. – М., 1957.

2.1.8 Закон СССР от 9 июля 1975 г. // Правда. – 1975. – 10 июля.

2.1.9 Конституция СССР. – М., 1977.

2.1.10 Конституции (Основного Закона) Р.С.Ф.С.Р. 1918 года // СУ РСФСР. – 1918. – № 51.

2.1.11 Конституции (Основного Закона) Р.С.Ф.С.Р. 1925 год // СУ РСФСР. – 1925. – № 30. – ст. 218

2.1.12 Конституция СССР. Большая советская энциклопедия. – Изд. 2-е, т. 22. – М., 1953.

2.1.13 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, (1898 – 1986). – 9-е изд. тт.7-9. – М.: Политиздат, 1983, 1985.

2.1.14 КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. – М., 1970 – 1978.

2.1.15 Материалы к X съезду Советов. – Петроград, 1923.

2.1.16 Материалы XXIII съезда КПСС. – М., 1966.

2.1.17 Материалы XXIV съезда КПСС. – М., 1971.

2.1.18 Материалы XXV съезда КПСС. – М., 1976.

2.1.19 Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981.

2.1.20 О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством (Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу Хрущева Н.С.). – М., 1957.

2.1.21 О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации [Текст]. – М.: Госполитиздат, 1943. – 60 с.

2.1.22 Постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности / Собрание законов СССР. – 1932. – № 1.

2.1.23 Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. – М., 1986.

2.1.24 Резолюции II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. – М., 1919.

2.1.25 Резолюции III Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. – М., 1920.

2.1.26 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1967 гг.: Сборник документов. В 5 тт. – М.: Политиздат, 1967-1968.

2.1.27 Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. – Вып. 1-3. – М., 1918-1921.

2.1.28 Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. – Кн. 1-2. – Нижний Новгород, 1919-1920.

2.1.29 Собрание законов. – 1927. – № 39. – Ст.392.

2.1.30 Собрание постановлений (СП) СССР. – М., 1957, 1958, 1960, 1963, 1965, 1967, 1973, 1979, 1986.

2.1.31 Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – М., 1917-1921.

2.1.32 Съезды Советов в документах. 1917-1937. – М.: Госюриздат, 1962.

2.1.33 Труды I Всероссийского съезда совнархозов. – М., 1918.

2.1.34 Труды II съезда Советов народного хозяйства. – М., 1918.

2.1.35 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1968 г. // Правда. – 1968. – 12 июня.

2.1.36 Устав КПСС. Утвержден XXVIII съездом КПСС / Материалы XXVIII съезда КПСС. – М., 1990.

2.1.37 XV съезд ВКП(б). 2 декабря – 19 декабря 1927 г.: стеногр.отчет. – М., 1935. – Т.2.

2.1.38 XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января-10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934. – 716 с.

2.1.39 XXII съезд Коммунистической партии Советского союза. 3 созыв. – М.: Госполитиздат, 1962.

2.1.40 XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы: Материалы Всесоюзного совещания по вопросам идеологической работы. 25-28 февраля 1961 года. – М., 1962.

2.2 Делопроизводственные документы

2.2.1. Татарская АССР. Народный ком. легкой промышленности. Сектор производ.-техн. пропаганды. Инструкционные материалы по технологическому процессу валяльно-обувных предприятий объединяемых Наркомлегпромом / Техпром Наркомлегпрома Татреспублики. – Казань: Техпроп Наркомлегпрома Татреспублики - Татгосиздат, 1934. – 41 с.

2.2.2. Классификация отраслей народного хозяйства и отраслей промышленности. – М., 1967.

2.2.3. Материалы Всесоюзного совещания работников промышленности, созванного ЦК КПСС и Советом Министров СССР, 16-18 мая 1955 г.: Стенограф. отчет. Гриф «Не для печати». – М., 1955.

2.2.4. Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. – М., 1974.

2.2.5. О грубых нарушениях государственной дисциплины в использовании капитальных вложений и фактах проявления местничества со стороны отдельных руководителей совнархозов. Постановление ЦК КПСС. 4 августа 1958г. // Справочник партийного работника. – Вып 2. – М.: Госполитиздат, 1959.

2.2.6. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Экономико-географическое моделирование систем городских поселений и промышленных узлов Татарской АССР за период 1965 – 1970 гг.». – Казань, 1970. – 7 с.

2.2.7. Развитие и размещение строительной индустрии в экономических административных районах: Материалы Совещания по развитию и размещению строит. индустрии в экон. адм. районе Татар. АССР/ [Ред. коллегия: чл.-кор. Акад. строительства и архитектуры СССР П. Б. Горбушин и др.]; Совет нар. хозяйства Татар. экон. адм. района. Науч.-исслед. ин-т экономики строительства Акад. строительства и архитектуры СССР. Отд. экономики Госстроя СССР. Казан. филиал Акад. наук СССР.

ВНИИСтройнефть. Геогр. фак. МГУ. – Казань: ЦБТИ Татар. совнархоза, 1958. – 185 с.

2.2.8. Сборники приказов ВСНХ СССР и ВСНХ РСФСР. – М., 1924. – 1929.

2.2.9. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (I917 – I932). Сб.документов. – М.: Госполитиздат, 1957.

2.2.10. Совет рабочего контроля Казанского Промышленного района. Рабочий контроль. – Казань, 1918.

2.2.11. Стенаграфический отчет XV областной партийной конференции (5–15 июня 1930 г.). – Казань: Татполиграф, 1930. – 433 с.

2.2.12. Татарская АССР. Совет народного хозяйства. Отчет о деятельности ТСНХ и состоянии промышленности и торговли АТССР за 1921-1922 хозяйственный год / Сов. нар. хоз. Авт. Тат. соц. сов. респ. – Казань: Т.С.Н.Х., 1922. – 126 с.

2.3. Статистический материал

2.3.1. Бюджет г. Казани 1955-1956 гг. (Материалы к 10-й сессии Казанского городского Совета трудящихся V созыва). – Казань, 1956.

2.3.2. Бюджет г. Казани на 1959 г. (Материалы к 2-й сессии Казанского городского Совета депутатов трудящихся VII созыва). – Казань, 1959.

2.3.3. Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г. – Вып. 1, 5, 8. – М., 1921-1926.

2.3.4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. – М., 1963.

2.3.5. Капитальное строительство в СССР. Статистический сборник. – М.: Госстатиздат, 1961, 1975.

2.3.6. Материалы по текущей промышленной статистике за 1919 и 1920 годы. Вып. 1. – М., 1922.

2.3.7. Народное хозяйство СССР. 1922 – 1982. Юбил. стат. сб. – М.: Финансы и статистика, 1982. 624 с.

2.3.8. Народное хозяйство СССР в 1960 г. – М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961.

2.3.9. Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник ЦСУ СССР. – М.: Госстатиздат, 1962.

2.3.10. Народное хозяйство СССР в 1963 г. – М.: Статистика, 1965.

2.3.11. Народное хозяйство СССР в 1965 г. – М.: Статистика, 1966. 910 с.

2.3.12. Народное хозяйство СССР в 1970 г. – М.: Статистика, 1971. 823 с.

2.3.13. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Статистический ежегодник ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1985.

2.3.14. Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Статистический ежегодник ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 766 с.

2.3.15. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 765 с.

2.3.16. Народное хозяйство Татарской АССР. – Казань, 1972.

2.3.17. Народное хозяйство Татарской АССР в девятой пятилетке. – Казань, 1976.

2.3.18. Народное хозяйство Татарской АССР в одиннадцатой пятилетке. Статистический сборник. – Казань, 1987. – 197 с.

2.3.19. Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет. Статистический сборник. – Казань: Таткниздат, 1980. – 144 с.

2.3.20. Промышленность СССР. Статистический сборник. – М., 1957.

2.3.21. Пятьдесят лет Татарской АССР. Статистический сборник. – Казань: Статистика, 1970. – 195 с.

2.3.22. Список национализированных предприятий РСФСР на 1919 г. – М., 1920.

2.3.23. Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. 1981. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 495 с.

2.3.24. Статистический ежегодник стран- членов СЭВ. 1986. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 462 с.

2.3.25. Статистический справочник по народному хозяйству. – Вып. 2-4. – М.-Пг. -Л., 1923-1924.

2.3.26. Статистический справочник по промышленности ТАССР. – Казань, 1924.

2.3.27. Татария за 50 лет. Статистический сборник. – Казань: Изд-во Статистика, 1967. – 141 с.

2.3.28. ЦСУ СССР. Капитальное строительство в СССР. Стат.сб. – М., 1975.

2.4. Труды политических и государственных деятелей

2.4.1. Брежнев, Л.И. Воспоминания: Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины / Л.И. Брежнев. – М.: Политиздат, 1981. – 46 с.

2.4.2. Бухарин, Н.И. Анархизм и научный коммунизм / Н.И. Бухарин // Коммунист. – 1918. – № 2.

2.4.3. Бухарин, Н.И. Проблемы теории и практики социализма / Н.И. Бухарин. – М.: Политиздат, 1989. – 513 с.

2.4.4. Владимирский, М. Организация государственной власти на местах / М. Владимирский. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 146 с.

2.4.5. Зеликман, М. Что такое Советы народного хозяйства и как они должны строится. С проектами инструкций всех важнейших отделов / М. Зеликман. – Петроград, 1918. – 102 с.

2.4.6. Кактынь, А. Очерки по организации народного хозяйства: (организационные наброски по вопросам строительства народного хозяйства Советской России и разработки методов управления и регулирования его) / А. Кактынь. – М.: Экономическая жизнь, 1922. – 59 с.

2.4.7. Кириленко, А.П. Избранные речи и статьи / А.П. Кириленко. – М.: Политиздат, 1976. – 511 с.

2.4.8. Киров, С.М. Избранные статьи и речи / Под ред. Л.Г. Барулина, Н.В. Нелидова. – М.: Политиздат, 1957. – 720 с.

2.4.9. Князев, С.Л. Нефть Татарии: рубежи, взгляд сквозь годы / С.Л. Князев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – 326 с.

2.4.10. Косыгин, А.Н. К великой цели: Избранные речи и статьи / А.Н. Косыгин. – Т.1. – М.: Политиздат, 1979. – 608 с.

2.4.11. Кржижановский, Г.М. Десять лет хозяйственного строительства СССР (1917 – 1927 гг.) / Г. М. Кржижановский. – М.: Изд-во «Плановое хозяйство» Госплан СССР, 1927. – 132 с.

2.4.12. Кржижановский Г.М. Избранное / Под ред. В. Кудрявчиковой. – М.: Госполитиздат, 1957. – 568 с.

2.4.13. Куйбышев, В.В. Избранные произведения / В.В. Куйбышев. – М.: Госполитиздат, 1958. – 536 с.

2.4.14. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – тт.27, 28, 32, 36-37, 40, 43, 45. – М., 1969, 1970.

2.4.15. Осинский, Н. Строительство социализма. Общие задачи. Организация производства / Н. Осинский. – М.: Издательство «Коммунист», 1918. – 155 с.

2.4.16. Орджоникидзе, Г.К. Статьи и речи: В 2-х т. / Г.К. Орджоникидзе – М.: Госполитиздат, 1957.

2.4.17. Рыков, И.Л. Статьи и речи. 1921-1923 гг. / И.Л. Рыков. – Т.2. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. – 311 с.

2.4.18. Сталин, И.В. Сочинения. тт. 5-7, 10-13 / И. В. Сталин. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947, 1949, 1951, 1952, 1953.

2.4.19. Табеев, Ф.А. Экономика Татарии: итоги и перспективы / Ф.А. Табеев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1972. – 239 с.

2.4.20. Тихонов, Н.А. Курсом коммунистического созидания и мира. Избранные речи и статьи / Н.А. Тихонов. – М.: Политиздат, 1985. – 703 с.

2.4.21. Цыперович, Г. Главкизм / Г. Цыперович. – М.: Гос. изд-во, 1924. – 105 с.

2.4.22. Черненко, К.У. Избранные речи и статьи / Отв. В.В. Прибытков. – М.: Политиздат, 1983. – 670 с.

2.4.23. Ястржембский, В.Я. Рабочие и создание народного хозяйства / В.Я. Ястржембский. – Петроград: Сов. нар. хоз. Сев. района, 1918. – 34 с.

2.5. Источники личного происхождения

2.5.1. Арбатов, Г. Затянувшееся выздоровление (1953 – 1985 гг.). Свидетельство современника / Г. Арбатов. – М.: Международные отношения, 1991. – 402 с.

2.5.2. Байбаков, Н.К. Сорок лет в правительстве / Н.К. Байбаков. – М.: Республика, 1993. – 317 с.

2.5.3. Вахромеев, Б.Н. Развитие нефтяной и газовой отраслей в Татарии и Западной Сибири в 50-80-е годы XX века: воспоминания о моей трудовой деятельности / Б.Н. Вахромеев. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. – 122 с.

2.5.4. Гришин, В.В. От Хрущева до Горбачева: Политический портрет пяти генсеков и А.Н. Косыгина. Мемуары / В.В. Гришин. – М.: АСПОЛ, 1996. – 334 с.

2.5.5. Каганович, Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника / Л.М. Каганович. – М.: Вагриус, 1996. – 572 с.

2.5.6. Лемаев, Н.В. Устремленность: рассказ о том, как в Татарии создавались крупнейший нефтехимический комплекс и молодой город Нижнекамск / Н.В. Лемаев. – Казань: Татар.кн. изд-во, 1985. – 232 с.

2.5.7. Родыгин, А.А. Становление: (Из опыта работы парт. орг. КамАЗа) / А.А. Родыгин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 160 с.

2.5.8. Рошаль, М.Г. Записки из прошлого / М.Г. Рошаль. – М.: Наука, 1969. – 216 с.

2.5.9. Хрущев, Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты / Н.С. Хрущев. – М.: ВАГРИУС, 1997. – 564 с.

2.5.10. Хрущев, Н.С. Пенсионер союзного значения / Н.С. Хрущев. – М.: Новости, 1991. – 413 с.

2.6. Сборники документов

2.6.1. Большевики Татарии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов и материалов / Сост. Н.З.

Замалеева, А.И. Лебедева, Н.А. Субаев; Парт. архив Татар. обкома КПСС. – Казань: Таткнигоиздат, 1961. – 708 с.

2.6.2. Большевики Татарии во главе трудящихся масс в борьбе за изгнание белочехов и восстановление советской власти (август 1918 – декабрь 1920). Сборник документов и материалов. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1961.

2.6.3. Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 698 с.

2.6.4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов и материалов. Т.2-4. – М.: Госполитиздат, 1957-1958.

2.6.5. За пять лет. 1917-1922: Сборник ЦК РКП. – М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1922. – 422 с.

2.6.6. Индустриализация СССР: Документы и материалы. – Т.1, 2. – М.: Наука, 1969, 1970.

2.6.7. Индустриализация Татарской АССР. 1926–1941 гг. (сборник документов и материалов) / Под ред. Н.А. Андианова, У.Б. Белялова, А.А. Петровой. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – 607 с.

2.6.8. История татар с древнейших времен. Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013. – 1073 с.

2.6.9. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Международный Фонд «Демократия», 1998. – 843 с.

2.6.10. Нефть, газ и нефтехимия Татарии: Документы и материалы. – Т. II. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. – 392 с.

2.6.11. Образование Татарской АССР. Сборник документов / Архивный отд. при Совете Министров ТАССР. Центр. гос. архив ТАССР; Под ред. И.М. Климова, М.К. Мухарямова. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 504 с.

2.6.12. Первая советская конституция (конституция РСФСР 1918 года): сборник документов / Под ред. А.Я. Вышинского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 479 с.

2.6.13. Первый год пролетарской диктатуры в Татарии (Сборник документов и материалов по истории парторганизации и гражданской войны в 1918 г.) / Под ред. М. Вольфовича, С. Гафурова. – Казань: Татгосиздат, 1933. – 440 с.

2.6.14. Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925–1936 гг. Сб. док. / Составители: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. – М.: «Россия молодая», 1995. – 303 с.

2.6.15. Положение о районных (областных) и местных совнархозах, утвержденное решением ВСНХ от 23 декабря 1917 г. / Управление народным хозяйством СССР. 1917-1940 гг.: Сборник документов. – М., 1968.

2.6.16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. – Т.3-5. – М.: Политиздат, 1968.

2.6.17. Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству. Т.2. – М.: ВСНХ, 1920. – 784 с.

2.6.18. Советская товарная биржа в 20-е годы. Документы и материалы. – М.: Дело, 1992. – 342 с.

2.6.19. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (I917-1932). Сб. документов. – М.: Госполитиздат, 1957. – 232 с.

2.6.20. Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны (Сборник документов и материалов) / Под ред. Г. Геляева. Казань: Тат.книж.изд-во, 1948. – 168 с.

2.6.21. Татария в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сборник документов и материалов / Сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. – Казань: Тат.книж.изд-во, 1963. – 360 с.

2.6.22. Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства 25 мая-4 июня 1918 г. – М., 1918. – 488 с.

2.6.23. Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства (19 декабря - 27 декабря 1918 г.: Стеногр. отчет). – М.: Высш. совет народного хозяйства. Отд. ред.-изд., 1918. – 420 с.

2.6.24. Упрочение Советской власти в Татарии (Октябрь 1917 – июль 1918 гг.). Сб. документов и материалов / Сост. И.А. Георгиевская, М.Н. Олимпова, В.В. Снедкова. – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 708 с.

2.6.25. Управление народным хозяйством СССР. 1917-1940 гг.: Сборник документов. – М. : Экономика, 1968. – 238 с.

2.6.26. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сб. материалов. – Киров: Кировское книжное издательство, 1957. – 625 с.

2.6.27. Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995 гг.) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 602 с.

2.6.28. Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917–1965 гг. Кн. 2. / Под ред. С.Г. Струмилина. – М. : Советская энциклопедия, 1967. – 932 с.

2.7. Периодическая печать

2.7.1. Ведомости. – 1940. – № 20.

2.7.2. Вестник статистики. – 1960.

2.7.3. Вопросы истории КПСС. – 1988, 1989.

2.7.4. Вопросы экономики. – 1972, 1977.

2.7.5. Гражданская война. – 1918.

2.7.6. Знамя революции. – 1918 – 1920.

2.7.7. Знамя труда. – 1920.

2.7.8. Известия. – 1973, 1974.

2.7.9. Известия ТатЦИКа. – 1923.

2.7.10. Коммунист. – 1956, 1957, 1967, 1976, 1977, 1991.

2.7.11. Коммунистический путь. – 1922.

2.7.12. Красная Татария. – 1941 – 1945.

2.7.13. Луч коммунизма. – 1918.

2.7.14. МЭиМО. – 1987, 1988.

2.7.15. Народная воля. – 1918.

2.7.16. Народное хозяйство. – 1918, 1920 – 1922.

2.7.17. Правда. – 1917, 1968, 1969, 1975, 1976.

2.7.18. Рабочее дело. – 1917, 1918.

2.7.19. Советская власть. – 1918. – 26 июня.

2.7.20. Советское государство и революция права. – 1930. – № 7.

2.7.21. Советская Татария. – 1957.

2.7.22. Хозяйство и управление. – 1926. – № 12.

3. Исследования

3.3. Отечественная литература

3.1.1. Абрамов, П.В. Развитие экономики Татарской АССР за годы Советской власти / П.В. Абрамов. – Казань, 1957. – 25 с.

3.1.2. Абрамов, П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк) / П.В. Абрамов. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. – 231 с.

3.1.3. Авдаков, Ю.К. Производственные объединения и их роль в организации управления советской промышленностью (1917-1932 гг.) / Ю.К. Авдаков, В.В. Бородин. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 240 с.

3.1.4. Авдаков, Ю.К. Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917-1921 гг.) / Ю.К. Авдаков. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 153 с.

3.1.5. Авторханов, А. Технология власти / А. Авторханов. – М.: СПб «Слово» - Центр «Новый мир», 1991. – 638 с.

3.1.6. Адамеску, А.А. Созвездие гигантов / А.А. Адамеску, А.Г. Дубровский. – М.: Просвещение, 1979. – 77 с.

3.1.7. Азизов, К.И. Промышленность Татарии и пути повышения ее эффективности / К.И. Азизов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1973. – 272 с.

3.1.8. Акулич, И.Л. Совершенствование хозяйственного механизма управления легкой промышленностью / И.Л. Акулич. – М.: Легпромбытиздат, 1990. – 175 с.

3.1.9. Алексеев, В.В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 3-19.

3.1.10. Алексеев, В.В. Волны российских модернизаций / В.В. Алексеев, И.В. Побережников // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: сб. – М., 2000. – 246 с.

3.1.11. Алексеев, В.В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII-XX вв.) /В.В. Алексеев // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII-XXI вв.: материалы международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. – С. 6-14.

3.1.12. Алексеев, С.Е. Исследователи о возрождении административно-командной системы управления промышленностью Урала на рубеже 1920-1930-х гг. / С.Е. Алексеев, В.Д. Камынин // Россия в XX в.: История и историография: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2002. – С. 173-188.

3.1.13. Александров, И.Н. Экономическая география ТАССР / И.Н. Александров, З.А. Бурлянд, Е.Ф. Караковская. – Казань, 1973. – 167 с.

3.1.14. Амбарцумов, Е.А. Вверх к вершине: Ленин и путь к социализму / Е.А. Амбарцумов. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 255 с.

3.1.15. Андрианов, Н.А. Восстановление Советской власти и укрепление ее аппарата в Татарии / Н.А. Андрианов. – Казань: Таткнигоиздат, 1962. – 100 с.

3.1.16. Андрианов, Н. Октябрьская революция и слом буржуазного государственного аппарата в Татарии / Н. Андрианов. – Казань: Изд-во Казанского авиационного института, – 1958.

3.1.17. Андрианов, Н.А. Становление и упрочение власти Советов в Татарии / Н.А. Андрианов, К.А. Толстяков. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – 292 с.

3.1.18. Анисимов, Н.Г. Казанский льнокомбинат. 100 лет (1860-1960 гг.) / Н.Г. Анисимов. – Казань: Таткнигоиздат,1960. – 262 с

3.1.19. Аппарат управления социалистическим государством. Ч.I. / Под ред. Г. Шульце, Ю. Тихомирова, С. Хинова [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1977. – 351 с.

3.1.20. Арбатов, Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника / Г.А. Арбатов. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 398 с.

3.1.21. Арбатов, С. Будущее «Красного металлиста» / С. Арбатов. – Казань, 1932.

3.1.22. Аристаков, Ю.М. Структуры и связи в социалистической экономике / Ю.М. Аристаков. – М.: Экономика, 1984. – 152 с.

3.1.23. Арсентьев, Н.М. Дилемма индустриализации России в XIX в. / Н.М. Арсентьев // Экономическая история. – 2017. – № 3 (38). – С. 31-49.

3.1.24. Атаманчук, Г.В. Сущность советского государственного управления / Г.В. Атаманчук. – М.: Юридическая литература, 1980. – 256 с.

3.1.25. Ашин, Г.К. Основы политической элитологии / Г.К. Ашин, А.В. Понеделков. – М.: ПРИОР, 1999. – 302 с.

3.1.26. Бабакова, Л.М. Советы народного хозяйства экономических и административных районов / Л.М. Бабакова. – М., 1959. – 59 с.

3.1.27. Багрий, П.И. Факторы экономического роста в условиях развитого социализма / П.И. Багрий, А.Г. Агафонов, В.В. Бондаренко [и др.]. – Киев: Наук. думка, 1983. – 327 с.

3.1.28. Бакулин, В.И. На пути интенсификации производства (из опыта 20-х гг.) / В.И. Бакулин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 162 с.

3.1.29. Батыев, С.Г. Советская Татария в семилетке / С.Г. Батыев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1960. – 152 с.

3.1.30. Барзилов, С. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция / С. Барзилов, А. Чернышов // Свободная мысль. – 1996. – №1. – С. 44-56.

3.1.31. Бачило, И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации) / И.Л. Бачило. – М.: Юрид. лит., 1976. – 198 с.

3.1.32. Белоусов, Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР / Р.А. Белоусов. – М.: Мысль, 1983. – 319 с.

3.1.33. Белялов, У.Б. Социалистическое соревнование в промышленности Татарии. 1917-1975 гг. / У.Б. Белялов, Г.Л. Горник, В.Б. Токарев. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 192 с.

3.1.34. Берницкий, С. Основные этапы развития ВСНХ / С. Берницкий // Советское строительство. – 1925. – Сб. 2/3.

3.1.35. Битунов, В.В. Отрасль и территория (экономический анализ) / В.В. Битунов. – М.: Мысль, 1987. – 238 с.

3.1.36. Благих, И.А. Хозяйственные реформы Н.С. Хрущева: волюнтаризм или необходимость? / И.А. Благих // Из истории мысли и народного хозяйства России. – Вып.1, Ч.1. – М., 1993. – С. 190-214.

3.1.37. Блюм, А. Тресты и синдикаты в их практике / А. Блюм // Вестник промышленности и транспорта. – 1922. – № 2-3.

3.1.38. Богданов, П.А. Новая экономическая политика и промышленность / П.А. Богданов // Народное хозяйство. – 1921. – № 11-12.

3.1.39. Богданов, П. Современное состояние и очередные задачи российской промышленности / П. Богданов // Известия ВЦИК. – 1922. – 7 ноября.

3.1.40. Бойко, И.В. Стратегия экономического прорыва. Как это было 90 лет назад / И.В. Бойко // Инновации. – 2019. – № 8 (250). – С.9-14.

3.1.41. Бокарев, Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы

исследования, этапы взаимоотношений / Ю.П. Бокарев. – М.: Наука, 1989. – 310 с.

3.1.42. Бордюгов, Г.А. Историческая развилка весны 1918 г. / Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 8.

3.1.43. Братусь, С. Некоторые вопросы реформы управления промышленностью в вязи с районно-комплексной организацией хозяйства / С. Братусь // Советское государство и революция права. – 1930. – № 7.

3.1.44. Брежнев, Л.И. Об актуальных проблемах партийного строительства. (Сборник) / Л.И. Брежнев. – М.: Политиздат, 1973. – 775 с.

3.1.45. Бубнов, И.Н. Научно-технический прогресс в СССР за 60 лет / И.Н. Бубнов. – М.: Знание, 1978. – 64 с.

3.1.46. Бульба, Т.В. Социалистическая национализация промышленности / Т.В. Бульба. – М.: Высшая школа, 1960. – 65 с.

3.1.47. Бунич, П.Г. Хозяйственный механизм: идеи и реальность / П.Г. Бунич. – М.: Политиздат, 1988. – 123 с.

3.1.48. Бухвальд, Е.М. Социальная направленность экономического роста / Е.М. Бухвальд, В.А. Погребинская. – М.: Наука, 1990. – 136 с.

3.1.49. Быстрова, И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 е – 1980 е гг.: экономические аспекты развития / И.В. Быстрова // Экономическая история. Ежегодник. 2003. – М., 2004.

3.1.50. Быстрова, И.В. Военно-промышленный комплекс СССР: исторический опыт развития / И.В. Быстрова // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. – № 3. – С. 7–11.

3.1.51. Веденеев, Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР (историко-правовое исследование) / Ю.А. Веденеев. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

3.1.52. Веденеев, Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: Историко-правовое исследование (1957-1987 гг.) / Ю.А. Веденеев. – М.: Наука, 1990. – 250 с.

3.1.53. Венедиктов, А.В. Правовое положение совнархоза и подведомственых ему предприятий / А.В. Венедиктов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – 130 с.

3.1.54. Викентьев, А.И. Очерк развития народного хозяйства СССР / А.И. Викентьев. – М.: Госполитиздат, 1959. – 244 с.

3.1.55. Викентьев, А.И. Совнархозы в действии. Первый опыт совнархозов / А.И. Викентьев. – М.: Госполитиздат, 1958. – 120 с.

3.1.56. Викулов, А.П. Процессы централизации и децентрализации в конституционной доктрине / А.П. Викулов // Экономика. Бизнес. Право. – 2015. – 11-12 (14). – С. 45-78.

3.1.57. Вишневский, А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР / А. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.

3.1.58. Влияние условий и факторов на эффективность размещения производств / Под ред. Ф.С. Мартинкевича, Л.В. Козловской, А.Д. Павловой, В.Ф. Медведева. – М., 1968. – 270 с.

3.1.59. Волжский и Камский каскады. – М.-Л.: Госэнергоиздат, 1960. – 272 с.

3.1.60. Воробьев, А. Мировая экономика в первой половине 2001 года. Аналитические материалы / А. Воробьев // Вестник Банка России / Центральный банк РФ. – М., 2001. – № 53.

3.1.61. Восленский, М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. – М.: МП «Октябрь»: Сов. Россия, 1991. – 622 с.

3.1.62. Восканян, С.С. Политическая элита России / С.С. Восканян. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. – 102 с.

3.1.63. Габидуллин, Х.З. Татарстан за 7 лет: 1920–1927 / Х.З. Габидуллин. – Казань, 1927; Материалы для докладчиков к восьмилетнему юбилею

Автономной Татарской Советской Социалистической республики. – Казань, 1928.

3.1.64. Галлямова, А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945 – 1985 гг.) / А.Г. Галлямова. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2015. – 455 с.

3.1.65. Галкин, Л.Г. Резервы и пути повышения производительности труда в нефтеперерабатывающей промышленности Татарии / Л.Г. Галкин, М.Г. Дасаев. – Казань: Таткнигоиздат, 1964. – 104 с.

3.1.66. Галкин, Л.Г. Резервы производства в добыче нефти и газа / Л.Г. Галкин. – М.: Недра, 1966. – 208 с.

3.1.67. Галушка, А.С. Кристалл роста к русскому экономическому чуду / А.С. Галушка, А.К. Ниязметов, М.О. Окулов. – М., 2021. – 360 с.

3.1.68. Геращенко, Б.С. Вопросы экономики промышленности СССР на современном этапе коммунистического строительства. / Б.С. Геращенко, В.С. Геращенко. – М.: Экономиздат, 1962. – 356 с.

3.1.69. Гершберг, С.Р. Демократический централизм в хозяйственном строительстве / С.Р. Гершберг. – М.: Госполитиздат,1957.

3.1.70. Гильманов, З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 гг. / З.И. Гильманов. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1977. – 296 с.

3.1.71. Гимади, Х. Советская Татария – детище Октября / Х. Гимади, М. Мухарямов. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 174 с.

3.1.72. Гимпельсон, Е.Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917-1920 гг.) / Е.Г. Гимпельсон. – М.: Наука, 1977. – 310 с.

3.1.73. Гинзбург, А.М. Об очередных задачах промышленной политики / А.М. Гинзбург // Плановое хозяйство. – 1925. – № 5.

3.1.74. Гинзбург, А.М. Экономия промышленности / А.М. Гинзбург. – М.-Л., 1925. – 66 с.

3.1.75. Гиниятуллин, М.К. Два миллиарда тонн: выдающееся достижение или груое насилие? / М.К. Гиниятуллин. – Казань: Центр-Пресс, 2006. – 344 с.

3.1.76. Гладков, И.А. Очерки строительства советского планового хозяйства в 1917-1918 гг. / И.А. Гладков. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1950. – 364 с.

3.1.77. Гладков, И. Экономический закон планомерного развития народного хозяйства / И. Гладков. – М.: Госполитиздат, 1955. – 84 с.

3.1.78. Глазьев, С.Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов. – М.: Наука, 1992. – 208 с.

3.1.79. Глотов, В.И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. / В.И. Глотов // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 4.

3.1.80. Гольцман, А.З. Основы организации советского экономического аппарата / А.З. Гольцман // Хозяйство и управление. – 1926. – № 12.

3.1.81. Гольцман, А.З. Управление промышленностью / А.З. Гольцман. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. – 121 с.

3.1.82. Горбунов, Э.П. Темпы, уровень, структура промышленного производства в СССР / Э.П. Горбунов. – М.: Мысль, 1965. – 188 с.

3.1.83. Гордон, Л.А. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Политиздат, 1989. – 318 с.

3.1.84. Городецкий, Е.Н. Октябрьская революция и старые органы самоуправления / Е.Н. Городецкий // Вестник Московского университета. – 1947. – № 11.

3.1.85. Гроссман, М.Б. Практическое разрешение вопроса о переходе предприятий на хозрасчет / М.Б. Гроссман // Предприятие. – 1926.

3.1.86. Данилов, В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. / В.Н. Данилов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-ва, 2002. – 400 с.

3.1.87. Данилов, В.П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса? / В.П. Данилов // Россия в XX веке: Судьба ист. науки. – М., 1996. – С. 95-101.

3.1.88. Дробижев, В.З. Главный штаб социалистической промышленности (очерк истории ВСНХ. 1917-1932 гг.) / В.З. Дробижев. – М.: Мысль, 1966. – 285 с.

3.1.89. Дробижев, В.З. Историография. Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917-1932 годов / В.З. Дробижев, Т.А. Игнатенко // Вопросы истории. – 1959. – № 11.

3.1.90. Дубровин, П. Промышленность автономных областей и республик к десятилетию Октября / П. Дубровин // Труд и хозяйство. – 1927. – №10.

3.1.91. Дука, А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации / А.В. Дука. – СПб., 2005. – С. 11-29.

3.1.92. Дьяков, Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941-1945 / Ю.Л. Дьяков. – М.: Наука, 1988. – 254 с.

3.1.93. Егошин, М.В. Партийное руководство оборонно-промышленным комплексом в первые послевоенные пятилетки (на примере Горьковской области) / М.В. Егошин // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 12-3 (40). – С. 85-90.

3.1.94. Еремин, А.М. В дебрях реставрации капитализма (от «перестройки» к деградации экономики) / А.М. Еремин // ... Изм. – 1997. – № 2 (13).

3.1.95. Ермолов, А.Ю. Взгляды современных зарубежных ученых на экономические проблемы позднего СССР (Часть 2) / А.Ю. Ермолов // Вопросы теоретической экономики. – № 1. – 2021.

3.1.96. Ефимов, А.Н. Советская индустрия (производственный аспект, управление и планирование) / А.Н. Ефимов. – М., 1967. – 327 с.

3.1.97. Жуков, Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков/ Ю.Н. Жуков. – М.: Терра-Кн. клуб, 2000. – 686 с.

3.1.98. Зайцев, А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет. Краткий историко-экономический очерк / А.И. Зайцев. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 153 с.

3.1.99. За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской Республики. – Казань, 1925.

3.1.100. Зубкова, Е.Ю. Опыт и уроки незавершенных поворотов 1956 и 1965 гг. / Е.Ю. Зубкова // Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. – М.: ИПЛ, 1989. – С. 74-88.

3.1.101. Иванов, Н.В. Развитие планирования народного хозяйства СССР в период между XX и XXIII съездами КПСС (1956-1966 гг.) / Н.В. Иванов. – Куйбышев, 1966. – 76 с.

3.1.102. Из истории социалистического строительства на Средней Волге / Под ред. И.М. Ионенко. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. – 200 с.

3.1.103. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. – Т. 2. – М.: Воениздат, 1961. – 681 с.

3.1.104. История Коммунистической партии Советского Союза / Под ред. Б.Н. Пономарева, И.М. Волкова, М.С. Волина [и др.]. – Изд. 4-е, доп. – М.: Политиздат, 1972. – 736 с.

3.1.105. История социалистической экономики СССР. – тт. 1–7. – М.: Наука, 1976-1980.

3.1.106. История Татарской АССР. Т.II / Под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарямова, Х.Х. Хасанова. – Казань: Таткнигоиздат, 1960. – 584 с.

3.1.107. История Татарской АССР. / Редкол.: Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарямов. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1968. – 720 с.

3.1.108. Исхаков, В. К вопросу о практических мероприятиях по проведению национальной политики в Татреспублике / В. Исхаков // Труд и хозяйство. – 1929. – № 1–2. – С. 5–15.

3.1.109. Исянбаев, М.Н. Экономическая эффективность отраслевых производственных комплексов в промышленных узлах / М.Н. Исянбаев. – М.: Наука, 1977. – 191 с.

3.1.110. Кабирова, А.Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны / А.Ш. Кабирова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (18). – С. 132–141.

3.1.111. Калимуллин, А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х годов / А.М. Калимуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 112 с.

3.1.112. Калищук, Н.Ф. Управление рыбной промышленностью СССР / Н.Ф. Калищук. – Владивосток: Дальрыбвтуз, 1981. – 77 с.

3.1.113. Камаев, В.Д. Мощный ускоритель / В.Д. Камаев. – М.: Знание, 1966. – 40 с.

3.1.114. Камаев, В.Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности / В.Д. Камаев. – М.: Мысль, 1972. – 261 с.

3.1.115. Кантор, Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны / Л.М. Кантор. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1991. – 93 с.

3.1.116. Канторович, В.Я. Советские синдикаты / В.Я. Канторович. – М.: Изд-во Наркомторга СССР и РСФСР, 1928. – 234 с.

3.1.117. Каравайкин, А. Реорганизация системы управления промышленностью в 1931 и 1932 гг. / А. Каравайкин // Советское государство. – 1933. – № 7/8.

3.1.118. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней / С.Г. Кара-Мурза. – Т.I. – М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2002.

3.1.119. Карасс, А. Правовые формы организации государственной промышленности в условиях новой экономической политики / А. Карасс // Советское право. – 1923. – № 1(4).

3.1.120. Климентовский, В.А. Русские писатели в Татарии / В.А. Климентовский. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 175 с.

3.1.121. Козлова, О.В. Научные основы управления производством / О.В. Козлова, И.Н. Кузнецов. – М.: Экономика, 1970. – 286 с.

3.1.122. Козочкина, Е.Д. Из истории организации управления промышленностью (1918-1921 гг.) / Е.Д. Козочкина. – М.: Изд-во МГУ, 1964.

3.1.123. Колдомасов, Ю. Экономические связи в народном хозяйстве СССР / Ю. Колдомасов. – М.: Экономиздат, 1963. – 431 с.

3.1.124. Колосовский, Н.Н. Основы экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – М.: Госполитиздат, 1958. – 200 с.

3.1.125. Колосовский, Н.Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 335 с.

3.1.126. Константинова, Ю.Н. Финансы и факторы экономического роста / Ю.Н. Константинова. – М.: Финансы, 1974. – 152 с.

3.1.127. Коржихина, Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР (1917-1972 гг.) / Т.П. Коржихина. – М.: Высшая школа, 1974. – 399 с.

3.1.128. Коржихина, Т.П. Рождение административно-командной системы управления / Т.П. Коржихина // Административно-командная система управления: Проблемы и факты. – М., 1992. – 146 с.

3.1.129. Кощеев, Н.А. Н.К. Крупская в Прикамье / Н.А. Кощеев. – Ижевск, 1966. – 86 с.

3.1.130. Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945г.г.) / Г.С. Кравченко. – изд.2-е, переработ, и доп. – М.: Экономика,1971. – 389 с.

3.1.131. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков. – М.: РОССПЭН, 1998. – 264 с.

3.1.132. Крыштановская, О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М., 2005. – 381 с.

3.1.133. Кузнецов, С.В., Межевич, Н.М. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий / С.В. Кузнецов, Н.М. Межевич // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 2 (52).

3.1.134. Кудров, В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления / В.М. Кудров. – М.: Наука. 1997. – 254 с.

3.1.135. Кузьмина, Т.Н. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки / Т.Н. Кузьмина, Н.А. Шарошкин. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского, 2005. – 603 с.

3.1.136. Лакин, Г.В. Реформа управления промышленностью в 1929-1930 гг. / Г.В. Лакин. – М.: Гос. техн. изд-во, 1930. – 80 с.

3.1.137. Ланддабасо, А. Европейский опыт поможет в решении региональных проблем России / А. Ланддабасо // Евро. – 2000. – №3.

3.1.138. Ларин, Ю. Преобразования русских трестов в концерны / Ю. Ларин // Народное хозяйство. – 1922. – № 9-10.

3.1.139. Ларин, Ю. У колыбели / Ю. Ларин // Народное хозяйство. – 1918. – № 11.

3.1.140. Лепешкин, А.И. Местные органы власти Советского государства / А.И. Лепешкин. – М.: Госюриздат, 1957. – 304 с.

3.1.141. Личман, Б. Экономическая стратегия КПСС и тенденции развития Урала / Б. Личман. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 138 с.

3.1.142. Логинов, В.П. Резервы экономического роста / В.П. Логинов. – М.: Наука, 1989. – 304 с.

3.1.143. Локшин, А.Я. Организация управления промышленностью в СССР / А.Я. Локшин. – М.: Госфиниздат СССР, 1933. – 172 с.

3.1.144. Локшин, Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР (1917-1940 гг.) / Э.Ю. Локшин. – М.: Госполитиздат, 1956. – 320 с.

3.1.145. Локшин, Э.Ю. Промышленность СССР: Очерк истории (1940-1963) / Э.Ю. Локшин. – М.: Мысль, 1964. – 383 с.

3.1.146. Ломов Г.И. В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10.

3.1.147. Лютов, Л. Государственная промышленность в годы НЭПа / Л. Лютов. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1996. – 320 с.

3.1.148. Лютов, Л.Н. Идея государственного управления экономикой: уроки истории / Л.Н. Лютов // Вопросы экономики. – 1997. – № 6.

3.1.149. Лютов, Л. Частная промышленность в годы НЭПа (1921-1929 гг.) / Л. Лютов. – Саратов, 1994. – 147 с.

3.1.150. Макашева, З.М. Управление меховой промышленностью / З.М. Макашева. – М.: Легпромбытиздат, 1987. – 95 с.

3.1.151. Малков, В. Пятилетка в действии. Достижения и перспективы промышленного строительства Татреспублики / В. Малков. – Казань, 1930.

3.1.152. Медведев, В.А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри / В.А. Медведев. – М.: Былина, 1994. – 239 с.

3.1.153. Меньшиков, М.П. Технический прогресс в промышленности Татарии / М.П. Меньшиков. – М., 1956. – 26 с.

3.1.154. Мильнер, Б.З. Управление территориально-производственными комплексами т программами их создания / Б.З. Мильнер, А.В. Кочетков, Д.Г. Левчук. – М.: Наука, 1985. – 232 с.

3.1.155. Милютин, В.П. История экономического развития СССР (1917-1927) / В.П. Милютин. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 416 с.

3.1.156. Милютин, Н.А. По заданиям Ленина / Н.А. Милютин // Вопросы истории. – 1957. – № 3.

3.1.157. Моделирование формирования территориально-производственных комплексов / Отв. ред. М.К. Бадман. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 333 с.

3.1.158. Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В.А. Красильщиков, В.П. Гутник, В.И. Кузнецов [и др.]. – М.: Агентство «Иформатика», 1994. – 115 с.

3.1.159. Морозов, Б.М. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 – март 1919 г.) / Б.М. Морозов. – М.: Госполитиздат, 1957. – 216 с.

3.1.160. Морозова, Т.Г. Территориально производственные комплексы СССР / Т.Г. Морозова. – М.: Просвещение, 1983. – 176 с.

3.1.161. Мухарямов, М.К. Гражданская война в Татарии (1918 – 1919 гг.). / М.К. Мухарямов. – Казань: Таткнигоиздат, 1969. – 300 с.

3.1.162. Мухарямов, М.К. Октябрь и национальный вопрос в Татарии / М.К. Мухарямов. – Казань : Таткнигоиздат, 1958. – 156 с.

3.1.163. Назаров, О.Г. Проблемы планирования в контексте борьбы за власть в условиях НЭПа / О.Г. Назаров // Отечественная история. – 2000. – № 4.

3.1.164. Назипова, К.А. Национализация промышленности в Татарии (1917-1921 гг.) / К.А. Назипова. – М.: Наука, 1976. – 312 с.

3.1.165. Намарский, Л. Организационные проблемы новой экономической политики / Л. Намарский // Народное хозяйство. – 1921. – № 10.

3.1.166. Население России в XX веке: в 3-х т. / Отв. ред. изд. Ю.А. Поляков; РАН. Отд-ние истории. Науч. совет по ист. демографии. Ин-т рос. истории – М.: РОССПЭН (Рос. полит. энцикл.), 2000.

3.1.167. Научно-техническая революция и общество / Под ред. Н.И. Дряхлова, С.И. Никишова [и др.] – М.: Мысль, 1973. – 480 с.

3.1.168. Некрасова, И.М. Экономическая реформа 60-х годов: история, проблемы, решения / И.М. Некрасова, С.И. Дегтев // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М.: Наука, 1994. – С.585-595.

3.1.169. Нелидов, А.А. История государственных учреждений СССР (1917-1936 гг.) / А.А. Нелидов. – М.: Политиздат, 1962. – 748 с.

3.1.170. Новиков, В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева / В.Н. Новиков // Вопросы истории. – 1989. – № 1.

3.1.171. Новокрещенов, А.В. Государственная кадровая политика / А.В. Новокрещенов. – Новосибирск : СИУ РАНХиГС, 2014. – 223 с.

3.1.172. Об едином хозяйственном плане: (Работы 1920-1921 годов) / Под ред. А.И. Анчишкина. – М.: Экономика, 1989. – 284 с.

3.1.173. Ожегов, А. Конверсия оборонной промышленности и преобразование экономики СССР / А. Ожегов, Е. Роговский, Ю. Яремченко // Коммунист. – 1991. – №. 1.

3.1.174. Ольгин-Нестеров, В.М. Эффективность управленческого труда в промышленном производстве / В.М. Ольгин-Нестеров. – М.: Экономика, 1965. – 135 с.

3.1.175. Организация процессов управления / Под ред. Г.Х. Попова. – М.: Экономика, 1975. – 279 с.

3.1.176. Организация управления общественным производством / Под ред. Г.Х. Попова, Ю.И. Краснопояса. 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 253 с.

3.1.177. Основные проблемы промышленности Среднего Поволжья // Среднее Поволжье. – 1928. – №7.

3.1.178. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Р.А. Белоусова, В.И. Сенченко, Е.В. Мазалова. – М.: Мысль 1985. – 365 с.

3.1.179. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Г.И. Зинченко, Д.И. Правдина, А.А. Синягова. – М.: Мысль, 1977. – 383 с.

3.1.180. Основы научного управления социалистической экономикой / Под ред. Ю.П. Алексеева, В.Г. Белова [и др.] – М.: Мысль, 1984. – 253 с.

3.1.181. Основы управления социалистическим производством / Под ред. Д.М. Крука. – изд.2-е. – М.: Экономика, 1985. – 255 с.

3.1.182. Очерки истории партийной организации Татарии / Под ред. Н.А. Адрианова, Л.А. Аполлонова, З.И. Гильманова [и др.]. – изд. 2-е доп. и испр. – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 712 с.

3.1.183. Очерки истории Удмуртской АССР. Т.2. / Отв. ред. Е.П. Никитин, Е.И. Белослудцева, А.Н. Вахрушев [и др.]. – Ижевск: Удм. кн. изд., 1962. – 388 с.

3.1.184. Павлов, В.С. Август изнутри. Горбачев-путч / В.С. Павлов. – М.: Деловой мир: МП «Газ. «Фрезер», 1993. – 125 с.

3.1.185. Пантин, В.И. Волны политической модернизации в истории России: к обсуждению гипотезы / В.И. Пантин, В.В. Лапкин // Полис. – 1998. – № 2.

3.1.186. Панькин, И.Д. Советская государственная промышленная политика на Урале в 20-30-е гг. XX века в отечественной историографии: монография / И.Д. Панькин. – Челябинск: Уральская академия, 2013. – 376 с.

3.1.187. Первушин, Н.В. Казанский край как промышленный, торговый и потребляющий район / Н.В. Первушин. – Казань, 1922.

3.1.188. Першаков, П.Л. Смолокурение и положение химической переработки дерева в Казанском крае / П.Л. Першаков. – Казань, 1925.

3.1.189. Петрова, А.Л. Большая химия / А.Л. Петрова, И.М. Лифшиц, Л.Н. Цитрина. – Казань: Таткнигоиздат, 1967. – 148 с.

3.1.190. Петров, А. С. Экономические основы управления производством / А. С. Петров. – М.: Мысль, 1966. – 158 с.

3.1.191. Петров, Н.Ю. Советы народного хозяйства / Н.Ю. Петров. – М.: Госюриздат, 1958. – 84 с.

3.1.192. Пихало, В.Т. Трестирование промышленности СССР в 20-е гг. / В.Т. Пихало // История СССР. – 1971. – № 4.

3.1.193. Планирование народного хозяйства СССР / Под ред. Л. Я. Берри. – М.: Экономика, 1968. – 727 с.

3.1.194. Победоносцев, И.Ф. Крупная цензовая промышленность Татарской республики / И.Ф. Победоносцев. – Казань, 1928.

3.1.195. Победоносцев И.Ф. Трестированная и арендованная промышленность / И.Ф. Победоносцев // Труд и хозяйство. – 1923. – № 7.

3.1.196. Поволжье. Экономико-географическая характеристика / Под ред. К.В. Долгополова, В.В. Покшишевского, С.Н. Рязанцева. – М.: Географгиз, 1957. – 464 с.

3.1.197. Покровский Б. Звенья комплекса / Б. Покровский // Правда. – 1976. – 14 июля.

3.1.198. Понизов, Т.И. Управление промышленным производством в СССР / Т.И. Понизов. – М., 1963. – 220 с.

3.1.199. Поцелуев, В.А. История России XX столетия (Основные проблемы) / В.А. Поцелуев. – М.: ВЛАДОС, 1997. – 510 с.

3.1.200. Преображенский, Е.А. Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства / Е.А. Преображенский. – Т. 1. – М.: Ком. акад., 1926.

3.1.201. Пример социалистического строительства. – Петроград: Сов. нар. хоз. Сев. р-на, 1918. – 58 с.

3.1.202. Проблемы научной организации управления социалистической промышленностью (по материалам Всесоюзной научно-технической конференции / Под ред. Д.М. Гвишиани, С.Е. Каменицера [и др.]. – М., 1968.

3.1.203. Проблемы развития и размещения производительных сил Поволжья / Отв. ред. А.А. Адамеску. – М.: Мысль, 1973. – 272 с.

3.1.204. Промышленная политика в условиях новой индустриализации / К.В. Адрианов, О.И. Маликова, С.А. Побываев и др. – М.: МАКС-Пресс, 2015.

3.1.205. Промышленность Поволжья и голод 1921 г. – М., 1921.

3.1.206. Прохоров А. Ступени деградации системы управления / А. Прохоров // Общество и экономика. – 2002. – № 7. – С. 5-21.

3.1.207. Рабочий класс Татарии (1861 – 1980 гг.) / Ред. коллегия: З.И. Гильманов, А.М. Залялов [и др.]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 384 с.

3.1.208. Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период / Под ред. И.А. Гладкова, А.И. Косого [и др.]. – М.: Наука, 1965. – 600 с.

3.1.209. Райзберг, Б.А. Государственное управление экономическими и социальными процессами / Б.А. Райзберг. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2008.

3.1.210. Раскин, Я.М. Промышленность Средне-Волжской области/ Я.М. Раскин // Среднее Поволжье. – 1928. – №3.

3.1.211. Региональная промышленная политика: механизм реализации и инструменты: монография / О.О. Дроботова, Е.В. Кузьмина, А.С. Мельникова и др.; под науч. ред. Г.С. Мерздикиной. – Волгоград: ВолгГТУ, 2017. – С. 4-5.

3.1.212. Резервы повышения эффективности народнохозяйственного комплекса / Под ред. В.Г. Лебедева, В.И. Кушлина, Г. Гелерт [и др.]. – М.: Мысль, 1985. – 223 с.

3.1.213. Репинецкий, А.И. Демографический состав работников промышленности Поволжья. 1945–1965 гг. / А.И. Репинецкий. – Самара, 1996. – 132 с.

3.1.214. Родина, В.В. Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века / В.В. Родина // Управленческое консультирование. – 2017. – № 11. – С. 104-118.

3.1.215. Розенфельд, Я.С. Промышленная политика СССР (1917 – 1925) / Я.С. Розенфельд. – М.: Плановое хозяйство, 1926. – 552 с.

3.1.216. Романова, Т.Г. Институциональные преобразования как фактор экономического роста / Т.Г. Романова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 178 с.

3.1.217. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7.

3.1.218. Россия в конце XX века: итоги и перспективы модернизации / Под ред. М. Воейкова, П. Шульце. – М.: Экономическая демократия, 1999. – 300 с.

3.1.219. Рубин, А.М. Организация управления промышленностью в СССР (1917-1967 гг.) / А.М. Рубин. – М.: Экономика, 1969. – 236 с.

3.1.220. Румянцев, А. Социалистическая действительность и «теории» т. Э. Карделя / А. Румянцев // Коммунист. – 1956. – № 18.

3.1.221. Сабиров, М. Три опоры: воспоминания, выступления, интервью / М. Сабиров. – Казань: Идел-Пресс, 2006. – 341 с.

3.1.222. Сабсович, Л. Трестирование крупной государственной промышленности / Л. Сабсович // Известия ВСНХ. – 1922. – № 6.

3.1.223. Саввин, А.С. Экономический рост и проблемы экологизации промышленного производства / А.С. Саввин. – СПб.: «Инфо-да», 2004. – 244 с.

3.1.224. Савельев, М. Новый курс – трестирование / М. Савельев // Известия ВСНХ. – 1921. – № 10.

3.1.225. Самохвалов, В.Ф. Советы народного хозяйства в 1917–1932 гг. / В.М. Самохвалов – М.: Наука, 1964. – 303 с.

3.1.226. Сапир, Ж. Изменения экономических показателей в СССР в 1941-1985 годах / Ж. Сапир. – М., 1989.

3.1.227. Сахаров, Г.В. Организация аппарата ВСНХ и управление промышленностью / Г.В. Сахаров // Советское строительство. – 1927. – № 12.

3.1.228. Сахаров, Г. Очерки организации тяжелой промышленности СССР / Г. Сахаров, П. Чернай, О. Кабаков. – М.: Изд-во НКТП, 1934. – 88 с.

3.1.229. Семушкин, А.Т. Проблемы территориального управления экономикой / А.Т. Семушкин. – М.: Экономика, 1977. – 215 с.

3.1.230. Сенявский, А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? / А.С. Сенявский // Вопросы теоретической экономики. – 2020. – № 3.

3.1.231. Силантьев, Н.П. Рабочий контроль и совнархозы / Н.П. Силантьев. – М.: Московский рабочий, 1957. – 168 с.

3.1.232. Силантьев, Н.П. Совнархозы – основная организационная форма управления промышленностью и строительством / Н.П. Силантьев. – М., 1958. – 44 с.

3.1.233. Славкина, М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960-1980-е годы / М.В. Славкина. – М.: Наука, 2002. – 220 с.

3.1.234. Соболев, В.Г. Постройка цементно-сернокислотного и тукового комбината в Татреспублике / В.Г. Соболев. – Казань, 1931.

3.1.235. Соболь Н. Это диктуется жизнью / Н. Соболь // Коммунист. – 1962. – № 15.

3.1.236. Совершенствование организационных структур управления промышленностью республики во взаимосвязи с комплексной перестройкой хозяйственного механизма / Под ред. Т.А. Ворона, Н.П. Процко [и др.]. – Киев: УкрНИИНТИ, 1987. – 37 с.

3.1.237. Совет рабочего контроля Казанского Промышленного района. Рабочий контроль. – Казань, 1918.

3.1.238. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / Под ред. П.С. Болдырева, М.Г. Брагина, В.Н. Евстигнеева [и др.]. – М.: Наука, 1976. – 727 с.

3.1.239. Соколов, А.К. Об изучении социальных преобразований советской власти (1917–1930-е годы) / А.К. Соколов // Россия в XX веке: Реформы и революции. – Т.1. – М., 2002. – С. 103-113.

3.1.240. Соловьев, В. Конституция ВСНХ / В. Соловьев // Народное хозяйство. – 1918. – № 11.

3.1.241. Сочетание отраслевого и территориального управления экономикой союзной республики / [Т.С. Вертинская, Е.Г. Киреенко, Т.В. Корклинская и др.]; Под ред. В.С. Фатеева. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 239 с.

3.1.242. Степанов, В.Р. НТР: государственная политика и регион (на материалах индустриального развития республик Волго-Вятского экономического региона в 50 – 80-е гг.) / В.Р. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 368 с.

3.1.243. Струмилин, С.Г. Очерки советской экономики / С.Г. Струмилин. – Л.: Гос. изд-во, 1928. – 498 с.

3.1.244. Суслов, М.Г. Причины краха Советской системы / М.Г. Суслов. – Пермь: Западно-Уральский ин-т экономики и права, 2007. – 359 с.

3.1.245. Суслов, М.Г. Стратегия обновления / М.Г. Суслов. – М., 1990.

3.1.246. Табеев, Ф.А. На новых рубежах / Ф.А. Табеев. – Казань, 1976. – 271 с.

3.1.247. Табеев, Ф.А. Партия служит народу / Ф.А. Табеев. – Казань: Татар.кн.изд-во, 1979. – 96 с.

3.1.248. Татария на пути к коммунизму / Под ред. М.К. Мухарямова, Ю.И. Смыкова, В.В. Кузьмина. – Казань, 1965. – 324 с.

3.1.249. Татарский, Е.Л. Преобразование организации управления промышленностью / Е.Л. Татарский. – М.: ИВЦ «Маркетинг», 1999. – 77 с.

3.1.250. Тезисы по организации Совета государственной промышленности и торговли в Татарской АССР. – Казань: Татполиграф, 1930. – 24 с.

3.1.251. Телицын, В.Л. Военный коммунизм: новый взгляд на старые проблемы / В.Л. Телицын // Отечественная история. – 1998. – №4.

3.1.252. Теоретические основы функциональной структуры промышленного комплекса экономического района / Отв. ред. М.М. Паламарчук. – Киев: Наукова думка, 1972. – 240 с.

3.1.253. Тимошина, Т.М. Экономическая история России / Т.М. Тимошина. – М.: Информ.-изд. дом «Филинъ» : Юрид. дом «Юстицинформ», 1998. – 431 с.

3.1.254. Тихонов, Н.А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы / Н.А. Тихонов. – М.: АПН, 1984. – 264 с.

3.1.255. Тихонов, И.А. Главная экономическая задача и технический прогресс в СССР / И.А. Тихонов, В.П. Щедренок. – М.: Изд-во экон. лит-ры, 1963. – 247 с.

3.1.256. Токарев, В.Б. Партийное руководство развитием промышленности автономных республик Среднего Поволжья / В.Ю. Токарев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 237 с.

3.1.257. Троепольский, В.И. Татария – республика нефти / В.И. Троепольский. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 156 с.

3.1.258. Трусфус, М. Кожевенная промышленность Казанского края. – Казань, 1928.

3.1.259. Управление химической промышленностью / Под ред. В.Л. Клименко. – Л.: Химия, 1983. – 247 с.

3.1.260. Фармазян, Р.А. Издержки сверхвооруженностии эффект конверсии / Р.А. Фармазян // Драма обновления. – М. 1990. – 675 с.

3.1.261. Фасеев, К. Игра в эксперименты или как однажды дробили Татарстан / К. Фасеев // Гасырлар авазы. Эхо веков. – 2001. – № ½. – С. 132 - 135.

3.1.262. Федоренко, Н.П. Химизация и экономика / Н.П. Федоренко. – М.: Знание, 1966. – 71 с.

3.1.263. Федорович, М.М. Очерки по организации промышленности / М.М. Федорович. – М., 1927.

3.1.264. Федотов, В.В. Эвакуированное население в Татарской АССР в 1941–1948 годах / В.В. Федотов // Научный диалог. – 2018. – № 6. – С. 186-197.

3.1.265. Федотов, В.В. Эвакуационные процессы и национальные отношения в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / В.В. Федотов // Вояджер: мир и человек. – 2018. – № 11. – С. 185-193.

3.1.266. Филоненко, А.Л. ВСНХ: идея и реальность / А.Л. Филоненко. – Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. пед. ин-та, 1998. – 196 с.

3.1.267. Филоненко, А.Л. Зарождение советской системы управления промышленностью / А. Л. Филоненко. – Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. ун-та, 2000. – 143 с.

3.1.268. Хавина, С.А. Критика буржуазных взглядов на закономерности социалистического хозяйствования / С.А. Хавина. – М.: Мысль, 1968. – 256 с.

3.1.269. Ханин, Г.И. Динамика экономического развития СССР / Г.И. Ханин. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. – 267 с.

3.1.270. Хейнман, С.А. Научно-техническая революция сегодня и завтра / С.А. Хейнман. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1977. – 328 с.

3.1.271. Цикулин, В.А. История государственных учреждений СССР (1936-1965 гг.) / В.А. Цикулин. – М.: МГИАИ, 1966. – 358 с.

3.1.272. Чалов, В.И. Территориально-производственный комплекс. Проблемы формирования и управления / В.И. Чалов. – М.: Мысль, 1983. – 160 с.

3.1.273. Чадаев, Я. Вопросы планирования народного хозяйства / Я. Чадаев. – М.: Госполитиздат, 1961. – 178 с.

3.1.274. Чадаев, Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е.Я. Чадаев. – М.: Мысль, 1985. – 494 с.

3.1.275. Шамов, А.А. Территориальное управление народным хозяйством / А.А. Шамов. – М.: Экономика, 1984. – 176 с.

3.1.276. Шафиков, Я.Д. Фикрят Табеев: документ. проза на рус. и татар. яз. / Я.Д. Шафиков. – Казань: Идел-Пресс, 2001. – 462 с.

3.1.277. Шелохаев, В.В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема / В.В. Шелохаев // Россия в XX веке. Реформы и эволюции. – Т.1. – М., 2002. – С. 47.

3.1.278. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов / В.А. Шестаков. – М.: Наука, 2006. – 296 с.

3.1.279. Широков, Г.А. Промышленные рабочие послевоенного Поволжья (1945-1960) / Г.А. Широков. – Саратов, 1987. – 143 с.

3.1.280. Шмелев, Н. На переломе: экономическая перестройка в СССР / Н. Шмелев, В. Попов. – М.: Новости, 1989. – 398 с.

3.1.281. Шубарина, Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития. 1945–1965 гг./ Л.В. Шубарина. Челябинск: Уральская акад., 2011. – 280 с.

3.1.282. Юдкевич, Л. Как мы добились выполнения плана всеми предприятиями (Из опыта Татарского совнархоза) / Л. Юдкевич // Плановое хозяйство. – М., 1962. – № 5.

3.2. *Зарубежная литература*

3.2.1 Аллен, Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции / Р.С. Аллен. – М.: РОССПЭН, 2013. – 389 с.

3.2.2 Бернал, Дж. Мир без войны / Пер. с англ. И.З. Романова и В.М. Францовой. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.

3.2.3 Верт, Н. История советского государства. 1900-1991 / Пер. с фр. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 480 с.

3.2.4 Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. – М.: РОССПЭН, 2006. – 398 с.

3.2.5 Девис, Р.У. Великобритания и Соединенные Штаты: анализ развития советской экономики в межвоенный период / Р.У. Девис // Россия XIX-XX в. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996. – С. 197-216.

3.2.6 Жид, А. Возвращение из СССР. Поправки к моему «Возвращению из СССР» / А. Жид // Два взгляда из-за рубежа. – М., 1991.

3.2.7 Карр, Э. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923 гг. Т.1 / Пер. З. П. Вольская, О. В. Захарова, Н. Н. Кольцов. – М.: Прогресс, 1990. – 768 с.

3.2.8 Келлер, С. Стратегические элиты в современном обществе / С. Келлер. – Киев: Свободный дом, 1994. – 187 с.

3.2.9 Коткин, С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000 / С. Коткин. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 240 с.

3.2.10 Ли Шеньмин. Разложение КПСС – коренная причина распада СССР / Ли Шеньмин // Над этим размышляет история. Заметки к 20-летию распада СССР. Пекин: Social Sciences Academic Press (China), 2012.

3.2.11 Малиа, М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / М. Малия. – М.: РОССПЭН, 2002. – 580 с.

3.2.12 Манхейм, К. Человек и общество в век преобразования: Специализ. информ. по общеакад. прогр. "Человек, наука, общество": комплекс. исслед. / Манхейм К.; [Вступ. ст. П. С. Гуревича, с. 5-25]; АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке (при президиуме АН СССР). – М.: ИНИОН, 1991. – 219 с.

3.2.13 Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс // Диалог. – 1990. – № 9.

3.2.14 Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социс. – 1994. – №10. – С. 187-198.

3.2.15 Парето, В. Компендиум по общей социологии / Антология мировой политической мысли. / Рук. проекта Г.Ю. Семигин. – Т.2. – М.: Мысль, 1997. – 830 с.

3.2.16 Роуни, Д. Связь «государство – экономика» и концепция автономии / Д. Роуни // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. – Вып. 1 (119). – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1995.

3.2.17 Тилле, А.А. Советский социалистический феодализм. 1917-1990 / А.А. Тилле. – М.: Пробел-2000, 2005. – 259 с.

3.2.18 Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

3.2.19 Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917-1991 / Пер. с англ. – М.: Вагриус, 1994. – 510 с.

3.2.20 Barre, R. Economie politique / R. Barre. – T.I. – Paris, 1961.

3.2.21 Baykov, A.M. The Development of the Soviet Economic System; an essay on the-experience of planning in the USSR / A.M. Baykov. – New York, 1946.

3.2.22 Bergson, A. The Economics of Soviet Planning / A. Bergson. – New Haven, 1964.

3.2.23 Berliner, J.S. Soviet industry from Stalin to Gorbachev. Essays on management and Innovation / J.S. Berliner. – Crower House et al. Ithaca, 1988.

3.2.24 Berry, M.J. Science, technology and innovation II Khrushchev and khrushchevism / M. J. Berry. – I Ed. by M. McCauley. – Houndmills et al., 1987.

3.2.25 Birman, I. Second and first economies and economic reforms / I. Birman. – Washington, 1980.

3.2.26 Black, C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – New York, 1975.

3.2.27 Boettke, P. The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918-1928 / P. Boettke. – Boston, 1990.

3.2.28 Breslauer, G.W. Khrushchev reconsidered II The Soviet Union since Stalin / G.W. Breslauer. – I Ed. by S.F. Cohen et al. Bloomington, 1980.

3.2.29 Carr, E.H. A History of Soviet Russia / E.H. Carr. – London- New York, 1950-1959.

3.2.30 Chauvier, J.M. L'URSS au second souffle. Bilan et reformes de reconomie planifiee sovietique / J.M. Chauvier. – Liege, 1976.

3.2.31 Crankshaw, E. Khrushchev / E. Crankshaw. – London, 1969.

3.2.32 Curtis, J.S. Essays in Russian and Soviet History / J.S. Curtis. – New York, 1962.

3.2.33 Davies, R.W. Economic planning in the USSR II The Soviet economy: continuity and change / R.W. Davies. – Boulder, 1981.

3.2.34 Die Wirtchaftssysteme der Staaten Ost-Europas und der Volksrepublik China. – Bd.I. – Berlin, 1961.

3.2.35 Dobb, M. Russian. Economic Development since the Revolution / M. Dobb. – New York, 1928.

3.2.36 Dobb, M. Soviet economic development since 1917 / M. Dobb. – London, 1972.

3.2.37 Dyker, D.A. Restructuring the Soviet Economy / D.A. Dyker. – New York, 2002. – 242 p.

3.2.38 Dunmore, T. The Stalinist command economy. The Soviet state apparatus and economic policy 1945-53 / T. Dunmore. – London, 1980.

3.2.39 Economic Trends in the Soviet Union / Ed. By A. Bergson, S. Kuznets. – Cambridge, 1963.

3.2.40 Er1ich, A. Economics / A. Erlich // Russian and Soviet studies: a handbook I Ed. by C A. Bezer. – Columbus, 1973.

3.2.41 Eucken, W. Grundsatze der Wirtschaftspolitik / W. Eucken. – Munchen, 1963.

3.2.42 Evangelista, M. Stalin's Postwar Army Reappraised // Soviet Military Policy since World War II / Ed. by W. T. Lee, K. F. Staar. – Stanford, 1986.

3.2.43 Farbman, M. After Lenin. The New Phase in Russia / M. Fabman. – London, 1924.

3.2.44 Frankland, M. Khrushchev / M. Frankland. – London, 1966.

3.2.45 Gill, G. The Rules of the Communist Party of the Soviet Union / G. Gill. – New York, 1988.

3.2.46 Gregory, P.R. Soviet economic structure and performance / P.R. Gregory, R.C. Stuart. – New York, 1974.

3.2.47 Grossman, G. Notes for a of the Command Economy II Soviet Studies / G. Grossman. – 1963. – Vol. XV. – № 2.

3.2.48 Gustafson, T. Reform of Land and Water in the USSR / T. Gustafson. – Cambridge, 1981.

3.2.49 Harper, S.N. Government of the Soviet Union / S.N. Harper. – New York, 1949.

3.2.50 Heleniak, T. Estimates and Projection of the Labour Force and Employment in the Soviet Union for 1988 and 1987, working paper / T. Heleniak. – Washington, 1990.

3.2.51 Hosking, G.A History of the Soviet Union / G.A. Hosking. – London, 1985.

3.2.52 Husband, W. Revolution in the Factory: the Birth of the Soviet Textile Industry, 1917-1920 / W. Husband. – New York, 1990.

3.2.53 Kaser, M. Soviet economics / M. Kaser. – London, 1970.

3.2.54 Kuznets, S. Economic Growth and Structure / S. Kuznets. – New York: Norton, 1965.

3.2.55 Lagasse, Ch.E. L'entreprise sovietique et le marche / Ch.E. Lagasse. – P., 1979.

3.2.56 Lawton, L. An Economic History of Soviet Russia / L. Lawton. – London, 1927.

3.2.57 Linden, C. Khrushchev and Soviet Leadership. 1957-1964 / C. Linden. – Baltimore, 1966.

3.2.58 Lih, L. Bread and Authority in Russia, 1914-1921 / L. Lih. – Berkeley, 1990.

3.2.59 Malle, S. The Economic Organization of War Communism, 1918-1921 / S. Malle. – Cambridge, 1985.

3.2.60 Maurel, M.C. Territoire et strategies sovietiques / M.C. Maurel. – Paris, 1982.

3.2.61 McLauley, M. Khrushchev and Breznev as Leaders / M. McLauley. – London, 1982.

3.2.62 Nearine, S., The Economic Organization of the Soviet Union / S. Nearine, J. Hardy. – New York, 1927.

3.2.63 New Directions in the Soviet Economy. – Pt. I. – Washington, 1966.

3.2.64 Nove, A. An Economic History of the USSR / A. Nove. – London, 1970.

3.2.65 Nove, A. An Economic History of the USSR: 1917-1991 / A. Nove. Published by Penguin Group, 1992. – 482 p.

3.2.66 Pallot, J. Planning in the Soviet Union / J. Pallot, D. Shaw. – London, 1981.

3.2.67 Page, A. Arnot. The Russian Revolution / Page A. Arnot. – London, 1923.

3.2.68 Pares, B. A History of Russia / B. Pares. – New York, 1926.

3.2.69 Raupach, H. Geschichte der Sowjetwirtschaft. Reinbek bei / H. Raupach. – Hamburg, 1964.

3.2.70 Remington, T. Building Socialism in Bolshevik Russia: Ideology and Industrial Organization, 1917-1921 / T. Remington. – Pittsburgh, 1984.

3.2.71 Rostow, W.W. The Stages of Economic Growth / W.W. Rostow. – Cambrige, 1960.

3.2.72 Schapiro, L. The government and politics of the Soviet Union / L. Schapiro. – New York, 1977.

3.2.73 Schroeder, G. The Soviet Economy on a Treadmill of «Reforms» / G. Schroeder. – Washington. 1979.

3.2.74 Sherman, H.J. The Soviet Economy / H.J. Sherman. – Boston, 1969.

3.2.75 Structure and Perfomance. – Forth ed. Harper Collins Publishers, 1990.

3.2.76 Sutton, A. Western technology and Soviet economic development, 1945 to 1965 / A. Sutton. – Stanford, 1973.

3.2.77 Thalheim, K. Grundzuge des sowjetischen Wirtchaftssystems / K. Thalheim. – Koln, 1962.

3.2.78 The Cambridge history of Russia the twentieth century / Ed. by Ronald Grigor Suny. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 883 p.

3.2.79 The Economic Life of Soviet Russia. – New York: The Macmillan Company, 1931.

3.2.80 The Impact of World War II on the Soviet Union / Edited by Susan J. Linz. – University of California, Irvine: Rowman & Allanheld Publishers, 1985. – 300 p.

3.2.81 Tucker, R. The Soviet Political Mind / R. Tucker. – London, 1972.

3.2.82 Turgeon, L. The Constanting Economies / L. Turgeon. – Boston, 1963.

3.2.83 Vago, S. Social Change / S. Vago. – Prentice-Hall, 1989.

3.2.84 Weitzman, M.L. Soviet Postwar Economic Growth and Capital Labor Substitution. American Economic Review. – 1970. – 60(5). – P. 676-692.

3.2.85 Westwood, J.N. Endurance and endeavor. Russian history 1812-1992 / J.N. Westwood. – New York, 1993.

3.2.86 Williams, B. The Russian Revolution, 1917-1921 / B. Williams. – Oxford; New York, 1987.

3.2.87 Wright, A.W. Soviet economic planning and performance II the Soviet Union since Stalin / A.W. Wright. – I Ed. by S. F. Cohen et al. Bloomington, 1980.

3.3 Диссертационные работы

3.3.1. Агаджанян, А.Г. Исторический опыт разработки и реализации экономической политики СССР и Российской Федерации: 1945-1999 гг.:

дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Агаджанян Арсен Гайкович. – М., 2007. – 486 л.

3.3.2. Акмурзина, О.О. Деятельность местных органов власти Среднего Поволжья в решении задач первой пятилетки в области промышленности: 1928-1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Акмурзина Оксана Олеговна. – Самара, 2007. – 171 л.

3.3.3. Алёкминская, Г.М. Политика коренизации на промышленных предприятиях Татарской АССР во второй половине 1920-х - 1930-е гг.: дис. ... канд.ист. наук: 07.00.02 / Алёкминская Гульнара Михайловна. – Казань, 2013. – 180 л.

3.3.4. Антипова, Е.А. Промышленность автономных республик Среднего Поволжья в 1925 - 1940-е годы: исторический опыт создания отрасли: дис. ... канд.ист. наук: 07.00.02 / Антипова Елена Алексеевна. – Чебоксары, 2000. – 283 л.

3.3.5. Богословская, М.В. Советская государственная элита 1920-х гг.: механизм формирования и система назначений: дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Богословская Мария Владимировна. – М., 2007. – 270 с.

3.3.6. Борисов, А. А. Рациональное размещение молочной промышленности Татарской АССР: дис. ... канд.экон. наук: 08.00.00 / Борисов Александр Анисимович. – М., 1971. – 221 л.

3.3.7. Вовченко, Г.Л. Коммунистическая партия – организатор трудовых подвигов советских женщин в промышленности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): По материалам партийной организации Татарской АССР: дис. ... канд. ист. наук / Вовченко Галина Леонидовна. – М., 1961. – 278 л.

3.3.8. Высоцкий, И.А. История становления и деятельности синдикатской системы управления госпромышленностью в условиях НЭПа: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Высоцкий Иван Александрович. – М., 2009. – 192 л.

3.3.9. Галлямова, А.Г. Татарская АССР во второй половине 1940-х - середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Галлямова Альфия Габдульнуровна. – Казань, 2011. – 541 л.

3.3.10. Гарипова, М.Г. Партийно-организационная и идейно-воспитательная работа на промышленных предприятиях автономных республик Среднего Поволжья в период между XXIV и XXV съездами КПСС (на материалах Марийской, Мордовской, Татарской, Чувашской областных партийных организаций): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Гарипова, Мавлида Галяутдиновна. – Казань, 1983. – 231 л.

3.3.11. Гатауллина, И.А. Среднее Поволжье в годы Новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Гатауллина Ирина Алексеевна. – Казань, 2009. – 565 л.

3.3.12. Грик, Н.А. Политика и экономика советского государства в 1921–1933 гг. Критический анализ: дис. …д-ра ист. наук: 07.00.02 / Грик Николай Антонович. – М., 2003. –410 л.

3.3.13. Гурина, М.Г. Партийное руководство формированием трудовых ресурсов в условиях перестройки народного хозяйства на военный лад. 1941-1942 гг. (на материалах РСФСР): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Гурина Марина Георгиевна. – М., 1984. – 193 с.

3.3.14. Демичев, Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством в центре и на Южном Урале: 1957-1965 гг.: дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Демичев Егор Витальевич. –Оренбург, 2007. – 227 л.

3.3.15. Дроздов, В.В. Современная зарубежная историография экономической политики СССР в 1946-1985 гг.: дис. … д-ра экон. наук: 08.00.02, 08.00.03 / Дроздов Виктор Викторович. – М., 1998. – 466 л.

3.3.16. Дрындин, В.Л. Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953-1964 гг.) в контексте специфики

отечественной истории: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Дрындин Виктор Леонович. – М., 2004. – 464 л.

3.3.17. Дудкина, Д.В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917-1991 гг.): дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Дудкина Дарья Владимировна. – Самара, 2002. – 243 л.

3.3.18. Закиев, А.З. Основные направления развития нефтехимической промышленности Татарской АССР и совершенствование ее производственных связей: автореф. дис... канд.экон. наук / Закиев А.З. – Саратов, 1969. – 24 с.

3.3.19. Зелев, М.В. Инженернотехническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928-1941 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Зелёв Михаил Владимирович. – Пенза, 2001. – 282 л.

3.3.20. Зиновьева, Л.Г. Государственное регулирование промышленности СССР в 1965-1991 гг.: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Зиновьева Лариса Геннадьевна. – М., 2007. –254 л.

3.3.21. Ежов, В.А. Поиск путей совершенствования хозяйственного механизма. 1956-1965 гг. На материалах промышленности: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Ежов Вячеслав Александрович. – М., 1992. – 286 л.

3.3.22. Еремина, О.С. Исторический опыт реформирования государства и общества в СССР и России в конце XX – начале XXI века: дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Еремина Ольга Сергеевна. – Пятигорск, 2009. – 217 с.

3.3.23. Ефремов, А.А. Повышение роли государства в управлении промышленностью региона: дис. …канд. экон. наук: 05.13.10 / Ефремов Анатолий Антонович. – М., 1999. –152 л.

3.3.24. Ильин, К.Г. Реорганизация центральных органов исполнительной власти СССР в послевоенный период (1946-1950 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ильин Константин Геннадьевич. – М., 2010. – 199 л.

3.3.25. Кабирова, А.Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: социально-экономические и культурно-

идеологические процессы в тыловом регионе: дис. …д-ра ист. наук: 07.00.02 / Кабирова Айслу Шарипзяновна. – Казань, 2012. – 582 л.

3.3.26. Кадыльский, В.И. Укрепление Советов Татарской АССР и их деятельность в области промышленности и сельского хозяйства (1951-1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кадыльский Владимир Иванович. – Казань, 1978. – 207 л.

3.3.27. Колесникова, А.В. Централизация и децентрализация в региональной политике многосоставного государства: российская практика в контексте зарубежного опыта: дис. … канд. полит. наук: 23.00.05 / Колесникова Анна Владимировна. – Саратов, 2015. – 189 л.

3.3.28. Коломыц, О.Г. НЭП в промышленности Татарской республики: дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 / Коломыц Ольга Григорьевна. – Казань, 1995. – 259 л.

3.3.29. Кондратенко, Е.Ф. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Среднего Поволжья): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кондратенко Евгений Федорович. – Пенза, 2002. – 257 л.

3.3.30. Корнилова, И.М. Исторический опыт подготовки кадров народного хозяйства в национальных районах Поволжья: дис. … докт. ист. наук: 07.00.02 / Корнилова Ирина Михайловна. – Элиста, 2009.

3.3.31. Кочнева, К.А. Министерство легкой промышленности СССР в системе государственного управления: 1965-1970 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кочнева Ксения Александровна. – М., 2009. – 215 л.

3.3.32. Кривоножкина, Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Кривоножкина Екатерина Геннадьевна. –Казань, 2001. – 299 л.

3.3.33. Кузнецова, П.Ю. Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы: 1965-1985 гг.: дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Кузнецова Полина Юрьевна. – М., 2007. – 225 л.

3.3.34. Кулагин, О.И. Лесопромышленный комплекс Карелии во второй половине XX века: реализация ресурсной модели модернизации моноотраслевого региона: дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / Кулагин Олег Игоревич. – Саранск, 2020. – 634 с.

3.3.35. Куринова, И.А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики (1964-1985 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Куринова Ирина Александровна. – М., 2004. – 442 л.

3.3.36. Курносов, В.В. Идея централизованной плановой экономики и ее реализация в СССР: история и современный взгляд: дис. …канд. экон. наук: 08.00.01 / Курносов Василий Викторович. – СПб., 2011. – 297 л.

3.3.37. Ломшин, М.Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957-1962 гг.): дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Ломшин Михаил Геннадьевич. – Саранск, 2010. – 255 л.

3.3.38. Лысцев, М.С. Политико-институциональная трансформация номенклатуры КПСС: региональный аспект: дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Лысцев Михаил Сергеевич. – Н.Новгород, 2007. – 214 л.

3.3.39. Лякишев, С.П. Деятельность краевых органов государственного управления промышленностью Алтайского края: 1945-1965 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Лякишев Сергей Петрович. – Барнаул, 2003. – 228 л.

3.3.40. Макаров, В.Б. Становление советского государственного управления: эволюция доктрины и системы (октябрь 1917 г. – середина 1920-х годов): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Макаров Владимир Борисович. – Н.Новгород, 2002. – 572 л.

3.3.41. Мерцалов, В.И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957-1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Мерцалов Виктор Иванович. – Иркутск, 2001. – 471 л.

3.3.42. Моисеев, Е.В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моисеев Евгений Владимирович. – М., 2004. – 594 л.

3.3.43. Молодчик, А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Молодчик Анатолий Викторович. – М., 2004. – 322 л.

3.3.44. Минеев, А.И. Чувашский совнархоз в 1957-1962-е годы: организация, кадровый состав, управление промышленностью: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Минеев Алексей Игоревич. – Чебоксары, 2012. – 198 л.

3.3.45. Минкин, М.Р. Становление и развитие системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950-1960-е гг.: дис. ... канд.ист. наук: 07.00.02 / Минкин Марат Риналович. – Казань, 2011. – 221 л.

3.3.46. Назаров, О.Г. Борьба за лидерство в РКП(б) и её влияние на создание номенклатурной системы в 20-е годы: автореферат дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Назаров Олег Геннадьевич. – М., 2000. – 37 с.

3.3.47. Неровня, Т.Н. Историко-методологические взаимосвязи собственности и индустриализма в российской экономике (1861–1999 гг.): дис. … д-ра экон. наук: 08.00.03 / Неровня Тамара Нигматовна. – М., 2000. – 294 л.

3.3.48. Овчинникова, Н.В. Развитие управленческой мысли в сфере организации и управления народным хозяйством в России во второй половине XX века: дис. … д-ра. экон. наук: 08.00.01 / Овчинникова Наталья Викторовна. – М., 2005. – 306 л.

3.3.49. Ожерелков, В.А. Проблемы развития и размещения нефтяной промышленности и ее влияние на формирование промышленных комплексов и узлов (на примере Татарской АССР, Башкирской АССР и Куйбышевской области): автореф. дис. …канд экон наук / Ожерелков В.А. – М., 1969. – 25 с.

3.3.50. Панькин, И.Д. Отечественная историография советской государственной промышленной политики на Урале (1917–1941 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.09 / Панькин Игорь Дмитриевич. – Челябинск, 2015. – 594 л.

3.3.51. Пашин, В.П. Партийно-хозяйственная номенклатура в СССР: становление, развитие, упрочение (в 20-х - 1930 году): дис. …д-ра ист. наук: 07.00.01 / Пашин Василий Петрович. – М., 1993. –439 л.

3.3.52. Петрова, А.А. Развитие стахановского движения в промышленности Татарской АССР в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.): дис. … канд.ист.наук: 07.00.00 / Петрова Аврора Алексеевна. – Казань, 1953. – 279 л.

3.3.53. Поливина, Р.В. Отраслевая структура и территориальная организация промышленности строительных материалов Татарской АССР: дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02 / Поливина Римма Викторовна. – Казань, 1975. – 206 л.

3.3.54. Полунин, В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР 1945-1953 гг.: дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Полунин Вячеслав Владимирович. – М., 2007. – 278 л.

3.3.55. Рожнов, В.И. Политика индустриального развития национальных республик Среднего Поволжья: Становление топливной и энергетической промышленности на материалах ТАССР, ЧАССР и МАССР, 1926 - 1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Рожнов Вячеслав Ильич. – Чебоксары, 2000. – 197 л.

3.3.56. Рубин, А.М. Организационно-правовые проблемы структур государственного управления промышленностью в СССР: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Рубин Аркадий Монеевич – М., 1984. – 412 л.

3.3.57. Сакаев, В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сакаев Василь Тимерьянович. – Казань, 2008. – 234 л.

3.3.58. Семенова, Л.М. Деятельность Советов народного хозяйства по управлению промышленностью в 1957-1962 гг.: на материалах Башкирской АССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Семенова Ленара Маузатовна. – Уфа, 2003. – 245 л.

3.3.59. Солдатова, О.Е. Реформирование системы управления экономикой СССР в 1957-1965 гг. (на материалах Куйбышевской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Солдатова Ольга Евгеньевна. – Самара, 2005. – 22 с.

3.3.60. Соловьев, В.И. Деятельность партийной организации Татарии по укреплению и совершенствованию государственного и хозяйственного аппарата республики в период восстановления народного хозяйства (1920-1926 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Соловьев В.И. – Казань, 1971. – 283 л.

3.3.61. Степанов, В.Р. Индустриальное развитие республик Волго-Вятского экономического района в условиях НТР: 50-80-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.02.00 / Степанов Владимир Ростиславович. – М., 2004. – 469 л.

3.3.62. Тетюшев, В.И. Исторический опыт КПСС по руководству социалистическим преобразованием экономики СССР и буржуазные «критики». (Критический анализ англо-американской и западногерманской историографии. 1917-1980 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / Тетюшев Владимир Ильич. – М., 1984. – 443 л.

3.3.63. Тимофеев, Г.А. Социально-экономические реформы 1985-1991 гг. в СССР: предпосылки, динамика, результаты: дис. …канд. ист. наук: 07.00.01 / Тимофеев Геннадий Александрович. – Н.Новгород, 2007. – 194 с.

3.3.64. Тихонова, Э.Д. Изменения в разделении труда на промышленном предприятии и профессиональная структура рабочих кадров: на материалах нефтяной промышленности Татарской АССР : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.07 / Тихонова Элеонора Доновна. – Л., 1973. – 195 л.

3.3.65. Токарев, В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствовании управления промышленностью и строительством в 1956 – 1961 гг. (По материалам Татарии): дис. ... канд. ист. наук / Токарев, В.Б. – Казань, 1963. – 289 л.

3.3.66. Файзуллин, С.А. Административно-территориальное устройство Татарской АССР в 1920–1930-е гг.: формирование и развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Файзуллин Станислав Анатольевич. – Казань, 2013. – 250 с.

3.3.67. Фасхутдинов, К.Ф. Руководство партийных организаций автономных республик Среднего Поволжья подготовкой и воспитанием квалифицированных рабочих кадров в годы восьмой пятилетки: на материалах Марийской, Татарской и Чувашской АССР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Фасхутдинов Камиль Фасхутдинович. – Казань, 1985. – 218 л.

3.3.68. Федулов, Ю.К. Государственное хозяйствование в России первой трети XX в. Системный анализ: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Федулов Юрий Константинович. – М., 2001. – 270 л.

3.3.69. Филоненко, А.Л. Создание и функционирование управленческих структур высшего совета народного хозяйства в 1917-1921 годах: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Филоненко Александр Львович. – Челябинск, 2000. – 479 л.

3.3.70. Хазиев, Р.С. Централизованное администрирование экономики и уральская периферия: конец 1917 г.- начало 1921 г.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Хазиев Рустэм Асхатович. – М., 2005. – 478 л.

3.3.71. Ходов, М.В. Централизация и децентрализация государственной власти в современной России: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ходов Николай Владимирович. – Н.Новгород, 2006. – 202 л.

3.3.72. Хузина, А.Ф. Нижнекамский промышленный район: Возникновение и развитие в 50-60-е годы XX века: диссертация ... канд.ист. наук: 07.00.02 / Хузина Адэля Фаргатовна. – Казань, 2006. – 235 л.

3.3.73. Шафир, Г.Г. Ступени развития городских поселений Татарской АССР в 1900-1965 гг.: дис. ... канд. геогр. наук / Шафир Г. Г. – Казань, 1968. – 266 л.

3.3.74. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 1950-е - середине 1960-х годов: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Шестаков Владимир Алексеевич. – М., 2006. – 418 л.

3.3.75. Шетов, В.Х. Основные направления российской экономической мысли в области научной организации труда и управления производством в 20-е годы: дис. … д-ра экон. наук: 08.00.02 / Шетов Владимир Хачимович. – СПб, 1999. – 349 л.

3.3.76. Ярных, М.В. Местное советы Удмуртии в период реформирования: 1985-1993 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ярных Марина Владимировна. – Ижевск, 2006. – 219 л.

3.4. Справочная литература

3.4.1. Большая Советская Энциклопедия. – тт. 29, 41. – М. : Большая сов. энциклопедия, 1939, 1954.

3.4.2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2001. – 1534 с.

3.4.3. Словарь по партийному строительству. – М. : Политиздат, 1987. 365 с.

3.4.4. Современный словарь иностранных слов. – М. : Русский язык, 1993. 740 с.

3.5. Электронные ресурсы

3.5.1 Исторические материалы [Электронный ресурс]. – URL: https://istmat.org/node/60536 (дата обращения: 13.12.2022).

3.5.2 Карташова М.В. К вопросу о термине «кустарная промышленность» в исторической литературе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Kartashova.pdf (дата обращения: 12.04.2023)

3.5.3 Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 13.12.2022)

3.5.4 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик / Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2020)

3.5.5 Конституция СССР. – М., 1977; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик / Верховный Совет СССР 07.10.1977 // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 27.04.2020)

3.5.6 Книга славы [Электронный ресурс]. – URL: http://jubilee.tatneft.ru/upload/files/Jubilee%2Balmet/%D0%A2%D0%BE%D0%BC%203.pdf (дата обращения: 29.12.2013).

3.5.7 Кудров В. М. Советская модель экономики: тяжелое наследство // Общественные науки и современность. 1999 № 3. С. 3 // Образовательный портал. Экономика. Социология. Менеджмент. [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/155/466/1216/009kUDROW.pdf (режим доступа: 11.02.2021)

3.5.8 Местные Советы // Большой юридический словарь: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://jurisprudence.academic.ru/9360/%D0%9C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%8B (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.9 Министерство – это центральный исполнительный орган, руководящий отдельными отраслями государственного управления (Министерство // Большая российская энциклопедия: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2215463 (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.10 Народный комиссариат (наркомат) – в Советском государстве (в РСФСР, в других союзных и автономных республиках, в СССР) в 1917-1946 годах – центральный орган исполнительной власти, ведающий управлением в отдельной сфере деятельности государства или в отдельной отрасли народного хозяйства; аналог министерства (Народный комиссариат // Википедия : официальный сайт – 2021. – 9 сентября. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B0%D1%82 (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.11 Правотека.ру. Портал правовой помощи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravoteka.ru/enc/%D0%A1%D0%B5%D0%BA%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80 (дата обращения: 3.12.2012)

3.5.12 Производственное объединением // Энциклопедия техники [Электронный ресурс]. – URL: https://enciklopediya-tehniki.ru/proizvodstvennye-obedineniya.html (дата обращения: 17.04.2023))

3.5.13 Районные промышленные комбинаты // Путеводители по российским архивам: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://guides.rusarchives.ru/funds/143/rayonnye-promyshlennye-kombinaty (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.14 Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. – URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/04/ma131212.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.15 Совнархозы // Википедия: официальный сайт – 2022. – 31 марта. [Электронный ресурс]. – URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8B (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.16 Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898 – 1991 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.knowbysight.info/KKK/12469.asp (дата обращения: 30.12.2013).

3.5.17Трест // Большая советская энциклопедия: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/bse/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82 (дата обращения: 06.04.2022)

3.5.18 Ульданова А. Р., Гатин А. А. Областной комитет КПСС как высший партийный и административный орган Татарской АССР в 1950-е гг. / А. Р. Ульданова, А. А. Гатин // Казанский вестник молодых учёных. – 2017. – 1(1). – Т.1. / https://cyberleninka.ru/article/n/oblastnoy-komitet-kpss-kak-vysshiy-partiynyy-i-administrativnyy-organ-tatarskoy-assr-v-1950-e-gg/viewer (режим доступа: 24.04.2023)

3.5.19 Mazat N. An analysis of the Soviet economic growth from the 1950’s to the collapse of USSR [Электронный ресурс]. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/An-analysis-of-the-Soviet-economic-growth-from-the-Mazat-Serrano/79fe07fb4e399a1464259f03d4f0bcfb4e85848b#related-papers (дата обращения: 15.12.2022)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВПК – военно-промышленный комплекс

ВТУЗ – высшее техническое учебное заведение

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

Горком – городской комитет

Госплан СССР (РСФСР) – Государственный плановый комитет СССР (РСФСР)

Губпродком – губернский продуктовый комитет

Губснаб – отдел, занимающийся, преимущественно, оптовой торговлей и крупными сырьевыми заготовками в рамках Казанской губернии

Губсовнархоз (ГСНХ) – губернский совет народного хозяйства

Завод Пишмаш – завод пишущих машин

Завод СК – завод синтетического каучука (г.Казань)

Казгорпромкомбинат – Казанский городской промышленный комбинат

Кантисполком (КИК) – кантональный исполнительный комитет

КБ – конструкторское бюро

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

Лесзаг – лесозаготовка

Маслопром – трест маслоделательной промышленности

Маттехснабжение – универсальная контора материально-технического снабжения

Местпромснабсбыт – отдел народного комиссариата местной промышленности Татарской АССР

МЛП ТАССР – Министерство лесной промышленности ТАССР

МММП ТАССР – Министерство мясомолочной промышленности ТАССР

ММП ТАССР – Министерство местной промышленности ТАССР

Моббюро – Мобилизационное бюро

МПП ТАССР – Министерство пищевой промышленности ТАССР

Наркомат – народный комиссариат

Наркомлес (НКЛес) – Наркомат лесной промышленности

НИИ – Научно-исследовательский институт

НКЛП – Народный комиссариат легкой промышленности

НКММП – Народный комиссариат мясной и молочной промышленности

НКМП – Народный комиссариат местной промышленности

НКПСМ – Народный комиссариат промышленности строительных материалов

НКТП – народный комиссариат тяжелой промышленности

НКФин – Народный комиссариат финансов

НПО –научно-производственные объединения

НТП – научно-технический прогресс

НТР – научно-техническая революция

НЭП – новая экономическая политика

Областком – областной комитет

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОРС – Отдел рабочего снабжения

ПО – производственные объединения

Промбюро – Промышленное бюро

Промзаведения – промышленные заведения

Промфинпланы – промышленно-финансовые планы

Промфонды – промышленные фонды

ПУ – промышленный узел

Райлесзаг – районная лесозаготовка

Райпищекомбинат – районный пищевой комбинат

Райпромкомбинаты – районный промышленный комбинат

Райтоп – районный топливный комитет

РИК – Районный исполнительный комитет

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

Рыбтрест (Татгосрыбтрест) – трест по вылову рыбы

СНК – Совет народных комиссаров

Совнархоз (СНХ) – Совет народного хозяйства

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Татарская АССР (ТАССР) – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

Татвесремзавод – весоремонтный завод

Татснабторг – снабженческо-торговое предприятие

Татторг – организация государственного и взаимного кредита, занимающаяся, преимущественно, оптовой торговлей и крупными сырьевыми заготовками

Торфопредприятие – предприятие по добыче торфа

ТПК – территориально-промышленный комплекс

ТСНХ – Татарский совет народного хозяйства

Угпром – Управление государственной промышленностью

Уисполком – уездный исполком

УМТП – Управление местной топливной промышленности при СНК ТАССР

Усовнархоз – уездный совнархоз

УУНКТП – Управление уполномоченного народного комиссариата тяжелой промышленности СССР при СНК ТАССР

Фабзавкомы – фабрично-заводские комитеты

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической Партии большевиков

Школы ФЗУ – школы фабрично-заводского ученичества

Экономотдел – Экономический отдел

Экосо – Экономические совещания

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Фото и биографическая справка. Ф.А. Табеев[1]

Фикрят Ахмеджанович Табеев. Родился 4 марта 1928 года в селе Азеево Ермишинского района Рязанской области. В 1951 году закончил Казанский государственный университет, с 1951 по 1957 годы – на преподавательской работе, с 1957 года – на партийной.

С 1959 года второй, а с 1960 года первый секретарь Татарского обкома КПСС. Был самым молодым первым секретарем обкома партии. Сыграл большую роль в развитии нефтяной и нефтехимической промышленности, машиностроения в республике. Под его руководством разведаны и пущены в эксплуатацию новые месторождения нефти, основан Нижнекамск, где построен ряд крупных химических заводов, построена Камская ГЭС, Заинская ГРЭС. В городе Набережные Челны был построен Камский автомобильный завод (КАМАЗ). В Нижнекамске построен «Нижнекамскнефтехим». В Казани запущен «Казаньоргсинтез», открыт завод по производству силикатного кирпича. С 1979 года по 1986 год – чрезвычайный и полномочный посол СССР в республике Афганистан. С 1986 года – первый заместитель председателя совета министров РСФСР, член президиума Верховного Совета СССР. В 1989 году избран народным депутатом СССР. Был также избран депутатом в Верховный Совет СССР и Верховный Совет Татарской ССР. С 1992 года работал председателем Российского фонда федерального имущества. С 1995 года занимает пост старшего советника холдинговой компании «Нефтек».

[1] Фикрят Табеев – это глыба [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpprt.ru/news/detail.php?ID=7340 (дата обращения 29.12.2013).

Приложение 2

Таблица. Рост численности промышленно-производственного персонала в отраслях промышленности ТАССР за 1959 – 1964 годы (тыс. чел.)[1]

	1958 г.	***1959 г.***	***1964 г.***	***1964 г. в % к 1958 г.***	***Среднегодовые темпы прироста за 6 лет***
Топливная	7344	8225	11083	150,9	7,1
из нее:					
- нефтедобывающая	6788	7515	9644	142,1	6,05
- газовая	323	432	1193	369,3	24,3
Химическая и резиноасбестовая	19519	19841	26861	137,6	5,45
Машиностроение и металлообработка	116803	123489	158020	135,3	5,15
Лесная и деревообрабатывающая	28699	28284	26384	91,9	-
Промышленность строительных материалов	16149	17127	18739	116,0	2,5
Легкая промышленность	48977	50822	58222	118,9	2,9
Пищевая промышленность	22091	22900	27644	125,1	3,8

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 98.

Приложение 3

Таблица. Численность промышленно-производственного персонала по подчиненности предприятий (чел.)[1]

	1958 г.	***1959 г.***	***1960 г.***	***1961 г.***	***1962 г.***	***1963 г.***	***1964 г.***
Вся промышленность из нее:	282447	296829	305903	318899	332245	342456	350171
Государственная промышленность в том числе:	254878	265486	289769	301939	316844	327359	333805
-ТСНХ	193443	207869	219587	228689	240616	239110	246883
-Местных Советов	32077	20396	32915	33548	22392	22410	22236
- Республиканских министерств	24955	32847	32402	34542	44055	53948	46100
-Союзных министерств	4403	4374	4865	5160	9781	11891	18586
Кооперативно-колхозная промышленность	27569	31343	16134	16960	15401	15097	16336

Приложение 4

Фото. Е.М. Забицкий – председатель Татарского совнархоза, член Обкома РКП(б)[2]

Приложение 5

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1723. Л. 76.

[2] ГА РТ. Оп.4. Д.3118.

Таблица. Распределение промышленных заведений по признаку управления (по данным на 1 октября 1922 г.)[1]

Формы управления	***Число промышленных предприятий***	
	число	***%% отношение***
В ведение ВСНХ	2	0,8
В ведение ТСНХ в том числе:		
трестированных	64	24,2
объединенных управлениями мелкой промышленности	33	12,5
комбинированных	3	1,0
самостоятельных – на хозрасчете	3	1,0
сданных в аренду	41	15,5
индивидуальных промзаведений	118	45,0
Всего	***264***	***100***

Приложение 6

Таблица. Промышленные объединения Татарской АССР

на 1 апреля 1924 г. [2]

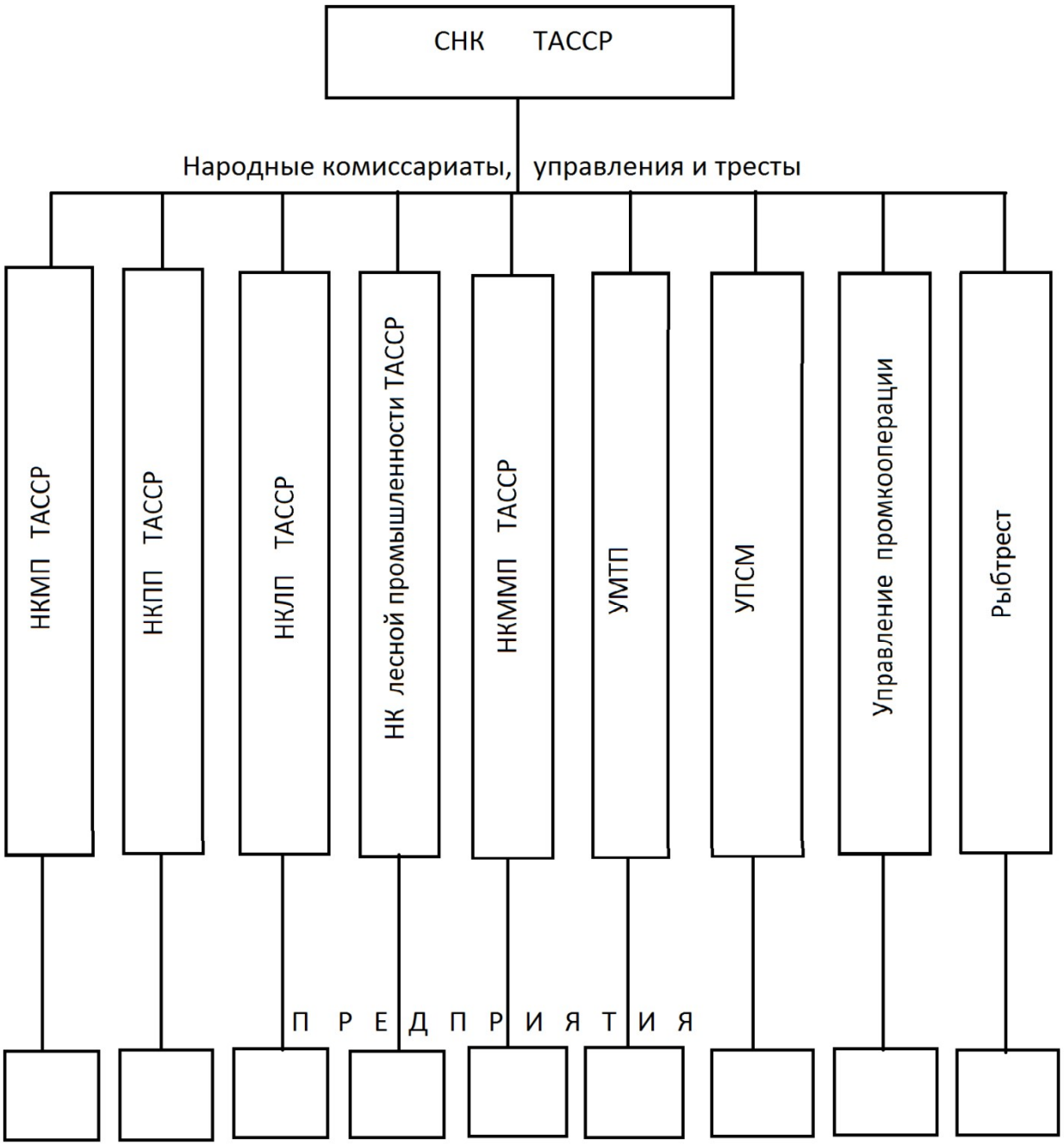
Наименование промышленного объединения	***число заведений к концу II квартала 1924 г.***	***из них действующих***	***из них бездействующих***
Татпищетрест	10	4	6
Татлесотрест	12	10	2
Татсиликаттрест	11	3	8
Татметаллтрест	6	3	3
Таткожтрест	6	4	2
Татодежда	6	6	-
Татваленка	4	2	2
Комбинат издательства и печати	10	8	2
Мыловаренный завод	1	1	-
Итого	***66***	***41***	***25***

[1] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.165. ЛЛ.222, 227.

[2] ГА РТ. Ф.Р-787. Оп.1. Д.403. ЛЛ.7-7об.

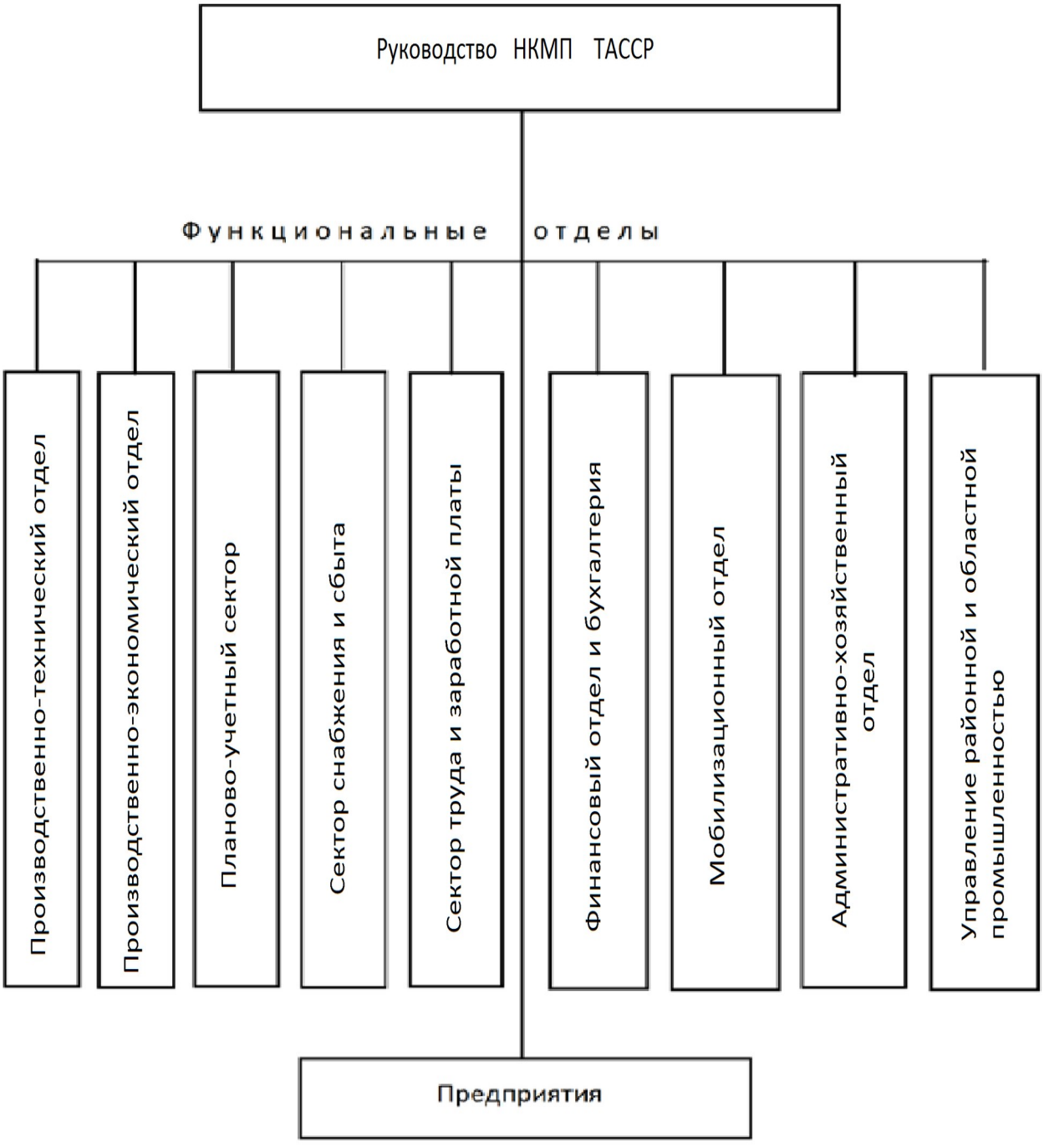
Приложение 7

Схема. Управление промышленностью, подчиненной Совету народных комиссаров ТАССР. 1941 г.



Приложение 8

Схема. Аппарат управления Народного комиссариата местной промышленности ТАССР. 1944 г.



Приложение 9

Таблица. Список предприятий, эвакуированных в ТАССР в 1941 г.[1]

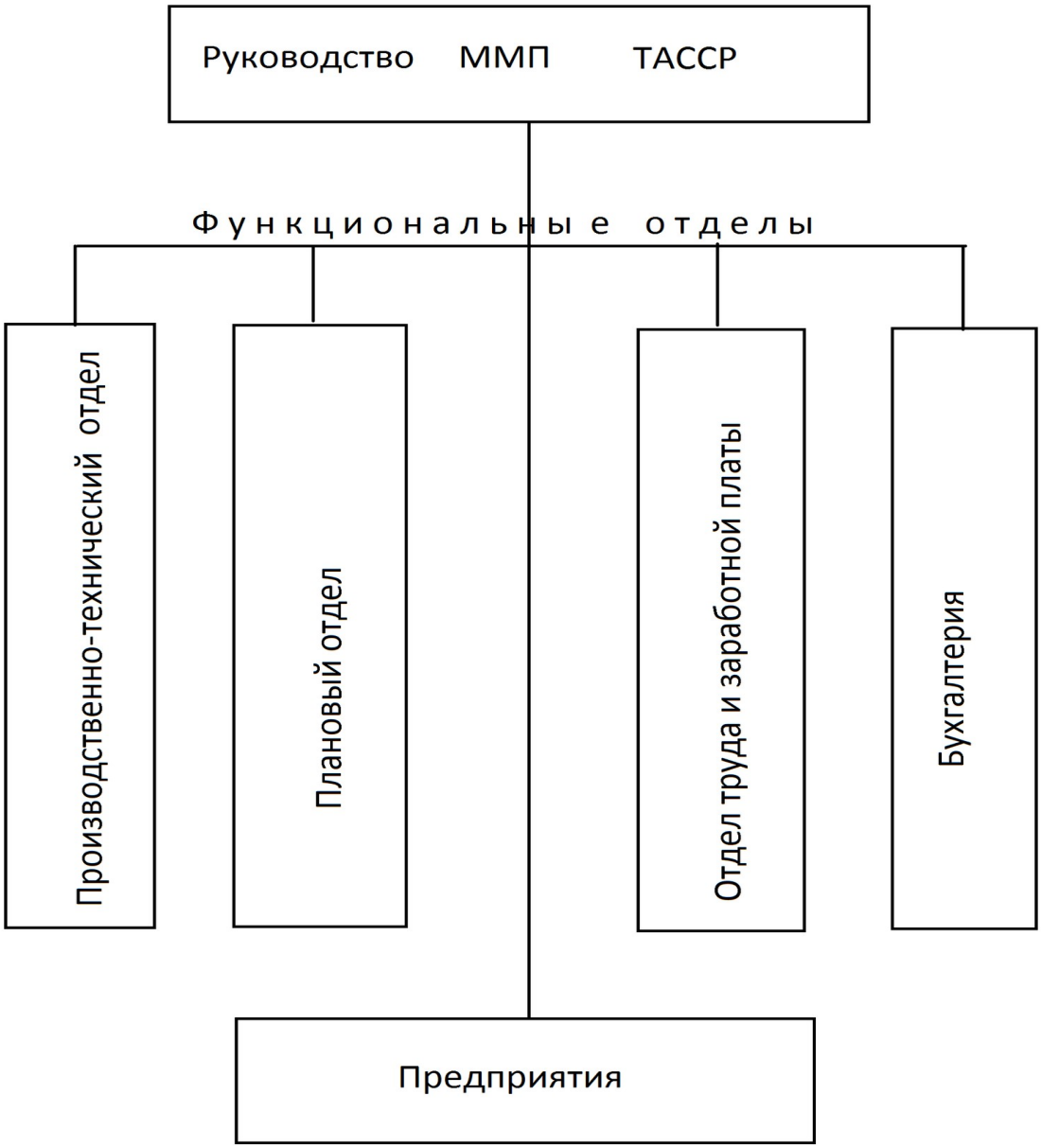
№	*Наркоматы*	*Предприятия*
	Предприятия союзного подчинения	
1.	Наркомпищепром СССР	- кондитерская фабрика «Большевик» - табачная фабрика «Дукат» - Выборгская табачная фабрика
2.	Наркомздрав СССР	- завод зубоврачебных боров
3.	Наркомзем СССР	- биофабрика № 2 - моторемонтный завод
4.	Наркомат промышленных стройматериалов СССР	- шпалопропиточный завод
5.	Наркомат общего машиностроения СССР	- 2-й часовой завод
6.	Наркомат текстильной промышленности СССР	- Кренгельская мануфактура - завод «Пролетарский авангард»
7.	Иноведомственные	- фабрика механизированного учета - фабрика фотобумаги № 7 - копировальная фабрика
8.	Наркомречфлот СССР	- Вознесенский судоремонтный завод - судоремонтный завод «им. Коминтерна»
9.	Наркомрезинпром СССР	- опытный завод Лит. «Б» - завод «Красный резинщик»
10.	Наркомлес СССР	- Парфинский фанерозавод
	Предприятия федеративного подчинения	
1.	Наркомат автотранспорта РСФСР	- Бемецкий завод автогаражного оборудования
2.	Наркомлегпром РСФСР	- лентоткацкая и платильная фабрика № 3
3.	Наркомат местной промышленности РСФСР	- Баковский резиновый завод
4.	Наркомзем РСФСР	- Гомельский воско-вощинный завод
5.	Наркомат промышленных стройматериалов РСФСР	- стеклозавод «Дружная горка» - Ивотский стеклозавод
	Предприятия местного подчинения	
1.	Наркомат легкой промышленности ТАССР	- обувная фабрика «Труд» - прядильно-трикотажная фабрика - фабрика технического войлока - кожзавод «Красный гигант» - Бицевская фабрика валяльно-фетровой обуви

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 4966. Л. 1, 2, 4.

		- Клинцовская обувная фабрика
2.	Наркомат пищевой промышленности ТАССР	- шоколадный цех фабрики «Красный Октябрь» - кондитерский комбинат «Спартак» - плодовинзавод - Выборгский кондитерский комбинат
3.	Наркомлес ТАССР	- Витебская инструментально-мебельная фабрика
4.	Наркомат местной промышленности ТАССР	- Шрифтолитейный завод - Витебский кирпичный завод
5.	Наркомат мясомолочной промышленности ТАССР	- Брянский гормолзавод

Приложение 10

Схема. Аппарат управления Министерства местной промышленности ТАССР. 1954 г.


Руководство ММП ТАССР
Функциональные отделы
Производственно-технический отдел
Плановый отдел
Отдел труда и заработной платы
Бухгалтерия
Предприятия

Приложение 11

Таблица. Список разукрупненных предприятий по подчиненности Министерству местной промышленности ТАССР и Управлению топливной промышленности при Совете Министров ТАССР[1]

Наименование предприятий, делящихся по подчиненности местной и топливной промышленности	**Наименование предприятий, передаваемых Министерству местной промышленности ТАССР**	**Наименование предприятий, передаваемых Управлению топливной промышленности при Совете Министров ТАССР**
Балтасинский райпромкомбинат	Балтасинский райпромкомбинат	Балтасинское торфопредприятие
Билярский райпромкомбинат	Билярский райпромкомбинат	Билярский райтоп
Елабужский райпромкомбинат	Елабужский райпромкомбинат	Елабужский гортоп
Мамадышский райпромкомбинат	Мамадышский райпромкомбинат	Мамадышский гортоп
Нурлатский райпромкомбинат	Нурлатский райпромкомбинат	Нурлатский райтоп
Пестречинский райпромкомбинат	Пестречинский райпромкомбинат	Пестречинский райтоп
Ютазинский райпромкомбинат	Ютазинский райпромкомбинат	Ютазинское торфопредприятие

Приложение 12

Таблица. Потери валовой продукции из-за неполного использования рабочего времени (в тыс. руб.)[2]

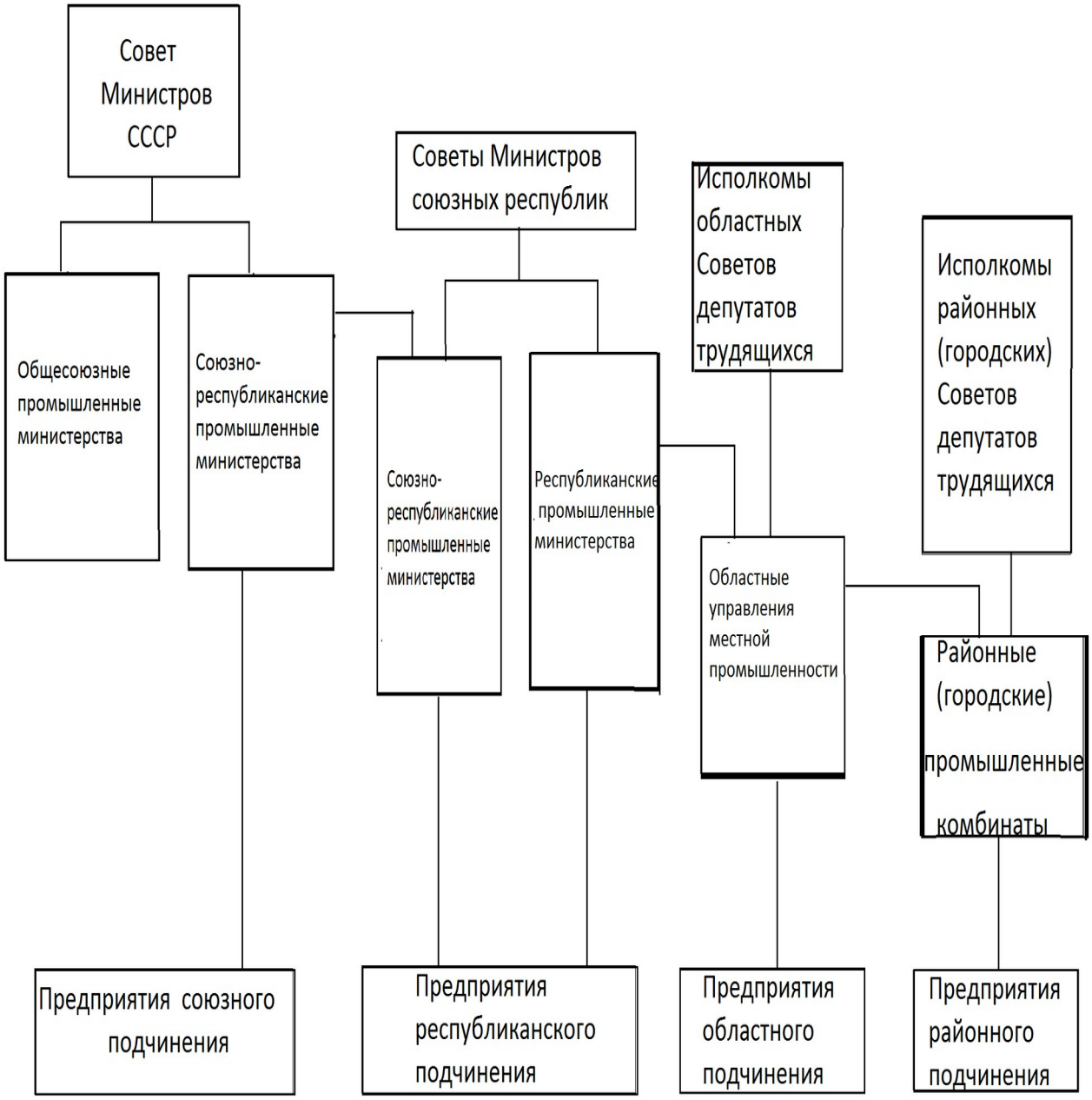
годы	***Всего в % к валовой продукции***	***Потеряно валовой продукции, в тыс. руб.***	***В том числе из-за:***			
			целодневных простоев	***с разрешения администрации***	***прогулов***	***внутрисменных простоев***
1959 г.	1,6	24303	2180	17784	796	4048
1960 г.	1,49	26182	2030	19040	775	4317
1961 г.	1,53	29289	1755	20904	1287	5343
1962 г.	1,48	30701	1427	22550	1476	5248
1963 г.	1,48	31079	1797	23517	1745	4020
1964 г.	1,33	29326	2205	21293	2066	3762
1965 г.	1,28	33844	2462	25177	2857	3348
1966 г.	1,33	39375	2225	29038	3910	4202

[1] ГА РТ. Ф. Р-3049. Оп. 5. Д. 1770. Л. 64.

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1734. Л. 23.

Приложение 13

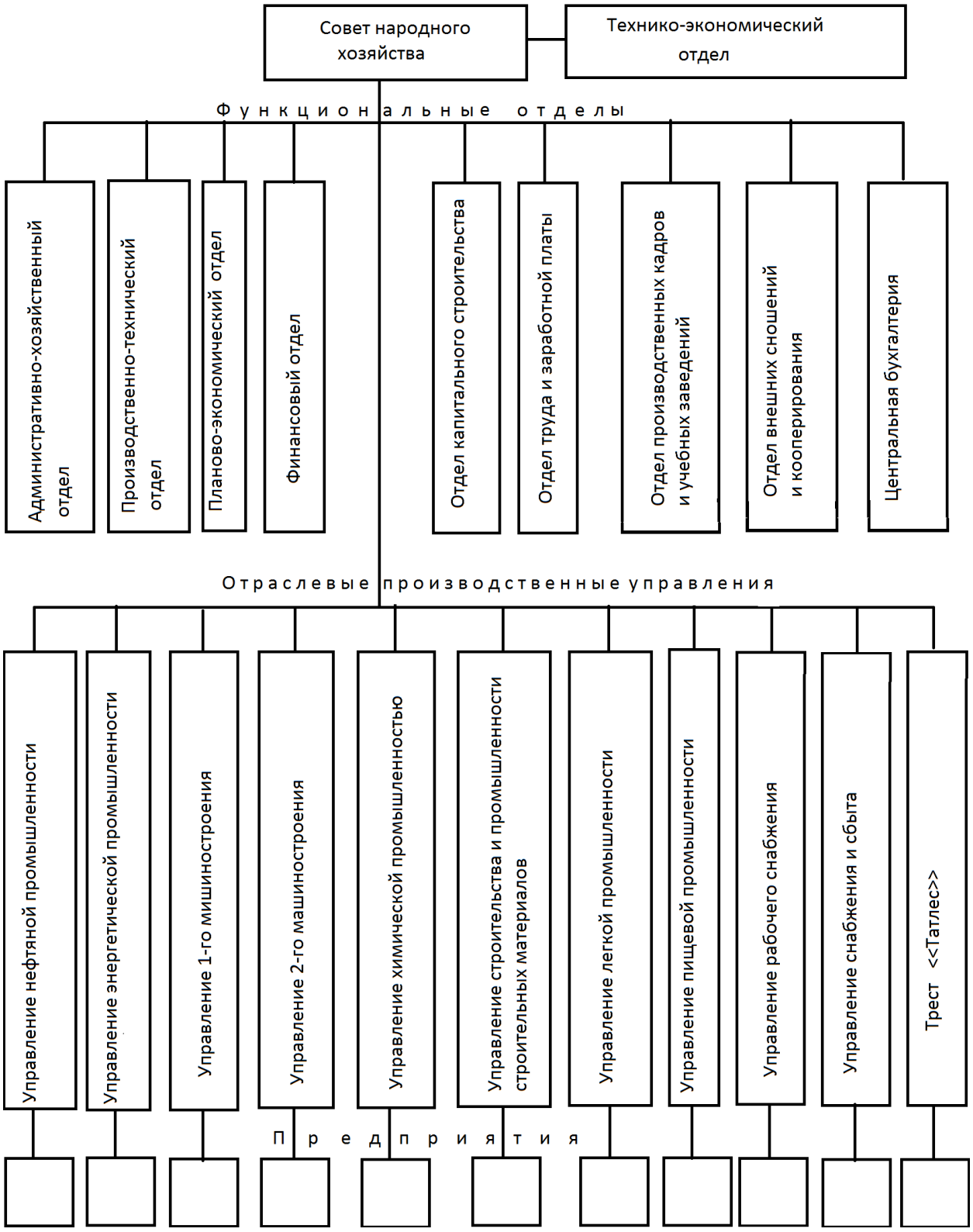
Схема. Управление промышленностью СССР до 1957 г.[1]



[1] Понизов Т.И. Управление промышленным производством в СССР. С. 94.

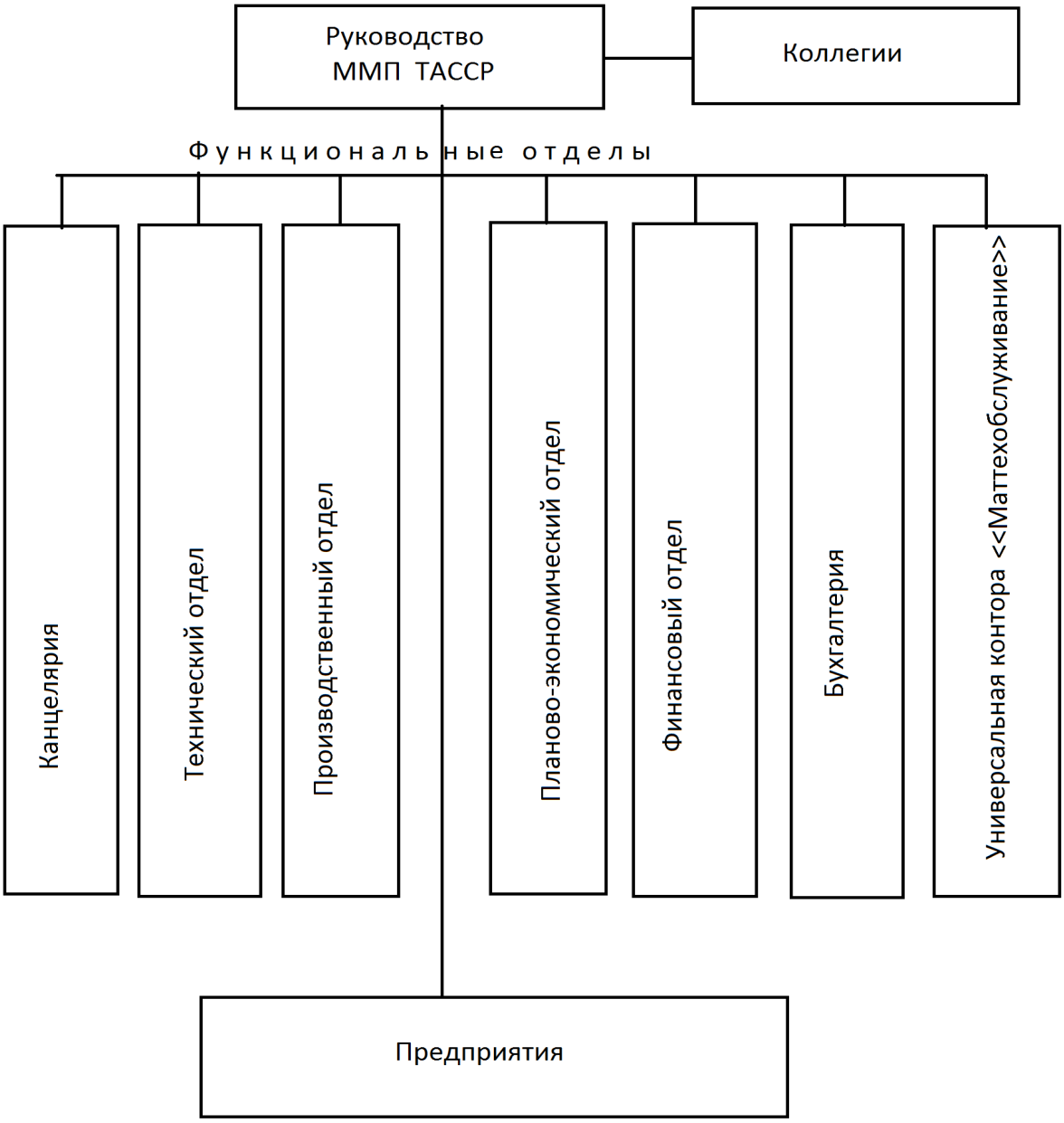
Приложение 14

Схема. Аппарат управления Татарским советом народного хозяйства. 1957–1959 гг.



Приложение 15

Схема. Аппарат управления Министерства местной промышленности. 1966 г.



Приложение 16

Таблица. Доля отраслей в общем объеме производства за 1965, 1967, 1969 и 1970 гг. по данным годовых разработок[1]

Отрасли промышленности	***1965 г.***	***1967 г.***	***1969 г.***	***1970 г.***
Вся промышленность в том числе:	100	100	100	100
электроэнергетика	4,3	4,6	4,2	4,6
топливная из них:	15,6	14,8	14,1	13,4
- нефтедобывающая	14,5	13,6	12,7	12,1
- газовая	0,9	1,0	1,1	1,1
химическая и нефтехимическая	9,3	10,8	12,1	12,5
машиностроение и металлообработка	26,9	28,9	31,0	32,6
лесная и деревообрабатывающая	2,7	2,3	2,0	1,9
промышленность строительных материалов	3,0	3,0	2,9	2,8
легкая промышленность	19,9	18,4	17,1	17,0
пищевая промышленность	17,5	16,0	15,7	14,0
прочие	0,8	1,2	0,9	1,2

Приложение 17

Таблица. Темпы роста промышленно-производственных основных фондов по отраслям промышленности за 1940 – 1978 годы

(на конец года; 1941=1)[2]

	1950 г.	***1965 г.***	***1970 г.***	***1975 г.***	***1978 г.***
Вся промышленность	2,7	20,7	34,4	60,3	96,8
Электроэнергетика	5,2	59,1	104,0	178,0	217,3
Топливная из нее:	-	41,1	64,7	96,0	114,0
- нефтедобывающая	-	40,6	62,9	93,8	111,7
Химическая и резиноасбестовая	1,5	7,9	17,8	36,7	60,2
Машиностроение и металлообработка	3,3	9,2	14,1	34,0	97,1
Лесная и деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	2,0	7,9	10,1	14,0	17,9
Промышленность строительных материалов	2,5	39,7	66,0	130,0	164,3
Легкая промышленность	1,7	5,6	8,2	11,1	12,6
Пищевая промышленность	1,6	9,4	14,2	19,3	21,8

Приложение 18

[1] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1762. Л. 339, 347.

[2] Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет… С.28.

Таблица. Список министерств с находящимся на их предприятиях смонтированным, но не используемым оборудованием (в млн. руб.)[1]

Министерства	***1976 г.***		***1977 г.***	
	Всего	***В том числе импортное***	***Всего***	***В том числе импортное***
Всего по республике из них по министерствам:	776,3	593,9	266,8	166,4
Автомобильной промышленности СССР	611,6	495,0	185,8	141,8
Химической промышленности СССР	47,3	40,7	11,6	4,7
Нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности СССР	86,1	53,7	30,0	12,2
Энергетики и электрификации СССР	13,2	-	14,4	-
Нефтяной промышленности СССР	6,5	0,1	5,5	0,4
Нефтяного и химического машиностроения СССР	1,6	-	3,7	1,6
Медицинской промышленности СССР	0,1	0,1	5,6	4,8
Строительство нефтяной и газовой промышленности СССР	0,9	-	1,1	-
Промышленного строительства СССР	2,3	-	2,8	-
Легкой промышленности СССР	1,8	1,6	0.7	0,2
Пищевой промышленности РСФСР	0,5	-	0,8	0,1

Приложение 19

[1] ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 4. Д. 265. Л. 10-12.

Таблица. Число рабочих, совершивших прогулы по отраслям промышленности за 1965 – 1966 годы (тыс. чел.)[2]

	1965 г.	***1966 г.***
В целом по республике в том числе по отраслям:	17308	19993
Топливная из нее:	496	744
- нефтедобывающая	358	566
- нефтеперерабатывающая	70	91
Химическая и резиноасбестовая	929	1621
Производство теплоэнергии и электроэнергии	910	753
Машиностроение и металлообработка	7211	7176
Лесная и деревообрабатывающая	1305	2398
Промышленность строительных материалов	2221	2529
Легкая промышленность	2128	2193
Пищевая промышленность	1337	2002

[2] ГА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 25. Д. 1734. Л. 24.